ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Томъ 12 и 13.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И К°.

Большая Подъяческая, № 39.

1899.

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XII.

Западная Африка: Атлантическіе Архипелаги. — Сенегамбія и Западный Суданъ.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.

Элизе Реклю
Земля и люди. Всеобщая География

Том XII

Западная Африка

Атлантические архипелаги—Сенегамбия—Западный Судан

Перевод под редакцией С. П. Зыкова,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГ

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.
Дозв. Ценз. Спб. 30 января 1898 г.

Глава I Атлантические архипелаги, Сенегамбия и Западный Судан

I. Атлантида

Название Атлантида должно бы принадлежать области Атласа, то-есть Берберии и особенно Марокко, где господствует собственно Атлас Идрарен-Дерен, «Гора из гор», но обычай присвоил это имя землям, ныне несуществующим и, вероятно, погрузившимся на дно океана уже в отдаленную геологическую эпоху. Мифическое предание, сообщаемое Платоном и приписываемое им Солону, который слышал его от жрецов Санса,—таков был, вместе с некоторыми другими, менее важными, текстами древних писателей, первоначальный источник бесчисленных гипотез, высказанных учеными о местоположении больших островов и материка, находившихся будто бы за Геркулесовыми Столпами. А между тем, рассказ греческого философа не содержит ни одной подробности, которая согласовалась бы с известной историей, или хотя бы даже с смутными воспоминаниями древнейших народов. Говоря об афинянах, как о цивилизованной нации, оспаривавшей владычество над Средиземным миром у потомков Атласа, сына Посейдона, уже за «девять тысяч лет» до беседы Платона с его учениками, философ, очевидно, витает в области фантазии; эта Атлантида, по его словам, превосходившая пространством Ливию и Азию, была для него, без сомнения, не что иное, как идеальный край, земля золотого века. Долгое время население этой страны жило, будто бы, сообразно его политическим идеям, под властью десяти царей, правивших самодержавно каждый в своем уделе, но решавших с общего совета дела, касающиеся интересов всей страны: упразднение этого образцового государственного строя и вызвало будто-бы вмешательство разгневанных богов, то-есть потопление Атлантиды.

Возможно, однако, что Платон собрал какие-нибудь предания о существовании земли к западу от Средиземного моря, и если так, то где искать эту землю? Допуская, что Атлантида существует еще, прежде всего является вопрос: не есть ли эта земля наш Новый Свет, который будто-бы первоначально был открыт финикийскими мореплавателями, но потом потерян ими, и наконец, две тысячи лет спустя вновь найден норманскими и генуэзскими мореходами? Или не означает ли Атлантида побережья тропической Африки, вдоль которого отважные моряки пробирались далеко в неведомые моря и страны? или, наконец, не был ли этот атлантический континент, сильно преувеличенный воображением людей, просто архипелаг, может-быть, даже одинокий остров? Находились авторы,—как например, швед Рудбек,—которые представляли себе Атлантиду полярной землей или отождествляли ее с Скандинавией. По наиболее распространенной гипотезе, «острова Блаженных», «Счастливые», «Гесперид» или «Вечные» составляют с Атлантидой одну и ту же землю, называемую разными именами в мифах и преданиях[1]. Но есть также писатели, которые принимают рассказ Платона в главных его чертах и склоняются в пользу того мнения, что действительно некогда существовала отдельная континентальная масса, занимавшая большую часть океанического бассейна к западу от Атласа, и что этот материк скрылся под водой в современном геологическом периоде, в эпоху, когда цивилизованные нации оспаривали друг у друга господство в бассейне Средиземного моря[2]. Однако, эта гипотеза, из которой поэты сделали род литературного общего места, не оправдывается никакими фактическими указа-

1 Bory de Saint-Vincent, „Essais sur les Isles Fortunees“;—d'Avezac, „Iles de l'Afrique“.

2 Paul Gaffarel, „L'Atlantide“ Revue de Geographie, 1880.

ниями. Переворот, изменяющий «в одну ночь» равновесие суши и моря, внезапное превращение целого континента в «огромную площадь морского дна» не могли бы, конечно, совершиться без того, чтобы от этого не произошло страшных потрясений, особенно, если верно, как позволяют думать исследования Крюммеля, что вес материков, от их подводного основания до вершины, в точности равен весу океанов и морей. Самые значительные перемены, о которых рассказывают летописи относительно этих океанических пространств, представляются ничтожными в сравнении с таким переворотом, как провал обширного континента. Простые колебания почвы, местные излияния лавы, извержения пепла, появление на поверхности моря вулканических шлаков, возвышающихся в виде островных горок,—все это явления маловажные в жизни планеты.

Но если Атлантида не существовала, как отдельная земля, в текущем геологическом периоде, то едва-ли можно сомневаться в том, что предшествующие века, слишком за «девять тысяч лет» до Платона, действительно видели особый континент в этой части земной поверхности. Правда, механика еще не указала способа изучать непосредственно горные породы океанического дна, и приборы, употребляемые для измерения глубины моря, приносят лишь кое-какие образчики этих пород, заключенные в отложениях меловатого ила; но противоположные берега Атлантики и выступающие из неё земли своим расположением и ископаемыми органическими остатками своих пластов дают прямой ответ на многие вопросы, с которыми обращаются к ним геологи. Так, если между двумя противолежащими материками в каком-либо месте соответствующие слои, принадлежащие по совокупности своих формаций к одному и тому же периоду в истории земли, представляют, однако, значительные различия в отношении животного царства, то отсюда заключают, что лаборатории морского дна, где отлагались эти слои, были разделены выступавшими из-под воды землями; с другой стороны, большое сходство или даже тождество между ископаемыми организмами двух удаленных одна от другой земель доказывает, что соответствующие пласты соединялись перешейками или материками. Благодаря этим сравнительным исследованиям, можно утверждать, что в те времена, когда совершалось наслоение обломков и остатков всякого рода, составляющих различные ярусы юрской формации, моря Америки и Старого Света не были, как ныне, соединены между собою глубокой впадиной Атлантического океана[1]. Их разделял в ту эпоху целый континент, занимавший пространство, где теперь находятся морские пучины, измеряемые лотом кораблей, которые укладывают телеграфные кабели на дне океана. Точно также существование одинаковой органической жизни в миоценовых слоях Небраски и в пластах тех же веков в Европе доказывает, что эти страны, флора и фауна которых ныне так много разнится, были некогда соединены между собой непрерывным пространством суши[2]. Сколько раз, в истории Земли, изменялся подобным образом рельеф материков, представляющих временные, переходные формы, которые появляются и исчезают, как облака на небе!

Какие колебания уровня испытывали, со времен юрского периода, земли, попеременно то выступавшие из моря, то снова погружавшиеся в его недра,—мы не знаем. Может-быть, Азорские и Канарские острова, Мадера, архипелаг Зеленого Мыса составляют лишь остатки материковой массы, некогда господствовавшей над этими областями океана. По крайней мере расположение их такое, какое имели бы горы, расставленные в виде бордюра, вдоль полукругового морского берега; они расположены по правильной дуге, в том же направлении, как гряды Центральных Андов Перу и Боливии и как вулканические горы Северной Америки, от горы св. Илии до горы Шаста, в Калифорнии. Архипелаги Атлантики почти сплошь состоят из огненных пород и из гор с кратерами, подобно краевым цепям американского континента: если справедлива гипотеза, по которой жерла вулканов открываются на линиях излома, образуемых морскими берегами, то Азорские и Канарские острова, Мадера и архипелаг Зеленого Мыса расположены, вероятно, по окраине древнего берега—берега геологи-

1 Marcou, „Roches du Jura“;—Neumayr, „Geographische Verbreitung der Jura-Formation“.

2 Uuger, „Die versunkene Insel Atlantis“.

ческой Атлантиды. К тому же эти земли очень сходны между собой по образованию и составляют как-бы особую семью между различными областями земного шара.

Эти атлантические архипелаги географически не принадлежат к африканскому материку, как это можно подумать при взгляде на карту. Хотя Мадера, Канарские острова, архипелаг Зеленого Мыса находятся в очень близком расстоянии от континентального берега Африки, но между этими соседними землями глубины моря, которые до недавнего времени предполагали незначительными, оказываются, напротив, много превышающими 1.000 метров, и контрасты флоры и фауны доказывают совершенное различие между названными островами и африканским материком. Во многих отношениях эти архипелаги составляют посредствующую область между тремя частями света. По климату и естественным произведениям Азорские острова, Мадера, даже Канарские острова имеют более близкую связь с Европой, чем с массивным африканским материком; по своим первым известным обитателям Канарские острова оставляли часть берберского мира, т.е. северной Африки; наконец, многие растительные виды, принесенные гольфстремом, происходят с американского континента. С исторической точки зрения, названные архипелаги тоже были естественными посредниками и служили пристанями для открытия Нового Света. В настоящее время остров Сан-Винцент, в архипелаге Зеленого Мыса, является главным местом остановки между западной Европой и Бразилией, а наиболее населенные земли Азорских и Канарских островов составляют своего рода сады акклиматизации для растений, ввозимых через Атлантический океан с одного континента на другой.

II. Азорская Атлантика

Океаническое пространство, посреди которого возвышаются Азорские острова, должно бы быть специально называемо Атлантикой, так как оно лежит к западу от Атласа и Геркулесовых Ворот, посещенных древними мореплавателями; но этому имени «Атлантика», или «море Атласа», постепенно придавали более широкое значение и наконец стали применять его ко всей впадине, разделяющей Старый и Новый Свет, от северного Ледовитого океана до антарктических земель и льдов. Если не существует точных естественных делений в континентальных массах, по причине постепенных переходов рельефа почвы, геологического строения, климата, то тем более трудно провести демаркационные линии через океан: соответственно движению солнца по эклиптике, порядок ветров и течений беспрестанно изменяется; времена года перемещаются поочередно с севера на юг и с юга на север; вечно подвижные воды моря, направляющиеся попеременно то в ту, то в другую сторону, перемешивают географические поясы в своих бесконечных странствованиях. Поэтому нет возможности определить, где кончаются северные области океана и начинаются моря умеренной зоны. Приходится ограничиться указанием в общих чертах, как на раздельный пояс, на относительно узкую часть Атлантики, заключающуюся между подводным пьедесталом западной Европы и Ньюфаундлендской мелью: это так называемое «Телеграфное» плоскогорье, первая часть океана, где глубины были методически измеряемы, в виду укладки кабелей, передающих новости из одного мира в другой. Эта область океана, средняя глубина которой около 4.000 метров, представляет замечательную правильность в рельефе своего ложа, имеющего очень пологие скаты и ровное дно на обширных пространствах.

Морской бассейн, находящийся на юге от Телеграфного плато, и который можно назвать Азорской Атлантикой, по имени ближайшего к его центральной части архипелага, довольно точно ограничен с южной стороны поясом меньшей ширины, заключающимся между Африкой и Южной Америкой: линия, проведенная от архипелага Биссагос до мыса Сан-Рок, через два островка св. Павла и Фернандо-де-Норонья, имеет менее 2.900 километр. длины, и в этом раздельном поясе воды менее глубоки, чем в соседних частях океана, лежащих южнее и севернее. В целом Азорская Атлантика имеет форму сплюснутого полумесяца, выпуклая сторона которого, обращенная на запад, окаймлена Соединенными Штатами С. Америки,

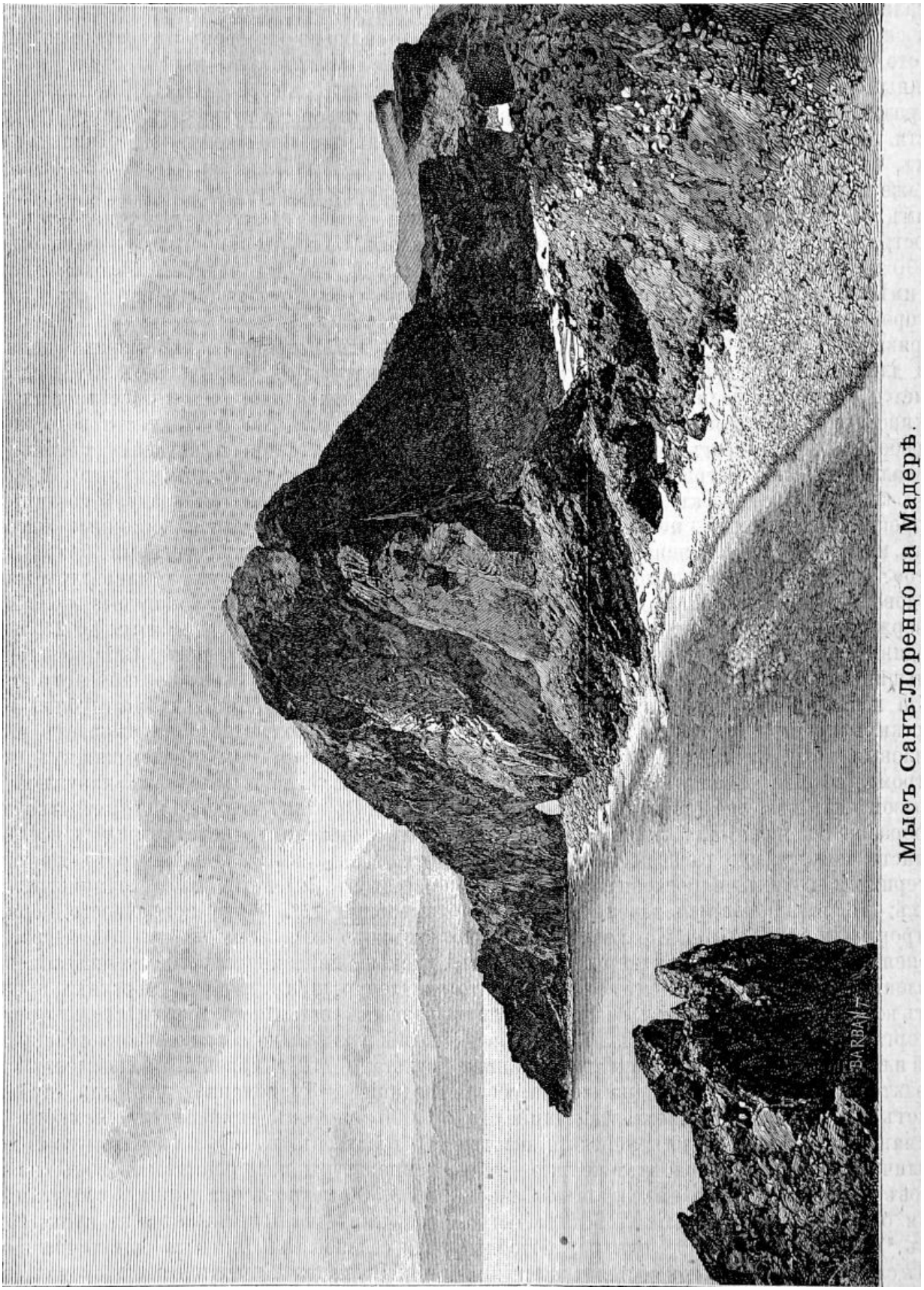
Антильскими островами, берегами Гвиан и Бразилии, а внутренняя вогнутая дуга очерчена побережьем Африки, от Гибралтарского пролива до мыса Пальма. В этой части океана дно представляет гораздо более неровностей, чем в северной Атлантике, к югу от Гренландии и Исландии. Не только острова и островки, их пьедесталы и окружающие мели прерывают океанические пропасти между Африкой и Антильскими островами, но в этой области существуют, кроме того, многочисленные подводные горы, вероятно, вулканического происхождения, как и выступающие из-под воды архипелаги. Особенно часто встречались эти подводные архипелаги, при измерении глубины моря, на севере и на западе от Азорских островов: внезапное понижение уровня океана на 1.000 метров обнаружило бы существование многочисленных островов, из которых одни рассеяны спорадическими группами между Телеграфным нагорьем и Азорскими островами, другие тянутся непрерывной цепью к западу от этого архипелага на пространстве 15 градусов долготы, по направлению к Ньюфаундлендской мели. Однако, большинство мелей и банок, показанных на старых картах—наприм. банки св. Марии и Кутузова, к югу от Азорских островов,—не найдены новейшими измерителями глубины: сотрясения моря, смерчи, стаи китообразных, плавающие груды пемзы часто вводили в заблуждение моряков, предполагавших существование рифов в таких местах, где лот опускается на 4.000 или 5.000 метров, не доставая дна. Резкия перемены цвета морской воды, из зеленого в синий, из синего в черный, наблюдаемые в Азорской Атлантике, обыкновенно соответствуют разницам в глубине: таково, по крайней мере, совпадение, поразившее членов экспедиции корабля «Talisman» в одной части Азорской Атлантики, где дно очень неровное; там четыре промера дали последовательно: 888, 175, 240 и 1.495 метров[1]. Впрочем, те же самые ученые, заметив во время плавания между Канарскими островами и архипелагом Зеленого Мыса, что вода имеет грязно-зеленый цвет, заключили, что тут должно быть «мелко»; произведенные ими измерения показали, что средняя глубина моря в этом месте достигает 2.000 метров[2]. Это явление изменений цвета в морской воде физики объясняют различно. По Тойнби, море имеет вообще зеленый цвет, когда поверхность его холодная и когда атмосферный воздух влажен. С другой стороны, наблюдения экспедиции корабля «Gazelle» привели к выводу, что контраст лазурной воды с зеленоватой происходит от различной степени солености: синяя вода отличается наибольшей плотностью.

Методического исследования Азорской Атлантики пока еще не имеется, и немногие места, где произведено измерение глубины, разделены огромными пробелами в тысячу и более километров. Единственная часть океана, где рельеф морского дна вполне известен,—это плоскогорье, на котором уложены телеграфные кабели из западной Европы в Соединенные Штаты; к югу от этого плато, пройденные пути кораблей, посылавшихся специально для научных исследований, разделены большими промежутками. Корабли «Shallenger», «Magenta» и гораздо ранее их «Venus» прошли море наискось между Азорскими островами и берегами Бразилии; «Gazelle», «Saratoga», «Dolphin» пересекли восточную часть этого океана, от Мадеры до островов Зеленаго Мыса; «Talisman», «Gettysburg» исследовали преимущественно морские пространства в соседстве островов, тогда как промеры с корабля «Silvertown» производились единственно для укладки кабеля между архипелагом Зеленого Мыса и португальскими владениями соседнего прибрежья. Против американских берегов, между Ньюфаундлендом и Бермудскими островами, между этой группой, Флоридой и Багамским архипелагом, «Blake» и многие другие корабли отметили свой путь сделанными там определениями глубины. Совокупность этих измерений не дает еще достаточного материала для составления подробной карты морского дна: наибольшая часть оптометрических кривых может быть начерчена лишь с помощью догадок, более иди менее правдоподобных: этим и объясняется большое разногласие между различными картами, хотя составители их располагали элементами, доставленными одними и теми же промерами. Дальнейшие изыскания позволят постепенно уменьшать долю неизвестного: укладка подводного телеграфа между Пор-

1 Perrier, „Explorations sons-marines“.

2 Parfait et Vincent, „Bulletin de la Societe de Geographie de Rochefort“, 1883-1884, № 2.

тугалией и Азорскими островами, затем другие исследования, промышленные и научные, будут сближать цифры, данные батометром, и таким образом, мало-по-малу, рельеф ложа Атлантики обрисуется пред нами в своей истинной форме. Уже на некоторых пунктах были

Мысъ Санъ-Лоренцо на Мадерѣ.

предприняты новые измерения с целью проверки прежних наблюдений. Так, пространство между архипелагом Зеленого Мыса и островами Биссагос было промерено два раза, и вторая операция, выполненная более тщательно и с лучшими измерительными приборами, чем

первая, дала для этих вод более значительные глубины, в сравнении с показанными на прежних картах[1]; точно также «Talisman» исправил многие из цифр, полученных ранее «Challenger»'ом. Прежде, когда для измерения глубины употребляли простой лот, без просверленного ядра, отпадающего при ударе конца о дно, случалось, что опускаемая в море веревка сматывалась неопределенно долго, а между тем наблюдатель не ощущал, через сотрясение руки, прикосновения прибора к дну, и тогда исчисленная глубина выходила гораздо больше настоящей, примером чего могут служить глубины, найденные Денгамом и Паркером в бразильской Атлантике. Теперь наблюдатель подвергается другому риску: при употреблении нынешнего усовершенствованного аппарата, случайные толчки, произведенные каким-нибудь трением, движением корабля, проходом большого животного, способны ввести в заблуждение измерителя, который легко может принять такой толчок за удар о поверхность дна, вследствие чего определенные им глубины будут ниже действительных.

Средняя толщина жидкой массы, вычисленная Крюммелем для всей долины Атлантического океана, равняется 3.681 метру. Для бассейна Азорских вод она, вероятно, несколько значительнее. Если Азорский архипелаг, продолжающийся в западном направлении высокими (т.е. лежащими близко от поверхности) мелями, составляет, в центре Атлантики, поперечный порог в громадной долине океана, то на продолжении этой оси выступающих из моря и подводных гор находится одна из самых глубоких известных нам пропастей Атлантики: обширная океаническая котловина, к югу от Ньюфаундлендской мели, осталась бы еще под водой, если бы уровень моря вдруг понизился на 6.000 метров. Другая пропасть лежит почти в непосредственном соседстве Антильских островов: в этих водах, в 157 километрах к северу от острова св. Фомы, лот «Challenger'а» открыл впадину глубиной в 7.091 метр, так что думали, что это самое глубокое место в Атлантическом океане; но после того километров на сто западнее измерительный прибор, спущенный с корабля «Blake», достал дно лишь на расстоянии 7.887 метр. от морской поверхности. Около восточной части бассейна, в морях, окружающих острова Зеленого Мыса, и даже между этим архипелагом и африканским континентом, встречаются обширные пространства дна, где глубина превышает 5.000 метров. В целом, Азорская Атлантика имеет форму двойной долины, одна ветвь которой огибает Африку, а другая омывает африканские земли, будучи отделена от первой длинным подводным хребтом, который тянется от юго-западной стороны Азорского архипелага по направлению к Гвиане. Этот «хребет», или «порог Дельфина», как его назвали английские географы, продолжается ли, в южной Атлантике, к другому порогу, к «порогу Челленджера», непрерывным хребтом, известным под именем «Соединительнаго»? Сделанные до сих пор промеры еще не довольно многочисленны, чтобы можно было утверждать это с уверенностью, хотя такой соединительный хребет уже начерчен на большинстве батометрических карт океана.

За исключением соседних с островами морских пространств, где встречаются коралловые мели, вещества, выносимые батометром со дна океана, состоят главным образом из ила, представляющего мало разнообразия. В менее глубоких водах, натуралист может еще распознать остатки глобигерин и других микроскопических животных; но в пропастях глубиною в 3.000 метров или более обломки раковин до такой степени измельчены и изменены огромным давлением, под которым они находились, что нет возможности различить смешанные остатки организмов: все слепилось в однообразный ил, по составу похожий на мел; еще ниже характеристический осадок дна океана составляет красная глина[2]. Члены экспедиции «Талисмана» наблюдали в иле морского дна три различные окраски: красновато-желтую—у берегов Марокко, зеленую—в соседстве Сенегала и белую—на окружности Азорских островов[3]. Так образуются пласты, подобные тем слоям, из которых состоят выступившие из-под воды горные породы, принадлежащие к последовательным периодам планетной истории

1 Ernesto de Vasconcelhos, рукописные заметки

2 Parfait et Vincent, цитированный мемуар.

3 Vonque, „Academie des Sciences de Paris“, 5 avr 1886.

Земли. В большей части этих отложений ила, добытых лотом со дна Азорской Атлантики, находятся обломки вулканического происхождения, особенно пемза (вулканическая пена). Эти обломки происходят, вероятно, из центров извержения, образуемых архипелагами, так как всего чаще они встречаются около островов с кратерами. Методическое исследование морского дна позволит определить с точностью те области, где открывались отверстия вулканов. Кроме продуктов эруптивного происхождения, «Талисман» извлек из глубины от 4.000 до 5.000 метров образчики различных горных пород, гранита, гнейса, сланцев, известняков и песчаников. Углубления этих пород были по большей части заполнены беловатой грязью, состоящей преимущественно из глобигерин[1].

В этих тропических морях понижение температуры с увеличением глубины совершается правильно, как и в северных областях океана. На поверхности вода, подвергаясь беспрестанно меняющемуся влиянию времен года и атмосферных течений, обнаруживает в своей температуре соответствующие перемены: северо-восточные пассатные ветры охлаждают, береговые бризы нагревают ее: в среднем, температуры года колеблются в Азорской Атлантике около 20 градусов, но иногда поднимаются до 25° и 28°, а опускаются до 16° и ниже. Влияние внешних деятелей климата быстро ослабевает под поверхностным слоем вод: на глубине 110 метров термометр не обнаруживает уже колебаний температуры, происходящих от чередования тепла и холода в наружной атмосфере. В этом тонком поверхностном слое вод понижение температуры идет всего быстрее. Так, в 333 километрах к югу от островов Зеленого Мыса, термометр, показывавший 25°,56 на поверхности моря, опустился до 12°,33 на глубине 91 метра. Ниже уменьшение температуры совершается крайне медленно, а в глубине морских пропастей разность составляет всего несколько десятых долей градуса на сотни метров толщины. Результаты 212 измерений, произведенных экспедицией «Талисмана», дали для глубины в 1.000 метров температуру немного менее 10 градусов, то-есть на 15 градусов меньше температуры поверхностных вод; на глубине 3.500 метров она равна 3 градусам, а в соседстве дна приближается к нулю, который для соленой воды не есть еще точка замерзания. В части Атлантического океана, заключающейся между Азорскими островами и архипелагом Зеленого мыса, неизменная температура воды, покоящейся на морском ложе, равна 1°,78; севернее, около Бискайского залива, вода немного теплее; в западных областях Атлантики, около Антильских и Бермудских островов, и особенно на юге, под экватором, температура воды еще ниже: здесь найдена наименьшая температура, какая до сих пор наблюдалась в Атлантических глубинах, именно 0°,22 Цельзия.

Замечательно, что воды Азорской Атлантики теплее вод экваториального бассейна того же океана. Если рассматривать жидкую массу одинаковой толщины в 2.850 метров в этих двух океанских областях, то оказывается, что средняя разность температуры между соответственными слоями составляет 2°,5 в пользу северных вод до 40-го градуса широты. Это явление, на первый взгляд противоречащее законам физики земного шара, должно быть приписано влиянию морских течений. В то время, как часть океана, заключающаяся между Антильскими островами на западе, Канарскими островами и архипелагом Зеленого мыса на востоке, относительно спокойна и нагревается на солнце, как в обширном котле, воды экваториального бассейна в значительной части обновляются на поверхности водами, притекающими из северной Атлантики, которые прошли с севера на юг вдоль всего африканского побережья; в глубинах океанического ложа движутся холодные воды, постоянно приливающие из антарктических областей моря и текущие по дну Западной Атлантики и Антильских островов. По наблюдениям экспедиции «Челленджера» и «Газели», пояс встречи антарктических вод дна находится на юго-западе от Азорских островов, между 36° и 37° широты. Таким образом, термический экватор морского дна, указываемый глубокими слоями, менее холодными, чем боковые слои с северной и южной стороны, отодвинут далеко за экватор геометрический: он пересекает наискось Азорскую Атлантику, на расстоянии по крайней мере 2.000 километров от равноденственной линии. В океанских пучинах, также как и на поверх-

1 Perrier, „Explorations sous-marines“.

ности материков, зона равновесия между климатами севера и юга находится в северном полушарии.

Каковы бы, впрочем, ни были разницы температуры в глубоких слоях, факт постепенного уменьшения тепла от поверхности ко дну, до 1°,5 выше нуля или даже до еще более низкой температуры, составляет нормальное явление во всех частях всемирного океана. Нельзя того же сказать про замкнутый почти бассейн Средиземного моря, которое получает из соседнего океана только поверхностные воды, имеющие всегда температуру более 12 или 13 градусов. Известно, какие следствия вывел французский астроном Фэ (Faye) из того факта, что вода на дне океана почти так же холодна, как лед. Подвергаясь из века в век, впродолжении длинного ряда геологических периодов, этому охлаждающему влиянию жидкой массы, скалы морского ложа охладились и сами до некоторой глубины; они сжимаются, их толщина и плотность возрастают: при равном объеме они приобретают больший вес сравнительно с материковыми горными породами, и, следовательно, эти последние, по мнению названного ученого, оказывают меньшее относительное влияние на качания маятника[1].

По системе своих ветров Азорская Атлантика делится на два пояса: на севере пояс воздушных течений, движущихся от запада к востоку,—это зона Европы; на юге пояс пассатов,—это собственно океанская зона. Кроме того, береговая область Африки также отличается особым движением воздуха, так как соседство материка ниспровергает всю систему для образования суточных бриз и муссонов. Азорские острова лежать почти на границе между пассатами и контр-пассатами, которые, спустившись из верхних областей атмосферы, становятся ветрами юго-западными и западными: воздушные течения, направляющиеся к берегам Иберии, Франции, Британских островов, берут начало в этой центральной части морского бассейна. Многочисленные исследования, произведенные Бро (Branlt) относительно направления и силы ветров в северной Атлантике, доказали, что воды вокруг острова Флореса, одной из двух западных земель Азорского архипелага, представляют летом настоящий центр атмосферного вращения: это единственная область Атлантического океана, где северные ветры дуют так же часто, как и южные, и где западные воздушные токи уравновешиваются с токами восточными. К востоку от этих вод, господствующие ветры дуют с севера: к западу они приходят с юга; на севере, главное их направление с запада на восток; на юге—направление обратное: таким образом вокруг этой области, как около центра, вращается весь атмосферный океан Азорской Атлантики. Понятно поэтому, какое важное значение будет иметь для метеорологов Европы подводный кабель, долженствующий вскоре соединить Азорские острова со всей сетью европейских обсерваторий: по укладке этого кабеля, на острове Флорес, в самой точке пересечения больших воздушных токов, будет помещаться главная метеорологическая станция, откуда будут сообщать по телеграфу, за несколько дней вперед, предсказания вероятной погоды в западной Европе. В нервной системе Старого Света телеграфные щупальцы Азорского архипелага будут самым чувствительным органом осязания.

Нормальное движение ветров в Азорской Атлантике хорошо известно уже с того времени, когда первые мореплаватели объехали эти моря. Все они были поражены правильностью воздушных течений, дующих в открытом море на широте Мадеры и Канарских островов, и дали этим течениям названия, свидетельствующие о знакомстве их с законом циркуляции ветров в этих областях океана. У португальцев эти правильные ветры, дующие с северо-востока на юго-запад, называются *geraes*, т.е. «общие»; французы назвали их *vents alizes*, что значит «ровные» или правильные[2], а у английских мореходов они были сначала известны под именем *treadwinds*, или «ветров правильного хода», которое впоследствии, благодаря невольной игре слов, вполне понятной у торговой нации, преобразилось в *trade-winds*, т.е. «ветры торговли». Но если воздушные массы этой области океана движутся вообще с большой правильностью, движение их тем не менее представляет, смотря по времени года, периоды ускорения или замедления, а также уклонения в ту или другую сторону, и весьма важно

1 „Revue Scientifique“ 20 fevrier 1886.

2 Littre, „Dictionnaire de la langue francaise“.

изучить их нормальную последовательность. Морские карты (Pilot-charts) Мори, карты Бро и Тойнби, составленные на основании сотен тысяч наблюдений и постоянно пополняемые результатами работ других метеорологов, позволяют все точнее и точнее определить специальные черты этого организма ветров. Особенно важно определить на севере и на юге границы воздушной площади пассатов, которая перемещается попеременно в ту и другую сторону, соответственно движению солнца по эклиптике. Во время лета северного полушария, на всем пространстве океана к югу от Азорских островов, почти до 14-го градуса сев. широты, дуют пассаты; зимой, когда солнце бывает в зените тропика Козерога, вся система пассатных ветров передвигается к югу; в то время, как окружающие Азорский архипелаг воды снова вступают на время в зону переменных западных ветров, вся центральная Атлантика принадлежит к поясу пассатов[1]. Важно также знать в точности морские области, где образуются зоны штилей (затишья) или, вернее сказать, меньшей силы ветров, указываемые, одна в соседстве экватора, другая на юге от Азорских островов, пространствами эллиптической формы, вокруг которых развертываются «изанемоны», или кривые равной силы ветра, впервые начерченные упомянутым исследователем Бро. Наконец, остается еще определить толщину воздушного слоя, составляющего пассаты, и найти в высотах атмосферы верхний слой контр-пассатов, или возвратных ветров, которые, поднявшись вертикально в поясе экваториального затишья, движутся на север по направлению к полюсу, постепенно опускаясь к поверхности планеты. На Пик-де-Тейде, в архипелаге Канарских островов, промежуточный пояс между пассатами и возвратными ветрами летом поднимается, зимой опускается на верхних скатах горы, и астроном Пиацци Смит несколько раз измерил точным образом толщину нижнего слоя ветров, движущагося от северо-востока к юго-западу; но Пик-де-Тейде составляет лишь островок в воздушном океане, и до сих пор еще не изучали, с той же точки зрения, горы Мадеры, горы архипелага Зеленого Мыса и часто наблюдаемые вереницы облаков, плывущих по небу в обратном направлении с правильными ветрами.

Система морских течений азорской Атлантики известна в общих чертах, как и система ветров; но и тут многое остается еще невыясненным, многие факты и явления еще недостаточно подробно изучены. Проследить воды во всех их круговоротах тем труднее, что некоторые течения движутся слишком медленно, чтобы можно было измерять их непосредственно; о них узнают только чрез посредство термометра, когда их температура разнится от температуры окружающей жидкой массы. Так, в глубинах экваториальных морей обнаружили существование течения, исходящего из антарктических морей и достигающего почти Азорских островов; точно также, благодаря термометру, удалось проследить, в тех же областях океана, движение холодных масс жидкости, текущих из северных морей. Но почти на всем протяжении центрального бассейна Атлантического океана, воды обладает скоростью, которая измеряется сотнями метров и даже километрами в час.

В целом, часть океана, заключающаяся между Телеграфным плоскогорьем и экватором, между западным берегом Африки и Антильскими островами, занята обширным водоворотом, воды которого пребывают в непрерывном круговращательном движении, постоянно побуждаемые теми же силами. От берегов Сенегамбии течение, следовавшее вдоль африканского материка, направляется через Атлантический океан к Антильским островам; затем одна часть его проникает в Караибское море, а другая, следующая по внешней стороне Багамских островов, присоединяется к американскому гольфстрему, чтобы сопровождать его в движении на северо-восток и далее на восток. Площадь вод, текущая обратно от Америки к Старому Свету, изливается в Азорское море; затем, в соседстве берегов Португалии и Марокко, она поворачивает на юг, завершая таким образом исполинский круговорот. Движение вод океана, почти параллельное движению проходящих над ними воздушных масс, отличается от последнего только меньшей скоростью и случайными уклонениями от нормального пути, вследствие препятствий, противополагаемых высокими берегами, островными или материковыми; впрочем, поверхностная часть вод непосредственно подвержена действию ветра

1 Toynbee, „Meteorological Committee“, 1877.

и движется в одну с ним сторону: она становится зыбью под влиянием сильного воздушного тока, мелкой рябью под влиянием легкого ветерка. Преходящие ветры производят на водную площадь лишь мимолетное впечатление, и действие их не проникает в глубину; правильные же воздушные токи, каковы пассаты, действуя непрерывно из века в век, должны с течением времени распространяться по всей толще жидкой массы и, если не определять общее движение этой массы, то по крайней мере способствовать ему в значительной степени. До недавнего времени происхождение экваториального течения, направляющагося от востока к западу, обратно движению самой планеты, приписывали обращению земли около оси, так как при этом вращении жидкия массы океанской оболочки, как части более подвижные, должны отставать; подобно тому и поперечные течения объяснялись излишком скорости планетного вращения, приобретаемой водами в экваториальных широтах. По мнению Мюри, первоначальной причиной движения морских вод следует считать центробежную силу планеты, более значительную на экваторе, чем в других местах земной поверхности. Как бы то ни было, различия в степени солености и теплоты между жидкими слоями несомненно способствуют ходу течения; но вызываемые ими движения могут быть обнаружены лишь при помощи очень тонких наблюдений, производимых систематически впродолжении длинного ряда лет.

Средняя скорость главных течений Азорской Атлантики не превышает километра в час, т.е. в сорок раз меньше средней скорости ветра, пробегающего над поверхностью вод: в восточной части экваториального течения, направляющагося от востока к западу, движущаяся жидкая масса проходит от 26 до 30 километров в сутки. В центральных частях океанского бассейна, а именно в море Водорослей, течение замедляется; напротив, в соседстве прибрежья и в проливах между островами оно ускоряется. Хотя слабое, движение пассатных вод, вместе с правильными ветрами, оказывает большую помощь кораблям, отправляющимся в Новый Свет, и не будь этой движущейся морской дороги, Колумб, вероятно, никогда не добрался бы до Сан-Сальвадора. И в нынешнее время по милости этих течений нередко случалось, что парусные суда приставали к берегам Америки, тогда как экипаж их имел в виду попасть на острова, или проникнуть в южную Атлантику. Нет ничего невероятного, что и в древности бывали подобные случаи, когда корабли, пускавшиеся в океан, незаметно для себя уклонялись от избранного пути, а следовательно, нет ничего невероятного и в том, что такие невольные эмигранты из Стараго Света, например, финикияне, задолго до европейцев, основывали колонии в Америке[1]; но мы не имеем ни одного положительного свидетельства, которое бы подтверждало эти догадки относительно отдаленных эпох, тогда как в новом периоде указывают многочисленные примеры судов, увлеченных на запад пассатными ветрами и течениями. Так, унесенный течением, Альварес Кабраль открыл, в 1500 году, Бразилию, держа путь в Индию. Виера-и-Клавихо рассказывает, что одна барка, оторванная ветром у деревни о. Ланцарот, была выброшена волнами на берега Венецуелы. В 1731 году другая барка, нагруженная винами, покинула остров Тенериф, чтобы отправиться на другую землю Канарского архипелага: отброшенная бурей на запад, она после долгого странствования очутилась в Америке и пристала к берегу в Испанском порте, на острове Тринидад; экипаж, имея запас провизии только на пять или на шесть дней, принужден был довольствоваться вином, вместо всякой пищи[2]. Один судья с острова Терсейра, возвращаясь из поездки на остров св. Георгия, был унесен в Бразилию, откуда вернулся домой через Лиссабон[3].

«Челленджер», «Талисман», «Маджента» и другие корабли, недавно производившие научные исследования в Атлантическом океане, вывезли из своих экскурсий не только множество драгоценных наблюдений, относящихся к морским глубинам, свойству дна, температуре и движению жидких слоев, но, кроме того, натуралисты, входившие в состав этих экспедиций, занимались особенно изучением организмов, населяющих эти моря и собрали об-

1 Onfroy de Thoron, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1884.
2 Romanet du Caillaud, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 3 mars 1886.
3 Fouque, „Revue des Denx Mondes“, 1 janvier 1873

ширную жатву. Бассейн Азорской Атлантики, где температура воды выше, чем в экваториальных морях, отличается изумительным богатством животной жизни; некоторые пространства океана, особенно в соседстве Канарских островов, буквально кишат живыми существами, так что вода кажется одушевленной: мириады тварей всевозможных форм и цветов, темных или прозрачных, блестящих или почти невидимых, движутся у поверхности моря, освещаемой яркими лучами солнца; дельфины, акулы, предшествуемые «лоцманами» (naucrates ductor), бесчисленные породы рыб быстро пробегают водные пространства; из каждой волны взвиваются на воздух долгоперы, или летучия рыбы, и падают обратно в следующую волну, где их часто поджидает уже пасть какого-нибудь хищника; аргонавты, или «португальские корабли», носятся по волнам, словно барки с белым парусом. Под фауной верхних слоев, которая перемещается соответственно временам года, поднимаясь летом на север, спускаясь зимой к югу, натуралисты изучают теперь вторую фауну, площадь которой гораздо обширнее, благодаря однообразию температуры, преобладающему в глубокой воде. Какие крики радостного удивления часто встречали на палубе корабля появление сетей, вытащенных с глубины двух или трех тысяч метров, с богатой добычей диковинных животных, никогда еще не виданных человеком!

Как сказал Гумбольдт почти сто лет тому назад, море есть по преимуществу театр животной жизни, растения же существуют там только на скалистых берегах островов и на окраинах материков, так что они принадлежат собственно к твердой земле, по крайней мере своими корнями. Однако, Азорская Атлантика имеет также свою особенную, чисто морскую флору: ото скопления пловучих растений, саргасс, на которые прежде смотрели, как на остаток Атлантиды, как на луга водорослей, всплывшие на поверхность, в то время, как самый континент погрузился на дно океана[1]. По внешнему виду, эти саргассы, или морской виноград (fucus natans, sagrassum bacciferum), с их разветляющимся стеблем, боковыми перепонками в форме зубчатых листьев, и плавательными воздушными пузырями, напоминающими ягоды, совершенно походят на сухопутные растения высшей организации; тем не менее, это, несомненно, водоросли, такия же, как водоросли прибрежья, и до сих пор у них не могли открыть органов воспроизведения. Эти растения не обломки фукусов (как думали прежде), захватываемых волнами на берегах Антильских островов и американского материка, чтобы отдать их потом на произвол течения, которое заставляет их кружиться без конца в обширном круговороте экваториальных вод. Как показали наблюдения Мейена (в 1830 г.), подтвержденные впоследствии подробными исследованиями Лепса[2], саргасса ягодоносная—растение океанское, родящееся в тех самых водах, где его встречают корабли. Кожура, находящаяся около середины водоросли, достигшей полного развития, указывает точку, откуда отделилась более молодая ветвь, которая, в свою очередь, разделится на новые отростки. Так образуются не луга—praderias,—как их называли первые мореплаватели, а полосы водорослей, следующие одна за другой, в виде островов и архипелагов длиной в несколько метров, иногда даже площадью в несколько гектаров[3]. Контуры этих пловучих островов беспрестанно меняются под влиянием ветра и волнения: проходящие корабли без труда рассекают их, так как водоросли образуют лишь поверхностный слой и нигде не представляют мощного скопления из многих последовательных рядов. К востоку от Азорских островов эти растения не встречаются. Области моря, где саргассовые водоросли скучены в наибольшем количестве, простираются к западу и юго-западу от этого архипелага, на протяжении более 15 градусов в обоих направлениях—с севера на юг и с востока на запад: это обширное пространство обнимает около трех миллионов квадратных километров. Далее на запад, в соседстве Антильских островов, другое «Саргассовое море», менее обширное, чем Азорское море Водорослей, состоит из более редких травянистых островков, отрывки которых, плывущие длинными вереницами, увлекаются течением в Караибское море, через проливы, разделяю-

1 Raynal, „Histoire politique et philosophique des deux Indes“.

2 „Annales hydrographiques“, 1857;—„Bulletin de la Societe de Geographie de Paris”, sept. И865

3 Wyvilee Thomsom, цитированное сочинение;—Giglioli e Issel „Pelagos“.

щие Антильские острова.

Острова морской «зелени» имеют свою фауну, подобно земным островам. Все ягоды Саргассовых водорослей инкрустированы белыми полизонами. Рыбы, скрывающиеся в тени водорослей, или в их пучках, одели ливрею растений-покровителей, так что даже натуралист с трудом может различить их между водорослями, у которых темно-зеленый цвет перемешан с белым и желтым. Одна порода рыб, *antennarius marmoratus*, или рукоплавка крапчатая, которую сначала принимали за бесформенный отрывок фокуса, длиной от 4 до 10 сантиметров, создана скорее для хождения, чем для плавания: по странному совпадению, плавники её, указывающие уже на организацию членов, свойственную четвероногим, оканчиваются настоящими пальцами, а передние плавники имеют даже форму руки, с локтем, предплечием и кистью[1]; при помощи липких нитей она строит себе гнездо в водорослях. Вся фауна Саргассового моря, состоящая из рыб, раков и моллюсков, заключает около шестидесяти видов. Азорцам выгодно было бы завести рыболовные топи в этих полях пловучих водорослей; кроме того, они нашли бы там неистощимые запасы удобрения для увеличения производительной силы своих садов, и могли бы также добывать иод, бром и другие химические вещества[2].

III. Азорские острова

Азорские или Асорские, т.е. «Ястребиные», острова имеют наиболее океанический характер между архипелагами Атлантики. Выступая из морских пучин до четырех и более километров глубины, они расположены, своей крайней восточной землей, островом Сан-Мигуэль, в 1.380 километрах к западу от португальского мыса Рока и в 1.550 километрах от мыса Кантин, крайнего западного выступа Марокко. Еще более значительные пространства отделяют их от Нового Света: от крайнего северо-западного острова, Корво, до ближайшего выступа американских земель, мыса Рос на Ньюфаундленде, расстояние около 1.800 километров; оно составляет 4.000 километров до острова св. Фомы в северо-восточном углу Антильского архипелага, и 3.000 километров до группы Бермудских островов, которые можно считать принадлежащими к Америке, хотя они лежат в глубоких морях. Разделенные на три группы неравной величины, Азорские острова занимают часть моря около трех градусов по широте и более шести градусов по долготе; но на этом пространстве в 200.000 квадратных километров выступающие из-под воды земли составляют ничтожную долю: проходы между островами так широки, что редко можно разглядеть с одного берега другой. По степени населенности эти острова превосходят свою метрополию, Португалию, так как на них насчитывается, средним числом, свыше 100 жителей на квадратном километре, а между тем есть местности, на высоких склонах гор и вулканических жерлах, непригодные ни для какой культуры и совершенно необитаемые. Пространство архипелага: 2.388 квадратных километров: население, по последней переписи (1890 г.): 255.594 души. Густота населения: 107 жителей на 1 квадратный километр.

С половины XIV столетия, за восемьдесят лет до первого посещения архипелага португальцами, Азорские острова были уже хорошо известны мореходам Средиземного моря, пускавшимся в опасные воды «Темного моря». «Медицейский» портулан во Флоренции, относящийся к 1351 году, представляет нам всю эту группу островов, начерченных с большою точностью, за исключением разве того, что они орьентированы с севера на юг, а не с северо-запада на восток, как бы следовало. Два острова сохранили даже итальянское имя, слегка измененное: самый дальний от Европы, называвшийся прежде Insula Corvis Marinis, и теперь носит то же прозвище, переведенное с латинского на португальский язык, ilha do Corvo или «остров Ворона»; другой остров, San-Zorze, открытый, как показывает это название, ге-

1 Perrier, цитиров. сочинение.

2 Leps, цитир. мемуар;-Paul Gaffarel, „Bulletin de la Societe de Geographie", decembre 1872.

нуэзцами, получил впоследствии испанское имя San-Iorge (св. Георгия)[1]. В 1431 году португальские моряки, производя систематическое обследование океана, которое составило их славу в великий век морских экспедиций, впервые осмотрели некоторые азорские земли: то были скалы, Formigas, между островами св. Михаила и св. Марии. В следующем году мореплаватель Гонсало Вельо Кабраль вернулся в эти воды: он открыл остров Santa-Maria (св. Марии), который и был пожалован ему в лен португальским королем доном Генрихом. Затем, двенадцать лет спустя, тот же мореплаватель пристал к Сан-Мигуэлю, главному острову, который он тоже получил в вассальное владение: восточная группа островов, Кабрера, или las Cabras, как она называлась в старинных портуланах, была окончательно включена в географический инвентарь. Прошло еще двадцать лет, прежде чем последний из девяти Азорских островов был окончательно обследован, через сто слишком лет после посещения его итальянскими мореплавателями.

Острова эти, хотя рассеянные на обширном пространстве океана, имеют между собой много общих черт. Все они гористы, увенчаны вершинами с кратером, откуда выливалась лава, и ограничены со стороны моря утесами из вулканических шлаков, черными массами грозного вида. Все состоят единственно из пепла, шлака и лавы, за исключением острова Санта-Мариа, на юго-восточной оконечности архипелага, где встречаются слои известняка, принадлежащие к миоценовому периоду. Географический архипелаг делится на три обособленные группы. Самая большая из них по протяжению—восточная, хотя она заключает в себе только два острова, Сан-Мигуэль и Санта-Мариа, и скалы Формигас, которые можно рассматривать как вершины острова, пьедестал которого находится под водой. К центральной группе принадлежат пять островов: Терсейра, по имени которого иногда называли весь архипелаг, Грасиоза, Сан-Жорже, Пико и Файаль. Что касается западной группы, меньшей из всех по пространству, населенности и исторической важности, то она состоит всего из двух островов—Флореса и Корво. Это единственная часть архипелага, где высоты представляют расположение с севера на юг; на всех других его островах направление горных цепей—с западо-северо-запада на востоко-юго-восток[2]; самые острова вытянуты к тем же точкам горизонта. Рассматривая на карте все три группы, легко заметить, что Азорские земли расположены по трем параллельным линиям, равно отстоящим и направленным также с западо-северо-запада на востоко-юго-восток. Первая из этих линий проходит через Грасиозу, Терсейру и Сан-Мигуэль; вторая, средняя, соединяет Корво с скалами Формигас через длинный остров св. Георгия; наконец, южная цепь островов заключает в себе Флорес, Файаль, Пико, Санта-Мариа. Приводим здесь точные цифры пространства отдельных островов архипелага и высоты их главных гор.

Азорские острова

Группы	Пространство		Самые высокие горы, по Видалю	
Восточная	Санта-Мариа	104 кв. кил.	Пико-Альта	570 метр
	Сан-Мигуэль	770 »	Пико-да-Вара	1.089 »
Центральная	Терсейра	770 »	Кальдейра-да-Санта-Барбара	1.067 »
	Грасиоза	46 »	Край Кальдейры	411 »
	Сан-Жорже	104 »	Пико-да-Эсперанца	951 »
	Пико	455 »	Пико	2.310 »
	Файаль	165 »	Край Кальдейры	1.021 »
Западная	Флорес	148 »	Морро-Гранде	942 »
	Корво	18 »	Край Кальдейры	777 »

Причину правильного расположения этих вулканических островов, может-быть, нужно искать в направлении извержений, происходивших всегда на линейных трещинах морского дна. Лавы Азорского архипелага гораздо моложе лав Мадеры и Канарских островов: между

1 D'Avezac. „Notice des decouvertes au moyen age dans l'ocean Atlantique";—Oskar Peschel, „Geschichte der Entdeckungen".

2 G. Hartung, „Die Azoren".

ними не видать таких, появление которых могло бы быть отнесено ко временам, предшествовавшим миоценовому периоду, т.е. той эпохе, когда отлагались известковые пласты острова Св. Марии. В настоящее время вулканическая деятельность, если не совсем угасла, то по крайней мере затихла на обеих оконечностях архипелага, с одной стороны на Санта-Мариа и в восточной части Сан-Мигуэля, с другой—в группе Флорес и Корво; но внутренний очаг еще горит под центральными островами, особенно под вулканом о. Пико, и еще деятельнее под западной частью о. Сан-Мигуэля. В этой области в течение четырех столетий, составляющих весь исторический период Азорского архипелага, имели место самые страшные катастрофы, извержения и землетрясения.

Летописи отметили следующие, более или менее значительные, проявления вулканической деятельности на Азорских островах, начиная с первых времен колонизации, с пятнадцатого столетия до наших дней:

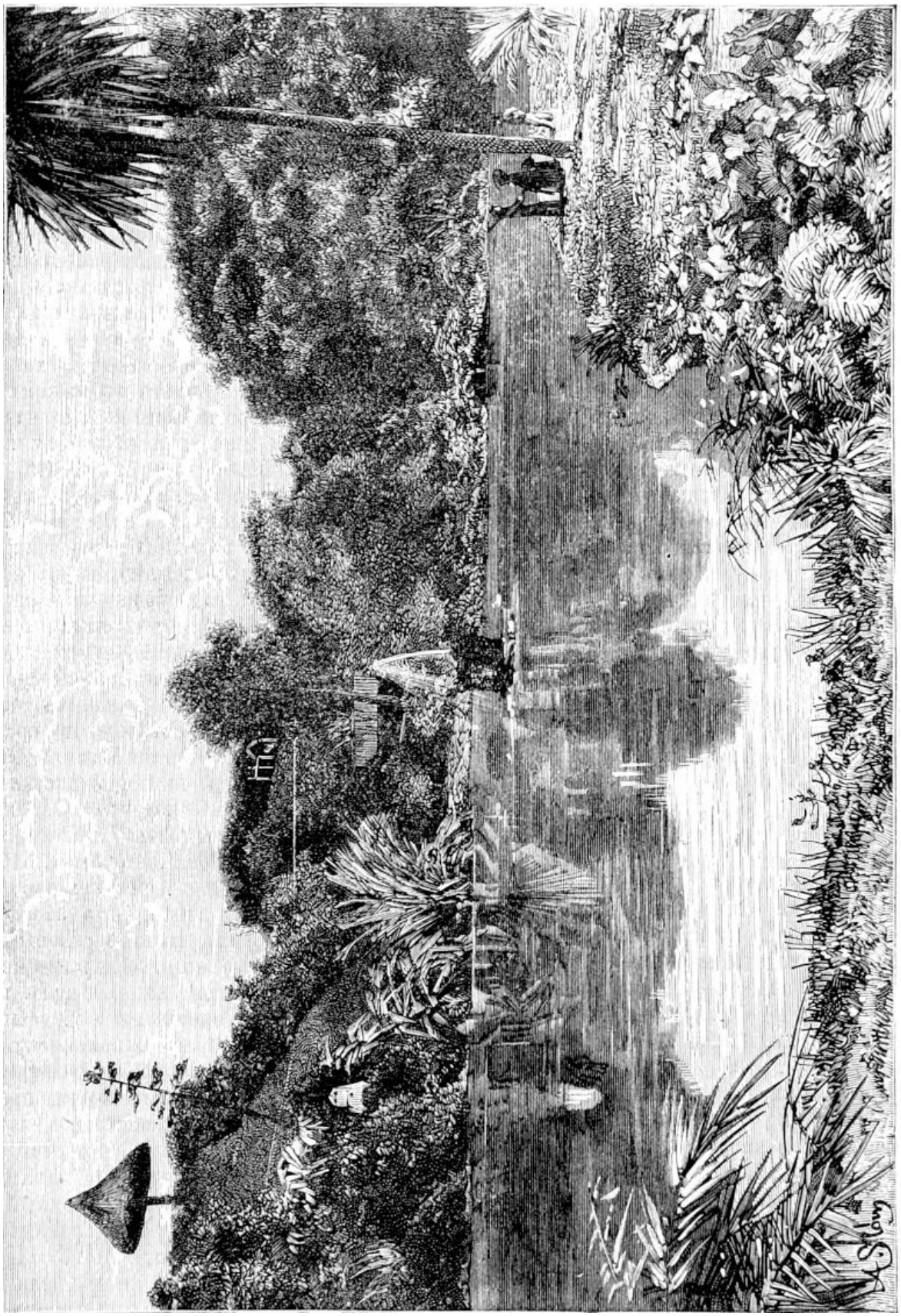
Сан-Мигуэль	Терсейра	Сан-Жорже.
1444 г. Извержение.		
1522 »		1580 г. Извержение
1563 »		
1630 »	1614 г. Землетрясение.	1691 » Морское извержение
1638 Морское извержение.		
1652 Извержение.		
1656 Землетрясение.		
1720 »	1719 » Морское извержение	1757 » Морское извержение.
1755 »	1761 » Извержение.	
1773 »		
1810 »	1872 » Морское извержение	1808 » Извержение
1818 » Морское извержение.		
1852 » Землетрясение.		
1882 »		
1884 »		

Пако	Файаль
1572 г. Извержение.	1672 г. Извержение.
1718 »	
1720 »	

На Терсейре есть признаки поднятия почвы: берега этого острова, хотя сплошь состоящие из вулканических пород, покрыты в некоторых местах камнями кристаллического и осадочного образования, гранитами, кварцами, сланцами, известняками и песчаниками. Эти чуждые обломки, очевидно, были отлагаемы на нижней береговой полосе, у самого моря, но теперь они разбросаны довольно далеко внутри острова (до 800 и 900 метров расстояния от берега) и в таком множестве, что крестьяне употребляют их, вместе с рассеянными по полям глыбами лавы, для постройки оград. На острове Св. Марии тоже встречаются кое-где обломки гнейса. Откуда взялись эти камни? Большая глубина соседних морей не позволяет видеть в них обломки, оторванные от подводных скал, остатков древней Атлантиды; при том же эти камни не притуплены, не округлены, как галька, долго катаемая волнами; они сохранили по большей части выступы ребер и чистоту излома. Гартунг полагает, что эти каменные глыбы были принесены сюда в течение ледяного периода. В то время, когда в Америке, под той же широтой, ледники отлагали свои морены, отдельные льдины, унесенные морским течением, задерживались у берегов Терсейры и других Азорских островов, и, растаяв, оставляли там камни, которыми были нагружены.

Все острова Азорского архипелага пользуются ровным и здоровым климатом, который был бы вполне хорош, если бы не ветры, дующие с большой силой на этих горных скатах, высящихся среди Атлантического океана. Несмотря на резкия перемены ветра, колебания температуры весьма незначительны, и времена года сменяются без заметного перехода. Осо-

бенно осень восхищает иностранца своей ровной температурой; но лесные пейзажи в эту пору года не представляют здесь того разнообразия красок, какое мы видим в Европе и еще более в Северной Америке: климатические перемены совершаются на этих островах слишком медленно, чтобы могли отражаться на листве деревьев внезапной приостановкой движения питающих соков. Разность температуры между временами года не превышает восьми градусов; между месяцами отклонение более значительно; но между самым теплым и самым

Островъ Санъ Мигуэль

холодным днем в году один наблюдатель (Бетанкур) констатировал в Горте разницу более 25 градусов, именно от 31° до 5,9°.

Температуры времен года на Азорских островах[1]:

	Весна	Лето	Осень	Зима	Средняя годовая
Понта-Дельгада (о. Сан-Мигуэль)	16,8	20°,7	19°,4	13°,1	17°,7
Горта (о. Файаль)	15°,8	21°,3	18°,8	13°,5	17°,3

Крайния температуры:

Понта-Дельгада: самый холодный месяц—12°,3, самый теплый—22°,7, разность—10°,4; Горта: самый холодный месяц—13°,2, самый теплый—23°,6, разность—10°,4.

Климатические перемены происходят главным образом от направления ветра, так как Азорские острова находятся почти в промежуточном поясе между пассатами и контр-пассатами (возвратными ветрами). Когда атмосферное течение приходит с юга, оно несет теплый и влажный воздух; напротив, ветер, дующий с севера, всегда бывает холодный и сухой: отсюда значительный контраст между двумя противоположными склонами островов—тем, который омывается воздухом и дождем южного происхождения, и тем, который обращен к северным ветрам. Вообще климатические условия на Азорских островах определяются не столько широтой, сколько положением места относительно стран горизонта и направления господствующих ветров[2].

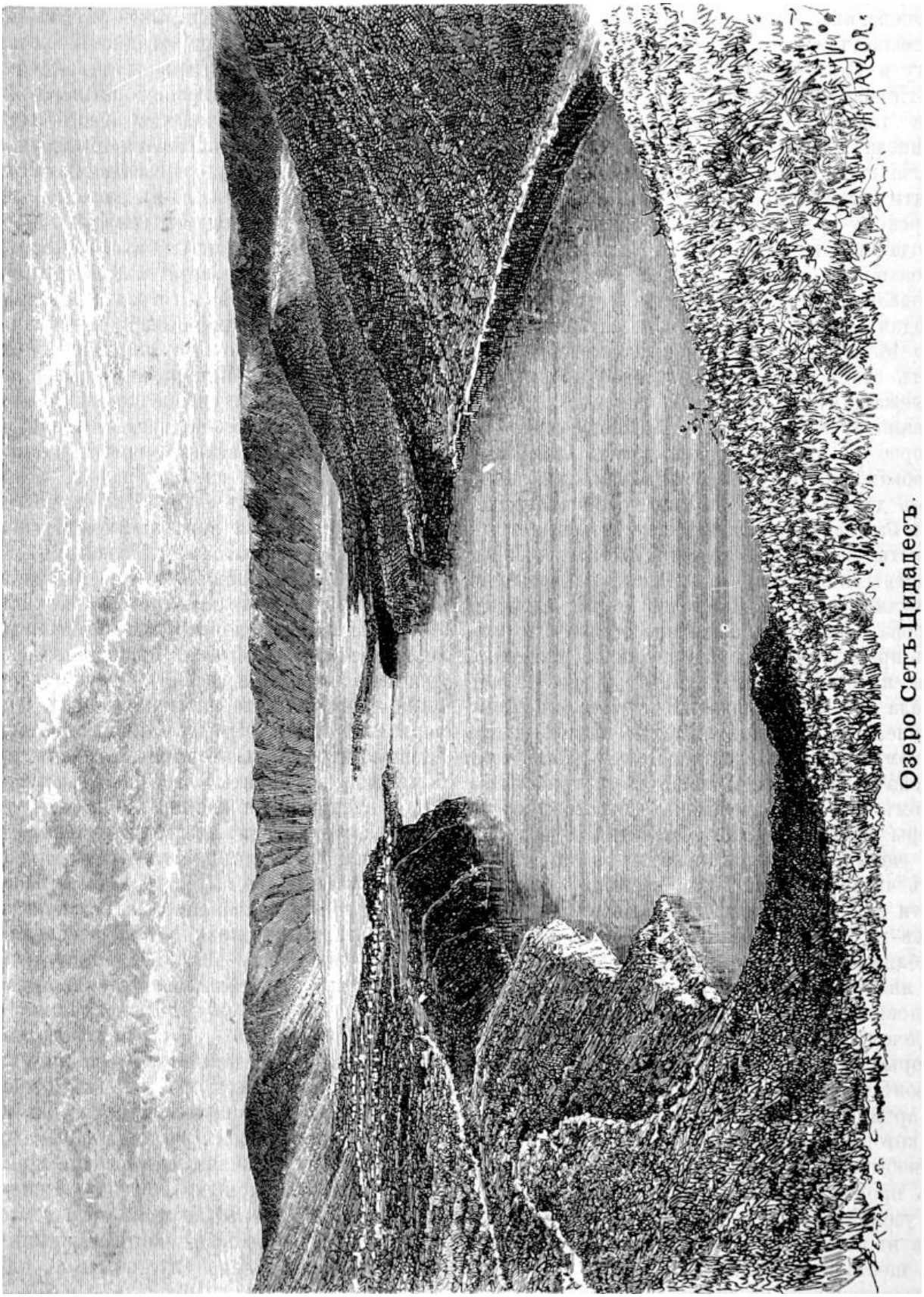
В общем азорский климат представляет нечто среднее между климатом Лиссабона и Малаги и климатом Мадеры. Этот последний остров и Файаль имеют почти одинаковую годовую температуру (разница не превышает одного градуса); но разность между температурой лета и зимы на Азорских островах относительно довольно значительна. В этом архипелаге, лежащем на пять градусов ближе к полюсу, зима холоднее, а лето теплее, чем на Мадере, хотя на Азорских островах никогда не бывает такой жары, как на материке Португалии под той же широтой: климат этих островов представляет более значительные крайности тепла и холода, чем климат Мадеры, и гораздо менее приятен для иностранцев. В Азорском архипелаге снег редко можно увидеть в нижних долинах; но зимния грозы часто сопровождаются градом, и горы иногда по нескольку часов остаются под белым покровом. На высоких хребтах по временам бывают морозы, и Мореле рассказывает, что на острове Сан-Мигуэль, случалось, находили замерзших людей на плоскогорьях, лежащих на высоте около 1.000 метров над уровнем моря: резкий, пронизывающий ветер и сырой воздух делают стужу гораздо более чувствительной путникам, пускающимся через эти суровые выси. Дожди, приносимые большими океанскими ветрами, очень обильны, по крайней мере вдвое обильнее, чем на Мадере. По наблюдениям Бетанкура, в Горте дождливых дней бывает, средним числом, 196, и кроме того, 8 дней с градом; годовой слой выпадающей дождевой воды определяется в 1,510 метра. Дожди бывают здесь во всякую пору года, но преимущественно зимой, при западных ветрах, и во многих местах склоны азорских гор, особенно на откосах из пемзы, покрываются, несмотря на большую покатость, мхом, обыкновенным и торфяным (Sphagnum), слои которого напоминают торфяники Ирландии; слои лавной дресвы (lapilli), разлагаясь от действия влажности, превращаются в тесто, где ноги животных вязнут, как в глине. Количество дождевой воды уменьшается в архипелаге от запада к востоку; Санта-Мариа, самый восточный из Азорских островов, получает, сравнительно с другими, наименее атмосферных осадков.

Обилие водяных паров так велико на верхних склонах гор, что очень часто, даже в самое сухое время года, облака скопляются на вершинах и совершенно закрывают их от взоров; перед заходом солнца облачная завеса на горах спускается ниже. Из боязни сырости, островитяне, за исключением самых бедных, живут только в верхних этажах; нижний этаж служит конюшней, погребом, кладовой. Чтобы защитить себя от дождя и солнечных ударов, которые вообще очень опасны в сырых климатах, поселяне большинства островов носят род

1 Hartung (температуры показаны по наблюдениям Буллара, Бойда, Блента и Бетанкура).

2 Arrada Furtado, „Materiaes para o estudo anthropologico dos povos acoriarios“.

суконного капюшона, закрывающего голову и плечи. Из ветров самые страшные—западные. Юго-западный ветер получил ироническое прозвище *carpinteiro*, т.е. «плотник»,- так он искусен в ломке судов; часто случалось, что рыболовные и мелкие каботажные суда, плаваю-

Озеро Сетъ-Цидадесъ.

щие между островами, были угоняемы бурей до самого Лиссабона.

Самородная флора Азорских островов, в сравнении с флорой Мадеры и Канарских островов, очень бедна. Ватсон насчитывает во всем архипелаге только 396 явнобрачных и 75

тайнобрачных растений (по Зейберту, 437 цветковых и 139 бесцветковых), принадлежащих по большей часта к европейским видам: пропорция последних составляет около трех четвертей, по Зейберту и Гартунгу,—около четырех пятых. Многие из растущих здесь видов встречаются также и на других атлантических архипелагах, или в Африке, или в Новом Свете; насчитывали всего только около пятидесяти растений, исключительно свойственных Азорскому архипелагу; между ними есть одна порода вишни, теперь очень редкая, которая, вероятно, исчезла бы, если бы ее не культивировали в садах. Это значительное преобладание европейской флоры служит доводом в пользу мнения ученых, которые считают этот архипелаг географически принадлежащим к нашей части света; отсюда название *Western Islands*, «Западные острова», которое английские моряки дают Азорским островам, как европейским землям, лежащим далее других к западу от материка. Если бы, как думали прежде некоторые натуралисты, заселение островов растительными и животными видами объяснялось единственно наносами ветров и течений, то Азорские острова должны бы были представлять характер преимущественно американский, так как воды, идущие от Багамских островов и из канала Флориды, движутся прямо к этому архипелагу, и господствующий ветер дует в том же направлении. Между тем, хотя семена и лес из Америки часто приносятся морем на берега Азорских островов, среди флоры этого архипелага насчитывают не более четырех американских видов, тогда как число европейских растений доходит почти до четырехсот. Что касается туземных видов архипелага, то почта все они приближаются к европейским типам, так что является вопрос, не есть ли это простые разновидности, постепенно преобразовавшиеся. Впрочем, нельзя с достоверностью сказать, которые именно, между растениями, общими Европе и Азорским островам, были введены в архипелаг, намеренно или ненамеренно, и которые, несомненно, составляют часть первобытной флоры островов и обязаны своим происхождением сходству климатов[1].

Туземная флора Азорских островов заключала в себе всего только пять дерев да пять или шесть кустарников, и все эти древесные виды уступают по размерам сродным растениям, живущим на Мадере и на Канарских островах. Пальмы, характеристическия деревья тропических областей, отсутствовали в Азорском архипелаге. Преобладающие на этих островах растительные формы—злаки (Gramineae), ситовниковые (Cyperaceae), тростниковые (Juncaceae),—все растения, свойственные влажному климату; затем здесь встречается много папоротников, хотя все они выходцы из других стран; наконец, торфяные мхи, покрывающие горные вершины, образуют своей губчатой массой естественные водохранилища, задерживающие дождевую воду и питающие ручьи своими неизсякаемыми струйками. Густой газон, как в западной Европе, расстилается зеленым ковром по обезлесенным скатам гор, и вместе с другими, похожими на наши, растительными формами, придает всей флоре и стране европейский вид: нигде не видно степей африканского типа, какие встречаются на Ланцароте, Фуэртевентуре и других Канарских островах.

В эпоху прибытия европейцев склоны гор были покрыты лесом. Остров Файаль, т.е. «Буковый лес», обязан своим именем лесам, состоявшим из деревьев, которые мореходы смешали с буком; на самом деле это были различные породы мирики (myrica faya). Острова Грасиоза (Прелестная), Флорес (Цветущий) получили эти названия за красоту их растительности. Еще в начале этого столетия на Флоресе существовали великолепные тисовые леса, принадлежавшие к доходам королевы; но эти могучия деревья давно вырублены; во многих местах до сих пор еще видны огромные пни, исчезнувшие под растительностью торфяных мхов; другие были частью залиты лавами. Девственные чащи, виднеющиеся кое-где на скатах вулканов, состоят из низкой курчавой растительности, среди которой там и сям выступают кучки более высокого кустарника. Замечательнейшие деревянистые растения азорских гор, кроме мирики,—«канарский лавр» и один вид можжевельника (Iuniperus oxycedrus, можжевельник шпанский или красноягодный), который туземцы величают кедром; обыкновенно этот можжевельник, единственный представитель хвойных на Азорских островах, рас-

1 Watson;—Seubert;—Hartung;—Morelet.

тет в обществе древовидных вересков и мирсин (myrsine, ягодник африканский), растений африканского происхождения, семена которых занесены сюда птицами, лакомыми до ягод. Лишенные больших деревьев, верхния области островов имеют по большей части монотонный и печальный вид: надо спуститься в овраги, чтобы опять найти живописную и разнообразную растительность. Но если деревья почти везде исчезли с полей и равнин, то по крайней мере зелень расстилается сплошным ковром во всех тех частях архипелага, где шлаки, покрывающие почву, не отличаются твердостью металла[1]. По мере разложения камня, появляются последовательно растения все более и более высокой организации; простые рудиментарные волокна, лишаи, мхи, лакмусовый ягель, папоротники подготовляют почву, затем показываются злаки, и—земля готова для культуры.

Благодаря ровному и влажному климату, почва архипелага как нельзя более пригодна для опытов акклиматизации. Некоторые из чужеземных растений не привились только потому, что воздух на этих островах чересчур насыщен парами; другие оттого, что им необходима заметная перемена времен года; так, наприм., сирень чахнет в этом слишком ровном климате и в конце концов умирает. Но очень многие виды тропических и умеренных стран Австралии, Старого и Нового Света отлично растут в этих естественных теплицах Азорских островов: отсюда любовь богатых азорцев к садам и паркам. В несколько лет посаженные деревья, тополи, эвкалипты, казуарины, достигают 10 и 20 метров высоты; но как бы ни разросся ствол, как бы широко ни раскинулись ветви, редко бывает, чтобы азорские деревья могли соперничать по высоте со своими родичами, живущими в Европе и на Канарских островах[2]. В садах Файаля и Сан-Мигуэля туземные деревца и кустарники заменены массивами, где дубы, буки, липы Европы растут в перемежку с кипарисом Луизианы, с тюльпанником Виргинии, с араукарией Бразилии, с кедрами Ливана и Гималая, с камфарным деревом Японии, с акацией Австралии и с пальмами Старого и Нового Света; поля окружены живыми изгородями из гортензий, мирсин, мягкосеменников (pittosporum). Фруктовые деревья, культурные растения, происходящие из плодовых садов и полей Португалии, бананы, *ensete* Эфиопии, овладевают береговой полосой, тогда как сорные травы, занесенные из Европы, оттесняют к высотам и забивают старые азорские растения. Один вид терновника, встречающийся только на Азорских островах, отступает перед своим европейским родичем, который любит расти в соседстве домов, по краям дорог, и постепенно подвигается вперед с каждой новой распашкой. Кроме того, были предпринимаемы прямые опыты разведения растительности на пустопорожних землях и на высоких склонах гор. Остров Сан-Мигуэль весь обращен в сад акклиматизации; около тысячи древесных пород были натурализованы, и те из них, которые вполне привились, разведены сотнями тысяч и даже миллионами особей. Всего лучше акклиматизовалась приморская сосна (pinus maritimus, иначе французская или итальянская сосна), та самая, которая растет в южной Франции; она образовала целые леса, и все, кому случится снова посетить Азорские острова после долгого отсутствия, уже издали замечают, что вид гор совершенно изменился против прежнего времени. Из других лесных пород, с успехом разведенных, наибольшую ценность в экономическом отношении представляют криптомерия (японское дерево), эвкалипт, акация, кипарис и дуб. Тогда как прежде поделочное дерево составляло такую редкость, что отправители апельсинов принуждены были выписывать из Лиссабона доски на ящики для упаковки товара, теперь, благодаря успешному разведению вновь древесной растительности, существуют большие лесные богатства, и надеются, что это насаждение лесов будет иметь благодетельные последствия также для санитарного состояния островов и урегулирования ключевых и вообще текучих вод.

Природная фауна Азорского архипелага гораздо беднее, чем его флора. В эпоху прибытия первых европейских мореплавателей она не заключала ни одного вида позвоночных, исключая птиц; впрочем, по мнению некоторых писателей, одна порода летучей мыши, суще-

1 Arthur Morelet, „Notice sur l'histoire naturelle des Acores".

2 Hartung, цитированное сочинение.

ствующая также в северной Европе, принадлежит будто бы к туземным животным архипелага; но и та, может-быть, была привезена из Фландрии бельгийскими колонистами, переселившимися сюда в шестнадцатом столетии. Кролик, хорек африканский (mustela furo) были введены человеком; ласка (mustela vulgaris), черная крыса, гнездящаяся в деревьях, серая крыса и мышь проникли сюда на кораблях, конечно, без ведома экипажа. На Азорских островах насчитывают десятка три птиц, проводящих тут круглый год или прилетающих на временное пребывание, и все эти виды—европейские или по крайней мере атлантические, за исключением, может-быть, одной породы вьюрка (fringilla) и буревестника (thalassidroma, т.е. морской бегун), птицы американского происхождения, которая не боится перелетать океан; зеленая канарейка была прежде очень обыкновенна, но ее изгнали, как большую опустошительницу полей. Птица, давшая имя архипелагу,—сарыч, говорит Артур Мореле, а не ястреб или коршун, как можно бы думать по этому названию *acor*; впрочем, нужно заметить, что вообще мало таких видов, имя которых сохранило свое точное значение при переходе из Португалии в её атлантические владения. Пресмыкающиеся отсутствуют в азорской фауне; только два вида ящерицы водятся на острове Грасиоза, но полагают, что они были привезены в недавнюю эпоху, может-быть, с Мадеры, так как во время путешествия Друэ они были очень редки, а двадцать лет спустя уже повсеместно распространились[1]. Лягушка, которая быстро размножилась, тоже чужеземка; жаба, привезенная из Соединенных Штатов, не могла приспособиться к здешнему климату. Из Африки иногда налетали тучи саранчи и пожирали жатву. Из пресноводных рыб угорь, золотой чебак живут в ручьях и даже в их истоках, выше каскадов, прерывающих течение речки: вероятно, икринки золотой рыбки были занесены водяными птицами. Что же касается класса мягкотелых, то Мореле и Друэ не нашли в архипелаге речных моллюсков; между сухопутными моллюсками, в числе шестидесяти девяти, около половины видов не существуют нигде, кроме Азорских островов: они представляют собою, вместе с шестью породами жесткокрылых насекомых, почти всю первобытную фауну архипелага[2]. Есть ли это жалкие остатки фауны древней Атлантиды, или скромные представители серии чисто азорской, самородной, как животный мир Черепашьих (Галапагос) и других океанийских островов? Впрочем, не было бы ничего удивительного в том, что флора и фауна древнего атлантического континента совершенно исчезли, хотя бы даже части твердой земли всегда оставались над водой в том месте, где ныне находятся Азорские острова, ибо излияния лавы, извержения пепла, провалы, взрывы должны были часто переделывать породы растений и животных, вместе с почвой, которая их носила. Морские раковины даже на берегах очень редки: во многих местах побережья можно пройти несколько лье, не встретив ни одной раковины[3]. Что касается большой морской фауны, то она представлена главным образом китообразными дельфинами (морские свиньи, сапуны), кашалотами. Американские китоловы, преследующие кашалота *physeter macrocephalus*, прежде собирались в большом числе в азорских водах; но это животное становится все более и более редким: средний улов его около ста пятидесяти голов в год.

Во время первых посещений Азорского архипелага итальянскими и португальскими мореплавателями эти океанские острова, бедные растительными и животными видами, не были обитаемы человеком. Пионерами колонии, основанной на о. Сан-Мигуэле, в 1444 г., Гонсало Вельо Кабралем, были «несколько мавров», на долю которых досталось, так сказать, испробовать климат и рессурсы края для португальцев, следовавших за ними. Впоследствии, когда лены островов были розданы крупным землевладельцам, эти последние ввели, вместе с белыми земледельцами, известное число чернокожих невольников, кровь которых вошла, хотя в очень малой дозе, в круговращательный поток азорского населения. Евреи, изгнанные из Португалии в шестнадцатом столетии, тоже были обречены на рабство и разделены

1 Fouqiri, цитированный мемуар; -Walker, „The Acores“.
2 Godman, „Natural History of the Azores“.
3 Prouet, „Mollusques marins des iles Acores“.

по разным округам Сан-Мигуэля. Фламандские колонисты, привезенные на центральные острова, в числе нескольких тысяч душ, концессионером ван-Гуэртер, тестем космографа Мартина Бегайма, дали даже свое имя,—«Фламандские острова»,—всему архипелагу, при чем Файаль получил специально название Новой Фландрии. В 1622 году еще можно было встретить в Азорском архипелаге нидерландские семейства, с отличительными чертами их расы, но уже говорившие только по-португальски; даже родовое имя у них было переведено на язык нового отечества: таковы, например, ван-дер-Гегены, сделавшиеся под именем да-Сильва, столь обыкновенным в португальской земле, богатыми землевладельцами на острове св. Георгия[1]. Подобно этим фламандцам, другие иностранцы разных наций, спасшиеся во время кораблекрушения, сделались родоначальниками во многих поселениях, где им дали приют. Таким образом, раса в этом архипелаге очень смешанная; однако, в целом азорцы португальского происхождения настолько преобладают, что можно пренебречь другими элементами.

Но сами эти португальцы—откуда они пришли в большинстве? Документы, относящиеся к колонизации края, не говорят этого, а признаки, извлекаемые из физического склада, истории, диалектов, народных песен, местных нравов, противоречивы и различно объясняются антропологами: одни, вместе с Теофило Брага, который сам азорец, считают островитян Сан-Мигуэля потомками северных португальцев, из провинции Миньо; другие, вместе с Лейте-де-Васконсельос, высказываются за алгарвское происхождение, отыскивая предков нынешних жителей архипелага на южной оконечности португальского пояса Иберии. Как бы то ни было, азорцы не представляют однородного типа; напротив, в этом отношении замечается величайшее разнообразие. В среднем, они небольшого роста (164 сантиметра) и не могут похвалиться красотой: рот большой и с толстыми губами, нос нескладный; черты лица, особенно у женщин, имеют что-то неправильное и недоконченное. Черепа у одних широкие, у других узкие, значительно меньше, чем у континентальных европейцев; в этом частном случае можно смело сказать, что меньший объем вместилища мозга соответствует меньшему интеллектуальному развитию, хотя лучшие представители расы поддерживают в литературе и науках за азорцами почетное место между их соотечественниками на материке Европы. По форме черепа и совокупности физических признаков, азорцы удивительно напоминают кельтский тип оверньятов и нижне-бретонцев, как его описали Брока и другие французские антропологи[2]. Кельтские элементы всего лучше представлены в португальском населении Азорских островов. По замечательному совпадению, деревня на о. Сан-Мигуэле, жители которой отличаются произношением на французский лад некоторых слогов, носит имя Бретани (Bretanha), как полуостров Арморики. Диалект о. св. Марии всего более отличается от других наречий своими архаическими выражениями[3].

Хотя не фанатики по натуре, азорцы, однако, очень религиозны, и землетрясение, это грозное явление природы, еще менее понятное для них, чем для ученых,—которые по крайней мере объясняют его при помощи различных гипотез,—способствует поддержанию в них того чувства страха, которое, как говорят теологи, есть начало премудрости; народные песни азорцев свидетельствуют об ужасе, вызываемом этим явлением. При каждом колебании почвы жители толпой устремляются в церкви. Арруда Фуртадо рассказывает, что однажды во время аграрного возмущения произошло землетрясение, разрушившее несколько домов в деревне Повоасао: устрашенные поселяне попадали на колени на улицах, испуская вопли раскаяния и прося прощения у помещиков. Чудотворные иконы привлекают толпы богомольцев, и храмы, где они находятся, обогащаются от обильных приношений: *Ecce Homo* («Се Человек», изображение Иисуса Христа в терновом венце) одного монастыря в Понта-Дельгада славится своими чудесами во всем архипелаге, даже в Португалии и в Бразилии; даже мавры, говорит хроника, присылали дары азорскому Спасителю. Не смотря на религи-

1 Goblet d'Alviella, „Patria Belgica", III.

2 Arruda Furtado, „Materiaes para o estudo anthropologico dos povos Acorianos".

3 Hunt, „Journal of the Geographical Society of London", 1840.

озную ревность азорцев, мы не находим у них такого множества разнообразных суеверий, как в метрополии, что объясняется, по мнению Фуртадо, монотонностью их жизни и однообразием окружающих их пейзажей: бедность флоры и фауны, отсутствие древних памятников, прошлое без истории—вот причины скудости их воображения. То, что они унаследовали от своих предков, португальцев, глубоко засело в их уме, но собственное их развитие шло медленнее, чем развитие их соотечественников на континенте. Однако, в последнее время у азорцев совершается быстрая перемена в понятиях о внешнем мире: если прежде, еще не так давно, они жили совершенно особняком, в стороне от большого света, то китоловный промысел и эмиграция развили у них охоту к путешествиям: теперь между ними можно

Женщины съ острововъ Файяля и С. Мигуэля.

встретить тысячи таких, которые побывали на своем веку в Португалии, в Бразилии, на Антильских или на Сандвичевых островах, даже в арктических морях; едва-ли найдется другое островное население, которое бы заключало в себе такую большую пропорцию людей, совершивших кругосветное путешествие.

У сельских жителей Сан-Мигуэля и других островов браки почти всегда устраиваются по рассчету, а не по взаимной склонности. Некоторые следы прежнего затворничества женщин сохранились еще во внутреннем расположении домов и особенно в одежде: закутанныя в длинные мантии или плащи, азорки пробираются по улице, точно призраки. Многие еще носят капюшон, крылья которого сближаются напереди, оставляя лишь узкое отверстие, в которое особа может выглядывать, не будучи сама видимой. В западной части Сан-Мигуэля

жена не имеет права идти рядом с мужем, когда они отправляются в гости или к обедне: она в почтительном отдалении следует за своим господином, который шествует величаво, на несколько шагов впереди. Прежде дамы среднего класса не могли даже выходить за покупками; они принимали торговцев на дому и покидали свой гинекей только для того, чтобы идти в церковь; было даже в обычае, что, при виде идущего на встречу мужчины, женщины отворачивались к стене, чтобы избежать взгляда постороннего.

Возрастание населения идет очень быстро, благодаря постоянному перевесу рождений над смертными случаями. Семьи очень многочисленны, и пропорция детей, умирающих в раннем возрасте, относительно весьма не велика; однако, переживание слабых, говорят, влечет за собой некоторое ухудшение расы, и теперь на островах будто-бы не встретишь людей, которые по физической силе и крепости телосложения могли бы сравниться с крестьянами португальской провинции Миньо. Некоторые эпидемии появляются и здесь по временам. Хроники говорят о «морах», которые, вместе с мавританскими пиратами, опустошали народившиеся колонии. В настоящее время в архипелаге разгуливают гастрические и тифозные лихорадки, но топографическое распределение его городов и деревень уже само по себе ослабляет действие этих болезней. За исключением немногих мест, где призыв торговли вызвал к жизни более или менее скученные поселения, остальные жилища следуют одно за другим, в виде длинных улиц, по окружности островов, и таким образом, все эти жилища выставлены благодетельному влиянию морской бризы. Медик Буллар констатировал только два случая чахотки между своими больными[1]. Пища крестьянина самая простая, но питательная; азорцы—большие едоки хлеба, который они пекут из маисовой муки: им надо его, в среднем, по крайней мере два килограмма (почти пять фунтов) в день на человека, и они употребляют хлеб со всеми другими своими явствами, овощами, рыбой, плодами. «Все ешь с хлебом—будешь здоров», говорит их пословица.

Земли, несмотря на то, что они очень плодородны и возделаны на всей окружности островов до высоты 500 метров, недостаточны для прокормления увеличивающагося населения. Причина этого недостатка продовольствия должна быть приписана главным образом неравномерному распределению земельной собственности; во время путешествия Гонта, в 1840 г., число земельных собственников составляло лишь тридцать шестую часть общей цифры взрослых жителей[2]. Хотя закон отменил маираты, но старинное феодальное деление в большей части сохранилось до сих пор: остров Сан-Мигуэль почти весь принадлежит десятку крупных помещиков, как в первые времена колонизации; многие имения обнимают широкую полосу земли, простирающуюся от береговых утесов до конусов вулканов. Фермеры, правда, пользуются наследственным правом оставаться на обрабатываемой земле и продавать сделанные ими на ней улучшения; но налог, который они должны платить владельцу, составляет значительную часть, иногда половину годового дохода. Мелкие земельные владения немногочисленны, а крепостные пошлины и другие судебные расходы, сопряженные с переходом недвижимого имущества в другие руки, уничтожают действительную его ценность для мелкого сельского хозяина, который в конце концов видит себя обездоленным в пользу какого-нибудь законника или разбогатевшего эмигранта, вернувшагося из Бразилии[3]. Оттого почти во всех семействах часть молодежи уходит искать счастья в чужой стороне: годовая цифра эмигрантов колеблется от двух до трех тысяч; итог сумм, ежегодно посылаемых этими выходцами своим родным, исчисляют в миллион франков. В десятилетие с 1872 до 1882 года из Понта-дельгадского округа эмигрировало 15.473 человека[4]. Образовались даже пароходные общества специально с целью эксплоатировать это эмиграционное движение и регулярно направлять в разные края. К первым странам, выбранным азорскими переселенцами, к Бразилии, Соединенным Штатам и африканским владениям Португалии,

1 Ballar, „Winter in the Azoree“.
2 Hunt, „Journal of the Geographical Society of London“.
3 Arruda Furtado, цитир. мемуар.
4 Arruda Furtado.

в последнее время прибавились еще Сандвичевы острова. С половины настоящего столетия было несколько случаев, что азорские матросы с китоловных судов дезертировали, чтобы поселиться в Гавайе; но настоящий поток эмиграции начался только в 1879 году, после бедствия, которому подверглись апельсинные плантации. В конце 1880 г. португальская колония Гавайи состояла из 1.493 душ, в том числе 813 уроженцев Азорских островов, 420 с о. Мадеры и 120 из архипелага Зеленого Мыса; затем в 1882 году из одного только округа Понта-Дельгада слишком две тысячи азорцев переселилось на Сандвичевы острова; в 1884 г. в этом океанийском архипелаге насчитывали уже 9.377 португальцев, большею частию азорских выходцев. Особенно молодые люди бегут с Азорских островов, чтобы избавиться от военной службы и скучной гарнизонной жизни в какой-нибудь крепости Португалии. В силу недавно изданного закона, мальчики, имеющие более четырнадцати лет от роду, обязаны вносить при отъезде сумму, необходимую для найма, в случае надобности, заместителя; но закон этот часто обходится.

Земледелие составляет главный промысел азорцев. Орудия, употребляемые пахарями, очень примитивны, а бороны даже напоминают времена каменного века: это просто-напросто деревянный брусок, усаженный на нижней стороне остроконечными кусками лавы. Но почва необычайно плодородна и возвращает сам двадцать и более посеянное зерно. Землевладельцы редко находятся в отсутствии из своих имений, как это обыкновенно делают крупные помещики в других странах; они постоянно живут на острове и принимают на себя все заботы и хлопоты по отдаче принадлежащих им земельных угодий в аренду; во многих местностях Сан-Мигуэля не найдешь пяди земли, лежащей без употребления; даже вершины скал, кажущиеся неприступными, и те засеяны иньямом. Пшеница очень хорошо родится на острове св. Марии, но на острове св. Михаила она быстро вырождается; кроме того, возделывают бобы, фасоль, сладкий картофель (пататы) и ямс или иньям, которые служат не только для народного продовольствия, но также для приготовления спирта и водки. Все роды культуры дают обильные урожаи, и севооборот во многих местах установлен таким образом, что собирают две жатвы в году; однако, продукты, вообще говоря, не так хороши, как на континенте и в других атлантических архипелагах.

Лакмусовый ягель, лишай, растущий на скалах, который прежде употребляли в большом количестве для окраски тканей, был первым прибыльным товаром отпускной торговли; он составлял монополию казны, как доход, предназначенный специально на «булавки» королевы, и продавался по очень хорошей цене. Культура пастели также обогащала Торсейру и другие острова в первое время колонизации; сахарный тростник был источником благосостояния для Виллафранки. Виноградники до половины настоящего столетия, когда большая часть их была истреблена грибком oidium, доставляли довольно посредственное белое вино, небогатое сахаром, но обильное; затем апельсинные плантации заменили виноградники и так успешно, что Сан-Мигуэль отправлял в Лондон ежегодно до 250 миллионов апельсинов, ценностью почти на 3 миллиона франков; но апельсинные деревья были поражены «течью» или «слезой» (lagrima), затем другими болезнями, и торговля этим продуктом сократилась на три четверти и даже более против прежнего времени. Так, наприм., в 1885 г. с о. Сан-Мигуэля было вывезено только 131.141 ящик т.е. 50 миллионов апельсин. Новозеландский лен (phormium tenax), неизвестно с какого времени произрастающий на этих островах, даже на самых бесплодных землях, утилизируется теперь местными ткачами. Ананасы, разводимые в теплицах, превосходного качества и находят очень выгодный сбыт. С 1878 года азорцы занимаются также, и с успехом, культурой чая: одна плантация заключала в 1885 г. до 27.000 чайных деревьев. Но важнейший продукт сельского хозяйства составляет все-таки кукуруза, и каждый год, несмотря на огромное потребление внутри страны, значительное количество этого хлеба вывозится за границу. Что касается земледельческого населения, то оно крайне бедствует, несмотря на плодородие обрабатываемой им почвы; в обыкновенное время поденная плата сельских рабочих колеблется между 85 сантимами и полутора франками, и только

в страдную пору доходит до 3 франков[1].

В прежнее время островитяне носили одежду исключительно из тканей туземного производства, но дешевизна иностранных сукон и бумажных материй почти совершенно убила местную промышленность. Фабрик и заводов в собственном смысле на островах не имеется, есть только несколько мельниц, кожевень и сыроварень; азорцы, но занимающиеся земледелием, почти все промышляют торговлей. Движение торгового обмена возрастает с каждым десятилетием: оно почти удесетярилось в период с 1830 по 1880 год; однако с этого времени болезнь апельсинных деревьев имела следствием уменьшение торговой деятельности, которая теперь понемногу оправляется от пережитого кризиса.

Санта-Мариа, ближайший к Португалии и к Мадере остров Азорского архипелага,—один из самых малых и наименее населенных; но прежде он, повидимому, имел более значительные размеры, судя по тому, что его морской пьедестал, размытый волнами, которые нагоняет страшный западный ветер, тянется на довольно большое расстояние на северо-западной стороне острова. Километрах в сорока к северо-востоку от острова св. Марии, скалы Формигас и Формигон, «муравьи карлики, окружающие муравья-великана», тоже не что иное, как остатки бывшего островка, длиною около 10 километров. Но если море разрушило часть основания, на которой покоилась Санта-Мариа, то этот остров увеличился с другой стороны, благодаря поднятию подводной её части: следы прежних берегов видны на окружности острова до 90 метров высоты. Кажется, эта западная оконечность Азорского архипелага давно уже не подвергалась вулканическим извержениям или вспышкам: ни в одном из кратеров острова не заметно шлаков недавнего происхождения, а вылившиеся прежде потоки лавы выветрились, частию даже покрылись перегноем и растительностью. Санта-Мариа отличается от других Азорских островов присутствием слоев известняка, который образовался под водой до поднятия берегов; эти отложения, относящиеся к концу миоценовой эпохи, деятельно разрабатываются обжигальщиками извести, которые отправляют добываемый продукт в город Понта-Дельгада, на остров Сан-Мигуэль; красная глина, находимая на острове Санта-Мариа, идет на приготовление пуццоланы[2].

Главное поселение острова св. Марии, Вилла до-Порта, или «город Порта», не заслуживает этого имени: его бухточка, простая вырезка южного берега, открыта западным и южным ветрам; стоянка в ней неудобна, и часто корабли принуждены бросать якорь в рейде, готовые бежать при первом тревожном сигнале. Санта-Мариа—один из тех островов, которым приходилось всего более терпеть от набегов пиратов, алжирских и французских, в шестнадцатом столетии. В сухие годы ему грозит недород, иногда голодовка.

Сан-Мигуэль, самый большой и наиболее населенный из Азорских островов (он заключает почти половину общего числа жителей архипелага), состоит в действительности из двух отдельных земель, промежуток между которыми был заполнен целым рядом извержений. Множество вулканических конусов, издали напоминающих своей формой ряд кротовых горок, занимают это промежуточное пространство, над каменистой равниной, образованной потоками лавы, которые вылились с двух первоначальных островов. Вулканический пепел, перемешанный с обломками этих лав и видоизмененный действием дождей, дал слой плодороднейшей земли, которая сделалась земледельческой областью Сан-Мигуэля: в этой местности и сгруппировалось огромное большинство населения[3].

Над восточной частью Сан-Мигуэля, которая походит на о. св. Марии видом своих изрытых скатов и выветрившихся лав, господствует высшая вершина острова, Пико-да-Вара, бывший вулкан, ни разу не приходивший в действие со времени прибытия в край поселенцев; в лесах, покрывающих склоны этой горы, попрятались первые африканцы, оставленные на острове, в 1444 году, когда сильные сотрясения колебали западные земли, при чем некоторые вершины гор были обращены в пепел и взлетели на воздух. К западу от Пико-да-

1 Arruda Furtado, цитиров. сочинение.

2 G. Hartung, цитированное сочинение.

3 Fonque, „Voyages geologiques aux Acores“, „Revue des Deux Mondes“, 1873.

Вара, неправильная цепь местами прерывается равнинами в форме цирков. Одна из них, открывающаяся на южной покатости острова, носит название долины «Печей», das Furnas; отсюда выходит ручей, называемый «Горячей рекой», Ribeira Cuente, спускающийся к морю узкой долиной, почва которой утилизируется для производства скороспелых плодов. На пространстве около 400 метров во всех направлениях земля изрыта бесчисленными отверстиями, из которых вылетают струи воды и паров. Некоторые ямки имеют диаметр не больше, чем у иголки: это по местному названию, «глазки», *olhos*, откуда выходят капельки воды и пузырьки воздуха; самый обильный ключ, известный под именем «котла», caldeira, бьет из земли в виде широкого снопа, взлетающего на высоту одного метра над уровнем бассейна; одно отверстие, прозванное «пастью ада», выбрасывает с шумом кружащиеся струи газа, тем более густые и беспорядочные, чем более волнуется внешняя атмосфера. Из окружающих скал, побелевших от действия кислот, вытекает дымящаяся вода, и даже в самом ложе ручья существуют горячие ключи, присутствие которых обнаруживается кипением воды и выделением пара на поверхности. Температура этих вод, из которых иные утилизируются в водолечебных заведениях, представляет большое различие, смотря по обилию водных площадей и свойству каналов, посредством которых подземная вода выходит наружу: некоторые источники имеют температуру 98 градусов, т.е. почти достигающую точки кипения; другие, напротив, едва заслуживают названия теплых вод, так как температура их не превышает 22 градусов; такая же разница замечается между различными ключами и в отношении минерализации. За последния три столетия долина Печей почти нисколько не изменилась по внешнему виду: единственные перемены, происходящие в этой долине,—обвалы, в том или другом месте, скал, распадающихся от действия фумаролл, да постепенное отложение толстых слоев кремнезема, в которых окаменевают растения: иногда большие деревья превращаются таким образом в камень.

Горячие ключи и фумароллы встречаются во множестве и в остальной части острова, где они расположены по прямой линии, от востоко-юго-востока к западо-северо-западу, в том же направлении, как и самая ось архипелага. Сан-Мигуэль богат также озерами, бывшими кратерами, которые некогда извергали горящую лаву, а теперь наполнены дождевой водой. Одно из этих озер занимает овальную впадину непосредственно к западу от долины Печей; соседнее озеро, имевшее 5 километров в окружности и более 30 метров глубины, было совершенно засыпано пеплом во время извержения 1563 года: теперь оно так и называется «Сухое озеро», Lagoa Secca. Километрах в десяти оттуда, озеро Конгро (Lagoa do Congro) наполняет кратер, крутые стены которого вздымаются на 90 метров над уровнем воды. Далее, другое альпийское озеро, называемое «Огненным», Lagoa do Fogo, поместилось в жерле, разверзшемся в 1563 году. Высокая гора, Volcao, или «Вулкан» по преимуществу, исчезла вся целиком, улетучилась, превращенная в пепел и куски пемзы, ниспадавшие на остров и на океан: ручьи, засыпанные дождем раскаленной пыли, перестали течь на целые две недели; каравеллы, плававшие на расстоянии 400 километров от Сан-Мигуэля. были покрыты по всей палубе пеплом и лишь с большим трудом могли пролагать себе путь в море сквозь сплошной слой пемзы; говорят даже, что вулканическая пыль была доносима ветром до самой Португалии. Когда черная туча, скрывавшая театр извержения, рассеялась, островитяне увидели, что профиль гребня совершенно изменился. К западу от Огненного озера хребет острова представляет наиболее глубокую выемку; большая дорога, идущая с одного склона на другой, между Понта-Дельгада и Рибейра-Гранде, переходит порог на высоте 210 метров, поднимаясь с одной стороны, понижаясь с другой, без крутых всходов и спусков.

Западная оконечность острова Сан-Мигуэль почти вся занята большим круглым кратером замечательно правильной формы. Края его по всей окружности, длиной около 15 километров, иззубрены действием дождей, и несколько вулканических конусов, расставленных через известные промежутки, господствуют над обширным амфитеатром: самый высокий из них, Пик Креста, Pico da Cruz, на юго-востоке, достигает 846 метров; водная площадь, наполняющая дно большого кратера, лежит всего только на высоте 264 метров. Существует легенда, что это жерло разверзлось в 1484 году, т.е. в тот самый год, когда первые жители были

оставлены на острове Кабралем; однако, геологическое изучение кратера не подтверждает этого рассказа туземцев, внушенного, очевидно, любовью к чудесному. Точно также следует смотреть как на плод народного воображения на самое имя «Caldeira das Sete Cidades», «Котел Семи Городов», данное этому обширному амфитеатру вулканического происхождения: без сомнения, жители острова думали, что здесь, на дне вод, покоятся, поглощенные разверзшейся землей «Семь городов» Антилии, основанных семью легендарными епископами, бежавшими из Португалии во время нашествия мавров. Наибольшая глубина подводной части кратера превышает 106 метров: с этой глубины, вероятно, и вылетал некогда пепел при извержениях. Зеленая водная площадь «Большого озера», Lagoa Grande, занимает северную впадину Кальдейры, но узкая коса, едва выступающая наружу, отделяет ее от другой водной площади, «Лазурного озера», Lagoa Azul, которое простирается до основания лесистых откосов, в южной части амфитеатра. Живописная деревня рассыпала свои домики по скатам до самой перегородки, разделяющей два озера, и четыре вулкана с кратером высятся в разных частях котловины. Каждый из двух южных вулканов содержит маленькое озеро на дне своей верхней чаши. Говорят, что глубокия галлереи, откуда жидкая лава изливалась прямо в море, проходят сквозь всю толщу стены «Семи городов»[1].

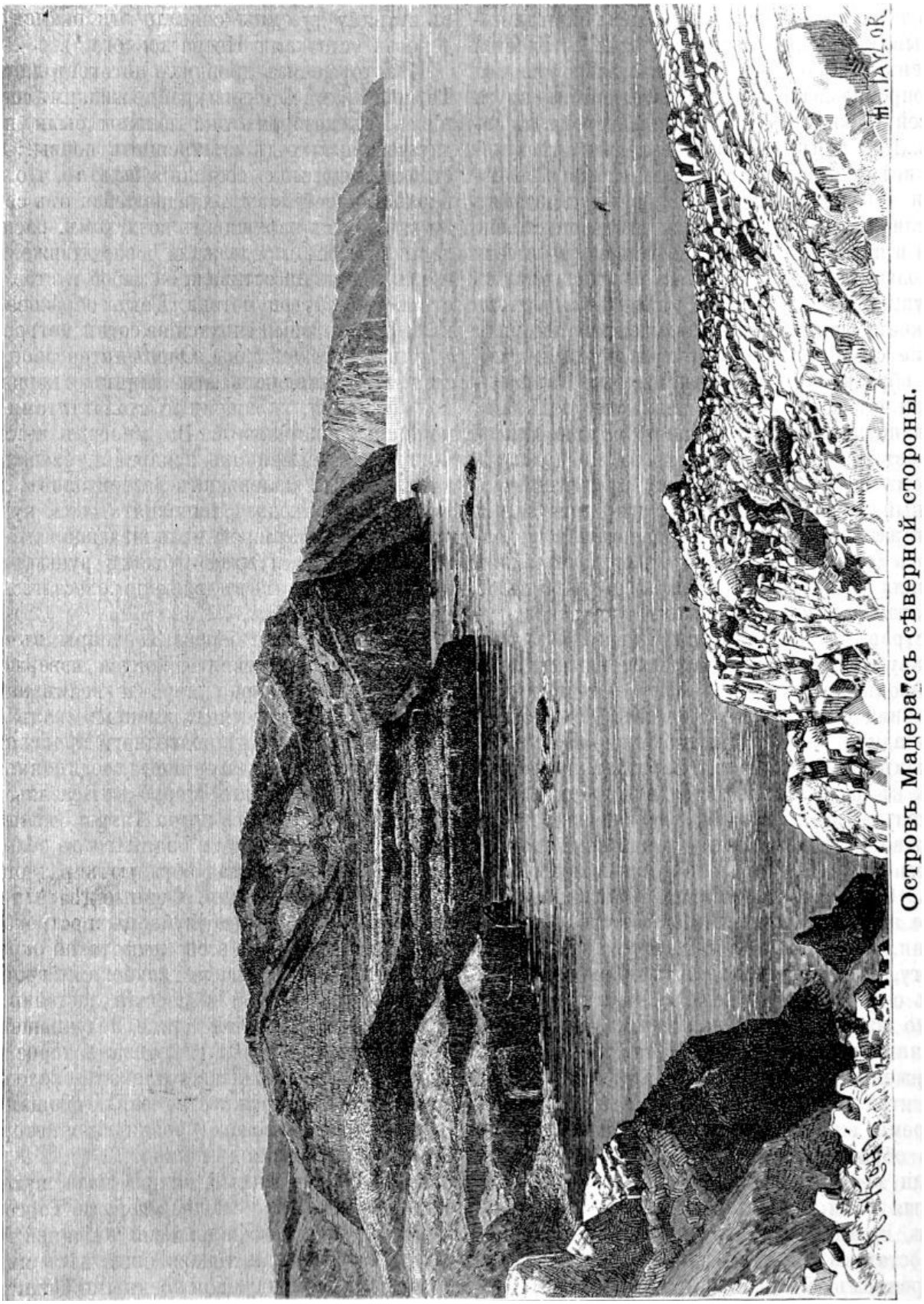
В соседстве этой котловины «Семи городов», у острова Сан-Мигуэля уже в исторические времена не раз появлялись новые подводные вулканы. Так, близ южного берега, против порта Виллафранка, в море виден кратер замечательно правильной формы, внутри которого мелкие суда находят безопасное убежище во время бури; но эпоха появления этого подводного вулкана не известна. Первое извержение, которое азорцы наблюдали в открытом море, относится к 1638 году. Тогда из недр океана, к юго-западу от мыса Феррариа, вылетал столб пепла, по выражению хроники «такой высокий, как три башни, поставленные одна на другую», и мало-по-малу из-под воды выступил черноватый конус; но этот новорожденный остров просуществовал всего несколько месяцев: первые зимния бури разрушили его, и от вулкана осталась только высокая, лежащая близко от поверхности, мель. К юго-западу от того места, где стоял этот эфемерный остров, в 1811 году появился другой—знаменитый Сабрина, названный так по имени английского фрегата, экипаж которого оставался в продолжение нескольких недель очевидцем этого морского извержения. Столбы пепла и шлаков, следовавшие один за другим через известные промежутки, поднимались гораздо выше утесов соседнего берега, на 200 метров и более; облако паров, облегавшее верхнюю часть колонны обломков, кружилось в воздухе. как исполинское колесо; молнии пронизывали по всем направлениям темную массу вертящихся облаков; смерчи, двигавшиеся наклонно от действия ветра, вздымали огромные волны вокруг центрального извержения. На четвертый день показалась черная полоса берега Сабрины, которую можно было принять за высунувшуюся спину какого-то чудовища; по прошествии трех часов остров имел уже 6 метров высоты и принял форму разорванного кратера, около 450 метров в окружности, откуда во время отлива вода выливалась в виде кипящей реки, а при следующем приливе море снова наполняло опорожненную лагуну острова. Шестнадцать дней спустя после начала извержения вулканический конус достиг максимума своих размеров: 75 метров в вышину и 1.850 метров в окружности. Рассказывают—правда, голословно,—будто англичане поспешили водрузить свой флаг на новорожденной земле, обрадовавшись счастливому случаю, который давал им место для сооружения крепости в центре океана; но составленный из такого рыхлого и непрочного материала, как пепел и шлак, этот будущий новый Гибралтар не мог противостоять удару волн и мало-по-малу исчез под водой: вскоре после того лот находил глубину в 28 метров в том месте, где появлялся остров Сабрина[2].

Первое поселение португальских и «мавританских» эмигрантов на южном берегу Сан-Мигуэля носит просто имя Povoacao, т.е. «Деревня». Его сменила, в качестве главного города, Виллафранка, расположенная тоже на южном берегу, при рейде, который защищают от

1 V. T. Walker, „The Azores“.

2 Webster, „Description of the Island of Saint-Michael“;—Hartung, цитированное сочинение.

западных ветров вулканический островок и перешеек из мелей, соединяющий его с прибрежьем. Но в 1522 году этот город был совершенно разрушен извержением: потоки земли и ила, спустившись лавинами с гор, лежащих на севере, хлынули на Виллафранку и поглоти-

Островъ Мадера съ сѣверной стороны.

ли ее, вместе с пятью тысячами жителей; другие «земляные потопы», говорят летописцы, ринулись на разные другие пункты побережья и выдвинулись в море в виде мысов.

Виллафранка, родина знаменитого путешественника Бенто-де-Гоэс, проникшего в центр

Азии в начале семнадцатого столетия, снова сделалась многолюдным городом и ведет непосредственно торговлю с Англией. Но на степень столицы возвысился другой город—Понта-Дельгада (Длинный Мыс), лежащий западнее, за большим местечком Алагоа, и на том же южном берегу: это четвертый город Португалии по числу жителей. Выступ берега, от которого он получил свое имя, несколько защищал его рейд от ярости западных ветров, но эта защита была недостаточна для кораблей, посещающих понта-дельгадский порт; в среднем насчитывали пятьдесят дней в году, когда прекращалось всякое сообщение между судами и твердой землей. Поэтому в шестидесятых годах, в эпоху большого развития торговли апельсинами, приступили к постройке жете, длиной в 850 метров, защищающего порт с южной стороны и загибающагося на востоке своим конечным молом: эта плотина защитит якорную стоянку от всех ветров, и сотни судов найдут место в порте. Более половины внешней торговли Азорских островов ведется через Понта-Дельгаду (так в 1883 г., в этом порте перебывало 322 судна, общей вместимостью 165.765 тонн; ценность торговли с другими странами, кроме Португалии, составляла 3.410.000 франков). Вместе с тем, это—лучший город острова по обширности опоясывающих его садов и возделанных полей; благодаря удобным путям сообщения, он служит складочным пунктом для произведений северной покатости острова, где находится второй по важности город Сан-Мигуэля—Рибейра-Гранде. Маленькое поселение Копеллас, на северном берегу, замечательно как любимое дачное место богатых азорцев.

Между Сан-Мигуэлем и Терсейрой, но гораздо ближе к последнему из этих островов, в 1720 году на море родился островной вулкан, более высокий и более живучий, чем вулканы, появлявшиеся в водах Сан-Мигуэля; однако, составленный из таких же непрочных материалов, он тоже в конце концов исчез, и теперь, как показали промеры морского дна, не существует даже мели на том месте, где стоял этот конус вулканического пепла. В 1867 г., по другую сторону острова Терсейра, близ деревни Серрета, занимающей его западную оконечность, образовалась новая подводная горка из вулканических шлаков, не доходившая, впрочем, до поверхности моря. Целые месяцы перед тем почва часто колебалась; иногда насчитывали по пятидесяти и более сотрясений в день, и некоторые были настолько сильны, что опрокидывали дома: обитатели этого округа Терсейры жили все это время лагерем в садах. Наконец, желтовато-зеленый цвет моря, кипение его вод, сильные взрывы возвестили образование подводного вулкана; затем жители увидели выходившие из моря столбы воды и пара, которые поднимались на высоту нескольких сот метров и рассеивались в воздушном пространстве, в виде беловатых облаков; ракеты шлаков и камней пестрили жидкие столбы своими черными чертами и падали обратно в клокотавшие волны. Пары вылетали из моря многочисленными фонтанами на эллиптическом пространстве около 5 километров длиной, и километров на двадцать кругом вода была окрашена в желтый, в зеленый, в красный цвет от присутствия солей железа в растворе. Извержение продолжалось семь дней, затем поверхность моря приняла свой обычный вид, и подземный вулкан мало-по-малу понизился[1].

Остров Терсейра, или «Третий», имеющий овальную форму, состоит собственно из двух островов, как и Сан-Мигуэль. Средняя и восточная часть, с её «Котлом» (Caldeirao), и западная часть, доминируемая «Большим Котлом» (Caldeira) св. Варвары, принадлежат к различным периодам образования. «Котел»—это цирк около 10 километров в окружности, обставленный вулканами с кратером и сплошь заросший густым кустарником. С краев котловины Санта-Барбара, более высоких, виден весь остров, как на ладони, а вдали, по направлению от запада к югу, развертывается вся панорама центральных островов архипелага; в ясную погоду можно даже различить, на юго-востоке, неопределенные очертания Сан-Мигуэля. Последнее извержение, имевшее место внутри Терсейры, относится к 1761 году: лавы, вылившиеся в то время, еще слишком плотны, чтобы можно было обратить их в пахатную землю: уже издали можно заметить эти красноватые каменные реки, не имеющие другой растительности, кроме фиговых деревьев. Единственный остаток деятельности, сохранившейся во внутреннем очаге, обнаруживается выделением газа и водяного пара температуры 90 граду-

1 Fouque, цитирован. мемуар.

сов: вокруг этих фумаролл отлагаются кристаллы серы, что дало повод назвать эту местность, расположенную в центре острова, «Серными печами» (Furnas d'Enxofre). Под застывшими потоками лавы прежних извержений часто находили большие деревья, принадлежащие, впрочем, к тем же породам, как и представители нынешней флоры: в старину туземцы считали эти окаменелые деревья остатками Ноева ковчега[1].

Некоторые из древних потоков лавы на Терсейре замечательны крайне жидким состоянием, в котором они должны были находиться при выходе из трещин почвы. Следствием такого их состояния было то, что под верхней корой лавы, охладившейся от соприкосновения с наружным воздухом, расплавленная масса продолжала свое движение, и после истечения оставила за собой пустое пространство внутри потока. Так образовались галлереи, которые тянутся на сотни метров в толще застывшей лавы. Очень интересное зрелище представляют эти длинные коридоры под скалами, украшенные сталактитами из черных кристаллов. Во многих местах вода, защищенная от испарения, скопляется там в виде маленьких резервуаров, куда женщины приходят наполнять свои кувшины. Одна из галлерей, оканчивающаяся близ города Ангра, служит руслом ручью, воды которого приводят в движение колеса нескольких мельниц[2].

Против южного берега Терсейры в море видны остатки древнего конуса извержения, разделенного теперь ударом волн на два островка, известные под именем скал Кабрас. Другой вулкан подводного происхождения существует до сих пор, соединенный с самым берегом: это Морро-до-Бразиль, высящийся к западу от порта Ангра. Стены его, состоящие из пепла, смешанного с обломками морских раковин, образуют разноцветный туф, которому атмосферные деятели придали на вершине форму зубцов и остроконечных пирамид; на всей приморской окраине основание горы иссечено глубокими гротами, где гнездятся голуби и морские ласточки. На вершине «Бразильской горы», получившей это название от красильного дерева, которое там прежде росло, находится котловина около 3 километров в окружности, заключающая два кратера неодинакового уровня, дно которых теперь обращено под пашни.

Форт, построенный на склонах вулкана, защищает Ангру, главный город Терсейры, бывший некогда оффициальной столицей Азорских островов; и теперь еще здесь имеет пребывание командующий военными силами архипелага. Уступая Понта-Дельгаде по размерам, Ангра представляет более монументальный вид. Ее прозвали «городом церквей»,—так многочисленны здесь храмы и монастыри; в оффициальных документах она носит пышный титул Angra do Heroismo, т.е. «Бухта Героизма», присвоенный ей в память сопротивления, которое она оказала десантному войску, присланному дон-Мигуэлем в 1829 году: войско это тщетно пыталось овладеть батареями города Прайя, расположенного при безопасной бухточке, на восточной оконечности острова. Осаждающие должны были поспешно сесть обратно на корабли, и Терсейра сделалась опорной точкой военных сил, которые постепенно отвоевали Азорские острова, затем Португалию и наконец вступили, в 1833 году, торжествующими победителями в Лиссабон, чтобы провозгласить там, королевой донну Марию да-Глориа.

На острове Терсейра бывали также аграрные возмущения, вследствие захвата общинных земель крупными землевладельцами[3].

Остров Грасиоза, т.е. «Прелестный», не заслуживает более этого названия по своей растительности. Это одна из тех азорских земель, где жители особенно усердно потрудились над истреблением существовавших прежде лесных богатств; но они тщательно возделывают ее, а города её, Санта-Круц и Прайя, оба на северном берегу, имеют кое-какую промышленность. Прежде население занималось тканьем полотен и шерстяных материй, которые находили сбыт за границу и вывозились даже в Бразилию; но теперь, конечно, немыслима никакая конкурренция между островком, затерянным среди беспредельного океана, и мануфактур-

1 Boid, „A description of the Azores or Western Islands".

2 Fouque, цитирован. мемуар.

3 Walker, цитированное сочинение.

ными городами Европы и Америки. В настоящее время главный промысел Грасиозы—производство кирпича, который делают из красной глины, происходящей от разложения лавы. Пуццоланы, цементы, огнеупорные глины, продукты, которые можно изготовлять миллиардами тонн, эксплоатируя вулканы Азорских островов,—таковы, вероятно, будущие богатства этого океанийского архипелага.

Со времени прибытия португальцев, на Грасиозе не было извержений; даже значительные землетрясения редко случались; один теплый минеральный источник, смешивающий свою струю дымящейся воды с морской волной, да фумароллы углекислоты и сернистого водорода, наполняющие этими газами естественный грот на дне восточной кальдейры,—вот единственные внешния проявления вулканической деятельности. Посетители не всегда могут безопасно спускаться в эту пещеру с испорченным воздухом, дно которой занято маленьким озером теплой воды. Гартунг объясняет происхождение этой пустоты внутри скалы огромными пузырями газа, которые пробивались сквозь лаву, бывшую еще в жидком состоянии.

Сан-Жорже (о. св. Георгия), центральный остров средней группы и всего архипелага, отличается от других азорских земель формой и рельефом. Длинный и узкий, он расположен по линии, точно совпадающей с общей осью Азорской системы, и цепь его гор, которая тянется на пространстве около 50 километров, не заключает ни одного конуса или купола, выдолбленного на верхушке в виде глубокой котловины; на нем нет даже кратера в собственном смысле. Восточная часть этого острова, которая была первая колонизована фламандскими выходцами под предводительством ван-Гуэртера, пребывает теперь в состоянии покоя, тогда как западная, где находится главный город, Веллас, защищенный от западного ветра высоким мысом, подвержена еще частым сотрясениям. Колебания почвы, говорят, чаще всего ощущаются здесь к концу осени. По преданиям, собранным Бойдом, подводные вулканы уже трижды появлялись у западной оконечности острова—в 1691, в 1720 и в 1757 годах: в этом последнем году восемнадцать островков выступили на поверхность моря, но вскоре опять исчезли, уступая разрушительному действию волн. В эпоху цветущего состояния азорских виноградников остров св. Георгия производил лучшие вина в архипелаге; в наши дни жители его занимаются преимущественно скотоводством и отправляют значительное количество скота за границу.

Колоссальная конусообразная гора, «Пик» по преимуществу, вздымающаяся на 2.320 метров над центральной группой Азорского архипелага, имеет такой величественный вид, что остров, на котором она стоит, не получил даже особого имени: простой пьедестал исполинского вулкана, хотя его овальная окружность развертывается на пространстве 120 километров, он никогда не назывался иначе, как именем Пико, принадлежащим собственно поддерживаемой им горе. С обеих сторон острова почва постепенно повышается к Пику, очень полого на восточной, более круто на западной покатости. У собственно основания вулкана наклон становится значительнее, и правильный конус вершины так выпрямляется, что когда смотришь снизу, стенки кажутся почти вертикальными; оттого «Пик» часто сравнивали с громадной башней, поднимающейся выше пояса облаков. Издали, в ясную погоду, можно различить на вершине горы конечный конус, описываемый кратером, и на верхних склонах придаточные конусы, выдвинутые последовательными извержениями. Впрочем, очень редко представляется возможность рассмотреть вулкан во всех деталях его архитектуры: почти всегда, во всякое время года, он окутан туманом; вершина его еще реже бывает видна мореплавателям, чем вершина Тенерифского пика. По целым месяцам она остается закрытой облаками, и даже летом, в самую жаркую пору, снег, защищаемый парами от лучей солнца, держится в трещинах скалы. Немногим из предпринимающих восхождение на Пик удается дождаться такого счастливого момента, когда для них расступится густая завеса облаков, и достигнуть краев кратера, прежде чем спустится занавес над панорамой островов архипелага, рассеянных по синей поверхности океана. Обыкновенно уже на высоте 1.200 метров по склонам расстилается вокруг Пика нижний слой облачного покрова; когда пасса-

ты дуют на уровне моря, контр-пассаты проходят в верхних областях атмосферы; раздельный пояс между ветрами обозначается слоем паров, который на Азорском Пике всегда лежит ниже, чем на Пике де-Тейде, в группе Канарских островов, потому что под более северной широтой возвратные ветры уже значительно спустились к морю. Скопления паров, окружающие Пик, разлагая поверхностную часть скал, способствуют образованию глинистой почвы, очень благоприятной для произрастания трав.

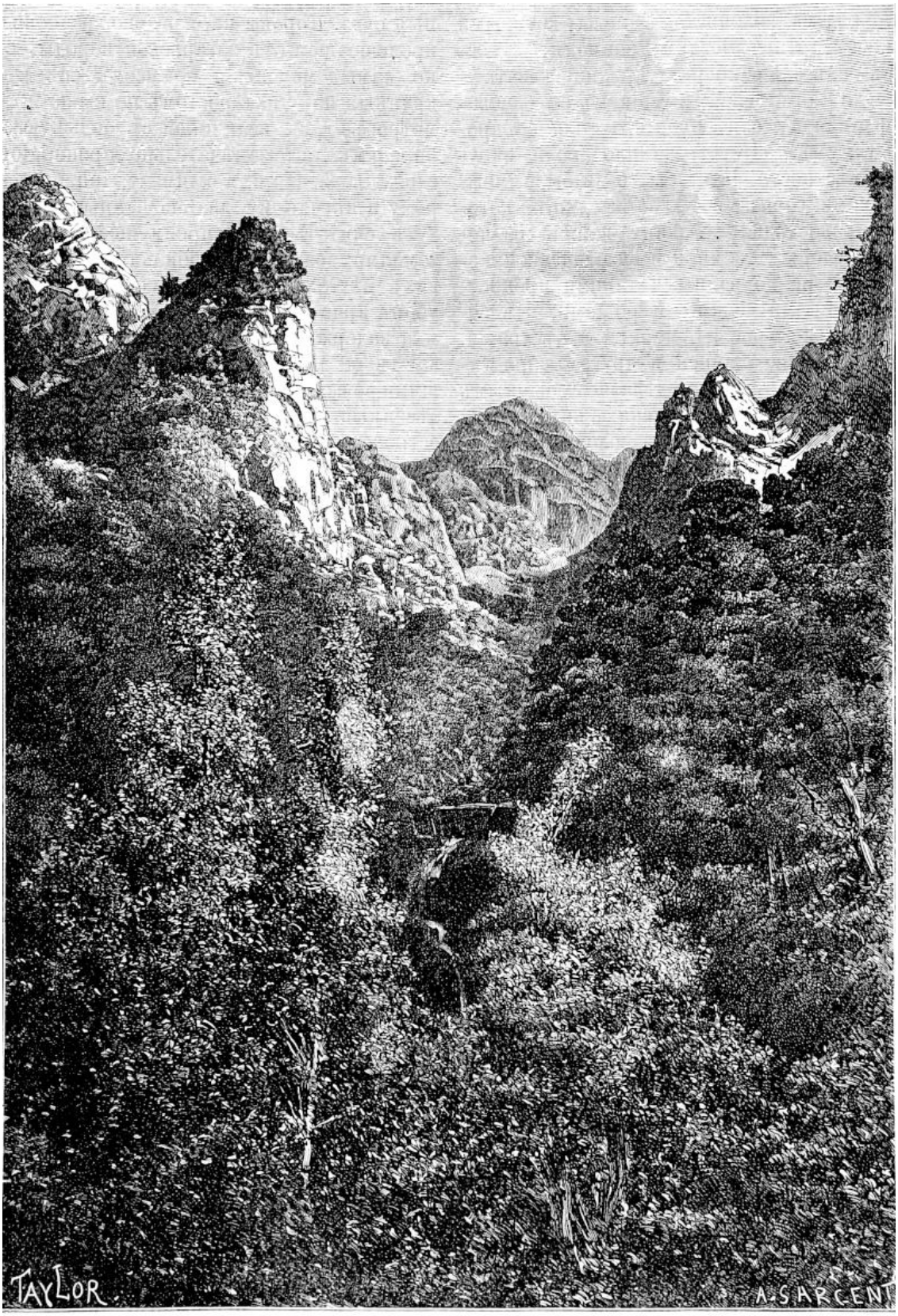
Со времени португальской оккупации здесь бывали сильные извержения, но ни одно из них не происходило в конечном кратере, труба которого выпускает лишь легкий столб пара, смешанного с углекислотой и сернистым водородом. Извержение 1572 года, кажется, отличалось от всех других вулканических пожаров азорского мира необыкновенной силой своих огней: колоссальный маяк, зажженный самой природой, освещал весь архипелаг, превращая ночь в день; свет его отражался даже в водах Сан-Мигуэля, отстоящего на 250 километров. Подобно Терсейре и Грасиозе, Пико в большей части состоит из лав, которые изливались в совершенно жидком состоянии и текли по скатам горы извилистыми кривыми; во многих местах встречаются подземные галлереи, образовавшиеся вследствие истечения ручья лавы, и пещеры, происшедшие от огромных пузырей газа, наполнявших расплавленную массу. Почти на всей окружности Пико, также как в Сицилии вокруг Этны, дождевые воды исчезают в пепле и пористой лаве, чтобы течь подземными ручьями; они снова выходят на поверхность только у самого моря, попеременно скрываемые приливом и открываемые отливом: в некоторых селениях крестьянки ходят на море полоскать белье в часы отлива, когда показываются подземные источники, бьющие ключем поверх соленой воды[1]. Несмотря на естественную влажность климата и обилие дождей, жители Пико вынуждены устраивать цистерны, чтобы иметь достаточный запас пресной воды.

Хотя по пространству Пико гораздо больше своего соседа, острова Файяль, по цифре населения он лишь немногим превосходит этот последний. Рассказывают, что первые колонисты, поселившиеся на Файяле, не осмеливались переплывать пролив, отделявший их от Пико: вид грозной горы пугал их, точно вид сказочного великана. Тем не менее, остров вскоре был разделен на большие имения: богатые Файяльские роды завладели плодородными землями противоположного берега и поселили там земледельцев на условии отдавать помещику известную долю урожая. Благодаря культуре винограда, эти обширные имения на Пико сделались для их владельцев источником обогащения. В 1852 году производство вина, походившего на мадеру, простиралось слишком до 130.000 гектолитров (1.058.000 ведер); в следующем году грибок *oidium* сократил сбор на одну пятую, а несколько лет спустя виноградные лозы годились только для топки печей. С тех пор некоторые виноградники были вновь завоеваны для культуры: в них насадили фиговые и абрикосовые деревья, плоды которых идут на приготовление водки; жители занимаются также огородничеством, отчасти скотоводством (стада пасутся на горных лугах); но в общем производительность Пико, а вместе с тем и торговля Файяля значительно уменьшилась. Население этого обедневшего острова давало и дает наибольший контингент эмигрантов, сравнительно с другими Азорскими островами. Лагенс, столица острова,—бедный городок, расположенный на южном берегу, при лагуне, которую подумывают обратить в порт. Самые красивые дома на Пико—это те, которые жители Файяля построили против своего острова, чтобы проводить там летние месяцы, на берегу моря, вдали от мучителей-москитов.

Географически остров Файяль может быть рассматриваем как часть острова Пико; он отделен от последнего лишь небольшим проливом, глубина которого не достигает и 100 метров: туфовый островок, изгрызенный волнами, возвышает свои качающиеся башни между этими двумя островами. Файяль, т.е. «Буковый лес», не имеет более деревьев, от которых он получил свое имя; теперь мирику, принятую первыми мореплавателями за бук, можно встретить еще, «как в последнем убежище», только в центральной котловине острова, в жерле, имеющем около 400 метров глубины и более 6 километров в окружности; стены этого

1 Morelet, „Notice sur l'histoire naturelle des Acores".

огромного цирка, состоящие из лавы, разделены на правильные контрфорсы глубокими расселинами, резко выделяющимися, в виде черных полос, на зеленом фоне растительности. На дне кратера виднеется маленькое озеро. Из всех Азорских островов Файяль наилучше возде-

Видъ на Мадерѣ со стороны С. Джордже.

лан и производит лучшие плоды, апельсины, абрикосы, бананы; жители его самые трудолюбивые и промышленные между населением архипелага: кроме земледелия, они занимаются ткачеством, а женщины выделывают для иностранцев тысячу мелких вещиц, между прочим,

очень хорошенькия кружева из волокон алоэ.

Горта, или Хорта, столица острова и соперница Понта-Дельгады по внешней торговле, расположена в прелестной местности, в виду Пика и у выхода плодоносной долины «Фламандцев», названной так по первым, поселившимся здесь, колонистам, между которыми находился Мартин Бегайм, знаменитый космограф из Нюренберга. Трудно сказать—обязана ли Горта своим именем её основателю, фламандцу ван-Гуэртер, или ее прозвали «Садом» (Horta) за плодородие окружающей местности. Как бы то ни было, между азорскими городами нет ни одного, который бы превосходил столицу Файяля разнообразием флоры, туземной и экзотической, который мог бы похвалиться такими прекрасными тенистыми садами и рощами, где собраны деревья Европы, Америки и Австралии. Благодаря обилию овощей и других продуктов на рынке Горты, она сделалась обычным сборным местом американских китоловов, посещающих эти воды; из молочных продуктов особенно славится своим превосходным качеством масло, которое вывозится отсюда даже в Лиссабон. Движение судоходства в порте Горты выразилось в 1882 г. следующими цифрами:

156 парусных судов, вместимостью—43.598 тонн; 67 пароходов—98.403 тонн; всего: 223 судна, вместим.—142.001 тонна.

Горта обладает лучшей во всем архипелаге якорной стоянкой. Самая масса острова защищает ее от западных ветров, наиболее опасных в Азорском море; на востоке Пико, на северовостоке Сан-Жорже закрывают ее также от волнения и бурь; наконец на юге, две вулканические горки, соединенные с о. Файяль узкими перешейками, отражают волны, набегающие с юга. Одна из этих горок носит имя «Горелой» (Queimado), другая, monte Aguia, т.е. «Орлиная гора», или вернее Guia, т.е. «Путеводитель»,—названная так, без сомнения, потому, что указывает кораблям вход в рейд,—обращена к морю разорванным краем кратера, куда проникают волны: этот порт, прозванный «Котлом ада», хорошо защищен туфовыми стенками и служил местом убежища для мелких судов во время бури и сильного волнения. Недавно построенный волноразбиватель опирается о «Горелую» гору и продолжается на юг от якорной стоянки Горты; он прикрывает гавань площадью в 12 гектаров.

Флорес и Корво, отделенные от других Азорских островов морским пространством около 250 километров, а друг от друга проливом в 18 километр. ширины и более 1.500 метров глубины, составляют как бы особый мирок. Сношения между этими двумя островами и восточными группами редки, разве только сношения по делам управления с Гортой, главным городом провинции; впрочем, жители Флореса и Корво, отважные моряки, ведут торговлю непосредственно с Португалией и Бразилией, и многие из них поступают матросами на американские китобойные суда. Коровы на о. Корво, разновидность, происшедшая от алгарвской породы, едва-ли не самые маленькия во всем свете: самые крупные из них ростом не выше 90 сантиметров, т.е. величиной с большую собаку; впрочем, они замечательно пропорционально сложены[1]. По их климату, теплому, но сырому и ветряному, два названные острова могут считаться по преимуществу азорскими землями: дожди там обильнее, чем в других местах, бури внезапнее, растительный убор ярче зеленеет; густые ковры дерна и мха задерживают воду на высотах и выпускают её лишь маленькими струйками, текущими во всякое время года. Флорес, хотя обезлесенный, остается все-таки «Цветущим» островом: скаты и долины его необычайно плодородны. Разнообразие растительных видов тем более заметно на Флоресе, что этот остров, а также и Корво в меньшей степени, отличаются от других Азорских островов более неровным рельефом. Все склоны гор изрезаны глубокими долинами, которые правильно расходятся от центра острова к приморской окружности. Причина тому—древность лав, из которых состоят эти два западные члена Азорского архипелага: так как впродолжении длинного ряда веков не было новых излияний лавы, которые бы разливались поверх существующих застывших потоков, то дожди постепенно вырыли в толще этих последних широкия долины, где некогда росли густые леса, а ныне раскинулись богатые плантации и тучные нивы. Летописи Флореса и Корво не упоминают ни одного извержения, ни

1 Drouet, „Sur terre et sur mer“;—G. Hartung, цитированное сочинение.

одного сильного землетрясения. В кратерах нет более фумаролл, теперь в них встретишь только поросли кустарника, пастбища, маленькия озера. Большая кальдейра на Корво, занимающая половину острова, имеет наиболее правильную форму из всех вулканических котловин Азорского архипелага: это овал, около 7 километров в окружности, с краями от 600 до 700 метров высоты, перерезанными во многих местах оврагами, которые с одной стороны расходятся по направлению к морю, с другой сходятся у внутреннего озера. Туземцы говорят, что дно этого кратера представляет в миниатюре земли архипелага.

Когда-то в давнее время,—так гласить одна легенда, вероятно, арабского происхождения, сообщаемая португальским писателем де-Гоэс,—на одном из мысов северо-западной оконечности острова Корво, господствующих в одно и то же время над кратером и над океаном, стояла иссеченная из камня статуя всадника на коне. Воздвигнутая древними мореплавателями, которые завещали свою науку грядущим народам, каменная фигура простирала правую руку к заходящему солнцу, показывая дорогу в Америку: «Ищите в той стороне,—казалось, говорила она,—по следам солнца, и вы найдете другую половину мира». Можно ли придумать более грандиозное представление идеи человеческой солидарности, проходящей через все века? Материки западного полушария погрузились в мрак забвения, но на крайнем выступе океанийских земель каменный человек ждал из века в век прохода какого-нибудь заблудившагося корабля, чтобы указать ему путь к потерянной части света. Так новая эпоха должна была примкнуть, как следующее звено, к цепи древних времен.

Азорские острова, соединенные, по управлению, с Португалией, как составная часть королевства, делятся на три округа, подразделенные на 22 concelhos и 125 общин. Каждый округ управляется выборным колониальным советом и областным гражданским правлением, зависящим непосредственно от метрополии. Этот архипелаг посылает в Кортесы восемь депутатов, из них четыре от Понта-Дельгада и по два от каждого из остальных округов.

Следующая таблица показывает распределение островов по округам, а также число жителей отдельных островов и главных городов:

Округи	Острова	Население в 1881 г. душ.	Средн. чис. жит. на 1 кв. клм.
Понта-Дельгада	Санта-Мария	6.045	58
	Сан-Мигуэль	165.169	163
Ангра	Терсейра	44.340	77
	Грасиоза	13.296	289
	св. Георгия	16.630	160
Горта	Файяль	24.000	145
	Пико	28.921	63
	Флорес	9.000	188
	Корво	1.500	83

По переписи 1890 г., население Азорских островов определилось в 256.000 душ.

Главные города: Понта-Дельгада (о. Сан-Мигуэль)—17.135 жит.; Рибейра-Гранде—11.800 жит., Алагоа—10.765 жит.; Ангра-до Героисмо (о. Терсейра)—11.070 ж.: Горта (о. Файяль)—7.570 жит.

IV. Архипелаг Мадера

Группа островов и островков, находящаяся в Атлантике в 850 километрах к юго-востоку от азорского острова св. Марии, занимает очень маленькое пространство в беспредельном протяжении морей. Мадера, главный остров, и соседния земельки имеют все вместе площадь, далеко не достигающую тысячи квадр. километров. Однако, население на этой океанической земле относительно очень густое; по сравнению с размерами, Мадера имеет почти вчетверо больше жителей, чем её метрополия Португалия.

Пространство и население Мадерского архипелага:

Пространство—815 кв. килом.; население (1890 г.)—134.040 душ; километрическое население—164 жителя.

Хотя по климату менее европейская, чем Азорские острова, Мадера более близка к Европе по расстоянию. От Фунчаля до Сагреса, наблюдательного пункта, откуда инфант дон-Генрих устремлял пристальные взоры на южный горизонт, всего только 900 километров, то-есть два дня плавания на пароходе. Африканский берег еще ближе: до мыса Кантин, в Марокко, 700 километров, а до двух Канарских островов, Пальмы и Тенерифа, нет даже полных 450 километров. Со всех сторон Мадера окружена глубокими водами, где лот спускается слишком на 4.000 метров, не доставая морского ложа; однако, в целом дно представляет наиболее значительные выступы со стороны Европы. В этом направлении даже встречаются мели, лежащие близко от поверхности вод; высокая мель Геттисбург, недавно открытая, находится под слоем воды толщиной всего только 62 метра. Эта мель из ярко-розового коралла, отстоящая на 250 километров от крайнего мыса португальского берега, составляет вершину большой подводной земли, которая разветвляется на два удлиненных полуострова, продолжаясь, с одной стороны, к Мадере, а с другой к Азорскому архипелагу, мелью Жозефины, покрытой слоем воды толщиной в 154 метра.

Мадера—один из тех островов Атлантиды, которые уже несколько раз появлялись и исчезали, как тень. Не есть ли это Джезирет-эль-Ганам, или «Остров Мелкого Скота», который, будто бы, был открыт арабскими мореплавателями ранее двенадцатого столетия, и не следует ли видеть в Порто-Санто Джезирет-эт-Тиур, т.е. «Птичий остров»? На многих старинных итальянских картах, начиная с карты братьев Пиццигани, относящейся к 1367 году, Мадерская группа обозначена как архипелаг «Счастливых островов св. Брандама». Но уже в 1351 году медицейский портулан описывает Мадеру под тем самым именем, которое она носит до сего дня, т.е. под именем «Лесистого острова» (Madeira по-португальски значит «лес»),—поитальянски Isola di Legname;—да и другие острова архипелага показаны в этом портулане с их нынешними названиями[1]. Тем не менее, точные знания итальянских мореплавателей недолго были общим достоянием других народов; Мадера оставалась неизвестной морякам Запада, или по крайней мере сохранившееся смутное понятие об её существовании мало-помалу превратилось в легенду. Кажется, говорит один автор, что «столь очаровательный остров не мог быть открыт никем, кроме Амура», и таким образом возникла прикрашенная одним португальским писателем история влюбленной английской парочки, которая, будто бы, бежала из Бристольского порта и была выброшена бурей на берега Мадеры.

Как бы то ни было, окончательное внесение этого архипелага в географический инвентарь восходит не далее 1418 или 1419 года. По словам Барроса, историка эпопеи португальских морских исследований, кавалеры Гонсальвез Зарко и Тристан Ваз Тексейра, «еще не привыкшие плавать в открытом море», были отброшены бурей далеко от африканского берега, вдоль которого они следовали по направлению к мысу Бохадор, и случайно пристали к Порто Санто, «Святому Порту» или «Порту Спасения». По возвращении в Португалию, они получили от дона-Генриха поручение колонизовать новый остров, и, по прибытии туда, вскоре приметили черное пятно, видимое с Порто Санто на юго-западном горизонте: Мадера, «Лесистый остров», был наконец открыт. Свидетельство современников не позволяет сомневаться в том, что слава отыскания Мадерского архипелага принадлежит португальским мореплавателям; но какова бы ни была в этом открытии и присвоении океанических земель доля простого случая и доля положительного знания, трудно допустить, чтобы существование этого архипелага было неизвестно инфанту дону-Генриху, так как имена, данные островам португальцами, были те самые, под которыми они уже ранее обозначены на итальянских картах.

Главный остров архипелага, Мадера, настолько превосходит другие земли этой группы пространством, населенностью и богатством, что в обыкновенной речи не принимают в рассчет второстепенных островов: о Мадере всегда говорят в единственном числе, как будто

1 D'Avezac, „Jies de l'Afrique";—„Notices des decouvertes faites au moyen age dane l'ocean Atlantique".

она совершенно изолирована в океане. Орьентированный почти с востока на запад, этот остров протянулся в длину слишком на полградуса, а в самой широкой его части, от северного мыса св. Георгия (Сан-Жорже) до южного мыса св. Креста (Сан-Круц), расстояние по прямой линии составляет 23 километра; площадь его определяют в 700 квадр. километров. Массивная и гористая на всем своем протяжении, состоящая из огненных пород, выброшенных подводными извержениями, Мадера изрезана на окружности очень глубокими долинами, свидетельствующими о древности лав: базальты и трахиты, залегающие на конгломерате из вулканических обломков, называемом *vinoso* (винный) по причине его цвета, и перерезанные во всех направлениях взбросами (*dykes*) извергнутых веществ[2], были изрыты дождями и ручьями до глубины нескольких сот метров от первоначальной поверхности. На острове не видно явственного кратера; даже на кручах не встретишь ужt острых шлаков; выступы и остроконечные верхушки скал округлились или покрылись слоем растительной земли. Несмотря на контраст пропастей и высоких стен, целое приняло мягкия и красивые очертания, даже там, где камень не прикрыт зеленью кустарника или больших деревьев. Нет никаких признаков, указывающих на существование остатка вулканической деятельности; даже землетрясения здесь очень редки.

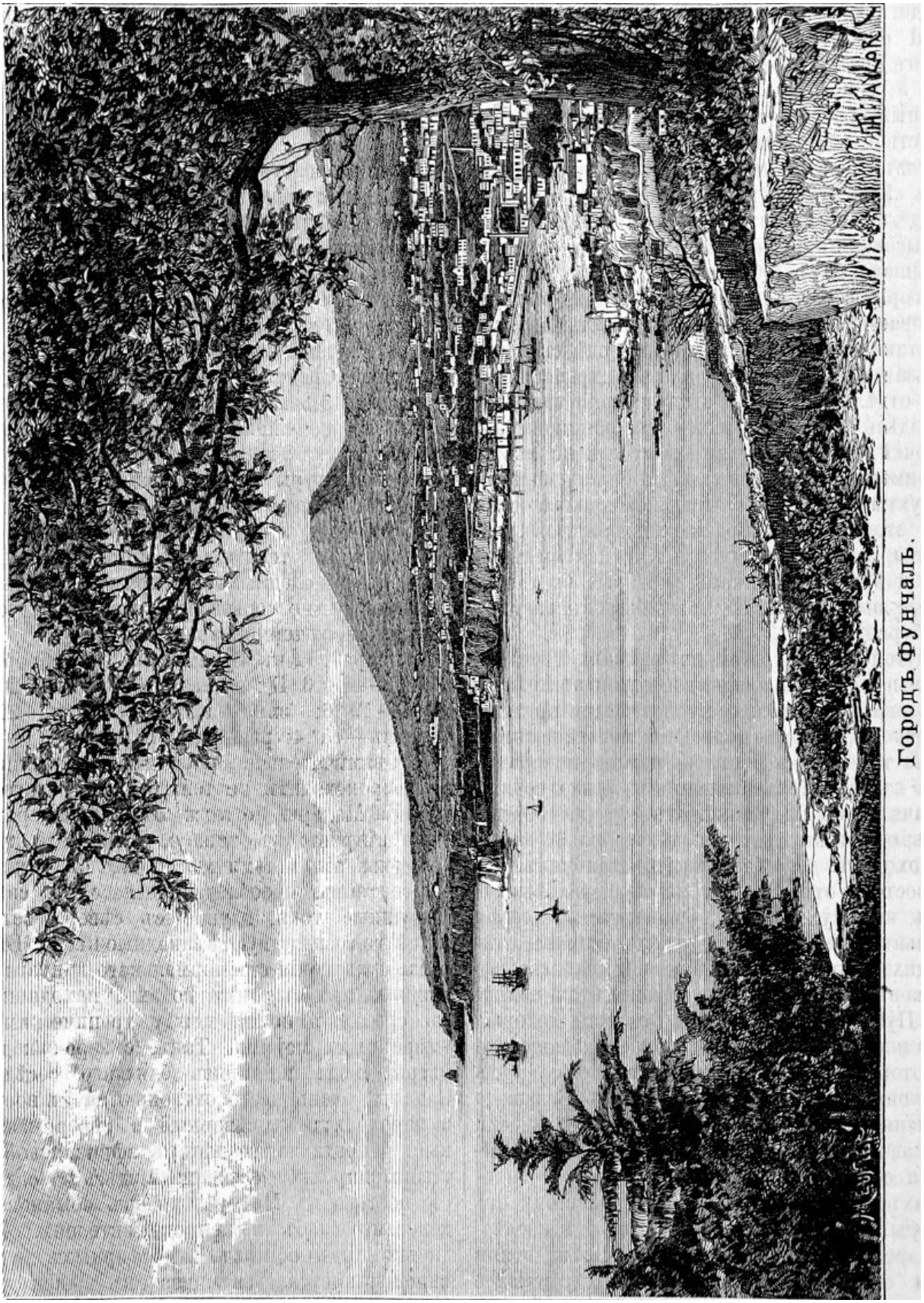
Вдоль всего острова тянется высокий хребет, расширяясь местами в плоскогорья, затем съуживаясь и образуя сиерры. Боковые овраги, разделенные глубокими барранками (оврагами), оканчиваются на берегу моря крутыми мысами, утесами из столбчатых базальтов и разноцветных туфов, коричневых, красных и желтых. Около середины южного берега, вершина мыса Жирано достигает 640 метров высоты, в расстоянии менее 800 метров от моря. Общий гребень острова гораздо ближе к северному берегу, и скат с этой стороны гораздо круче; общий вид природы имеет более дикий характер, высокие мысы более круто обрываются, выступы берега далее вытянулись в море, не загибаясь, однако, так чтобы образовать естественные порты: остров Мадера не представляет ни одной гавани, где корабли могли бы во всякое время находить безопасное пристанище. По мнению Освальда Гера, Мадера выступила из недр океана в четвертичную эпоху: к этим векам планеты, кажется, принадлежат слои окаменелых растений, открытые на северной покатости, и громадные кучи наземных раковин, высящиеся, словно стены, у восточной оконечности острова, на мысе св. Лаврентия. Морские ископаемые, найденные на высоте 380 метров, относятся к третичному периоду[1]. Уокер (Walker) приводит некоторые факты, свидетельствующие об отступлении моря на Фунчальском берегу, и которые, по его мнению, указывают на недавнее поднятие почвы.

По Циглеру, средняя высота Мадеры, если рассматривать остров как массу с горизонтальной поверхностью, равна 811 метрам; но центральная горная цепь гораздо выше. В западной своей части, имеющей очень неправильную форму, этот срединный хребет достигает слишком 1.200 метров высоты, затем он расширяется и образует обширное плоскогорье около 15 километров в окружности, ограниченное крутыми обрывами: это Paul da Serra или «Горное болото», высокая ланда, впадины которой представляют кое-где болотистые пространства, напоминающие английским туристам moors (болота) их родины. К востоку от Пауль-да-Серра, узкий гребень, сильно разорванный водами, продолжается между глубокими долинами; здесь находится высшая точка острова, пик Руиво или «Красная гора», высотой 1.847 метров, господствующая над обширным цирком, Curral das Freiras, окруженным с трех сторон крутыми стенами в 500 метров высоты: это, может-быть, и есть древний центральный кратер, постепенно расширившийся вследствие размывающего действия горных потоков. Разрушенная стена из лавы соединяет Красную гору с неровным плато, господствующим над Фунчальской бухтой. Эта высокая терраса—последняя часть гребня, превышающая 1.000 метров; далее на восток горная цепь быстро понижается, остров съуживается, и восточная оконечность Мадеры представляет собою нечто в роде скелета, разрезанного на полуострова, затем на островки и отдельные скалы, выступающие над водой; здесь есть бо-

2 Starkie Gardner, „Quarterly Journal of the Geological Society“, aug. 1882.

1 „Nouveaux Memoires de la Societe Helvetique des Sciences Naturelles“, Zurich, 1853.

лее или менее защищенные бухточки, где суда могли бы стоять на якоре с наименьшей опасностью. На берегу маленькой бухты Мачико, открывающейся около основания этого скелетообразного полуострова, находится, по словам легенды, могила англичанина и его воз-

Городъ Фунчаль.

любленной, которые будто бы первые высадились на этот остров, загнанные бурей.

Крутой утес св. Лаврентия, крайний восточный мыс Мадеры, видимый мореплавателям с далекого расстояния, продолжается в море островком, затем подводной мелью, которая сперт-

ва тянется на восток, потом поворачивает к югу. Лот находит в этих водах незначительные глубины, от 100 до 150 метров; один выступ дна только на 84 метра не доходит до поверхности. Наконец, к юго-востоку от Мадеры морское дно выступает наружу, чтобы образовать несколько отдельных скал и три узких острова, следующих один за другим в виде сабельных клинков, приставленных конец к концу: это «Пустынные острова», Desertas, которые долго вполне заслуживали такое название, но на которых теперь живет несколько сот рыбаков и пастухов; в долинах Большого Пустынного острова, Deserta Grande, жители занимаются также хлебопашеством. Что касается острова Понта-Санто, лежащего километрах в пятидесяти к северо-востоку от Мадеры, то он резко отличается от последнего рельефом поверхности: между этими двумя островами лот находит глубины до 2.140 метров. Гораздо менее гористый, чем Мадера, Порто-Санто состоит в действительности из двух массивов вулканического происхождения—северного, более крутого и высокого, и южного, образованного из небольших отдельно стоящих кряжей; по средине между двумя массивами расстилается песчаная равнина, где приютились главные поселения острова.

Это океаническая группа островов, лежащая между 32 и 33 градусами широтами, т.е. почти на трети расстояния от экватора до северного полюса, есть одна из тех местностей земного шара, которые славятся теплым и приятным климатом. Когда говорят о райском уголке, о «счастливом острове», имя Мадеры первое представляется нашему уму. Хотя метеорологические наблюдения производились почти единственно в главном городе островов, Фунчале, занимающем особенно благоприятное положение (он расположен на берегу, обращенном на полдень и хорошо защищенном с севера), однако, можно сказать обо всем архипелаге, что климат его отличается замечательной равномерностью температуры. Средняя температуру Фунчаля, лежащего на 5 градусов широты южнее Понта-Дельгады и Файяля (в группе Азорских островов), естественно, несколько выше средней температуры этих островов; но годовая разность температур здесь гораздо меньше. Зима на Мадере теплее, а лето менее знойно; между самым теплым месяцем, августом, и самым холодным, февралем, разность температуры не составляет даже 7 градусов стоградусного термометра.

Температура в Фунчале, по Миттермейеру:

Год—18°,3 Ц.; весна—16°,9; лето—20°,9; осень—19°,6; зима—15°,8; август—22°,2; февраль —15°,4; разность—6°,8.

Эта замечательная равномерность температуры происходит не только от морского положения Мадеры, но также от годового равновесия ветров: в теплое время года, т.е. впродолжении восьми месяцев, с февраля по сентябрь, преобладают пассаты, свежие воздушные токи, идущие с северо-востока; зимой же господствуют западные ветры. Впрочем, отклонения от нормального направления очень часты в этих водах, находящихся в среднем поясе между тропическими и умеренными морями. Так, северо-западные ветры, под влиянием близкого соседства Сахары, очень часто отклоняются к востоку и переходят в северные и северо-восточные. Иногда также ветер африканской пустыни, широкко, называемый здесь *leste*, дует с востока к Мадере, но он обыкновенно довольно слаб и непродолжителен. Ежедневно ход общих атмосферных течений видоизменяется ритмическим движением бриз—материковой, terral, спускающейся с гор Мадеры к океану, и морской, imbate, дующей с моря к земле. Часто перемена бриз совершается до полудня, вследствие чего самый теплый час бывает ранее половины дня, так как морской воздух тотчас-же освежает атмосферу. Замечено, что из ветров наименее благоприятен для растительности западный: на всех берегах и склонах гор, вполне открытых этому ветру, деревья более редки, мельче и беднее листвой[1].

Дожди, выпадающие иногда в виде сильных ливней, приносят не южные ветры, а преимущественно пассаты, отклоненные от своего нормального направления и преобразовавшиеся в северные и северо-западные воздушные течения. Самый сырой месяц—декабрь, а самый сухой—август; но нет ни одного времени года, когда бы совершенно не было дождей; при том выпадение атмосферных осадков значительно разнится по годам. В среднем, в Фун-

1 I. M. Ziegler, „Petermann's Mittheilungen“, 1856. IV

чале не насчитывают даже сотни дождливых дней, что составляет около половины того числа, какое приходится на долю Азорских островов; количество выпадающей дождевой воды здесь тоже почти вдвое меньше, чем в Горте, на острове Файяль, как показывают следующие цифры, выведенные из наблюдений:

Дней с дождем в Фунчале, по Миттермейеру—93; количество дождевой воды, по Гейнскену—0,742 метра.

Поэтому жители Мадеры заботливо собирают, для орошения полей и садов, дождевые воды, а также воды, происходящие от таяния снега на высотах острова, и перехватывают обильные источники при помощи водопроводов или левад (levadas), которые проходят в виде галлерей в горах и огибают кручи над долинами. Высокие вершины Мадеры почти всегда, по утрам и вечерам, окутаны густым туманом, который способствует питанию источников.

Несмотря на меньшее протяжение сравнительно с азорскими землями, группа островов Мадеры имеет гораздо более разнообразную флору, без сомнения, по причине большей близости к двум обширным материкам, Европе и Африке, а также благодаря более теплому и ровному климату, который благоприятствует произрастанию как тропических видов, так и растений умеренного пояса. Мадера—это большой ботанический сад, где перемешаны две флоры. К семи стам видам, составлявшим растительный наряд острова во время прибытия португальцев в край, с тех пор прибавились тысячи других растений, введенных человеком, либо невольно с предметами ввоза, либо намеренно для культур земледельческих или промышленных, или для украшения садов; «фиалка растет здесь под тенью бананов; земляника созревает у подножия мимоз»[1]; рядом с пальмами стоят сосны; древесные породы, соответствующие одна другой в различных климатах, как, например, африканская гуява и европейская груша, встречаются здесь за одной и той же изгородью. Благодаря некоторым туземным растениям и особенно экзотическим видам, введенным со времени колонизации, флора Мадеры многими чертами напоминает растительность тропических стран Африки и Нового Света; но в целом она сохранила свою европейскую физиономию. Из семисот растений, между которыми 527, по всей вероятности, эндемических, 357 принадлежат Европе, тогда как только около тридцати имеют происхождение, приписываемое тропической флоре Старого и Нового Света. Что касается туземных видов, свойственных Мадере или общих двум или нескольким архипелагам Атлантики, то наибольшее сходство флор замечается между двумя соседними архипелагами—Мадерой и Канарскими островами: оттого некоторые натуралисты, Уэбб, Бертело, Балль, дали совокупности этих двух групп имя Макаронезии, в память древнегреческого названия «острова Блаженных». Со времен третичного периода мадерская флора мало переменилась, как показали исследования Освальда Гера над ископаемыми растениями горы св. Георгия, в северной части острова. В ту эпоху лавр-тиль, древовидный вереск, мирт и родственные виды были, как и в наши дни, характерическими растениями Мадеры[2]. Очень любопытное явление для ботаники представляет контраст, замечаемый между флорой собственно Мадеры и флорой Порто-Санто и Пустынных островов: в этой последней встречаются африканские, азиатские и американские растения, которых нет на соседней земле того же архипелага[3].

В растительном царстве Мадеры произошли большие перемены: если тысячи новых растений были введены человеком, то с другой стороны, вероятно, многие из туземных видов исчезли. С первых же дней португальской оккупации началось обезлесение главного острова. Гонсальвес Зарко, открыватель, которому был пожалован в лен весь Фунчальский округ, пустил огонь в лесную чащу, покрывавшую местность, намеченную для будущего города, и пожар распространился далеко внутрь острова, угрожая спалить самих поджигателей. Алоис-де-Кадамосто рассказывает, со слов самого Зарко, что поселенцы, чтобы уйти от пламени,

1 Bowdich, „Excursions in Madeira and Porto-Santo“.

2 Oswald Heer, цитированный мемуар.

3 „Ausland“, 1870, № 8.

принуждены были бежать на барки, или броситься в море, где они провели двое суток без пищи, стоя по горло в воде. Несколько лет, говорит Фруктуозо, огонь распространялся с горы на гору. На зеленевших недавно склонах остался только слой золы, и когда вырос молодняк, он уже состоял не из тех пород, как истребленные первобытные леса. Остров Порто-Санто, некогда сплошь покрытый деревьями разных пород, между прочим, драконовым деревом, которое давало прекрасный материал для выделки щитов и для постройки судов, и плоды которого шли в корм свиньям, был еще более выпустошен, чем Мадера, и даже мелкий кустарник сделался там такою редкостью, что жителям приходится употреблять в виде топлива коровий кал. Драконово дерево, порода по преимуществу макаронезийская, исчезло на о. Порто-Санто с 1828 года; на Мадере оно стало очень редким, и почти всегда умирает, не принося плодов; таким образом этому замечательному дереву грозит скорое исчезновение. Во всех низких частях островов, за исключением мест, где почва состоит из голого камня, культура заменила прежнюю растительность: на Мадере поля и сады поднимаются, в среднем, до высоты 750 метров. Это предел земледелия для растений умеренного пояса, тогда как виды тропической зоны, кактусы и бананы, останавливаются уже на высоте 250 метров. Над этими двумя концентрическими полосами площадь лавров и вересков продолжается до высоты 1.600 метров; здесь-то и встречается тил, oreodaphne foetens, большой лавр, который дровосеки не могут срубить в один раз по причине зловония, распространяемого соком дерева. Выше, вершины возвышенностей принадлежать к холодному поясу, к поясу черники и других растений, свойственных горам Европы; луговые пространства встречаются гораздо реже и покрыты менее густой травой, чем на дождливых Азорских островах. Различные зоны растительности опоясывают горы Мадеры косвенно, так как верхний предел их поднимается выше на скатах, выставленных на юг, чем на откосах, обращенных к северу. Иное растение, отлично уживающееся на одном склоне, чахнет на противоположной покатости той же горы.

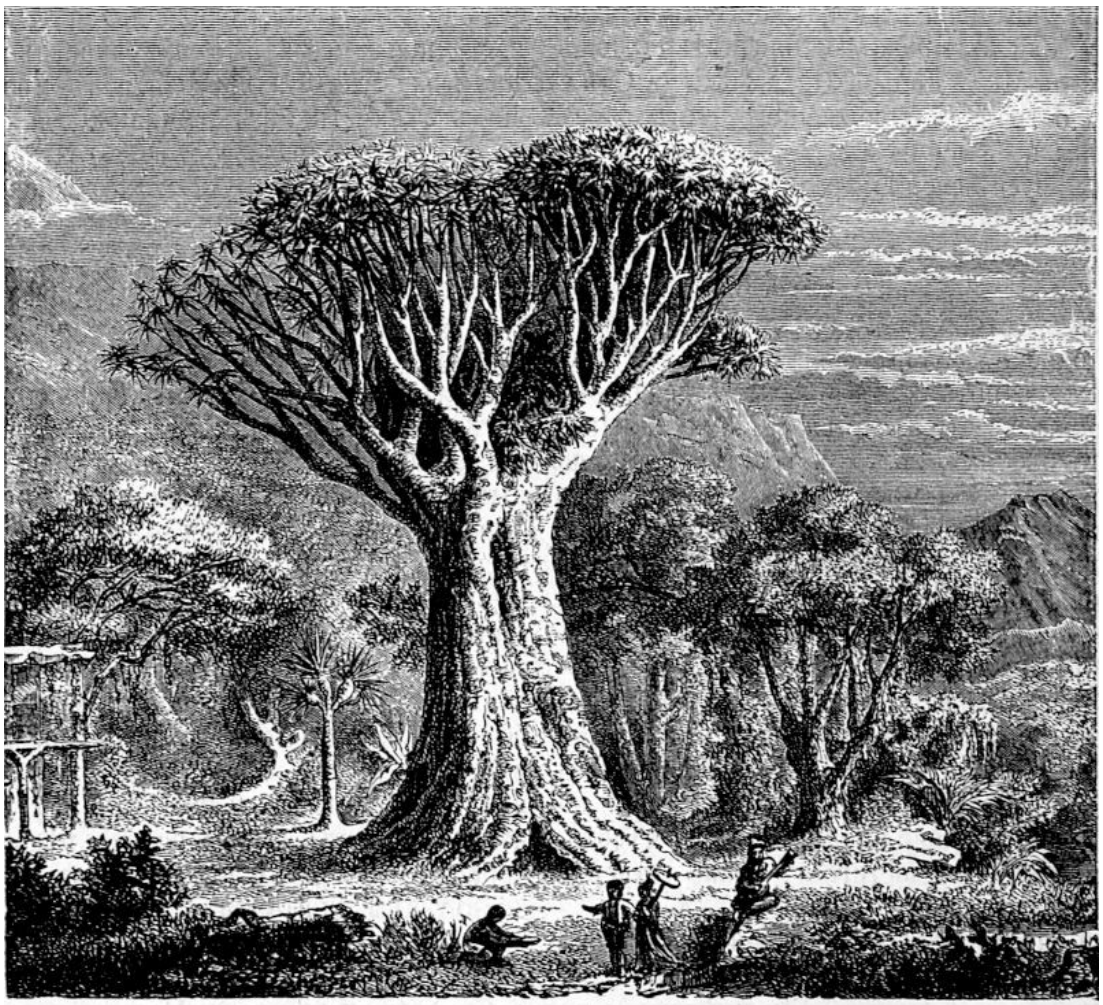
Туземная фауна архипелага очень бедна видами. Ящерица, летучая мышь, одна птица, пчела, кузнечик, сверчок, паук, который не ткет паутины и ловит мух, чаруя их, подобно тому, как змея чарует лягушек, затем несколько раковин, насекомые, и в соседних морях, рыбы и черепахи—вот и вся доля Мадеры в зоологической географии. Между земными моллюсками, в числе 176, насчитывают 38 европейских форм, но на каждом из островов архипелага есть известное число видов, принадлежащих ему исключительно: на Мадере таких видов 61, на Порто-Санто 44, на Пустынных островах 10[1]. Все четвероногия, населяющие ныне эти острова, были введены человеком, даже те, которые опустошают его поля и сады, кролики и крысы. По своей морской фауне, Мадера принадлежит к области европейских вод. Натуралисты нашли в этом архипелаге гораздо меньше видов экваториальной Атлантики, чем можно было ожидать по географической широте. По Лове, ихтиологическая фауна Мадеры имеет существенно лузитанский характер; она занимает середину между соответственными фаунами Великобритании и Средиземного моря.

Население Мадеры, как и население Азорских островов,—очень смешанного происхождения. Предводитель первых поселенцев, Перестрелло, был итальянец; евреи, мавры приходили искать убежища на острове; негры были привозимы сюда, как невольники; англичане, владевшие Мадерой в эпоху наполеоновских войн, оставили после себя многочисленные семейства; и наконец, с того времени, как остров очутился на большой дороге океанского пароходства, здесь поселилось много иностранцев. Тем не менее, господствующая раса, португальцы, постепенно поглощает эти разнородные элементы; почти все жители Мадеры имеют черные глаза, густые и темные волосы, почти у всех цвет лица смуглый, во многих семействах даже слишком смуглый, так что его приписывают влиянию скрещений с африканцами[2]. Как гласит португальская пословица, применяемая к обитателям Мадеры: «Um, dois, trez, filho de Inglez;—Um, dois, trez, filho de mulato», т.е. каждый третий—либо сын англича-

1 Vernon Wollaston, „Testacea Atlantica“.

2 Rudolf Schultze, „Die Insel Madeira“.

нина, либо сын мулата[1]. Между здешними островитянами редко встретишь, разве только в деревне, действительно красивых; но очень много таких, которые производят приятное впечатление здоровым видом, стройностью и грацией движений; как мужчины, так и женщины вообще отличаются замечательной гибкостью членов. Иностранцы удивляются силе носильщиков паланкина, которые с тяжелой ношей без отдыха шагают целые часы по диким горным тропинкам, где крутые подъемы чередуются с обрывистыми спусками; не менее изумительна неутомимость арьеросов (arrieiros), которые сопровождают пешком своего отданного внаймы коня, всегда поспевая за всадником, хотя-бы он ехал рысью или скакал в галоп. Подобно португальцам, своим предкам, мадерцы вообще отличаются большой вежливостью и приветливостью, мягким и веселым нравом; преступления здесь очень редки.

Драконово дерево на островѣ Тенерифѣ.

Возрастание народонаселения идет быстро. С 16.000 в начале шестнадцатого века[2], число жителей, по Форстеру, возросло до 64.000 к 1768 году; о по достигло уже 100.000 около 1825 года; в настоящее время цифра его превышает 135.000: следовательно, в столетний период население более чем удвоилось; в среднем, число рождений перевешивает на 1500—2000 число смертных случаев. Тем не менее бедственное экономическое положение, вызванное теми или другими причинами, часто влекло за собой временное уменьшение народонаселения; так, в 1839, в 1847 годах болезнь картофеля сопровождалась недостатком продовольствия, и число жителей сократилось слишком на десять тысяч, из которых часть была скошена смертью, а другая часть искала выхода в эмиграции. Болезнь винограда имела еще более губительные последствия, и когда, в 1856 г., сюда проникла холера, около десяти тысяч человек погибли, отданные крайней нуждой и истощением во власть этого страшного бича.

1 Th. Braga, „O Povo Portuguez“.

2 Carlos de Mello, рукописные заметки.

Многие болезни, которым, казалось бы, совсем не место в этом благодатном климате, довольно распространены в крае: рахитизм, золотуха, искривления и уродливости здесь вовсе не редкость; чахотка, от которой богатые иностранцы приезжают сюда лечиться, тоже похищает не мало жертв среди туземного населения; даже проказа встречается на острове, как и в его метрополии. Наконец, в среднем сословии Мадеры, как и у португальской буржуазии, довольно часто замечается наклонность к излишней полноте. Оставляя в стороне этот последний недуг, можно сказать, что бедственное материальное положение есть главный источник болезней, удручающих население Мадеры. Хотя жители этого прекрасного острова отличаются похвальной умеренностью и трезвостью, так что между ними очень редко увидишь пьяного, и хотя они питаются здоровой пищей, состоящей главным образом из кукурузы, иньяма, сладких патат, картофеля, с прибавкой съедобных корней, плодов и рыбы, но, к сожалению, пища эта не всегда бывает у них в достаточном количестве. Что касается жилищ, то это по большей части темные и сырые пещеры, состоящие из каменных стен, пристроенных к скале: оттого женщины, проводящие большую часть дня в этих логовищах (мужчины ходят на работы вне дома), чаще страдают болезнями, происходящими от недостатка воздуха и света. Женщины эмигрируют гораздо реже мужчин, и когда последние уходят искать лучшей доли на чужой стороне, они остаются в беспомощном положении и принуждены кормиться мирским подаянием: число женщин всегда тысячами превосходит число мужчин в общей цифре населения. В четверть столетия, протекшую с 1835 года по 1859 год, во время которой бывали большие неурожаи, более пятидесяти тысяч мадерцев покинули край, чтобы переселиться на английские Антильские острова, в Демерару или в Бразилию; они имеют колонии также на Мысе Доброй Надежды и на Сандвичевых островах. Очень много эмигрантов погибает, но тысячи из них основали на чужбине преуспевающие предприятия, торговые или промышленные[1].

Порядок землевладения, преобладающий на Мадере, тот же самый, как и на Азорских островах. Хотя земля стала свободной с 1863 г., однако, почва и вода левад все еще принадлежат потомкам прежних феодалов или *morgados*[2]; что касается фермера или «колона», то он имеет право собственности на все, что растет на земле, и на все, что им построено на ней, словом на все обзаведение, bemfeitoria; хозяин не может экспроприировать арендатора, не уплатив ему стоимости культур и всех хозяйственных улучшений. Арендатор сделался в действительности совладельцем, и может продать свою bemfeitoria, не спрашивая согласия у помещика. Теоретически аренда, платимая им землевладельцу, представляет половину урожая, но на практике она вообще меньше, а в некоторых имениях не достигает даже четверти сбора плодов.

Первой значительной культурой на Мадере было возделывание сахарного тростника, пересаженного сюда, по приказанию инфанта дона Генриха, из Сицилии; сахарная промышленность, постепенно развиваясь, достигла цветущего состояния, так что в половине шестнадцатого столетия мадерские плантаторы имели около сотни заводов и ежегодно поставляли на всемирный рынок количество сахара, исчисляемое слишком в четыре с половиной миллиона килограммов[3]. Но сахарная промышленность продолжала свое движение вокруг света. Бразилия, сделавшись, в свою очередь, страной, производящей сахар, благодаря отсадкам тростника, полученным ею с Мадеры, разорила конкурренцией остров, которому была обязана своим благосостоянием; мадерские плантаторы должны были искать другого продукта, который мог бы находить выгодный сбыт заграницу. Виноград, введенный с о. Кандии в пятнадцатом столетии, распространился мало-по-малу на Мадере, и успехи виноделия превзошли все ожидания: мадерское вино, представляемое высшими сортами: «мальвазией» и «сухой мадерой», сделалось одним из самых изысканных напитков. «Четыре вещи на Мадере лучше, чем где бы то ни было, говорила местная пословица: вода, вино, са-

1 Miltermeyer;—Schultze;—Mantegazza, „Un hiver a Madere“.

2 Carlos de Mello, рукописные заметки.

3 Carlos de Mello, рукописные заметки.

хар, пшеница». В эпоху наибольшего процветания виноградарства и виноделия, около двадцатых годов настоящего столетия, ежегодное производство достигало 120.000 гектолитров, представлявших ценность в 12 миллионов франков; но сбор винограда год от году становился все меньше, и в 1852 году грибок oidium, уже истребивший виноградники архипелага Зеленого Мыса и Канарских островов, пробрался и на Мадеру. Катастрофа разразилась внезапно и повлекла за собой страшное разорение. Едва только успели с большим трудом, после десяти или двенадцати-летнего прогула, восстановить опустошенные виноградники в некоторых привилегированных местах, как появился новый бич, филлоксера, поразившая как раз те части острова, где получаются лучшие сорты вина. Однако, виноградари упорно ведут борьбу с этим врагом, и остров продолжает вывозить вино, которое мешают либо с обыкновенными португальскими белыми винами, либо с сидром, или даже с соком сахарного тростника. Виноград растет особенно в окрестностях Фунчала и у входа южных оврагов; он довольно редок на северном скате, где виноградная лоза вьется по ветвям каштанов. В 1884 г., отпуск вина с о. Мадеры составлял 16.121 гектолитр, на сумму 3.303.900 франков.

С тех пор, как Мадера лишилась своего главного земледельческого богатства, её сельские хозяева стали более, чем прежде, разнообразить культуры, и в настоящее время, благодаря легкости сообщения, остров снабжает своими рано поспевающими плодами лиссабонский рынок. Он поставляет в столицу великолепные бананы, сахарный тростник и другие произведения субтропического пояса; благодаря железным дорогам, эта торговля могла бы возрастать неопределенно от окраины к внутренним местностям континента: Мадера могла бы сделаться, при свободе торговли, южным садом для всей западной Европы. Во всех магазинах Лиссабона, где продаются фрукты и ранние овощи с Мадеры, выставлены также произведения островной промышленности, кружева, вышивки, искусственные цветы, соломенные шляпы, циновки, плетеные кресла, резьба по дереву, наборная работа и множество разных других изделий, требующих вкуса и ловкости рук. В деревнях на Мадере эти работы поручаются преимущественно женщинам и слабосильным, неспособным к земледельческому труду мужчинам.

Известно, что этот остров, как Швейцария и зимние города средиземного побережья, имеет еще один прибыльный «промысел», именно «эксплоатирование» иностранцев, больных и здоровых, приезжающих искать исцеления от недугов или приятного времяпрепровождения в его чудном климате. Правда, многие из этих гостей находят здесь вечный покой, так что Мадеру прозвали даже «одним из кладбищ Лондона»; но, как справедливо замечает Тьерселен[1], «виновата в этом не та земля, куда безнадежно больной приходит умирать, а та, где он прежде жил». Число посетителей меняется по годам, в зависимости от капризов моды и превратностей положения дел, но в среднем можно считать в пятьсот человек цифру иностранцев (по большей части англичан), проводящих зиму в Фунчале, и в 2.500.000 франков сумму барышей, которые торгово-промышленный люд Мадеры извлекает из этих визитов. Положение острова на дороге пароходов, совершающих рейсы вдоль африканского берега, с заходом в попутные порты, также способствует увеличению торгового значения Мадеры постоянным приливом и отливом пассажиров; почти ежедневно какой-нибудь пакетбот выпускает в Фунчале толпу любопытных, желающих провести несколько часов или дней на этой благодатной земле. В последние годы Мадера сделалась также санитарной станцией для европейцев, чиновников или солдат, проживающих по обязанности службы на африканском побережьи, в Сенегамбии, в Сиерра-Леоне, в Либерии: они приезжают подышать свежим морским воздухом и насладиться прохладой на том самом острове, куда люди севера являются погреться на южном солнце.

Движение торгового мореходства на Фунчальском рейде в 1892 году, по приходу судов:

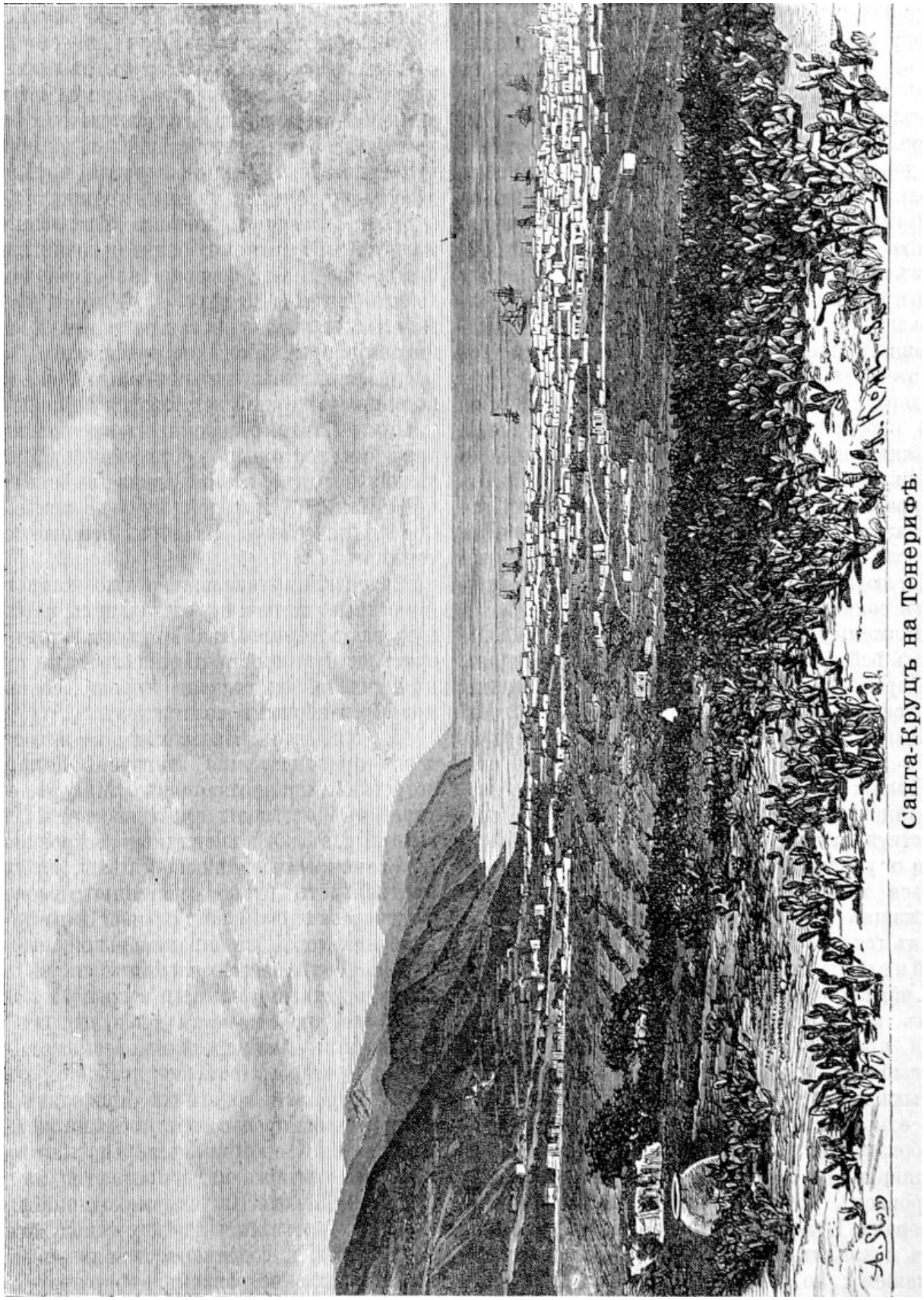
Пароходов—606, вместим. 1.060.517 тонн; парусных судов—86, вместим. 23.972 тон.

Ценность торгового обмена на Мадере в 1885 году составляла 10.644.000 франков.

Присутствие большого числа заезжих иностранцев, которые обогащают остров, способ-

1 „Journal d'un Baleinier".

ствуя устройству хороших путей сообщения и украшению садов, не могло не отразиться также и на самой физиономии города, служащего им местопребыванием. Благодаря этим гостям, Фунчаль, т.е. «Укроп», главный и единственный город Мадеры (в 1890 г. в нем насчи-

Санта-Крущъ на Тенериффѣ.

тывали 19.000 жителей), принял красивый и опрятный вид, окружил себя променадами и прелестными виллами, рассыпанными по склонам и вершинам окрестных высот. Расположенный на берегу рейда, открытого на юг, впрочем, достаточно глубокого для больших кора-

блей и несколько защищенного с юго-запада укрепленным островком (который в 1768 г. был бомбардирован Куком), Фунчаль до сих пор не мог похвалиться счастливым торговым положением; но он скоро приобретет выгоды такого положения, благодаря постройке плотины, соединяющей островок с прибрежьем и прикрывающей порт от ветров с моря. Кроме того, Фунчаль имеет за собой баснословное плодородие окружающих садов и плантаций, живописную долину Сокорридос и великолепный амфитеатр возделанных холмов, доминируемых полукругом гор, откуда ручьи спускаются на город рядом сходящихся оврагов. Складочный пункт для всех богатств острова, Фунчаль есть вместе с тем местопребывание трех главных учебных заведений архипелага—лицея, семинарии и медико-хирургического факультета, служащего подготовительной стадией к коимбрскому университету. Школы Фунчаля посещаются довольно большим числом учащихся, но в остальной части архипелага образование еще мало распространено: более половины мадерского населения совершенно незнакомо с грамотой. В 1885 году на Мадере насчитывалось 111 учебных заведений, с 3.042 воспитанниками. После португальского, самый распространенный язык—английский, язык большинства гостей и заезжих моряков.

Порто-Санто, разоренный «арендными контрактами», которые обеспечивали землевладельцу половину всего урожая, имеет теперь не более 1.800 жителей. Тем не менее, главное его поселение, Балейра, величает себя городом.

Мадерский архипелаг, также как группа Азорских островов, составляет нераздельную часть королевства Португалии: он образует особую провинцию, называемую по имени Фунчаля, её главного города, со времени прибытия первых колонистов.

Морские скалы Сельваген, хотя географически принадлежащие к группе Канарских островов, причисляются к Мадере, от которой они отделены пространством в 300 километров. Это пустынные островки, владение, не имеющее никакой цены, на которое предъявляет право собственности одна из фунчальских фамилий. Большой Питон (остроконечная гора), с пирамидальной вершиной, имеет более восьми километров в окружности, и южный скат его покрыт лугами, на которых еще не так давно паслись стада. Проезжие моряки переловили весь скот, и теперь на острове остались только кролики да чайки *cagarras*: охотники приходят время от времени производить побоища между мириадами птиц, которых перья, жир и даже мясо в соленом виде продаются на рынке Фунчаля. Малый Питон, находящийся в небольшом расстоянии к юго-западу от главного островка, соединен с ним цепью более мелких островков, вокруг которых рассеяны подводные рифы. Необходимо было бы освещать маяком эти опасные воды.

V. Канарский Архипелаг

Эта группа океанских земель, гораздо более близкая к материку, чем другие Атлантические острова (разстояние между островом Фуэртевентура и крайним выступом африканского побережья всего только 107 километров), была известна уже с первых времен истории. Это те самые «острова Блаженных», о которых говорят греческие поэты, острова, где герои наслаждались вечной жизнью, в восхитительном климате, где неведомы были ни холод, ни буря. Но ни один тогдашний географ не мог указать точное местоположение этих «Счастливых островов», которые в уме древних смешивались со всеми атлантическими землями, лежащими в великой «реке Океане» по ту сторону Ворот Геркулеса. Финикияне, конечно, знали эти острова, говорит Страбон, но они держали в секрете свои открытия, и даже в перипле карфагенянина Ганнона упоминаются только прибрежные острова, в которых невозможно признать Канарского архипелага, если только не предположить, что Тенериф есть та «страна Благоуханий», откуда изливались к морю пылающие потоки, и где высилась огромная гора, названная мореплавателями «Колесницей богов». Однако, по мнению Франсуа Ленормана, имя Юнония, которым Птоломей обозначает один из островов, доказывает, что карфагеняне имели там поселения, так как их главную богиню, Танит, греки и римляне уподобляли

Юноне. Древнейшие дошедшие до нас документы, пытающиеся определить точное местоположение Счастливых островов, относятся к эпохе римского могущества, и Плиний, сообщая свидетельство иберийских мореплавателей, передаваемое некиим Статием Себозом, первый дал одному из этих островов имя Canaria, которое осталось за ним доныне, и которое теперь распространили на всю группу. По мнению Федерба, это имя архипелага происходит от берберского названия Канар или Ганар, которое прежде было присвоено побережью континента, лежащему в соседстве Канарских островов. Уолофы и теперь еще называют Ганаром страну, простирающуюся на север от Сенегала[1]. Нужно заметить также, что Птоломей дает имя Canaria одному из западных мысов Африки, а Плиний перечисляет племена канарцев между населениями, живущими вокруг Атласских гор.

Из островов, упоминаемых древними писателями, только два могут быть отождествлены по самому их имени—Canaria, ныне la Grande Canaria, «Большой Канарский остров», и Nivaria, или «Снежный», без сомнения, тот остров, где высится покрытый снегом пик де-Тейде. Так как этот последний остров назван самым отдаленным от Геркулесовых Ворот, то можно думать,—если не предполагать перестановки в указанном порядке,—что три западных острова, Гомера, Пальма и Ферро, остались неизвестны древним[2]; другие, упоминаемые ими острова, нужно искать в группе, обнимающей Ланзарот, Фуэртевентуру и соседние маленькие архипелаги. Многие островки, простые скалы, были забыты в их номенклатуре; впрочем, и теперь, для краткости, обыкновенно называют только семь больших Канарских земель, хотя, вместе с группой Сельваген, архипелаг Счастливых островов заключает шестнадцать отдельных земель. Арабский писатель Эбрази перечисляет семнадцать островов «известных людям» в Темном море, простирающемся на запад от Африки; но по его описанию невозможно догадаться, о каких именно островах он говорит. Тем не менее общее мнение ученых таково, что арабы не только знали острова Халидат или «Вечные», но что они даже жили рядом с берберами на восточных островах этого архипелага. Ибн-Саид, писатель тринадцатого века, говорит, что «двурогий» Александр поставил на островах Халидат столбы с такой надписью; «Ни шагу далее!» Однако, тот же географ рассказывает подробно о путешествии мореплавателя Ибн-Фатимы на юг от мыса Бохадор и его крушении на Аргуинской мели[3]. Один из новейших португальских исследователей, Маседо, старается, напротив, доказать, что арабы не знали о существовании Канарских островов, и что их географы ограничивались повторением, в искаженном виде, текстов древних авторов, относящихся к островам Блаженных[4].

В то время, как португальские моряки,—которые впоследствии так прославили свое отечество морскими открытиями или исследованиями и первые объехали вокруг света,—еще только делали попытки пробраться вдоль африканского берега и обогнуть его мысы, Канарские острова, лежащие к югу от мыса Нун и в открытом море, вдали от побережья, давно уже посещались мореплавателями других наций. До смелых предприятий кормчего Жиль-Эаннес португальцы не отваживались переходить мыс Нун, «Нет», противопоставленное им природой: они только в 1436 году впервые обогнули мыс Бохадор и подводные камни, которыми он продолжается на несколько миль в море, тогда как генуэзцы уже в конце тринадцатого столетия знали Канарские острова, и один из этих островов, Ланзарот, был даже занят одним из их сограждан. «Медицейский портулан» констатирует это территориальное приобретение генуэзцев; с другой стороны, Петрарка, родившийся в 1304 году, сообщает нам, что уже за «целый человеческий век до него» генуэзская флотилия доходила до Канарских островов. Ланзарот, самый северный из семи больших островов, назван так по имени генуэзского завоевателя, нормандского происхождения, Ланселота Малоазеля или Lansiloto Malo-

1 „Revue d'Anthropologie" I, 1874; „Revue Africaine", 1874;—Webb et Berthelot, „Histoire naturelle des Canaries";—Thomassy, „Relantios de la France avec l'empire du Maroc".

2 D'Avezac, „Iles de l'Afrique".

3 Reinaud;—Santarem, „Recherches sur la priorite de la decouverte des pays situes sur la cote occidentale de l'Afrique".

4 „Memoria en que se pertende provar que os Arabos nao conhecerao as Canarias".

cello (Lanzaroto Marocello), род которого был одним из самых могущественных в Генуэзской республике с начала двенадцатого до конца шестнадцатого столетия[1]. В 1402 году, когда нормандцы Бетанкура заняли остров Ланзарот, они нашли там «ung vieil chastel que Lancelot Maloesel avoit jadiz fait faire, celon ce que l'on dit» (старый замок, построенный, как говорят, Ланселотом Малоэзель)[2].

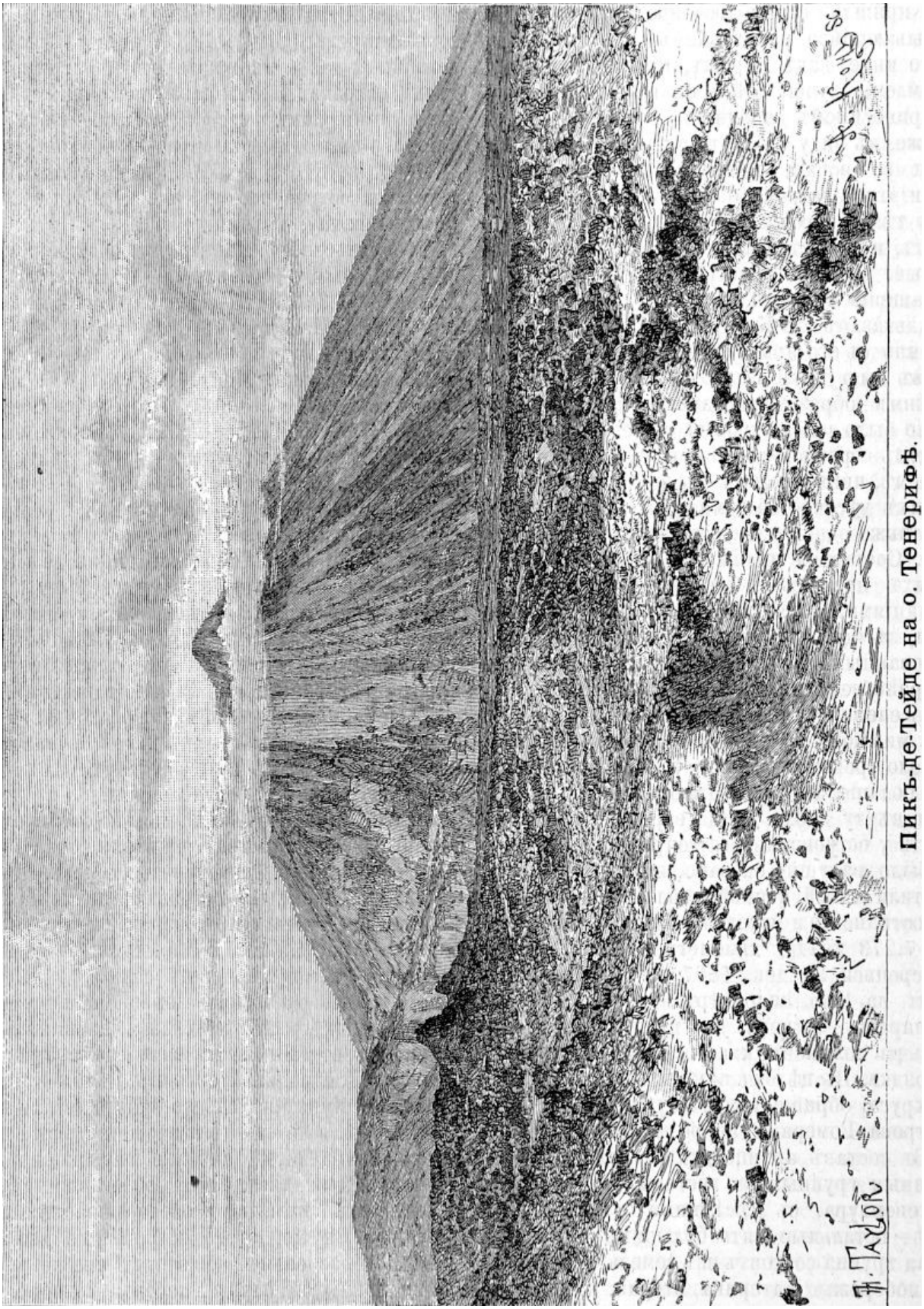
В четырнадцатом столетии Канарские острова были часто посещаемы европейцами, пиратами или потерпевшими кораблекрушение, и с 1351 года португаланы представляют точное начертание архипелага, с теми же именами островов, которые они носят и теперь, за исключением Тенерифа, который назывался «Адским островом», по причине его огнедышащей горы. Европейские короли начали оспаривать друг у друга эти океанские земли, и в 1344 году папа Климент VI подарил их одному из своих протеже, инфанту Луису-де-ла-Серда, которому он дал титул «принца Фортуны»; но новый монарх не имел достаточных рессурсов, чтобы вступить во владение пожалованным ему королевством. Все экспедиции, предпринимавшиеся в эти воды, даже экспедиция, совершенная в 1341 году под предводительством двух итальянцев, Анджиолино ди-Таггия и Николози ди-Рекко, для короля португальского Аффонсо IV, носили характер разбойничьих похождений, имевших целью грабеж, а не завоевание. Как говорит хроника «Канарца»: «Lancelot souloit estre moult peuplee de gens; mais les Espaignols et autres corsaires de mer les ont par maintes fois pris et menes en servaige» (Ланселот имел много жителей, но испанцы и другие корсары много раз забирали их и уводили в неволю). Овладение архипелагом началось только с 1402 года, когда нормандец Жан де-Бетанкур высадился на остров Ланзарот во главе пятидесяти человек. Он был хорошо принят населением, впрочем, очень редким; но внутренние раздоры, недостаток продовольствия и боевых припасов, бесплодная экспедиция на Фуэртевентуру, вероятно, низвели бы и эту попытку, как все предыдущие, на степень простого набега пиратов, если бы Бетанкур не догадался предложить верховную власть над своими будущими завоеваниями королю кастильскому, в обмен на помощь людьми и деньгами. Благодаря этой поддержке, нормандцам удалось овладеть Фуэртевентурой (в 1404 году), затем островом Ферро (в 1405 году); но нападения их на другие острова были отражены, и только о. Гомера был присоединен преемником Бетанкура к владениям европейцев: нужно было, чтобы король Испанский декретировал присоединение архипелага, как непосредственной провинции своего государства, и взял в свои руки дело завоевания посылкой настоящих армий, чтобы восторжествовать, наконец, над мужественным сопротивлением туземцев. В 1493 году, год спустя после открытия Нового Света, Пальма и Гран-Канария были окончательно завоеваны; затем в 1497 г. *menceys*, или царьки, Тенерифа, за которыми долго гонялись, как за дикими зверями, были изловлены, подвергнуты обряду крещения и приведены в триумфе к королю кастильскому, для забавы двора. Завоевание продолжалось около ста лет.

Но его не считали законченным. Целые века воображению моряков чудились отдаленные острова, обрисовывающиеся в виде облаков на горизонте Темного моря; благочестивые легенды рассказывали про чудеса, которые будто бы там совершились, португаланы изображали эти земли в точном начертании; некоторые мореплаватели уверяли даже, что видели их собственными глазами; показывали с торжеством ветки и плоды, принесенные оттуда течением: оставалось только определить географическое положение этих неведомых земель по широте и долготе и оффициально взять их во владение именем какого-нибудь государя. В 1519 г., двадцать два года спустя после окончательного завоевания Тенерифа, король португальский уступил по трактату своему испанскому брату остров, еще «не найденный», но который, как были уверены, непременно должен быть где-нибудь к западу от Канарского архипелага. В 1526 г. была отправлена, в указанные воды, первая экспедиция на поиски восьмого острова. Искомого острова не нашли, но никто не смел отрицать его существование, в виду единогласных свидетельств. В 1570 г., после тщательного следствия, во время которого было до-

1 D'Avezac, цитированное сочинение.

2 Jean de Bethencourt, „Le Canarien", publie par Gabriel Gravier.

прошено более сотни свидетелей, отправились новые искатели, но были не более счастливы, чем их предшественники; затем в 1604 и 1721 годах испанское правительство опять снаряжало—и так же безуспешно—корабли для обследования тех областей моря. С своей стороны,

Пикъ-де-Тейде на о. Тенериффѣ.

португальцы с Азорского архипелага тоже производили поиски в этом направлении; наконец, с той же целью посылались в Атлантику тайные экспедиции разными спекулаторами,

которых соблазняла мысль о сокровищах, могущих оказаться на новой земле[1]. Описания вида искомого восьмого острова, даваемые моряками Пальмы и Гомера, были так определенны и согласны, что сомнение продолжало существовать после каждого безуспешного поиска. Так как абрисы этой земли, сделанные видевшими ее в туманной дали, все одинаково представляли профиль, подобный профилю о. Пальмы, то наконец пришли к заключению, что остров, показывающийся на дальнем горизонте, есть не что иное, как мираж, происходящий от преломления лучей света в влажном воздухе, приносимом западными ветрами[2]; при том же, в виду того, что отныне море исследуется во всех направлениях, продолжать поиски этого острова было бы бесполезно. А между тем легенда о нем все еще существует, и представители, правда, немногочисленные, религии себастианистов, ожидающие возвращения инфанта, павшего на поле битвы при Альказар-эль-Кебире, надеются, что одновременно с его приходом и «не найденный» остров выступит из вод моря.

Таким образом испанское правительство должно было довольствоваться доставшейся ему в удел группой семи островов, которые, впрочем, принадлежат к числу замечательнейших местностей земного шара и могли бы быть также одной из богатейших стран в свете. Составляя провинцию королевства, на равных правах с его континентальными провинциями, «Счастливые острова» довольно бедны, за исключением нескольких привилегированных пунктов, и сравнительно с пространством мало населены. При одинаковой населенности с Мадерой, они должны бы иметь миллион жителей, но имеют их только около трехсот тысяч, в пять или шесть раз больше, как полагают, чем сколько имели в ту эпоху, когда европейцы пришли просить у островитян гостеприимства, которое им было радушно оказано, и за которое они отплатили такой черной неблагодарностью.

Пространство и население Канарских островов: 7.273 квадр. километр.; 291.625 жит. (по переписи 31 дек. 1887 г.); в среднем, 40 жит. на 1 кв. километр.

Канарские острова не представляют в своем расположении какого-нибудь правильного порядка. В целом они, правда, образуют дугу круга, обращенную выпуклостью к югу, но острова Гомера и Ферро лежат вне кривой. В состав архипелага входят две обособленные группы: на востоке, Ланзарот и Фуэртевентура, с соседними островами; на западе—остальные пять больших островов. Первая группа состоит из земель, параллельных побережью материка, вторая, напротив, расположена по оси, перпендикулярной к берегу. Два восточные острова стоят на общем пьедестале подводного нагорья: это острова-близнецы, тогда как другие земли Канарского архипелага выступают из глубокого моря, разделенные пучинами; в некоторых местах лот опускается на 200 метров, не доставая дна. Наконец, острова Ланзарот и Фуэртевентура отличаются незначительным горным рельефом, в сравнении с землями, лежащими далее в открытом море: на этих двух островах есть даже настоящие равнины и степи, как на соседнем материке, от которого они отделены рукавом моря.

Пространство и рельеф (высшие точки) Канарских островов, по Оливе, Арлетту, Видалю, Фритшу, Гартунгу:

Пространство: о. Ланзарот и соседн. островки—741; о. Фуэртевентура—1.722; о. Гран-Канариа—1.376; о. Тенериф—1.946; о. Гомера—378; о. Пальма—726; о. Ферро—278 кв. километров.

Высшие точки: Монте-Фамара—684 метр.; Орежас-дель-Аско—860: Позо-де-ла-Ниеве—1.898; Пико-де-Тейде—3.715; Гаражонай—1.340; Пико-де-ла-Круц—2.356; Альто-де-Мальпас—1.512 метр.

Впрочем, несмотря на различие рельефа, все острова архипелага, как восточные, так и западные,—вулканического происхождения, и почти на всей окружности усажены мысами, образовавшимися из застывших потоков лавы: словно железные стены окружают острова грозным оплотом. Не-эруптивные горные породы, встречающиеся на некоторых островах, первичные формации, или осадочные образования, играют в архитектуре Канарского архи-

1 Walker, „The Azores or Western Isiands“.

2 A. von Humboldt, „Voyage aux Regions Equinoxiales“.

пелага гораздо менее важную роль, чем пласты огненного происхождения.

Самый вид островов свидетельствует о древности большинства трахитов, базальтов или обсидианов, извергнутых из недр земли. На западных островах почти на всей окружности скаты гор изрезаны глубокими оврагами (барранками), вырытыми в течение веков ручьями в толще скалы, так что теперь трудно распознать первоначальную форму огненных рек, некогда вылившихся из вулканов; во многих местах самые кратеры исчезли. Центральный остров, Гран-Канариа (Большая Канария), где в исторические времена не было ни одного извержения, из всех земель архипелага наиболее глубоко изрыт атмосферными деятелями, обтесавшими его скалы, как скульптор оболванивает глыбу мрамора. Внутри этого острова от действия дождей образовались обширные цирки, а обломки размытой почвы унесены в море: количество материалов, которое горы потеряли с эпохи их образования, представляет значительную часть первоначального островного массива. Отсутствие фумаролл и горячих ключей также служит доказательством более древнего происхождения Канарских вулканов, сравнительно с азорскими, столь богатыми фонтанами газа и кипящей воды.

Подземные очаги этого архипелага редко пробуждаются, и древние, повидимому, не слыхали о вспышках на островах Блаженных, если только пожар, о котором упоминается в перипле Ганнона, не относится к извержению пика де-Тейде,—что, впрочем, комментаторы считают невероятным. Как бы то ни было, в Канарском архипелаге со времени нового открытия его бывали большие излияния лавы, и сильные колебания почвы не раз потрясали города, лежащие вблизи вулканов; но эти явления были наблюдаемы только на трех островах—Ланзароте, Пальме и Тенерифе. Приводим здесь известные случаи значительного проявления вулканической деятельности на этих трех островах, с конца четырнадцатого столетия.

На Тенерифе: с 1385 по 1399 г., в 1430, 1440, 1444 (?), 1492, с 1604 по 1605 г. и в 1798 г. —извержения, и с 1704 по 1706 г.—землетрясения. На Ланзароте: с 1730 по 1736 г. и в 1824-25 гг.—извержения. На Пальме: в 1558, 1646 и 1677 гг.—извержения.

Летописи не упоминают об эфемерных островах из шлака и пепла, в роде тех подводных горок, которые появлялись в соседстве Азорских островов. Раз только, именно во время ряда извержений, продолжавшихся шесть лет (с 1730 по 1736 г.) в западной части Ланзарота, из моря вылетали, у самого берега, огненные фонтаны и столбы пара, затем из-под воды выступили шлаковые конусы и, постепенно увеличиваясь, примкнули, в виде мыса, к побережью острова[1]. Груды пепла, выброшенного кратерами, превратили в озеро морскую бухту Жанубио[2].

Канарские острова, лежащие южнее Мадеры и ближе к африканскому материку, имеют климат более теплый и несколько менее ровный, сравнительно с португальским островом. Годовые колебания температуры здесь значительнее, не только на восточных островах, близких к Сахаре и причастных в известной мере к её климату, но и в западной группе, центр которой составляет Тенериф. Вот средние температуры времен года в городах Санта-Круц (по Эсколару) и Пуэрто-де-Оротава (по Гонеггеру), на острове Тенерифе, в градусах стоградусного термометра:

	Годовая	Весна	Лето	Осень
Санта Круц	21°,7	20°,5	24°,8	23°,4
Пуэрто-де-Оротава	20°,15	18°,96	23°,53	21°,38

	Зима	Самый теплый месяц	Самый холодный (январь)	Разность.
Санта-Круц	18°,1	26°,1	17°,7	8°,04
Пуэрто-де-Оротава	16°,75	23°,60 (авг.)	16°,20	7°,4

1 A. von Humholdt, цитированное сочинение;—Leopold von Buch, „Physikalische Beschreibung der Canarischen Inseln“.

2 Arlett, „Journal of the R. Geographical Society“, 1836.

На Канарских островах нет зимы в европейском смысле слова, так как температура этого времени года здесь выше, чем средняя годовая температура в Южной Италии; однако, самый холодный день имеет температуру 8 градусов Ц.; но лето иногда бывает слишком жарко для европейцев, особенно на восточных островах: восточный т.е. сахарский ветер появляется здесь гораздо чаще, чем на Мадере, и когда он дует, принося сухой, насыщенный пылью воздух, растительность блекнет, земля трескается, люди и животные изнемогают; иногда он нагоняет тучи саранчи; в 1588 г. эти живые облака были принесены ветром даже на Тенериф[1]. В летописях Ланзарота и Фуэртевентуры приведены примеры, когда сахарские ветры, особенно юго-восточные, имели следствием страшные голодовки и обезлюднение островов. Но в западной группе попеременное движение бриз, поворачивающихся вместе с солнцем, умеряет жары, и гибельное действие восточного ветра редко дает себя чувствовать.

Канарские острова получают сравнительно меньшее количество атмосферных осадков, чем Мадера и особенно чем Азорский архипелаг; иногда по целым месяцам здесь ждут хорошего ливня, который бы освежил атмосферу; в среднем, насчитывают в году 300 дней без дождя. Правильные дожди начинаются обыкновенно к концу ноября и продолжаются два месяца: приносимые ветрами «снизу», т.е. западными, они прекращаются вместе с этими воздушными течениями. Образование облаков и выпадение дождей бывают также и в другие времена года, особенно весной, когда в этих водах встречаются ветры, имеющие разную температуру; зимой встреча воздушных течений порождает так называемые «торнадосы», местные циклоны, которые производят сильное волнение на море и подвергают опасности застигнутые врасплох суда; особенно памятен торнадо 1826 года, который был причиной нескольких кораблекрушений и опустошил деревни и культуры. Но большие циклоны, образующиеся в Антильском море, никогда не проходят над канарскими водами. В сухое время года, совпадающее с летом, с апреля по октябрь, вся атмосфера нижних слоев движется сплошной массой в направлении от северо-востока на юго-запад. Так правильно и непрерывно в этом периоде года веяние пассатов, называемых *la brisa*, что всякое плавание парусных судов против воздушного течения совершенно прекращается: прежде, бывало, острова «на ветре» целых шесть месяцев не получали никаких известий с островов «под ветром». Хотя пассаты не приносят с собой дождей, но они в изобилии насыщены парами, захватываемыми во время их путешествия на поверхности моря; небо Канарских островов кажется тусклым от этих паров и никогда не представляет той чистой синевы, какою мы восхищаемся на полуостровах Средиземного моря. На острове Ланзароте слои шлаков, обращенные к пассатам, поросли мхом, тогда как скалы, невыставленные действию влажных ветров, остаются совершенно голыми[2]. Каждый остров имеет свою *banda*, сухую «зону», которую промежуточные высоты лишают паров. На Тенерифе такой *бандой* называют южный берег, на Пальме—западную половину острова.

На высоких равнинах и склонах Канарских гор влажность значительнее, чем на берегу моря, благодаря трению воздушных слоев, движущихся в противоположных направлениях. Так, на боках пика де-Тейде слой облаков, занимающий среднее положение между пассатами и контр-пассатами, поднимается или опускается, смотря по высоте зоны соприкасания; он часто разрывается на полосы, распадается на облачки и беспрестанно меняет форму и вид,—увеличивается от присоединения облаков, прибывающих с северо-востока, выделяет из себя островки, увлекаемые воздушным течением на юг, но никогда не рассеевается, постоянно окружая пик своей кольцеобразной массой, часто отделенной от морских облаков широким разрывом. Можно измерять каждый день толщину массы паров, приносимой пассатами[3]; в среднем, нижняя сторона облачного слоя находится на высоте от 1.200 до 2.000 метров летом и от 500 до 700 метров зимой: на этой-то высоте, ниже увлажняемых склонов, и вытекают ключи, перехватываемые жителями побережья, которые проводят их подземны-

1 Bory de Saint-Vincent, „Essais sur les iles Fortunees“.

2 Von Fritsch, „Petermann's Mittheilungen“, Erganzungsheft, 22.

3 Piazzi Smyth, „Teneriffe“.

ми галлереями в свои селения. На острове Тенерифе можно наблюдать три лежащие одна над другой воздушные площади: контр-пассат, пассат и морскую бризу. Город Лагуна расположен на плоскогорья, выставленном северо-восточному пассату, который в этом месте, вследствие отражения от гор, превращается в северо-западный ветер; с другой стороны, одна часть города подвержена действию бризы, которая дует с юга, поднимаясь по горным скатам. Гумбольдт в доказательство этого нормального расположения ветров один над другим приводит пример двух мельниц, которые почти всегда работали в одно время, при чем крылья одной приводились в движение северо-западным, а крылья другой южным ветром. Встречаясь на этой плоской возвышенности, как на «поле битвы», говорит Пиацци Смит, воздушные течения осаждают свои пары, и именно влажности воздуха город Лагуна обязан более деятельной растительностью, в сравнении с соседними склонами, выставленными действию одного лишь атмосферного тока; на крышах его домов растет кустами *sempervirens urbicum*, которого нигде но увидишь на жилищах, стоящих ниже[1]. Таким образом жители Тенерифа и других гористых островов могут по произволу менять климат, изучать и выбирать температуру и влажность, какие им желательны. Благодаря этой привилегии, которою пользуются Канарские острова, как санитарная станция, число больных иностранцев, приезжающих сюда искать исцеления от недугов, или по крайней мере продления жизни, становится с каждым годом все значительнее. Весьма, вероятно, что в недалеком будущем эти острова превзойдут Мадеру годовым числом посетителей, хотя туземцы, опасаясь заразы, не особенно рады этим гостям. Канарские острова, правда, имеют ту невыгоду, что они более удалены от Европы; но зато они ближе ко всем поселениям африканского побережья, пребывание в которых так опасно для европейских эмигрантов; кроме того, здесь посетителю не грозит такая скука, как на Мадере, где он чувствует себя словно в большой тюрьме: благодаря пару, поездки с острова на остров не представляют теперь никакого затруднения; и наконец, самая природа является здесь в более грандиозном виде.

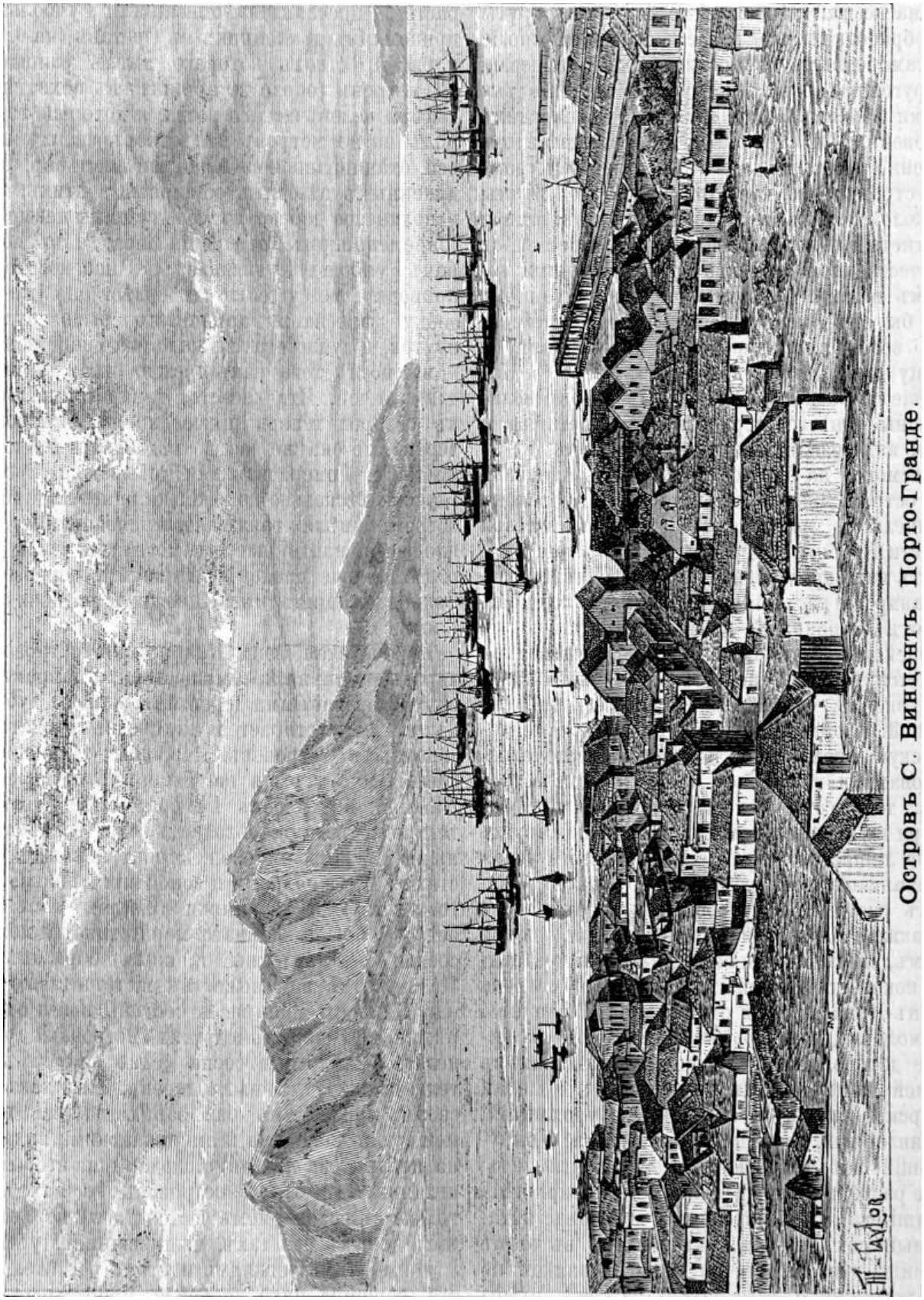
Менее обильно орошаемые атмосферной влагой, чем Мадера и особенно чем Азорская группа, Канарские острова не имеют такого зеленеющего наряда, как северные архипелаги; они представляют более тусклый вид, а местами почва их даже совершенно бесплодна. В соседстве побережья растительность почти совсем исчезает в общем колорите местности: преобладающие здесь мясистые растения синеватых оттенков сливаются с вулканическими туфами[2]. На восточных островах, Ланзороте и Фуэртевентуре, не видно более ни лесов, ни больших площадей общежительных растений: общий вид страны принял уже характер степи. Но западные острова по крайней мере сохранили кое-где клочки леса; всех богаче большими деревьями остров Пальма, самый западный и наиболее щедро орошаемый дождями.

Если Канарские острова не имеют такого же растительного богатства по числу особей, то они значительно превосходят другие архипелаги количеством видов. Инвентарь канарской флоры, составленный Уэббом и Бертело, заключает в себе около тысячи видов, то-есть вдвое больше, чем сколько их имеет азорская флора. Впрочем, неизвестно в точности, какая именно часть здешней флоры должна считаться строго канарской, так как даже до прибытия европейцев туземцы берберы видоизменяли местную флору, принося растения с соседнего материка. Испанцы помогали этому перевороту в островной флоре гораздо более энергическим образом,—с одной стороны истреблением лесов, с другой—непосредственным введением новых видов и земледельческой культурой. До высоты 975 метров окружность островов распахана везде, где скаты не слишком круты для обработки плугом. Без сомнения, многие из самородных канарских видов исчезли; с другой стороны, экзотические растения тысячами вошли в сады и на поля Канарских островов. Из специально канарских видов особенно два приводят в восхищение художника стройностью, красотой и гармонией форм: это колокольчик с оранжевыми цветками и золотистый папоротник (ceterach aureum), с величественной стрелкой и отливающими золотом ваиями. «Древние не преминули бы, если бы он

1 Humboldt;—L. von Buch, цитированное сочинение.

2 Grisebacb, „La Vegetation du Globe“, traduit par Tchihatchef.

был им известен, присоединить золотистый папоротник к аканту и плющу для украшения ваз и амфор»[1]. Канарские острова дали Европе некоторые великолепные цветы, серебряники (cineraria) и один из красивейших златоцветов.

Островъ С. Винцентъ. Порто-Гранде.

Несмотря на близкое соседство с Африкой, эти острова, подобно Мадере и Азорскому архипелагу, принадлежат к растительной области Европы. Флора их на две трети состоит из

1 Bolle. „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde“, Berlin, 1864.

европейских видов, да и специально канарские растения в большинстве случаев имеют физиономию, близко подходящую к европейским типам, так что невольно является вопрос, не есть ли это представители видов, составлявших часть континентальной флоры в предшествовавшую геологическую эпоху. Но на двух восточных островах и в нижней части других островов, до высоты от 400 до 800 метров, смотря по положению местности, господствует флора ливийского характера, соответствующая африканской температуре: это пояс мясистых растений, кактусообразных молочаев и также, благодаря натурализации, пояс пальм, смоковниц и бананов. На юго-западной покатости Большого Канарского острова (Гран-Канария) есть одна долина, Венегуэра, где молочаи, или *tabaibas*, величиной с фиговое дерево, растут обширными лесами; в нижней части долины господствует молочай канарский (euphorbia canariensis), уродливый, искривленный, усаженный колючками и выпускающий из разрывов смертоносный яд; выше растет молочай бальзамный (euphorbia balsamifera), с безвредным молоком: питательный сок иногда так обилен в этом растении, что достаточно ударить палкой по его блестящей и туго натянутой коже, чтобы брызнул фонтан молока до двух или трех метров высотой. Драконово дерево (dracaena draco), названное так за его странную форму и за вытекающий из него красный сок[1], тоже составляет одно из характеристических растений африканской зоны Канарских островов. Гигантская разновидность этого растения прославлена описаниями Гумбольдта: припомним драконник в Оротаве (на о. Тенерифе), ствол которого имел слишком 14 метров (около 20 аршин) в обхвате на высоте человеческого роста, и который вздымал на 20 метров канделябр своих ветвей, оканчивавшихся букетами листьев, соединенных в один обширный зонтик. Это исполинское дерево, которое туземцы называли современником сотворения мира, и в котором Гумбольдт удивлялся «вечной молодости природы», не существует более: оно уже в эпоху завоевания архипелага было пустое внутри, и дупло его служило часовней испанцам, после того как прежде было храмом для гуанчей. Что касается канарской пальмы, к которой теперь присоединено финиковое дерево, то она не дает съедобных плодов; но на о. Гомера из неё добывают сироп, вкусом несколько похожий на вино. Канарские острова имели также свою смоковницу; но плоды её, найденные в могилах, были гораздо мельче плодов нынешних деревьев, принадлежащих к испанским разновидностям[2].

Европейская зона Канарских островов, характеризуемая преимущественно лаврами и натурализованными деревьями, каковы дуб и каштан, простирается на средних скатах западных островов. Лавровые леса почти совершенно исчезли на Тенерифе и Большой Канарии; но остров Гомера, более богатый текучими водами, обладает еще великолепными лаврами в своих центральных частях. Над лаврами и зоной кустарника, где господствуют ладанники (cistus), как на островах Средиземного моря, тянется пояс сосны, представленный главным образом на Пальме, где во множестве растет также канарский кедр (juniperus cedrus), ныне очень редкий на Тенерифе и других островах архипелага. Канарская сосна—одно из замечательнейших хвойных деревьев, так как по своим признакам она занимает середину между европейскими и американскими видами: на первые она походит плодами, на вторые—иглами. Вне этих островов ее находят только в ископаемом состоянии в верхних миоценовых пластах, в провинции Мурсии.

Над этими нижними поясами растительности, вершина пика де-Тейде, прорезывая облака пассатов, поднимается в область возвратного воздушного течения и сама по себе составляет особую зону, заключающую десятка два растений, не встречающихся нигде, кроме Канарских островов. При восхождении на пик по северо-восточному склону, на высоте 1.200 метров встречаешь последние лавры, рассеянные среди мелкого кустарника; далее следуют вересковые, сначала в перемежку с папоротником, затем занимающие сплошь все скаты горы. Над вереском, на высоте 2.000 метров, почва принадлежит дрокам и другим сродным видам. Господствующим растением в этой высокой области верхних долин, canadas, является осо-

1 Bory de Saint-Vincent, цитированное сочинение.

2 Christ, „Eine Fruhlingsfahrt nach den Canariechen Inseln“.

бый вид спарта (spartocytisus nubigenus), сохранивший свое арабское имя *ртем* под испанской формой retama, и не встречающийся ни в какой другой стране. Среди черных и желтоватых вулканических камней рассеяны зеленеющие букеты ретамы, покрывающиеся весной мотыльковыми цветками нежного белого цвета, с розовыми прожилками и распространяющими запах, несколько напоминающий запах акации: стручки её, похожие на стручки дрока, раскрываются, подобно последним, с треском в момент созревания. До сих пор известны четыре вида животных, существование которых связано с этим канарским растением, и которые тоже встречаются только в каньядах пика де-Тейде: крохотная улитка ползает на нижней части стеблей ретамы; мотылек из рода ликена (polyommatus) и фалена (ночная бабочка) сосут нектар её цветков; маленькая птичка, *fringilla teydeana*, впрочем, очень редкая, порхает по её веткам и питается её семенами; кроме того, один паук, живущий также в других частях острова, любит протягивать свои сети между букетами ретамы[1]. Здесь, повидимому, прекращается органическая жизнь на склонах горы; однако, на верхнем конусе натуралист находит еще фиалку бледно-голубого цвета, приютившуюся между камням и и тепло окутанную длинными мохнатыми листьями[2]; прежде это растение считали специально канарским, но оно встречается также на высоких горах Океании. Со времен Гумбольдта, пребывание которого на Тенерифе, хотя и кратковременное, составило одну из важных эпох в истории географии, часто старались точно разграничить ярусы растительности на склонах пика де-Тейде: можно увеличивать или уменьшать число этих ярусов, проводить на разных высотах раздельные черты, смотря по тем или другим характеристическим растениям, которые будут выбраны для этого разграничения; но самым правильным делением следует признать то, которое соответствует условиям окружающего неба. Влажный слой атмосферы отмечает три яруса—ниже, внутри и выше облаков: от уровня моря до высоты 700 метров, от 700 до 1.600 метров, и от 1.600 метров до вершины пика[3]. Населенный и возделанный пояс, ниже облаков и горы, или *cumbre*, делится естественно на два второстепенных яруса—cuesta, или береговая полоса, и *medianias*, или средние склоны[4].

Фауна Канарских островов приняла европейскую физиономию, благодаря натурализации домашних и чужеядных видов, но по низшим организмам она представляет самобытный характер. Бургинья доказал, что канарские моллюски составляют самостоятельную фауну, имеющую лишь отдаленную связь с фауной Берберии; однако, они гораздо ближе стоят к средиземным, чем к африканским формам. Так же как на Азорских островах и на Мадере, змей здесь совсем нет, но водятся большие туземные ящерицы, тысяченожки, скорпионы. Между многочисленными видами птиц есть несколько отличных от европейских, как, например, красная куропатка, мясо которой высоко ценится гастрономами, и канарейка, сделавшаяся столь обыкновенной в Европе. Новые условия среды, жизнь в неволе, пища, климат, скрещивания совершенно преобразили канарейку: оперение её из зеленого стало желтым, пение тоже изменилось[5]. Что касается млекопитающих, найденных европейцами по прибытии в архипелаг, то неизвестно, принадлежат ли эти животные к самородной фауне островов, или они были введены берберами, населявшими страну; во всяком случае они составляют особые разновидности. Плиний рассказывает, что здесь водились огромные собаки особой породы, от которых и самые острова получили название Канарских, т.е. «Собачьих» (от латинского canis—собака), и что однажды два таких пса были приведены к царю Юбе Младшему. Когда европейцы прибыли в край, они не нашли там собак; введенные же ими собаки образовали особые разновидности. На о. Ланзароте они походят на водолаза; собаки других островов, хотя не особенно крупной породы, но сильные животные, занимающие середину между гончей и овчаркой[6]. Домашния козы Канарских островов в числе около

1 Perrier, „Explorations sous-marines“.
2 Piazzi Smytn, „Teneriffe“.
3 Webb et Berthelot;—Christ, цитированные сочинения.
4 Minutoli, „Die Canarischen Inseln“.
5 Adanson;—Bory de Saint Vincent;—Humboldt.
6 Perrier, цитированное сочинение.

шестидесяти тысяч, отличаются от западно-европейских; они крупнее, проворнее, смело лазают по скалам, как серны, и очень привязчивы к пастуху. Голова канарской козы, с ласково смотрящими глазами, напоминает голову газели. Здешния козы необыкновенно молочны, и молоко их превосходного вкуса, благодаря ароматическим растениям, которыми они питаются[1]. Кроме того, на островке Монтанья-Клара, близ Ланзарота, и в южной части Фуэртевентуры водятся дикия козы. Верблюд также фигурирует в числе представителей канарской фауны, по крайней мере на восточных островах, от Ланзарота до Большой Канарии, и по силе и выносливости нисколько не уступает своим родичам других стран. Не известно, когда именно он был введен в архипелаге, и нет положительных доказательств, которые давали бы право приписывать, как это делает Гумбольдт, честь этого приобретения Бетанкуру. Судя по большому числу берберских слов, относящихся, в Африке, к верблюду, нет необходимости предполагать, что туареги и их соплеменники канарийцы[2] получили это домашнее животное от арабов. По всей вероятности, оно было привезено в архипелаг берберами.

Морская фауна Канарских островов, рассматриваемая в её совокупности, принадлежит скорее Европе, чем Африке: большинство её видов испанские и средиземные, и даже британские формы имеют в ней многочисленных представителей. В этом отношении, как и во многих других, Канарские острова могут считаться африканским архипелагом только по географической широте. Ихтиологическая фауна этих островов заключает в себе также многие американские виды, не встречающиеся у берегов соседнего материка. Воды, окружающие Канарские острова, принадлежат к самым населенным пространствам океана, и рыболовные суда сотнями скопляются здесь во всякое время года, не уменьшая заметно кишащей массы животной жизни. Главный предмет рыбной ловли составляет один вид трески, качеством не уступающий нью-фаундлендской. При других условиях, рыболовный промысел мог бы быть более успешным и прибыльным, но соление производится небрежно, и рыба почти не имеет сбыта за границу. До сих пор продукты вод Канарского моря служили только для местного продовольствия.

Канарские острова обитаемы с незапамятных времен. Типы последовательных эпох каменного века вполне представлены в этом архипелаге: здесь находят множество предметов, аналогичных с остатками человеческого искусства, встречающимися в пластах Европы и Америки,—каменные топоры, палицы, глиняную посуду, ткани; но стрела из кремня еще ни разу не попадалась. Местный исследователь Чиль-и-Наранхо, усердно отыскивающий следы древней цивилизации в своем островном отечестве, объясняет этот пробел в коллекции доисторического оружия отсутствием диких животных на островах: туземцы, богатые стадами домашнего скота, не имели надобности в стрелах для охоты на лесного зверя. При изучении массы собранных предметов каменного века, наблюдателя поражают успехи, которые делала из поколения в поколение первобытная раса в искусстве и промышленности; но какого бы совершенства в ремеслах ни достигали эти аборигены, они всегда работали свои лучшие произведения только для людей благородных: в одном и том же гроте рядом с одеждой из тонкой материи, с утварью, превосходно отделанной, украшенной иероглифами и рисунками, находят грубые ткани и аляповатые сосуды из необожженой глины. Так обнаруживается аристократическое устройство древне-канарского общества[3]. Обработка металлов не была известна островитянам: что бы ни говорил Азурара, у них не нашли ни орудий из железа, ни украшений из золота и серебра. Солидная постройка погребальных склепов Тенерифа, искусная кладка камней в зданиях Ланзарота, Фуэртевентуры и Большой Канарии, удобное расположение комнат в жилищах, картины, рисованные охрой,—все это свидетельствует о высокой степени цивилизации, которой канарийцы достигли уже в эпоху, предшествовавшую истории. Священники, участвовавшие в экспедиции Бетанкура, рассказывают, что они

1 B. Langkavel, „Globus“, Juli 1883; Christ, цитированное сочинение.

2 Faidherbe, „Revue Africaine“, № 61, janv. 1867

3 Chil y Naranjo, „Estudios de las Islas Canarias“.

видели на о. Фуэртевентура «les plus forts chasteaulx, que l'on puisse trouver nulle part» (такие крепкие замки, каких нигде не встретишь). Идолы, фигуры и орнаменты, нарисованные на вазах, имеют много сходства с типами, которые представляют египетские памятники.

Типы жителей Порто-Гранде.

Кроме того, в разных местах архипелага—в гроте Бельмако, на острове Пальма[1], на од-

1 Von Fritsch, цитированное сочинение.

ном утесе восточного берега острова Ферро[1], на острове Большая Канария[2]—открыли древние надписи, буквы которых имеют форму, близко подходящую к знакам ливийской азбуки. По крайней мере, они служат доказательством того, что существовали сношения между островитянами и берберскими народами материка, хотя у первых в эпоху прибытия Бетанкура уже не было судов; в этом отношении промышленность канарийцев представляла регресс. Сходство букв придает также большую вероятность гипотезе, допускающей арабизованное берберское происхождение для населения архипелага, тем более, что слова различных наречий, собранные, в числе около тысячи, Уэббом и Бертело, и имена собственные, сохраненные историками,—несомненно берберские и представляют некоторые аналогии с арабским языком. Так, прежнее имя Пальмы, Бенегоар, тождественно с именем могущественного племени бени-гауара; бимбачи (bimbachos) острова Ферро напоминают своим названием племя бен-башир; на Тенерифе многие имена собственные начинаются членом *аль* и существительным *бен*, как в землях семитического языка. Большинство этнографов видят в древних канарийцах «одну из благороднейших отраслей берберской расы», хотя нашлись и такие ученые, которые подозревают в них кельтов, басков, даже вандалов, и на этом основании готовы предъявить притязание на архипелаг, как на будущую провинцию германской империи[3]. Изучение черепов и костяков, предпринятое современными антропологами, доказало, что население архипелага принадлежало к различным расам, но в то же время подтвердило первые гипотезы в пользу восточного происхождения большего числа жителей. На о. Фуэртевентура, на полуострове Ислета в Большой Канарии и в южной части этого острова, а также на островах Ферро и Пальма, тип черепа существенно сиро-арабский: оказывается почти совершенное тождество между этими канарийцами, алжирскими арабами и египетскими феллахами[4]. По мнению Верно, архипелаг распадался на три этнографических группы: восточную, обнимавшую острова Ланзарот и Фуэртевентура и полуостров Ислета; центральную, т.е. острова Тенериф и Гомера, где жители не были знакомы с искусством обжигания глиняной посуды и шлифования каменных топоров; и наконец, западную, состоявшую из двух островов—Ферро и Пальма.

Обыкновенно всех древних канарийцев называют общим именем гуанчей, которое, кажется, принадлежало, в формах «винчени» и «гуанчинет», только обитателям Тенерифа. Как сотни других народных имен, и это имя значило «люди»: в глазах гуанчей их маленькая раса составляла все человечество. По свидетельству современников, эти берберы, белые или смуглые, все длинноголовые (долихокефалы), долгорукие и долгоногие, отличались от арабов более крепким телосложением, менее продолговатым лицом, менее откинутым назад лбом, более широким и коротким носом, более толстыми губами. Глаза у них были большие и черные, брови густые, волосы тонкие, гладкие или волнистые. Общее выражение лица было приятное и открытое, соответствовавшее их характеру, доверчивому, веселому и ласковому. Изумительно проворные и «большие скакуны, прыгавшие со скалы на скалу, как дикия козы», они были «не менее сильны и ловки в метании камней», и обладали такой силой рук, что двумя или тремя ударами кулака разбивали в дребезги щит. Ходили они голые или прикрытые легким одеянием из трав или козьих шкур; но чтобы сделать кожу нечувствительной к переменам температуры, они намазывали тело салом и соком некоторых растений; кроме того, все они, мужчины и женщины, разрисовывали себя красной, зеленой, желтой краской, «умея такими цветами выражать свои особенные привязанности»[5].

Относительно брака обычаи существенно разнились от острова к острову. На Ланзароте существовала полиандрия, по словам священников экспедиции Бетанкура: большинство женщин имели по три мужа, чередовавшихся в качестве супругов и в качестве служителей.

1 Berthelot,—Faidherbe, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", fevr. 1875; nov. 1876.
2 Chil y Naranjo, цитированное сочинение.
3 Franz von Loher, „Los Germanos en Canaria“.
4 Verneau, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie de Paris“, 1881.
5 Aloys de Cadamosto, Edition Jaen Temporal, 1556.

На острове Гомера законы гостеприимства требовали обмена между женой хозяина и женой странника. На Тенерифе моногамия была законом; гуанчи очень почитали женщин: за всякое обидное слово, сказанное лицу женского пола, виновный подвергался наказанию; вооруженный мужчина, оказавший неуважение женщине, предавался смерти. Брак не мог быть заключен без свободного согласия невесты, и право развода принадлежало одинаково обоим супругам. На острове Гран-Канария новобрачные принадлежали сначала главному жрецу и господам[1]. На том же острове женщина, приглашенная в крестные матери, брызгала водой на голову новорожденного и произносила при этом какие-то таинственные слова: в силу этой церемонии, maguada делалась членом семейства, в котором принимала ребенка, и никто из мужчин её новой родни не мог вступать с ней в брак. В этом отношении католический ритуал оказался почти не разнящимся от ритуала туземцев: из древнего обычая завоевание сделало таинство.

Гуапчи Тенерифа и берберы других Канарских островов, вообще очень религиозные, чтили духов гор, источников, облаков и обращались к ним с молитвами, но не приносили им кровавых жертв; может быть, были также магометане на Ланзароте, так как один из царьков, по словам нормандских священников,был «сарацин». Во время засух гуанчи водили свои стада овец на священные места и там разлучали ягнят с матками, чтобы смягчил бога жалобным блеянием. При наступлении религиозных праздников заключалось всеобщее перемирие, прекращавшее междоусобия и даже частные раздоры: все становились друзьями. Жрецы и жрицы пользовались большим почетом, и на острове Гран-Канария *файкан*—слово, в котором некоторые ученые признали арабское «факи» или «факир»,—председательствовал на больших торжествах; власть его уравновешивала власть *гуанартема*, политического главы. Девы, посвятившие себя на служение божеству, нечто в роде римских весталок, жили в священных домах. Строгие блюстители обычая, туземцы практиковали поединок, суд посредством испытания ядом, и признавали право убежища.

На некоторых островах власть глав племени была неограниченна; в других местах мелкие ленные владения соединялись в союзы или федерации. На о. Тенерифе все земли принадлежали царькам, *тепсеу*, которые уступили их в пожизненное пользование подданным. Благородные, очень гордившиеся своим происхождением, рассказывали, что их предок был создан раньше предка бедных, и что последнему заповедано служить ему и его потомству. Они считали унизительным всякий ручной труд; особенно им запрещалось проливать кровь животных, хотя на поле битвы они могли ставить себе в заслугу пролитие человеческой крови; пленных испанцев они назначали в мясники и живодеры. Однако, они не составляли замкнутой касты: всякий плебей, или «стриженый», мог вступать в их ряды, благодаря какому-нибудь подвигу или милости высокопоставленной особы; жрец в публичном собрании совершал обряд допущения его в среду благородных. Власть начальников была ограничена верховным советом, который обсуждал государственные дела, судил и карал преступников. Самоубийство было в чести на острове Гран-Канария: когда ленник вступал во владение своим поместьем, всегда находился охотник пожертвовать своею жизнью ради такого торжественного случая. «Бедняга,—говорит один старинный путешественник,—бросался в пропасть, где и разбивался в дребезги; в благодарность за такое самопожертвование господин обязан знатно почтить и щедро одарить родных усопшаго»[2].

На острове Пальма иногда старики сами требовали, чтобы их оставили умирать одних. Откланявшись родным и знакомым, старик, решивший отправиться на вечный покой, произносил слова: *Vaca guare*, «хочу умереть», и его переносили в погребальный грот, на ложе из звериных шкур; подле него ставили кувшин с молоком, и все удалялись, чтобы более не возвращаться[3]. Способы погребения разнились, смотря по островам. На полуострове Ислета, в Большой Канарии, покойников зарывали в могилы и закладывали сверху камня-

1 Cadamosto;—Thevet;—Bernaldez etc.

2 „Navigations d'Aloys de Cadamosto".

3 Viera y Clavijo;—Webb et Berthelot.

ми. На Тенерифе из древних погребальных пещер и склепов, покрытых растительной землей, извлекли множество набальзамированных мумий, вполне сохранившихся; это были усыпальницы богатых людей. Мумии лежат на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, и тщательно завернуты в кожи, сшитые удивительно тонко, при помощи иголок из кости или рыбьих костей; способы бальзамирования, повидимому, имели много сходства с теми, которые употреблялись древними египтянами. Возле каждой мумии находились *garrote*, или толстая палка, очевидно, предназначенная служить опорой покойнику во время долгого странствия, и сосуд с медом, оставленный ему для пропитания.

С шестнадцатого столетия коренные жители, гуанчи Тенерифа, берберы других островов, перестали существовать, как сплоченная в одно целое нация. Слишком полтора века они храбро отражали нападения пиратов и завоевателей, хотя не имели другого оружия, кроме камней, дубинок да дротиков, слегка обожженных, для крепости, или оканчивающихся острым рогом; их не могли бы одолеть, если бы не догадались употреблять против туземцев, еще независимых, островитян, уже покоренных. Они милостиво поступали с пленными, часто даже возвращали им свободу; но им самим не давали пощады: плен или смерть—такова была роковая альтернатива для гуанчей, которые попадали в руки христиан; в 1345 г. король Аффонсо IV в письме к паше Клименту VI рассказывает, что его солдаты «забрали людей, скот и разное имущество и с великой радостью привезли в его королевство»[1]. В 1393 г. севильские корсары захватили Ланзаротского царька с женой и 170 подданных. Когда Бетанкур и Гадиффер, в сопровождении канарских толмачей, проданных им пиратами, овладели Ланзаротом, на острове оставалось не более трехсот жителей, которым надавали кучу обещаний, «но, разумеется, не исполнили ни одного»[2]. В половине следующего столетия, Гран-Канария и Тенериф, еще независимые, имели вместе население, исчисляемое в 23.000 душ[3]. Во время завоевания, которое продолжалось слишком тридцать лет, большинство жителей были убиты или увезены в Испанию, чтобы быть проданными на рынках Севильи или Кадикса; многие сами покончили с собой, чтобы не пережить потерю своей свободы. Кроме того, страшная болезнь, называемая *modorra*, «сонная хворь», истребила большое число оставшихся туземцев: это была одна из «чум» или «черных смертей», в роде мора, который в недавнее время извел столько народцев Америки и Океании. Уцелевшие остатки гуанчей, крещеные в христианскую веру, смешались с испанским населением и утратили свой язык и нравы. Последние потомки последнего тенерифского короля, Бенкомо, постриглись в монахи и умерли в 1828 г. при мадридском дворе.

Но если нация гуанчей не имеет более независимого существования, то кровь её не пропала бесследно. От брачных союзов первых испанских поселенцев с туземными женщинами родилось смешанное население, которое доныне существует, с своими отличительными чертами, во многих частях островов. Атавизм и среда возрождают гуанчей среди канарских испанцев. Народ архипелага такой же добродушный, как были его берберские предки, по выражению одного старинного писателя, «преисполненные естественных добродетелей и честной простоты»[4]. Болтливые, доверчивые, веселые, незлобивые, вкрадчивые и хитрые, очень смирные и кроткие, хотя страстные охотники до петушиных боев, но обидчивые и не поддающиеся ложному чувству чести, но очень храбрые при случае, большие любители цветов и пения, нынешние канарийцы имеют свой особенный характер, резко отличающий их от испанцев. Всего лучше можно узнать оригинальный тип на островах Пальма, Гомера, Ферро и в южных частях Большой Канарии и Тенерифа. В Гюимаре, в Часне у поселян сохранилось еще большинство обычаев, описанных Эспинозой, сто лет спустя после завоевания. Некоторые слова туземного языка все еще употребляются для обозначения растений, насекомых, орудий; фамильные имена остались гуанчские. Туземцы и теперь употребляют такия же

1 Reynald, „Annales“;—d'Avezac;—Webb et Berthelot;—Borges de Figueiredo, etc.
2 „Le Canarien“.
3 Aloys de Cadamosto, цитированное сочинение.
4 Bergeron, „Traite des Navigations“.

земледельческие орудия и посуду, какие были у их предков. Масло они сбивают все тем же способом, наливая молоко в бурдюк, который двое перебрасывают друг другу. Рыбу ловят тоже дедовским обычаем, отравляя соком молочая лужи, остающиеся на берегу после отлива. Их пляски, крики радости те же самые, как у древних гуанчей; они все так же, как это делалось встарину, бросают хлебные зерна в лицо новобрачным, чтобы принести им счастье. Национальное блюдо, *gofio*, печение из муки разных зерновых хлебов, и теперь то же самое, которое находят в усыпальницах гуанчей. Корень папоротника, размолотый в муку, заменял, да и ныне заменяет, гофио в периоды неурожая[1].

Европейские элементы разнообразно перемешались на этих островах. Нормандцы и гасконцы, пришедшие с Бетанкуром и Гадиффером, были слишком малочисленны, чтобы не потеряться в постоянно усиливавшемся приливе испанского населения, где, повидимому, преобладает андалузская кровь; удивительно только то обстоятельство, что на Канарских и Азорских островах, в Португалии, в Бразилии и во всех испанских и португальских владениях встречается множество семейств, носящих фамилию Бетанкур, различно пишущуюся: если все эти роды действительно происходят от нормандского завоевателя или от его родственника и преемника Масиота Бетанкур, то по женской линии они, очевидно, имеют берберское происхождение, и существование их свидетельствует о живучести туземной крови, несмотря на кажущееся исчезновение расы. В состав островного населения вошло также некоторое число мавров, привезенных в Большую Канарию после окончательного завоевания края. На Тенерифе ирландские эмигранты, переселившиеся вследствие религиозного преследования, сделались родоначальниками многочисленных семейств, и до сих пор еще говорят, можно узнать ирландские физиономии между жителями Оротавы. Что касается острова Пальмы, где побоища сделали большие пробелы в местном населении в течение второй половины пятнадцатого столетия, то часть опустевших деревень была заселена промышленными семьями, привезенными из Фландрии. Эти пришельцы не замедлили слиться с испанцами и даже перевели свои фамилии на кастильский язык; так, например, Гренберги преобразились в Монтеверде[2]. Несмотря на разнородность происхождения, канарийцы, сохранившие спокойное мужество своих берберских предков, сделались горячими испанскими патриотами. Все нападения на их укрепленные города были отражены с успехом. Французские гугеноты, варварийцы. английские пираты, даже целый голландский флот, состоявший из 70 кораблей, тщетно пробовали свои силы то против Большой Канарии, то против Тенерифа; Нельсон пытался, в 1797 году, взять Санта-Круц, но кончилось тем, что потерял там один корабль и одну из своих рук[3].

Земледелие и рыболовство—единственные промыслы канарийцев. Прежде эти острова поставляли Европе «лучший известный в то время сахар»; потом виноградарство и виноделие достигли значительного развития в архипелаге (в период с 1814 по 1824 г. среднее годовое производство вин, по Уэббу и Бертело, составляло 191.676 гектолитров, из которых 111.440 приходилось на долю Тенерифа); но грибок *oidium* разорил канарские виноградники даже ранее мадерских. Тогда плантаторы должны были искать другого продукта, могущего быть предметом отпускной торговли, и занялись главным образом культурой кошенильного кактуса. Драгоценное насекомое впервые было введено на Канарских островах в 1825 году; однако, годовой сбор оставался незначительным до 1852 г., когда начали употреблять гуано для ускорения роста кактуса. Еще в 1860 г. монополия торговли кошенилью принадлежала республике Гондурас; но несколько лет спустя производство кошенили на Канарских островах уже в четыре или пять раз превосходило производство её во всем остальном свете, как показывают следующие цифры:

Производство кошенили в 1870 г.:

Мексика—112.000; Гондурас—252.000; Канарские острова—1.568.000: в 1871 г.—

1 Webb et Bertholot, цитированное сочинение.

2 Pegot-Ogier, „Description des iles Canaries“;—Goblet d'Alviela, „Patria Belgica“, III.

3 Andres Rebuelta, „Boletin de la Sociedad Geografica de Madrid“, set. 1885.

2.212.000 кплограмм.

Для распространения кошенильных плантаций вырубили много лесов на Тенерифе и Большой Канарии: но кошениль, прежде имевшая капитальную ценность для красильной промышленности, в последнее время почти совершенно заменена анилином и ализарином, хотя она все еще представляет значительную долю внешней торговли архипелага; за время с 1880 по 1884 г. общая ценность торговли Канарских островов равнялась 93.670.000 франк, из которых 32 миллиона приходилось на долю вывоза кошенили, что составляло, средним числом, слишком 6 миллионов в год. В виду уменьшения спроса на кошениль, канарским плантаторам опять пришлось искать какой-нибудь новой, более прибыльной отрасли земледельческой промышленности. Уже в 1862 г. сделаны были в разных местах опыты разведения табака, которые удались как нельзя лучше, особенно на острове Пальма и в окрестностях Тельде, на острове Гран-Канария: в настоящее время канарские сигары ценятся почти так же высоко, как гаванские. Что касается пищевых растений, то после зерновых хлебов в архипелаге всего более возделываются лук и картофель, из которых последний был введен непосредственно из Перу в начале семнадцатого столетия[1]; грузы этих продуктов отправляются отсюда на острова Кубу и Пуэрто-Рико на барках с латинскими парусами, совершающих переход через океан обыкновенно в восемь или десять дней. Картофель и лук! Не таких произведений можно было ожидать от острова Блаженных![2] Апельсины, которым Бориде-Сен-Венсан даже приписывал, впрочем, ошибочно, происхождение с этих Счастливых островов, отличаются здесь превосходным качеством, но почти не вывозятся за границу.

Земледельческое производство недостаточно для постоянно увеличивающагося населения, и хотя жизнь не дорога на Канарских островах, благодаря существованию портофранко, тем не менее большое число молодых людей уходит искать счастья в чужих краях: этим и объясняется значительный численный перевес женского пола над мужским, обнаруженный народной переписью 1877 года: мужчин насчитали тогда 130.000, тогда как число женщин простиралось до 150.000 (по переписи 1887 г.: мужчин—130.781; женщин—160.844). Акклиматизация, говорят, трудно дается этим канарским эмигрантам: привыкшие к теплому и ровному климату своей родины, они легко подвергаются заболеваниям на чужбине. Большинство отправляется в Гаванну, откуда некоторые, нажив там состояние, возвращаются домой под именем «Indios», означающим, в глазах их соотечественников, что они обладают всеми сокровищами Индии. Когда Луизиана принадлежала Испании, с 1763 до 1800 года, канарийцы эмигрировали туда тысячами: но в этой стране, где работы производились главным образом руками невольников, белые, унижавшиеся до ручного труда, были в большом презрении. Почти все эти эмигранты, известные у коренного населения под именем Islenios или Islingues, то-есть «островитян», селились в низменностях морского прибрежья, среди лесов, саванн и болот. Многие из этих колоний сохранились там доныне, не сливаясь с другими жителями Луизианского штата.

Группа Канарских островов начинается на северо-востоке выступающими из моря скалами и островками. Первый остров, Алегранза, сохранивший еще в испанской форме генуэзское имя (Allegrezza), которым он означался на картах четырнадцатого столетия, не заслуживает этого названия (alegranza значит «веселье»): это—каменистая бесплодная земля, состоящая из пепла и лав, над которой господствует гора с кратером или «котлом» (caldera), края которого имеют 286 метров высоты. Маяк, стоящий на восточном берегу, освещает воды вокруг этой первой канарской скалы, все население которой состоит из одной семьи, промышляющей собиранием орсели (лакмусовый ягель) и ловлей птиц. Несколько южнее высится конусообразная скала Монтанья-Клара (выс. 84 метра), которая прежде была покрыта кое-какой чахлой растительностью, но и ту истребили рыболовы, пустившие палы.

1 Leopold v. Buch, цитированное сочинение.

2 Christ, „Fruhlingsreise in den Canarischen Inseln“;—Parfait, „Bulletin de la Societe de Geographie de Rochefort“, 1882, II.

Островок Грациоса (Graciosa), носящий то же имя, как один из Азорских, отделен от Ланзарота только каналом, называемым эль-Рио, т.е. «Рекой», по причине его незначительной ширины: это был бы отличный порт, если бы берега его могли быть обитаемы, но один берег представляет дюну, а другой—утес. Островок этот некогда был покрыт лесом, который владелец опустошил, даже без особенной выгоды для себя, и с той поры сахарские восточные ветры намели кучи песку на большой части острова. Ланзарот также подвергается захватам со стороны дюн. То же самое воздушное течение, которое посыпает песком «Прелестный» остров, обходит на севере горы главного острова и гонит перед собой движущиеся бугры, которые через пролом в цепи высот проникают почти до южного берега[1]. Почва Ланзарота повсюду состоит из песка или вулканического пепла и шлаков; на склонах гор не видно ни одного дерева, даже источники редки, и островитяне должны довольствоваться водой из цистерн и колодцев, где скопляется жидкость, во многих местах солоноватая и негодная для питья.

Горы Ланзарота образуют правильную цепь только в северной части острова. Конечный береговой утес, называемый мысом Фарионес (Punta de Fariones), продолжается вдоль западного берега крутой стеной, Риско-де-Фамара, над которой господствуют на востоке вулканические конусы Корона, Элешос и Монте-Фамара, самая высокая гора Ланзарота. Восточный скат цепи понижается полого к морю, а южное его продолжение, расширяясь в виде террас, обставленных боковыми конусами, оканчивается недалеко от центра острова крутыми обрывами. К востоку от вулкана Корона, в застывших потоках лавы открываются колодцы и воронки, круглые или эллиптические, глубиной от 10 до 20 метров. Через эти воронкообразные углубления, где кружатся мириады диких голубей, можно спуститься в подземные галлереи, образовавшиеся, как и на Азорских островах, вследствие быстрого истечения лавы, находившейся в чрезвычайно разжиженном состоянии. В некоторых местах несколько таких галлерей, сообщающихся между собой посредством шахт, происшедших от провала, расположены ярусами одни над другими, и одна из них тянется на целую версту; нигде во всем свете, кроме разве Сандвичевых островов, натуралисты не встречали более обширного собрания вулканических пещер[2]. Часто эти подземные дворцы, говорит Куэва-де-лос-Вердес, служили убежищем жителям Ланзарота и их стадам во время набегов берберских пиратов.

Средняя часть острова не представляет горного гребня. Это просто низкий порог, где с одной стороны движется полоса песка, а с другой—вылились реки лавы, и на этом пороге рассеяны в беспорядке конусы вулканов. Самая высокая из вершин центральной области, Монтанья-Бланка (Белая гора), великолепный наблюдательный пункт в 600 метров высоты, составляет исходную точку, если не цепи в собственном смысле, то по крайней мере хребта, на котором расположен ряд бугров из вулканических шлаков и конусов с кратером, идущий по направлению с северо-востока на юго-запад: к западу от этого хребта равнины покрыты черным, как уголь, пеплом, среди которого там и сям возвышаются черные конусы, точно закоптелые фабричные трубы. Можно составить себе понятие о виде этих местностей по названиям Playa Quemada, или «Горелый берег», которое дали части юго-восточного побережья, и Monte dei Fuego, или «Огненная гора», которое носит амфитеатр вулканов близ берега, обращенного к океану. В этих горах, называемых также Теманфайя, открылись трещины, откуда вылились потоки 1730 и следующих годов, «сначала быстрые, как вода, потом медленные, как мед».

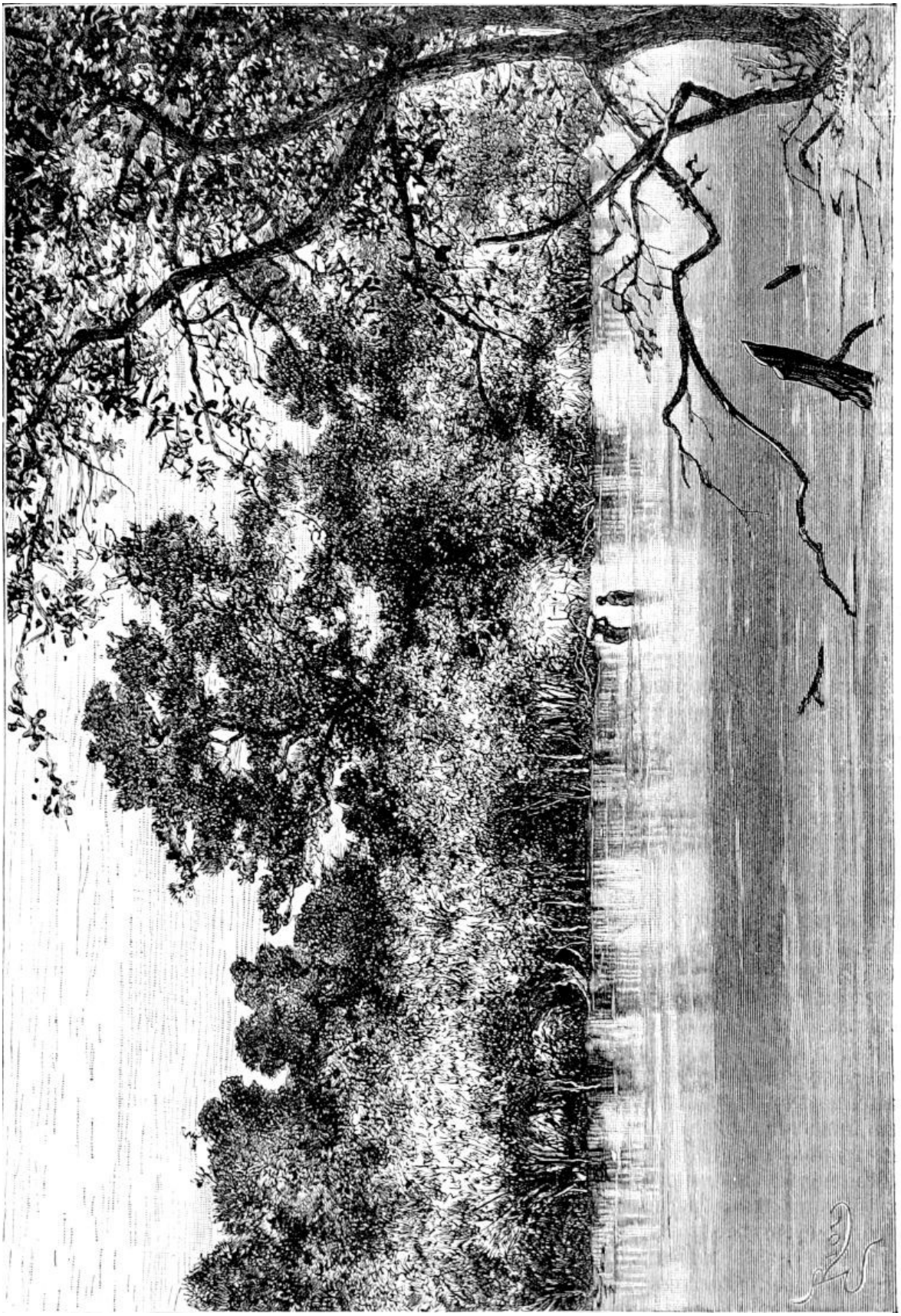
Во время этого ряда страшных извержений тридцать вулканических конусов выступили из моря лавы[3]; почти треть острова была залита потоком камней, обращенных в жидкое состояние. Гребень Огненной горы издали блестит разными цветами, красным, белым, жел-

1 Chil y Naranjo, цитированное сочинение.

2 Von Fritsch, „Reisebilder von den Canarischen Inseln“.

3 Leopold von Buch, „Physikalische Beschreibung der Canarischen lnseln“;—Georg Hartung, „Neue Denkschriften der Allgemeinen Schweirevischen Gesellschaft“, 1857.

тым, происходящими от выделения кислот. Когда идет дождь, вершина горы окружена туманом: падающие капли воды тотчас же превращаются в пары. Вот уже полтора века в этой трубе вулкана сохраняется высокая температура: кусочки дерева, брошенные в трещины,

Видъ на берегу Бакуэ.

быстро воспламеняются. Внизу на застывших потоках лавы, покрытых желтоватым лишаем, видны остатки бассейнов, где расплавленные вещества кипели, как в котле: пузыри газа вздымали поверхность, образуя там и сям круглые отдушины, или *hornitos*, в которых пастухи

иногда укрываются от бури. Среди переплетающихся потоков лавы высятся вулканы, из которых в 1824 году били огненные фонтаны, а затем вылились потоки грязи, распространявшие сильное зловоние. В шлаках и грязи иногда находят кирпичи, обломки разрушенных деревень.

Город Сан-Мигуэль-де-Тегизе, или просто Тегиза, бывшая столица Ланзарота, до сих пор носит имя, которое ему дал, в честь своей жены туземки, основатель Масио де Бетанкур, преемник «короля Канарских островов». Расположенный почти в центре острова, в безводной местности, Сан-Мигуэль утратил свое значение: торговое движение перешло в новую столицу, Аррезифе, построенную по середине восточного берега, между двумя портами, совершенно защищенными. Особенно северный, Пуэрто-де-Наос, представлял бы все желаемые удобства, если бы был достаточно глубок: цепь островков и рифов, о которые разбиваются волны, закрывает эту якорную стоянку от всех опасных ветров. Посредниками в торговле его с Могадором и с другими островами являются англичане; в ненастное время года, порт служит сборным местом для барок всего прибрежья: если рыболовные промыслы у африканского берега действительно получат важное значение, которое им предсказывают, то развитие их несомненно послужит к выгоде этого портового города, да и весь остров Ланзарот может тогда рассчитывать на увеличение населения и материального благосостояния. В 1880 г. в рыболовном промысле у сахарского берега участвовало 29 судов, в том числе 18 с о. Гран-Канария и 11 с о. Ланзарота; трески ежегодно ловится, средним числом, около 300.000 штук, весом в 6.500 тонн. В настоящее время Ланзарот имеет только половину той цифры жителей, которая должна бы приходиться на его долю соответственно населенности других островов, и за исключением хорошо орошаемой долины Ариа (Haria), над которой господствуют высокие северные вершины, и где аррезифские негоцианты выстроили свои дачи и развели сады, он нигде не представляет хорошо возделанных пространств; в некоторые злополучные годы все листья были пожираемы саранчей. Вообще Ланзарот теперь уже не тот «хороший островок» (bonne petite isle), о котором говорят историографы Бетанкура. В этой стране, похожей почти на пустыню, верблюд, исполняющий обязанности и верхового, и вьючного животного, должен чувствовать себя как в настоящем отечестве. Однако, даже самые бесплодные, повидимому, земли питают фиговое дерево и хорошо родят горох: самая лучшая почва—вулканический пепел, в котором влажность сохраняется на незначительной глубине под поверхностью. Благодаря извержениям, залившим и засыпавшим обширные имения первоначальных владельцев, большое число жителей получили возможность овладеть лавами и пеплом и обратить их в культурную землю[1], так как по обычному праву шейры (застывшие потоки лавы) принадлежат первому занявшему место, кто бы ни был собственник первоначальной почвы.

Замок Рубикон, построенный завоевателем Ланзарота, не существует более, но имя его осталось за южной оконечностью острова.

Остров Фуэртевентура, или Эрбания, как его прежде называли туземцы, отделен от Ланзарота лишь каналом шириной от 10 до 12 километров, где лот везде достает дно на глубине менее 200 метров. У южного входа в этот пролив, называемый Бокайна, возле берега Фуэртевентуры, лежит Волчий остров, isla de Lobos, получивший такое название от морских волков, некогда населявших окружающие воды, но давно уже окончательно истребленных рыболовами. Это не что иное, как большею частию разрушенный кратер, окруженный застывшими потоками лавы и песчаными буграми. Дюны подвигаются в море с двух сторон маленького пролива, в десять или двенадцать метров глубины, отделяющего Фуэртевентуру от Волчьего острова, так что последний, по всей вероятности, рано или поздно превратится в полуостров. Этот Волчий остров, единственным постоянным жителем которого является сторож при маяке, отдан в аренду одному владельцу стад, который иногда гоняет туда скот и сам приезжает охотиться на морских чаек.

1 Berthelot;—L. von Buch;—Hartung;—V. Fritsch;—Chil y Naranjo.

Также как Ланзарот, Фуэртевентура представляет печальный, безжизненный вид: лесов совсем нет, только в некоторых привилегированных долинах есть лески тамариска, да вокруг селений группы финиковых и кокосовых пальм, или массивы фиговых и миндальных деревьев. Однако, Фуэртевентура богаче своего соседа водой,—здесь встречаются даже настоящие ручьи, которые, впрочем, становятся солоноватыми уже до впадения в море: горные породы на Фуэртевентуре менее водопроницаемы, чем на Ланзароте, и дождевые воды не исчезают здесь так быстро в почве. Несмотря на это преимущество, несмотря на плодородие её долин, прославленное в одной канарской пословице, древняя Эрбания теперь, вероятно, менее населена, чем была в эпоху завоевания. Хотя по величине Фуэртевентура, имеющий слишком 100 километров в длину, по направлению с северо-востока на юго-запад, занимает второе место между Канарскими островами, уступая одному только Тенерифу, но жителей на нем менее, чем в многолюдных городах архипелага; в 1887 году население его составляло всего только около шести душ на квадратный километр. Главная причина этой редкой населенности—сосредоточение земельной собственности в немногих руках: не смотря на отмену майоратов, более половины острова принадлежит одной фамилии, известной под именем «Полковников», и целая феодальная иерархия мажордомов, управляющих и приказчиков заведывает раздачей земельных участков и сбором арендной платы или доли урожая. Южный полуостров Жандиа, образующий как бы отдельный остров пространством в 180 квадр. километров, принадлежит одному арендатору, на землях которого, в 1884 г., насчитывалось всего только 67 жителей[1].

Северная часть острова представляет почти только пески да горки из вулканических шлаков; но почва постепенно повышается и образует срединный хребет, очень неправильный, который тянется с северо-востока на юго-запад, по направлению оси острова. Хребет этот состоит из кристаллических горных пород, сиенитов, диоритов, диабазов, среди которых там и сям встречаются пласты известняков и глинистых сланцев. По обе стороны цепи выступили конусы с кратерами, и вылившиеся из них потоки лавы наполняют долины. Срединная цепь оканчивается горами Кардон, соединяющимися с гористым полуостровом Жандиа посредством хребта из базальтов и известняков, покрытых песками. Этот соединительный хребет в начале имеет незначительную высоту, около 100 метров, но затем вдруг круто поднимается и образует стену в 800 метров, господствующую над западным морем[2]. Прежде, в давния времена, главная земля отделялась от своего южного полуострова стеной циклопической постройки: кое-какие остатки этого сооружения сохранились до сих пор, и песчаный хребет все еще носит название «Перешейка Стены» (Istmo de la Pared). «Белые дюны» (Matas Blancas), следующие одна за другой на этой косе, состоят из обломков раковин, в которых нога вязнет, как в снегу; редкия растения, кое-где показывающиеся среди песков, усеяны раковинами. Во внутренности дюны корни мало-по-малу обращаются в окаменелое состояние, пропитываясь известковыми веществами, и принимают вид, напоминающий ветви коралла. В тех местах, где ветер сдул песчаные бугры, обнажив первоначальную почву, поверхность усеяна «яйцами дюн», известковыми оболочками в два или три сантиметра длины, слепленными осой-каменщиком[3]. Среди песков бродят верблюды, пощипывая траву, растущую в долинах между дюнами. На юге, в ущельях уединенного массива Хандии, над которым господствует самая высокая вершина Фуэртевентуры, двуглавая гора, называемая Orejas dei Asno («Уши осла»), живут еще стада диких коз, за которыми охотники гоняются как за серной.

Подобно Тегуизе на о. Ланзароте, Бетанкурия на о. Фуэртевентура утратила звание главного города, в которое она была возведена её основателем Бетанкуром. Расположенный в очаровательной долине, спускающейся к западному берегу, этот белый городок, осененный пальмами, составляет прелестный контраст с красной почвой и зеленеющими садами ок-

1 Von Fritsch, цитирован. сочинение.

2 Arlett, „Journal of the R. Geographical Society“, 1836;—Hartung, etc.

3 Von Fritsch, цптирован. сочинение.

рестностей. Теперь роль столицы играет Пуэрто-де-Кабрас, главное местечко побережья, обращенного к африканскому материку. Самые значительные группы населения, Касильяс-дель-Анхель, Ампуйента, Антигуа, Агуа де-Буэйес, Туинехе, находятся в центральной части острова, в плодоносных долинах, которые граничат с крутыми горами и полями лавы, справедливо прозванными Mal pais («худая местность»).

Большая Канария (Gran Canaria), остров, давший свое имя всему архипелагу и расположенный почти в географическом центре его, нисколько не походит на два восточных острова по рельефу поверхности; он не имеет ни длинных хребтов, ни уединенных массивов или отдельных вулканов, рассеянных среди равнин, и состоит из одной большой горы, пологого конуса, поднимающагося из недр глубокого моря. «Большим» или «великим» этот остров, говорят, был назван Бетанкуром не за его размеры, так как по величине он занимает лишь третье место между Канарскими островами, но в честь храбрости его жителей[1]. Усаженный по окраине мысами, выступами предгорий центральной горы, он имеет почти круглую форму, но представляет гораздо больше вырезок на северо-западе, чем в остальной части своей окружности. С этой стороны, также как на других землях Канарского архипелага и на Мадере, берега представляют очень крутые утесы, подточенные волнами: очевидно, с этой стороны процесс размывания совершался с наибольшей энергией. Если северо-западное побережье получило такия очертания, как это весьма вероятно, от действия морских течений, то следует заключить, вместе с Фритшем, что последние направлялись почти прямо с востока на запад: эта гипотеза согласовалась бы с существованием древней Атлантиды, которая своей массой должна была отклонять к югу воды гольфстрема.

Как бы тони было, Большая Канария представляет как бы резюме других островов по разнообразию своих геологических явлений и по красоте своих пейзажей; она имеет «кальдеры», как Пальма, дикия барранки и каскады, как Гомера, потоки лавы и дюны, как Ланзарот, сосновые леса, как Ферро и Тенериф, и, кроме того, различные роды культуры, заботливо поддерживаемые водопроводы, начатки промышленности и довольно значительную торговлю. Гран-Канариа относительно более населена, чем остальной архипелаг, хотя около половины гористой поверхности не может быть подвергнуто обработке для целей земледелия.

Центральный пик, называемый Позо-де-ла-Ниеве («Колодезь снега»), высотой около 2.000 метров, поднимается почти в геометрической средине острова: такое имя дали ему, вероятно, по причине ледников, лежащих в углублениях вершины. Но этот пик есть лишь небольшой конус, поставленный на пьедестал в форме купола, который некогда занимал весь центр острова, и от которого остались еще обширные обломки. На этом высоком своде, или *cumbre*, стоят несколько других остроконечных вершин, «Скалы» Роке-дель-Сансильо, Роке-де-ла-Кумбре, Роке-де-Бентайга, скала Нубло, монолит в 112 метров. Воды, берущие начало на этих высотах, глубоко источили горные породы: ручьи, по большей части текущие круглый год до самого моря, изрыли гору на сотни метров ниже первоначального уровня, образовав огромные рвы, глубокия, почти неприступные ущелья. На двух склонах, юго-западном и западном, верхние горные потоки одного и того же речного бассейна, работая сообща в деле размывания, в конце концов выдолбили в горе громадные цирки, где могли бы собираться целые народы.

Юго-восточная «кальдера», Тиражана, где беглые негры некогда образовали маленькую республику, начинается непосредственно у подножия главного конуса острова, Позо-де-ла-Ниеве, и достигает глубины более 1 200 метров прежде, чем соединить свои воды, которые изливаются в море через узкую трещину Гальегос. Восточная стена пропасти не имеет проломов, и потому приходится спускаться по головокружительным тропинкам, извивающимся на каменных боках горы; западная стена, частью обрушившаяся, представляет два широкия отверстия к южной и юго-западной стороне острова. Восточный цирк, называемый «Кальде-

1 Abreu Galindo;—G. Glas, „History of the Discovery and Conquest of the Canarian Islands“.

ра-де-Техеда», имеет овальную форму гораздо более правильную, чем Тиражана, и стены этого колоссального амфитеатра не представляют ни одного обвала на всей его окружности, длиною около 35 километров. С краев пропасти можно окинуть взором весь исполинский эллипс, с его сетью сходящихся ручьев, с его лесистыми кряжами и разбросанными деревнями. На окружающих плоскогорьях сохранились кое-где сосновые лески, остатки лесов, покрывавших прежде все высокие части острова.

Кроме этих обширных цирков, образовавшихся путем размывания, Большая Канария имеет другие жерла или котловины, происшедшие от вулканических извержений. Такова, к востоку от Кумбре, Кальдера-де-лос-Мартелес, в которой ручей ниспадает каскадом; такова же близ пластов третичных конгломератов, занимающих северо-восточную область острова, Кальдера-де-Бандама, круглый кратер поразительно правильной формы, заключающий внутри постройки фермы, рощицы и поля; Леопольд фон-Бух сравнивает эту кальдеру, глубиною в 230 метров, с озером Альбано, в горах Лациума. Недалеко от этого кратера находится другое вулканическое устье, Сима-де-Гинамар, засыпанное лишь на половину; осталась еще «бездонная» труба, где падающие камни, отскакивая от одной стены к другой, вызывают многократное эхо. Из лав, встречающихся на Большой Канарии, самыми новыми, кажется, следует считать лавы Ислеты, маленькой островной группы вулканов, которую песчаный перешеек Гуанартеме соединяет с северо-восточным углом большого острова. Песок этой узкой плотины, обсаженной тамарисками, состоит главным образом из обломков раковин и политаламий, постепенно слипающихся в зернистый известняк, к которому присоединяются с той и другой стороны сростки с морских берегов: из этих известковых песчаников новейшего образования, с черными крапинками, происходящими от вулканического песка, приготовляют превосходные камни для фильтров, употребляемых во всех канарских домах. В эпоху завоевания Гуанартемский перешеек едва выступал из-под воды; в дни большого прилива он был еще затопляем[1]. На северо-западной стороне полуострова Ислета базальтовые колоннады и мостовые напоминают «Шоссе гигантов» путешественникам, видевшим берега Ирландии.

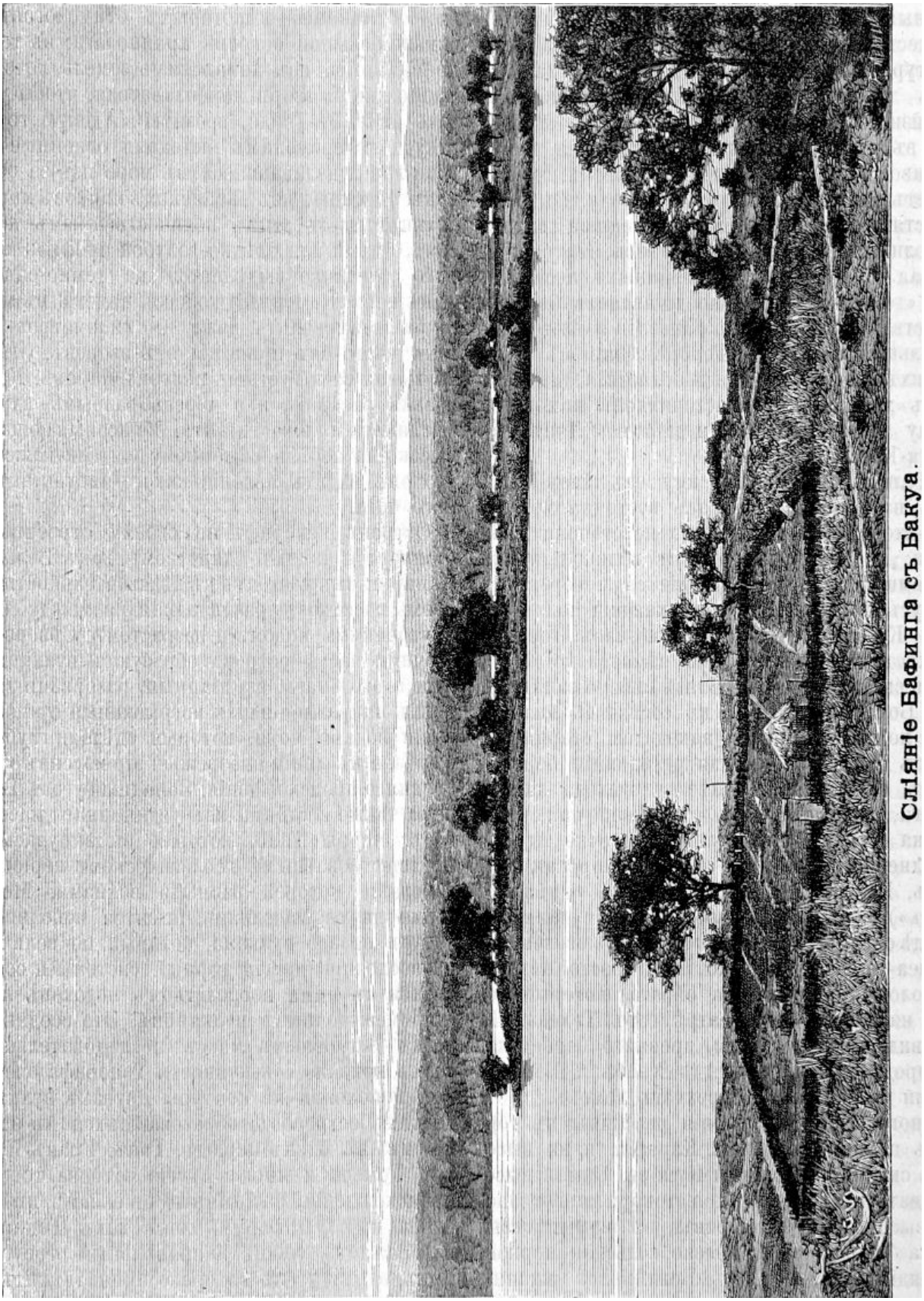
Лас-Пальмас, столица острова и самый большой город Канарского архипелага, расположен недалеко от этого песчаного перешейка, у выхода глубокой барранки Гуинигуада, и на террасах из конгломерата, обрывающихся крутыми утесами; прелестные группы пальм оправдывают данное ему имя las Palmas. Верхняя часть города населена чиновниками; нижние кварталы заняты торговым людом; на западной стороне, на выступе горы, стоит «Королевский замок» (Castillo del Rey), главная крепость острова. В целом, Лас-Пальмас, с его белыми низкими домами с плоскими крышами, похожими на неровные ступеньки громадной лестницы, представляет вид почти арабского города. В соседних скалах многочисленные пещеры и теперь еще служат жилищем человеку, как во времена берберов. Водопровод доставляет в Лас-Пальмас чистую воду с горных вершин; колесные дороги соединяют город с окружающими местечками.

Лас-Пальмас имеет только пристань; порт его находится в трех километрах севернее, между полуостровом Шлета и перешейком Гуанартеме: это Пуэрто-де-ла-Луц («Порт света»), получивший такое название, без сомнения, от маяка, освещающего подходы к рейду. До недавнего времени эта гавань была мало защищена, и когда дули восточные ветры, суда принуждены были сниматься с якоря и идти искать другого, более надежного, убежища. Строющийся теперь мол, длиною около 1.450 метров, опирающийся о скалы Ислеты и продолжающийся на юге глубинами в 16 метров, позволит скоро самым большим кораблям во всякое время года безопасно становиться на якорь перед набережными порта «Света»[2]. И теперь уже в этот порт ежемесячно приходит по нескольку десятков пароходов для обновления запасов каменного угля. На берегу уже вырос целый городок; привилегия беспошлинного ввоза товаров, которою пользуется Гран-Канария, без всякого сомнения, привле-

1 Verneau, „Societe d'Anthropologie de Paris", 3 novembre 1881.

2 Andres Rebuelta, цитированное сочинение.

чет сюда много кораблей, которые теперь останавливаются в портах Мадеры и Сан-Винсента. Лас-Пальмас не только торговый город,—он имеет также кое-какую промышленность, учебные заведения, коллекции археологические и естественно-исторические: это научный и

Слияніе Бафинга съ Бакуа.

литературный центр архипелага; некогда он был также местопребыванием трибунала инквизиции. Кафедральный собор, построенный в стиле испанского Возрождения, самое красивое здание Канарских островов, господствует над верхней частью города. В окрестностях рассея-

ны многочисленные виллы, в долинах и на выступах гор. Как санитарная станция для иностранных посетителей, «город Пальм» представляет большие удобства; кроме того, по близости имеются минеральные воды, в Тероре, Фиргасе и в других местах соседней области. Один из этих минеральных источников находится между Лас-Пальмас и портом Луц, в Санта-Каталина.

Тельде, лежащий к югу от Лас-Пальмас, на одной из террас восточного берега,—второй город острова по степени важности; апельсинные рощи с великолепными плодами, фруктовые и другие сады образуют вокруг этого города благоухающий пояс зелени. К западу от Лас-Пальмас, городки Арухас, Фиргас, Терор, лепятся по северным скатам острова. Близ северо-западного угла Большой Канарии, в соседстве маленького порта Сардинас находится старинный город Гальдар. бывшая резиденция берберских властителей. Далее, у выхода дикого оврага, спускающагося с северо-западного склона Кумбре, раскинулось местечко Агаэто, дополнением которому служит морская пристань, Пуэрто-де-лас-Ниевес («Снежный порт»), посещаемая каботажными судами. На западе острова, самое многолюдное поселение —Альдеа-де-Сан-Николао, или просто Альдеа, расположенная у выхода оврага, который берет начало в амфитеатре гор Техеда. На юге видны только следы древнего берберского города Аргинегин, где Уэбб и Бертело нашли развалины четырехсот домов.

Многочисленные селения рассеяны в горных цирках Большой Канарии и на высоких склонах вершины Кумбре. Самая высокая из этих деревень, Артенара, приютилась на высоте 1.219 метров, в самой стене цирка Техеда. Одна только сельская церковь выглядывает на свет Божий: все жилища вырыты в буроватом туфе горы; скамейки, полки для посуды высечены в скале; пол устлан циновками из пальмовых листьев, которые заменяют обитателям стол во время обеда. Почти все троглодиты Артенарии—угольщики; во многих местах склоны гор, некогда покрытые тенистым лесом, совершенно опустошены этими пещерными жителями.

Тенериф, Тонерфиз, или «Белая Гора» (по объяснению некоторых этимологов)—самый большой остров архипелага, в то же время это та из Канарских земель, которую жадно ищет взор мореплавателя, чтобы увидать пик де-Тейде, грозную «Адскую гору», откуда по временам вытекали огненные потоки лавы, изливавшиеся в море из-за облаков. Немногие из океанских маяков могут сравниться с этим величественным конусом, белый или бледно-голубой профиль которого отчетливо выделяется на темно-синем фоне неба. Каменный колосс виден в море с расстояния 200 и даже 300 километров; но как часто он прячется от взоров, упорно окутывая себя густым поясом паров! Когда облака раскроются и через разрыв вдруг выглянет голова гиганта, обрисовывающаяся высоко на небе, пораженному зрителю кажется, что он видит явление какого-нибудь античного бога.

Остров Тенериф по своему строению не отличается таким единством, как Большая Канария: он состоит в действительности из трех массивов, различающихся между собой внутренним видом и возрастом. Северо-восточную часть острова образуют вулканические горы Анага, изрезанные, разорванные во всех направлениях и изгрызанные при основании водами моря, которые сделали глубокия вырезки в линии побережья: это массив очень древнего происхождения. Западный угол Тенерифа также состоит из уединенного массива гор, сиерры Тено, которая выдвинулась в предшествовавшем геологическом периоде, и основание которой размыто волнами. Между этими двумя массивами высится исполинский конус нового вулкана, который по величине превосходит другие горные системы и соединяется с ними посредством потоков лавы и промежуточных вулканов. Это соединение трех островных масс последовательных эпох придало совокупности Тенерифа очертания, непохожия на контуры других вулканических островов, образовавшихся в один прием, в один период. Так, Гран-Канария, Гомера и многие другие острова того же происхождения, рассеянные в океане, имеют почти круглую форму, тогда как Тенериф изображает собой неправильный треугольник, один угол которого принадлежит новейшему массиву, а два остальные угла составлены

древними массивами: Тенериф—это Тринакрия, как Сицилия, земля Этны. Наибольшая часть острова состоит из вулканического пепла и шлака, из каменистых круч и откосов; но он имеет также прелестныя долины (впрочем, только на северной покатости, обращенной к пассатным ветрам) и несколько горных цирков, великолепная растительность которых составляет яркий контраст с темными стенами лавы. Благодаря этим богатым оазисам зелени, и несмотря на то, что главные отрасли производства, вина и кошениль, приносят теперь мало дохода, Тенериф может прокармливать относительно значительное население, составляющее более трети общего числа жителей архипелага.

Горы полуострова, которые начинаются на северо-восточной оконечности Тенерифа, близ мыса или «фронтона» Анага, освещаемого теперь первоклассным маяком, не образуют правильной цепи; каменистые вершины, из которых одна достигает 1.027 метров, следует одна за другой по направлению от востока к западу до плоскогорья Лагуна, через которое проходит, на высоте 560 метров, главная дорога острова, соединяющая города Санта-Круц и Оротава. Монтанья Анага—самые лесистые горы на всем острове, особенно северные их скаты; их живописные долины, окруженные крутыми склонами черного, красного, желтого или стального цвета, спускаются с высот к бухтам прибрежья. Горы эти круто обрываются к северо-востоку от террасы Лагуна. На юго-западе средний хребет острова снова выступает и образует настоящую цепь, над которой господствуют скалы Гуимар. Далее, глубокая брешь прерывает хребет, затем продолжением его является вулкан, который поднялся в 1705 г., излив на восточной стороне поток лавы, доходящий почти до самого моря.

Гора эта составляет начало ограды, которая тянется полукругом с восточной и южной стороны пика де-Тейде, представляя, только в гораздо более обширных размерах, тот же вид, как стена Соммы вокруг Везувия, самое большое образование этого рода, какое нам известно, на земной поверхности. Этот хребет, в форме полукруга, длиной около 55 километров, имеет слишком 2.000 метров высоты, а некоторые из его вершин, Азулехос, Гуахарра, переходят за 2.700 метров. Вогнутый скат цепи, обращенный к пику де-Тейде, господствует над плоской возвышенностью, состоящей из лав и шлаков и лежащей, в среднем, на 300 метров ниже, тогда как с наружной стороны все узкия и глубокия вырезки гребня, от которых он получил название Circo de las Canadas, образуют глубокия барранки (овраги), спускающиеся к морю в виде расходящихся линий. Одна из этих барранок, называемая «Адским ущельем», представляет как бы разрез, высеченный в толще горы; скученно растущие драконники выделяются бледно-зеленой линией в темной трещине, имеющей около 300 метров глубины. Западная оконечность стены Каньяд теряется в *mal pais*, т.е. хаосе лав, усеянных вулканами, где гуанчи сушили трупы умерших. Здесь, в соседстве главного пика, высится гора Чагорра (2.475 метров); далее, к западу, конусы так многочисленны, что промежуточные аллеи из лавы и пепла образуют обширный лабиринт. Внешний край массива, над горами Тено, оканчивается «Красной горой», Montana Bermeja, откуда в 1706 г. вылился поток лавы. Таким образом застывшие потоки лавы относительно недавнего происхождения обозначают две оконечности ограды, окружающей пьедестал конусообразной горы, которая у гуанчей называлась Эчейде, а ныне известна под именем Пик-де-Тейде. На одном из плеч этого колосса, на пике Альта-Виста (3.261 метр), астроном Пиацци-Смит устроил, в 1856 г., свою обсерваторию, высоко над облаками, скрывавшими от наблюдателя землю и море, но зато, так сказать, на самом небе, в виду ярких звезд, бросающих с удивительной отчетливостью свой золотой луч на черный фон ночи.

Долгое время пик де-Тейде считали самой высокой горой в свете: Лемер повторял это еще в 1695 г.; Никольс приписывал канарскому колоссу «добрых пятнадцать лье высоты». С тех пор, как Эден, пример которого вскоре нашел многочисленных подражателей, совершил восхождение на Тенерифский пик, в 1713 г., стало известно, что вершина его не достигает даже одного лье над уровнем моря; но, тем не менее, это, бесспорно, одна из самых величественных гор, поднимающихся над поверхностью океана. Между вулканами эта гора занимает первое место по своей высоте и уединенности посреди первоначального кратера: закра-

ина старого жерла представляется теперь, в сравнении с исполинским конусом, лишь едва выпуклым рубцом, окаймляющим окружность его основания. Пик де-Тейде—это «гора, поставленная на другую гору». Он поднимается на 1.700 метров над окружающим его цирком из обломков, и с высоты этого конуса все другие горы Тенерифа кажутся простыми чертами, проведенными на разноцветной части острова, который со всех сторон ограничен синевой моря. Понятен тот культ, который посвящали этому каменному колоссу прежние обитатели острова, гуанчи: они клялись именем Эчейде, и не было клятвы более страшной: не сдержавший слова, данного под этой клятвой, обрекался в жертву адским богам, Гуайоте, духу зла, имевшему резиденцию на дне кратера. При восхождении на Тейде, по склонам, обращенным к зеленеющему Оротавскому амфитеатру гор, вулкан кажется все выше и выше, по мере подъема по уступам основания; когда пройдешь пояс каштанов, затем пояс сосны и лавра, и, вступив в область ракитника, достигнешь, наконец, вершины плато, тогда только открывается взорам во всем своем величии верхний конус, на целых 500 метров превосходящий по высоте Везувий. Чередующиеся полосы белой пемзы, красных шлаков, черных лав, снизу казавшиеся полосами леса, указывают на последовательные извержения; целый ряд веков покоится на этой колоссальной груде вулканических обломков. На юге обширный кратер Старого Пика, Pico Viejo (3.136 метров), еще наполнен застывшими шлаками и представляет вид исполинского котла, ежеминутно готового вылиться через края. Хотя большие извержения из пика де-Тейде очень редки—средним числом, одно извержение в столетие,—однако, остаток деятельности постоянно сохранялся в этом вулкане. Стенки маленького кратера и вершины покрыты белоснежным налетом, из-под которого вылетают струи пара, температурой от 84 до 86 градусов Цельзия, смешанные с сернистыми газами и с углекислотой, но в очень малом количестве, так что редко случается видеть целое облако, выходящее из отверстия пика. Благодаря защите, представляемой стенками кратера, этих слабых паров достаточно, чтобы сообщить довольно высокую температуру верхней впадине горы; вступая в эту воронку, после долгого восхождения по диким и пустынным склонам, покрытым шлаками, путешественник с удивлением замечает, что он попал в какой-то особый кипящий жизнью мирок, где неустанно жужжат мухи и пчелы, где порхают ласточки и горные вьюрки. Несколько фумаролл, расположенных при основании конуса, тоже служат отдушинами, через которые внутренность очага освобождается от излишка паров. Этим клапанам дали меткое название *narizes*: это «ноздри» спящего гиганта[1]. Струи газа редко бывают настолько обильны, чтобы расплавить снег, покрывающий конус зимой: один грот, называемый Cueva del Yelo («Ледяная пещера»), ежегодно наполняется снегом и льдом, которым отсюда и запасаются жители Оротавы. Ниже пика снег редко бывает виден; впрочем, с февраля по апрель белые полосы показываются иногда до высоты 1.600 метров.

Столица Тенерифа, Санта-Круц (на языке гуанчей Аньяза), соперница главного города Большой Канарии по цифре населения и размерам торговли, расположена, как и Лас-Пальмас, на восточном берегу острова и недалеко от северной его оконечности. Маленький порт Санта-Круца защищен от южных ветров молом, который ежегодно продолжают на несколько метров; с северо-западной стороны над городом господствуют укрепления, впрочем, не очень грозные. Город Лагуна, построенный на вершине плоскогорья, к западу от Санта-Круца, не имеет уже того озерка, от которого получил свое имя; истребление лесов повлекло за собой уменьшение количества дождей и росы, вследствие чего иссякли источники, питавшие этот бассейн[2]. Вообще Лагуна пришел в упадок; прежде он имел университет, монастыри его, населенные многочисленной братией, славились богатством: теперь жизнь покинула его, и многие из старинных зданий обратились в развалины. Но окрестные местечки, называемые *Rodeos* (т.е. «вновь распаханные земли»), процветают, окруженные плодороднейшими и наилучше возделанными полями на всем острове. Не менее цветущи и живописны селения в горах Анага, обращенные к пассатным ветрам. Особенно деревня Таганана, с её зеле-

1 Humboldt;—Piazzi Smyth;—von Fritsch, etc.

2 Leopold von Buch, цитированное сочинение.

неющими садами, разведенными на крутых утесах, вокруг двух темных скал фонолита, в форме колонн, поражает своим прелестным видом и суровой красотой окружающего амфитеатра гор: это—«жемчужина Тенерифа». Здесь находят растения мадерской флоры, не встречающиеся ни в какой другой части архипелага[1].

К западу от Лагуны, на большой Оротавской дороге, главной артерии острова, следуют одно за другим несколько многолюдных местечек, среди плодовых садов и огородов, где возделывают пататы, картофель, лук: Такоронте, где замечателен музей местных древностей, содержащий большое число гуанчских мумий, вместе с старинным оружием и орудиями; Саузаль, вокруг которого разрабатываются ломки лавы; Матанца («сеча»), имя которой напоминает избиение восьмисот человек, испанцев и дружественных им туземцев; Виктория, где *adelantado* (удалец) Луго отмстил, в 1495 г., за поражение, нанесенное ему в предыдущем году; Санта-Урсула, откуда надо только подняться на хребет, чтобы увидеть во всем её великолепии обширную Оротавскую долину, окруженную черными склонами, монтаньетами (горками) или пепельными конусами, называемыми los Hijos, т.е. «Сыны Тейде», и доминируемую снеговым конусом пика. Со времени путешествия Гумбольдта долина эта утратила прежнюю красоту, так как леса были вырублены, чтобы очистить место под плантации кактуса.

Оротава, прежде Аратапала, бывшая столица Таоро или Тагорора, то-есть Амфиктионии королевств острова[2], расположена среди зеленеющего цирка, в пяти километрах от моря, в гористой местности, где по скатам лепятся ярусами дома, массивы деревьев, пышные цветники. Внизу города, вдоль дороги к порту, тянется обширный ботанический сад, с тенистыми аллеями, «дарованный нации», в конце прошлого столетия, и с того времени прославленный исследованиями ученых натуралистов; в этом саду собраны все представители туземной флоры и около двух тысяч экзотических видов. Оротава—любимое летнее местопребывание богатых канарцев, которым принадлежат прекрасные земли на северной покатости острова, и которые на зиму спускаются либо в Пуэрто, либо в Санта-Круц. Во время процветания виноградников, производивших знаменитые вина мальвазию и канарское, «Пуэрто» де-Оротава, носящий неточное название, так как он имеет лишь открытый рейд, был посредником очень деятельной торговли. Прежде на северном берегу Тенерифа существовал хороший порт, при городе Гарачико, лежавшем к западу от Оротавы. В 1645 году водяная лавина, образовавшаяся вследствие необыкновенно обильных дождей, разрушила этот город; он после того вновь отстроился, но в 1706 г., во время извержения Красной горы (Монтанья Бермеха), поток черных и синих шлаков, имеющий форму ледника, вылился в эту часть моря, и от «Пуэрто-Рико» (Богатый порт) осталась лишь бухточка, слишком тесная для судов. Недалеко оттуда, Икод-де-лос-Винос, тоже пришедший в упадок город, дает пристанище нескольким *баланселлам* в проломе береговых утесов. Одна соседняя пещера, еще не исследованная в её глубинах, проникает далеко внутрь горы; туземцы думают, что она сообщается с конечным кратером пика посредством галереи длиной не менее 14 километров. В застывших потоках встречается много пустот, оставшихся после деревьев, которые были увлечены расплавленной лавой и, медленно сгорая, превратились в пепел[3].

К востоку от цепи Каньяд, на восточной покатости острова, город Гуимар занимает сходное с Оротавой положение—в зеленеющем цирке, окруженном высокими склонами и потоками лавы, откуда жители спускаются к морю по крутым тропинкам. В окрестностях этого города находятся обширнейшие погребальные гроты древних обитателей острова, *las Cuevas de los Reyes*, или «Царские пещеры». Почти все селения построены на террасах, на высоте нескольких сот метров над уровнем моря. Самое высокое из них, Часна, называемое также Вилафлор, лежит на высоте 1.300 метров, между двумя глубокими барранками, на южном скате цепи Каньяд. В этой области острова, удаленной от городов Санта-Круц и Оротава и

1 Christ, цитированное сочинение.

2 Weob et Berthelot, цитированное сочинение.

3 Von Fritsch, цитированное сочинение.

трудно доступной по причине каменистой, изрезанной трещинами, почвы откосов, поселяне, происшедшие от смешения испанцев с гуанчами, живут почти совершенно независимой жизнью, и номинальные владельцы земли не осмеливаются заглядывать к ним.

Остров Гомера, сохранивший свое берберское имя, отделен от Тенерифа проливом в 28 километров ширины. Представляя как бы миниатюру Большой Канарии, этот остров, подобно последней, образован из одного только вулканического конуса, остроконечная вершина которого возвышается в центре фигуры, а основание, изрезанное бухточками, имеет форму почти правильного круга. Так же, как Гран-Канариа, он состоит из купола древних лав, кратеры которого по большей части изгладились, и в котором воды вырыли глубокия барранки и цирки, откуда ручьи выходят узкими и крутыми дефилеями. Подобно главному острову, Гомера подтачивается волнами преимущественно с западной стороны, и в то время, как береговые скалы его, обращенные к Тенерифу, поднимаются над уровнем моря, в среднем, только на сотню метров, утесы, смотрящие на Ферро, достигают шестисот метров высоты. В сравнении с протяжением, Гомера сохранил более обширные леса, чем Гран-Канариа; орошение на нем тоже обильнее. Он мог бы прокормить более густое население; в действительности же среднее число жителей, приходящееся на один квадратный километр, здесь меньше, чем на главном острове: это объясняется тем, что ни на одном из Канарских островов феодальный порядок землевладения не удержался в таких стеснительных формах, как на Гомере.

Самый высокий пик Гомеры, называемый Альто-де-Гарахонай, вздымает свои остроконечные вершины на южной окраине центрального плоскогорья: на этом краю, крутые скаты спускаются уступами до самого моря, тогда как со всех других сторон лесистый купол представляет лишь незначительный уклон. Свод горы понижается нечувствительно к северо-востоку и к западу; с этой стороны он оканчивается огромной плитой или площадкой, словно высеченной руками человека и которую туземцы называют, по её виду, Форталеза («крепость»): моряк Видаль, составляя карту острова, каким он представляется с моря, в самом деле думал, что эта гора покрыта укреплениями. Другой выдающийся пункт плоскогорья, на севере от Гарахоная,—это кратер совершенно правильной формы, гладкое дно которого, лежащее посредине острова, служит полем маневров для милиционеров, созываемых из всех поселений Гомеры. Другие пики представляют собою лишь выступы хребтов, окружающих промежуточные цирки и окаймляющих береговые утесы. Одна из этих стен, у подошвы которой, в 600 метрах ниже её гребня, разбиваются волны, прозвана островитянами «Скалой Америки», Risco de America: им кажется, что с этого утеса они видят в море тот путь, которым следовал Колумб, когда он отплыл с их острова на поиски Нового Света; известно, что три каравеллы, составлявшие его флотилию, останавливались на роздых в порте Сан-Себастиан перед тем, как пуститься через океан.

Из всех Канарских островов Гомера—самый богатый каскадами, благодаря обилию проточных вод и большой высоте утесов. Близ Чипуде, самого высокого селения острова (1.100 метров), ручеек, ниспадающий с высоты 200 метров в ущелье Аргага, превращается сначала в водяную пыль, затем снова собирается в бесчисленные струйки, скользящие по скатам скалы. На северном берегу, водопад Агула настолько обилен, что оп ясно виден с Тенерифа, с расстояния 37 километров, блистающий, как хрустальная игла на изумрудном фоне. Леса на Гомере, местами выпустошенные угольщиками, состоят главным образом из лавров; Фритш встречал деревья, имевшие слишком 30 метров (14 сажен) в вышину: под этими могучими лаврами так же приятно идти, как под тенью буков в лучших лесах западной Европы. Кустарник состоит преимущественно из мирики (mirica faya), как на Азорских островах, и вереска и других деревец. Там и сям отдельные лавры, можжевельники высоко поднимаются над переплетающимися ветвями густой кустарниковой поросли.

Сан-Себастиан, главный город, лежит недалеко от восточного угла Гомеры, на берегу хорошо защищенной бухты, которая некогда была сборным пунктом для галионов из Акапул-

ко, теперь же принимает только гоэлетгы и барки, так как большие суда с трудом могут делать в ней эволюции. Сан-Себастиан сплошь окружен садами, а загородные домики, рассеянные по окрестностям, обсажены финиковыми пальмами, дающими превосходные плоды. На севере острова, цирк, справедливо названный «Чудной долиной», Valle Hermoso, заключает в себе более десяти тысяч пальмовых деревьев, с которых собирают ветки с цветками и плодами, или пользуются их продуктами для приготовления пальмового вина и меда, а также для плетения циновок. Между другими Канарскими островами нет ни одного, где бы пальмы были так многочисленны и так хорошо утилизировались, как на Гомере.

Остров Пальма, не менее Тенерифа славящийся грандиозностью своих видов, состоит, подобно этому последнему, из отрывков, принадлежащих к различным эпохам. Северная часть, почти круглая, как массив пика де-Тейде, представляет собою уединенный купол, в котором вырыта огромная кальдера, или котловина, самый удивительный пример образования этого рода, какой только существует на земном шаре. Южная половина острова, треугольной формы и более нового происхождения, состоит из отдельной цепи вулканов, которая тянется по направлению меридиана и соединяется с северным массивом посредством узкого порога, называемого Кумбре, или «Вершиной». Некоторые местности Пальмы, обильно орошаемые, отличаются изумительным плодородием; кроме того, остров имеет и другие рессурсы, доставляемые ему строевыми лесами и рыболовными промыслами; по плотности населения, это один из первых между Канарскими островами, и жители его едва-ли не самые красивые во всем архипелаге. Женщины Пальмы, смуглые, сильные, с блестящими глазами, свежим цветом лица, кажутся настоящими красавицами, в сравнении с их бледными сестрами, уроженками Гран-Канарии, что бы ни говорила общераспространенная в архипелаге пословица, восхваляющая тенерифских мужчин и больше—канарских женщин[1]. Красивый костюм, платье с обшивкой ярких цветов, белый передник, кисейная вуаль—еще более возвышает красоту девушек Пальмы[2].

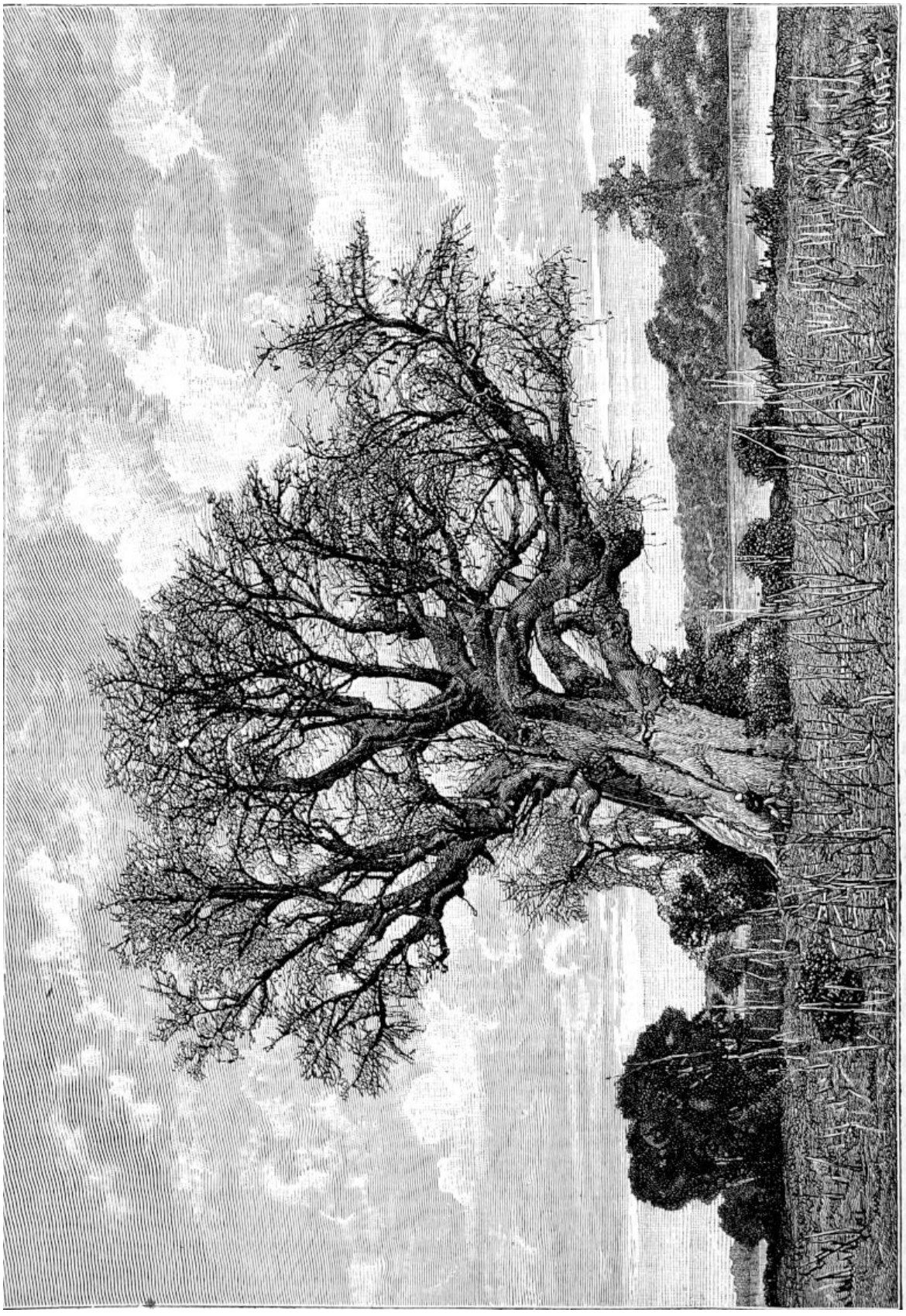
Самые высокие вершины острова, пики де-лос-Мучачос (Мальчиков), де-ла-Круц (Креста), дель-Зедро (Кедра), стоят на хребте, венчающем, в виде полукруга, купол северной части Пальмы. Выпуклый внешний скат этих гор, обращенный к окружности острова, представляет крутые откосы, изрезанные глубокими оврагами, спускающимися почти по прямой линии к морю. Но с внутренней стороны в полукруге гор вдруг открывается огромное жерло около 15 километров в окружности: это Кальдера. Стены пропасти круто спускаются до глубины 1.200 метров, затем от основания их идут пологие скаты пастбищ. Сверху вид этой громадной бездонной котловины вызывает головокружение; но когда смотришь снизу, развертывающаяся перед взорами картина производит чарующее впечатление ярким контрастом колоссального амфитеатра, с разноцветными скалами, и рассеянных на его обширном дне прелестных пейзажей, лесков и зеленеющих холмов, ручьев и фонтанов, каскадов, блистающих между камнями и теряющихся под ветвями деревьев, водопроводов, извивающихся вокруг предгорий, окаймленных возделанными полями и плантациями. В центре этого чудного храма туземцы Бенегоара,—прежнее имя острова,—поклонялись своему божеству. Там стоит скала в форме обелиска, называвшаяся Идафе, у подножия которой они собирались в торжественные дни. При этом они вопрошали скалу хором: «Упадешь ли ты, Идафе, упадешь ли?»—«Принесите ей дары»,—возвещал какой-то голос,—«и она постоит еще». Тогда верующие предлагали ей свои приношения, сопровождая их молитвами. По понятиям бенегоарцев, устойчивость скалы Идафе, без сомнения, соответствовала долговечности их расы, может быть, даже долговечности острова и всего света.

Обильные воды Кальдеры, соединяющиеся в юго-западном углу амфитеатра, выходят через узкую барранку лас-Ангустиас («теснина»), открывающуюся в конгломератах, на глубине 300 метров, и изливаются в море между двух мысов. Линия морского дна с глубинами до

1 Christ;—Webb et Berthelot.

2 Coquet, цитиров. мемуар.

200 метров делает в этом месте большой изгиб и выдвигается в море далеко от берега, свидетельствуя тем самым об огромном количестве твердых частиц, унесенных потоком Ангустиас из цирка Кальдеры[1]. Все это воронкообразное углубление было опорожнено водами: вулка-

Баобабъ на берегу Котубадинта.

нические шлаки и пепел были смыты почти на два километра в толщину, и работа размывания продолжалась до обнажения первичных горных пород, диабазов и порфиров, состав-

1 Von Fritsch, цитированное сочинение.

ляющих ядро острова. Таково почти единогласное мнение геологов: гипотеза кратеров поднятия, высказанная Леопольдом фон-Бухом, который за тип подобного кратера взял именно котловину Пальмы, усматривая на всей окружности этой пропасти следы разорванных и приподнятых пластов,—гипотеза эта существует теперь только в истории науки. Кальдера действительно представляет следы поднятия, но только поднятия другого рода. В слоях конгломерата, через которые проходит ручей оврага Ангустиас, морские ископаемые перемешаны с обломками вулкана, из чего следует заключить, что основание острова было погружено в море в предшествующую эпоху, затем выступило на поверхность, вместе с своей подводной дельтой.

Через порог Кумбре, соединяющий две горные системы, северную и южную, теперь проложена, на высоте слишком 1.400 метров, прекрасная колесная дорога, служащая средством сообщения между главными населенными пунктами обоих склонов. Этот перевал, хотя он лежит почти под тропической широтой, до постройки дороги не всегда был удобопроходимым, и многочисленные кресты, поставленные вдоль его тропинок, указывают места, где погибли люди, застигнутые снежным бураном; прежде путнику, направлявшемуся через перевал, обыкновенно желали «благополучной вершины», *buena cumbre*. На этой вершине контраст поразительный,—контраст не столько между видом двух противоположных склонов, сколько между видом неба с той и другой стороны. Здесь происходит борьба двух климатов: на восточной стороне дуют пассаты, приносящие массу паров; на западной—небо почти всегда ясно, и взор свободно простирается вдаль по синим водам океана; густые облака пытаются перейти через гребень, но тотчас же разрываются на тысячи клочков, плавают несколько минут, затем рассееваются в атмосфере: это—непрерывная битва, в которой солнце всегда является победителем. Западная покатость, характеризуемая чистым, безоблачным небом, носит название Банда, т.е. «полоса» засух.

В южной горной цепи острова, отличающейся замечательной правильностью форм, высшую точку составляет центральный пик Вергойо, поднимающийся слишком на 2.000 метров; многочисленные потоки черной лавы спускаются с боков гор, и на обоих скатах усеяны конусами с кратером. Сосновые леса покрывают еще большую часть этого горного хребта, несмотря на беспечность жителей, усердно опустошающих свой остров; по счастию, корни срубленных дерев пускают из себя новые ростки, и лес сам собой возобновляется везде, где оголенная почва не была снесена атмосферными деятелями. Около южной оконечности цепи, называемой Фуэнкалиенте, или «Кипящий ключ», на самом берегу моря бьет значительный источник, Чарко Верде («зеленая лужа»), скрывающийся под водой в часы прилива и снова открывающийся в часы отлива: это единственный из многочисленных минеральных источников Пальмы, которым пользуются больные. Недалеко оттуда находится источник углекислоты, изливающийся из «Собачьего грота», в роде того, какой существует в окрестностях Неаполя.

Высота главных вершин Пальмы (по Видалю):

Пико де-лос-Мучачос—2.345 метров; пико де-ла-Круц—2.358; пико дель-Зедро—2.278; пико Вергойо—2.010 метров.

Столица острова, Санта-Круц де-ла-Пальма, лежит на восточном берегу, при заливе, обращенном к другим землям архипелага; в этом городке сосредоточивается торговля и промышленность островитян; его верфи ежегодно спускают несколько новых судов. После Санта-Круц, самые многолюдные местечки—Мазо и Лос-Саузес, на той же покатости острова, и Лос-Льянос, в области Банда. Близ местечка Лос-Саузес находится пещера, приобревшая большую известность, благодаря сохранившимся на её стенах иероглифам и берберским надписям.

Остров Ферро (Ferro или Hierro—«Железный»), самый малый и наименее населенный из Канарских островов, есть в то же время наиболее океаническая земля этого архипелага: далее корабль не встречает островов вплоть до архипелага Зеленого Мыса, лежащего на рас-

стоянии 1.150 километров. Туземцы называли этот остров именем Эзеро, значение которого толкуется различно, но которое, вероятно, имеет не тот смысл, как испанское название. Редко посещаемый, остров Ферро не представляет путешественникам необходимых удобств и рессурсов; в земледельческой культуре его введены лишь самые обыкновенные виды подтропических растений; на нем нет ни бананов, ни апельсинов, да и пальмы редки; бедность в деревнях очень велика. Но не смотря на свое обездоленное положение, здешние жители, говорят, самые гостеприимные и любезные из всех канарских островитян. Земельная собственность здесь более раздроблена, чем на других островах, хотя номинально вся земля принадлежит одному феодальному владельцу. Многочисленные фермы его, окруженные смоковницами, дающими превосходные плоды, рассеяны во всех частях острова. Жители Ферро, Herrenos, пребывают почти в таком же изолированном состояния, как и прежние обитатели острова до прибытия испанцев: в 1862 году они не имели ни одного большого судна, а рыболовная флотилия их состояла только из шести барок.

По фигуре Ферро не походит на большинство вулканических островов. Очертания его берегов изображают треугольник, обращенный вершиной к Тенерифу, а основанием к открытому морю; но возвышенная часть острова представляет странный рельеф. На северо-западе она образует вырезку в виде полукруга, обрамленную крутым утесом, отделом кратера, совершенно правильной формы: с одной стороны, этот базальтовый утес оканчивается остроконечным мысом и выступающими из моря скалами Сальморе, с другой закругленным мысом Пунта-де-ла-Дегеса, куда течения часто приносят водоросли, обломки судов, плоды из Америки. Около середины своего протяжения этот утес, некогда струившийся огненно-жидкими лавами, застывшими в своем падении, возвышается слишком на 1.400 метров над поверхностью океана. На восточной стороне, плоскогорье, частию покрытое лесом, также образует выемку в форме полумесяца, но меньшего диаметра сравнительно с предыдущей. Недалеко от этой выемки, в местности, называемой los Letreros («Надписи»), найдены древние надписи и сложенные камни, похожие на менгиры[1]. Многочисленные кратеры и горячие ключи рассеяны в различных частях острова. Говорят, что еще в первой половине текущего столетия пары поднимались из одного кратера, в центральной части острова, но Фритш тщетно исследовал там почву, в надежде отыскать какие-нибудь следы этих фумаролл. Напрасно мы стали бы искать каких-нибудь следов знаменитого лавра, стоявшего в окрестностях города Вальверде, на вершине оврага, и замечательного тем, что поднявшиеся вдоль оврага морские пары, сгущаясь на ветвях огромного дерева, струились по листьям и капали в виде дождя[2]. Это явление сгущения паров на листве, довольно обильных, чтобы наполнить водой цистерны, было до такой степени преувеличено народным воображением, что утверждали, будто это священное дерево в состоянии напоить восемь тысяч человек и сто тысяч голов скота. В конце семнадцатого столетия этот дожденосный лавр существовал еще, но, потеряв листья, он утратил вместе с тем и свои чудодейственные свойства; неизвестно, когда именно он был срублен. «Железный» остров сохранил еще кое-где леса, сосновые и драконовые. На скалах Сальморе водится один вид ящериц, называемый туземцами «хамелеоном» и, вероятно, соответствующий тем ящерицам «величиной с кошку и отвратительным», о которых говорят священники экспедиции Бетанкура.

Вальверде, главный город острова Ферро, лежит недалеко от северной его оконечности; он построен на высоте 650 метров и сообщается сетью тропинок с своей пристанью Пуэрто-де-Иерро, маленькой бухтой на восточном берегу; в соседних пещерах найдены в большом числе мумии древних бимбачей, или бен-баширов. У здешних пастухов до сих пор сохранилась пляска предков, прерываемая прыжками и сопровождаемая заунывным пением.

Остров Ферро, как известно, прославился своим меридианом, служившим исходной точкой для счета градусов долготы. Древние греки, географические знания которых не шли да-

1 Sabin Berthelot, „Bulletin de la Societe de Geographie“, fevr. 1875.

2 „Le Canarien“;—Abreu Galindo;—Claude Duret, „Histoire des plantes et herbes esmerveillables et miraculeuses“.

лее «Счастливых островов», естественно, должны были поместить свой первый меридиан в этих крайних областях известного тогда света: там, по их понятиям, находились пределы мира. Когда эти пределы были раздвинуты, некоторые географы приняли за нуль долготы западные острова Азорского архипелага. Меркатор выбрал остров Корво, где в то время проходил магнитный меридиан[1]. Но греческая традиция долго еще преобладала, и большинство картографов проводило начальную полуденную линию через Тенериф; наконец, решением, принятым в 1634 году, по совету знаменитейших математиков, меридиан острова Ферро был оффициально признан во Франции, как начальный градус долготы. Однако, этот выбор сделан был не на основании точных измерений, но в силу того предположения, что Железный остров лежит точно под 20-м градусом к западу от Парижа, а все исчисления делались относительно положения этого города. Фулье в 1724 г., и позднее Лакайль, Верден, Борда, Пенгре пытались определить точным образом меридиан этого острова, но их вычисления дали результаты, значительно разнившиеся между собой. Теперь известно, что первоначальное предположение было ошибочно: остров Ферро лежит не точно 20-ю градусами западнее Парижа, и, следовательно, меридиан, носящий его имя, не касается его; он проходит восточнее, в открытом море, на расстоянии 20 слишком километров от острова. Хотя немецкие географы до последнего времени остались верны этому меридиану, но он уже не употребляется для начертания карт, как исходный пункт долгот.

Канарские острова составляют провинцию Испании, посылающую шесть депутатов в Кортесы и представленную в сенате двумя или тремя нотаблями. Санта-Круц на Тенерифе служит резиденцией гражданского губернатора и генерал-капитана островов, а Лас-Пальмас есть местопребывание высшего суда. Торговля освобождена от таможенных пошлин; она платит лишь сбор в размере одной тысячной с цены привозимых товаров и незначительный налог с вина и табаку. Каждый из островов поставляет небольшой контингент солдат.

Архипелах делится на 93 *ayuntamientos* или общины, из которых двадцать носят титул городов. Следующая таблица показывает цифры населения Канарских островов и главных городских общин:

ОСТРОВА	Народонаселение в 1887 г.	Число жит. на 1 кв. килом.	Главные города	Население городских общин
Ланзарот	16.409	20	Арресифе	3.025
Фуэртевентура	10.166	67	Пуэрто-де-Кабрас	520
Гран-Канариа	95.415	57	Лас-Пальмас	20.756
			Тельде	9.403
			Арукас	7.984
			Гвиа	5.164
			Гальдар	5.078
Тенериф	109.417	54	Санта-Круц	16.110
			Лагуна	11.406
			Оротава	8.876
			Икод-де-лос-Винос	5.555
Гомера	14.140	38	Сан-Себастиан	2.861
Пальма	39.605	55	Санта-Круц-де-ла-Пальма	6.695
			Лос-Льянос	5.919
Ферро	5.897	20	Вальверде	5.421

VI. Архипелаг Зеленого Мыса

Эти острова Атлантики носят совершенно неподходящее имя, не оправдываемое ни географическим их положением, ни натурой их горных пород, ни историей их открытия. От Африканского мыса того же имени они отстоят на 465 километров и отделены от него мор-

1 Vaugondy, „Histoire de la Geographie“;—Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde“.

скими пучинами, глубина которых превышает 4.000 метров: это несомненно земли океанийские, а не отрывки соседнего материка. Мыс Зеленый был известен за долго до того времени, когда первые мореплаватели достигли юго-восточной группы архипелага. С той эпохи, т.е. впродолжении более четырехсот лет, первоначальное название сохранилось до настоящей минуты, и всемогущий обычай не позволяет заменить его другим. Ничто также не оправдывало бы употребление имени «Горгады», или «острова Горгон», которое было предложено некоторыми географами, так как текст Плиния, относящийся к этим землям, едва-ли может быть применен к архипелагу, лежащему на таком большом расстоянии от берега Африки, вдоль которого плавали древние мореходы. Испанцы одно время называли этот архипелаг островами св. Иакова, а голландцы Соляными островами. На карте кормчего Хуана де-ла-Коса они названы островами Антония, по имени одного из первых открывателей[1].

Вопрос об открытии этих островов возбуждал много споров. По мнению Маджора[2], Диего Гомес первый высадился на эти океанские земли, но текст, так истолкованный английским ученым, другими комментаторами понимается иначе. В своих «Плаваниях» венецианский купец Кадамосто приписывает себе и одному генуэзцу, по имени Узодимаре, честь открытия, в 1456 г., островов Бона-Виста и соседних земель, и несмотря на некоторые противоречия в его рассказе, который, впрочем, различно воспроизведен в разных изданиях его книги, довольно вероятно, что слава, на которую он претендует, действительно принадлежала ему. Четыре года спустя, в 1460 году, итальянец Антонио ди-Ноли, состоявший на португальской службе, снова посетил архипелаг; в один день он обнаружил существование трех островов: Майо, св. Иакова и Фого, при чем последнему дал имя св. Филиппа. Неизвестно в точности, как и когда были найдены и исследованы другие острова Зеленого Мыса; но, без всякого сомнения, дело это совершилось быстро, так как концессионеры открытых частей архипелага, конечно, не замедлили снарядить суда на поиски соседних земель. Однако, только два острова, св. Иакова и Фого, имели маленькия колонии сорок лет спустя после путешествия Антонио ди-Ноли; другие острова лишь в XVI веке заселились португальскими колонистами и неграми, привезенными с соседнего материка[3]; на Соляном же острове постоянные жители появились только в настоящем столетии, а некоторые островки и до сих пор остаются необитаемыми. В сравнении с пространством архипелага число его жителей незначительно, что впрочем, объясняется недостатком воды.

Пространство и народонаселение островов Зеленого мыса:

Площадь—3.851 кв. километр.; 111.000 жителей (1885 г.); в среднем, 29 жителей на 1 кв. километр.

Архипелаг распадается на несколько неправильных групп, расположенных по большой кривой, протяжением около 500 километров, обращенной своей выпуклостью к африканскому материку. Эта кривая начинается на северо-западе островом св. Антония, который по размерам уступает только одной из остальных земель архипелага. Острова, которыми о. св. Антония продолжается на юго-востоке, Сан-Винценте, Санта-Люция, островки Бранко и Разо, остров св. Николая, холмы и горы которых расположены в виде прямолинейной цепи, составляют особую группу: издали они кажутся мореплавателям одним островом, изрезанным глубокими бухтами. Острова Соляной и Бона-Виста, продолжающиеся на юго-западе мелью Жуан-Лейтан, образуют отдельную группу, на восточной оконечности полукруга островов; наконец, южная часть этого полукруга заключает в себе острова Майо, св. Иакова и две крайния земли, Фого и Брава, с несколькими островками. Все северные острова, в том числе Саль (Соляной) и Бона-Виста, называются Barlovento, или «Острова на ветре»; четыре южных земли составляют ряд Sotavento, т.е. «Островов под ветром».

Острова Зеленого мыса, повидимому, принадлежат к более древнему периоду образования, чем архипелаги Канарских и Азорских островов, имеющих почти исключительно вул-

1 J. Codine, „Bulletin de la Societe de Geographie“, 1873.

2 „The Life of Prince Neury of Portugal“.

3 Lopes de Lima, „Ensaios sobre a statistica das Passessoes portugueras no Ultramar“, livro I.

каническое происхождение. Правда, на всех островах Зеленого мыса есть кратеры и эруптивные породы; два из них, именно острова св. Антония и Фого, состоят даже единственно из вулканического пепла и лав; но на других землях встречаются также кристаллические породы, гранит, сиенит и камень, называемый фойяит, по имени горы Фойа, в Альгарвии; на островах Зеленого мыса находят также прекрасные метаморфические мраморы и осадочные породы. Особенно остров Майо замечателен относительно большим протяжением невулканических формаций: этот факт свидетельствует в пользу существования континентальной массы, Атлантиды, занимавшей некогда эти области океана[1]. Острова Зеленого мыса отличаются также от Канарских и Азорских состоянием покоя, в котором пребывает их внутренний очаг лав. За исключением Фого, ни на одном из этих островов не проявлялась вулканическая деятельность со времени открытия архипелага; даже землетрясения здесь очень редки: сильные подземные удары бывали только на острове Брава, на юго-западной оконечности полукруга островов.

Некоторые из островов Зеленого мыса изобилуют железной рудой; именно в южной группе титанистый железняк, необычайно богатый содержанием металла, является в форме черного песку, покрывающего берега океана; он встречается там в таких огромных количествах, что в те часы дня, когда солнечные лучи падают на берег, даже негры не могут ступить на него,—до такой степени раскален этот металлический песок. Бесчисленное множество кораблей могло бы нагружаться здесь рудой, рассыпанной прямо на поверхности земли.

Также как в других атлантических архипелагах, средняя температура на островах Зеленого мыса, уравниваемая влиянием омывающих их вод океана, менее высока, чем на африканском континенте под тою же широтой. На обсерватории в Прайа, на острове св. Иакова, она оказалась, в 1877 г, равной 23°,74, а разность между двумя крайними температурами, наблюдавшимися в этом году, составляла семнадцать градусов по Цельзию (самый жаркий день, 9 сентября: 33°; самый холодный день, 13 декабря: 16°)[2]. Эта значительная разница объясняется относительным соседством африканской земли и влиянием восточного ветра. Вообще, климат этих островов зависит, почти во всех его условиях, от колебания атмосферных течений: температура, влажность, здоровость воздуха—изменяются вместе с направлением бриз. Когда дуют северо-восточные пассаты, т.е. впродолжении двух третей года, с октября по май, небо бывает ясно, только на горизонте всегда скопляется туман, скрывающий на половину солнце при восходе. Затем, когда движение дневного светила по эклиптике увлечет за собой на север всю систему атмосферных токов, острова Зеленого Мыса попадают в пояс дождей, и впродолжении четырех месяцев, с июня по сентябрь, почву их орошают обильные ливни, «столь же необходимые жителям островов, как воды благодетельного Нила необходимы феллахам Египта».

Но так как эти острова не образуют сплошного барьера, подобно высотам соседнего материка, то они не всегда задерживают дождевые облака на проходе; грозы не разражаются в архипелаге с такою же правильностью, как на твердой земле под теми же широтами, и в иные годы количество дождей бывает так незначительно, что выпавшей атмосферной воды недостаточно для всхода посеянного зерна: тогда наступает голодовка, более или менее сильно опустошающая ряды населения. Случается также, что пассатные ветры уклоняются от своего обыкновенного пути и перестают дуть с моря, откуда приносят прохладу; они переходят на материк, и тогда дуновение их становится жгучим, как бы выходящим из раскаленной печи: это гарматтан арабов, называемый островитянами просто *leste*, т.е. «восточным ветром».

Во время перехода через пустыню ветры увлекают с собой большое количество пыли, которая падает на острова, в виде мельчайшего дождя. Часто паруса судов, смоченные утренней росой, задерживают на себе эту тонкую пыль. Просыпаясь утром, моряки не мало дивятся при виде своих парусов, пожелтевших за ночь. Эти пыльные дожди могут падать во вся-

1 Doelter, „Ueber die Capverden nach dem Rio Grande“.

2 A. Picquie, „Revue Maritime et Coloniale“ 1881.

кое время года, приносимые материковыми ветрами; однако, путешественник Тойнби говорит, что ему не случалось видеть их в августе и сентябре, в сезон штилей, неправильных ветров и ливней, приносимых с моря. Почти всегда выпадение желтого или красного песка имеет место в поясе Атлантики, заключающемся между девятым и шестнадцатым градусами северной широты до расстояния 2.000 километров от Африканского побережья. Архипелаг Зеленого Мыса лежит внутри этой полосы сухих дождей, тогда как на Мадере подобные явления очень редки: несколько чаще бывают они на восточных Канарских островах, особенно на Фуэртевентуре, но все же настолько редки, что там на них смотрят как на своего рода чудо. В тысяче километров к югу от островов Зеленого Мыса эти дожди составляют совершенно исключительный случай. Просматривая корабельные журналы почти 1.200 судов, проходивших в поясе пепельных дождей, за время с 1854 до 1871 года, Гельман констатировал, что распространение пыли в воздухе продолжается иногда несколько дней и что пыльные облака занимают площадь около 300.000 кв. километров. Понятно, что в течение веков целые горы должны изнашиваться и улетучиваться вследствие поставки такого огромного количества измельченного камня, чем и объясняется нынешний вид некоторых *гамад* Сахарской пустыни, которые на огромных пространствах представляют лишь гладкий камень, дочиста выметенный восточным ветром. Известно, что Эренберг, путем наблюдения микроскопических животных, содержащихся в подобных «сухих» дождях, обнаружил, в некоторых случаях, южно-американское происхождение пепла: факт этот объясняется существованием возвратных воздушных течений, проходящих в верхних слоях атмосферы, над пассатами; но главная масса этой пыли, без всякого сомнения, происходит из африканских пустынь. Даже в ясную погоду отдаленные предметы почти всегда кажутся колеблющимися, что Дарвин приписывает тончайшим твердым частицам, носящимся в воздухе.

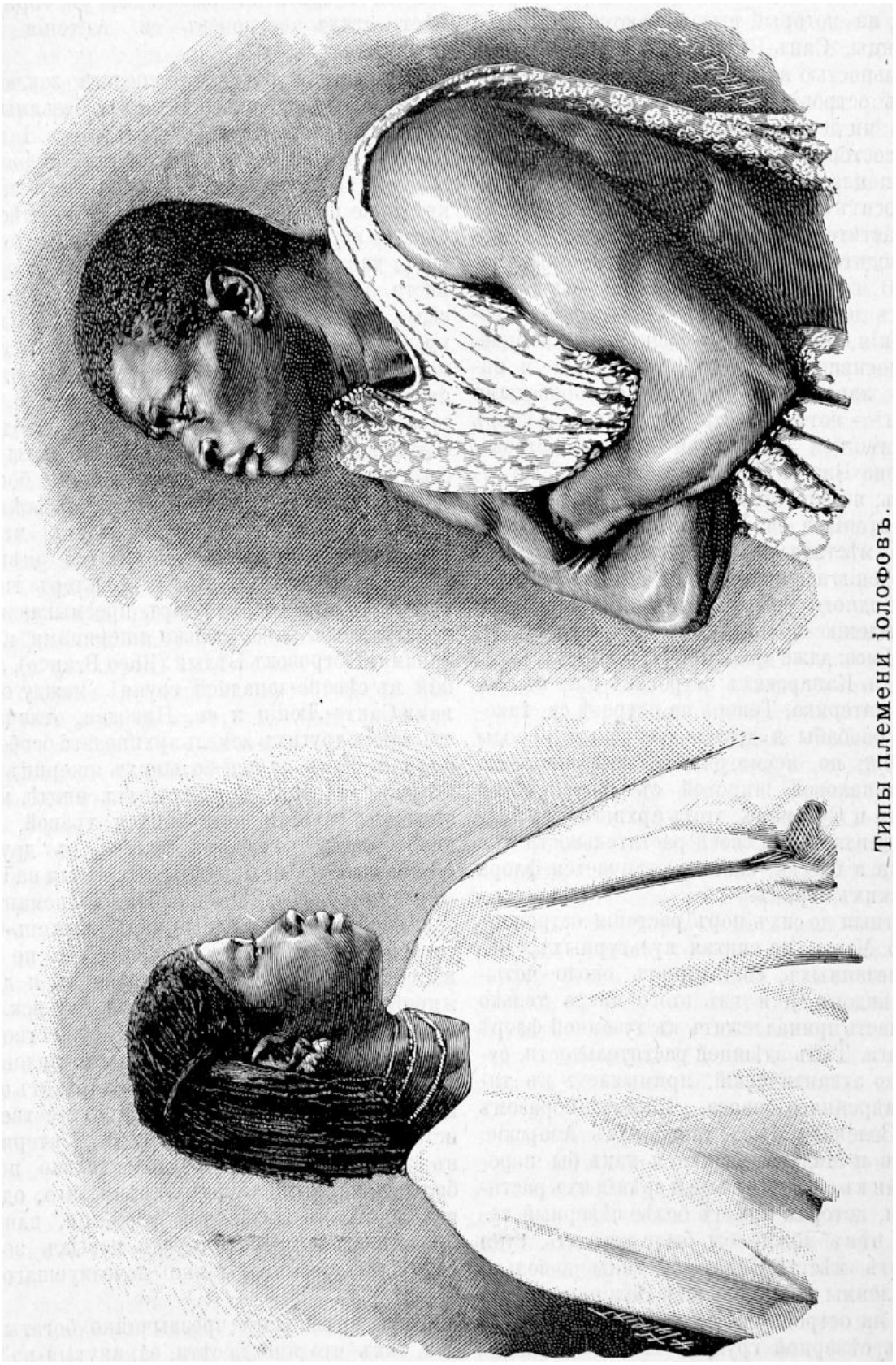
Амплитуда морских приливов на берегах архипелага изменяется от одного до двух метров, и в движениях вод замечаются большие неправильности, вследствие столкновения течений в устьях проливов. В то время, как между мысом Зеленым и архипелагом того же имени жидкая масса движется в целом с севера на юг, воды, приходящие от Канарских островов, направляются, в среднем, к юго-западу, то-есть к каналам, разделяющим острова «на ветре», св. Антония, св. Викентия и св. Николая. Напротив, южнее этих островов воды движутся к юго-востоку, со скоростью от 300 до 600 метров в час; наконец, за цепью «Подветренных» островов, они снова принимают нормальное направление, то-есть с севера на юг, с средней часовой скоростью в 1,650 метров. Встреча течений производит иногда *marezias*, или маскареты, повышающие, без видимой причины, морской уровень на пять или на шесть метров. Особенно часто наблюдали это явление в бухтах острова св. Николая и в порте Сальрей, на о. Бона-Виста[1].

С точки зрения санитарной, общие условия климата этого архипелага во многих местах изменяются, вследствие существования болотных берегов и лагун; так на побережье острова св. Иакова, прозванного «смертоносным», и других островов, господствуют *carneiradas*, или диссентерии, и болотные лихорадки, тогда как остров св. Антония, напротив, отличается замечательно здоровым климатом. От самих островитян зависит, в известной мере, улучшить или ухудшить климат; обезлесением склонов они, несомненно, усилили неблагоприятные условия: скудная растительность все более и более выщипывается зубом коз и, вследствие того, сток вод, и без того уже столь редких, становится еще более неправильным. Едва выпадет дождь, как временные ручьи тотчас же уносят драгоценную влагу в море. Впрочем, деревья быстро растут на скатах гор, как показали результаты сделанных в разных местах насаждений. Кроме того, некоторые острова, вздымающие свои вершины на тысячу или на две тысячи метров над уровнем океана, представляют в своих верхних долинах местности, благоприятные для устройства санитарных станций.

Специальная флора островов Зеленого Мыса еще не была изучена так же тщательно, как флора других атлантических архипелагов. Причина тому—большая отдаленность от Европы

1 Joaquim da Silva Caetano, „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa“, 1882.

и трудности, которыми обставлено путешествие в эти дальние страны. При том же остров, на который высаживаются почти все иностранцы, Сан-Винцент,—самый бедный растительностью из всех земель архипелага: на этом острове есть целые округи, где не увидишь ни де-

Типы племени іолофовъ.

ревца, ни былинки, где почва сплошь состоит из голого камня и вулканического пепла. Хотя одна из гор Сан-Винцента носит имя Монте-Верде (Зеленая гора), но вся растительность её, состоящая из кустарника, сводится к нескольким тамарискам: в 1880 году на острове было только два больших дерева, да и те чужеземного происхождения,—эвкалипт и финиковая

пальма, не приносившая плодов[1]. Молочаи и маленькая лавенда с круглыми сероватыми листьями—вот и весь растительный убор этой пустынной земли. Три других острова, Саль, Бона-Виста, Майо, имеют такой же голый вид; но гористые земли, особенно острова св. Антония и св. Иакова, представляют во многих местах зеленеющие долины, благодаря введению африканских растений. Кажется, нет ни одного дерева, которое бы по своему происхождению принадлежало архипелагу Зеленого Мыса: даже драконник, говорят, был ввезен с Канарских островов или с соседнего материка. Теперь на острове св. Иакова есть баобабы и другие древесные породы Сенегамбии; но, несмотря на свое положение под одинаковой широтой с Антильскими островами и Суданом, этот архипелаг нигде не представляет в своей растительности той пышности и блеска, какими отличается флора тропических стран.

Известные до сих пор растения островов Зеленого Мыса, не считая культурных, недавно ввезенных, составляют около четырехсот видов[2], и из этого числа только шестая часть принадлежит к туземной флоре архипелага. Тип здешней растительности, существенно атлантический, примыкает к типам умеренного пояса. Таким образом острова Зеленого Мыса, также как Азорские, Канарские и Мадера, являются как бы передвинутыми к северу, с точки зрения их растительности, которая имеет более северный характер, чем можно бы было ожидать, судя по широте места. Канарские типы довольно многочисленны в архипелаге Зеленого Мыса, особенно на острове св. Антония и на других островах северной группы. Но большинство чужеземных растений—африканского континентального происхождения. В этом отношении острова Зеленого Мыса отличаются от Канарских, где экзотическая флора представляет большею частью европейский тип. Впрочем, некоторые средиземные виды встречаются и здесь на высотах, в гористых местностях островов св. Антония и св. Иакова.

Самобытная фауна архипелага заключает лишь небольшое число видов. Обезьяны, живущие только на двух островах, св. Иакова и Брава, принадлежат к виду *cercopithecus sabaeus*, свойственному африканскому материку; дикие кабаны, встречающиеся в лесных чащах первого из сейчас названных островов, также не составляют особой разновидности, а все другие млекопитающие, домашний скот и вредные животные, как кролики и крысы, были ввезены европейцами. Цесарка, мясо которой туземцы не употребляют в пищу, чрезвычайно распространена, а чайки тучами кружатся над берегами и подводными скалами: некоторые островки покрыты толстыми слоями гуано, составляющими богатый запас удобрения для земледельцев соседних островов. Уолластон утверждает, что на островах Зеленого Мыса водятся змеи, но туземцы отрицают это, и Дельтер тщетно искал этих гадов; мир пресмыкающихся представлен здесь только ящерицами и гекконами. Островок Белый (ilheo Branco), лежащий в северо-западной группе, между островами Санта-Люция и св. Николая, отличается от всех других земель архипелага особенной фауной. Там нашли больших ящериц (macroscincus coctei), неизвестных нигде, кроме этого островка, и питающихся травой, а не насекомыми, как их родичи в других странах. Пуффины, птицы, открытые на Бранко членами экспедиции корабля «Талисман»[3], также составляют новый вид. Может-быть, современем на этом островке, еще не вполне обследованном, будут найдены и другие животные формы, свойственные ему исключительно. Во всяком случае, существование двух особенных, оригинальных видов в микрокосме Белого островка составляет один из любопытнейших фактов естественной истории. Эта вулканическая скала, затерянная в океане, была ли, предпочтительно перед более обширными землями архипелага, одним из центров жизненной формации, или она представляет собою, среди новых земель, обломок древнего, давно исчезнувшего материка?

Моря архипелага чрезвычайно богаты рыбой, так что иногда сети, закинутые на мель, кишащую живыми существами, за один раз вытаскивают тысячи особей; почти столь же

1 C. Doelter, цитированное сочинение.

2 Schmidt, „Beitrage zur Flora der Cap-Verdishen Inseln“;—Grisebach, „Vegetation du Globe“.

3 Perrier, „Les explorations sous-marines“;—Parfait, „Bulletin de la Societe de Geographie de Rochefort“, 1883, № 2.

значительно количество организмов и в глубинах: так, наприм., с глубины 60 метров верша «Талисмана» принесла до тысячи рыб и около двух тысяч креветок разных пород. Вообще рыбное богатство этих островов так велико, что его с избытком хватило бы на прокормление местного населения и на поддержание обширной отпускной торговли; но рыболовы должны тщательно сортировать добычу и выбрасывать обратно в море ядовитые породы рыбы, которых очень много в этих тропических морях, и между которыми есть очень опасные[1]. Острова Зеленого Мыса отличаются от Азорских изумительным богатством своей береговой фауны ракообразных, брюхоногих моллюсков и раковин. Коралл, относительно которого еще не так давно господствовало мнение, будто он существует только в Средиземном море, и который в последнее время найден был в разных частях океана, находится также и на берегах островов Зеленого Мыса; рядом с красным караллом (corallium rubrum), точно таким же, как сицилийский, здесь живет другой вид, *plemocorallium Iohnsoni*, белый полип, названный так исследователями с корабля «Challenger»[2]. Ловлей карала, сделавшейся ныне одним из важных промыслов края, занимаются неаполитанцы, поселившиеся на острове св. Иакова.

По словам легенды, португальцы нашли двух чернокожих туземцев, когда высадились на остров св. Иакова[3]; Фейхо тоже рассказывает, будто негры племени уолоф, спасаясь бегством от своих врагов, переплыли море, благодаря теченіям и бризе, и заселили главный остров. Такое дальнее плавание было бы истинным чудом, потому что у уолофов никогда не бывало никаких судов, кроме открытых лодок, а ветры и течение в этих водах следуют в южном направлении; но ни один из хроникеров, современников открытия этого архипелага, не говорит о жителях, будто бы найденных на Сант-Яго или на других островах. Несколько человек вольных португальцев и африканцы-невольники—таковы были первые поселенцы в архипелаге Зеленого Мыса.

Первые «концессионеры», которым эти острова были пожалованы в ленное владение, явились сюда, в 1161 году, в сопровождении нескольких семей добровольных переселенцев из провинций Алемтехо и Алгарвии; но главная масса пришлого люда, поселившагося первоначально на Сант-Яго и на Фого, состояла из уолофов, фелупов, балантов, папель и других негров, изловленных на соседнем континенте. В 1469 году торг невольниками был предоставлен декретом короля Аффонсо V в исключительную монополию феодальным владельцам архипелага, вследствие чего соседнее побережье сделалось для этих владельцев территорией для охоты на человека, куда они ездили запасаться невольниками для своих плантаций[4]. Вербовка работников была, между прочим, причиной того, что конторы португальской Сенегамбии до самого последнего времени находились в административной зависимости от архипелага Зеленого Мыса.

Тропическая жара, отдаленность от метрополии, уничижение труда употреблением на работы невольников и ссыльных, препятствовали развитию собственно португальской иммиграции в архипелаге, и в течение четырех столетий, прошедших со времени его открытия, единственные белые, являвшиеся на острова, приезжали туда в качестве чиновников и господ. Народонаселение архипелага в 1879 г. этнографически распределялось следующим образом:

«Сынов страны» 92.108; португальцев всякого племени, европейских и африканских—6.968; иностранцев—241.

Заселение совершалось преимущественно африканским элементом, но смешение соединило обе расы. Население островов почти сплошь состоит из цветных людей. Через брачные союзы белые смешались с «сынами страны», и чернокожие, благодаря естественному действию подбора, который особенно благоприятствует бракам девиц-брюнеток с молодыми людьми более светлого цвета, постепенно, из поколения в поколение, приблизились к бело-

1 Edouard Heckel, „Journal officiel de la Republique francaise“, 17 septembre 1878
2 Perrier, цитированное сочинение.
3 Doelter, цитированное сочинение.
4 Lopes de Lima, цитированное сочинение.

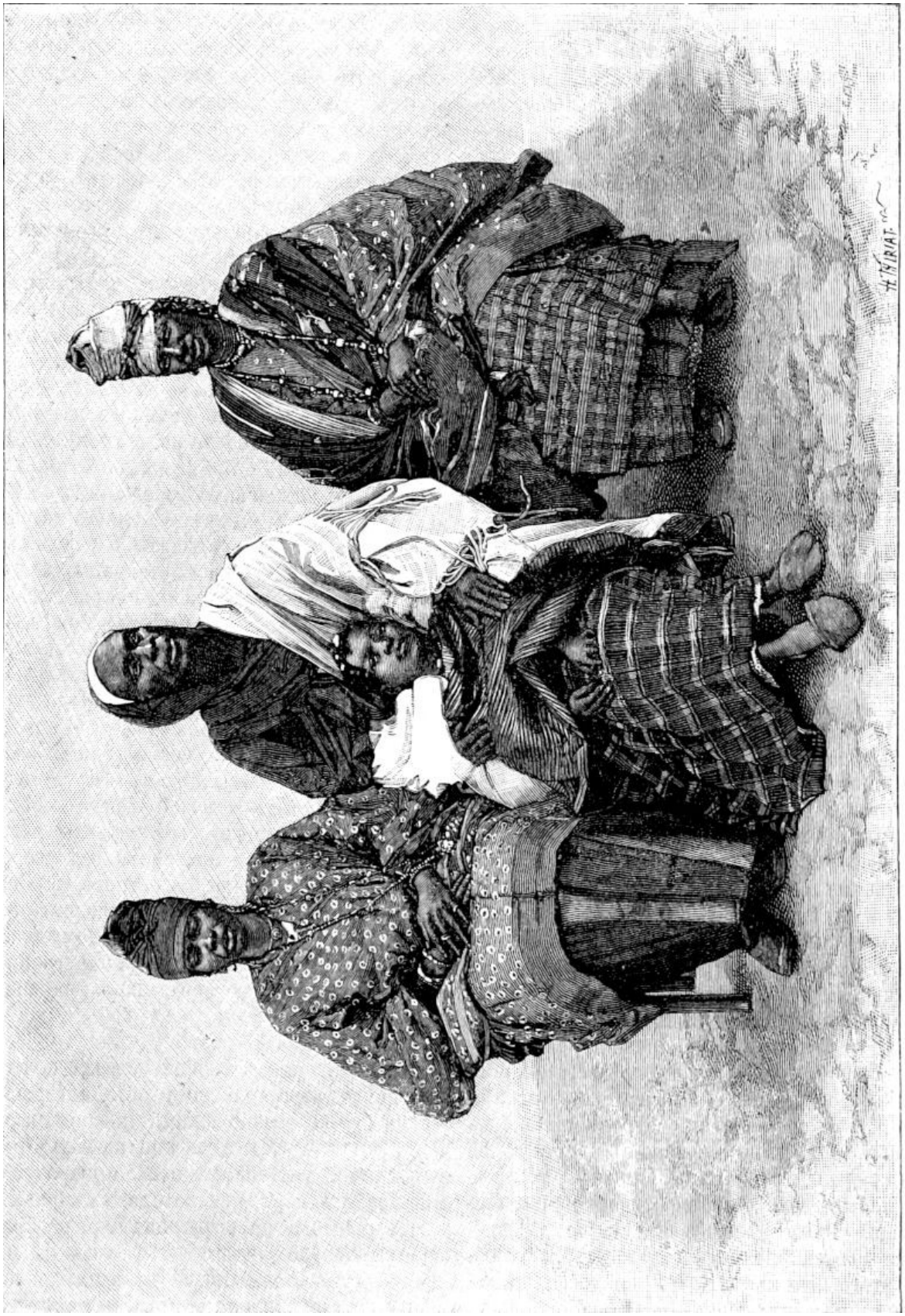
му типу; случается, однако, что вследствие атавизма некоторые члены смешанных семейств имеют вид настоящих негров. Вообще говоря, у островитян Зеленого Мыса, черты лица правильные, нос прямой, с умеренным горбом, волоса слегка курчавые, лицевой угол очень открытый. Мужчины отличаются высоким ростом и гордой осанкой; женщины, по крайней мере на Санто-Антонио, стройны и красивы. Впрочем в этом отношении замечается большая разница между жителями различных островов, что, без сомнения, следует приписать неравномерному смешению крови, различию климата, более или менее сильному влиянию европейской цивилизации и роду занятий, каковы рыбная ловля, земледелие и торговля.

В урожайные и вообще благополучные годы народонаселение архипелага быстро возрастает; перевес рождений над смертными случаями ежегодно составляет более тысячи. В тридцатипяти-летний период, с 1844 по 1879 г., население увеличилось более чем на треть: с 60.000 цифра жителей поднялась до 100.000. Но сколько раз засуха и неурожай влекли за собой страшные голодовки! Часто впродолжении нескольких месяцев голодная смерть похищала больше человеческих существ, чем сколько их нарождалось в течение нескольких лет. Голодовка, господствовавшая на острове св. Иакова с 1770 по 1773 год, по словам Фейхо, унесла в могилу две трети жителей. Голодовка, продолжавшаяся с 1831 по 1833 год, следовательно, уже в эпоху, когда эмиграция и привоз съестных припасов были гораздо легче, чем в прошлом столетии, погубила, тем не менее, пятую часть островитян. Голодовки 1846, 1864 и 1865 годов тоже произвели значительное опустошение в рядах населения: всякий раз, когда ожидаемые дожди не приходят освежить почву, перед островитянами встает грозный призрак голода. Демографические колебания, произведенные эпидемиями, были почти столь же значительны, как и убыль населения, причиненная голодовками. Так, холера, которая пронеслась, как всепожирающее пламя, над островом св. Николая, оставила за собой несколько поселений совершенно опустевших; трупы умерших по нескольку дней валялись без погребения на улицах города, и до сих пор еще показывают дома, в которых все обитатели вымерли от холеры, и которые стоят пустыми со времени эпидемии.

Все туземцы архипелага Зеленого Мыса называют себя католиками и считаются таковыми: обряд крещения ввел их в лоно церкви. Каждый остров имеет свои храмы и свое духовенство, состоящее по большей части из цветных людей, которым туземцы отдают предпочтение за то, что цветные пастыри не стесняют их в исполнении языческих обрядов, занесенных из Африки. И теперь еще многие из островитян верят, что колдуны, teiticeros, могут делаться невидимками, отравлять воздух и источники, поражать болезнями растения, животных и людей. Против их фатальной силы прибегают к помощи «знахарей», curandeiros, иногда более страшных, чем сами колдуны. На Сан-Винценте все более и более прививаются европейские понятия и нравы, но на других островах, особенно на Сант-Яго, где негры менее смешаны с белым элементом, сохранились еще многие обычаи Африки. Так, например, новобрачная принимает к себе супруга лишь после притворного завоевания её силой: молодой трижды подползает к брачному дому, но каждый раз принужден ретироваться после притворной битвы: в четвертый раз, он, наконец, одерживает верх, обращает в бегство всех защитников невесты, и победу его торжествуют радостными криками, стрельбой, бросанием петард, музыкой и пляской. На похоронах, особенно, когда смерть приписывается штукам колдуна, соблюдают традиционные церемонии guisa: впереди погребальной процессии шествует кортеж плакальщиков; женщины рвут на себе волосы, мужчины бьют в барабаны; затем прославляют добродетели покойника на похоронном пиршестве. В доме, посещенном смертью, впродолжении одной или нескольких недель после погребения, каждую ночь раздается барабанный бой в память усопшего.

Также как в других атлантических архипелагах, на островах Зеленого Мыса преобладает крупная земельная собственность: за исключением Дикого острова (Брава), земледелец лишь в редких случаях обработывает свою собственную почву. Многие имения так велики, что владелец не знает даже границ своих земель и тем более не может вести на них хозяйство. Обширные пространства лежат без употребления, вдали от всякого жилья. Впрочем,

есть еще много имений, владельцы которых не в состоянии доказать документами принадлежность им земли: их право собственности основано единственно на предании. Целая треть Сант-Яго, самого большего и населенного из островов этого архипелага, принадлежит одно-

Типы тукулеровъ.

му лицу, у которого насчитывается до трех тысяч арендаторов и работников; все ирригационные воды монополизированы крупными имениями. Впрочем, право владения земельной собственностью, которое в силу новых, недавно изданных узаконений, может быть свободно

передаваемо, не составляет привилегии белой расы; путем наследования эта собственность постепенно перешла от первых белых концессионеров к их потомкам смешанной породы, так что теперь земли архипелага большею частию принадлежат цветным людям, сыновьям или внукам матерей-невольниц. Хотя решительные меры, направленные к отмене рабства, относятся к сравнительно недавнему времени, к концу пятидесятых годов этого столетия, а последний невольник островов исчез только в 1876 г., между островитянами существует полное социальное равенство. Некоторое число осужденных или degradados (лишенных прав состояния) по приговорам уголовного суда присылается из метрополии в архипелаг, за исключением острова св. Винцента: в 1878 году таких ссыльных насчитывалось около сотни.

В первые времена оккупации, острова утилизировались только для целей скотоводства. Скот, пущенный на подножный корм, коровы, овцы, козы, свиньи,—быстро размножался, особенно козы, которые дают приплод до трех раз в год, каждый раз по два по или три детеныша. Первые поселенцы, как невольники, так и свободные люди, не знали другого занятия, кроме как пасти стада да охотиться на одичавших животных, чтобы запастись шкурами и мясом, которое они разрезывали на длинные пластинки и сушили на солнце. Лошади, первоначально привезенные из земли Мандингов, быстро размножались здесь, как и прочий скот, и с половины шестнадцатого столетия, их уже начинают обратно вывозить, для продажи, на соседний континент. Эти лошади, незнакомые с подковами, взбираются по скалам, как козы, верным и неутомимым шагом. Ослы, происходящие из Португалии, походят на своих родичей в метрополии и употребляются почти исключительно для перевозки товаров. До большого неурожая 1831-33 г. в гористых местностях островов бродили дикие ослы, которых охотники ловили для продажи плантаторам Антильских островов; но во время голодовки на них стали охотиться, как на дичь, а те, которые не были съедены, погибли от жажды, и таким образом порода их была окончательно истреблена. Кролики, введенные на острове св. Иакова и причинявшие много вреда посевам, тоже подверглись преследованию, продолжавшемуся до полного их истребления. В это последнее время скотоводство снова получило важное значение в ряду промыслов архипелага, особенно на островах св. Антония и св. Николая, снабжающих корабли бойным скотом.

При виде оголенных гор Сан-Винцента, где высаживается большинство путешественников, эти последние могут подумать, что почва островов Зеленого Мыса совершенно бесплодна, и что никакое земледелие на них невозможно. Но такое заключение было бы ошибочно: напротив, как только выпадут дожди, земля покрывается растительностью, а вулканические обломки и пепел, из которых состоит здешняя почва, отлично родят и сообщают всем произведениям превосходные качества. Однако, земледелия в прямом смысле до недавнего времени почти не существовало, и главный предмет сбора составлял орсель, красильный мох, растущий на скалах: он давал португальской казне, как правительственная регалия, ежегодный доход в сумме около полумиллиона франков. Между земледельческими произведениями главную роль играют, разумеется, те, которые служат для продовольствия жителей: маниок, кукуруза, турецкие бобы; но островитяне занимаются также культурой растений для вывоза за границу. Так, остров Фого производит «тропическое вино»; остров св. Антония поставляет на всемирный рынок кофе, который по качеству считается одним из лучших в свете (в 1879 г. отпуск кофе составлял 112.975 килограммов); табак, производимый первым из сейчас названных островов, тоже высоко ценится; также и сахарный тростник дает превосходный продукт. Первое место между промышленными растениями, возделываемыми на островах Зеленого Мыса, особенно на острове св. Иакова, занимает одно из молочайных, jatropha curcas (рвотный орешник черный), обыкновенно называемое purgueira. или «врачебница», за его сильно-действующие свойства. Европейская фармакопея отказалась от употребления этого лекарственного снадобья, как средства, представляющего большую опасность отравления: теперь употребляют только для промышленных целей семена и масло ятрофы. Чтобы получить экономические свечи, туземцы нанизывают эти семена на соломенку. Архипелаг Зеленого Мыса является почти единственным производителем зерен рвотного орешника, которые составляют, по ценности, около половины всей его отпускной торговли; так, общий

вывоз в экономическом 1879-80 г.: 1.650.000 франк.; вывоз семян ятрофы: 800.000 франк.; количество ятрофы, вывезенное в 1878-79 году: 4.653 тонны.

Ятрофа растет на самых бесплодных землях, что представляет немаловажную выгоду в стране, где недостаток дождевой воды часто влечет за собой недород других посевов[1]; очевидно, следовало бы засеять этим неприхотливым и прибыльным растением все невозделанные пространства, а между тем общая площадь плантаций ятрофы не превышала 34 гектаров в 1880 году. Понятно, что земледелие не может делать быстрых успехов в стране, где еще недавно распашка не дозволялась большинством помещиков, как вредящая, будто бы, плодородию почвы.

Промышленность в собственном смысле мало развита в этом архипелаге; некоторое значение имеют только на острове св. Николая—производство бумажных материй, сбываемых негритянским населениям соседнего материка, и на Диком острове (Брава)—тканье шерстяных одеял, которые раскупаются нарасхват, и плетенье кружев. Но островитяне отличаются коммерческим духом; каждое селение имеет свои лавки, и между отдельными островами существуют постоянные торговые сношения. Земледельческие острова посылают свои произведения другим землям архипелага; Бона-Виста, Саль, Майо отправляют в другие части архипелага соль, песчаник, козьи кожи; остров св. Антония снабжает лесом и водой своего соседа, остров Сан-Винцента. Что касается международной торговли, то она почти вся сосредоточена в Порто-Гранде, на острове св. Винцента. Через этот пункт архипелаг присоединяется к торговому и умственному движению всего света: через Порто-Гранде проникает к чернокожим островитянам европейская культура.

Санто-Антонио, большой остров почти правильной четыреугольной формы, которым начинается на северо-западе полугруг островов Зеленого Мыса, можно назвать привилегированной землей архипелага. Образуя высокий хребет гор, ось которого направлена с северовостока на юго-запад, он обращен своим северо-западным фасом к пассатным ветрам, которые в этих областях почти всегда отклоняются к материку: оттого эта покатость получает достаточную долю атмосферной влаги, так как облака скопляются с этой стороны гор в значительном количестве. Растительность в долинах очень обильна: население, численность которого, впрочем, быстро возрастает, могло бы удвоиться или утроиться без истощения земледельческих рессурсов страны; если голодовка 1831-33 годов похитила так много жертв, то это потому, что верхния, хорошо орошенные долины тогда были еще не возделаны. Но другая покатость острова, лежащая не на пути влажных ветров, почти совершенно лишена зелени: там повсюду видишь только черные камни, красную глину да белую пемзу, похожую издали на полосы снега. Конусы с кратерами, рассеянные во всех частях острова, так же многочисленны, как горки извержения на склонах Этны: с палубы корабля, плывущего из Европы, когда он огибает северо-восточный мыс остров св. Антония, чтобы войти в порт Сан-Винцента, видно более двадцати вулканов, стоящих на этом мысу. Самая высокая гора острова—«Пик Короны» (Topo da Corоa), на вершине которого тоже открывается кратер, на высоте 2.253 метров (по морским картам) и которым оканчивается на западе становой хребет. Бока горной цепи изрезаны глубокими оврагами, и западным своим скатом Пик Короны спускается прямо к морю; но на востоке и на юге он господствует над обширным плоскогорьем (средняя высота 1.630 метров), где во множестве рассеяны вулканические конусы, то по одиночке, то группами или рядами одни в виде «котла», круглого или овального, с цельными краями, другие с кратером, разломанным с одной стороны. Даже с главной вершины, откуда взор обнимает всю эту толпу вулканов, невозможно сосчитать их числа,—так тесно скучены они на этом плато извержения. Геолог Дельтер полагает, что эта высокая равнина есть не что иное, как бывшее дно кратера: Пик Короны—это второй Везувий внутри своей обширной кругообразной Соммы, от которой еще сохранилась разорванная окружность; из-

1 Henrique d'Arpoare, „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa", 1882.

вержения совершенно изменили первоначальный вид гигантского вулкана[1].

Колонизация на этом острове, самом отдаленном от материка, началась сравнительно поздно, и на первых порах ограничивалась введением невольников. Первые европейские поселенцы появились здесь только в конце прошлого и в начале нынешнего столетия; в числе их были и канарийцы, которые с полным успехом сделали опыт посева пшеницы на высоких склонах гор. С 1780 года невольники на Санто-Антонио были объявлены свободными, но декрет об этом остался мертвой буквой, так как никто не обращал на него внимания, и честь фактической эмансипации негров принадлежит уже другому поколению[2]. Чистые негры очень редки на этом острове: почти все его население состоит из цветных людей, между которыми встречаются субъекты с очень темной кожей, но с белокурыми волосами и голубыми глазами[3]. Женщины, по словам Дельтера, имеют большой численный перевес над мужчинами в расе населения св. Антония. Жители этого острова группируются в нескольких селениях прибрежья, преимущественно в долинах северо-восточного берега и в городке Рибейра-Гранде, который тщетно пытались взять, в 1711 году, французы под начальством Дюге-Труэна. На соседних горах, между 900 и 1.200 метрами высоты, в новейшее время начали разводить хинное дерево, и этот опыт удался как нельзя лучше: в 1882 году, нарождающийся хинный лес содержал уже около тысячи деревъ[4].

Остров Сан-Винцент, или св. Викентия, географически составляет как бы часть Санто-Антонио. Закрытый этой более обширной и более высокой землей, он почти круглый год не видит дождя, а иногда на нем господствует полнейшая засуха: на всем острове существует только один или два скудных источника и только одна долина, где возможна хоть какая-нибудь земледельческая культура. Неудивительно поэтому, что в течение более чем трех столетий со времени открытия архипелага португальцами не было сделано ни одной попытки заселения этого острова; только в 1795 году здесь поселились первые колонисты, да и то не по собственному желанию: это были негры-невольники и белые ссыльные; в 1829 году население острова доходило до 120 человек. Однако, не безъизвестно было, что Сан-Винцент обладает лучшим в архипелаге портом: это бывший кратер, в котором волны пробили западную стену; он совершенно защищен от ветров западного, южного и восточного, а массивный высокий остров св. Антония прикрывает его от ветров северного и северо-западного; сильные штормы, врывающиеся в пролив, проносятся в открытом море, не проникая в порт.

Будущая торговая важность острова св. Викентия была предвидена уже в 1851 году, когда один английский негоциант устроил там склад угля для проходящих пароходов. На восточном берегу порта стоит маленький городок, который хотели было возвести на степень столицы архипелага,—Минделло, более известный под именем Порто-Гранде, или под именем самого острова. Это очень печальный город, без деревьев, без фонтанов и ключей, так что жители принуждены пить дистиллированную морскую воду и пресную воду, привозимую на барках с острова св. Антония; но здесь сосредоточивается теперь почти вся торговля архипелага Зеленого Мыса, и океанские пароходы сотнями заходят в порт Сан-Винцента возобновлять запасы угля. В 1880 г. уже пятнадцать компаний трансатлантического пароходства посылали свои суда попутно в этот порт. Вот некоторые цифровые данные, относящиеся к размерам внешней торговли архипелага и движению судоходства в Порто-Гранде:

Обороты заграничной (специальной) торговли архипелага в 1896 году:

Привоз—9.000.000 франков; вывоз—2.250.000 франков.

Движение судоходства в Порто-Гранде (Минделло) в 1880 г.:

1.084 парохода, 392 парусн. судна, 440 кабот. суд., 670 берег. ланчей; общий тоннаж—1.560.000 тонн.

Первое место во внешней торговле архипелага Зеленого Мыса, принадлежавшее прежде

1 „Die Vulcane der Capverden und ihre Producte“.

2 Travassos Valdez, „Africa Occidental“.

3 Lopes de Lima, цитированное сочинение.

4 Manuel Bordallo Pinheiro, „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa“, 1883.

Соединенным Штатам, теперь занимают англичане, привозящие уголь в порт Сан-Винцента: хотя арматоры этого острова обладают несколькими кораблями, однако участие Португалии в торговом обмене её собственной колонии гораздо меньше, чем участие других наций. Минделло—город международный, где господствует английский язык: число иностранцев, перебывающих в нем в течение года, в двадцать раз превышает цифру местного населения (высадившихся пассажиров в 1880 г.: 76.000). Сан-Винцент есть также промежуточная станция подводного телеграфа между Лиссабоном и Фернамбуко.

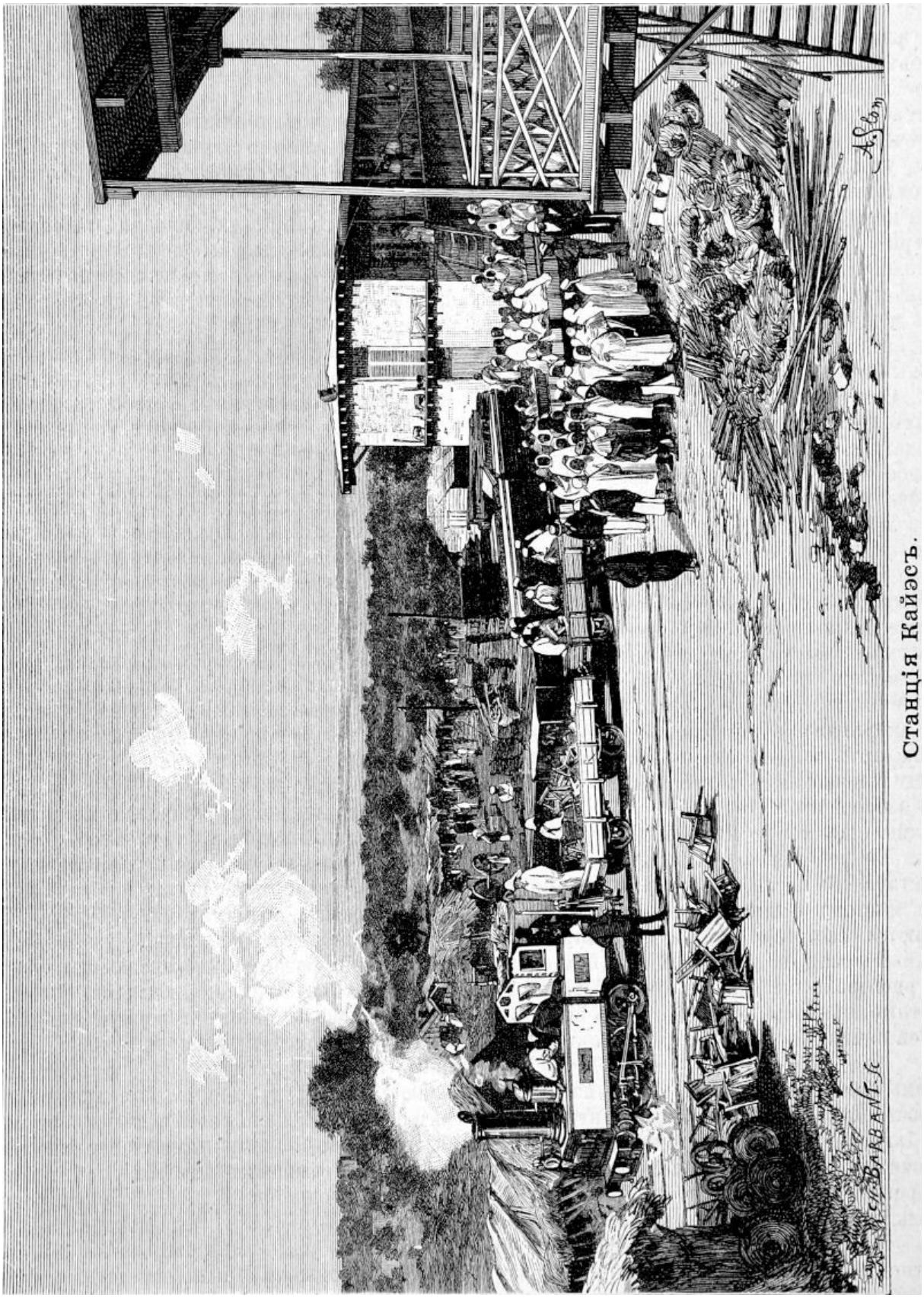
К востоку от этого острова, сборного пункта пароходов Атлантики, следуют один за другим остров Санта-Люция, где можно встречать только пастухов, кочующих со своими стадами, затем пустынные скалы—островки Бранко (Белый) и Разо (Гладкий). Далее идет большая земля св. Николая, которая уже около половины прошлого столетия была «густо населена». В эпоху первой народной переписи, сообщаемой её летописями, в 1774 году, она имела 13.500 жителей, больше, чем сколько имеет их в наше время. Немногие острова испытали столько бедствий, как Сан-Николау, бедствий, следовавших одно за другим,—голодовка, желтая лихорадка, холера. Цифра населения этого острова значительно колебалась, в зависимости от ряда лет благополучных или несчастливых; в нормальное время рождаемость много превышает смертность.

Остров св. Николая имеет форму неправильного полумесяца, выставившего один из своих рогов на восток, другой на юг. Подобно всем островам Зеленого Мыса, он усажен вулканическими скалами, отдельными конусами или сплошными формациями. Самая высокая вершина, Монте-Гордо, поднимающаяся на 1.200 метров над уровнем моря (на 300 метров выше гор Сан-Винцента), находится в северной части острова. Это центр всего архипелага, так как с верхней площадки горы, куда легко взобраться, даже на коне, можно, в ясную погоду, обнять взором весь круг островов, от Санто-Антонио до вулкана Фого: ни с какого другого пункта архипелага не открывается взорам подобная панорама[1]. На южном склоне горы Гордо бьет обильный ключ, но воды его, еще не перехваченные, теряются в вулканических шлаках. Точно также многие другие источники острова пропадают без пользы, оттого, что к ним нет доступа по неимению дорог. Недостатком путей сообщения объясняется также и тот факт, что мелкие каботажные суда обегают бухты здешнего побережья: в большей части этих бухточек не найдешь ни лодки, ни жилья на берегах. Первый главный пункт этого острова находился на оконечности южного мыса, при порте Лапа; но со времени присоединения Португалии к королевству Филиппа II испанского он был покинут и заменен нынешним городом, называемым Рибейра-Брава, или «Дикая речка», от ручья, впадающего в юго-восточную бухту острова. Несмотря на то, что в этой части прибрежья иногда свирепствуют лихорадки, почти половина жителей острова скучена в Рибейра-Брава: этот последний сделался одним из важнейших городов архипелага и, благодаря своему центральному положению, был выбран в 1867 г. как местопребывание лицея, высшего учебного заведения провинции. Рибейра-Брава—самый деятельный каботажный порт для внутренней торговли архипелага; он вывозит кукурузу, маниок, сахар; производство же кофе, прежде весьма значительное, теперь совершенно прекратилось. Непосредственно с Лиссабоном не существует никаких торговых сношений. Почти все мануфактурные изделия и иностранные товары получаются из Соединенных Штатов и из Англии через остров Сан-Винцент.

Два острова, составляющие восточную группу архипелага Зеленого Мыса, Соляной (ilha de Sal) и Бона-Виста, имеют почта сахарский климат и очень редко населены. Первый из них, хотя занимающий пространство около 300 километров, оставался незаселенным со времени открытия до 1807 г.: только в этом году несколько невольников с Бона-Виста были посланы со стадами на Соляной остров. Колонизация в собственном смысле началась лишь с 1830 года. Недостаток пресной воды был до этого времени главным препятствием к заселе-

1 Ioaquim du Silva Caetano, „Boletim de Sociedade de Geographia de Lisboa“, № 5, 1882.

нию острова, но превосходное качество и обилие соли, пласты которой сравнивали с «льдами, венчающими Альпы», привлекло, наконец, спекуляторов; выкопали цистерны для собирания дождевой воды, и вокруг места добывания соли возникли промышленные колонии.

Станція Кайэсъ.

Железная дорога, построенная в 1835 году, от главной салины к морю, была первым рельсовым путем на португальской территории; вагончики с парусами, подталкиваемые правильным ветром, дующим в этих странах, спускаются к морскому берегу, откуда приводятся

обратно на место грузки при помощи мулов или бечевой. Вывоз соли в 1879 году составлял 22.680 тонн.

Остров Сан-Кристоваль, называемый с конца пятнадцатого столетия Бона-Виста, не заслуживает своего имени: как и Соляной остров, он не высок; деревья на нем редки, пески, «пришедшие из Сахары», как говорят туземцы, образуют ряд дюн; нет ни речек, ни ручьев; и наконец, самые подходы, усеянные подводными камнями, опасны для судов. Впрочем, население острова никогда не было многочисленно. Первые концессионеры пустили сюда скот, среди которого ежегодно производилось избиение известного количества голов; скотоводство, хотя скот здесь мелкий и тощий, составляет и до сих пор, вместе с разработкой соляных копей, главный промысел островитян. Главный город, Сальрей, во всякой другой стране приобрел бы важное значение, так как суда находят здесь безопасное пристанище, защищенное от всех ветров полуостровом и островком. Лопес-де-Лима предлагал поместить здесь столицу архипелага; это в самом деле—наиболее центральная позиция, какую только можно выбрать. Бона-Виста из всех островов Зеленого Мыса имеет в среде своего населения сравнительно наибольшее число белых, из которых главным образом и пополняются ряды чиновников, служащих и таможенных досмотрщиков. С тех пор, как американские корабли не приходят больше на этот остров за грузами соли, население его уменьшилось, и соляные промыслы частью заброшены.

Майо, еще менее населенный, чем Бона-Виста, и поверхность которого почти везде представляет пески, глину, голые камни, служит местом ссылки; жители его, негры, занимаются скотоводством, разработкой прибрежных салин, ловлей рыбы в бухточках; они рисковали бы умереть с голода, если бы съестные припасы не привозились им с соседней земли, большого острова Сант-Яго.

Самый обширный и наиболее населенный из островов Зеленого Мыса, Сант-Яго или «св. Иакова», счастливо отличается от трех восточных островов архипелага плодородием и хорошей обработкой его долин: кукуруза, фасоль, рис, иньям, бананы, апельсины, сахар—таковы главные произведения этой благодатной земли. Поверхность острова гориста, и около средины его стоит Пико-да-Антониа—или Антонио, в память мореплавателя, открывшего остров,—полуразрушенный вулкан высотой около 1.800 метров, круто спускающийся к югу. Впрочем, как показали промеры, сделанные для укладки телеграфного кабеля, скат острова еще круче под водой, чем в выступающей из моря части; на расстоянии семи с небольшим километров от берега лот достает дно морское лишь на глубине 2.350 метров[1]. Часть лав Сант-Яго—подводного происхождения: между веществами, извергнутыми вулканами, находятся слои беловатого известняка, смешанного с черной лавой[2].

От прежней столицы острова св. Иакова и всего архипелага осталось только имя Рибейра-Гранде. Местоположение её представляло большие неудобства, хотя она стояла на берегу каменистого ложа, иногда смачиваемого дождями, от которого и получила название «Большой Реки». Выставленная полной силе полуденного зноя, никогда не освежаемая прохладными северными ветрами, которые задерживаются внутренними горами, открытая вредным испарениям окружающей низменной равнины, не имевшая хорошей, защищенной от волнения, якорной стоянки, Рибейра-Гранде была, вдобавок ко всему этому, легко доступна неприятельскому нападению: в 1712 г. французы высадились на берег, взяли крепость приступом и почти совершенно разрушили самый город. Несмотря, однако, на этот погром, Рибейра-Гранде сохранила оффициальный титул столицы и служила резиденцией губернатору до 1770 года, когда главным городом была назначена Вилла-да-Прайя, тоже нездоровая, но с тех пор ассенированная. Эта новая столица, лежащая на берегу полукруглой бухты, где иногда, именно при южном ветре, стоянка для судов не безопасна, раскинула свои низкие, пестреющие яркими красками, дома на площади из древних лав, выливавшихся из вулканов,

1 Emeato de Vasconcelhos, рукописные заметки.

2 Charles Darwin, „Volcanic lslands“.

высотой около 200 метр., которые ограничивают северный горизонт; две крутые дороги, высеченные в скале, поднимаются с берега к городу. Прайя имеет небольшой музей естественной истории, даже метеорологическую обсерваторию, и, как столица, заключает в своих стенах довольно многочисленную колонию белых, состоящую из чиновников и других лиц; но главную массу её населения составляют негры, которые частию сохранили отличительные признаки своей расы и свои первобытные нравы. Между ними еще можно встретить много бывших невольников, припоминающих годы своей молодости в родном племени. Часто возбуждался вопрос о переводе главного управления острова в какой-либо другой город; но Прайя имеет за себя преимущество совершившагося факта и выгоды, которые ей дает положение на главном острове, заключающем две пятых всего населения архипелага и доставляющем две трети его произведений; в 1885 г. в этом городе издавалось шесть газет. Прайя—станция островов Зеленого Мыса, через которую Сен-Луи и Сенегамбия соединены с телеграфной сетью Европы и Нового Света.

Движение судоходства в порте Прайя в 1880 году: прибыло 362 судна, в том числе 61 пароход, вместим. 71.685 тонн; вышло: 326 судов, в том числе 61 пароход, вместим. 68.213 тонн; всего: 688 судов, из них 122 парохода, вместим. 139.898 тонн.

В соседстве с берегами Прайи, именно около Рпбейра-Гранде, находятся главные ловли кораллов, которою занимаются итальянцы, переселившиеся из Виареджио. Итальянская колония в Прайе насчитывает в своей среде более двухсот лиц.

Остров Фого, или «Огненный», следующий за Сант-Яго в ряду «Подветренных» островов, представляет округленную форму, свойственную землям, которые, как Гран-Канариа и Гомера, состоят из одного только массива извержения: подобно этим двум Канарским островам, он имеет немного выемчатые края на западе, то-есть на той стороне, откуда приходят самые сильные бури, и в центре его, на плато из лав, стоит самая высокая вершина, вулкан Фого. Кратер этой горы, около 5 километров в окружности, вписан в другой кратер, как пик де-Тейде в полукруг Каньяд: по Видалю и Меджу, высота верхнего пика Фого 2.976 метров. Он виден с расстояния до полутораста километров в море.

Этот остров, первоначально наименованный мореплавателем Антонио-ди-Ноли островом св. Филиппа, только в 1680 году получил от испуганных жителей название «Огненнаго», Ilha do Fogo: землетрясение, затем извержения вулкана нагнали такой страх на колонистов, что многие из них убежали на Дикий Остров. Бюффон рассказывает даже, хотя это неверно, что в то время остров св. Филиппа был совершенно покинут населением[1]. Так же страшны были последующие вулканические пожары на Фого, особенно извержения 1785 и 1799 годов, когда вылились огромные потоки лавы, доходившие до самого моря, так что в тех местах даже изменилась форма побережья: один из этих потоков, называемый Рельва, залил долину, которая была покрыта великолепными плантациями; впрочем, вследствие выветривания шлаков, поверхность его, в свою очередь, постепенно покрылась слоем растительной земли, которая теперь производит лучший в архипелаге табак[2]. Остаток деятельности сохранился в вулкане до 1816 года, когда дым окончательно исчез, и молодые люди могли спуститься во внутренность кратера, для собирания серы. Но если жителям Фого не случилось более в этом столетии терпеть от землетрясений и вулканических извержений, то они чаще других островитян Зеленого Мыса страдали от засух и неурожаев. Говорят, что во время голодовки 1834 года население уменьшилось почти на две трети: цифра его, перед тем превышавшая 16.000, спустилась до 5.615 душ; однако, плодородие вулканического пепла так велико, и произведения, которые он дает, имеют такую высокую цену, что после каждого подобного бедствия пробелы, оставленные им в рядах населения, пополняются, и пострадавшие плантации заменяются новыми. После Сант-Яго и Санто-Антонио, Фого—самый многолюдный остров архипелага, и белые, по большей части потомки переселенцев с Мадеры, составляют здесь относительно многочисленную колонию. Главный город его, Сан-Филиппе,

1 „Preuves de la Theorie de la Terre“.

2 Lopes de Lima, цитированное сочинение.

лежит при открытом рейде на юго-западном берегу, напротив острова Брава.

Этот последний давно уже не заслуживает своего имени «Дикий остров». Самый здоровый по климату, наилучше возделанный, самый приятный во всем архипелаге, оп теперь, напротив, часто называется «Раем островов Зеленого Мыса», в противоположность четырем «Адам»—островам Сан-Винцент, Саль, Бона-Виста и Майо. Португальские концессионеры в первые два века оккупации совершенно пренебрегали Диким островом, и потому население его до новейшего времени состояло лишь из беглых негров, пришедших с других островов и существовавших рыбной ловлей и скотоводством. Бедствие, постигшее Фого в 1860 г., вдруг значительно увеличило число жителей его соседа; но никто из новых колонистов не присвоил себе монополию землевладения. Брава не имел сюзерена, отдающего в аренду ту или другую часть своего имения. Каждый селился здесь в качестве собственника и каждый имел свой земельный участок; благодаря этому, остров, впрочем, не очень гористый и пригодный для земледельческой культуры на всем своем протяжении, сделался садом архипелага, и большинство его обитателей живут в довольстве. Их хорошенькие домики весело блестят сквозь зелень садов.

Жители острова Брава отличаются от жителей Фого более высоким ростом, более белым цветом кожи и чертами, напоминающими черты козы, за что и получили соответственное прозвище в насмешку. Это неутомимые работники, не только по культуре почвы, но также по рыбной ловле и судоходству. Американцы, избравшие этот остров за центр своих рыболовных промыслов в архипелаге Зеленого Мыса, вербуют здесь свои экипажи, и потому между этими островитянами не мало людей бывалых, объехавших добрую часть света. Многие эмигрируют также в португальские владения континентальной Африки. Порт Дикого острова, Фурна, хорошо защищенный, но очень маленький, находится на восточном берегу, против рейда острова Фого; главный населенный пункт—городок Сан-Жуан-Батиста (св. Иоанна Крестителя), куда чиновники с других островов часто приезжают на дачный сезон или для поправления здоровья.

К северу от Брава лежат два необитаемых островка, называемые «Сухими», ilheos Seccos.

Острова Зеленого Мыса, численность их населения (1885 г.) и главные города:

	Кв. кил.	Число жит.	Главные города
Санто-Антонио (св. Антония)	720	18.351	Рибейра-Гранде (4.500 жит.)
Сан-Винсент (св. Викентия)	207	7.342	Минделло (4.200 жит.)
Сан-Николау (св. Николая)	375,5	8.815	Рибейра-Брава (4.000 жит.)
Саль (Соляной)	233	990	
Бона-Виста	593	3.096	Сальрей
Майо	206	1.837	
Сант-Яго (св. Иакова)	967	45.488	Прайя (12.000 жит.)
Фого (Огненный)	443	16.004	Сан-Филиппе
Брава (Дикий)	55	9.013	Сан-Жуан-Батиста

В административном отношении архипелаг Зеленого Мыса делится на два округа: «острова на Ветре» и «острова под Ветром», заключающие вместе 11 *concelhos* и 29 *freguezias*, т.е. «приходов» или общин. Консельо, первая совещательная единица, представлена выборным муниципалитетом, во главе которого стоит мер, или administrador, назначаемый правительством. Провинциальный совет, в состав которого входят только два члена, избираемых муниципиями, функционирует на ряду с генерал-губернатором провинции; кроме того, при последнем состоят финансовая палата и совет главного управления, образованный из заведующих отдельными отраслями администрации. Главный начальник края, назначаемый королем, соединяет в своем лице гражданскую и военную власть; в его отсутствие, должность его исправляет генеральный секретарь. Каждый консельо имеет свой суд первой инстанции; апелляционных же судов только два: один—на острове св. Антония, другой—на острове св. Иакова.

Хотя отдаленное колониальное владение, архипелаг Зеленого Мыса представлен в лиссабонских Кортесах двумя депутатами, избираемыми ограниченной подачей голосов в двух

округах провинции.

Глава II Сенегамбия

1. Общий вид страны

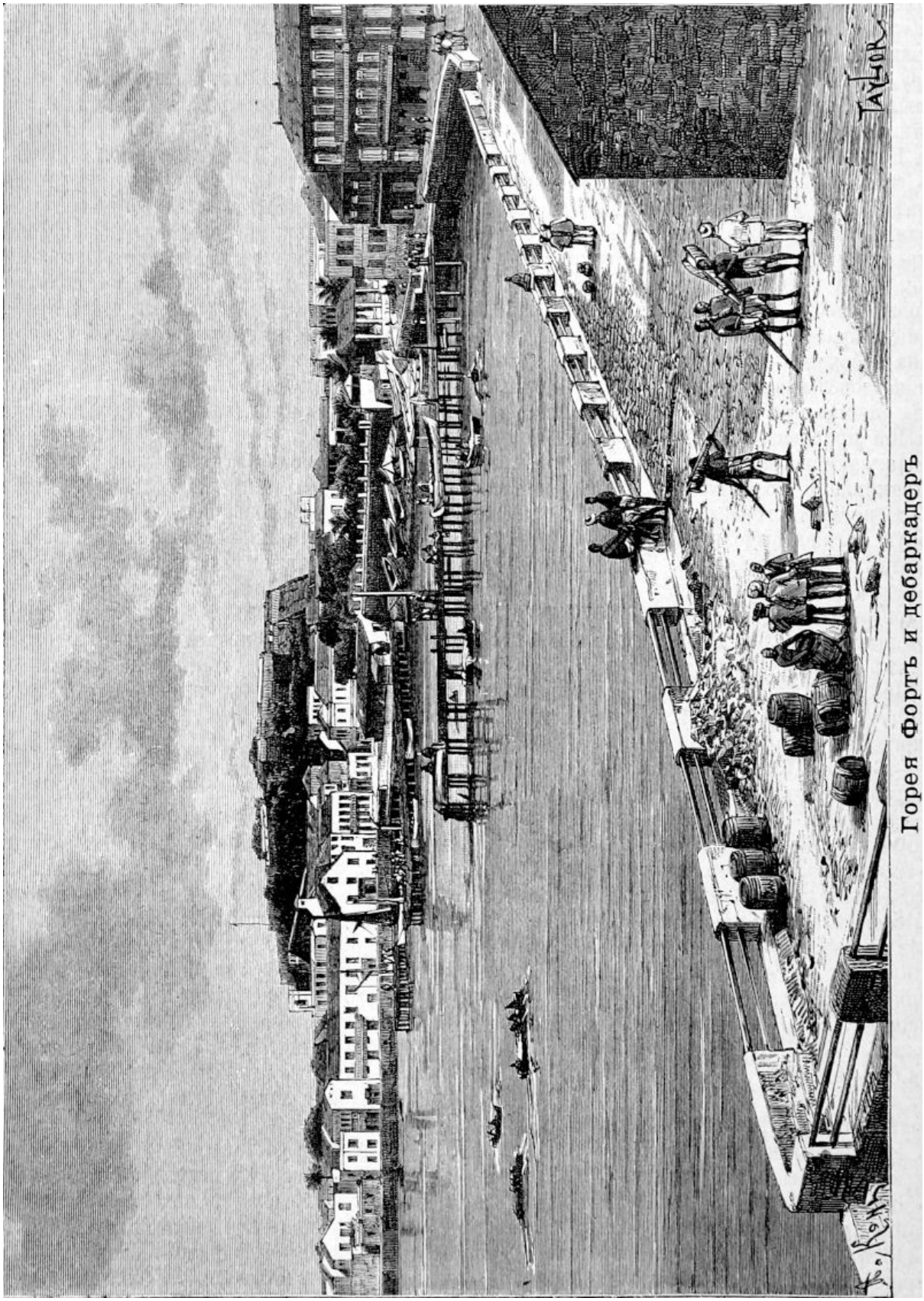
К югу от сахарской области естественные границы Судана обозначены не точной линией, но поясом небольшой ширины, окаймляющим северный берег Сенегала, затем берег Джолибы или Нигера до Томбукту: здесь совершается переход от климата засух к климату дождей, и этим контрастам соответствуют различия в виде местности, во флоре и фауне, в происхождении, правах и учреждениях жителей. Таким образом, на севере, Сенегамбия ясно отграничена долиной Сенегала и окраиной плоских возвышенностей, отмечающих геологическую границу Сахары. Линия реки, хотя проникающая всего только на тысячу километров внутрь страны, есть одна из характеристических черт черного континента: здесь начинается настоящая Африка, отделенная пустыней от той средиземной Африки, которую можно назвать промежуточной областью между двумя частями света, северной и южной. Сенегал составляет раздельный пояс между народами: на правом берегу его останавливаются берберы и арабы, на левом—негритянские населения. Вообще можно сказать, что эта река обозначает исходный пункт поперечной линии, проходящей между страной смуглых и страной черных людей.

На востоке и юге Сенегамбия не имеет точных границ: с этих сторон перемены совершаются нечувствительно, и географические черты недовольно ярко обрисовываются. Рельеф водораздела между притоками Сенегала и Нигера дотого незначителен, что, переходя от одной реки к другой, не замечаешь перемены в виде местности. С другой стороны, ряды и группы высот, появляющихся в южной Сенегамбии, продолжаются на юго-восток до Либерии и берега Слоновой кости, параллельно океанскому прибрежью. Однако, пространство овальной формы, заключающееся между морем, Сенегалом, верхней Джолибой, Рокель и порогом, разделяющим истоки двух последних рек, представляет некоторое географическое единство, благодаря горному массиву Фута-Джаллон, который занимает его центр, и откуда воды текут по расходящимся долинам, к рекам окружности. Эта область, которой можно дать, в самом обширном его значении, имя Сенегамбии, включая сюда сахарскую покатость Сенегала и даже некоторые бассейны без истечения, имеющие скат к югу, занимает площадь, исчисляемую приблизительно в 700.000 кв. километров. Что касается народонаселения этой страны, то мы не имеем еще достаточно надежных данных, чтобы определить его цифру с некоторым правдоподобием. Сделанные до сих пор приблизительные исчисления сильно расходятся между собою. Миссионер Баррос полагает, что цифра четырнадцать миллионов очень близко подходит к истине[1]. В этом случае населенность составляла бы около двадцати жителей на один квадр. километр,—пропорция ничтожная для плодородной и обильно орошаемой территории, где рождаемость весьма значительна и где население возрастает чрезвычайно быстро, когда страна избавлена от бедствий войны. Однако, если не довольствоваться гуртовыми оценками и к специальной статистике европейских владений прибавить более или менее точные данные, заимствованные из рассказов путешественников, то окажется, что народонаселение Сенегамбии гораздо меньше той цифры, которую можно было предполагать при виде некоторых многолюдных селений морского побережья.

Народонаселение Сенегамбии, по оффициальным статистикам и приблизительным исчислениям путешественников:

1 „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa“, 1882.

Французский Сенегал, на с. от Гамбии, в 1879 г.—190.160 жителей. Трарца, Бракна, Дуаиш, по Федербу—185.000 ж. Другие мавры—40.000 ж. Каарта, Гидимаха—300.000 ж. Французский Судан, выше Медины, по Байолю—40.000 ж. Фута-Джаллон, по Нуаро—

Горея Фортъ и дебаркадеръ

600.000 ж. Фута и Гойя, по Жакмару—184.420 ж. Джалоф, Ферло, Бонду—250.000 ж. Хассо, Бамбук, Джаллон-Дугу—280.000 ж. Английские владения на Гамбии—14.500 ж. Независимые государства в бассейне Гамбии—200.000 ж. Бассейн Казаманки (2.300, по пере-

писи 1879 г.)—60.000 ж. Португальская Гвинея—150.000 ж. Южные реки (467, по переписи 1879 г.)—100.000 жит. Всего—2.594.080 жителей.

Более пяти столетий протекло с тех пор, как европейцы по наслышке и по собственному наблюдению познакомились с Сенегамбией. Не говоря уже о перипле Ганнона, ни о плавании майорканца Яго Феррера, ходившего в 1346 году на поиски «Золотой реки»[1], ни о путешествиях, совершенных диепскими мореплавателями[2] в 1364 г. и позднее, достоверно известно, что венецианцы, благодаря своим дружественным отношениям с Тунисом и его караванами, знали уже в пятнадцатом столетии имя Томбукту и других городов Судана: на одной каталанской карте 1375 года показаны населенные страны, простирающиеся на юг от пустыни. Особенно два имени приобрели громкую известность. Гиния (Ginya, Gineua, Ghenni, Ginea, Guinoye), город, богатый золотом, который большинство географов отождествляли с Дженне, и «Золотая река», как называли Сенегал. Достигнуть «Гвинеи», открыть «Золотую реку»—составляло предмет честолюбия тогдашних мореходов. Бетанкур, завоеватель восточных Канарских островов, «разсчитывал открыть дорогу к «Золотой реке» в полутораста французских лье от мыса Бугедер». Но окончательное исследование этих таинственных стран началось только полвека спустя.

В 1434 году португалец Жиль-Эаннес перешел, наконец, опасные подводные камни мыса Бохадор, а в 1443 году Нуно-Тристану обогнул мыс Бланко и прошел вдоль берега на 25 лье южнее этого мыса. Он привез оттуда нескольких несчастных рыбаков, захваченных на островах Аргуин, и одного вида этих невольников достаточно было, чтобы возбудить сильное рвение к географическим исследованиям у догадливых купцов, которые упрекали инфанта дон-Генриха за огромные суммы, потраченные на бесполезные путешествия вдоль пустынного берега. Целая флотилия отправилась из португальского города Лагоса, в 1444 г., на Аргуинский архипелаг, и операции её увенчались полным успехом, к великой выгоде судовладельцев: «Господу Богу, Мздовоздателю добрых дел, угодно было вознаградить мореходов за многие напасти, испытанные в служении Ему, даровав им, наконец, немного торжества, славы за их труды и возместив понесенные ими расходы, ибо они овладели добычей в сто шестьдесят пять голов, мужчин, женщин и детей[3]». Но в следующем году португальские негроторговцы были менее счастливы. Гонсало-де-Синтра, попав с судном на мель, был внезапно атакован туземцами и убит, вместе со своими спутниками.

Год 1145-й составляет одну из славных дат века географических открытий. Один мореплаватель, имя которого различно передается современными писателями, Диниз Диас или Диниз Фернандец, миновав песчаные или каменистые берега Сахары, перешел за первую группу пальм, растущих на берегу, к югу от пустыни; затем, пройдя в открытом море мимо бара Сенегала, обогнул мыс, составляющий крайний выступ африканского материка с западной стороны: это мыс Зеленый, на котором действительно есть кое-какая зелень и за которым начинается тропическая область больших ветвистых деревьев, обвитых лианами. Так была опровергнута ложная аристотелевская теория, сильно обескураживавшая предыдущих мореплавателей, по которой предполагалась, что на юге мира, под знойными лучами солнца, сжигающими почву, невозможно никакое прозябание растений, никакое развитие жизни, что там не существует ни людей, ни животных. С этого времени было доказано сходство климатов в обоих полушариях[4].

Одна из двадцати шести каравелл, отплывших в 1445 г. из Португалии к берегам Африки, открыла устье Санаги, Золотой реки, которую в то же время принимали за рукав египетского Нила. В следующем году Нуно Тристану, тот самый, который, перед тем первый обогнул мыс Бланко, проник на юге от острова, называемого ныне его именем, в речку, где был

1 D'Avezac;—Codine;—Granier, etc.

2 „Nouvelles Annales des Voyages", mai 1846.

3 Azurara, „Chronica de Guine".

4 Oscar Peschel, „Geschichte des Zeitlaters der Entdeckungen".

внезапно окружен туземцами и нашел смерть почти со всеми своими спутниками: это, по всей вероятности, была та река, которая впоследствии получила название Рио-Нуно или Рио-Нуньец. Альваро Фернандес подвинулся в том же году до местности, лежащей в соседстве Сиерра-Леоне, которая была перейдена только пятнадцать лет спустя. В три года все сенегамбийское побережье было обследовано и большинство речных устьев осмотрено, но, благодаря практиковавшейся охоте на человека, экспедиции внутрь страны были сопряжены с большой опасностью. Однако, с течением времени, на некоторых пунктах установились правильные торговые сношения: в благоприятных местах были учреждены конторы, построены фермы: с начала пятнадцатого столетия португальцы подвинулись на север Сенегала до Адрара и завязали торговые сношения с жителями Уадана, находящагося в шестистах километрах к востоку от их Аргуинской колонии.

С семнадцатого столетия голландцы, англичане, французы оспаривают у первых завоевателей обладание сенегамбийским побережьем, и негоцианты этих различных наций мало-по-малу проникают внутрь материка. Но географическое исследование в собственном смысле началось только с Андре Брю, директора «французской компании на Сенегале», в конце семнадцатого и в начале восемнадцатого столетия. Он проник в область верхнего Сенегала выше впадения притока Фалеме и, кроме того, послал нескольких исследователей в местности, прилегающие к этой реке: монах Аполлинарий посетил страну золота в Бамбуке, а другой исследователь, Компаньон, обошел ее во всех направлениях: карта, составленная последним по пройденным им путям и приложенная к сочинению Лабата, содержит некоторые подробности, которые еще не были проверены путешественниками настоящего столетия и не встречаются на их картах[1]. Рюбо, в 1786 году, обследовал слабо насесенные местности, отделяющие Гамбию от северной дуги Сенегала; в то же время другие путешественники посетили область Гамбии; затем Мунго-Парк, по поручению лондонской African Association, этой родоначальницы современных географических обществ, совершил, в 1795 году, свою первую экспедицию в те края, которая привела его от поморья к берегам Нигера, откуда он вернулся на Гамбию с купеческим караваном. В 1818 году, Моллиен первый проник в центральный массив всей этой области, в горы Фута-Джалон, воды которых спускаются на восток к Нигеру, на север к Сенегалу, на запад и на юг к Гамбии, Рио-Гранде, Скарси и Рокель. Со времени этого памятного путешествия страна была пройдена во всех направлениях: особенно французы, натуралисты, моряки или солдаты, покрыли ее целой сетью своих маршрутов. В то время, как моряки, Брауэзек и другие, изучили лиманы прибрежья, офицеры или чиновники, из французов или туземцев, как Пане, Алиун-Саль, Буэль-Мохдад, Венсан, Солелье, объехали степи на севере от Сенегала и связали с сахарскими оазисами и даже с Марокко сеть линий исследования, начертанных пройденными путями в Сенегамбии; Маж и Кентен проникли на восток в бассейн Нигера и поднялись далеко по направлению к Томбукту. Затем, в 1880 году, экспедиция Галлиени была исходным пунктом обширной системы географических изучений, сопровождавших дело завоевания в области между Сенегалом и Нигером. Во всей полосе, соединяющей Сен-Луи с Бамаку, на Нигере, за предварительным осмотром следовали точные работы по нивеллировке местности: некоторые части Сенегала представлены на новейших картах с такими же деталями, как страны Европы. И здесь, также как в Алжирии, в Египте, на Мысе Доброй Надежды и на всех пунктах африканского поморья, где европейские поселенцы образовали деятельные общины, наука продолжает медленно, но верно, свое дело завоевания.

Массив гор Фута-Джаллон делает из Сенегамбии географическое целое, собирая дожди, образующие Сенегал, Гамбию, Казаманку, Гебу, Рио-Гранде, Нуньец, Понго, Скарси и примешивая к водам этих рек плодородные наносы. Он составляет, следовательно, одну из главных черт в образовании западной Африки, и нет ничего удивительного, что первые путешественники преувеличили его размеры. Ламбер, посетивший эти горы в 1860 г., определил в 3.000 метров высоту Сун-ду-мали (Судумали), одной из самых высоких вершин, поднимаю-

1 „Nouvelle relation de l'Afrique occidentale".

щихся около середины цепи, основываясь на словах одного из своих спутников, туземцев племени фула, рассказывавшего, будто высокие вершины Фута-Джаллона бывают покрыты снегом в сезон дождей; он думал даже, что выдающиеся точки массива достигают 4.000 метров, то есть приписывал им высоту, почти равную высоте пирамид эфиопской горы Симен, находящейся на другой стороне континента[1].

Однако Ламбер не делал точных измерений, а известно, как легко ошибиться в гористой стране, особенно там, где отсутствие тропинок удвоивает утомительность восхождения. Лет десять перед тем, Геккар, которому указывали на гору Миминиа, километрах в пятидесяти к западу от плато Лабе, как на самую высокую вершину массива, и который тоже слышал рассказы о «белых дождях», будто бы покрывающих верхние скаты, взошел на этот пик в пять часов времени, но не нашел на его макушке, где растет несколько чахлых деревьев, никаких следов снега[2]. Если бы горы Фута-Джаллон имели высоту, хоть немного приближающуюся к цифре, указанной Ламбером, то вершины их были бы приметны с нижней Фалеме и с средней Гамбии, а между тем они не видны еще с расстояния 150 километров. При том же более новые путешественники, Байоль, Нуаро, Оливье, Габорио, Ансальди, ничего не говорят о таких больших высотах. Самый высокий перевал, перейденный Оливье, недалеко от истоков Какримы, лежит на высоте 1.027 метров. Байоль и Нуаро достигли высоты 1.400 метров, у деревни Богама, расположенной в центральном массиве гор, недалеко от Судумали. Над гребнем, где сгруппировались хижины этой деревушки, высятся еще другие горы, изрезанные в форме башен и обелисков и приютившие поселки на каждом выступе своих склонов. Вероятная их высота около 2.000 метров, по оценке португальского купца Симоэнса[3], или даже меньше, по мнению французских исследователей; что касается средней высоты, то она, кажется, не превышает 1.200 метров.

По описаниям путешественников, ряд высот, начинающийся у берегов Сенегала в Бонду, принимает характер горной цепи только около большого поворота Гамбии. В целом эта высокая гористая область тянется по направлению с севера на юг, с легким изгибом к востоку. Длина её около 300 километров; но за истоками сенегальского Бафинга, где высота порогов, повидимому, не превышает 800 метров, эта цепь продолжается на юго-восток другими, еще не исследованными, горами, которые, в свою очередь, примыкают к горам, высотой от 1.000 до 1.350 метров, господствующим над истоками Нигера. В пределах Сенегамбии рассматриваемая горная цепь крутым склоном обращена к рекам Гамбии и Фалеме, т.е. на восток, тогда как пологий скат её спускается на запад, вытягивая свои предгорья и террасы к морскому побережью. Большая часть массива состоит из довольно ровных плато, или *баоваль*, высоких равнин, усеянных большими камнями и оканчивающихся крутыми откосами. Эти плоские возвышенности опираются на внешние уступы, спускающиеся, в виде лестницы, к береговым равнинам и разделенные на неравные отрывки реками, которые вырыли себе там глубокие и узкие проходы; последняя терраса, идущая параллельно побережью, возвышается в среднем на 300 метров над низменными равнинами.

Фута-Джаллон, центральный массив всей сенегамбийской области, представляет ядро из кристаллических пород, окруженное более новыми формациями. Большинство путешественников, проходивших через него, говорят, что он состоит из гранита, гнейса, «первичных песчаников». На север этот кристаллический и сланцевый массив продолжается высотами, разрезанными действием дождевой воды на отдельные массивы; на северо-восток и на восток от него тянутся другие горы с параллельными гребнями: Тамбура, в Бамбуке, вздымающая свои голые, почти неприступные стены над зеленеющими равнинами, и высоты Кениеба, имеющие форму усеченных конусов. Второстепенные цепи изрезаны долинами, пески и глина которых содержат золотые блестки, оторванные от первичных пород: в этих-то сланцевых формациях с золотоносными наносами верхние притоки Сенегала и вырыли свои

1 „Tour du Monde“, 1861, 1-er Semestre.

2 „Voyage sur la cote et dans l’interieur de l’Afrique occidentale“.

3 Doelter, „Ueber die Capverden nach dem Riogrande und Futah-Djallon“.

сходящиеся долины. Между Бафингом и Бахоем, двумя главными ветвями Сенегала, скалы, образующие хребты, параллельные Нигеру и обращенные к этой реке крутым склоном, состоят из песчаников, залегающих горизонтальными пластами, над которыми там и сям высятся, в виде гранитных цитаделей, каменные глыбы роговой обманки, кварца и полевого шпата[1]. Даже на севере от Сенегала, до песков Сахары, ряды холмов и террасы состоят из формаций той же эпохи. В Каарте сахарские утесы, откуда вытекают временные притоки Сенегала, имеют среднюю высоту от 300 до 320 метров, и холмы этой страны состоят из пластов синеватого шифера, прикрытых слоями латерита. На западе высоты расположены более правильно: они образуют массивы, которые тянутся в виде ряда цепей, орьентированных по большей части с северо-востока на юго-запад. Рельеф страны имеет такой вид, как будто почва была вспахана гигантским плугом, оставившим между бороздами параллельные гряды, крутой скат которых обращен к востоку, а пологий к западу. Западный хребет, Халип-Анагим, поднимается на 400 метров: это северо-западная стена сенегальского бассейна[2].

К западу от гнейсов и сланцев, составляющих остов Сенегамбии, простираются пласты железистого песчаника или латерита, охристой массы, образовавшейся из разложения более древних горных пород: весь пояс сенегальского прибрежья занят этими формациями, повсюду, где реки и морские приливы не отложили своих наносов. Растительность разнообразно видоизменяет эти пласты, в которых там и сям встречаются узловатости, указывающие, повидимому, на медленное геологическое действие со стороны корней и корешков. Чем дальше на запад, тем большую пропорцию железа содержат эти охристые песчаники: во многих местах можно подумать, что почва покрыта железными обломками, как вокруг железоделательного завода.

Сенегамбийское побережье представляет две части, различающиеся геологической историей и внешним видом. Оно делится на три пояса, ясно разграниченные: от мыса Белого до мыса Зеленого, от мыса Зеленого до мыса Красного (Рохо) и от мыса Красного до острова Шербро. Если рассматривать в целом кривую, развертывающуюся от мыса Белого до мыса Зеленого, на протяжении около 850 километров, то легко заметить, что вся эта часть африканского побережья, как на севере, так и на юге от Сенегала, отличается единством геологической формы и строения. Между двумя названными мысами, почти на равное расстояние выдвинутыми к западу, берег, окаймленный высокими дюнами, изгибается по правильной линии; только на севере побережье, разрушенное размывающим действием вод, заменила песчаная мель, по которой набегают длинные волны морского прибоя, а на юге наносы Сенегала, отлагавшиеся вне нормальной кривизны берегов, образовали выпуклый сегмент, длиной в 200 километров, при средней ширине около двадцати километров. Внутри материка, к востоку от кордона дюн, окаймляющего побережье, мы находим с той и с другой стороны сходные формации: на севере от сенегальского аллювия, по направлению к пустыне, также как и на юге, по направлению к Гамбии, почва состоит из железистых слоев латерита. Кроме того, оба мыса, Белый и Зеленый, представляют маленькие массивы, повидимому, образовавшиеся в одну и ту же эпоху[3]: это как бы пилоны, правильно расположенные по бокам морского берега собственного Сенегала.

Часть побережья, заключающаяся между мысами Зеленым и Красным, короче сенегальского берега: расстояние от одного мыса до другого 275 километров, по прямой линии: но в целом эта береговая полоса представляет кривую, обращенную вогнутостью к востоку. Первоначальное очертание, обнаруживаемое песчаными стрелками и подводными барами перед заливообразными устьями, отличается замечательной правильностью; впрочем, побережье глубоко изрезано морскими воронками, куда изливаются реки, и пласты железистого песчаника на обширных пространствах покрыты слоем аллювиальных отложений. Что касается береговой полосы между мысом Красным и островом Шербро, то она совершенно утратила

1 Alexis Demafley, „Afrique exploree et civilisee“, 1883.

2 Bourrol, „Revue Maritime et Coloniale“, 1861;—Lenz, „Timbuktu“.

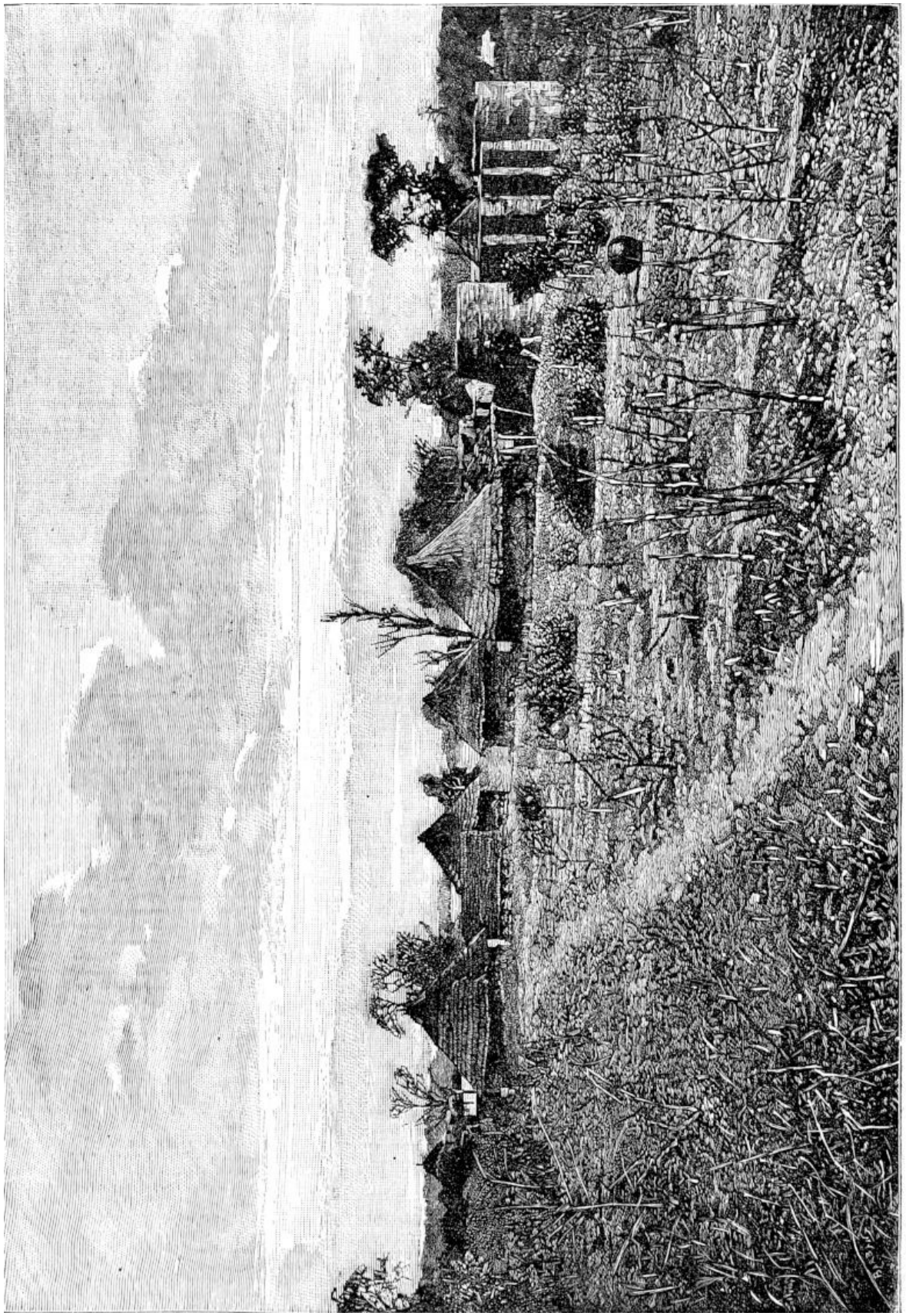
3 Lenz, „Petermann's Mittheilungen”, 1882, Heft I

правильную форму; полоса эта изрезана морскими волнами на бесчисленное множество бухт и бухточек разной величины, и в соседстве берегов море усеяно островами и подводными камнями: только при помощи линии промеров в открытом море против побережья можно определить край пьедестала, на котором покоится континент, и который, вероятно, некогда был берегом твердой земли; подводный обрыв, обозначающий край пьедестала, и у подножия которого находят глубины в 1.000 и 2.000 метров, очерчен так же правильно на западе от архипелага Биссагос, как и на широте Сахары. При том же вдоль берегов южной Сенегамбии полосы земли, наносы и латериты, не отличаются от формаций, из которых состоит побережье на севере от мыса Красного.

Как объяснить происхождение этих странных вырезок на окраине материка, и где искать причину разрушения первоначальной почвы, превращенной в архипелаги и песчаные мели? Изучение этой страны, называемой «Реками Юга», показывает, что изрезанная часть сенегамбийских берегов в точности соответствует по широте хребту гор Фута-Джаллон: линия наибольшего падения между высотами этой цепи и иссечениями побережья обозначена речными долинами и их продолжениями—морскими лиманами. При внимательном рассмотрении карты нельзя не заметить, несмотря на недостаточную полноту её, существования причинной связи между этими двумя параллельными географическими чертами—горами и иссечениями морского берега. Реки, спускающиеся с массива Фута-Джаллон, вырыли долины и способствовали в известной мере образованию лиманов или заливообразных устьев; но не следует ли допустить, что в этой работе иссечения берегов участвовал, кроме рек, еще другой геологический деятель, именно—ледники? Правда, нынешний климат этих стран совсем не похож на тот, при котором могло бы происходить излияние рек в равнине Сенегамбии, но ведь африканский берег находится в этом отношении в таких же точно условиях, как побережье Бразилии и Новой Гранады, где, однако, Агассицом и другими исследователями были констатированы следы ледяного периода. Чем другим, как не движением древних ледников, можно объяснить происхождение эрратических камней гранита, находимых в песчаниковых равнинах Сиерра-Леоне? Этим ледяным потокам, по всей вероятности, и должна быть приписана работа разрушения, отодвинувшая сенегальский берег на сотню километров внутрь материка.

Занимая около 12 градусов по широте и заключая в своих пределах горные цепи, главные вершины которых достигают 1.800 метров высоты, территория Сенегамбии естественно должна представлять много разнообразия в флоре и фауне, принадлежащих при том же к двум различным областям—области степей, сопредельных Сахаре, и области больших лесов Нигриции. Точно также и с этнографической точки зрения Сенегамбия являет большие контрасты. Население её не имеет ни политического единства, ни социальной связи. Оно принадлежит к различным расам и распадается на множество государств и союзов, королевств, республик, централизованных или федеративных, религиозных общин, бродячих племен, групп семейств, рассеевающихся или перемешивающихся одна с другой. Центральную часть страны, массив Фута-Джаллон, занимают главным образом фулы, люди бронзового цвета, которых отличают от негров в собственном смысле; вокруг них, на морском побережье и на верхних притоках Сенегала и Гамбии, живут негритянские племена, тогда как берберские народцы, более или менее смешанные, кочуют в местностях, лежащих к северу от Сенегала. Появление европейских купцов создало новые центры притяжения для этих разнородных населений и повлекло за собой перемены в их группировке и союзах; затем правительства западной Европы в интересах своих подданных, завязавших торговые сношения в тех краях, приобрели силой или путем купли территории, прилегающие к меновым рынкам. Так, Португалия, первая по времени своих завоеваний, владеет архипелагом Биссагос и частью соседнего побережья, составляющей остаток прежних обширных владений, простиравшихся неопределенно в глубь Судана. Англия основала свои фактории и конторы при устьи Гамбии и во многих местах по течению этой реки. Франция забрала гораздо более обширную территорию. Вся часть морского побережья, простирающаяся от мыса Бланко до реки Салум, т.е. береговая линия длиной в 750 километров, и перерезанная реками полоса,

заключающаяся между Рио-Нуньец и Меллакоре, т.е. пространство около 250 километров, принадлежат к французской Сенегамбии; между этими двумя большими береговыми областями бассейн Казаманки образует анклаву, тоже причисляемую к владениям Франции.

Деревня Бафулабэ.

Внутри континента владения этой державы, обозначенные, точно вехами, рядом фортов, простираются по прямой линии на тысячу слишком километров от Зеленого Мыса; они продолжаются на восток за истоки Сенегала, переходят через водораздельные пороги к Нигеру

и даже достигают этой реки, которая служит условной границей на значительной части её течения. Наконец, в силу трактата, недавно заключенного с португальским правительством, массив Фута-Джаллон, если не присоединен к французской колониальной территории, то, по крайней мере, наперед намечен как земля, долженствующая состоять под «протекторатом». Подобным же образом верхний бассейн Джолибы, по конвенции с Великобританией, предоставлен Франции, как территория будущего расширения её сюзеренной власти.

Но все это только внешния политические перемены, и хотя многие писатели говорят еще о мнимой неподвижности чернокожих, будто бы неспособных к ученью, к усвоению новых родов промышленности и восприятию идей, отличных от понятий их предков, однако, не подлежит сомнению, что в массе этих народов совершаются большие перевороты, глубоко изменяющие их социальное состояние. Постепенное движение завоевательных рас от востока к западу продолжаются с неослабевающей силой. Мандинги распространились в пределы области населений поморья, фулы подвинулись еще далее, и их авангардные квартирмейстеры прибыли уже на устья рек. Мусульманская пропаганда сопровождает этнические перемещения и даже предшествует им; многие черные народцы, у которых фулы представлены лишь несколькими торговцами, уже причисляют себя к последователям ислама, который, впрочем, у большинства новообращенных принимает мистический характер, более смутный, менее догматический и менее суровый, чем у арабов. Нравы, промыслы, образ жизни видоизменяются вместе с передвижениями, смешением рас, основанием новых государств, религиозными обращениями. И в то время как эти далеко и глубоко захватывающие перемены совершаются внутри страны, иностранные негоцианты, поселяющиеся в пунктах морского прибрежья, уравновешивая на западе напор с востока, со стороны мандингов и фулов, оказывают своими торговыми сношениями все более и более усиливающееся воздействие на туземные населения. Предмет местной торговли теперь уже другой: они более не покупают человеческий товар, как это делали их предшественники впродолженип почти четырех столетий. Теперь они спрашивают продукты сбора и земледелия: вместо того, чтобы ловить негра, как было прежде, они покупают у него произведения его промышленности. Войны, возбужденные работорговцами, постепенно угасли.

Несомненно, достигнут уже большой прогресс; уничтожение торга неграми составляет событие громадной важности, способствующее обновлению Африки: белые и черные не смотрят уже друг на друга как на людоедов; но ответственность за совершенные ужасы не изглажена. Если европейские торговцы теперь уже не покупают людей непосредственно, они тем не менее продолжают трудиться над деморализацией бывших невольников. Они упрекали их в жестокости, а между тем сами же вынуждали их вести войну; они обвиняют их в пьянстве, лености, развращенности. и сами же продают им фальсифицированную водку. Действительную цену совершенного дела надо измерять не годовой цифрой барышей, получаемых купцами. Новые отношения между расами должны произвести нечто другое. Принимая к себе иностранцев, туземец, делящийся с ними родной почвой, имеет полное право требовать от них в обмен, чтобы они содействовали увеличению его благосостояния, нравственности и свободы.

II. Бассейн Сенегала и Фута-Джаллон

Поверхность областей, где, или по непосредственному владению, или в силу военного превосходства, власть принадлежит Франции, может быть определена приблизительно в полмиллиона квадратных километров, что почти равняется пространству самой Франции. Вот почему название «Сенегал», которым до недавнего времени обыкновенно обозначали французскую Сенегамбию, заменено теперь более понятным именем «французского Судана». Наименование «Сенегал» оставлено за той территорией, которая окаймляет реку того же имени в судоходной части её течения, от Сен-Луи до Медины; тем не менее эта река придает всей стране её географическое единство: это она обращает ее в обособленное целое разветв-

лением своих притоков и расходящихся рукавов (marigots).

Эта река, по имени которой, в соединении с именем Гамбии, называется вся обширная страна, заключающая в центральной своей части массив Фута-Джаллон, есть первый постоянный поток, достигающий моря на юге от сахарских пространств. От устья Сенегала до Умэр-Рбиа, последней мароккской реки, не совсем пересыхающей летом, считается приблизительно 2.200 километров по прямой линии и около 3.000 километров по извилистой линии морского побережья. Своим течением и сетью своих притоков Сенегал обозначает северный предел пояса годовых и обильных дождей: русло его составляет продолжение извилистой линии текучих вод, образуемой на востоке Нигером, притоками озера Цадо и главными притоками Нила, Бахр-эль-Арабом и Бахр-эль-Азраком. Быть-может, под влиянием смутного понятия об этом географическом факте—существовании больших рек во всей ширине пояса, лежащего к югу от великой пустыни,—о Ниле во все времена, до прошлого столетия, говорили как о реке с многочисленными рукавами, протекающими через всю Африку. В глазах упомянутого выше исследователя Кадамосто, «ручей Сенега»—это в одно и то же время Гихон, «река Земного рая», Нигер и Нил.

По размерам своего бассейна, Сенегал (Джаллибалил древних иолофов, Ведамель и «Золотая река» португланов)—одна из второстепенных рек африканского континента; он следует за Конго, Нилом, Джолибой и Замбезе; приблизительные оценки географов ставят его даже ниже рек Лимпопо, Оранжевой и Джубы. Впрочем, различи ые авторы сильно расходятся в своих исчислениях; так, фон-Кледен определяет площадь бассейна Сенегала в 258.795, а Шаван в 440.500 квадр. километров. Это разногласие происходит от того, что речной водоскат со стороны Сахары еще не вполне обследован, и в то время, как одни считают эту область, где текут временные уади, принадлежащей к сенегальскому бассейну, другие причисляют ее к поясу стран без истечения. Принимая с этой стороны контуры бассейна, как они начерчены на картах новейших исследователей, находим для всей покатости площадь около 360.000 квадр. километров: это почти равно двум третям поверхности Франции. Длина течения Сенегала, от потока Бафинга до бара в Сен-Луи, около 1.700 километров. По прямой же линии расстояние до ближайшей морской бухты всего только 275 километров.

В обширной сети рек и речек, образующих Сенегал, главной ветвью, если не по обилию вод, то по крайней мере по своему направлению, совпадающему с осью долины, является ручей, который берет начало в бугристой местности, представляющей, однако, между холмами легко переходимые пороги. Ручей этот туземцы называют Бауле; впрочем, имя его меняется по территориям, которые он орошает, и по населениям, которые живут на его берегах: обращаясь с вопросом об имени ручья к племенам фула, бамбара или малинке, путешественник каждый раз услышит новое слово[1]; вообще европейским картографам не скоро еще удастся отождествить все наименования на разных языках, перепутывающиеся в географической номенклатуре этой страны. Ниже истоков, где он вполне известен, Бауле орошает часть территории Беле-дугу, еще мало исследованную; затем, повернув на запад, служит границей между французскими владениями и землей Каарта. В этой части своего течения река получает лишь немногие и незначительные притоки с северной покатости, ограниченной сахарскими террасами; более обильные притоки приходят к ней с юга. Важнейший из них—Бахой, который дает свое имя главному потоку ниже слияния, и который, соединяясь с Бафингом, образует собственно Сенегал. На языке племени малинке слияние Бахоя, или «Белой реки», и Бафинга, или «Черной реки», называется Бафулабе, что значит «Две реки». Имя Майо-Рейо, даваемое ему фулами и тукулерами, имеет то же значение[2].

Подобно бассейнам Миссисипи, Дуная и многих других больших рек, бассейн Сенегала тоже имеет реку горного происхождения, которая, по направлению течения и геологическому образованию бассейна, должна быть рассматриваема как простой приток, но которую следовало бы считать главной рекой по объему жидкой массы, вносимой ею в общее русло.

1 Gallieni, „Bulletin de la Societe de Geopraphie de Paris“, 1882-1883.

2 H. Hecquard, „Voyage sur la cote et dans l’interieur de l’Afrique occidentale“.

Бафинг, приток, спускающийся с гор, берет начало, на высоте слишком 750 метров, в южной части массива Фута-Джаллон, к югу от истоков Фалеме, Гамбии, Рио-Гранде. Сначала он течет на юг, затем описывает большую дугу, направляющуюся на восток, северо-восток и север, образуя полу-эллипс с нижним течением Сенегала. Так как Бафинг имеет очень сильное падение, более 600 метров, между его истоком и слиянием с Бахоем, и так как, с другой стороны, он питается дождевыми водами только впродолжении трех месяцев в году, то можно бы ожидать, что он совершенно пересыхает в сухое время года; но естественные запруды ложа разделили его на ряд озер, где вода остается почти без истечения между периодами разлива. Зимой поток переходит через последовательные ряды скал, затем, в период бездождия, пороги снова выступают наружу, и тогда река состоит из ряда расположенных один над другим резервуаров, которые соединяются лишь струйками, скользящими по камням порогов, и защищены от испарения ветвистыми деревьями, образующими свод листвы над их водами[1].

При слиянии Бахоя и Бафинга Сенегал находятся еще на высоте 143 метров над уровнем океана. Русло его, заключенное между крутых берегов, высотой в 30 и 36 метров, еще не вырыто до нормальной глубины и во многих местах образует пороги и каскады. Один из этих водопадов, называемый Гуина, представляет льющуюся поверхность высотой от 16 до 17 метров, смотря по времени года, при средней ширине около 500 метров; последний водопад, Фелу, имеет такую же высоту, но воды в этом месте сильно стеснены порогами. Река, разлившаяся в виде озера выше каменной преграды, могла открыть себе в этой запруде лишь узкие выходы; по середине порога высятся две остроконечные скалы в форме обелисков,— бесстрастные черные колоссы среди вихря вод. Ниже этого водопада, река, усеянная скалами, которые кое-где увенчаны группами деревьев, находится на высоте 67 метров над уровнем моря, удаленного еще на тысячу километров: среднее падение, следовательно, весьма незначительно, и суда, даже глубоко сидящие, могут подниматься, в период высоких вод, почти до самого водопада, до стремнин, над которыми господствуют величественные утесы Кипп, высящиеся один против другого на берегах Сенегала.

В небольшом расстоянии ниже водопадов, река принимает в себя главный северный приток, Куниакари или Тараколе, длина которого от истока до устья по меньшей мере 200 километров. Так как в этой части своего течения Сенегал образует границу между двумя географическими областями, пустыней и областью лесов, то вообще можно сказать, что и здесь притоки реки приходят с юга. В самом деле, что значит небольшой поток Куниакари, сахарского происхождения, в сравнении с рекой Фалеме, которая соединяется с Сенегалом ниже и приносит ему воды, собранные в горах Фута-Джаллон? Этот приток, берущий начало в соседстве Бафинга и Гамбии, всегда катит хоть немного воды в сухое время года: перерезанный естественными запрудами, как и главные ветви Сенегала, он также делится на несколько последовательных озерных резервуаров, которые регулируют сток воды и тем устраняют возможность пересыхания реки. В зимнюю пору Фалеме имеет не менее 300 метров в ширину, при 8 метрах глубины, в том месте, где она соединяется с главной рекой, так что мелкие суда могли бы подниматься на сотни километров вверх по этому притоку. Но верхняя область его, отличающаяся нездоровым климатом и часто опустошаемая войнами, осталась неисследованной на обширных пространствах: это наименее известная часть французского Судана. Путешественники, которые, впрочем, проходили только область истоков в цепи Фута-Джаллон, разно говорят о направлении потоков. В то время, как первые исследователи считают реку Тене, вытекающую на север от Бафинга, главной ветвью Фалеме[2], новейшие путешественники полагают, что Тене спускается на северо-запад к Бафингу[3], и что исток Фалеме находится севернее; но никто из них не прошел по долинам до слияния.

После соединения с Фалеме, Сенегал не получает более притоков, текущих круглый год:

1 Gallieni, цитирован. мемуар.

2 Lambert, „Tour du Moude“, 1861.

3 Noirot, „A travers le Fouta-Djallon et le Bambouc“.

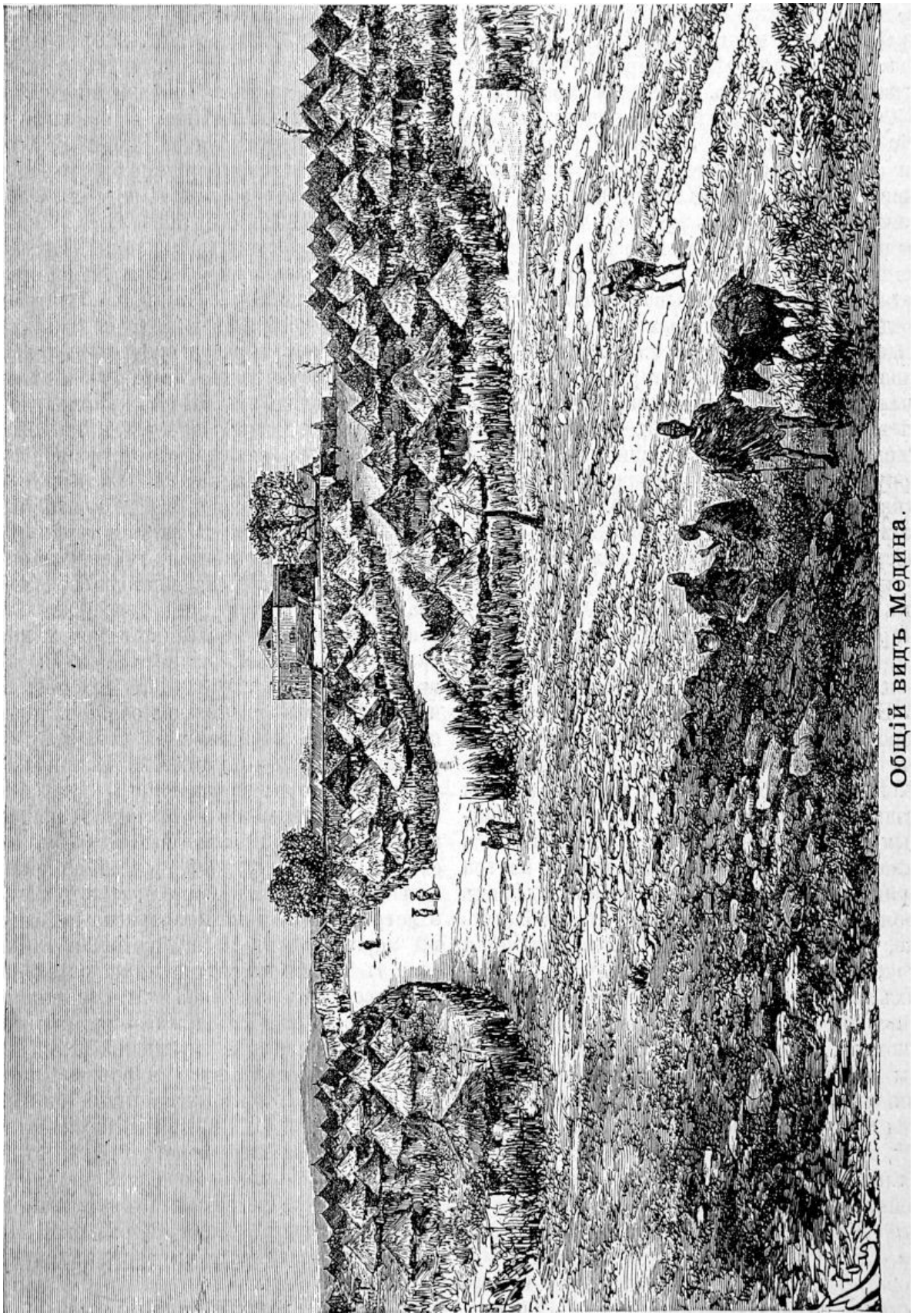
это объясняется тем, что в этом месте река, направляясь на северо-запад, выходит из пояса обильных дождей и вступает в среднюю зону, которая еще не пустыня, но уже область ветвистых деревьев. На юге, в территории Ферло, почва дотого ровная, что не представляет ската для течения вод; они застаиваются в виде луж и испаряются. С северной стороны, благодаря отлогости почвы, уади еще вырывают себе русло в боках сахарских плато и спускаются по направлению к Сенегалу, но катят воду до этой реки только в период дождей. Многие из этих временных потоков оканчиваются даже соляными лужами, которые при большей сухости климата превратились бы в солончаки, подобные тем, которые находятся в Иджиле и в других частях пустыни. Собственно Сахара не достигает берегов Сенегала. Карл Риттер в своем описании Африки высказывает предположение, что напор песков, приносимых северными ветрами, способствовал отклонению течения Сенегала к западу; но характер местности на севере реки, по крайней мере выше дельты, не оправдывает этой догадки.

Объем жидкой массы, катимой рекою, постепенно уменьшается во время засух; развертываясь длинными излучинами, поток огибает многочисленные острова, между прочим, длинную намывную землю Бильбас и остров Морфиль, или «Слоновой кости», получивший это название от слонов, которые прежде водились на нем. Многочисленные пороги преграждают в разных местах дно ложа, хотя ни один из них не имеет достаточной высоты, чтобы совершенно задерживать поток. Везде ручейки, если не целые водные площади, более или менее широкия, соединяют последовательные озерные резервуары реки; но когда уровень Сенегала спускается до низшего предела, барки лишь с большим трудом могут форсировать проход; прибрежные жители, когда им надобно попасть на другой берег, чтобы производить мену или войну, переходят реку прямо в брод. В 1860 г., в самый разгар сухого сезона, из Сен-Луи была отправлена, под начальством Брауэзека, экспедиция в Бакель водяным путем, для точного определения уровня реки и съемки на план наиболее опасных проходов. Лодки, взятые под экспедицию, имели с грузом не более 60 сантиметров водоуглубления; без груза же, осадка их составляла всего только 35 сантиметр., и несмотря на то, пришлось тридцать пять раз тащить их по неровному песчаному или каменистому дну, где слой воды не превышал нескольких дециметров; на одном из порогов ручеек имел всего пять сантиметров толщины. Экспедиция употребила целых две недели, чтобы протащить лодки по мелям около Верма, в небольшом расстоянии ниже Бакель: все путешествие продолжалось 79 суток[1]. Раффенель рассказывает, что в былое время мавры имели обыкновение ставить преграду навигации, кладя древесный ствол поперек фарватера: при помощи этого средства им легко было обирать проезжих купцов. Если в нижней части своего течения Сенегал более глубок, так что маленькие пароходы могут подниматься до Мафу, выше Подора, т.е. на 306 километров вверх от устья, то это только благодаря тому, что морской прилив усиливает речной поток. Нижний Сенегал превращается в лиман. Пресная вода, более легкая, скользит по поверхности, тогда как морской поток, более тяжелый, движется по дну речного ложа и поднимается к верховью. По мере того, как продолжается засуха, соленость жидкой массы возрастает, и приливная волна, которая сначала только гонит обратно пресные воды, в конце концов разносит соль по всему нижнему руслу на 75 километров от устья. Истечение Сенегала (объем протекающей в единицу времени воды) в период мелководья, по приблизительному исчислению, составляет всего только 50 кубич. метров в секунду.

Большие дожди, которые начинаются в мае в горах Фута-Джаллон, области истоков Бафинга и Фалеме, совершенно изменяют порядок течения реки. Воды быстро поднимаются, и впродолжении четырех месяцев, с июня-июля до октября, большие, глубоко сидящие пароходы могут подниматься вверх по Сенегалу до водопада Фелу: в Бакеле уровень разлива достигает и даже переходит за 15 метров, в Матаме он равняется 9 или 10, в Подоре 6, в Дагане 4 метрам. Высота наводнения уменьшается по мере приближения к морю. Но сила течения отбрасывает тогда морские воды, которые в сухое время года пробирались по дну речного ложа; вода Сенегала становится совершенно пресной перед Сен-Луи, она проникает даже

1 Braouezec, „Revue Maritime et Coloniale“, janvier-fevriur 1861.

в море, и корабли, плывущие против тех берегов, издали узнают вход реки по широкой желтоватой полосе, расстилающейся среди синих вод океана. В это время года масса воды, катимая Сенегалом, составляет, без сомнения, несколько тысяч кубич. метров в секунду, ибо по-

Общій видъ Медина.

ток не только наполняет до краев широкий и глубокий канал речного ложа, но разливается, кроме того, по сторонам долины, в виде многочисленных боковых лагун, «ложных рек», представляющих остатки старых русл. Колебания уровня нижнего Сенегала позволяли уже

констатировать многие важные факты географии внутренней части страны, прежде нежели туда проникли путешественники и в то время, когда эту реку считали еще одним из рукавов Нила. Так, существование одного только разлива, всегда приходящагося на летние месяцы, доказывает, что в области истоков бывает только один период дождей, из которых самые обильные совпадают с большими жарами северного полушария. Быстрота, с которою совершается прибыль и убыль воды во время разлива, указывает на то, что река не проходит в своем верхнем течении через обширные озерные резервуары, сначала уменьшающие, затем поддерживающие расход её вод[1]. Большие разливы не подчинены какому-либо закону периодичности; впрочем, туземцы каждые четыре года ожидают наводнения[2]. Случалось, что поток разливался на 20 или 30 километров в ширину, и река имела вид моря в движении, там, где во время мелководья расстилаются саванны и поросли кустарника на островах Бильбас и Морфиль.

Впрочем, Сенегал имеет боковые резервуары в нижней части своего течения: он выделяет из себя с той и другой стороны многочисленные каналы, или длинные извилистые озера, ветви дельты, начинающиеся от главного течения и оканчивающиеся внутри материка: в Сенегамбии они известны под именем «marigots», которое употребляют также, хотя и неправильно, для обозначения притоков с постоянным течением и солоноватых лагун морского побережья. В период разлива эти мертвые рукава ослабляют речной поток, принимая в себя часть жидкой массы и наоборот—поддерживают его во время спада вод; соответственно этому, меняется и направление течения: вода движется то из реки в рукав, то из рукава в реку. Два главных боковых потока сенегальского бассейна расположены, один с правой, другой с левой стороны Сенегала, близ того места, где река поворачивает к югу, чтобы следовать вдоль цепи береговых дюн. Северное озеро, называемое Кайар или Хомак, представляет канал длиной около двадцати километров, впадающий в реку тремя устьями. Южное озеро, известное под разными именами—Гиер, Паниефуль или Меринагем, занимает, вместе со своим притоком Бунун, извилистую долину, длиной около 150 километров; даже в сухое время года этот судоходный бассейн сохраняет немного воды, и со всех сторон дикия животные приходят туда на водопой. Он соединяется с Сенегалом посредством лагуны Туэй, являющейся притоком в период разлива, истоком в сезон мелководья. Регулируя по произволу течение при помощи шлюзов, можно бы было получить ирригационный резервуар, подобный Меридову озеру древних египтян.[3]

Один из боковых потоков дельты, известный под именем «Лагуны Комаров», направляется на северо-запад, и, как говорят, иногда сообщается с морем через цепь береговых дюн, образуя временное устье реки, в 85 километрах к северу от постоянного устья; при входе в этот рукав лодочники обыкновенно совершают над пассажирами судов обряд «сенегальского крещения», или обливания водой (bagnasse). Все другие боковые потоки, извивающиеся с той и другой стороны реки, возвращаются в главное русло. Следовательно, дельта остается, так сказать, внутренней: это обширный, занимающий около 1.500 квадратных километров, лабиринт островов, островков и болотных мелей, которые разделены речками, лагунами, лужами, меняющими контуры и глубину при каждом наводнении. Вся эта низменная область, имеющая полу-озерный характер в период речных разливов, резко ограничена на западе береговым поясом, называемым «Варварийской косой» и отличающимся замечательной правильностью. Это—прямолинейный песчаный берег, от 350 до 400 метров средней ширины, покрытый маленькими дюнами, высотой от 5 до 6 метров, и постоянно потрясаемый со стороны моря ударами волн, которые набегают одна за другой в виде пенящихся валов.

Подвергаясь с одной стороны напору бушующего моря и выдерживая с другой давление массы вод выступившей из берегов реки, эта тонкая песчаная плотина подается то в одном, то в другом пункте, и образующиеся проломы заделываются впоследствии новой плотиной,

1 Borius, „Recherches sur le climat du Senegal“;—Dausse, „Variations da Senegal et du Nil“.

2 Ricard, „Le Senegal, etude intime“.

3 Ricard, „Le Senegal, etude intime“.

которая отлагается в месте встречи пресных и морских вод. Кривая побережья свидетельствует о непрерывной работе захватов в области моря, совершающейся в течение веков; выступ наносных земель, отложенных за нормальной линией берега, занимает пространство по меньшей мере в 2.500 кв. километров. Цепь дюн, которая прежде тянулась в виде правильной линии от мыса Мирик до мыса Зеленого, теперь представляет выпуклость, выдвинутую километров на 20 за нормальную черту. Море в соседстве дельты Сенегала тоже гораздо мелководнее, чем в других местах этого побережья. В то время, как около мыса Зеленого уже в трех километрах от берега находят глубины в 100 метров, против цепи Сенегальских дюн лот встречает слой воды такой же толщины только на расстоянии 30 километров от твердой земли.

В течение современного периода бар реки никогда не оставался на том же месте и не представлял тот же профиль. На пространстве 22 километров, которое занимает песчаный вал ниже города Сен-Луи, брешь постоянно меняет свое положение, смотря по обилию речной воды, силе и направлению течений Сенегала и океана, порядку ветров и удару морских волн: лоцманы должны чуть не каждый день снова начинать изучение этого порога. Обыкновенно эти перемены совершаются медленно, и бар перемещается с севера на юг, вследствие постепенного удлинения песчаной стрелки, отлагающейся по линии соприкасания двух параллельных течений, речного и морского, движущихся в одном и том же направлении. Но по мере этого увеличения в длину, узкая коса должна выдерживать все большее и большее давление речных вод и рано или поздно она подается на каком-нибудь слабом пункте, там, где она имеет наименьшую ширину и не укреплена поверхностными дюнами[1]. Иногда проход делится на восемь или на десять различных протоков, но встреча двух течений скоро отлагает песчаную плотину поперег этих брешей, и остается только одно отверстие, через которое воды реки изливаются по поверхности в море, а морские воды поднимаются вверх по дну русла. В 1825 г. бар был почти против деревни Гандиоль, в 14 километрах к югу от города Сен-Луи; в 1851 г. он находился еще южнее, почти на южной оконечности Варварийской косы; пять лет спустя он вернулся на север, поместившись вблизи Сен-Луи, против Верблюжьего мыса; в 1864 г. он открывался в 2 километрах южнее; в 1884 г. суда должны были искать прохода уже за селением Гандиоль. Вообще говоря, глубина воды на баре тем значительнее, чем уже вход; редко случается, чтобы она превышала 4 метра при отливе, или чтобы была меньше 2 с половиной метров; в зимние месяцы, с ноября по февраль, глубина бывает наименьшая, в апреле и мае, в конце сухого времени года, канал имеет наибольшую глубину[2].

Известно, как труден вход в Сенегал для судов, глубоко сидящих в воде: прилив, правда, увеличивает на 2 метра глубину бара, но когда море бурно, впадины волны настолько же уменьшают толщину жидкого слоя. Иногда целые флотилии судов ждут по неделям, на рейде или на реке, в порте Сен-Луи, пока состояние моря позволит им пройти через бар. К счастью, бури редки в этой части Атлантики: скука ожидания редко осложняется опасностями, но от этого она еще более томительна для моряков; случалось, что небольшие суда, свободно проходящие бар, успевали совершить плавание во Францию и по возвращении находили на якорной стоянке те же самые корабли, которые оставили там в день своего ухода: желтый флаг оставался поднятым впродолжении двух месяцев. Буке-де-ла-Гри предлагает фиксировать вход в реку при помощи криволинейного мола, который составлял бы продолжение левого берега.

Как ни труден вход в реку, как ни продолжителен ежегодный перерыв навигации, как ни тяжел подъем вверх по течению в период половодья, тем не менее Сенегал имеет первостепенную историческую ценность как путь, ведущий в глубь Судана. Те, кто, еще в прошлом столетии, смотрели на Сенегал, как на одну из ветвей Нигера[3], ошибались только на

1 T. Aube, „Revue Maritime et Coloniale“, oct. 1864.
2 Bouquet de la Grye, „Revne Scientifique“, 3 juillet 1886.
3 Labat, „Nouvelle Relation de l’Afrique occidentale“, 1728.

половину: эти две реки служат продолжением одна другой через Африку на окраине пояса больших дождей. Это Сенегал дал возможность торговому потоку проникнуть далеко внутрь страны, и он же вызвал к жизни политическое государство, созданное основанием ряда крепостей и факторий вдоль его берегов. Что такое французский Судан, как не путь Сенегала, продолжающийся на восток водами реки Томбукту?

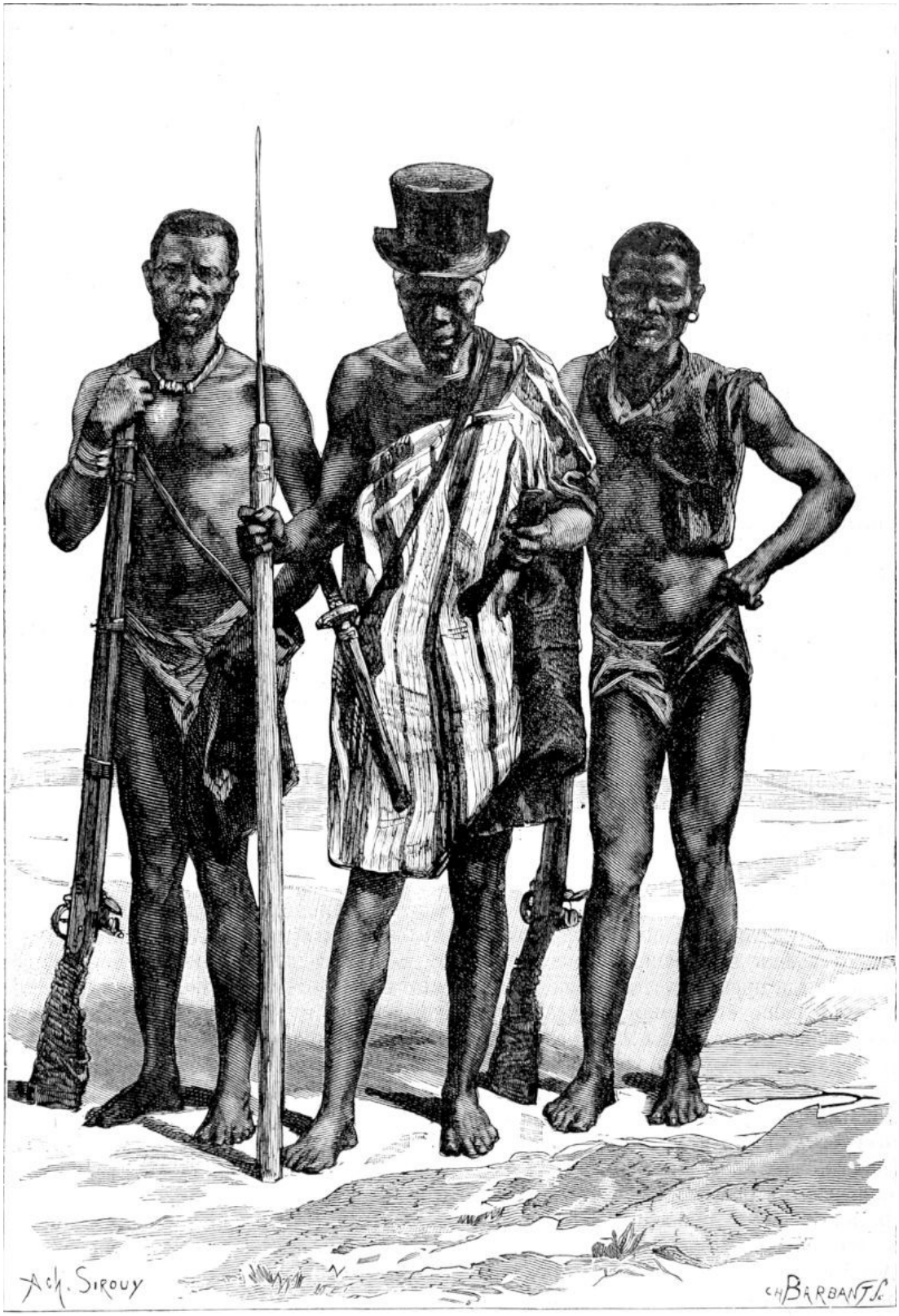
К северу от Сенегала нет постоянных рек в территории, причисляемой к владениям Франции. «Река» св. Иоанна, упоминаемая в старинных дорожниках и фигурирующая еще на многих картах, есть не что иное, как лиман, далеко вдающийся в материк между мысом Мирик и южной оконечностью Аргуинской мели. Все дождевые воды, выпадающие в области морского прибрежья, скопляются в виде лагун, временных или постоянных, с солевой, солоноватой или пресной водой, которые образуются вдоль берега, отделенного от океана цепью дюн. Один из этих прудов, озеро Тениахе, имеет иногда около сорока километров в длину и сообщается в сезон дождей с лагуной Комаров: он принадлежит косвенно к бассейну Сенегала. К югу от сенегальского бара нет рек до Салума, на пространстве 300 километров побережья. Если верить легенде, которая, впрочем, кажется, не оправдывается фактами, в давния времена Сенегал продолжал свое течение к юго-западу, под защитой цепи Кайорских дюн, и изливался в залив Дакар. Правда, там, также как на севере от Сенегала, дождевые воды скопляются у основания дюн, вдоль их континентального ската, и образуют цепь *ниайе*, луж и даже маленьких озер, похожих на покинутое русло реки. Но эти внутренния водные площади недостаточно обильны, чтобы прорвать береговой кордон, отделяющий их от моря; смотря по времени года, они то увеличиваются, то уменьшаются в протяжении, заражая атмосферу своими болотными испарениями. Никакого следа речного ложа не видно в этой области: почва состоит из плотной глины, а в соседстве Зеленого мыса, массива из эруптивных базальтов, на который опирается цепь береговых дюн, глины прикрыты железистым конгломератом, содержащим более трети чистого металла[1]. На юге от остроконечного полуострова Зеленого мыса морской берег загибается к юго-востоку, описывая дугу, соответствующую дуге дюн Кайора. На этом берегу есть несколько ручейков, которые изливаются в море, закривляя свои устья к югу, подобно устьям Сенегала; но за Гамбией только один большой лиман прерывает кривую побережья: это залив, усеянный островами и защищаемый с западной стороны длинным полуостровом Сангомар, выступ которого имеет форму наконечника гарпуна; на северо-восточной оконечности залив этот соединяется с рекой Салум, судоходной на протяжении около сотни километров от устья.

Год Сенегала представляет два периода, почти равной продолжительности,—сухой сезон, который соответствует лету южного полушария, с конца ноября до начала июня, и зимний сезон, во время которого солнце находится в зените тропических стран севера: это—в одно и то же время лето по жаре и зима по обилию дождей. В сухое время года господствуют пассаты, прерываемые иногда, вблизи моря, местными бризами, дующими с северо-запада и с запада. Благодаря этим атмосферным токам, равнодействующая которых имеет направление северо-северо-восток, благодаря также умеряющему влиянию морского течения, которое движется вдоль берега, приходя с севера,—температура на всем побережьи относительно прохладная; она колеблется около средней в 20 или 21 градус по Цельзию и никогда не поднимается до той степени, какой она достигает иногда в некоторых частях Франции[2]. Но внутри страны сухое время года распадается на два периода, которые можно назвать тем же именем, как соответствующие сезоны западной Европы,—зима и весна. Первый период, т.е. зима, в самом деле, отличается, если не холодной, то по крайней мере умеренной температурой (25°,9); весна, во время которой дуют восточные ветры, приносящие раскаленный воздух пустыни,—самая жаркая пора (32°,2 Ц.), и европейские резиденты с нетерпением ждут наступления зимнего сезона, который по крайней мере принесет им относительную прохла-

1 Borius, „Recherches sur le climat du Senegal“.

2 Bordier, „Colonisation scientifique et les colonies francaises“.

ду. Перемена времен года обыкновенно возвещается «торнадосами», маленькими местными циклонами, продолжающимися не более часу, которые почти всегда начинаются на юго-востоке и затем описывают почти полный круг, проходя последовательно через восток, север и

Типы племени Фелуповъ.

запад. Это сильные вихри, довольно опасные, когда они не сопровождаются дождем[1].

Зимний сезон не представляет того же постоянства в своих явлениях, как сухое время года; его первый и последний месяцы, июнь и ноябрь, имеют переходный характер. В сред-

1 Borius, цитиров сочинение.

ние четыре месяца, когда сезон прочно установился, ветры всегда слабы и переменчивы, средняя температура (27°) представляет лишь легкия колебания, воздух насыщен парами, дожди и грозы часты, река выступает из берегов и болота наполняются водой; прежде этот период называли «высоким сезоном», по причине разливов реки[1]. От морского берега до внутренних областей климатические условия мало разнятся: низкие давления атмосферы, обильные дожди, неправильные ветры, высокие температуры—все эти явления одинаковы в Бакеле и в Сен-Луи. Впрочем, дожди начинаются ранее внутри страны, чем на побережьи. В Горее зимний сезон значительно длиннее, нежели в Сен-Луи; уже около половины июня штили и перемены ветра возвещают наступление дождей, а около 15 или 20 ноября ветры сухого времени года разгоняют последние облака. В целом, дождливый период Сенегала далеко не так обилен влажностью, как тот же период в большинстве других тропических стран. Это зависит от того, что Сенегал находится на окраине пустыни и в известной мере причастен её климату. Тогда как на Канарских или Антильских островах северо-восточные ветры, т.е. пассаты, регулярно приносят облака и дожди, доставляемые им морским испарением, те же ветры, пройдя над пустынными пространствами Сахары, являются уже сухими в пределы Сенегала. В среднем, Сен-Луи насчитывает у себя только около тридцати дождливых дней в году, и количество выпадающей там впродолжении года дождевой воды не достигает даже полметра. В Горее, лежащей южнее и вблизи полуострова, открытого морским ветрам, дожди обильнее по крайней мере на четверть; но и там они менее значительны, чем во Франции, стране умеренного пояса. Дожди эти выпадают почти исключительно в зимний период; в сухое время года бывают лишь случайные ливни, а в марте месяце их никогда не наблюдали. В местностях по верхнему Сенегалу годовое количество дождей, еще не измеренное точным образом, повидимому, значительнее, чем на морском прибрежьи. В Кита дожди сырого сезона в 1882 г. составляли 1.274 миллиметра,—количество, втрое большее того, какое выпадает в Сен-Луи впродолжении целого года[2].

Град, почти неизвестный в большинстве тропических стран, не редок в Каарте, где его называют «твердой водой»; у туземцев он слывет драгоценным целебным средством, и чтобы подольше сохранить собранные градины, их кладут меж двух слоев песку[3]. Температуры и дожди в различных местах Сенегала[4]:

	Самый холодный месяц		Самый теплый месяц		Сухой сезон	Зимний сезон.	Годовая температ.	Дожди
Сен-Луи	Март:	19°,2	Сентябрь	28°	20°,3	26°,1	23°,2	0,403 мет
Горея	Февраль:	18°,9	„	27°,0	20°,6	27°	23°,8	0,553 „
Дагава	Декабрь:	21°,3	Октябрь	28°,3	21°,3	26°,5	23°,9	
Бакель	Январь:	24°,7	Май	32°,9	29°,1	28°.3	28°,7	0,550 „
Медива	Декабрь:	25°,2	„	36°,4	30°,1	29°,7	29°,9	

Расположенная на границе двух поясов, Сахары и Судана, французская Сенегамбия по своей флоре принадлежит к обеим этим областям. На севере от реки растительность сходна с растительностью соседних степей Сахары: на юге она принимает тропическую физиономию, и разнообразие форм увеличивается по мере приближения к экватору. Между растительными видами некоторые свойственны исключительно Сенегамбии, или находятся там в центре их области распространения; но в целом эти области далеко не отличаются таким богатством флоры, как другие тропические страны. Впродолжении пяти лет ботанических исследований натуралисты Леприер и Перротет собрали всего только 1.600 растительных форм,—добыча ничтожная в сравнении с необычайным богатством и разнообразием флор Индии, Австралии, Южной Америки[5]. В Сенегале встречаются даже обширные пространства, где небольшое число растений живут обособленными обществами, не заключающими в себе других ви-

1 Labarthe, „Voyage au Senegal“.
2 Dupouy „Revue Maritime et Coloniale“, 1883.
3 Anne Raffenel, „Nouveau voyage dans le pays des Negres“.
4 Borius, „Climat du Senegal“.
5 Grisebach, „Vegetation du Globe“.

дов: это саванны, покрытые злаками. Пастухи пускают по степи огонь в сухое время года, когда прекращается движение сока в стеблях; трава, спаленная преждевременно, не обугливается до корня и оставляет по себе жниво, которое сильно колет босые ноги путника[1]. Леса из больших деревьев редки, благодаря этим палам и обычаю пастухов срубать молодые деревца, чтобы скоту удобнее было доставать листву.

Подобно соответствующим областям Нубии, где также есть травяные степи, Сенегал имеет много деревьев, выделяющих камедь. Акации покрывают целые территории, особенно на севере от реки; даже на юге самое обыкновенное дерево-акация-адансония, или *гониаке*: древесина её, очень твердая, но очень тонкая, доставляет нужные для судостроения кривые балки, отличающиеся, говорят, большой прочностью. На побережьи характеристическими деревьями, благодаря своим громадным размерам, являются древесные представители семейства мальвовых—могучий баобаб и бавольник (bombax). Эти огромные развесистые массы зелени, которые моряки примечают издалека на высоких берегах или склонах холмов, служат им маяками во время дня; таковы баобабы Зеленого мыса, обозначенные на всех морских картах. Именно в Сенегале баобаб (adansonia digitata) и был изучен Адансоном, имя которого сделалось ботаническим названием этого гиганта растительного царства; но уже в начале шестнадцатого столетия путешественник Кадамосто сообщал об этих исполинских деревьях, ствол которых, по его словам, имеет слишком сто англ. фут. в обхвате. Адансония, или баобаб, как известно, дает «обезьяний хлеб», служащий пищей также и человеку; из листьев его также приготовляют разные кушанья и салат. Менее знаменитый, чем баобаб, бавольник превосходит его, однако, толщиной и величественным видом; ствол у него правильнее, ветви расположены более симметрично; его гигантские наружные корни представляют внутри обширные покои, которые служат путешественникам кладовыми и спальнями, и под сводами которых происходят совещания, или «палабры» туземцев[2]. Бавольник —дерево-фетиш по преимуществу; во многих местах считается преступлением занести на него топор; однако, между неграми находятся смельчаки, утилизирующие священное дерево и выдалбливающие из его ствола большие ладьи, поднимающие до двадцати тонн (около 1.250 пуд. груза)[3]. Пушок его плода, слишком короткий и ломкий, не годится для тканья; туземцы употребляют его вместо трута.

Семейство пальм представлено на Сенегале видом, называемым ronier, который растет по берегам реки, и кроны которого, с конечным листом в форме потира, издали указывают на близость селений; ствол усажен шипами, защищающими его от животных; плоды, которые едят после проростания, окружены сочной и сладкой тканью, очень приятной на вкус; древесина идет на гидравлические сооружения, сваи, набережные, запруды; оттого французское правительство, при заключении трактата с маврами племени трарца, выговорило себе право собственности на пальмы этого рода, окаймляющие берега реки.—Кокосовые пальмы теперь довольно многочисленны на нижнем Сенегале, но это деревья чужеземного происхождения: во время путешествия Лемера, в конце семнадцатого века, их еще не было в этой стране. Что касается финиковой пальмы, то ее не видно ниже массива Фута-Джаллон и выше водопада Фелу; в наибольшем числе она живет в соседстве Бакеля и слияния Сенегала с Фалеме, но тут её южный предел. Она не встречается ни на верхней Фалеме, ни в государствах Гамбии; впрочем, финиковая пальма Сенегала, несмотря на то, что она находится здесь на южной окраине своей зоны произрастания, дает превосходные плоды. В лесах нет растений, приносящих съедобные ягоды, костянки или орехи. На берегах верхнего Сенегала и Фалеме утилизируют только маленький красный плод колючей ююбы, называемой уолофами *сидом*. В Каарте и других областях верхнего бассейна виноград растет дико и даже приносит довольно вкусные гроздья; но, за исключением детей, никто не думает собирать этот плод. Попытки ввести во Франции сенегальский виноград не увенчались успехом, и даже на родине не уда-

1 Ricaid, „Le Senegal, etude intime“.
2 Mage;—Oliver de Sanderval etc.
3 Fleuroit de Langle, „Croisiere d’Afrique“.

лось развести его посредством прививки[1]. Лучший столярный лес дает кайа (caya senegalinsis), называемая обыкновенно сенегальским красным деревом. Кроме растительных продуктов, уже известных торговцам, натуралисты насчитывают сотни растений, деревянистых или травянистых, от которых можно бы было утилизировать семена, корни, кору, сок, камедь, листья или плоды. Между этими видами, которые путешественник, приезжающий с севера, встречает в первый раз, один из самых замечательных и, кажется, наилучше эксплоатируемый с промышленной точки зрения—*карите* или бассия (bassia Parkii), растущая по берегам Бахая, Фалеме и в соседних местностях, которую за маслянистое вещество, содержащееся в её орехах (*се* на языке туземцев, *chea* по-английски) прозвали «масляным деревом»; кроме того, беловатое выделение, образующееся между корой и древесиной, дает род каучука. Что касается *кола* или *гуру* (sterculia acuminata), орехи которого, высоко ценимые, как аперитивное и укрепляющее средство, сообщают приятный вкус даже испорченной воде, то это дерево образует большие леса в области верхнего Сенегала и в горах Фута-Джаллон; но главное место его произрастания—это «Реки Юга».

По своей фауне, как и по флоре, Сенегал принадлежит к двум сопредельным областям Сахары и Судана. В степях севера и в степях территории Фута живут страусы, на которых охотятся арабы, и которых легко приручают во многих деревнях, несмотря на опасность, которую представляет глупый вкус этого животного ко всему блестящему, «все равно—будут ли то драгоценные камни или глаза ребенка»[2]. В травяных равнинах, усеянных группами деревьев и лесками, которые простираются на юге от большого изгиба Сенегала, по направлению к Салуму и Гамбии, встречают еще жирафов и разные породы антилоп. В хорошо орошаемых и плодородных областях, но вдали от населенных мест, водятся стада слонов: в начале восемнадцатого века их видали большими компаниями, в сорок или пятьдесят голов, мирно пасущимися в степи, или на полях туземцев[3]; еще в шестидесятых годах нынешнего столетия случалось, что слоны подходили к самой реке, в соседстве озера Паниефуль, или даже переправлялись через это озеро, чтобы идти на пастьбу в саванны нижней дельты; но вместо того, чтобы научиться приручать это могучее и умное животное, как это делают в Азии, как делали некогда в Карфагене, здесь прилагают старания только к тому, чтобы истребить его окончательно. Бегемот не исчез еще из вод верхнего Сенегала и его боковых потоков. Во всех лесных чащах укрываются дикие кабаны. Из четвероруких в области поморья встречаются только серые обезьяны, в лесах же внутренней части страны водятся во множестве собакоголовые представители этого семейства. На берегу верхнего Бахоя, одна гора с правильными уступами образует огромную лестницу, каждая ступенька которой кишит обезьянами, сидящими на выступах скалы, или уцепившимися за ветви деревьев, нависшие над обрывом горы. Маж говорит, что толпа павианов, приветствовавшая его бешеным лаем, по приблизительному рассчету, состояла по малой мере из шести тысяч особей[4]. Павианы живут маленькими республиками вблизи возделанных местностей: они большие враги земледелия, и дети постоянно заняты охранением полей от их набегов; впрочем, есть племена, около Бакеля, которые утверждают, что они заключили мирный трактат с обезьянами, и что, благодаря этому, их посевы обеспечены от всяких потрав со стороны четвероруких соседей[5]. Уинвуд Рид говорит, что павианы иногда бросаются толпой на барса и убивают его, потеряв большое число своих бойцов.

В некоторых областях Сенегамбии совсем нет плотоядных животных: так, например, в горах Фута-Джаллон их не видно, тогда как в Бамбуке, напротив, они водятся во множестве[6]. Лев безгривый, но таких же крупных размеров, как и «господин» Атласа, живет пре-

1 Bayol, „Bulletin de la Societe de Geographie de Lille“, 1882.
2 Ricard, цитированное сочинение.
3 Labat, цитированное сочинение.
4 „Voyage dans le Soudan Occidental“.
5 Cesar Roux, рукописные заметки.
6 Bayol, цитиров. мемуар.

имущественно в степях на севере и юге от Сенегала; в сухое время года его часто видят даже в соседстве Даганы. Когда в его страшные когти попадется бык, он пожирает внутренности жертвы, затем уходит, завидя приближающихся пастухов, которые и делят между собой части добычи, оставленные зверем. Рассказывают, что льва убивают палками, когда он заберется в парк; люди окружают его и бьют по ноздрям в тот момент, когда он ищет выхода, затем добивают ударами дубин[1]. Говорят также, на берегах Сенегала, как и в Мавритании, что лев никогда не нападает на женщину и всегда уступает ей дорогу при встрече[2]. Туземцы с ужасом рассказывают о черном льве Джолофской области, который, будто-бы, нападает на человека. Ни один европейский охотник не видал еще этого страшного зверя, но часто встречают других хищников, пантер, гепардов, тигрокотов и диких кошек, рысей, гиен и шакалов. Уолофы охотятся только на мелкую дичь, на одного грызуна, похожего на зайца, да на бурундука, напоминающего белку. Их домашняя собака—животное презираемое, и для охоты ею не пользуются. Что касается привозных собак, то они не акклиматизируются: теряют чутье, чахнут и издыхают от анемии.

Мир птиц очень богат в соседстве лесов и болот: во французском Судане можно видеть живые драгоценности, похожия на колибри Нового Света,—суиманги, сверкающие золотом и сталью черточки, которые то тут, то там блеснут на мгновение между зеленых листьев[3]. Воробьи, которых земледельцы окрестили общем именем «просоедов», представляют в Сенегале большое разнообразие видов, и многие из них, сенегальский воробей (senegali), кардинал, вдовка, привозятся даже в птичники Европы за их красоту. Сенегальский попугайчик, тоже очень опасный враг сеятелей проса, охотно приобретается в Сен-Луи птицеторговцами. Аист-марабу привлекает охотников красотой своих перьев и нежностью пуха; подобно черному аисту, он нападает на гадов всякого рода, на ящериц-ураноов, на ядовитых змей, на зеленого ужа, даже на маленьких удавов. Другой аист, называемый «ведуном», без сомнения, потому, что ему приписывают какую-нибудь волшебную силу, как туземным скоморохам, пользуется уважением у всех чернокожих: обычай запрещает убивать эту птицу. Из рыб, населяющих реку и её боковые потоки или лагуны, замечателен электрический угорь; в Сенегале водятся два вида крокодила—«тот, который ест человека, и тот, которого ест человек»; наконец в водах нижней сенегальской дельты, кажется, еще существует раса ламантинов, или морских коров.

С этнографической точки зрения Сенегал—тоже переходная страна; жители его представляют собою непосредственный контраст рас, пришедших с побережья Средиземного моря и из центра Африки: арабизованные берберы и негры живут бок-о-бок в этой промежуточной области между двумя поясами.

«Мавры» Сенегала, хотя они северного происхождения и прежде называли себя вассалами мароккского султана, не имеют ничего общего с маврами городов Берберии, кроме имени, языка и религии. Названные некогда этим именем португальцами, как и все другие магометане, сенегальские мавры не цивилизованные горожане, как хадри Мавритании: большинство их, напротив, ведут кочевой образ жизни, переходя от становища к становищу, вслед за своими стадами, и охотясь в равнинах на зверя или на человека. Происходя от берберов зенага или азенагов, которые дали свое имя главной реке страны, они скрестились с арабами и смешались в сильной степени с покоренными черными населениями: по костюму и кочевому образу жизни они походят на арабские племена Алжирии. У них можно различить целый ряд типов, от типа смуглого европейца, с широким челом, прямым носом, тонкими губами, до типа негра, с плоскими чертами, толстыми губами, курчавыми волосами. Впрочем, эти различия физических признаков соответствуют в большей части различию каст и состояний. Белые, арабы или берберы, представлены в мавританских племенах Сенегала по преимуществу гассанами, или «конными людьми», и марабутами, или духовными

1 Gallieni, „Voyage au Soudan francais“.

2 Ricard, цитиров. сочинение.

3 Anne Raffenel, „Voyage dans l’Afrique occidentale“.

лицами. Те и другие считают себя гораздо выше мавров низших каст, как благородные, как белые, как члены господствующего класса, как завоеватели и как исконные мусульмане; они называют их презрительной кличкой: *лахме*, т.е. «мясо». Гассаны обирают своих подданных посредством материальной силы; марабуты обогащаются на их счет при помощи знахарства и колдовства: «помни, что марабут должен всегда получать и никогда не давать», говорил один из этих хищников путешественнику Рене-Калье. «Благодарность—добродетель данников и рабов, она недостойна людей высших». Порабощенные, которые одни могут считаться истинно благородными, так как они происходят от первых владельцев края, составляют массу коренного зенагского населения; затем ниже их стоят пленники, почти исключительно негры разных племен, приобретенные путем завоевания или купли во всех частях Судана. По приблизительному рассчету Беранже-Феро, белые не превышают одной двадцатой между сенегальскими маврами; к чернокожим принадлежит половина общего числа жителей, а остальная часть состоит из метисов, происшедших от смешения берберов и арабов с неграми. Многие названия мест, особенно в западной части области мавров, к северу от нижнего Сенегала, свидетельствуют о живучести берберских идиомов между азенагами; один диалект древнего языка сохранился только у некоторых народцев трарца, между марабутами,[1] и у народца ламтуна, принадлежащего к большому союзу племен дуаиш. Везде в других местах преобладающим сделалось наречие арабского языка, называемое *бейдан*[2].

Типъ племени трарца.

1 Faidherbe, „Notice sur la colonie du Senegal“;—Bourrel, „Revue Maritime et Coloniale“, 1861.

2 Paul Soleillet, „Journal officiel“, 13 avril 1879.

Каково бы, впрочем, ни было их происхождение, мавры отличаются гордым взглядом и благородством осанки; они неутомимы в ходьбе и удивительно умеренны в пище, когда не живут на счет иностранца. Так как для женщин дородность считается необходимым элементом красоты, то высокородные мавританки подготовляются к браку прохождением через период откармливания: для этой цели их посылают к данникам, славящимся молоком своих стад. Там матроны упитывают их просом, молоком и маслом, помогая массажем постепенному растяжению кожи. У многих мавританских племен родители заботятся также о том, чтобы у их дочерей верхние резцы выдавались вперед, так чтобы приподнимали верхнюю губу и опирались на нижнюю. Как только первые зубы вполне выйдут из своих луночек, их выдергивают щипцами, и когда начинают расти вторые зубы, девочки, постоянно действуя пальцами и языком, дают им желаемое направление[1].

Как магометане, мавры Сенегала всегда действовали дружно против ненавистного христианина, несмотря на взаимную внутреннюю вражду каст и племен. Французы не могли покорить их, сея между ними раздоры. Несмотря на свою малочисленность сравнительно с черным населением сенегальского бассейна, они оказывали гораздо более энергичное сопротивление нападениям белых: впрочем, они были только оттеснены, и территория их не завоевана. На войне они жестоки и беспощадны. После победы, они оставляют в живых только женщин и детей; оттого старики, зная заранее, что им предстоит насильственная смерть, дерутся до последнего издыхания. У негров есть много поговорок, свидетельствующих о ненависти, которую они питают к мавру, их угнетателю. «Палатка не укрывает ничего порядочного, кроме коня, который носит ее на своей спине». «Если встретишь на твоей дороге мавра и ехидну, убей мавра». Таковы обычные присловья уолофов. Впрочем, эта ненависть совершенно понятна, если принять в соображение, что с чернокожими пленниками их мусульманские хозяева обращаются всегда суровее, нежели с другими невольниками. «Надо давить народ и держать его в бедности, чтобы он был покорен и почтителен», говорят арабские господа[2]. Однако, этим самым арабам, столь страшным и ненавистным черному люду, северная Сенегамбия в недавнем прошлом была обязана всем своим торговым движением и экономическим значением. Без них не было бы торгового обмена; иностранным купцам никогда не удалось бы основать на берегах реки контор и пристаней, которые сделались этапными пунктами на дороге к Нигеру.

Племена мавров делятся до бесконечности: ссора, наследство, какая-нибудь случайность служат поводом к дроблению; брачный союз, мирный трактат, разные другие обстоятельства могут сгруппировать их снова. Они различаются особенно образом жизни: одни из них воспитывают только барана, другие держат стада быков зебу, иные пасут верблюда или дрессируют лошадь. Естественное общее деление племен—это деление на «северных» мавров, которые никогда не покидают сопредельные с пустыней плоскогорья, и «южных», или гебла, которые кочуют между пристанями реки и внутренними становищами. Ради удобства торговых сношений, французы разделили кочевые племена на три главные группы, на которые и возложили коллективную ответственность за соблюдение договоров. Эти три группы—трарца, бракна и дуаиш. С тех пор, как им навязаны французами из Сен-Луи формальные конвенции, пределы их территорий строго установлены на юге; теперь они могут переходить Сенегал не иначе, как в качестве гостей и друзей. Если мавританское племя дакалифа живет на левом берегу реки, к западу от озера Паниефуль[3], то это потому, что оно само просило позволить ему остаться в крае, предпочитая лучше сделаться данником, чем подвергаться случайностям кочевой жизни среди врагов или опасных союзников.

Негры уолофы помнят еще то время, когда территория Ганара, на севере нижнего Сенегала, была занята их племенем, так как они населяли деревни и обработывали землю на берегах озера Кайор; но соседство грабителей трарца заставило их удалиться оттуда, и в конце

1 Bourrel;—Faidherbe;—Ricard, etc.

2 Fr. Carrere et P. Holle, „De la Senegambie francaise“.

3 Azan, „Notice sur les Oualo“.

концов, весь край, вплоть до самых ворот города Сен-Луи, перешел во владение мавров. Трарца, переправляясь через реку во время мелководья, кочевали в равнинах, простирающихся на юг от Сенегала, в территориях Димар и Кайор; они сделались сюзеренами края и угрожали самому Сен-Луи; однажды даже произвели атаку на одну пригородную деревню. Война, предпринятая с целью изгнания их, продолжалась три с половиной года; наконец, в 1858 г., мавры, окончательно оттесненные на правый берег, принуждены были принять условия победителя. Теперь трарца занимают на Сенегале береговую полосу, длиной около 100 километров. Далее, вверх по течению реки, расположены на вдвое большем пространстве прибрежные становища группы бракна; еще выше следуют кочевья дуаишей (Ида-у-Аиш), захватывающие по берегам реки область почти такого же протяжения. К северу от этих трех групп прибрежных мавританских народцев живут многие другие племена арабские и берберские, менее известные французам, потому что купцы их редко приходят на пристани для менового торга. Таково племя улад-эль-хадж, которое в прошлом столетии находилось в очень частых сношениях с французскими торговцами; таковы же, живущие восточнее, племена улад-эмбарек и сиди-махмуд. Мавры этих последних племен боятся проходить через земли своих врагов, дуаишей, отделяющие их от торговых контор на Сенегале. Они слывут искусными охотниками на страуса: на своих быстроногих конях они нагоняют бегущую гигантскими шагами птицу-великана и убивают ее ударами больших свинцовых пуль, привязанных к длинному ремню, избегая таким образом пролития крови, которая могла бы попортить драгоценные перья[1]. Верблюд и бык-зебу служат вьючными животными у всех мавританских племен, живущих вдали от Сенегала; но верблюд, подобно своему хозяину, редко переходит реку: сезон дождей гибелен для него. «Беги из лесной стороны, где нет камней: она сокращает жизнь верблюдов и людей», гласит местная пословица.

Кроме мавров, более или менее смешанных, живущих на правом берегу Сенегала, особняком от негров, существует еще, на обоих берегах реки, несколько народцев-помесей, довольно многочисленных, чтобы образовать особые населения, занимающие средину между расами, от которых они произошли. Те же самые метисы, которые, между сенегальскими маврами, известны под именем харатин, применяемым также в Марокко и в Сахаре к людям смешанной крови, называются вообще «Porognes» в местностях, где они живут независимыми группами; но в других местах это наименование дают чистокровным неграм, находящимся в рабстве у мавров[2]. Вообще в номенклатуре этих населений, столь разнообразно смешанных, царит большая путаница. Перекрещивающиеся имена имеют различное или противоположное происхождение; одни произошли от названия жительства, другие от названия первоначальной родины; одни указывают происхождение или родство, другие напоминают завоевание или рабство; иные имена принимаются как титулы славы, другие—даются как обидные или презрительные клички. Даже для главных рас Сенегала и французского Судана, каковы: фула, уолоф, сараколе, мандинги, часто очень трудно сделать точное разделение. Между всеми этими этническими элементами уолофы и сараколе, повидимому, могут считаться потомками населений, если не первобытных (аборигенов), то по крайней мере поселившихся в крае прежде других рас[3]. Уолоф—это сенегалец по преимуществу.

Территория, занимаемая уолофами, очень обширна; она обнимает почти все пространство, ограниченное реками: Сенегалом, Фалеме и Гамбией. Естественные области, где чернокожее население состоит исключительно из уолофов,—Уало, Кайор, Баоль, Джолоф; последнее название напоминает имя всей уолофской нации, но оно принадлежит только одной из её племенных групп. Два центра французского господства: Сен-Луи и Дакар находятся в территории уолофов, и везде в Сенегамбии, где основываются военные посты, поселяется уолофская колония, принося свой язык и свои обычаи. По объяснению Тотэна[4], название уо-

1 Colin, „Revue Maritime et Coloniale“. 1883.
2 Berchon, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie“, 1,1860.
3 Berenger-Ferand, „Les peuplades de la Senegambie“.
4 „Revue d'Ethnographie“, 1885.

лоф значит «говорящие», из чего можно заключить, что чернокожие Кайора, подобно многим другим народам, в том числе арийцам Индии и древним грекам, склонны были видеть варваров или «лепечущих» во всех людях, говорящих на другом, непонятном им языке. Барт предлагал для имени уолоф другое словопроизводство, которое, впрочем, едва-ли можно признать основательным: по его мнению, это наименование значит «черные», в противоположность «красным» или фула.

Уолофы, действительно,—черные из черных. Хотя они живут не под экватором, однако, кожа их, глянцовитая, точно покрытая лаком, имеет цвет черного дерева; даже губы—и те черные, только более матового оттенка, чем кожа на лице[1]. Они отличаются от большинства других негров поморья своим слабым прогнатизмом; резцы у них едва наклонены; растительность на бороде скудная, и красивая гладкая кожа почти совершенно лишена волос. Уолофы—народ рослый по большей части, и как мужчины, так и женщины, обладают великолепным бюстом по ширине и силе; но нижние члены относительно слабы, икры тонки, ступни плоски, и большой палец на ноге более отделяется, чем у белых. У женщин крестец сильно развит, что происходит, может-быть, частию оттого, что ношение ребенка на спине, в конце-концов, произвело анатомическое изменение, передававшееся и фиксированное путем наследственности[2]. Преданная мать, как почти все африканки, сенегальская уолофка всегда носит на себе своего новорожденного, привязывая его платком к бедру; когда ребенку станет несколько месяцев, старшая сестра завладевает им и привязывает его себе на спину, как это делает мать, чтобы последней удобнее было работать: там постоянно увидишь девочек, разгуливающих с бутылкой на спине, для того, чтобы подготовиться к живой ноше, которую им впоследствии придется таскать на себе[3].

Уолофский диалект, отличающийся от всех других африканских наречий, представляет тип приставочного языка. Корни, почти все односложные и оканчивающиеся на согласную, определяются при помощи суффиксов и приставляются один к другому, оставаясь неизменными в своих различных значениях существительного, прилагательного, глагола или наречия. Эти суффиксы до бесконечности видоизменяют значение слов, позволяя, например, спрягать глаголы в различных видах и залогах, взаимном, эмфатическом, увеличительном или уменьшительном, ускорительном, повторительном, прерывательном, винословном или обычном: перемена конечного слога указывает каждое из этих значений[4]. Некоторые корни заимствованы из языков мандингов и фулов; технические слова—даже арабского происхождения; но в целом уолофский язык довольно чист. Как общеупотребительный язык торговли во всей Сенегамбии, диалект этот получил капитальную важность; существует даже несколько относящихся к нему специальных работ, изданных в разное время во Франции и в Африке. Нигдам Кост[5] перечисляет десять книг,—уолофских грамматик, кратких словарей или сборников слов,—которые вышли в свет с 1825 года. Но язык этот не имеет еще литературы в собственном смысле, так как уолофы сохраняют свои песни, сказки и пословицы только устно, по памяти, и за исключением тех из них, которые посещали школы, не знают других письменных знаков, кроме арабских букв на бумажках, служащих амулетами.

Сен-Луи—город по преимуществу магометанский, а Горея—город католический. Большинство уолофов называют себя мусульманами, тогда как живущие в окрестностях миссионерских станов претендуют на имя христиан. Главная разница между ними та, что у первых имеются гри-гри, содержащие стихи из Корана, а последние носят медали и нарамники. Все праздники, мусульманские или христианские, справляются уолофами с одинаковым энтузиазмом; кроме того, многие обряды языческой старины до сих пор еще привлекают толпу: так, например, в Горее поимка акулы, затем таскание её по улицам напоказ вызывает

1 Topinard, „Revue d'Anthropologie".
2 Tautain, цитированный мемуар.
3 De Poly, „Revue Contemporaine", 25 sept. 1885.
4 Boilat, „Esquisses Senegalaises".
5 „The modern languages of Africa".

неописанный восторг и ликование между неграми; все работы, ради такого торжественного случая, приостанавливаются на целые часы[1]. Большинство уолофов верят в домового и стараются задобрить его разными приношениями; во многих домах покровителем семьи считают ящерицу и свято соблюдают обычай услуживать ей плошкой молока. Марабуты, которых старинные путешественники называли «чижиками», пользуются большим авторитетом: все они знают арабский язык, и они же держат школы.

Языческие обряды, так же как традиционные нравы и учреждения, тем лучше сохранились, что уолофы сельского класса живут в местах, менее подверженных влиянию белого населения городов Сен-Луи и Гореи. В этих захолустьях по-прежнему существует строгое деление на касты. В установившейся там искони общественной иерархии за аристократией «свободных людей» следует нечто в роде полу-аристократии, внушающей большой страх, так как ее считают происшедшей от брака мертвеца с живой женщиной; затем идут, в нисходящем порядке, ремесленники—золотых дел мастера, кузнецы, кожевники; производители сандалий, далее певцы или гриоты, люди, занимающиеся подлыми работами, наконец рабы[2]. Гриоты, хотя без них не обходится никакое празднество—люди бесправные: это существа презираемые и презренные, так как ремесло их, подобное ремеслу цыган *lautari*, или «хвалителей», в Румынии, состоит в том, чтобы восхвалять того, кто им платит, прославлять недостатки и пороки патрона, как достоинства и добродетели, щекотать тщеславие лживой лестью; они живут в позоре, но иногда восстают против своих обидчиков, и мщение их страшно, ибо многие из них вместе с тем колдуны и знахари, умеющие, при помощи своих чар и колдований, отправить врага на тот свет. Бывают также примеры, что гриоты или гриотки выделяются из толпы скоморохов, музыкантов и игроков на тамтаме, чтобы сделаться импровизаторами и поэтами. В деревнях внутренней Сенегамбии гриотов даже не хоронят, как других уолофов: тела их кладут в дупло деревьев, на съедение диким зверям; но они будут иметь, по их поверью, свое бессмертие, особо от всех других людей.

Браки между мужчинами и женщинами разных каст не допускаются. Полигамия в нравах населения, и жена «привязана» к мужу, как она в девушках была привязана к своему отцу; она не имеет личных прав, и когда муж умирает, она переходит во владение своего деверя: она должна даже притвориться мертвой и лежать без движения, пока золовка не придет, так сказать, воскресить ее, облачая ее в траурное платье. Обычай позволяет еще чинить суд над умершими. Перед погребением, соседи собираются, чтобы хвалить или порицать покойного, прославлять его добродетели или оплакивать его пороки. Но на краю могилы, все равно—будет или не будет она орошена кровью быка или другой жертвы,—должно относиться к усопшему не иначе, как с полным доброжелательством. В некоторых уолофских землях, между прочим, в территории Баол, снимают кровлю с хижины покойника и кладут ее на могилу, новое жилище потерянного друга. У всех уолофов, идолопоклонников, магометан и христиан, сохранился еще трогательный обычай: впродолжении целого года после смерти обыкновенная доля пищи покойного отдается бедному соседу или невольнику. Возвращаясь с кладбища или из дома, где есть покойник, нужно как можно дольше кружить и блуждать, как будто наудачу, чтобы сбить с толку духа зла, которому хотелось бы пробраться в другую хижину и схватить новую жертву.

Древнее королевство Кайор, самое большое из уолофских государств, не было уничтожено французами. Державец, который всегда принимает имя собственное Дамель, назначается путем выбора, но должен быть избираем из членов семьи, пользующейся царской прерогативой; избирателей, которые сами лично не могут домогаться власти, всего только четверо. При избрании на царство Дамель (или Будумель, как его называют старинные португальские авторы) получает сосуд, в котором, говорят, находятся семена всех растений, произрастающих в Кайоре: он становится чрез этот символический обряд господином почвы, и с этого времени от него зависит обилие жатвы. Затем он удаляется на восемь дней в священный лес,

1 Berenger-Feraud, цитированное сочинение.

2 Tautain, цитированное сочинение;—Boilat;—Berenger-Feraud, etc.

чтобы подготовиться к своей божественной миссии. Еще не так давно территория Уало, в которой находится город Сен-Луи, тоже состояла под властью царька, называвшагося «брак», выбор которого принадлежал двум избирателям: также обязанный принести благосостояние в страну, к управлению которой он призывался, ново-избранный «брак» должен был войти в реку, поймать рыбу руками и показать ее народу, как обещание счастливых уловов. Власть его была упразднена в 1858 г., и территория присоединена к французским владениям. До вмешательства европейцев в местные дела все уолофские земли, Кайор, Уало, Баол, Сине, Салум и Джолоф, признавали над собой власть сюзерена, называвшагося Бур или «Великий Уолоф»[1], которому каждый второстепенный царек посылал, в знак преданности, барабан; к этому верховному повелителю приближались не иначе, как ползком, с обнаженной спиной и посыпанной пылью головой[2].

Политическим и социальным переменам, введенным в уолофском мире влиянием европейцев, соответствуют глубокия преобразования в народном характере туземцев. Уолофам все еще ставят в упрек их привычку к беспорядочности и нечистоплотности, их обжорство и пьянство; их описывают как больших детей, не способных остановиться на какой-либо определенной мысли, живущих только для наслаждения и хвастовства; но что бы ни говорили, совершившиеся перемены коснулись не одного только костюма: уолофы Сен-Луи не ограничились заменой своей широкой блузы, «бубу», панталонами и курткой,—нет работы, которую бы они не исполняли с радостью, когда взывают к их чувству чести; нет подвига человеколюбия, ради которого они не выказали бы готовности жертвовать собой, когда им внушат, что этого требует долг. Когда нужно перейти бар и с опасностью жизни пуститься в море среди разъяренных волн, все уолофские лодочники являются истинными героями, и не бывало примера, чтобы при кораблекрушении белый человек был покинут черными на произвол судьбы. В то время, как другие негры Сенегала только подданные или сомнительные союзники европейца, уолофы Сен-Луи живут в дружеском общении с французами и называют себя «детьми» города: они составляют франко-сенегальскую нацию, и между ними всегда находили тысячи волонтеров, когда требовалось защитить тот или другой угрожаемый пункт реки, в Медине, в Бакеле, или на пристанях мавров.

Южные соседи уолофов, сереры, родственны им по расе, и во многих местах образуют с ними смешанные населения; в некоторых округах они даже приняли их язык или усвоили их обычаи: в других местах они смешались с мандингами, и их царствующие фамилии принадлежат в большинстве к расе этих завоевателей. Но в целом земля чистокровных сереров довольно точно очерчена линией, которая следует по водоразделу между Гамбией и Салумом, обнимает весь бассейн этой последней реки и примыкает к лагуне Танлиа, у основания полуострова Зеленого Мыса; самый полуостров принадлежит к области населений уолофского языка. В этой обширной территории, пространством около 12.000 квадр. километров, сереры подразделяются на множество народцев, группировка которых часто менялась, вследствие междоусобий и завоеваний, но которые можно соединить в два большие отдела: «сереры-ноне», живущие в северо-западной части края, и «сереры-сине» («барбасины» у старинных португальских авторов), занимающие всю остальную территорию; последние гораздо многочисленнее, и язык их лучше изучен[3]. Он представляет много сходства с уолофским языком и, также как этот последний, состоит из односложных корней, приставляемых один к другому по тем же правилам. Что касается наречия ноне, непонятного серерам-сине, то оно отличается своим словарем, но сходно с другим диалектом по синтаксису. Во всем серерском королевстве языком начальников служит уолофский диалект.

По преданию, сереры некогда обитали в верхнем бассейне Казаманки, к юго-востоку от нынешней их территории; оттесненные, в пятнадцатом столетии, магометанами мандингами и фулами, они перешли Гамбию и поселились среди лесов, простирающихся в бассейне Са-

1 Andre Alvarez d'Almada, „Tratado breve dos rios de Guine", 1594.

2 Le Maire, „Voyage aux iles Canaries, Cap-Verd, Senegal et Gambie".

3 Faidherde, „Etude sur la langue keguem ou sereresine", „Annuaire du Senegal pour l'annee 1865".

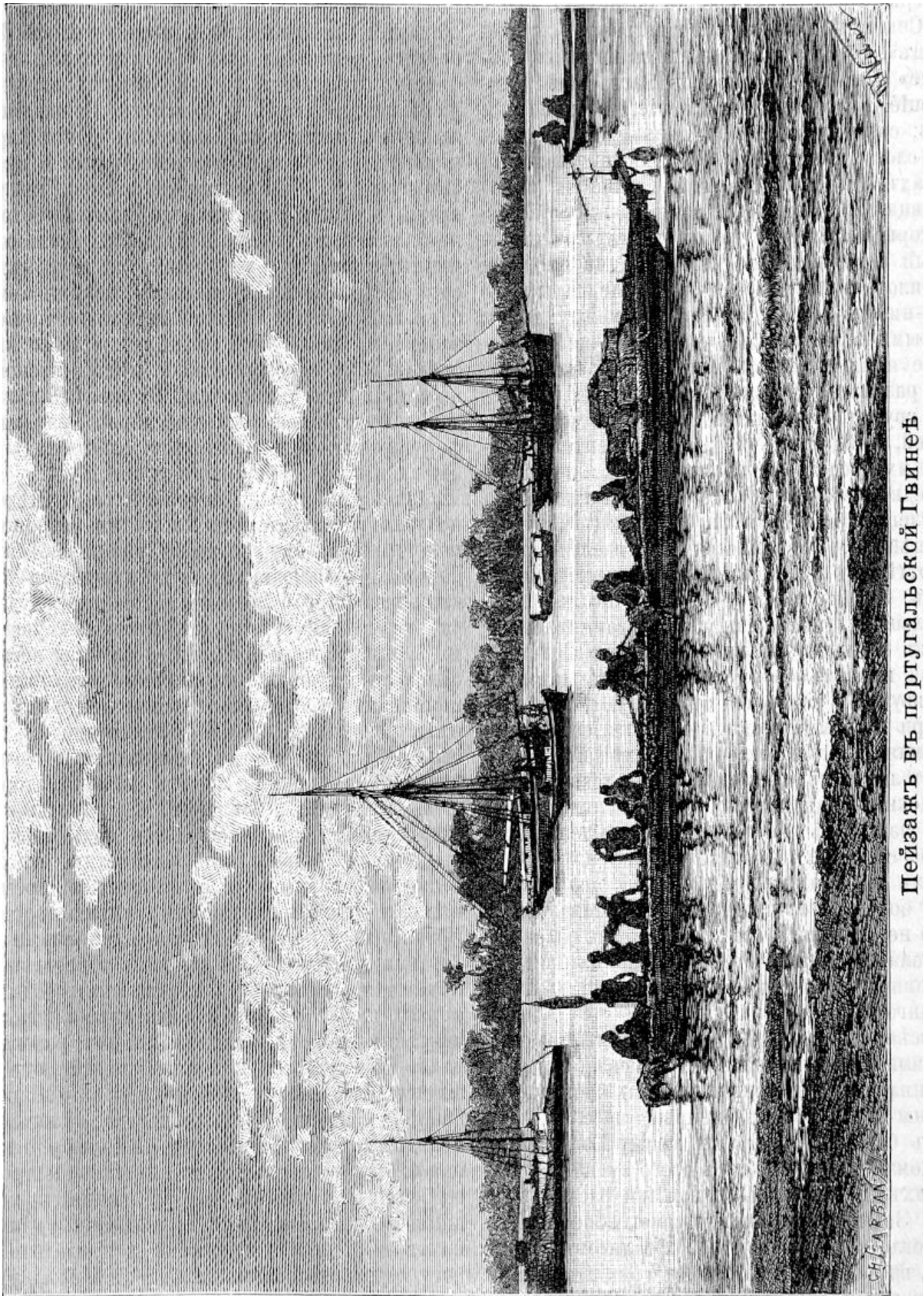
лума: край этот был почти безлюдный, и они могли колонизовать его, рассыпавшись группами землевладельцев по лесным прогалинам. Из всех негров поморья сереры—самые рослые: мужчины в два метра (около 2 арш. 13 вершк.) не редкость между ними; грудь у них развита соразмерно росту, и по телосложению они были бы настоящими геркулесами, если бы не имели того же недостатка, что и уолофы: ноги у них несколько сухопары и икры слишком тонки. Немного менее черные, нежели уолофы, сереры отличаются от последних более приплюснутым носом, более плоским лицом, более толстыми губами: а молодые девушки должны еще искусственно вздувать нижнюю губу, прокалывая ее колючками растений,—операция очень мучительная, но которой они подвергаются публично, не выражая испытываемой боли никаким внешним знаком; девица, испустившая при этом крик, покрыла бы себя позором, который помешал бы ей найти жениха. У сереров, как и у их соседей, за невесту платится выкуп её отцу, но она переходит под кров мужа лишь после притворного похищения.

Обрезание практикуется у сереров со времен глубокой древности либо в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет, либо по случаю какого-нибудь большого события, например, вступления на престол нового царька[1]. Обряд этот вовсе не предполагает обращения в ислам; внешним знаком магометанина в этих странах служит бритая голова. Постоянные сношения с уолофами и завоевание Салума одним марабутом из племени фула усилило в это последнее время влияние ислама в серерской территории; однако, главная масса населения по-прежнему придерживается языческих верований и обрядов, не потому, чтобы она отвергала учение Магомета, а потому, что ей нежелательно отказаться от употребления крепких напитков. Серер поклоняется своим богам у подножия деревьев; когда появляется новая луна, он делает заклинания духам воздуха и ночи[2]. По его верованию, существует два верховных духа—Тахар, бог справедливости, и Тиурах, бог богатства[3]: первому он жалуется на несправедливости ближних, на притеснения от сильных и на колдовство слабых; второго он молит о ниспослании успеха его предприятиям, хотя бы они были беззаконны и осуждаемы добрым богом. Змей тоже считался высоким божеством, и часто его видели появляющимся в разных видах, даже облаченным в офицерский мундир времен империи[4]. Прежде ему приносили в жертву живых животных, большею частию быков и цыплят; но так как вера ослабела с тех пор, как две новые религии, магометанство и христианство, оспаривают друг у друга сереров, то ныне ограничиваются преподнесением ему отбросов от скотины, убиваемой для пиршеств. Впрочем, жертвоприношения еще практикуются у сереров при погребении умерших. Также как у уолофов, тело переносится родными в круглую ограду, покрытую кровлей с хижины покойного; на верхушке крыши кладут оружие, земледельческие орудия, домашнюю утварь, смотря по состоянию и полу индивидуума; ров и живая изгородь из колючих растений защищают это жилище смерти от хищных животных. Вблизи моря могилу выкладывают раковинами, а внутри страны ее покрывают землей. Большинство туземцев верит в переселение душ.

Из всех негров Сенегамбии сереры, говорят, наиболее склонны к пьянству: нигде не выпивается так много страшной «сангары», фатального напитка, в состав которого входят, кроме худо очищенного спирта, табак, перец в зернах и красный стручковый[5]. Начальники, желая похвастать своим богатством, выставляют напоказ выдолбленную тыкву, наполненную водкой, и проводят все время в пьянстве; женщины дают сангару своим детям в одно время с молоком; несчастные дети растут тупоумными, и впоследствии из них выходят негодяи, тьедо, которые грабят деревни, опустошают поля и плантации, убивают людей, по приказанию своих господ. А между тем вначале восемнадцатого столетия водка еще не была известна «этим добрым людям», и они еще не были испорчены пьянством: «а это непременно слу-

1 Fr. Cariere et P. Holle, цитирован. сочинение.
2 D'Almada цитирован. сочинение.
3 Pinet-Laprade, „Notice sur los Sereres", „Annuaire du Senegal pour l'annee 1865".
4 L. M. Gallais, „Annales de la propagation de la Foi", 1851.
5 Berenger-Feraud, цитированное сочинение.

чится, прибавлял Брю, если белые будут часто наезжать в край[1]». Белые явились, и раса подверглась нравственной порче; но та же европейская торговля, которая поставляет серерам гибельный напиток, покупает у них скот, земляные фисташки, хлопок и другие продукты, и туземцы, вообще прекрасные земледельцы, год от году собирают все более обильные жатвы. Но можно надеяться, что и здесь, даже в этой, в некоторых отношениях испорченной

Пейзажъ въ португальской Гвинеѣ

1 Labat, цитирован. сочинение.—Berlioux, «Andre Brue».

среде, мир и труд постепенно приведут к поднятию нравственного уровня населения. Рабства не существует у сереров-ноне, так как у них никогда не было пленников; вообще это самые честные и трудолюбивые из туземцев.

Негры, господствующие в областях среднего Сенегала, называвшагося прежде «землей Чалам», вообще известны под именем «сараколе» (Saracole, Saracolais, Sarracolets, Sarrekhoule, Seracoule, Sarekhoule, Assouanek, и т.д.); сами же себя они называют «сонинке»—слово, понимаемое в худом смысле на берегах Гамбии: там оно синоним нечестивца и пьяницы[1], хотя, по объяснению некоторых авторов, истинный смысл его—«белый человек»; но в наши дни оно уже утратило это значение, если вообще имело его когда-нибудь[2]. В Гангаране, между двумя главными ветвями Сенегала, сонинке носят другое наименование—гангарцев. Беранже-Феро рассматривает их как особую этническую группу, совершенно отличную от их соседей, мандингов и бамбара; Кентен считает их родственными сонраям, живущим по среднему течению Нигера, и полагает, что они слегка смешались с берберами, чем, по его мнению, и объясняется относительно светлый оттенок их кожи; но большинство этнологов, вслед за Бартом, причисляет их к большому отделу мандингов, занимающему область верхней Джолибы и южную Сенегамбию, на правом берегу Бафинга. Язык их, для изучения которого существуют краткие словари и грамматические заметки, содержит в землях смешанной расы более или менее значительную примесь слов феллатских, бамбаранских, мандингских; Тотен, сравнивая этот язык с мандингским, нашел очевидное сходство в корнях и синтаксисе. По их преданиям, сонинке составляли некогда большие государства на берегах Нигера; но не подлежит сомнению, что в бассейне Сенегала они живут уже с эпохи, предшествовавшей прибытию в этот край других мандингов и бамбара.

Разсеянные по всей Сенегамбии маленькими группами среди других народцев, сонинке сохранились в наиболее чистом состоянии и скучены в более сплоченные населения на обоих берегах Сенегала, между Бафулабе и Бакелем, так что здесь всего лучше наблюдать их отличительные признаки расы и подрасы. Значительно малорослее сереров и уолофов, сонинке крупнее феллатов, которым, впрочем, уступают в грации движений и ловкости членов. Цвет кожи у них темно-каштановый, впадающий в красноватый; даже самое имя «серехулле», по толкованию Тотена, означает «красных людей». Прогнатизм лица у них очень заметен: лоб подавшийся назад, скулы мало выступающие, ноздри широкия и косые, губы очень толстые, оттопыриваемые наклонным положением резцов, подбородок отступающий назад, но обросший несколько гуще, чем у уолофа. Шевелюра волнистая, но не курчавая; после бритья, отростает щеткой, а не в виде «зерен перца», как у уолофов. Большинство женщин заплетают волосы в форме каски, унизывая их очень красиво бусами и кусочками янтаря, сверкающими сквозь газовый вуаль. Деревни, опрятно содержимые, состоят по большей части из небольшого числа соломенных хижин, убранных со вкусом; в соседстве земель, обитаемых мандингами и бамбара, селения редко бывают огорожены заборами, так как властители края присвоили себе исключительное право укреплять оградами свои резиденции. В центре каждой деревни оставлено большое дерево, служащее форумом, где собирается мирской сход для совещания об общественных делах.

Очень смирные, миролюбивые, умеющие искусно ускользать от гнета, но безропотно покоряющиеся ему, когда его нельзя избегнуть, сонинке, обыкновенно, ограничиваются пассивным сопротивлением, которое часто удается им лучше, чем открытое возмущение; так, они достигли того, что сохранили независимое существование в виде многочисленных маленьких государств, монархических или олигархических, частию обособленных, частию соединенных в федеративные союзы; но все они приняли Коран, язык которого им, впрочем, непонятен, и предписания которого они исполняют лишь под бдительным оком марабутов. Магометане не особенно ревностные, если не считать временных и скоро-преходящих вспышек религиозного пыла,—они ходят караванами из деревни в деревню обменивать товары

1 Pinet-Laparde, цитирован. мемуар.

2 Fr. Muller, „Allgemeine Ethnographie“;—Colin, „Revue francaise“, mai 1886.

язычникам и христианам, посещают города поморья, чтобы увидать собственными глазами диковинные вещи, о которых им рассказывали. Большинство из них не питают ненависти к белому человеку и охотно вступают с ним в товарищество. Многие из молодых людей поступают на службу в компании; из них выходят хорошие матросы; особенно незаменимы они в военных экспедициях, как опытные проводники, умеющие находить удобные тропинки и прокладывать дорогу через лесные чащи. Хорошие земледельцы, страстные охотники до путешествий, соединяющие таким образом в себе качества оседлых жителей и номадов, обладающие веселым и счастливым характером, они, повидимому, предназначены сделаться в верхней области Сенегала тем же, чем сделались уолофы в нижней его области,—колониальными французами; им, по всей вероятности, будет принадлежать честь окончательного овладения верхней Сенегамбией посредством распространения земледельческой культуры и распределения богатств.

Другие негритянские населения верхнего Сенегала и его притоков, повидимому, имеют смешанное происхождение и говорят наречиями более или менее близкими к языку мандингов; тем не менее они представляют собою особые этнические элементы. Таковы кассонке, которые живут соединенными в союзы общинами в окрестностях Медины, в территориях Кассо, Гидимаха, Камера, Надиага. Через браки они породнилось со своими соседями сонинке, фулами, мандингами, и большинство из них имеет относительно светлую кожу, приятные черты лица, гибкие члены и в походке нечто извивающееся и кошачье. Ум у них живой, но лукавый, а нравы слишком легкие; в мирное время они ведут очень веселую жизнь. Днем и ночью в их деревнях только и слышно, что шум тамтама и плясок. Благодаря своей репутации веселых людей, кассонке пользуются привилегией поставлять гриотов и гриоток ко дворам всех царьков страны[1]. Женщины из Кассо являются также законодательницами моды по части прически и драпировки. Те из них, которых материальный достаток избавляет от необходимости полоть поля, проводят часть дня в купанье и заботах о туалете[2]. У них считается большой красой синий цвет десен, и для получения этой окраски, они прокалывают себе десна при помощи маленьких шипов.

Джаллонке, на северо-востоке от Фута-Джаллон, между Бафингом и Нигером, прежде обитали в горах Фута-Джаллон, по имени которых называются и до сих пор. Из всех негров Сенегамбии это племя наиболее осталось вне влияния белых людей, и из всех территорий их земля была наименее посещаема европейскими путешественниками. Раффенель описывает их свирепыми варварами, одетыми еще в звериные шкуры. На севере они сливаются с племенем сонинке; на юге и северо-западе они породнились с мандингами, которые населяют Бамбук, часть территории Бонду, почти весь французский Судан и берега Гамбии, их главную область; наконец, на западе они изменились под влиянием брачных союзов со своими победителями, фулами или фульбе, которые имеют численный перевес в областях Фута-Джаллон и Бонду.

Эти последние, люди чуждой расы, отличные от всех нигрицийцев, которыми они окружены, врезались клином между неграми поморья и неграми берегов Джолибы. Ни в какой части Африки они не встречаются в большем числе и в более сплоченной этнической группе, чем в Сенегамбии. Фута—это корень бесчисленных имен, которыми их обозначают: фула, феллата, фелан, феллани, феллатин, феллахин, фуладу, фулани, фульфульде, фута, пуло, пулар, халь-пулар, фурба, фолей, пел и т.д.; в Сенегале они называют себя «пулло», как отдельное лицо, и «фульбе», как расу. Они рассеяны более или менее могущественными племенами на территории весьма обширной по длине, около 4.500 километров: на востоке мы находим их в Дарфуре, хотя собственно дарфурцы или фурауи не принадлежат к феллатской нации; на западе они выдвинулись до «Рек Юга», Нуньец, Понго, Меллакоре. Если взять крайние пункты их расселения, на севере и на юге, с одной стороны—на берегах Сенегала, с другой—на берегах Бенуэ, то пояс, в котором встречаются их колонии, имеет более

1 Anne Raffenel, „Nouvean voyage au pays des Negres“.

2 Tautain, цитирован. сочинение.

тысячи километров в ширину. Но как ни обширна эта территория, и хотя они основали в пределах её большие государства, как Гаусса и Массина, они, однако, расселены очень редко и во многих местностях как бы затерялись в потоке нигрицийского населения; даже в области французского Судана, специально называемой Фула-Дугу, т.е. «страной фулов», и которую многие авторы считали их первоначальной родиной, едва встретишь несколько семейств этого племени. Подвергаясь влиянию самых разнообразных условий среды, группы их представляют значительные различия, от гор Дарфура до гор Фута-Джаллон, но при всем том они сохранили некоторую расовую солидарность и признают друг друга братьями, благодаря сходству наречий, преданий и нравов.

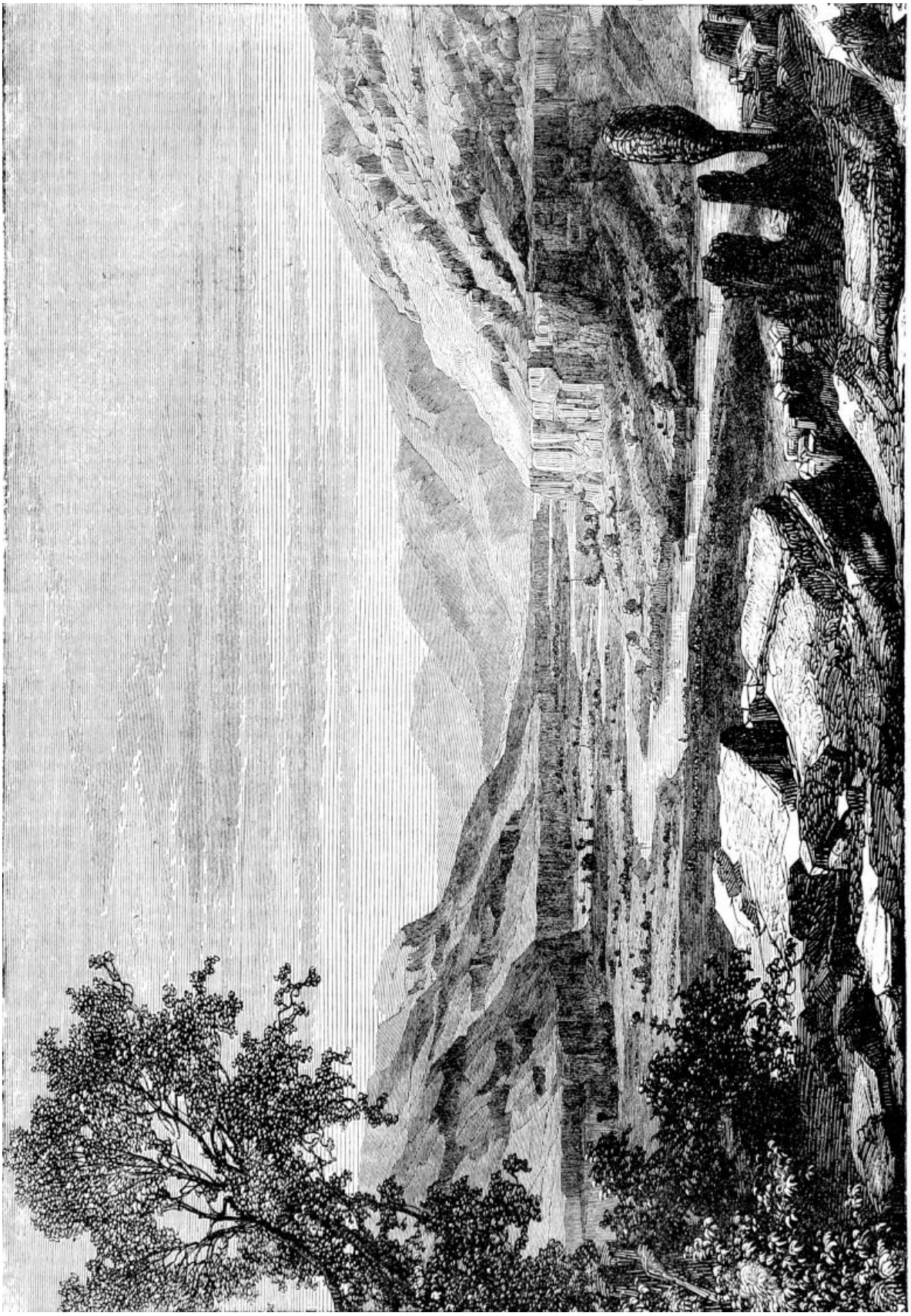
Те из фулов, которые, повидимому, сохранили характеристические черты расы в наибольшей чистоте именно в территории Бонду, отличаются красным или бронзовым оттенком кожи и по форме лица мало разнятся от берберов. Лицо у них овальное, обрамленное вьющимися или даже гладкими волосами, нос прямой, губы довольно тонкия: среди этого племени, особенно между женщинами, не редкость встретить лица, блистающие истинной красотой, как ее понимают художники Европы, и красота эта тем более обаятельна, что она сопровождается ласковостью взгляда и улыбки, грацией движений, благородством осанки, хорошим вкусом в костюме и украшениях. Очень немногие из фулов обладают мощью и шириной торса, отличающими уолофов и сереров поморья. Форма их черепа очень походит на череп феллахов Нильской дельты, и между фулами Сенегамбии многие женщины носят прическу, напоминающую куафюру египетских статуй[1]. Сходство имени (феллахин) и черт лица часто давало ученым повод к попыткам отождествления этих двух рас[2]; некоторые видят в фулах «белых эфиопов» Птоломея; Швейнфурт считает их родичами племени монбутту. Что касается самих фулов, то они смотрят на себя, как на людей совершенно отличных от негров. Те фулы, которых европейские путешественники встречали в бассейнах озера Цаде и реки Бенуэ, называли себя не иначе, как «братьями» или «кузенами» белых иностранцев. В Сенегамбии многие исследователи тоже слышали, как некоторые фулы хвастались своим родством с белыми[3]; но большинство их, ревностные магометане, предпочитают приписывать себе гимиаритское или арабское происхождение, и марабуты выводят свою национальную генеалогию от общего предка Феллах-бен-Гимиера, «Сына красного человека» или Гимиарита. При такой родословной объясняется вместе и происхождение, и цвет кожи[4].

Еще более, чем чертами лица и цветом кожи, фулы отличаются от своих соседей негров правами и образом жизни. Менее номады, чем мавры, они охотно меняют место жительства, покидают даже деревни без намерения вернуться, когда того требует благосостояние их стад. Следуя за своими зебу, они постепенно распространились во всех областях западной Африки. Путем наследственного опыта они достигли того, что отлично знают нравы животных и умеют приобрести их любовь; в военных экспедициях они удивительно ловко уводят стада неприятеля и заставляют их послушно следовать за собой; молодые фулы, не получившие быков в наследство, ловят чужих у соседних племен и захваченную скотину угоняют далеко; так именно и возникли бесчисленные фульские колонии, рассеянные от одного до другого конца Африки[5]. Первоначальный культ фулов состоял, повидимому, в обожании быка, и в нынешнем их магометанстве сохранились еще многие обычаи, свидетельствующие о древних обычаях. Чистота, соблюдаемая ими в хлевах, имеет в себе нечто религиозное; в области Бонду, фулы принимают гостей в парках для скота, чтобы тем засвидетельствовать свое почтение посетителю[6]. Лошадь, кажется, не была им известна в их первоначальном отечестве,

1 Mollion, „Voyage dans l'interieur de l'Afrique“;—Tantain, цитирован. мемуар.
2 Hartmann, „Nigritie“;—Knobel, „De Niger de Alten“.
3 Rene-Caille;—Mungo-Park;—Mollien;—Raffenel;—Burton;—Hecquard;—Bayol.
4 Faidherbe, „Notice sur la colonie du Senegal“.
5 Bayol, „Bulletin de la Societe de Geographie de Lille“, 1882.
6 Anne Raffenel, цитированное сочинение.

так как слово, которым они обозначают это животное,—берберского происхождения[1].

Между фулами-кочевниками многие имеют тот туповатый вид, который сообщает уединенная жизнь в обществе животных; но, взятая в массе, эта раса отличается высшими ум-

Долина Томинэ.

ственными способностями, благородством идей, поэтическим тоном и возвышенностью языка: иная сказка из тех, что рассказывают по вечерам в деревнях, свидетельствует о таких вы-

1 Faidherbe;—Girard de Rialle, „Les peuples de l'Afrique et de l'Amerique".

соких чувствах, что негры окружающих племен даже не поняли бы её[1]. Впрочем, фулы доказывают свое превосходство также и тем, что учатся у своих соседей: с ними они сделались земледельцами и в некоторых округах перешли к оседлой жизни, принявшись за обработку почвы и продолжая вместе с тем заниматься скотоводством; почти все феллатские метисы—прекрасные пахари. В промышленности и ремеслах фулы тоже выказывают большие способности и искусство. Они умеют добывать железную руду, очищать ее, выплавлять и ковать металл, из которого выделывают земледельческие орудия, разные предметы домашнего обихода, ножи, оружие; золотых и серебряных дел мастера с большим вкусом обработывают благородные металлы; плотники и каменщики строят прочные и удобные дома; кожевники и сапожники приготовляют разнообразные изделия из кожи, в том числе футляры для драгоценного гри-гри; наконец, между ткачами встречаются искусники, производящие из местного хлопка ткани, почти такия же тонкия, как кисея; даже богатые выучиваются шить себе одежду.

Как воины, фулы не уступят никакой другой африканской расе. Храбрость их много способствовала поддержанию их господства: в военное время все здоровые мужчины выступают на поле битвы, и в своих экспедициях фулы выказывают немалое стратегическое искусство. Оружие у них такое же, как и у их соседей, негров; впрочем, они употребляют кроме того железные копья, с рукояткой в медной оправе, каких мы не находим у других народов; некоторые экземпляры такого копья, находящиеся в европейских музеях, отличаются очень красивой работой. У фулов есть пленники и невольники, употребляемые для обработки полей; но в похвалу им надо сказать, что в эпоху торга неграми они никогда не принимали, как нация, участия в этой гнусной торговле. Только в редких случаях преступники были продаваемы, вместо того, чтобы быть подвергнутыми смертной казни, да иногда фулы номады были захватываемы в неволю на границах территории; но вообще эта раса была едва представлена в полчищах рабов Нового Света: американские ученые могли наблюдать лишь небольшое число особей этой африканской породы[2].

История повествует нам только о недавних нашествиях фулов; но где обитал этот народ в первые времена ислама? Не были ли фулы первоначально коренными жителями Нигриции, как мандинги и бамбара, и не происходит ли светлый цвет их лица от смешения с арабами и берберами, в северных областях Судана? Или, может-быть, они единоплеменники нубийских барабра или древних египтян, рету, на которых они походят многими чертами[3]? Или не спустились ли они с южного склона Берберии, вместе с теми гарамантами, которые вырезывали изображения своих зебу на стенах скал? Не должно ли искать их происхождения вне африканского континента, и не принадлежат ли они к малайской семье[4], или не родственны ли индусам? Или, наконец, не следует ли видеть в них, по одной, еще более странной гипотезе, беглых бродяг, в роде европейских цыган[5], но имевших совершенно другую судьбу, благодаря различию среды, так как фулы сделались первыми на черном материке, тогда как цыгане считаются последними из последних в странах белых людей? Между самими фулами одна из каст, называемая лаобе или лакобе, едва отличается от европейских цыган. Представители этой немногочисленной касты бродят от становища к становищу, почти всегда оборванные, одетые в рубище; они говорят особым языком и, повидимому, не имеют никакой религии: они не брезгают ни мясом змеи, ни мясом дикого кабана. Единственное их ремесло—это выделка мисок и ступок для толчения проса. Маленькие, черные, с курчавыми волосами, они считаются париями у всех окружающих населений[6].

Язык фулов еще не классифицирован окончательно между наречиями и говорами Афри-

1 Berenger-Feraud, „Recueils de contes populaires de la Senegambie“.
2 H. Leighton Wilson, „Western Africa“.
3 Carl Ritter;—Mollien;—Bayol, etc.
4 Gustave d'Eichthal, „Histoire et origine des Foulahs ou Fellans“.
5 Thaly,—Ricard, цитированное сочинение.
6 Faidherbe, „Notice sur le Senegal“.

ки. У них два рода, не мужеский и женский, как в большинстве языков, но «человеческий» и «не-человеческий»; прилагательные согласуются с существительным посредством рифмы, и слова сочетаются одно с другим по требованиям благозвучия. Некоторыми чертами звучные диалекты фулов походят на наречия окружающих негров, а по употреблению суффиксов приближаются к семитическим говорам, влиянию которых они, повидимому, долго подвергались. Диалекты эти содержат много арабских слов, особенно таких, которые относятся к религии и к социальным учреждениям. Миллер и, по следам его, Нидгам Кэст полагают, что фульские диалекты следует поместить в особую глоссологическую группу, соседнюю с тою, типом которой может служить язык нуба, употребляемый в Кордофане. Как-бы то ни было, истинное их место будет скоро известно, так как существует уже несколько грамматических исследований о различных наречиях языка фула или пулар, и даже один князь в Сокото составил грамматику своего языка[1]; однако, многочисленные книги, написанные марабутами и содержащие свод законов национальной истории, все составлены на арабском языке[2].

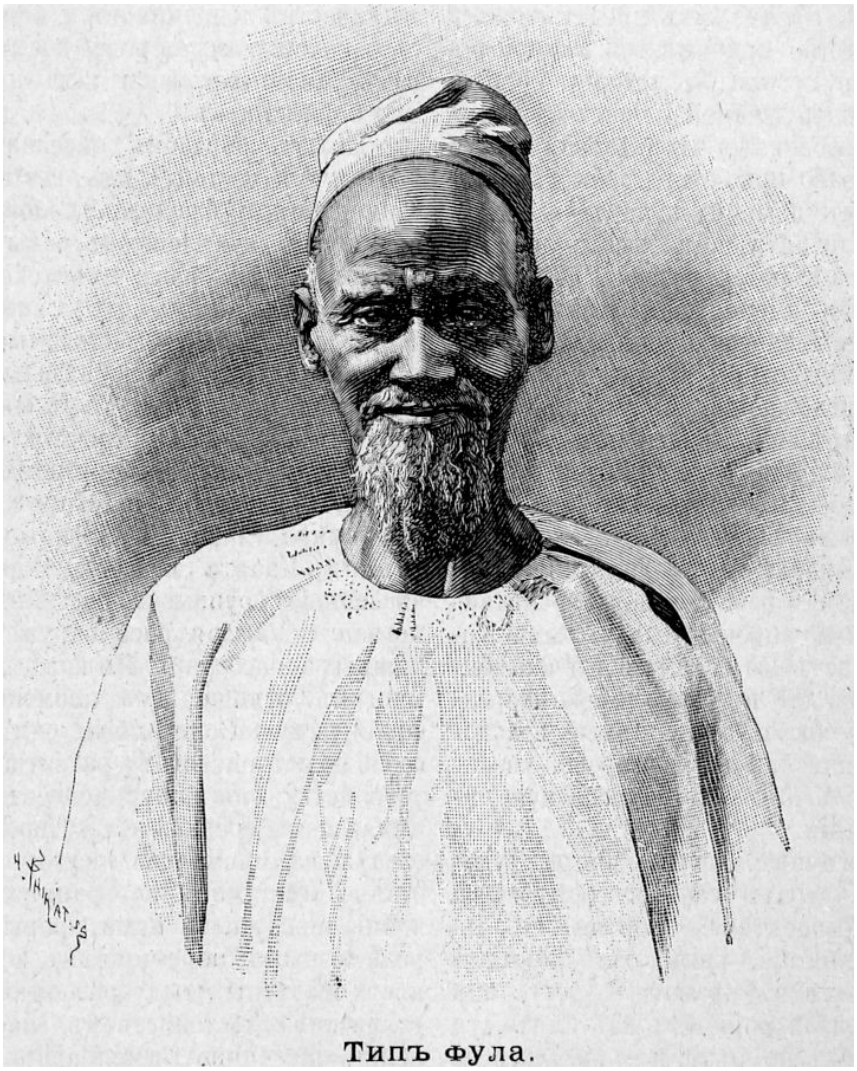
Как язык, так и исторические предания, указывают на восточное происхождение фулов: они, очевидно, прошли Африку, постепенно подвигаясь с востока на запад; но подобно тому, как арабы, дойдя до Марокко, повернули назад в своем эмиграционном движении и пользуются тем большим влиянием, чем дальше отодвинулись от Гарба внутрь континента, так точно и фулы вступают в путь обратного переселения с запада на восток; с берегов Сенегала вышли, в начале девятнадцатого столетия, основатели империй Гаусса и Массина в бассейне Нигера; точно также в низовьях реки начались завоевания марабута Аль-Хаджи-Омара, который на верхнем Сенегале долго оспаривал победу у Франции[3].

Между сенегальскими фулами некоторые, именно жители Бирго, не присоединились к исламу, хотя обрезание составляет у них традиционный обычай; но огромное большинство расы давно уже приняло магометанство, и даже многие из этих народцев одушевлены горячим рвением религиозной пропаганды; торговля спиртными напитками, к несчастью, так процветающая в странах поморья, населенных язычниками, весьма незначительна в территории фулов. Молитва играет важную роль в их жизни, но их религиозное усердие не сделало их нетерпимыми: пастухи по большей части, они отличаются тихим и созерцательным настроением. Когда путешественники Байоль и Нуаро проникли в Фута-Джаллон, туземцы призывали благословение Аллаха на прибывших иностранцев, а когда последние захворали, альмами отдал приказ служить молебны о скором их выздоровлении; перед дверью мечети были посажены два апельсинных дерева, которые получили имена французских посетителей и служат живым указанием времени их путешествия. Ученые феллаты чужды мелочного формализма, отличающего восточных людей; они позволяют себе даже исправлять Коран; когда какое-нибудь место в этой священной книге кажется им непонятным или противным их образу мыслей, они изменяют его, чтобы согласовать его со своими религиозными мнениями[4]. Подобно другим мусульманам, фулы допускают многоженство, но почти не применяют его на практике, что зависит, главным образом, от уважения, которым у них пользуется женщина, и от влияния, которое она приобретает над своим мужем: редко случается, чтобы она позволила войти в дом второй супруге. Женщина у фулов умеет завоевать себе место: «Пусть она вступит в дом рабыней, говорят уолофы,—она скоро сделается в нем госпожей».

Образ правления у фулов не деспотический, как у большинства негров, их соседей. Почти каждое государство составляет, с половины прошлого столетия, род теократической республики, глава которой, называемый «альмами», т. е. *эмир-эль-муменин*, или «князь верующих», осуществляет свою власть светского государя и первосвященника лишь по выслуша-

1 Needham Cust, „Modern Languages of Africa“.
2 Rayol, „Bulletin de la Societe de Geographie de Lille“, 1883.
3 Faidherbe, „Notice sur la colonie du Senegal“.
4 Noirot, „A travers le Fouta-Djallon et le Bambouc“.

нии мнения старейших и именитых людей; в каждой деревне избирательный элемент играет большую роль в местном управлении. В действительности, государством управляют богатые фамилии. Так же дело обстоит и у фулов-метисов или тукулеров, в области Фута: их наследственные начальники назначают альмами и часто на очень короткое время. Авторитет их так велик, что они могут налагать даже смертную казнь, под условием только, чтобы приговор был конфирмован альмами; но эта конфирмация—простая формальность, в которой номинальный глава государства не мог бы отказать своим истинным повелителям[1]. Во время прибытия в край португальцев, главный начальник фулов, который, повидимому, был весьма могущественным королем, носил титул «Великого Фула» (Grao Fulo); впоследствии французы называли его «сиратиком» или «хейратиком», что значит «верховный вождь» или «импе-

Типъ фула.

ратор». Резиденция его находилась на берегу Сенегала, в округе Фалальос, где ныне главный город Бакель.

Жители страны Фута, и именно четырех при-сенегальских провинций Дамга, Фута, Торо и Димар, между устьем Фалеме и озером Паниефуль, обозначаются сенегальскими французами общим именем Toucouleurs,—слово, которое иные исследователи производили от английского two colours (двуцветные), потому что туземцы по большей часта смуглые или медного цвета метисы, происшедшие от смешения фулов с неграми и маврами. Но эта этимология не опирается на какие-либо положительные сведения, доставленные занимавшими край англичанами во время коротких периодов их господства; при том уже с шестнадцатого столетия португальцы называют этих туземцев Tacurores[2]; следовательно, нет сомнения, имя это произошло от прежнего названия страны, Тукуроль, упоминаемой уже путешественником

1 Le Maire;—Labat;—Golberry, etc.

2 D'Almada, цитирован. сочинение.

Кадамосто, и смешивается с именем такруров или такариров, пилигримов, совершающих путешествие из западной Африки в Мекку, и между которыми находится много сенегальских хаджи[1]. Тукулеры отличаются мусульманским фанатизмом, и если их часто описывали, по следам Барта, как представителей расы фула, то это по причине той важной роли, которую они играли в истории Африки, благодаря своей вооруженной пропаганде. Между тем эти «излюбленные дети Аллаха» всего менее имеют право причислять себя к народам, говорящим языком пулар[2]. В числе четырех или пяти сот тысяч жителей страны Фута встречаются уолофы, сохранившие свои родовые имена, не смешиваясь с фулами: другие смешались с маврами; затем есть много таких, которые, не претендуя на феллатское происхождение, называют себя просто халь-пулар, т.е. «людьми языка фула»; наконец, племена денианке и тородо, или вернее торобе, принадлежащие к смешанной фульской расе, пополняют свою касту посредством усыновления[3]. Тотэн рассказывает, что когда торобе доволен воспитанником, умеющим хорошо читать стихи Корана. он признает его своим соотечественником и вводит его в свою семью посредством брачного союза; точно также вольноотпущенники причисляются к торобе, увеличивая собою и без того уже значительную численную силу нации.

Умные, энергичные, честолюбивые, тукулеры внушают страх своим соседям и французским резидентам. Обитая на левом берегу Сенегала, как раз против мавров, живущих на правом берегу, они часто препятствовали морякам из Сен-Луи подниматься вверх по реке, и еслиб их не разделяли внутренние раздоры, доходившие иногда до того, что враждующие племена в своих междоусобиях призывали на помощь французское оружие, то европейцам вряд-ли бы удалось завоевать бассейн Сенегала: еще недавно территория тукулеров была неприятельской страной; экспедиционные отряды проникали туда только после упорной борьбы и предав пламени несколько деревень. Только в 1885 г. и после долгих усилий дипломатии удалось связать, через их территорию, от Сальдо до Бакеля, два участка телеграфа из Гореи в Бамаку, на Нигере. На севере от рек Бахой и Бауле, в территории Каарта, тукулерские завоеватели запрещают теперь французам доступ в их страну. Но как ни беспокойны эти туземцы, как ни опасен их мусульманский фанатизм, они тем не менее по своей предприимчивости и трудолюбию являются одним из самых полезных элементов населения в бассейне Сенегала. Они охотно уходят на чужбину искать счастья, в качестве лодочников и коробейников: целые колонии тукулеров поселились на берегах Гамбии и развели там плантации земляных фисташек.

Таким образом население французской Сенегамбии состоит из весьма различных элементов, и, благодаря положению страны на границах двух поясов, расы представляют большое разнообразие цвета кожи и происхождения. На север от Сенегала обитают берберы и арабы, смешиваемые под общим именем мавров; на юге фулы, сами себя называющие «красными», врезываются длинной полосой народцев, на восток—между мандингами и сонинке, со стороны моря—между уолофами и серерами. Кроме того, бамбара или бамана, главная масса которых занимает области Каарта и Сегу, образуют многочисленные группы в бассейне верхнего Сенегала и каждая раса окружена свитой смешанных населений. Но как ни различны во многих отношениях племена, населяющие французскую Сенегамбию, они сходны между собой по историческому развитию и социальному устройству; они живут еще в периоде, напоминающем средние века Европы. Разделение страны на множество государств с беспрестанно меняющимися границами, постоянные войны между племенами, прерываемые иногда религиозными перемириями, резкия превратности фортуны между разбойничеством и королевским достоинством, массовые переселения, внезапное превращение возделанных местностей в пустыни, общественный строй, состоящий из враждебных одна другой каст или по крайней мере из замкнутых корпораций, совместное жительство в каждом поселении лю-

1 D'Avezac, „Nouveau Journal Asiatic", IV;—Faidherbe etc.
2 Berchon, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", I, 1860.
3 Quintin;—Tautain, цитирован. мемуар.

дей свободных и невольников, пользующихся различным обращением, смотря по их происхождению и роду работы, нравы королевских дворов, где вольноотпущенники распоряжаются судьбой и жизнью подданных, где подчас придворные шуты удачно сказанным словцом решают вопрос о войне и мире, банкеты, где скоморохи забавляют собрание своими циничными песнями, страшные церемонии, где колдуны подносят жертвам кубок яда,—разве все это не рисует перед нами образ европейского общества, каким оно было тысячу лет тому назад?[1]

Среди этого варварского мира современная эпоха, с её новыми идеями и учреждениями, представлена горстью европейцев, которые живут в Сен-Луи, в Горее, в Дакаре, посещают прибрежные посты или предпринимают, в качестве исследователей, путешествия внутрь страны. И при том эта небольшая группа французов не может быть даже уподоблена миниатюре европейских обществ, ибо она не заключает в себе всех органических элементов нации: она состоит только из купцов, солдат и чиновников; ремесленники представлены лишь работниками, вербуемыми посредством конскрипции, а земледельцы и вовсе отсутствуют. Хотя самое старое из французских владений, Сенегал всего менее заслуживает названия «колонии». Эта страна никогда не получала европейских колонистов, которые бы добровольно поселились здесь, чтобы заниматься тем или другим ремеслом или промыслом; да и торговые люди являются сюда в очень небольшом числе: в годы самой деятельной торговли обыкновенно насчитывается не более семи или восьми сот северян, приехавших по своей доброй воле. Что касается европейских женщин, то они так редки здесь, что присутствие их считается своего рода геройским подвигом.

Явление это объясняется тем, что переселение на 30 градусов широты ближе к экватору составляет попытку в высшей степени опасную для эмигрантов из северного умеренного пояса. Сухой сезон, который вместе с тем и прохладный, приятен для европейца, если исключить те дни, когда дуют восточные ветры, и в этот период года, с декабря до мая, французы могут посещать Сен-Луи без большой опасности для здоровья: и действительно, большинство негоциантов выбирают именно этот сезон, чтобы осмотреть свои конторы и подготовить свои коммерческие операции; единственное, что может грозить им,—это анемия. В это время года туземцы больше европейцев подвергаются риску заболевания, по причине относительного холода, который для них очень чувствителен при отсутствии теплой одежды и удобных жилищ. «Опадание листьев баобаба—это смерть черных», гласит местная пословица; но, прибавляет она, «распускание листьев—это смерть белых». И точно—сырая жара гибельна для европейцев, не соблюдающих строго правил гигиены и не пользующихся достаточным благосостоянием. Первые сильные дожди, падая на пористую почву латеритов, выгоняют из её скважин воздух, смешанный с газами разлагающихся веществ, так что с земли иногда поднимаются зловонные, заражающие атмосферу пары[2]. Тогда госпитали быстро наполняются больными; дисентерия, болотная лихорадка похищают массу людей, а у тех, кому посчастливится избегнуть губительного влияния первого сезона дождей, организм уже порядком ослаблен, когда им предстоит вынести второй зимний период[3]; упадок духа, тоска, скука, а в крепостях верхнего Сенегала и недостаток умственного труда отнимают у больных всякую нравственную опору, и они отдают себя в жертву смерти без сопротивления. К эндемическим болезням по временам присоединяются еще сильные эпидемии. Холера, гораздо более опасная для черного населения, чем для белых, не раз уже появлялась на этом берегу. Более страшная для не акклиматизировавшихся иностранцев, желтая лихорадка, свирепствовавшая шесть раз с 1830 года, убивает, в среднем, более половины французских резидентов при каждом своем посещении Гореи или Сен-Луи. Несмотря на совершившийся прогресс в области общественной гигиены, последние эпидемии были наиболее смертоносными; средняя цифра пораженных эпидемией европейцев превышает 80 процентов, и смерть уно-

1 Berenger-Feraud, цитиров. сочинение.

2 Anne Reffenel;—Peschuel-Losche.

3 Borius, „Climat do Senegal“;—„Archives de medicine navale“, tome XXXVII.

сит более половины заболевающих. По Беранже-Феро, средняя смертность европейцев от желтой лихорадки выразилась следующими цифрами: на 100 европейцев (с 1830 по 1866 г.) —заболевших 84, умерших 47. Так как во время господства повальных болезней медицинский персонал в госпиталях оказывается далеко недостаточным, то не раз приходилось выписывать из Франции врачей десятками, и часто бывало, что ни один из новоприбывших не оставался цел и невредим. Сколько драгоценных для общества и науки жизней было таким образом принесено в жертву, и чего только нельзя надеяться от человечества, когда видишь стольких молодых людей, идущих на верную смерть ради исполнения долга!

Хотя некоторые опыты были довольно удачны, как, например, постройка полотна железной дороги из Дакара в Сен-Луи европейскими землекопами (из 2.027 рабочих в два года умерло только 25 человек)[1], тем не менее можно сказать, вместе с Беранже-Феро, что «акклиматизация француза в Сенегале—пустая мечта». Пока не откроют верных средств против болотных лихорадок и не устроят санаторий на плоскогорьях Фута-Джаллон; пока не научатся победоносно бороться с желтой лихорадкой, как, может-быть, борются с ней в Бразилии предупредительными средствами по способу Домингос-Фрейреса,—до тех пор европейцы Сенегала могут быть лишь временными посетителями, не пускающими корней в крае. Статистические таблицы движения сенегальского народонаселения за время с 1843 по 1847 год показывают, что между европейцами смертность в четыре раза превышает рождаемость. С той эпохи положение дел не улучшилось, и европейское общество в Сен-Луи, Дакаре и Суфиске попрежнему должно пополнять свои ряды новыми пришельцами из метрополии. И не только французы не акклиматизируются в Сенегале, но даже их потомки метисы не составляют еще устойчивой расы. Можно бы было думать, что впродолжении четырех-векового занятия страны смешанное население разрослось до весьма значительной цифры, так как большинство европейских резидентов женятся, по крайней мере временно, на туземках; но эти метисы французской крови всегда были немногочисленны, увеличиваясь или уменьшаясь вместе с цифрой белых. Факт этот, без сомнения, отчасти зависит от того, что жители смешанной крови, между которыми, впрочем, насчитывают много людей достойных, вернулись через скрещивания в туземное население, но, главным образом, он должен быть приписан тому, что новое поколение, хотя родившееся в крае, еще не акклиматизировалось. Статистические сведения о семьях, тщательно собранные некоторыми медиками-антропологами, доказывают с полной очевидностью, что дети смешанной крови, рожденные на берегах Сенегамбии, нередко умирают в раннем возрасте, и что брачные союзы переживающих, очень часто заключаемые между близкими родственниками, бывают по большей части бесплодными[2]. Мало найдется семейств, род которых продолжался бы до четвертого поколения; однако, Корра констатировал, на основании восьмилетних наблюдений, что в этой части городского населения Сен-Луи число рождений относится к числу смертных случаев как семь к четырем; тогда как у белых и черных жителей города смертность превышает рождаемость, у метисов замечается обратное явление. Каковы будут результаты брачных союзов во внутренних областях, именно в горах Фута-Джаллон, где при иных климатических условиях живут другие, отличные от уолофов, населения? Опыт не позволяет еще ответить уверенно на этот вопрос. Что касается иммиграции африканцев, приходящих из дальних стран, то она всегда сопровождалась сильной смертностью. Арабы и кабилы из Алжирии умирают на Сенегале в пропорции столь же значительной, как и белые. В отношении габонцев опыт оказался еще более печальным: из пятидесяти переселенцев, пришедших в 1864 году, сорок восемь умерли в первые же десять месяцев по прибытии в край. Перемежающаяся лихорадка, бронхит, чахотка и особенно воспаление печени—болезни, всего более опасные сенегамбийским неграм[3]. Особый вид проказы, так называемая «краснуха», сообщается иногда иммигрантам из Европы. Слепота—очень обыкновенный недуг на берегах среднего Сенегала, а в приморских

1 Bois, „Senegal et Soudan“.

2 Berenger-Feraud, „Revue d'Anthropologie“, 1879, №4.

3 Berchon, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie de Paris, seance du 18 juillet 1861“;—Bordier, „La Colonisation scientifique“.

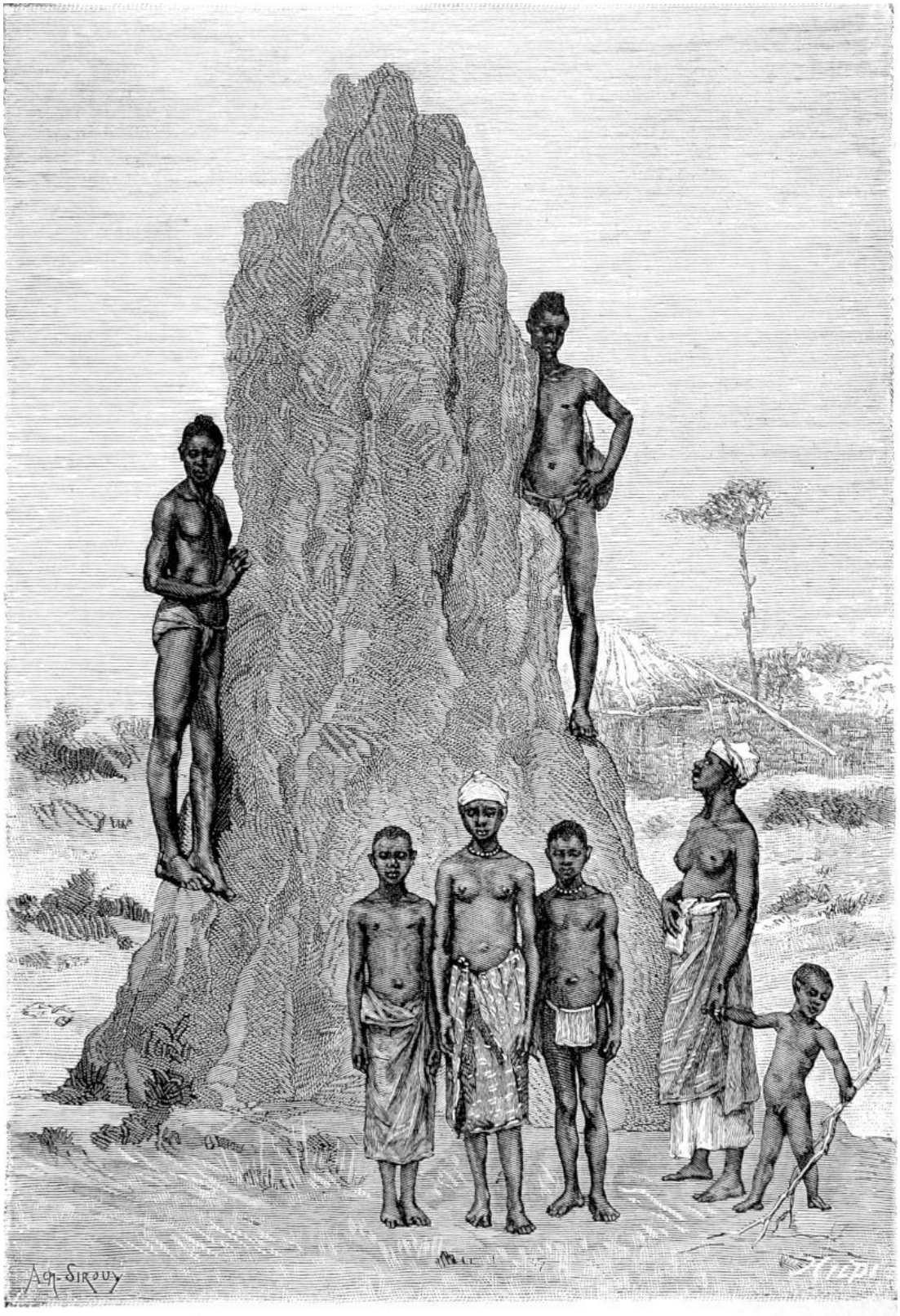
местностях «сонная болезнь» похищает много жертв, особенно между пьяницами.

Вокруг контор Сенегала не выработался креольский говор, подобный тому, который существует на Антильских островах и в Луизиане. Без сомнения, в язык негров вошло много французских слов, но большинство терминов европейского происхождения составляют вклад португальцев и, следовательно, восходят к пятнадцатому столетию: плетень, обмазанный глиной, вокруг домов и дворов называется «tapade»; земляная терраса, заменяющая собой крышу, обозначается словом «argamasse» (плоская кровля); дама, прогуливающаяся на террасе, именуется «Signare» (госпожа), а услуживающий ей молодой человек —«rapace» (хищник), или,—если он христианин—«gourmet» (лакомка). В Сен-Луи и Дакаре наиболее употребительный язык—уолофский, тогда как во внутренних областях необходимо знать арабский и пулар, чтобы объясняться с маврами и фулами. Впрочем, употребление французского языка постепенно распространяется, еще более путем вольного обучения солдатами и laptots, или сенегальскими моряками, чем трудами школьных учителей. Теперь в Сен-Луи существует семь школ, светских или содержимых духовными конгрегациями, и вдвое большее число в остальной французской Сенегамбии; французским союзом (alliance francaise) открыты классы даже в Бамаку (пристань на Нигере), и более шестидесяти воспитанников содержатся на счет колонии в учебных заведениях Франции или Алжирии; в 1885 году французских школ и курсов для взрослых в Сенегамбии было 21, с 1.663 учащимися. Прежде в Сен-Луи существовала еще особая «школа заложников», основанная для воспитания молодых негров, которых удерживали в виде обеспечения хорошего политического поведения их родичей. Школы, книги и журналы доставили белым резидентам у туземного населения имя *тубаб*, означающее «ученаго» или «грамотея», а Сенегамбии—имя Тубабу-дугу, т.е. «страны грамотеев» или «белых»[1].

Торговля, составлявшая главную побудительную причину завладения Сенегалом, значительно возросла в эти последние годы. Известно, что в семнадцатом и восемнадцатом столетиях торговая деятельность концессионерных компаний состояла главным образом в добывании негров для отправки их на плантации Сан-Доминго и других Антильских островов: в 1682 г. «une piece d'Inde», то есть негр первого сорта, стоил на месте в Сенегале не более десяти ливров, а в американских колониях за него выручали до ста экю[2]; в обыкновенные годы вывоз живого товара простирался, средним числом, до полутора тысяч голов[3]. Торг неграми окончательно прекратился, как дозволенный законом промысел, только во времена реставрации; но еще до 1848 г. мавры продолжали приводить на пристани чернокожих пленников, которых и продавали негроторговцам более или менее открыто. После того остался один только предмет торговли—камедь, которая получается с разных видов акации, адансонии, арабской акации (arabica), сейал, верек и других пород, растущих в территории мавров, к северу от реки. Леса камедных деревьев, или «краба», почитаются священными местами, где не позволяется сломать ни одной ветки, но которые иногда составляют предмет спора между разными племенами и, во время войн, опустошаются пожарами. Эти леса, из которых иные занимают площадь в несколько сот квадр. километров, находятся теперь в исключительном владении наций трарца, бракна и дуаиш; но они не принадлежат племенам, как общая нераздельная собственность: главные шейхи присвоили эти лесные богатства и эксплоатируют их руками своих невольников. Когда от сухих восточных ветров кора на дереве потрескается и камедь выступит наружу, при чем выделение её усиливается от воздействия чужеядного растения loranthus Senegalensis[4], мавры разбивают свои палатки на опушке леса и приступают к собиранию драгоценной смолы. Это бывает обыкновенно около октября месяца; в декабре главный сбор уже окончен. Меновой торг производится с января до марта, на рынках речного берега, определенных обычаем. В прежнее время мавры, убе-

1 Pietri, „Races du Soudan Occidental";—„Les Francais au Niger".
2 Berlioux, цитированное сочинение.
3 Labarthe, цитированное сочинение
4 Berenger-Feraud, „Les Peuplades de la Senegambie".

жденные, что французы не могут обойтись без их камеди для своей промышленности, заставляли торговцев ждать себя: они являлись с товаром только по получении приличных подарков, превратившихся в настоящие налоги, и делали купцам всякого рода прижимки. Те-

Типы бужаго и гнѣздо муравьевъ-термитовъ.

перь негоцианты, почти исключительно представители бордосских торговых домов (наприм., в 1885 г. из Бордо было отправлено в Сенегал 49 купеческих кораблей, вместимостью 30.854 тонн, в том числе 46 под французским флагом), освободились от тяготевших над ними торговых «обычаев» и поборов, и обмен идет несравненно быстрее. За купленную камедь платят

либо пиастрами (gourde) или пятифранковиками, либо земледельческими продуктами и мануфактурными изделиями—просом, рисом и сухарями, табаком, ружьями и боевыми припасами, различными тканями и особенно «гинеями», (кусками бумажной материи длиной в 15 метров), которые, после невольников, долгое время служили денежной единицей для всей меновой торговли в Сенегале; «гинеи» эти происходят на одну треть из Пондишери, на две трети из Бельгии и Англии. В хорошие годы количество камеди, покупаемое у мавров, превышает три миллиона килограммов; оно могло бы значительно увеличиться, если бы развести плантации камедных акаций на юге от реки, в области Фута, и если бы леса были методически эксплоатируемы.

В последние годы главным предметом экспортной торговли сделались земляные фисташковые орехи (арахиды). Вместе с тем совершался коренной переворот в экономической жизни страны, так как на место мавров выступили на сцену негры в качестве главных производителей, и в настоящее время наиболее ценный и полезный продукт создается уже земледельческим трудом. Вывоз за границу этого масляничного семени начался в 1844 г., и культура его постепенно распространялась по берегам среднего Сенегала, в Кайоре и Салуме. Открытие железного пути из Сен-Луи в Горею сопровождалось расчисткой, на всем протяжении этой линии, кустарниковых порослей под плантации земляных фисташек: нет сомнения, что подобным же образом вдоль каждой новой дороги будут разводимы сады, или *луганы*. Замена, в оптовой торговле, камеди земляными фисташками заставила негоциантов употреблять, для перевозки продукта мены, речные суда более крупных размеров: как товар легкий и сравнительно малоценный, фисташки должны быть перевозимы более значительными количествами, чтобы обеспечить купцу выгодную цену. Дальнейшим следствием совершившагося в торговле переворота было то, что бар стал более, чем прежде, стеснительным для отправителей туземных произведений за границу, так что для обхода его пришлось построить железную дорогу из Сен-Луи в Дакар. С сельско-хозяйственной точки зрения земляные фисташки представляют то важное преимущество, что они улучшают почву, тогда как другие культурные растения, напротив, истощают ее; кроме того, листва (ботва) этого корнеплода дает превосходный корм для всех травоядных животных[1]. Фисташка с верхнего Сенегала богаче содержанием масла, чем фисташка из Кайора, но зато в этой области она растет на песчаной почве, и для того, чтобы сорвать плод, сидящий на конце подземной части стебля, достаточно потянуть к себе ветку; в более плотной земле сбор плодов труднее. Что касается других предметов заграничного отпуска, как-то: проса (восемнадцать разновидностей), риса, маиса или кукурузы, берефа или маслянистых семян дыни, воску, хлопка, каучука, кож, слоновой кости, страусовых перьев, масла из карите, то все они, взятые вместе, представляют лишь незначительную ценность в общей сумме торговых оборотов, как видно из следующих относящихся сюда статистических данных:

Движение торговли в Горее и Сен-Луи: В 1879 г.: 33.142.781 франк.; в 1883 г.: 47.216.466 франк. Движение судоходства в 1883 г.: 1.453 судна, вместимостью—260.000 тонн. Под французским флагом: 1.300 судна, вместимостью—237.000 тонн. Привоз в 1883 г.: из Франции:—8.600.000 франк.; из французских колоний:—6.800.000 франк.; из иностранных государств:—11.300.000 франк.; земляные фисташки:—70.000.000 кило, ценностью около—17.500.000 франк.; камедь—2.500.000 кило, ценностью около 3.200.000 франк.; другие продукты:—1.200.000 франк.

Бассия или карите, доставляющая растительное масло, могла бы также давать гуммигут превосходного качества, не уступающий соответственному продукту Зондских островов[2].

Земля почти вся находится в руках туземцев, которые обработывают ее более тщательно и умело, чем это склонны думать поверхностные наблюдатели. «Тот не земледелец, кто находит день слишком длинным или свой луган слишком малым»,—такова обычная поговорка у прибрежных жителей верхнего Сенегала, приводимая Рикаром в его путешествии. Много зе-

1 Ricard, цитированное сочинение.

2 Edouard Heckel, „La Nature“, 23 mai, 21 oct., 28 novembre 1885.

мельных участков роздано правительством безвозмездно европейцам; но по причине их обширности, эти участки обращены под культуру лишь отчасти, несмотря на приманку значительных премий. По ныне действующему положению, сходному с общим обычаем племен, который предоставляет отдельному лицу только пользование землей, всякий уступленный земельный участок («концессия»), если он не был эксплоатируем в течении определенного срока, отбирается обратно в казну; кроме того, каждый «концессионер» обязан посадить на подаренной ему земле известное число деревьев высокоствольных пород. Площадь этих «концессий» еще весьма незначительна (в 1885 г. она составляла всего 2.551 гектар, из которых только 558 в культуре); но к этим полям, лежащим на французской территории, нужно прибавить еще обширные земли, розданные в Кайоре, преимущественно в соседстве станций железной дороги из Сен-Луи в Дакар. Плантаторы предпочитают селиться подальше от стеснительного надзора чиновников. Главная культура у них—земляные фисташки, но некоторые разводят также плантации кокосовой пальмы, или занимаются скотоводством или возделывают хлопчатник, рамию, пургеру. Почти все просо, потребное для продовольствия населения Сен-Луи, получается из Кайора и Футы. Что касается домашних животных, то доставать и сохранять их очень трудно. На побережьи лошади и ослы плохо акклиматизируются; верблюды и вьючные быки Сахары быстро делаются жертвой неблагоприятных климатических условий. Мулы лучше переносят климат береговой полосы, но они очень дороги[1]. Бараны успешно разводятся, хотя они меняют свою шубу, похожую скорее на шелк, чем на шерсть. Но внутри страны существуют многие породы домашних животных, совершенно акклиматизировавшиеся или даже обитающие в лесах, в полу-диком состоянии. Таковы, например, «лесные быки» хассонкейской породы[2].

Сенегальская территория богата рудными залежами: золотом, серебром, ртутью, медью и железом. Туземные жители областей Бонду и Бамбука с незапамятных времен собирают блестки золота посредством промывки кварцевых песков реки Фалеме и её притоков. Магическая сила драгоценного металла часто привлекала иностранных исследователей, и очень может быть, что португальцы уже с пятнадцатого столетия разработывали рудные месторождения Бамбука. Предание говорит, что они были перебиты туземцами[3]; во всяком случае название *zapater*, употребляемое в крае для обозначения сапожников, доказывает, что эмигранты из Иберии проникали в эти области. В начале восемнадцатого века, Андре Брю построил две крепостцы, «св. Иосифа» на Сенегале и «св. Петра» на Фалеме, чтобы поселить своих торговцев по близости от страны золота, и посылал путешественника Компаньона на поиски месторождений благородного металла. Компаньон действительно обошел всю рудную область Бамбука, поднялся вверх по долине Санухоле, или «Золотой реки», до гор Тамбаура[4], проникнув далее, чем доходили новейшие исследователи, за исключением Ламартини (путешествовавшего в 1879 г.) и привез из своих экспедиций очень богатые образчики золотоносных глин. После него многие другие путешественники посетили ту же страну, с целью изучения доходности рудников, но попытки непосредственной эксплоатации, под руководством французских горных инженеров, впервые были предприняты лишь в 1858 г. Крайне нездоровый климат низменных долин, где скопляются стоячия гниющие воды, и где воздух, нагреваемый отражением солнечных лучей от голых склонов, обновляется очень медленно, положил конец этим опытам, которые дали чистого металла на сумму около 100.000 франков: пришлось эвакуировать страну с остатками белых работников и гарнизона. После того делались новые попытки частными компаниями, но так же безуспешно; промысел промывки золотоносных песков остался в руках туземцев, которые довольствуются малым поденным заработком, и которым не требуется никаких инструментов, кроме чашек и выдолбленных тыкв; впрочем, они съумели построить во многих местах рудниковые галлереи. Руд-

1 Colin, „Revue Francaise“, octob. 1885.

2 Golberry, „Fragments d'un voyage en Afrique“;—Carlos de Mello, рукописные заметки.

3 Korper, „Mission agricole et zootechnique“, 1885.

4 Labat, „Nouvelle relation de l'Afrique occidentale“;—Berlioux, „Andre Brue ou l'origine de la colonie francaise du Senegal“.

ные месторождения в Буре, на одном из верхних притоков Бахоя, в непосредственном соседстве Нигера, повидимому, богаче, чем в Бамбуке, и приносят туземцам дохода около 200.000 франков в год,—сумма значительная по местным условиям[1]; эти месторождения, находящиеся в большом расстоянии к югу от дороги из Медины в Бамаку, еще не были изучаемы европейскими горнопромышленниками. Железо, вероятно, сделается со временем главным минеральным богатством верхнего Сенегала: оно составляет подпочву на обширных протяжениях, и среднее содержание руды варьирует от половины до двух третей массы. Туземцы переплавляют руду в высоких печах первобытного устройства; когда этот край, ныне почти безлюдный, заселится и покроется сетью удобных путей сообщения, тогда, без сомнения, возникнут настоящие плавильные и железоделательные заводы, располагающие современными орудиями производства, чтобы переработывать руду на месте и продавать выделанное железо на окружающих рынках по Сенегалу и Нигеру. Во многих местах кузнецы употребляют в дело глыбы метеорного железа[2].

Экспортной промышленности почти не существует: за исключением некоторых изделий из вышитой кожи, оружия, папушей (туфель), золотых и серебряных украшений,—предметов, вывозимых по большей части в виде редкостей,—Сенегал не отправляет в Европу никаких мануфактурных произведений. Труд туземных мастеров прилагается исключительно к производству предметов, потребляемых в самой стране. Ткачи, составляющие самый многочисленный класс между ремесленниками, очень искусны в приготовлении передников, в которых белая нитка из туземного хлопка, тогда как цветные нитки—привозные из Франции; синьяры, обитательницы Сен-Луи, посылают европейские материи в Бакель для окраски в цвета, соответствующие туземной моде. Растение ластовень (*asclepias calotropis*, по-португальскп *bombardeira*) дает волокно, употребляемое как материал для набивки, вместо шерсти или волоса, но которое годилось бы также для производства легких и прочных тканей. Чернокожие ювелиры не уступают в искусстве маврам Берберии и мастерят филиграновые изделия такой же тонкой работы, несмотря на то, что инструменты у них еще более грубые. Кузнецы делают кинжалы, железные наконечники для копий и орудие в роде мотыки, употребляемое землепашцами. Кирпичные и известе-обжигательные заводы в окрестностях Сен-Луи и Дакара не в состоянии были выдержать конкуренцию заводов Франции, которые посылают продукты, хотя более дорогие, но зато несравненно высшего качества; что касается маслобоен, извлекающих масло из земляных фисташек для местнаго потребления, то они процветают, несмотря на дороговизну топлива. Под руководством французов, черные плотники на побережья строят очень хорошие суда, не менее прочные, чем те, которые выходят из верфей Европы. Горейские каменщики в большом спросе, их выписывают даже в английские колонии Сиерра-Леоне.

Уолофы, которые по большей части владеют землей в количестве достаточном для содержания семьи, редко работают, как поденщики; но очень многие из них искусные ремесленники, и их руками исполняются все строительные работы в Сен-Луи и Дакаре. Собственно чернорабочие почти все из эмигрантов тукулеров, которые обыкновенно нанимаются на три месяца и возвращаются из отхожого промысла на родину с маленькой деньгой. Рабство существует у всех туземцев, к какой бы расе они ни принадлежали,—к маврам, фулам, или неграм. Пленники, называемые «дворовыми», считаются как бы второстепенными членами семьи хозяина, и материальное их положение ничем не разнится от положения других домочадцев. Невольники, знающие ремесло, плотники, каменщики, кузнецы, гончары, ткачи, тоже по большей части пользуются большой фактической свободой; отдавая хозяину известную долю своих заработков, они свободно располагают собой и даже могут сами владеть рабами; некоторые из них достигают высоких степеней в государстве. Что касается полевых рабов, над которыми надзирают дворовые, вообще более требовательные, чем сами хозяева, то на них лежит вся тяжесть труда: они и работу справляют, и удары получают. Ими можно

1 Borgins-Desborhes, „Senegal et Niger“.

2 I. Garnier, „Le Fer“.

торговать, как скотом; однако, не в обычае отделываться от рабов, состаревшихся на службе в имении: продают только недавно приобретенных пленников. Невольник, рассекший ухо свободному человеку, все равно—взрослому или ребенку, в наказание за этот поступок переходит, со всей своей семьей, во власть того, кому он нанес увечье: к этому средству обыкновенно и прибегали несчастные пленники, желавшие переменить господ. Путешественники Каррер и Голль рассказывают об одном господине, в территории Димар, который слыл таким добряком, что в конце концов остался совсем без ушей; после хозяина, принялись за его животных[1]. Те народцы, у которых сравнительно мало рабов,—таковы, между прочим, племена тукулеров,—отличаются наибольшей энергией к труду, и они-то всего более содействуют социальному преобразованию Сенегамбии эмиграцией в города поморья. У тукулеров племени денианке труд в такой чести, что сам альмами обязан возделывать свой луган, или по крайней мере присматривать за работой своих служителей[2]; в прежнее время он председательствовал на работах, вооруженный, как перед выходом на поле битвы, в сопровождении толпы скоморохов, оглашавших воздух песнями и барабанным боем[3]. В пределах территории, управляемой непосредственно представителями Франции, рабство отменено с 1848 года, и по закону всякий пленник, ступивший на эту вольную землю, становится свободным; но колониальные нравы нередко допускали или терпели нарушение писаного права: иногда рабы были возвращаемы их могущественным господам, и случалось даже, что целые партии невольников проходили через французскую территорию, не превращаясь в свободных людей[4]. Между тем именно в соседстве поселений европейцев положение черных рабов наиболее тягостно, так как там сравнительно высокая цена продуктов побуждает местных землевладельцев к усилению полевых работ[5].

Страна, составляющая политическую область «Сенегала», имеет незначительные размеры. Полвека тому назад она была почти незаметна на картах: территория, принадлежавшая Франции, ограничивалась той местностью, на которой командовали пушки крепостей. Если исключить два острова—речной Сен-Луи и морской Горею, да несколько укрепленных пунктов по берегам Сенегала, на французов везде смотрели, как на проезжих чужеземцев, временно остановившихся в крае. Созидание колониального владения, достойного этого имени, и систематическое наступательное движение внутрь страны начались только во второй половине девятнадцатого столетия. В 1854 году Федэрб, основатель французского владычества на Сенегале, впервые приступил к исполнению этой задачи: настойчивостью в преследовании намеченной цели и силой оружия он успел постепенно водворить мир на берегах нижнего Сенегала, обратить в вассалов большинство независимых царьков приречной полосы, освободить торговлю от всяких внутренних таможен. Крепость Медина, построенная в том месте, где река перестает быть судоходной в период разливов, и в непосредственном соседстве с той позицией, которую Андре Брю предлагал, в начале восемнадцатого века, выбрать для сооружения форта Кенью, служила Федэрбу опорной точкой для проникновения в верхния долины Сенегала. Когда целая армия мусульман разбилась о стены этой крепости, защищаемой всего какой-нибудь полсотней европейцев, завоевание было признано окончательным: события, совершившиеся под стенами Медины, открыли собою новую эпоху в политической истории Сенегала. «Гри-гри ничего не могут поделать против пушек», говорили туземцы уже в прошлом столетии[6].

Утверждение военной власти в верхнем речном бассейне позволило французским посланникам смелее явиться к народцам внутреннего Сенегала. В 1883 году совершился другой факт капитальной важности в истории завоевания края. Французы овладели территори-

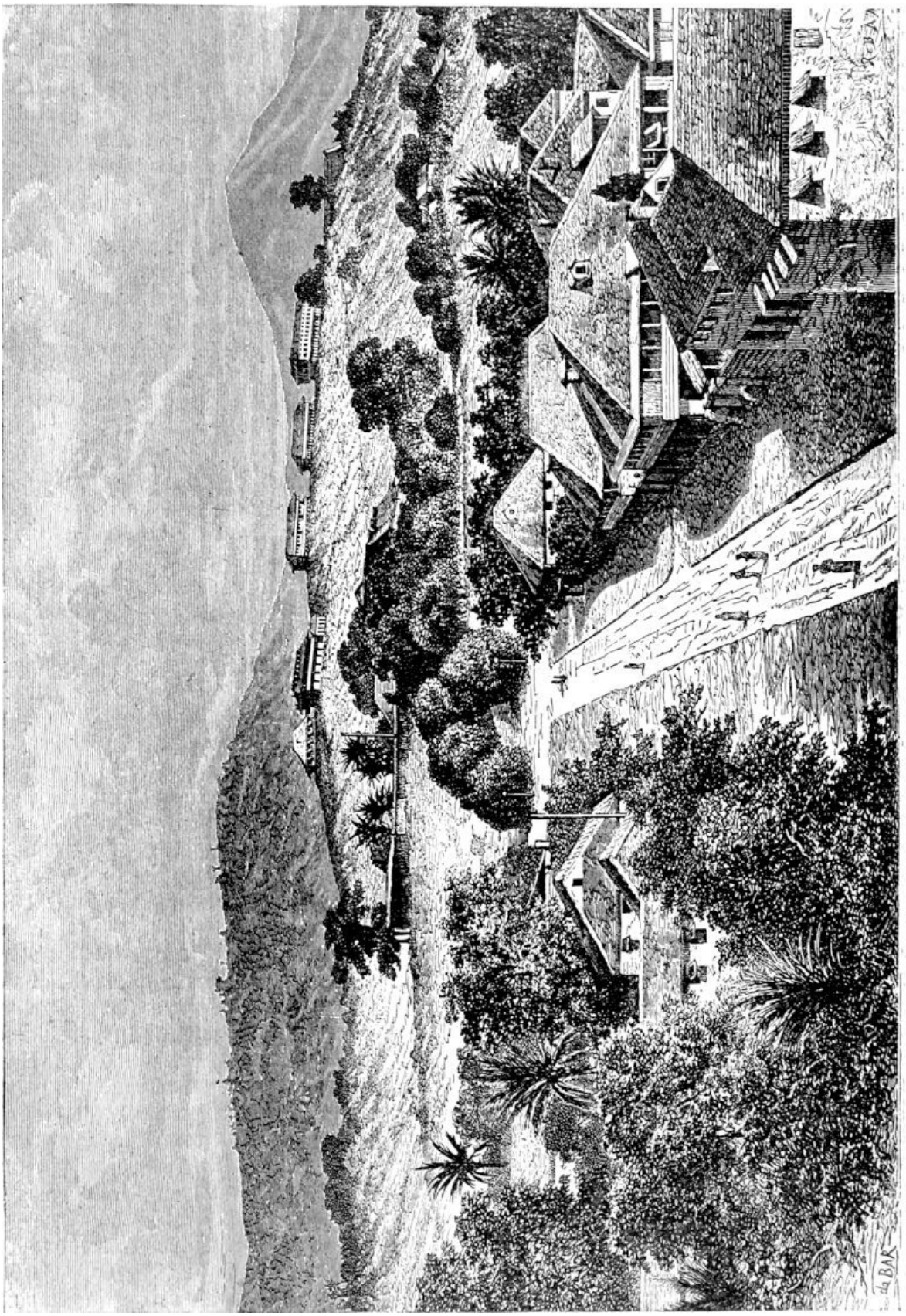
1 Mollien;—Caille;—Raffenel;—Carriere et Holle;—Ricard;—Soleillet.
2 Carriere et Holle, цитированное сочинение.
3 Labat, цитированное сочинение.
4 Victor Schoelcher, „L'Esclavage au Senegal en 1880“;—Soleillet. „Voyage a Segou“ (в рукописи).
5 Ricard, цитированное сочинение.
6 Durand, „Voyage au Senegal“.

ей Бамаку, на Нигере, и построили там форт. Отныне верхняя Джолиба соединяется, в торговом отношении, с морем не огромным кругом своих текучих вод, но дорогой, проложенной в направлении, прямо противоположном естественному скату: «движущаяся дорога» заменена путем, который начертан человеком и с каждым годом будет приобретать все более и более важное значение. В то же время пространство территории, выход которой теперь приведен к Сенегалу для торгового движения, более чем удвоилось; Томбукту, лежащему на большом изгибе Нигера, повидимому, предстоит современем быть соединенным с городом Сен-Луи, как с естественной его морской пристанью. В первом пылу энтузиазма, вызванного занятием поста на «реке Черных», предавались радужным мечтам о дальнейших приобретениях в самом близком будущем: воображали, что Сенегал и Алжирия скоро будут связаны хорошо изученными маршрутами между всеми пунктами, намеченными, как будущие станции железной дороги через Сахару. Надежды эти пока не осуществились, и попытки, сделанные со стороны Алжирии, как известно, окончились трагически. Туареги и их союзники все еще преграждают проход. На линии, соединяющей Алжир и Сен-Луи, крайние пункты, занятые французами, Голеа в земле Шаамба, и Куликоро, на левом берегу верхнего Нигера, еще разделены пробелом в 2.450 километров по птичьему полету, составляющим гораздо больше половины всего протяжения. С той и другой стороны отважные исследователи пробирались значительно далее незанятых постов; но от Туата до Томбукту пространство, на котором еще не может быть нанесено никаких прямых маршрутов, составляет не менее 1.300 километров: это четверть общего расстояния между главными городами двух французских владений в Африке,—длина равная расстоянию от Парижа до Варшавы.

Путь Сенегала, хотя еще не соединенный с соседними странами географически исследованными дорогами, есть, тем не менее, наилучше утилизируемый из всех путей, представляемых реками западной Африки. Описывая своими истоками обширный полукруг, обнимающий более южные реки,—Гамбию, Казаманку, Рио-Гранде, Рокелль, Сенегал, составляет западную ветвь большой линии текучих вод, которая, через Нигер, соединяется с Бенинским заливом; с этой стороны естественный путь вполне исследован: он охватывает огромное континентальное пространство, почти в два миллиона квадр. километров. Понятно, что владение, дающее доступ в такой обширный торговый бассейн, имеет весьма важное политическое значение; но этому владению недостает соответствующей ширины, и узкая линия французской территории всегда подвергалась бы опасности в том или другом пункте, если бы она не охранялась с неусыпной бдительностью и не защищалась, в случае надобности, подавляющими военными силами, в сравнении с силами нападающих. Во многих местах эта территория сводится лишь к течению реки и, далее, к простой дороге, шириной от 6 до 8 метров, при том всегда прерывающейся в зимние периоды. Правда, если к округам, непосредственно управляемым колониальным правительством, прибавить маленькия государства, управляемые еще по старым обычаям, хотя оффициально присоединенные к французским владениям, и другие страны, признающие по трактату верховную власть (сюзеренитет) Франции, то сенегальская территория окажется очень обширной; но оффициальные пределы имеют изменчивое значение. Истинные границы меняются, смотря по личному влиянию губернаторов и офицеров, по направлению, которое избирают военные отряды в своих ежегодных экспедициях, и еще более по силе притяжения, оказываемого торговлей. При невозможности колонизации этих стран европейскими эмигрантами, связь политического организма может быть достигнута и поддерживаема лишь доброй волей туземцев, удовлетворением их интересов и постепенным развитием чувства национальной солидарности. Конечно, этот идеал еще не осуществлен, и если бы Франция не помогла щедро колониальному правительству людьми и деньгами, то положение скоро сделалось бы опасным.

Что всего нужнее в настоящее время—это связать Нигер с морем быстрым путем сообщения. До недавней эпохи в Сенегале не было другой дороги, кроме речного пути. Известно, что этот водный путь большую часть года прерывается выше Подора, и пользование им часто бывает возможно лишь при помощи мелких судов, тащимых бечевой, или подвигающихся посредством завоза якоря. До сих пор не существует еще никакой колесной дороги, кото-

рая бы заменила этот ненадежный путь речного потока: в 1885 году общая длина поддерживаемых дорог, расходящихся из трех центров, Сен-Луи, Дакара и Рюфиска, не превышала пятнадцати километров; построенные ранее несколько участков колесных путей были раз-

Видъ Фритауна со стороны казармъ

мыты дождями и захвачены растительностью. Существует, правда, железная дорога в 263 километра длины, соединяющая речную гавань, Сен-Луи, с приморским портом, городом Дакар, и могущая служить прекрасным базисом для будущей сети путей, проникающих в

Судан; но пока еще сделаны только предварительные разведки, имеющие в виду проведение первой из этих линий, направляющейся на восток через область Фута, по водоразделу между Сенегалом и Гамбией. Эта проектируемая дорога какова бы она ни была—колесная или железная, имела бы тем более важное значение, что она прошла бы от Сен-Луи до Бакеля, по хорде, проведенной на юге от большой оси, описываемой нижним течением Сенегала. При общей длине около 500 километров она сократила бы на целую треть пробегаемое расстояние, увеличивая в то же время на 200 километров ширину территории, присоединенной к колониальному владению. Понятно, как полезен был бы этот путь, доходящий до крепости Бакель, которая еще недавно, в 1886 году, была атакована армией восставших мусульман. Если осада была снята через несколько дней, то Бакель обязан этим только счастливому стечению обстоятельств, которое может и не повториться при новом нападении. При том, если не заботиться единственно о путях сообщения, необходимых для Сенегала, а иметь в виду также и линии, которые в будущем пройдут через черный континент, то оказывается, что железная дорога из Сен-Луи и Дакара в Бакель была бы именно первой частью пути, соединяющего лучший порт африканского побережья с Томбукту. В Африке не было бы более важной линии, проникающей внутрь материка.

По непонятному избытку усердия, в начале восьмидесятых годов была предпринята постройка железной дороги от одного пункта на верхнем Сенегале, пункта, который соединен с Сен-Луи трудным для плавания водным путем, да и то только впродолжении трех месяцев в году. Начальная станция этой узкоколейной линии, которая должна была иметь 520 километров длины, находится в деревне Кайес, лежащей в 12 километрах ниже Медины, в нездоровой местности на левом берегу реки. Работы начались в 1881 г. и продолжались три кампании подряд; но значительная передержка против первоначальной сметы, большая смертность рабочих, итальянцев и мароканцев, доходившая, по оффициальным данным, до четверти наличного числа и вдобавок ко всему распространенное во Франции убеждение, что дело было неудачно задумано,—все это заставило отказаться от дальнейшего осуществления предприятия. Железная дорога из Кайеса проведена на расстоянии 63 километров, до Диаму, и служит при случае для перевозки войск и продовольствия. За этим пунктом полотно окончено на меньшем расстоянии, а далее намеченный путь частию очищен от кустарника до Бафулабе, при слиянии Бахоя и Бафинга. По крайней мере были проложены, под руководством офицеров, две по временам проезжия дороги между станциями верхнего Сенегала и Бамаку на Нигере,—одна на севере через Бадумбе, Гониокори, Кита и Дио, другая на юге через Медину и Ниагассолу. Через овраги построены солидные мосты, и когда воды сделают какое-нибудь повреждение на дороге, *диулы* или негры-торговцы, пользующиеся ею для перевозки своих товаров, тотчас же извещают об этом постовых начальников. По этой дороге, между прочим, были перевезены, из Бадумбе на Нигер, разобранные части и орудия канонерки, которая теперь плавает по «Черной реке», и которая, в одно из своих путешествий, спустилась до Диафарабе, на 400 километров ниже Бамаку. Впрочем, этот пароход, которому скупо отмеривается топливо, покупаемое, если не на вес золота, то по крайней мере за десятерную цену против его первоначальной стоимости, не может еще оказывать никакой услуги торговым сношениям; роль его пока ограничивается тем, чтобы своим присутствием давать больше военной силы постам Бамаку и Куликоро и в особенности, чтобы увеличивать в глазах негров престиж завоевателей. Провозная плата от Сенегала до Нигера ежегодно достигает, в сложности, суммы в несколько миллионов франков: перевозка паровой шлюпки от одной реки до другой продолжалась четыре месяца и обошлась почти вдвое дороже стоимости самого судна.

Теперь гарнизоны, стоящие на берегах Нигера, имеют правильное сообщение с городом Сен-Луи посредством комбинированной службы пароходов, локомотивов, колесных экипажей и пешеходов: в сухое время года, когда пакетбот должен останавливаться в Подоре или в Мофу, путешествие между Сен-Луи и Бамаку продолжается 32 дня; оно сокращается на 10 суток, когда «короли дыма» поднимаются до железнодорожной станции Кайес; на дорогах горной стороны употребляют металлические повозки, нормальная нагрузка которых от 500

до 800 килограммов, и которые, в случае надобности, можно утилизировать как лодки для переправы через реки. Кроме того, телеграфная линия, вполне оконченная на всем протяжении, связывает берега Нигера с Сен-Луи и Дакаром, а также с Францией, посредством двух кабелей, которые соединяются с океанскими линиями, испанской и португальской, на островах Тенерифе и Сант-Яго. Благодаря этим телеграфным проволокам, всякая опасность, грозящая постам верхнего бассейна, может быть заранее известна и во-время устранена.

Обыкновенных дорог во французской Сенегамбии в 1885 г. 458 кил. Железных 326 кил. Телеграфная сеть, без подводных кабелей, 2.017 кил. Телеграмм передано в 1883 г. 10.700. Писем переслано 689.258.

Во французских владениях Сенегамбии пока существует только один город, достойный этого имени,—столица, основанная в половине семнадцатого столетия, в замену первой конторы, которая тоже находилась на одном из островов устья, называемом Бокко или Бокос (слово, происшедшее от португальского *Boca*, устье). Сен-Луи в первый раз упоминается путешественником Лемером, который посетил те края в 1682 г. По числу жителей, это важнейший приморский город на всей береговой полосе, протяжением около 4.000 километров, которая разделяет марокский порт Рбат-Сла и Фри-таун в Сиерра-Леоне. На первый взгляд кажется странным, что один из многолюднейших городов африканского континента расположился в месте, столь мало благоприятном для морской торговли, выше бара опасного и постоянно меняющагося. Но Сен-Луи имеет ту выгоду, что он находится при устье большой судоходной реки, а в ту эпоху, когда он был основан, суда, производившие торговлю в этой части Африки, имели водоуглубление гораздо меньшее, нежели нынешние пароходы: большинство приходивших тогда судов, могло, не дожидаясь прилива, проходить через порог реки. Кроме того, место, выбранное для основания крепости и фактории, было удобно в отношении обороны, благодаря окружающим его двум рукавам реки: тысячныя толпы туземцев не могли бы затеять нападения на город, защищенный этими естественными рвами. Начальник племени, уступивший остров французам, долгое время получал от них небольшую дань, и только он один из черных имел право входить в форт при сабле[1].

Сен-Луи или Ндар, как его называют уолофы, занимает своими правильными квадратами две трети небольшого овального острова (длиной слишком 2 километра), окруженного рукавами реки. В средней части города, называемой cretian, т.е. «христианской», большинство домов,—чистенькие и хорошо построенные; но ближе к оконечностям острова соломенные хижины с коническими кровлями, жилища негров, составляют резкий контраст с казармами, складами, присутственными местами; в южном квартале прежде негроторговцы устраивали свои *галло* или сараи для содержания невольников. Самая широкая из поперечных улиц Сен-Луи, по середине которой стоит губернаторский дворец, оканчивается на востоке у плавучего моста (длиной 650 метров) через большой рукав реки, соединяющего город с двумя предместьями, тоже островными, Сор и Буэтвиль, где находится станция железной дороги. На западе и северо-западе три моста, длиной около сотни метров каждый, соединяют город Ндар с негритянскими кварталами Гет-Ндар (т.е. «Ндарский парк»), Ндар-Тут (т.е. «Малый Ндар») и Гохум-лайе, которые иногда подвергаются наводнению во время бури на море. Любимое место прогулки негоциантов Сен-Луи—великолепная аллея кокосовых пальм, которая идет между двумя западными пригородами и пересекает «Варварийскую косу» до самого моря, всегда бушующего. Несколько вилл, окруженных садами, рассеяны в предместьях, но большинство жилищ состоит из негритянских хижин, расположенных группами по национальностям обитателей,—уолофов, фулов, тукулеров, сараколе. Гет-Ндар, или Малый Ндар, населен преимущественно рыболовами, очень искусными моряками, которые, в минуту опасности, всегда вступают волонтерами в ряды лаптотов (чернокожих матросов).

До недавнего времени одною из главных причин дурного санитарного состояния для города Сен-Луи были его цистерны. Наполняемые ливнями на весь период бездождия, они были подвержены колебаниям уровня, и часто, при большой убыли воды, обломки всякого

1 Carriere et Paul Holle „De la Senegambie francaise“.

рода и растения, скоплявшиеся на дне, в виде слизистой массы, показывались наружу, заражая воздух своими миазмами. Эти водохранилища по целым годам оставались без чистки, и когда, наконец, их опоражнивали, чтобы извлечь грязь, зародыши заразных болезней распространялись на далекое пространство. Все городские нечистоты выбрасываются в реку, но последняя сплавляет их в море только в период дождей: в сухое время года они уносятся отливом и приносятся обратно приливом, странствуя таким образом взад и вперед перед набережными Сенегала[1]. Для непосредственного получения воды копают на берегу временные колодцы, где мало-по-малу просачивается жидкость, едва заметно отзывающаяся соленым вкусом. Артезианский колодезь, который бурили на северной стороне острова, но должны были прекратить работу, не дойдя до первичной породы ниже слоя песку, давал солоноватую воду. Теперь, однако, достигли того, что город снабжается, если не вполне чистой, то по крайней мере годной для питья водой, при помощи водопровода, длиной в 25 километров, который приносит в Сорский резервуар ежедневно около 2.000 кубич. метров воды, почерпаемой из речного рукава (marigot) Хассак; запруда не позволяет соленой воде течь обратно в рукав в сухое время года. Соляные пруды около селения Гандиоль, недалеко от бара Сенегала, доставляют количество соли, достаточное для покрытия местного потребления и даже частию поступающее, как предмет мены, в торговлю с областями верхнего Сенегала.

В видах оздоровления главного города Сенегамбии, предприняты также другие большие публичные работы, как-то: засыпка болот между живыми потоками реки и устройство набережных. Кроме того, в настоящее время озабочены созданием для этого города, если не порта, то по крайней мере пристани на океане: возможно было бы построить на берегу Малого Ндара, против Сен-Луи, или севернее, близ Ндиаго, длинный, выступающий за линию прибоя, мост на сваях, где суда могли бы приставать в тихую погоду для спуска пассажиров или даже выгрузки легких товаров; таким образом были бы избегнуты крайне стеснительные неудобства, которые представляет бар, затрудняющий вход в реку. Несмотря на такое невыгодное положение в отношении доступа морских судов, Сен-Луи уже до постройки железной дороги, в 1883 году, был самым деятельным портом Сенегамбии. Так, в 1883 году обороты морской торговли его простирались, по ценности, до 22.935.000 франков (из этой суммы около 22.320.000 франк. приходится на долю торгового обмена с Францией и с французскими колониями): движение судоходства в этом году выразилось следующими цифрами: в приходе и отходе было 423 груженых судна, общей вместимостью 94.567 тонн. За городской чертой Сен-Луи дополняется торжищами, которые устраивают негры в местах прибытия караванов, далее огородами, которые занимают промежутки между дюнами и хорошо орошаемые земли по берегам реки, и, наконец, поясом батарей и фортов, защищающих предместья города от нападений враждебных племен, каковы мавры и уолофы.

К северу от Сен-Луи береговая полоса, обитаемая несколькими рыбаками туземцами племен бу-сба, яхиа-бен-отмар, трарца, имеет весьма малую цену в движении мировой торговли и не может приобрести сколько-нибудь важного значения, пока не озаботятся основанием там заведений для производства рыбной ловли в обширных размерах, в виду того, что эти воды принадлежат к самым богатым рыбой областям океана: между прочим, там ловят во множестве особую породу трески, отличающуюся от настоящей северной трески (gadus morrhua), но не менее ценимую[2]. Во времена, следовавшие за португальским завоеванием, и особенно в эпоху голландской оккупации, на побережьи производилась довольно большая меновая торговля, так как тогда не существовало еще контор по берегам Сенегала; караваны из Адрара и сахарских оазисов должны были идти прямо на морской берег, вместо того, чтобы нести или отправлять свои товары, как это делается ныне, на сенегальские рынки, где производить обмен несравненно удобнее, нежели на пустынном морском берегу, лишенном пресной воды и растительности. С 1445 года, два года спустя после открытия мореплавателем Нуно Тристаном Аргуинской (Аргуимской) мели, португальцы приступили к построй-

1 De Poly, „Revue Contemporaine“ 25 sept. 1885.

2 Albert Merle, „Revue de Geographie“, aout 1886

ке укрепленного магазина на главном острове архипелага[1], и с этого времени установились торговые сношения между европейцами и африканскими купцами. Этот форт, стоящий на северо-восточной террасе острова, переходил последовательно к испанцам, затем к голландцам, к англичанам и, энергично оспариваемый, достался, наконец, в руки французов, в 1678 г.; потом частная компания, называвшаяся «прусской», по причине её флага, но имевшая своих арматоров в Эмдене и принимавшая к себе на службу исключительно голландских приказчиков, сделала этот остров центром своих операций по торговле камедью: суда всех наций допускались туда за определенный причальный сбор. Благодаря свободе торговли, Аргуин получил-было важное коммерческое значение, но вскоре утратил его, по милости новых войн. Французы выгнали оттуда голландцев, затем и сами, в свою очередь, были прогнаны полчищами мавров и должны были дважды возобновлять атаку, прежде чем окончательно овладели позицией[2].

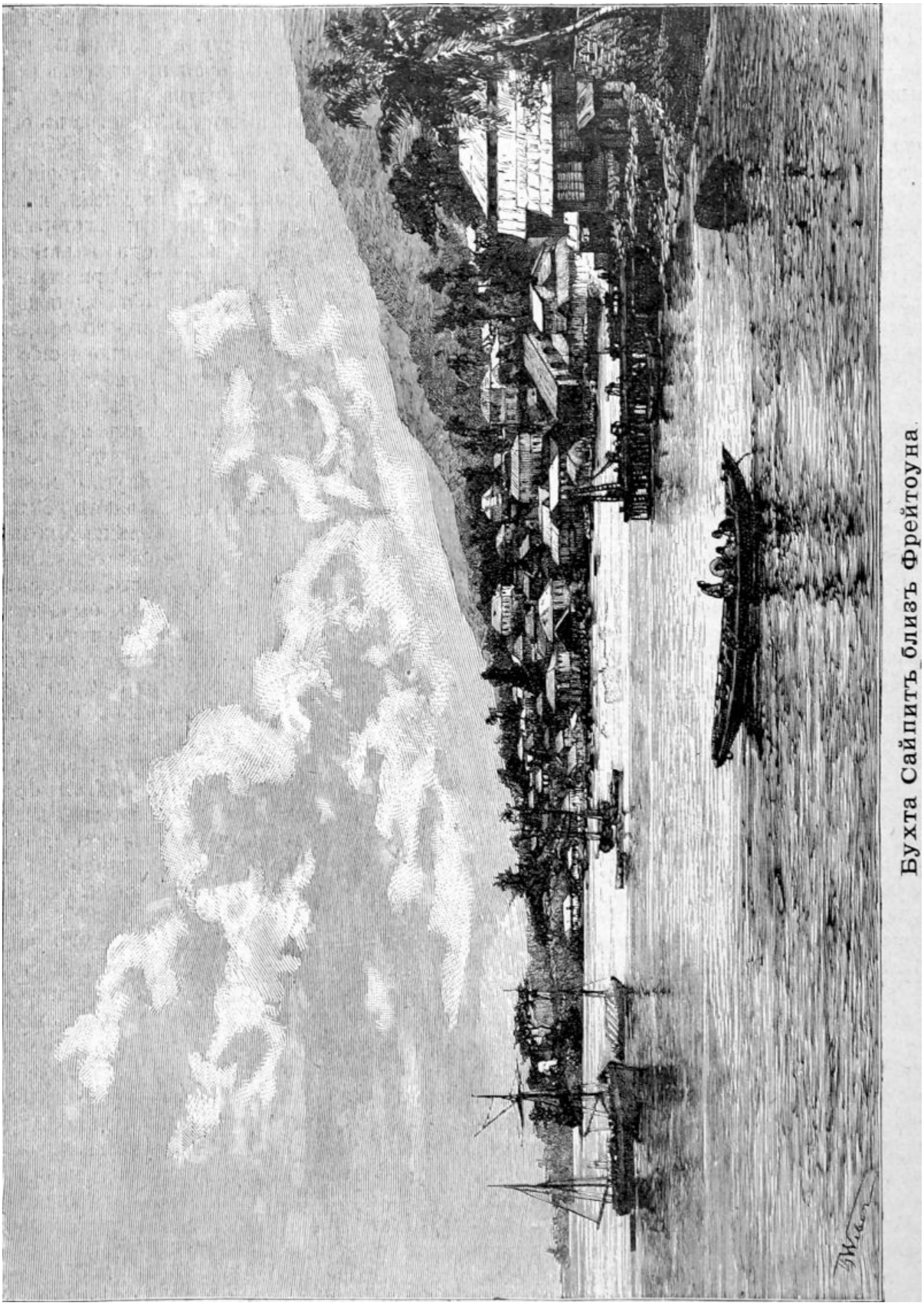
Все эти войны отклонили торговый поток, и когда англичане сделались временно владельцами Сенегала, они запретили всякую торговлю на морском берегу для того, чтобы сосредоточить ее в своих конторах на реке. С прекращением торгового обмена была покинута и самая крепость, от которой теперь остались только фундаменты, на половину засыпанные песком: в 1860 г. путешественник Фулькранд нашел на террасе бывшего укрепления рыбачью деревушку, построенную из куч морских водорослей, скрепленных камнями, но обитатели её только-что перед тем удалились, может-быть, временно, на один сезон. С той эпохи рутина удержала меновую торговлю на речных пристанях. Трудность плавания в узких фарватерах, по которым попеременно пробегают быстрые потоки прилива и отлива, также оправдывала покинутие Аргуинской конторы. Суда большего водоуглубления не могут приставать к этому острову. Правда, прилив достигает в этих водах двух метров высоты, но извилистые каналы, посредством которых глубокая бухта Левры (Гальго) сообщается с Аргуинскими проливами, имеют в некоторых местах, при отливе, всего только три метра воды на порогах. Впереди этого спрятавшагося архипелага, к которому нужно пробираться лабиринтом проходов, простирается обширная Аргуинская банка, скопление подводных камней, рифов, отмелей, попеременно обнажающихся и затопляемых, совокупность которых занимает пространство около 8.400 квадр. километров. Около середины внешнего края этой огромной мели в 1816 году разбилась «Медуза», управляемая несведущим капитаном, которого тщетно умоляли переменить курс. Между драмами на море ни одна не получила большей известности, чем путешествие несчастных пассажиров «Медузы» на утлом плоту, который волны подбрасывали, как мячик. Подобные приключения, конечно, не редки на грозном океане, но не всякое имеет своего Жерико, который бы поведал о нем грядущим поколениям.

Аргуинская мель оканчивается у мыса Мирик, в 160 километрах к юго-юго-востоку от мыса Бланко: в этом месте морской берег не скрывается более за барьером подводных камней, и мореплаватели могут следовать вдоль его на некотором расстоянии, имея путеводителем окаймляющую побережье цепь высоких дюн, навеянных северным ветром. Стройная пальма, брешь в дюнах, прерываемых солонцоватой равниной, указывают подходы к рейду Портендик, рейду опасному, где суда должны становиться на якорь вдали от берега, в открытом море, под прикрытием нескольких банок, о которые разбивается сила волн. Портендик, бывший порт «Адди», названный так, в начале восемнадцатого столетия, по имени одного начальника племени трарца, имел некоторую важность до 1857 года, так как англичане, отдавая Сенегал Франции, оставили за собой право торговать на этой части побережья: когда негоцианты, ведущие торговлю в приречных пунктах, предлагали маврам неподходящую цену за их камедь, мавры везли свой товар к англичанам в Портендик. После выкупа у Великобритании этого права, в обмен на принадлежавшую французам факторию Альбреда, при устье Гамбии, Портендик утратил всякое торговое значение. Мавры соседних местностей не имеют теперь, для сбыта своих произведений, другого рынка, кроме города Сен-Луи,

1 Diego Gomez;—Oscar Pechel, цитирован. сочинение.

2 Andre Brue;—Berlioux;—Labat, цитированное сочинение.

лежащего на 250 километров южнее,—разстояние небольшое для номадов, привыкших к переходу через пустыню. Таким образом вся область прибрежья, заключающаяся между мысом Бланко и устьем Сенегала, может быть рассматриваема как естественная принадлеж-

Бухта Сайпить близъ Фрейтоуна.

ность Сен-Луи, если не по климату и виду местности, то по крайней мере по торговле её населения.

Столица Сенегала, со всем её торговым, земледельческим и военным механизмом, состав-

ляет только половину городского организма: она зависит от своего морского порта Гореи-Дакар. Прежде, когда по трудности сообщений жители Сен-Луи должны были довольствоваться брешью, пробитой водами реки на бушующем баре, главный город этой колонии образовал сам по себе полное целое, от входного порога до городских набережных; но во все времена хорошо понимали, как важно было бы для будущности края связать Сен-Луи с Горейским заливом. В 1859 году был заключен с Дамелем, или королем Кайора, договор, имевший целью обеспечить установление службы конных курьеров вдоль берега, между Сен-Луи и мысом Зеленым; но так как этот договор не соблюдался, то пришлось завоевать сейчас названную территорию и построить три промежуточных поста, Ломпуль, Мборо и Мбиджен, в одно и то же время крепостцы и каравансараи; по конвенции 1861 года, весь берег между морем и «ньяйями», или лужами, окаймляющими дюну, был объявлен французской землей. В 1862 г. решено было построить другую дорогу через внутренний Кайор, и в следующем году уже появилась крепостца на полпути из Сен-Луи в Дакар, вблизи резиденции Дамеля. Наконец, в 1885 году была открыта для движения железная дорога, которая соединяет Сен-Луи с его естественным портом на Горейском заливе, проходя через плодородную, густо населенную область Кайора. Большие деревни, похожия на города, следуют одна за другой вдоль этого рельсового пути. Одно из главных поселений—Мпал, окруженный полями земляной фисташки; это станция, повидимому, предназначенная сделаться будущей узловой станцией для линии Фута и верхнего Сенегала. Деревня Луга, лежащая южнее, также занимает выгодное положение, как соединительный пункт будущей железной дороги внутрь материка. Нданд, бывшая столица королевства Кайор, лежит в самой плодородной местности края, недалеко от обширного пальмового леса, через который проходит дорога. В соседстве находятся холмы, на которых прежде совершалась церемония возведения на престол королей. Тиес, тоже большая деревня, принадлежавшая некогда царьку Баола, предложена как будущий раздельный пункт железной дороги, которая проникнет на юго-восток в долину Салума. В порте Тиес растет баобаб, имеющий 33 метра в окружности при основании.

Горея, первая по времени фактория европейцев в заливе того же имени, кажется, была занята сначала голландцами, которые дали ей название Goeree, по имени голландского острова, лежащего у входа в Гарингфлит[1]; по другой этимологии, менее правдоподобной, первоначальное имя её, которого она, впрочем, вполне заслуживает, было Goede Reede, т.е. «Хороший рейд». Прибрежные уолофы дали ей наименование Бер, что значит «брюхо»; соседний мыс на их языке называется Барсагиш. Счастливое торговое положение, близ наиболее выдвинутого мыса Западной Африки, на берегу лучшего рейда, какой встречают суда на расстоянии нескольких тысяч километров, и в соседстве «Южных рек» с плодоносными и густо населенными берегами, естественно должно было сделать Горею одним из пунктов африканского поморья, особенно горячо оспариваемых кораблями западных держав. Французы отняли этот остров у голландцев в 1677 г., затем им овладели англичане в 1758 г., но через некоторое время уступили его, чтобы потом взять обратно и снова отдать в 1814 г.; поочередно занимаемый различными владельцами, старинный «замок», высящийся на южной оконечности острова, напоминает исторические превратности этой узкой скалы.

Остров Горея, лежащий в 2.220 метрах от Дакара, ближайшего населенного пункта на берегу материка, имеет в длину всего только 900 метров по большой оси, а площадь его не превышает 36 гектаров. Это базальтовая скала, поднимающаяся на 35 метров своим южным утесом и продолжающаяся на севере низменным берегом, охватывающим бухточку, где останавливаются корабли. Рейд, имеющий от 10 до 20 метров глубины, представляет прекрасное пристанище в сухое время года; но в зимний период туда проникает волнение моря, тогда как в 2 с половиной километрах к западу, за Дакарским мысом, вода остается спокойной во всякое время года. Это и было одной из причин, почему Горея утратила значение, как военный и большой коммерческий порт. Та же самая причина, которая некогда побудила вы-

1 Le Mairo, „Voyage aux fles Canaries, Cap-Verd, Senegal et Gambie“.

брать этот пункт, как торговую пристань и центр господства, заставила отказаться от него в настоящее время: это—островное положение Гореи. Как остров, она была обезопашена от нападений туземцев, и коммерсанты могли быть спокойны за склады своих товаров; но со времени водворения мира между народцами соседнего побережья явилась необходимость в гавани на материке, которую можно бы было легко связать с местами производства во внутренних областях страны. Дакар представляет эти выгоды; оттого этот новый город и заселяется на счет Гореи: в период с 1878 до 1883 года последняя, несмотря на свое привилегированное положение в качестве порто-франко, потеряла 1.280 жителей, более трети своего населения. Она сохранила свои сношения с Гамбией, «Южными реками» и Сиерра-Леоне, откуда приходят преимущественно мелкие суда, пригодные для плавания в лиманах; но резиденция начальника края, присутственные места, казармы, конторы торговых компаний переведены в Дакар; сюда же заходят корабли для обновления запасов топлива; железная дорога из Сен-Луи имеет свою конечную станцию в соседстве этого порта, и здесь же находится пункт соединения с подводным телеграфом. Тем не менее, Дакар или «Тамаринд», основанный в 1857 году на территории маленькой уолофской республики Лебу, растет не так быстро, как можно бы было ожидать; мирный торговый обмен трудно мирится с соседством казарм, военных управлений и вооруженных кораблей. Неправильности почвы потребуют больших инженерных работ для урегулирования стока дождевой воды и создания для построек прочного основания; кроме того, остается еще многое сделать для окончательного устройства порта и снабжения его всеми необходимыми приспособлениями—набережными, молами, верфями, доками и укреплениями. Приблизительные сметы исчисляют миллионами суммы, которые придется израсходовать, прежде чем Дакар сделается благоустроенным городом, достойным быть преемником Сен-Луи, в качестве главного города французских владений в Сенегамбии. Но кроме своего прекрасного порта, он имеет еще то, чего недостает нынешней столице,—живописные окрестности, между которыми особенно замечательны мыс Манюэль, выступающий, в виде наконечника копья, на западной стороне рейда, острова Мадлены, всегда окруженные поясом белой пены, холмы (Mamelles) Зеленого мыса, базальтовые вершины, с высоты которых видна, как на ладони, стрелка Альмади, или «Барок», с её рядами опасных подводных камней,—африканские скалы наидалее выдвинутые к западу. На одном из этих холмов стоит первоклассный маяк.

С тех пор, как Горея утратила торговую монополию в этой части Сенегала, движение судоходства в её гавани уменьшилось на половину: военные корабли и трансатлантические пакетботы останавливаются в Дакарском порте, где вода достаточно глубока, тогда как мелкие суда направляются, когда погода благоприятна, на восток к берегам Рюфиска, бывшего Рио-Фреско португальских мореплавателей, который уолофы называют Тангетет, а диепские мореходы именовали «Французской бухтой», если только правда, что последние вели торговлю в этой части африканского поморья[1]. Во многих отношениях этот нарождающийся город, уже более населенный, чем Горея и Дакар, взятые вместе, занимает очень невыгодное положение: в соседстве его сыпучие пески скопляются в виде дюн, а вода застаивается и образует болота; лиман его лагуны вовсе не заслуживает португальского названия «Свежей реки»[2], и жители терпят недостаток в питьевой воде; берег постоянно подвергается сильному удару волны прибоя; но Рюфиск имеет за собой важное преимущество—он находится в том месте, где железная дорога из Дакара в Сен-Луи покидает прибрежье, чтобы направиться внутрь страны, и куда сходятся дороги из Кайора, Баола и земель племени серер; здесь же главным образом сосредоточена торговля земляными фисташками и сырыми кожами; болотистые русла временных потоков обращены в сады, а окрестные леса расчищены под пашни. К несчастию, Рюфиск и, в меньшей степени, Дакар—города нездоровые: континентальные ветры приносят туда опасные миазмы, и болотные лихорадки там никогда не прекращаются; особенно сад Ганн между двумя названными городами, обработываемый руками штрафных

1 Villault de Bellefond;—Gabriel Gravier, „Recherches sur les navigations europeennos“.

2 Hubler, „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale de Bordeaux“, 2 juillet 1883.

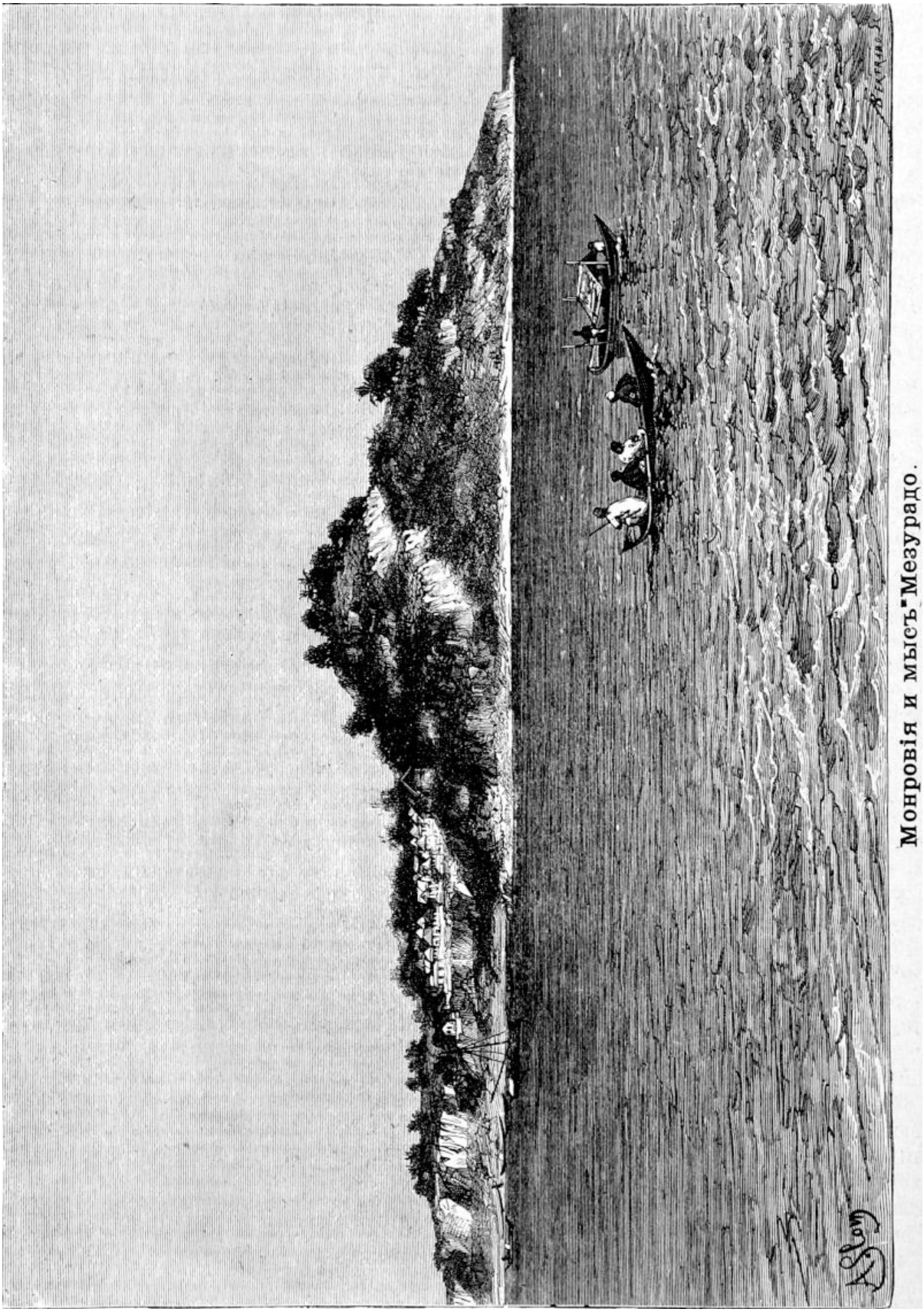
солдат, расположен в убийственной местности, где постоянно свирепствуют болезни. В сравнении с двумя соседними городами, Горея по климату пользуется привилегированным положением: летние жары там умереннее и воздух не заражен вредными испарениями прибрежных болот. Горея служит санаторией для жителей этого берега, которые приезжают сюда на зимний сезон; здесь устроен госпиталь для больных и выздоравливающих из всех владений поморья. Движение судоходства в портах Гореи, Дакара и Рюфиска в 1883 г.: 1.108 судов, вместимостью 141.800 тонн; ценность торгового обмена: 22.383.181 франк.

Южнее, вдоль морского берега, следуют один за другим несколько довольно деятельных торговых пунктов: Портюдаль, Нианинг, Жоаль, бывшая столица Барбасинского государства. В шеста километрах к северу оттуда находится главный центр католических миссий Сенегамбии, Сен-Жозеф-Ниасобиль, окруженный самыми богатыми плантациями во всей этой территории. Тамошние туземцы хвастают своим будто бы португальским происхождением[1] и называют себя христианами, хотя еще не так давно у них существовал обычай в праздничные дни хоронить собаку, с большой церемонией и приличными случаю слезами[2]. Фатик, резиденция *бура*, или короля земли Сине, лежит на реке того же имени, притоке Салума: по традиции, этот царек может вступить в свою столицу не иначе, как приказав предварительно убить человека, чтобы принести ей счастие. Еще в 1876 г. этот ужасный обычай соблюдался, и долго можно было видеть, привязанный к дереву, труп несчастного, принесенного в жертву для того, чтобы отвратить гнев богов[3]. В бассейне реки Салум, протекающей через землю сереров, сенегальские купцы основали несколько контор, куда туземцы приносят земляные фисташки. Главные фактории на Салуме—Каолак, французская анклава, защищаемая крепостцей, и Фундиун, на левом берегу реки, против устья Сине, притока Салума. Вся торговля этих контор производится еще морем и лиманом реки, в ожидании, пока они будут соединены с большим торговым организмом Дакара и Сен-Луи. Несколько поселков, построенных на сваях, как озерные деревни древней Гельвеции, рассеяны на этих аллювиальных землях, среди болотистых пространств, попеременно выступающих из-под воды и заливаемых приливом[4].

В этой области торговый пояс не очень далеко проникает внутрь материка, на восток от Баола и лимана Салума. Деревни территории Джолоф, даже главная из них, Уархор, слабо населены, а Ферло почти совсем безлюдное место. Дождевые воды, падая на совершенно ровную, не имеющую ската почву, целиком испаряются, не образуя ручьев, и земледельческая культура возможна только в редких прогалинах кустарника; чтобы получить воду, приходится копать колодцы до 45 или 50 метров глубины. Пока от железной дороги из Сен-Луи в Дакар не будут проведены ветви к территориям Фута и Бамбук, до тех пор порт при баре останется неизбежным складочным пунктом для всей торговли с верхним Сенегалом. Промежуточными станциями для этих торговых сношений естественно являются речные пристани, находящиеся при устьях притоков или в пунктах прибытия караванов. Ришар-Толль, или «Сад Ричарда», теперь не более как деревня негров-рыбаков, расположенная близ древесного питомника, при устье ручья Тауей (Туей), истока озера Паниефуль. Следующий затем пост Дагана, основанный в 1821 году, почти против истоков из озера Кайор, имеет более важное значение в торговом отношении; укрепление его, окруженное садами и окаймленное со стороны реки великолепными бавольниками, защищает местечко, населенное коммерсантами, которые покупают у туземцев племени трарца камедь и кожи и продают им кувшины для воды и европейские товары. Лежащие выше по реке местечко Гаэ и пристань дю-Кок тоже посещаются торговцами с обоих берегов. Разветвляющиеся по всем направлениям боковые потоки позволяют баркам проникать в многочисленные селения территорий Уало и Димар, пользуясь то приливом, то течением. Приливная волна поднимается вверх по реке до

1 Boriua, „Archives de medecine navale“; Exploration, 1-er semestre 1881
2 Le Gallais, „Annales de la propagation de la Foi“, 1851.
3 „Annales de la propagation de la Foi“, t XLVIII, 1876.
4 Guy Graud, тот же сборник за 1881 г.

Подора, укрепленного местечка, существующего с половины прошлого столетия. Это складочный пункт для камеди, приносимой маврами племени бракна, и главный торговый пост между Сен-Луи и Бакелем.

Монровія и мысъ Мезурадо.

В области среднего Сенегала важнейшие торговые пристани—Аере, на рукаве, ограничивающем с юга большой остров Морфиль; Сальде, на главном рукаве, но у восточной оконечности того же острова; Матам, выше другой бифуркации реки. Эта часть речного течения

была энергично оспариваема французами и маврами друг у друга, и во время войн, поднятых Хаджи-Омаром, тукулеры пытались преградить французским судам проход по реке, наваливая бревна между скалистыми берегами русла. Окончательно побежденные, эти ревностные мусульмане удалились по большей части на террасы, окаймляющие на юге боковые потоки Сенегала, мало доступные французским судам[1]. В дождливое время года негры с левого берега ходят работать на поля мавров, лежащие на правом берегу. Умея выбирать удобный пункт на берегу, откуда течение несет их на другую сторону, они переправляются через реку сидя верхом на поплавке из легкого дерева, почти всегда из ветви бавольника[2].

Бакель, лежащий выше земли тукулеров, составляет как бы ворота верхнего Сенегала, так как в этом месте торговые дороги расходятся, при чем одна направляется на восток, к территориям Гидимаха и Каарта, другая—на юго восток, к территории Бамбук, третья—на юг, к территории Бонду; прежде область Бакель была известна у торговцев под именем Галам, которое, впрочем, применялось ко всему верховью Сенегала. Крепость, сооруженная в 1820 году и дополненная впоследствии тремя фортами, построенными на близ лежащих холмах, составляет самый солидный оплот на верхнем Сенегале, центр обороны против нападений мусульман. У подножия крепостных валов сгруппировались немногие дома европейской колонии и хижины из соломы и глины трех торговых селений, уолофского, соннинкейского и кассонкейского, куда приходят мавры дуаиш для продажи камеди; кроме того, в Бакеле производится значительная торговля земляными фисташками, просом и кукурузой; торговцы приобретают также на этом рынке, впрочем, в небольшом количестве, золотой песок, слоновую кость и страусовые перья. Бакельские купцы посылают по окрестным деревням подручных торгашей, знающих туземный язык, которые, по местному выражению, ходят «делать конторы», т.е. выменивать свои ассортименты товаров на произведения края[3]. Бакель находится почти как раз на этнографической границе между маврами, или берберами, и черными населениями. Ниже этого пункта, правый берег реки занимают мавры; выше живут негры, гидимаха, или «люди скал», родичи племени кассонке, обитающего на левом берегу; еще выше территория разделена между племенами сараколе, бамбара и переселенцами тукулерами. Это положение на поясе соприкасания между несколькими расами еще более увеличивает стратегическую важность Бакеля, и французскому гарнизону уже два раза, в 1859 и в 1866 годах, приходилось освобождать окружающую территорию, производя атаки на укрепленную деревню Гему, лежащую на границе между неграми гидимаха и маврами дуаиш.

К югу от Бакеля, мусульманское государство Бонду, феллатское королевство, восточную границу которого составляет течение Фалеме, занимает едва обозначенный водораздел бассейнов Сенегала и Гамбии: здесь проходит, между этими двумя реками, главный торговый путь, которым следовали Рюбо, Мунго-Парк, Грей, Дочард, Раффенель и другие путешественники-исследователи. Столица королевства, Булебане, или «Город колодцев», расположена на небольшом притоке реки Фалеме, в равнине, над которой господствуют скалистые холмы; в окрестностях рассеяны развалины прежней столицы, а неподалеку оттуда стоит огромный баобаб, под которым совершается церемония коронования. Хотя король Бонду светский государь, а не «повелитель правоверных», как альмами Фута-Джаллона, тем не менее все его подданные обязаны исповедывать ислам, и никакому язычнику не дозволяется пребывание в стране, разве что он пользуется особым покровительством французов[4]. На должность министра всегда назначается человек из народа, представитель рас, покоренных фулами[5].

В начале восемнадцатого столетия Андре Брю построил две крепостцы выше слияния:

1 Gallieni, „Voyage an Soudan francais“.
2 Ricard, цитированное сочинение.
3 A. Barthelemy, „Guide du Voyageur dans la Senegambie francaise“.
4 H. Hecquard, „Voyage sur la cote et dans l’interieur de l’Afrique occidentale“.
5 Anne Raffenel, „Voyage dans l’Afrique occidentale“.

Сен-Жозеф (Махана), на Сенегале, и Сен-Пьер, на Фалеме. Но оба эти укрепления вскоре обратились в развалины,—первое вследствие бунта невольников, и даже неизвестно в точности место, где оно находилось. В наши дни военный пост нижней Фалеме, соединяющейся с Сенегалом между Бакелем и Мединой, находится в деревне Сену-Дебу, лежащей на левом берегу реки, в километре расстояния от первых её порогов, которыми воспользовались для устройства рыбных промыслов. Южнее на одном из притоков правого берега, другое поселение Кениеба, одно время пользовалось большой известностью, как центр золотых приисков в Бамбуке; но «золото спряталось», как говорят негры, и безуспешность попыток эксплоатации заставила забыть этот пост, после того, как из него был выведен гарнизон. Малинкейцы, и специально женщины, сохранили за собой монополию промывки золотоносного песку в южном Бамбуке и, по другую сторону Фалеме, в небольшой территории Беле-дугу; они принимаются за этот промысел по окончании полевых работ и прежде всего стараются задобрить судьбу и вымолить себе удачу принесением в жертву рыжего козла и белой курицы[1]. В небольшом расстоянии от деревни Кениеба, на вершине холма стоит местечко Фарабана, которое в прошлом столетии и до завоевания края пророком тукулеров имело важное значение, как главный город независимой республики. Беглые невольники из всех соседних округов собирались в крепкой ограде этого города, и благодаря своей многочисленности, плодородию своих садов, своим связям с другими общинами беглых негров, и особенно отваге и стойкости, которые им придавало сознание опасности, они успели создать грозное государство. Караулы на валах всегда поручались наиболее скомпрометированным, таким, которых ожидала бы неминуемая смерть, если бы город был взят врасплох окрестными жителями. Вообще в этой области сенегальского бассейна деревни, почти исключительно поселенные мандингами язычниками, наилучше сохранили еще свою республиканскую независимость и федеративную организацию. Фарабана всегда занимала и занимает первое место между этими маленькими государствами Бамбука.

Город Кайес, на левом берегу Сенегала, близ впадения бокового потока Куниакари, и в том месте, где останавливается большинство пароходов в период половодья, получил в последнее время некоторое торговое значение, как пункт высадки войск, посылаемых на Нигер: здесь была устроена первая станция железной дороги. Магазины и склады, недавно заведенные в Кайесе, постепенно переводятся на станцию Диаму, находящуюся в более здоровой местности, в 55 километрах выше, на том же берегу Сенегала; но главный военный пост остался на прежнем месте, в 12 километрах от Кайеса, на берегу излучины, где река образует водовороты после падения с утесов Фелу. Пост этот, по имени Медина, или «Город», прославился трехмесячной осадой, которую выдержал его маленький гарнизон в 1857 году, и окончательным рассеянием войск пророка Аль-Хаджи-Омара. Эта победа обеспечила окончательное овладение верхним Сенегалом, но только двадцать лет спустя, в 1878 году, французы открыли себе дорогу к Нигеру взятием укрепленной деревни (*тата*) Сабусире, лежащей в 6 километрах выше водопада Фелу: несколько тысяч туземцев, по большей части тукулеров, заперлись в этой деревне и целых пять часов отбивались от солдат[2]. Там, на самом деле, находился жизненный пункт новой империи тукулеров, которая от Сегу, как центра, простиралась далеко на восток, по обе стороны верхнего сенегальского бассейна. Теряя среднюю линию бассейна, Бахой и Бауле, «Белую реку» и «Красную реку», Хаджи-Омар терял вместе с тем стратегическое единство своего царства: с одной стороны, Каарта, с другой, Джаллонке-дугу сделались отрывками, отныне разделенными полосой чужих владений. Торговые обороты на складах Мединского округа простирались в 1884 г. до 5.620.000 франков[3].

Северную половину этой империи составляет территория Каарта, зависевшая прежде от королевства Кассо. Племена кассонке и диавара, потомки сонинке, бывших владетелей страны, все еще имеют численный перевес над всеми другими жителями этой территории; затем

1 Ernest Noirot, „A travers le Fouta-Djallon et la Bambouc“.

2 „Annales Senegalaises, de 1854 a 1885“.

3 „Journal officiel“, 9 nov. 1884.

следуют бамбара различных каст, которые еще в недавнюю эпоху были господствующей нацией; наконец, нынешние властители, тукулеры, очень малочисленные в сравнении с представителями других рас, обитают в укрепленных городах; но, благодаря близкому соседству области Фута, колонии их постоянно пополняются новыми выходцами, по большей части ревностными последователями ислама. Эти магометане покидают берега низовьев реки, чтобы удалиться от христиан; однако, они же доставляют на французские посты Сенегала наибольший контингент временных работников, в которых нуждаются офицеры и купцы. Между новыми жителями территории Каарта встречается также много *диаванду*, выходцев из Кассо и Бонду: это люди, происшедшие от фулов и женщин племени сонинке, которые исполняют профессию гриотов, составляя особую касту; они не могут быть обращаемы в рабство, но их изгоняют из родной земли[1]. Бамбара поручают им присмотр за своими стадами.

В Диомбохо, ближайшей к Медине провинции страны Каарта, главное место—укрепленный город Куниакари, бывший некогда столицей племени кассонке, и, по словам путешественника Солелье, имеющий и теперь еще до 5.000 жителей; он занимает прекрасное торговое и стратегическое положение, при слиянии нескольких уэдов, образующих долину его имени, в которой иногда струится вода. К востоку оттуда встречаем Диала, тоже многолюдное местечко, в области Диала-фара. Местечки Коге и Ниогомера, на границах пустыни, в собственном Каарта, были прежде королевской резиденцией; теперь их сменил в этой роли город Ниоро (арабы называют его Рхаб), хижины которого сотнями сгруппированы вокруг каменных стен и больших четыреугольных башен дворца. Ниоро—значительный рынок, посещаемый многочисленными караванами с верхнего Нигера, которые приходят туда за солью, получаемой из Тишита: плитки этого необходимого продукта служат там денежной единицей для всех других товаров, тканей, кож, металлов, слоновой кости и невольников; три или четыре бруска соли представляют ценность мужчины в цвете лет[2]. Почва и климат Ниоро очень благоприятны для разведения европейских домашних животных: лошадей, ослов, крупного рогатого скота, баранов, коз, свиней и домашней птицы; там с успехом откармливают каплунов; туземные утки тоже достигают очень крупных размеров[3]; кроме того, на скотных дворах держат цесарок, страусов и газелей. Джарра, к северо-востоку от Ниоро, теперь уже не «большой город» и не «столица мавританского царства Лудамар» (Улад-Омар?), как во времена Мунго-Парка. На юго-востоке, но все еще в бассейне Сенегала, близ одной из главных ветвей Бауле, находится важный город Диангирте, население которого, во время посещения его путешественником Маж, состояло из 540 тукулеров талибе и их семейств: прежние обитатели, бамбара, были прогнаны этими пришельцами и жили в шести селениях, рассеянных в окрестностях этого города.

До недавнего времени вся территория, лежащая выше Медины в бассейне Бахоя, также причислялась номинально к королевству Сегу, но в действительности она состояла из множества независимых общин и маленьких союзов, бамбаранских и малинкейских, которые тукулеры совершенно разорили, но которыми они окончательно овладели только на небольшом числе пунктов. По крайней мере они достигли того, что превратили в пустыню этот плодоносный край, где могли бы существовать миллионы людей: девять десятых жителей были истреблены. Сельские местности различных лежащих между реками Бауле и Бафинг государств, как-то: Гангарана и Бафинга, Га-дугу и Бирго, Фуладугу, или «земли фулов», потерявшей население, имя которого она носит, Буре, страны золота, были совершенно опустошены, и несколько тысяч уцелевших от погрома жителей должны были искать убежища в скалах и за стенами укрепленных городов. Центром господства тукулеров в этой области был *тата* Мургула, главный город Бирго; взятие этой крепости стоило французам большого числа людей; надо было также стереть с лица земли деревни Губанко, на юго-востоке от Киты, и Даба, на северо-востоке от Кунду.

1 Paul Solleillet, „Voyage a Segou“, редижиров. Габриелем Гравье (не издано).

2 Colin, цитиров. статья.

3 Anne Raffenel, цитирован. сочинение.

Бафулабе, последний пост собственно Сенегала и первый французского Судана, стоит на высоте 135 метров, напротив места слияния Бафинга и Бахоя; он построен в 1879 году, как опорный пункт военных операций, которые должны были продолжаться в следующие годы по направлению к Нигеру; местоположение его было осмотрено еще в 1863 году Мажем и Кентоном, во время их памятного путешествия. Станция Бафулабе сделалась уже торговым центром, и вокруг неё выросли семь деревень, окруженных садами и плантациями бананов; военная администрация закупает здесь кукурузу для экспедиционных отрядов верхнего Нигера, а также быков и баранов, пригоняемых туземцами из земли Томора, на северном берегу реки. В 1881 г. были основаны пост Бадумбе, на Бахое, в сотне километров выше Бафулабе, и крепость Кита, в земле Фула-дугу, на полпути между Бафулабе и Нигером. В 1883 году французы достигли этой реки, и тогда же было начато сооружение форта Бамаку; наконец, в 1884 и 1885 годах построили два новых укрепленных поста между Китой и Бамаку: один, Кунду, на северной, другой, Ниагассола, на южной дороге. Таким образом оккупационный пояс значительно расширен, и теперь нигде нет пробела более 120 километров между французскими гарнизонами в верховьях реки. Стратегическим и торговым центром страны служит пост Макадиам-бугу, окруженный четырнадцатью бамбаранскими деревнями, которые обозначают общим именем Кита: пост этот стоит в точке соединения главных дорог, у входа в ущелье, над которым с западной стороны господствует массив из красноватого песчаника, оканчивающийся крутыми утесами с уступами в виде лестницы; остатки стен в дефилее свидетельствуют о битвах, которые здесь происходили из-за обладания этим проходом. Торговые обороты китского рынка в 1884 г. простирались до 4.000.000 франков. Гора Кита, возвышающаяся слишком на 600 метров над уровнем моря и на 250 метров над окружающей равниной, из всех высот Сенегала, занимаемых французами, представляет наиболее благоприятные условия для устройства санитарной станции; основанный здесь дом для выздоравливающих стоит на южной оконечности плато, открывающей взорам обширный горизонт. Обезьяны, еще недавно массами населявшие вершину плоскогорья, составляли особое государство, род республики, к которой с уважением относились все негры окрестной местности. К востоку от Кита видны развалины Бангасси, бывшей столицы государства Фула-дугу, посещенной Мунго-Парком.

Область Бафинга, лежащая на юго-востоке от Бамбука, есть наименее исследованная часть Сенегамбии; европейцам неизвестна еще действительная важность городов и рынков, имена которых были сообщены туземцами. Дингирай, главный город одного королевства тукулеров, состоящего в вассальной зависимости от Сегу, как говорят, обращен Хаджи-Омаром в сильную крепость, способную устоять против всех вооруженных сил края. Тамба и Гонфуде—многолюдные местечки, тоже в земле племени джаллонке. Но если средняя часть бассейна Бафинга еще неизвестна европейским путешественникам, то область истоков достаточно знакома им: со времени путешествия Моллиена ее посетили Геккар, Ламбер, Оливье де Сандерваль, Гудсбери, Байоль, Нуаро, Габорио, Ансальди, и нет сомнения, этот замечательный край скоро будет одною из наиболее посещаемых местностей Сенегамбии, благодаря его здоровому климату, красоте пейзажей, разнообразию произведений, интересу, который представляют его жители и особенности их быта. Население сгруппировано главным образом в верхних долинах рек, расходящихся во все стороны вокруг центрального массива: Бафинга, Фалеме, Гамбии, «Южных рек» и Нигера.

Тимбо, главный город государства Фута-Джаллон (или Фута-Диало, по произношению фулов), лежит на высоте 758 метров над уровнем моря, среди группы гор, около которой долина верхнего Бафинга описывает полукруг; один из притоков этой реки протекает в окрестностях Тимбо. Эта столица империи совсем не похожа на большой город: её конусообразные хижины, на половину спрятанные в зелени, ютятся у подошвы двух гор-близнецов. Одни лишь потомки первых основателей, уроженцев Массины, поселившихся в крае около конца семнадцатого или в половине восемнадцатого столетия, пользуются правом постоянного жительства в Тимбо; в числе 1.500—2.440, по Гудсбери,—они живут в городе только в сухое время года: на зиму большинство из них переселяются в свои загородные домики, что-

бы наблюдать за полевыми работами. Сокоторо, местный Версаль, лежащий километрах в десяти к востоку от столицы, в цирке лесистых гор, есть главная группа вилл здешних калифов, или альмами; около двух тысяч пленников обработывают их поля[1]. Дворцы, дома вельмож, мечеть, кладбище занимают более трети пространства Тимбо. Мечеть, вторая в Фута-Джаллоне по времени постройки, стоит на небольшой площади, обсаженной апельсинными деревьями, плоды которых может срывать всякий прохожий. На прилегающем к мечети кладбище могилы осенены густыми ветвями великолепных деревьев, до которых никогда не касался топор. Хотя кладбище ничем не огорожено, никто не ходит туда, кроме как во время похорон; всеми уважаемая ограда его состоит лишь из бордюра редких цветов. В соседних долинах, самых населенных во всем государстве, рассеяны большие деревни, из которых многие по числу жителей превосходят самую столицу. Такова, на северо-западе, деревня Буриа, где находится первое померанцевое дерево, посаженное в Фута-Джаллоне: ствол этого великолепного дерева имеет более трех метров в окружности, а под ветвями его могут укрыться от непогоды до двухсот человек; у подножия дерева помещается могила великого марабута Иссы или «Иисуса», перед которой всякий всадник, будь то сам государь, должен сойти с коня[2]. Сельские местности усеяны поселками—*фуласо*, обитаемыми вольными людьми, и *румде*, населенными пленниками. Работая шеренгами, как солдаты, невольники ободряются в этом тяжелом труде молодыми девушками, которые, стоя впереди шеренги, поют в такт и ударяют в ладоши: заступы следуют за кадансом песни. Пение женщин, говорят, необходимо, чтобы отгонять злых духов и помогать всходу посеянного зерна; оно необходимо также, чтобы веселить мужчин и делать их более проворными на работе[3].

Священный город Фута-Джаллона, Фугумба, группа тысячи хижин, лежащая в полсотне километров к северо-западу от Тимбо, в долине реки Тене, притока или верхнего Бафинга, или Фалеме, окружена, таким густым поясом деревьев, что всего города нельзя видеть ни с одного из окрестных холмов: здесь фулы-завоеватели воздвигли первую мечеть края, конусообразное здание, высоко поднимающееся над массой окружающих жилищ; при каждой перемене царствования, в этой мечети совершается обряд посвящения нового избранника в короли Фута-Джаллона, и начальнику города присвоена честь обвертывать чалму инвеституры на голове альмами: ученейшие истолкователи Корана проходят курс учения в этом святом граде. К северу от Фугумбы следуют одно за другим несколько важных местечек, на дороге в Бамбук. Самое значительное из них—Лабе, столица королевства, состоящего в вассальной зависимости от Тимбо; но большинство белых путешественников, Геккар, Моллиен. Ламбер, Байоль, Нуаро, должны были обойти это поселение, чтобы продолжать свой путь. Англичанин Гудсбери, которому удалось пройти через Лабе, и который определяет высоту его местоположения в 870 метров, говорит, что это местечко занимает большое протяжение, так как каждый из четырехсот огороженных дворов его заключает в себе несколько хижин, представляющих отдельные помещения для самого домохозяина, для женщин и для невольников. К северу от Лабе находится деревня Тунтурун, разбросанные дома которой покрывают значительное пространство на высоком, почти безлесном плато, где берут начало истоки Гамбии и Комбы, главного истока одной из рек португальской Гвинеи, Гебы или Рио-Гранде. На юго-востоке от Лабе встречаем большую деревню Сефур, столицу провинции Колладе; на юго-западе другой областной центр, Тимби, имеющий слишком 3.000 жителей (впрочем, только в такое время года, когда нет полевых работ), прячется среди деревьев в широкой и живописной долине реки Какримы, которая изливается в Атлантический океан, между реками Понго и Меллакоре. Далее на севере, в одной из верхних долин, впадающих в долину Рио-Гранде, находится город Туба, по словам Гудсбери, «самый большой» во всем Фута-Джаллоне; он имеет около 800 домов, не считая предместий, и обширную мечеть, куда воины и купцы приходят просить благословения Аллаха, когда собираются в какую-нибудь

1 Lambert, „Tour du Monde“, 1-er semestre, 1861.
2 E. Noirot, „A travers le Fonta-Djallon et le Bambouc“.
3 Olivier de Sanderval, цитированное сочинение

важную экспедицию. Близ Тубы один ручей ниспадает каскадом с высоты 50 метров[1].

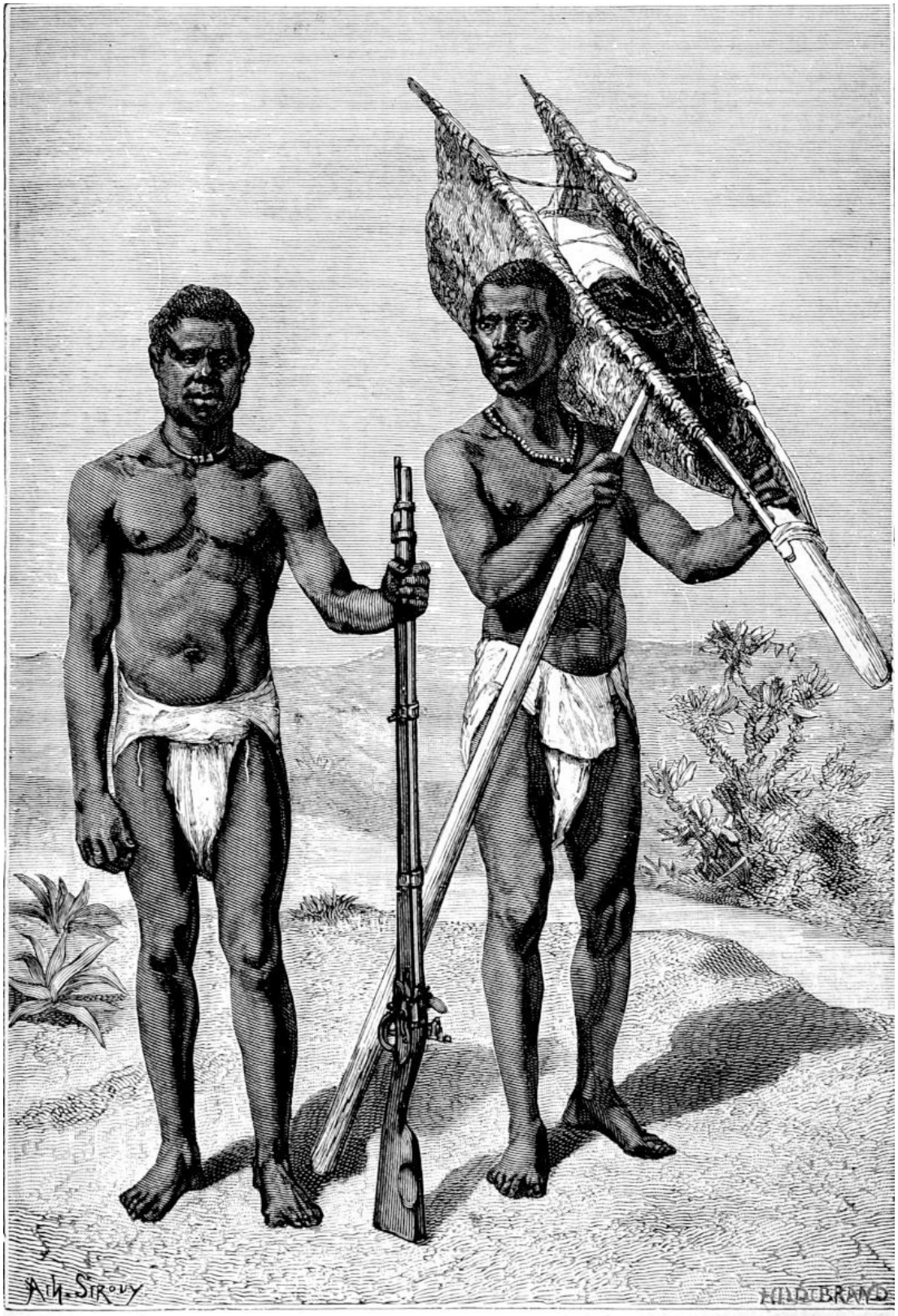
Почти все дороги в Фута-Джаллоне—трудные горные тропинки; только в южной части страны, около Тимбо, есть хорошие дороги, тщательно посыпаемые песком и обсаженные плодовыми деревьями. Как известно, Оливье де-Сандервалю была выдана концессия на постройку железной дороги в Тимбо; тем не менее, альмами сказал путешественнику Байоль: «я но хочу, чтобы расширяли наши пути сообщения, чтобы явились сюда с пароходами, чтобы строили железные дороги. Фута-Джаллон должен принадлежать фулам, как Франция принадлежит французам». Несколько английских слов составляют единственный след влияния европейской цивилизации. Все белые смешиваются здесь под общим именем «португейро», т.е. португальцев[2], что объясняется частыми столкновениями, которые фулы Лабе и Тубы имели со своими соседями, поселившимися на берегах рек Геба и Рио-Гранде; но с этой стороны торговых сношений почти не существует. Главный поток торговли направляется на юго-запад, следуя по нормальному направлению покатости, к Меллакоре или Сиера-Леоне. В 1881 году слишком 1.300 человек, купцов и носильщиков, сопровождали английских посланников из Тимбо в Фритаун, с 260 волами, навьюченными слоновой костью, каучуком и другими местными продуктами. Однако, Франция—единственная европейская держава, видевшая у себя феллатских послов; послы эти приезжали в Париж для ратификации договора, заключенного между Байолем и альмами.

Раздробленное на несколько географических бассейнов, государство Фута-Джаллон и в политическом отношении разделено на две соперничающие партии, аналогичные *софам* берберских племен: это две группы «сориев» и «альфайев». Во время завоевания страны этого деления не существовало; но когда первый державец временно отказался от власти, предоставив вместо себя царствовать одному из своих двоюродных братьев, образовались две королевские фамилии, каждая со своей толпой клиентов и приверженцев; вскоре между честолюбивыми соперниками возгорелась война, и все общество было увлечено в эту борьбу династий. Наконец, совет старейшин, опасаясь падения национального могущества, собрал всех своих членов, без различия партий, и было решено, что отныне политическая и религиозная власть будет принадлежать по-очередно той и другой фракции; однако, сории, названные так по имени Сори-Ахмаду, первого короля, нередко удерживают за собой власть дольше срока, благодаря своему численному превосходству и славной памяти основателя государства. Иногда случается, что государь из династии сориа командует три года, тогда как царствование его преемника из альфайев продолжается всего один год; обыкновенно смена королевского правления происходит через каждые два года. «Отправиться в деревню» в политическом стиле края значит «уступить власть своему сопернику». Впрочем, никакое важное решение не может быть принято без предварительного совета с королем, находящимся временно не у дел, и если он старший по летам, то обычай требует, чтобы его мнению отдавалось предпочтение. Два властителя по-очередно носят титул альмами: подобно древним калифам и константинопольскому султану, они «повелители правоверных». Члены совета несменяемы, и их наследственный президент, *Диамбру-диу Махуду Пуль-Пулар*, т.е. «Великий словоносец фулов»,—очень важная особа, почти не уступающая по авторитету самим альмами: роль его сравнивали даже с ролью «палатных мэров», при ленивых королях древней Франции; во время путешествия Байоля и Нуаро он владел пятью тысячами рабов. При каждой смене царствующей династии, губернаторы или правители областей должны просить о возобновлении своих полномочий, принося присягу на верность новому альмами; впрочем, король Лабе, почти столь же могущественный, как его сюзерен, часто отказывался смещаться, хотя он регулярно платит дань. В одном и том же семействе вербуются обе партии: старшие сыновья, наследуя отцовские земли и прочее имущество, становятся сериями, младшие их братья делаются марабутами и альфайями; другие эмигрируют, уходят искать счастья в

1 Blue Book, C. 365. Gouldsbury, „Expedition to the Upper Garnbia“; „Petermanns Mittheilnugen“, 1882, Heft 8-

2 Olivier de Sanderval, „De l’Atlantique au Niger par le Foutah-Djallon“.

качестве пастухов или обирателей караванов[1]. Деление на сориев и альфайев кажется фулам дотого естественным, что они даже чужестранные нации классифицируют по этим двум группам: так, французы у них называются сериями, а англичан они причисляют к партии

Типы племени кру.

альфайев[2].

Правильность в периодической смене власти свидетельствует о большом влиянии, кото-

1 Jean Bayol, „Bulletin de la Societe de Geographie de Lille“, 1882.

2 H. Hecquard, „Voyage sur la cote et dans l’interieur de l’Afrique occidentale“.

рым пользуются могущественные роды: собственно эти роды и правят государством, под именем личностей, по-очередно восседающих на престоле; каждый раз, когда представится более или менее важное дело, именитые люди, туземные нотабли, собираются на совет, и о принятом ими решении сообщают альмами. Точно так же они управляют и провинциями, хотя непосредственно и не пользуются властью. Единство видов, или по крайней мере интересов, преобладает во всей администрации, в управлении государством, провинциями, деревнями, как естественное следствие периодического чередования партий. Перемене царствования в Фута-Джаллоне соответствует подобная же перемена в каждом отделе страны. Альмами выбирает из своей партии всех второстепенных начальников, которые, платя определенную дань, непосредственно пользуются властью во все продолжение царствования сюзерена; они творят суд, и почти всегда в последней инстанции, хотя апелляция к высшему начальству не воспрещается; они же набирают войска в случае войны, чтобы предоставить их в распоряжение альмами.

Так велика сила законов в этой стране, что всякий обвиняемый, потребованный судьями, отправляется добровольно в место вызова, без судебных приставов или жандармов, даже когда его жизнь в опасности. Обыкновенные воры наказываются кнутом, более важная кража влечет за собою потерю кисти руки; рецидивистам отсекают вторую руку, затем ноги. Убийца, даже неисправимый пьяница[1] приговаривается к смертной казни; несчастные сами себе роют могилу и ложатся туда, чтобы убедиться, что она достаточной длины[2].

Государство делится на тринадцать *диаулов*, или провинций, из которых более обширные подразделяются еще на полу-провинции. Каждое из этих делений организовано по тому же образцу, как и государство: каждая провинция имеет двух начальников, управляющих при содействии совета, и каждая деревня—двух старшин, при которых также состоит сельский совет из почетнейших жителей. Из потомков прежних владетелей края, джаллонке, те, которые не обращены в ислам, платят подать скотом. Другие занимаются низшими ремеслами и составляют особые касты, как, например, гриотов или кузнецов, тогда как многие из них, сделавшись фулами, благодаря смешанным бракам, сливаются с остальным населением. На западе различные племена, живущие вне пределов собственно Фута-Джаллона, как народцы территории Хабу и Ландуман, платят дань феллатским губернаторам ближайших провинций. Доходы правительства состоят из десятины с урожая, из пошлин, взимаемых с караванов, из дани, платимой покоренными населениями, и из пятой части добычи, захваченной на войне.

Владения Сенегамбии связаны с Францией чрез посредство, с одной стороны, выборных представителей, с другой—администраторов, назначаемых центральной властью. К уполномоченным местного населения, которых назначают избиратели полноправных общин, черные и белые, без различия цвета кожи, принадлежат шестнадцать членов генерального совета, десять от округа Сен-Луи, шесть от округа Гореи, и депутат, посылаемый в палату депутатов метрополии.

Главный начальник французской Западной Африки, облеченный очень широкой властью и носящий титул генерал-губернатора, имеет пребывание в Сен-Луи. Территория «Южных рек», или собственно французская Гвинея, владения на берегу Слоновой кости и французский Судан состоят под управлением губернаторов. Эти представители центральной власти очень часто меняются: нездоровый климат, тоска по родине и честолюбие чиновников, политические перемены в метрополии—имеют следствием частое обновление персонала сенегальской администрации. С 1850 по 1886 год, в период тридцати шести лет, в Сенегале сменилось семнадцать губернаторов, утвержденных или временно исправлявших должность; так что средняя продолжительность пребывания составляет два года. Колониальный совет, состоящий из высших должностных лиц и именитых граждан, помогает губернатору и вице-

1 Gouldsbury, цитированное сочинение.

2 Noirot, „Bulletin de la Societe de Geographie d'Anvers", 1886.

губернатору в приготовлении декретов и изучении всех мероприятий, имеющих в виду нужды и пользы края. Генеральный совет (conseil general) занимается бюджетными вопросами и вотирует ежегодно сумму около 300.000 франков на начальные школы и на отправление казеннокоштных воспитанников в среднеучебные заведения метрополии. Бюджет Сенегала в 1892 г.: приход—1.196.985 франк., расход—2.356.301 франк.; но все расходы по содержанию сухопутных и морских военных сил падают на бюджет метрополии; чрезвычайные расходы на постройку дорог для езды на мулах, железных путей и крепостей, тоже покрываются из средств французской казны (ежегодная прибавка к колониальному бюджету Сенегала, даваемая Францией, составляет $12^1/_2$ миллионов франк). Пятифранковик, или пиастр «gourde», сделался денежной единицей Сенегала, но жители внутренних областей не знают ни мер, ни весов, оффициально употребляемых во Франции.

Военные силы сенегальской колонии, состоящие под начальством полковника, имеющего пребывание в Сен-Луи, очень незначительны в сравнении с огромным протяжением территорий, где происходят их передвижения и где они занимают не менее тридцати пяти укрепленных постов, от Сен-Луи до Нигера и от Подора до реки Меллакоре. Некоторые из этих укреплений имеют довольно многочисленные гарнизоны: таковы Бакель, наблюдающий за землями мавров; Медина, командующая входом в горную страну, при начале судоходства по Сенегалу; Кита, расположенная в центре мелких мандингских государств, недавно присоединенных к владениям Франции. Оттого численность войска, которое может быть выставлено в поле, крайне незначительна: ни одна из экспедиционных колонн, которые совершили завоевание территории, заключающейся между верхним Сенегалом и Нигером, не имела в своих рядах более 750 человек. Совокупность военных сил состоит из пяти рот морской пехоты и двух баталионов сенегальских стрелков, в составе девяти рот; команда штрафных нижних чинов дополняет пехотную дивизию. Артиллерия состоит всего из двух морских батарей, роты сенегальских кондукторов и нескольких рабочих при арсенале; к этому надо прибавить еще чернокожих матросов (laptots), которых могут доставить вестовые суда флота, как десантное войско. В этой маленькой сенегальской армии кавалерия представлена эскадроном спаги, офицеры которого набраны из разных полков Франции; из нижних чинов —белые почти все старые солдаты, вновь поступившие на службу; между чернокожими, по большей части из племен Тукулеров и Бамбара, есть много таких, которые были выкуплены из рабства, чтобы быть зачисленными в армию, и которых отпускают на волю по выслуге ими определенного срока[1]; прежде невольники, выкупленные правительством, должны были прослужить четырнадцать лет, чтобы получить свободу[2]; теперь для добровольцев установлен шестилетний срок службы[3]. Нормальная продолжительность пребывания в Сенегале для войск, переводимых из Франции или Алжирии, составляет два года.

Оборонительная флотилия состоит под командой капитана 2-го ранга. Кроме того, существует небольшой колониальный флот, к которому принадлежат пароходы, совершающие рейсы вдоль морского берега, затем буксирные и транспортные суда, плавающие по реке Сенегалу. Чернокожие матросы, или laptots, нанимаются в службу только на один год; они могут достигнуть чина квартермистра и даже штурмана: тогда их называют «речными капитанами». Лоцман, проводящий суда через бар, назывался прежде Jean-Barre.

Колониальная магистратура состоит из двух окружных судов, в Сен-Луи и в Горее, и из апелляционного суда. На-ряду с этими общими судебными учреждениями заседают в Сен-Луи кади, назначаемый губернатором, и мусульманский трибунал, в котором председательствует тамсир, или главный «марабут», и который ведает дела о наследстве и браках, руководствуясь в своих решениях текстом Корана и преданием ислама. Начальники постов, особенно очень удаленных от Сен-Луи, облечены большой дискреционной властью и судят обыкновенно по местным обычаям; дела же об уголовных преступлениях они обязаны пред-

1 P. Solleillet, цитирив. сочинение.

2 Anne Raffenel, цитиров. сочинение.

3 Victor Schoelcher, „L'Escavage an Senegal".

ставлять на рассмотрение судебных установлений главного города. В принципе в Сенегале действует гражданский кодекс, обнародованный в первый раз в 1830 году, но, как видно, довольно безуспешно, потому что в 1855 году он был вновь опубликован во всеобщее сведение. Многоженства, хотя оно дозволено, не существует фактически ни в Сен-Луи, ни в Горее. Еще не так давно временные браки между белыми и туземными синьярами, называвшиеся «браками по сенегальской моде», были признаваемы как законом, так и общественным мнением, и дети, родившиеся от такого брака, пользовались правами наследования. В начале настоящего столетия было даже в обычае, чтобы на свадебном обеде этих брачных союзов председательствовал католический священник[1]. Верность синьяр всегда была примерная. Рассказывают, что, при отъезде мужа во Францию, жена подбирала горсть песку, на который он ступил, садясь на корабль, и завертывала этот песок в кусок холста, который с благоговением помещала в ногах своей кровати[2].

Французская Сенегамбия делится на территории неправильной формы, представляющие большое различие в отношении порядка управления. Часть африканской почвы, где введено сходное с метрополией устройство, заключает в себе только четыре полноправных городских общины,—Сен-Луи, Горею, Дакар, Рюфиск,—управляемые муниципальными советами и выборными мэрами.

Города Сенегала и французского Судана[3], с цифрой их населения:

Сен-Луи—19.000 жит.; Дагана (1885 г.)—5.275; Рюфиск—7.000; Жоаль (1885 г.)—2.370; Дакар—6.000; Горея—2.000; Бакель—1.800; Ниагассола (1885 г.)—1.200.

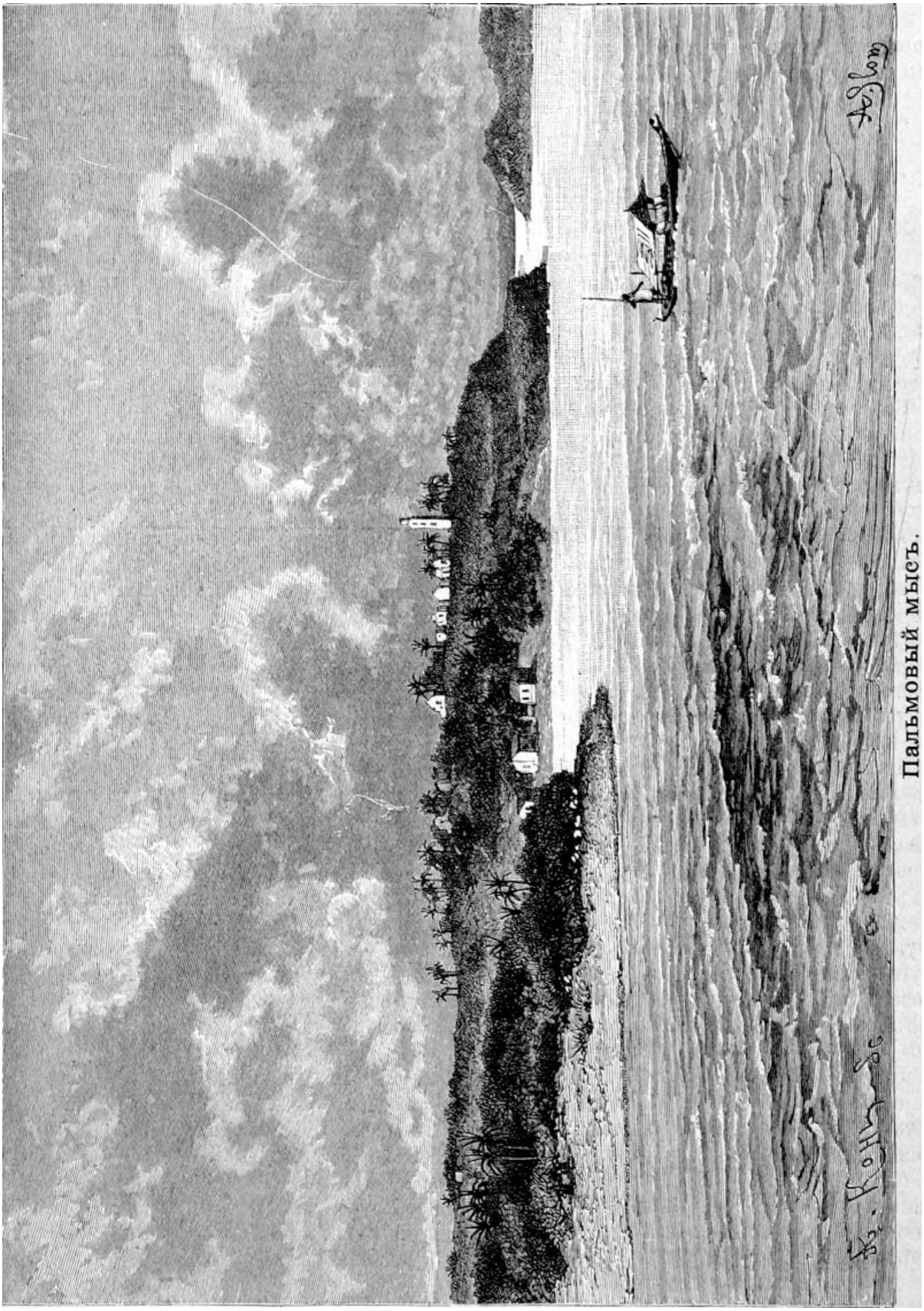
Территории, состоящие «в непосредственном владении», к которым принадлежат крепости, посты и конторы, вместе с их округами, на побережьи, на реке и внутри страны, считаются французской землей, и колониальная администрация, собственница почвы, может продавать или уступать ее в пользование кому пожелает. Территории «присоединенныя», не входящие в состав французских владений в собственном смысле, управляются не колониальным правительством, а туземными начальниками, либо назначенными губернатором, либо наследственными или избранными народом и утвержденными в этом звании сюзеренной державой; последняя сохранила за собой право раздавать в оброк пустопорожния земли в присоединенных областях за известную поземельную подать. Что касается территорий, состоящих под «протекторатом», то они поступили под покровительство Франции в силу особых конвенций, различающихся по территориям и различно определяющих выгоды, предоставляемые французской торговле, в обмен за гарантию владения, обеспечиваемую их вождям или начальникам; в договорах, заключенных с 1879 г., колониальное правительство выговорило себе право приобретать в полную собственность участки земли, необходимые для постройки укреплений, факторий, дорог, рельсовых путей. Обыкновенно в договорах определяется также размер податей и пошлин, которые будут взимаемы туземными властями с земли, сельских произведений и товаров, в среднем 3 процента со стоимости,—но Франции не присвоен сбор каких бы то ни было налогов. Наконец, некоторые из туземных государств или земель, сопредельных с французской территорией и странами присоединенными, или состоящими под протекторатом, связаны договорами о торговле и дружбе, которые обеспечивают французскому правительству исключительные привилегии. В многих отношениях политический режим страны напоминает старый порядок феодальной Европы. Нужно заметить, что в своих сношениях с туземцами, к какой бы расе они ни принадлежали, к фулам, неграм или маврам, колониальная администрация всегда поощряла поддержание или установление монархического строя; она никогда не вступает в переговоры с воль-

1 Paul Soleillet, цитированное сочинение.

2 Leonard Duraud, „Voyage au Senegal“.

3 Именем „французский Судан“ обозначается лежащая к востоку от колонии Сенегал и Rivieres du Sud часть франц. владений в северо-западной Африке, обнимающая округа: Бакель, Кайес и Медине, Бафулабе и Батумбе, Кита и Кунду, Ниагассола, Баммако, Сикири, с несколькими государствами „под протекторатом“ (государство Самори, Фута-Джаллен и др.). Пространство всей этой области исчисляют в 1.231.500 кв. килом., а население—в 8.800.000 душ. *Ред.*

ными, самоуправляющимися общинами, или народоправствами: она признает или ставит единоличных начальников в каждой территории присоединенной, или состоящей под её протекторатом. Кроме того, вмешательство французов в дела туземцев имело то косвенное

Пальмовый мысъ.

следствие, что оно остановило успехи ислама, распространение которого до того времени шло с неудержимой силой. Наиболее ревностные проповедники магометанской веры, мавры и особенно тукулеры страны Фута, были главными врагами Франции. Нанесенное им воен-

ное поражение положило конец и их религиозной пропаганде. Мандинги Бамбука, сереры Кайора, которым неизбежно грозило бы обращение в ислам, если бы их не избавило от этого соседство французов, сохранили свои языческие обычаи, хотя в сильно измененном виде; бамбара страны Беле-дугу и соседних земель, которые уже назывались мусульманами, теперь не имеют более надобности притворяться проникнутыми религиозной ревностью, которая не в их традициях.

Граница сенегальской территории еще не определена точно в северной её оконечности, на берегу Мавров. Не подлежит сомнению, что в конце семнадцатого столетия жалованными грамотами и королевскими эдиктами 1681, 1685 и 1696 годов была уступлена «Компании Сенегала» вся область поморья, простирающаяся на север от устья этой реки до Белого мыса. Рыболовные промыслы и другие заведения основывались на разных пунктах континентального берега и Аргуинского архипелага: географы, между прочим, д'Анвиль и дел'Иль, единогласно обозначали, как территорию сенегальской компании, всю береговую полосу, присвоенную ей жалованными грамотами. Трактат 1814 года возвратил Франции все без исключения, чем она прежде владела в области африканского континента. Казалось бы поэтому, что в силу исторических документов стрелка мыса Бланко должна составлять точную границу французского Сенегала; между тем недавно основана испанская фактория на берегу бухты Леврье, или «Борзой собаки»—по-испански bahia dei Galgo,—которая защищена на западе полуостровом названного мыса. До настоящей минуты этот вопрос о границах между владениями двух держав еще не разрешен. Но каково бы ни было предстоящее решение его, несомненно, что морской берег, окаймленный дюнами, который тянется на север от сенегальской дельты, составляет естественную принадлежность приречных стран, так как на нем кочуют племена, имеющие обыкновенно пребывание в соседстве Сенегала и установившие на берегах этой реки свои главные торжки.

Следующая таблица содержит список французских административных делений и вассальных территорий в Северной Сенегамбии. Каждый округ управляется военным или гражданским начальником, который облечен такой же властью, как французские префекты, и которому подчинены начальники кантонов, военных постов и туземных деревень.

Территории, состоящие в непосредственном владении:

Первый округ (Сен-Луи).

Уезд Сен-Луи. Кантоны: Сен-Луи, Тубе, Ндиаго, Диала-хар, Гандон, Хаттет, Мпаль, Гандиоль, Меринаген, Росс. Уезд Дагана, или Уало. Кантоны: Хума, Ндианге, Ндар. Уезд Подор. Уезд Сальде. Уезд Бакель. Уезд Медина. Военные посты: Сену-дебу, Бафулабе, Бадумба, Кита, Кунду, Ниагассола, Бамаку, Куликоро.

Второй округ (Дакар).

Уезд Дакар. Уезд Рюфиск, разделенный на 2 кантона. Уезд Мбиджем, разделенный на 2 кантона. Уезд Тиес, разделенный на 2 кантона. Уезд Портюдаль, Уезд Жоаль. Уезд Каолак (Салум) находится в округе Южных рек.

Территории присоединенные: Северный Кайор, Торо, Дамар.

Территории, состоящие под протекторатом: Кайор, Ндиамбур, Сине, Салум, Баол, Джолоф, Димар, Боссеа (Дамга), Лао и Ирлабе в Фута, Кассо, Бонду, Бамбук, Гюой, Тамбаура, Диабе-дугу, Южный Беледугу. Земля на верхнем Бахое и по берегам Нигера: Гангаран, Гадугу, Мандинг, Бафинг, Дио, Даба, Северный Беле-дугу, Фадугу, Дамфари и пр.

Территории, связанные договорами: Хамера, Гидимаха, страны Трарца, Бракна, Улад-Эли, Дуаиш; Фута-Джаллон.

III. Гамбия.

Река Гамбия, от которой Сенегамбийская территория получила половину своего имени, на первый взгляд представляется важнейшим потоком всей западной Африки, как дорога,

проникающая внутрь черного материка. В самом деле, эта река, которую первые путешественники называли Гамброй, имеет над Сенегалом то преимущество, что она гораздо доступнее судам. Лиман её открывается в море менее бурное, бар её более глубок, и корабли с осадкой до 3 метров могут во всякое время проходить через этот порог. Берега её плодороднее берегов Сенегала, и земледельческая культура может быть ведена там так же успешно в сухой период года, как и после наводнений. Она судоходна во время мелководья до более восточной долготы. Наконец,—и это главное её преимущество,—она открывает более прямой путь к Бамбуку, то-есть к стране золота и к плодоносным долинам горной цепи Фута-Джаллон, населенным трудолюбивой расой фулов; Гамбия представляет хорду огромной дуги, описываемой течением Сенегала.

Уже в 1618 г. Томпсон, отправившись на поиски золота в Томбукту, поднимался вверх по Гамбии до земли Тенда, недалеко от гор Фута-Джаллон; но он был убит в пути, или его собственными людьми, или португальцами. Два года спустя Джобсон следовал той же дорогой, и позднее многие другие исследователи доходили до скал Барра-Кунда. Все подтвердили, что течение этой реки представляет кратчайший путь в области верхнего Сенегала и в страны золота, Бамбук и Буре. Впрочем, тогда полагали, что Гамбия есть не что иное, как рукав сенегальского «Нигера». На карте Раффенеля Гамбия соединяется с Сенегалом, и подобно Моллиену, этот знаменитый исследователь, переправляясь через Нерико, думал, что видит перед собой соединительный поток между этими двумя реками. Один из новейших путешественников, Митчинсон, утверждает, что в период дождей всегда существует сообщение из Сенегала в Нигер[1]; во всяком случае несомненно, что между этими двумя судоходными путями волок не длинен. Несмотря на выгоды, представляемые Гамбией, европейцы, посещающие эту реку, уже в течение четырех столетий, почти не проявили своей деятельности в этом краю; по торговому и политическому значению этот африканский поток стоит гораздо ниже реки, впадающей при Сен-Луи. Причину тому следует искать главным образом в климате, убийственном для европейцев Севера. На берегах Гамбии англичане, шотландцы не те люди, какими мы видим их на берегах Мерсея или Кляйда. Надо также принять в рассчет различие прибрежных населений Сенегала и Гамбии, соответствующее различию климата и почвы. Гамбия не имеет, в легко доступной части своего бассейна, ни способных к торговле мавров, ни трудолюбивых и неутомимых в работе тукулеров.

Область истечения у Гамбии не соразмерна длине её течения. От истока, в горах Фута-Джаллон, до устья, при городе Батурсте, её извилистое русло тянется на пространстве около 1.200 километров; но среднюю ширину области истечения нельзя считать более 60 километр.; а всю площадь бассейна—более 50.000 квадр. километров. В южных округах, которые не были опустошены мусульманами, население довольно густое, по сообщениям путешественников. Не считая жителей южного Бонду и Фута-Джаллона, составляющих особое государство, союзное с Францией, число гамбийцев разных национальностей, мандингов и сереров, по всей вероятности, превышает двести тысяч[2]. Около пятнадцати тысяч из них обитают в английских территориях, на островах и полуостровах реки: совокупность этих европейских владений, незначительных анклав в обширном протяжении бассейна, составляет не более 179 квадр. километров.

Из всех рек, берущих начало в горной цепи Фута-Джаллон, Гамбия получает наибольшую массу воды: почти весь названный массив принадлежит к этому речному бассейну. На востоке, главная ветвь Гамбии окружает самые высокие области горной страны; на западе и северо-западе, избыток дождей уносится также одною из верхних ветвей Гамбии, называемою англичанами Грей-ривер («Серая река»). Фалеме, Бафинг и другие реки, принадлежащие к сенегальской системе, зарождаются в южной части массива, менее высокой, чем центральная область, а реки, направляющиеся прямо к морю, на юге от бассейна Гамбии, Геба, Рио-Гранде, Кассини, Какрима, получают питающие их воды только с юго-западного

1 Mitchinson, „The Expiring Continent, A narrative of travel in Senegambia“.

2 Africanus Horlon, „West African Countries and Peoples“.

ската гор. Что касается Нигера, или Джолибы, то он берет свою долю избытка дождей, выпадающих на центральный массив Сенегамбии, посредством небольших боковых притоков. Истоки Гамбии, доселе посещенные Геккаром, Байолем и Нуаро, находятся на севере от Лабе, самого значительного города Фута-Джаллона, в 10 километрах от большой деревни Тунтурун. Посреди одного *баовала*, травяного плато, усеянного каменными глыбами, лежит, окруженная деревьями, груда камней железняка, из которой пробивается тонкая струйка воды, текущая маленькими каскадами: это и есть главный исток Диммы,—имя, которым фулы обозначают Гамбию до её устья. Усиленная шестью ручьями, берущими начало на том же плато, Димма становится порядочной рекой, катящей свои воды во всякое время года; соседняя деревня называется Оре-Димма, т.е. «Голова Диммы». В 1.500 метрах к северу от первого бассейна Гамбии прячется в тени больших деревьев маленький резервуар прозрачной воды, откуда вытекает другой ручей: это исток Комбы, главной ветви реки, которая направляется прямо в море, и в которой предполагают Рио-Гранде. Плоскогорье, откуда изливаются этп две реки, имеет около 1.150 метров высоты.

Гамбия течет сначала на протяжении слишком 200 километров на восток от гор Фута-Джаллон, затем огибает эти горы на северной их оконечности, и, переходя из ущелья в ущелье, достигает, наконец, западной покатости Сенегамбии. В Сила-кунда, выше последней проходимой ею горной теснины, река, средняя ширина которой 300 метров, течет на высоте 171 метра; ей остается только пройти большую равнину, описывая многочисленные излучины; вообще Гамбия—самая извилистая река западной Африки. Кое-где скалы прерывают ей русло и образуют естественные запруды, препятствующие судоходству: таковы пороги Барра-кунда, на расстоянии около 450 километров от устья; Мак-Доннель поднимался на барке вверх по реке на 170 километров. Суда, не глубоко сидящие в воде, могли бы доходить до водопада Барра-кунда в период мелководья, самое благоприятное время, по причине слабого течения; но обыкновенно морские суда останавливаются гораздо ниже, у острова Мак-Карти, лежащего в 280 километрах от устья: до этого места распространяется по реке морской прилив в период бездожия. В зимний сезон речное течение опять берет верх и не позволяет приливной волне проникать на большое расстояние вверх от устья. Средний объем протекающей воды для Гамбии еще не был вычислен; известно, однако, что, относительно, принимая во внимание величину бассейна, он значительно превышает нормальный дебит Сенегала. В бассейне Гамбии дожди сильнее и чаще; июль, август и сентябрь—там очень сырые месяцы; так, например, 9 августа 1861 года выпал ливень, образовавший впродолжении суток слой воды толщиной слишком в 23 сантиметра[1]; в том же году наблюдали еще два дождя в 9 сантиметров каждый.

Несмотря на большую массу пресной воды, приносимую верхним течением, нижняя Гамбия не похожа на реку: это—лиман, залив солоноватой или соленой воды. Выше устья берега её расступаются слишком на 10 километров, в самом же устье водная площадь имеет только 4 километра в ширину, при средней глубине 20 метров. В этом месте самые большие корабли могут легко делать свои эволюции; бар находится километрах в двадцати оттуда, в открытом море: это—широкий порог, покрытый слоем воды толщиной около 9 метров в часы отлива; смотря по времени года, прилив повышает на 2 или на 3 метра уровень лимана и залива. Многочисленные извилистые каналы проникают далеко внутрь материка и разветвляются с главной водной площадью тинистой Гамбии: один из этих побочных потоков, извивающийся посреди наносных земель к западу от главного входа, называется по-английски Ойстер-крик, или «Устричный ручей». Самое имя его говорит, что это не речное устье, а поток морской воды, ибо, по исследованиям фон-Бера, устрицы могут развиваться только в воде, содержащей примесь соли в количестве 18 на 1.000; эти моллюски образуют обширные мели на песках и прицепляются в виде гроздьев к корням ризофор. Страшные акулы населяют воды Ойстер-крика, так что купаться там очень опасно. На севере, другие извилистые потоки, проходящие через леса, впадают в лиман Салума.

1 Richard Burton, „Wanderings in West Africa“.

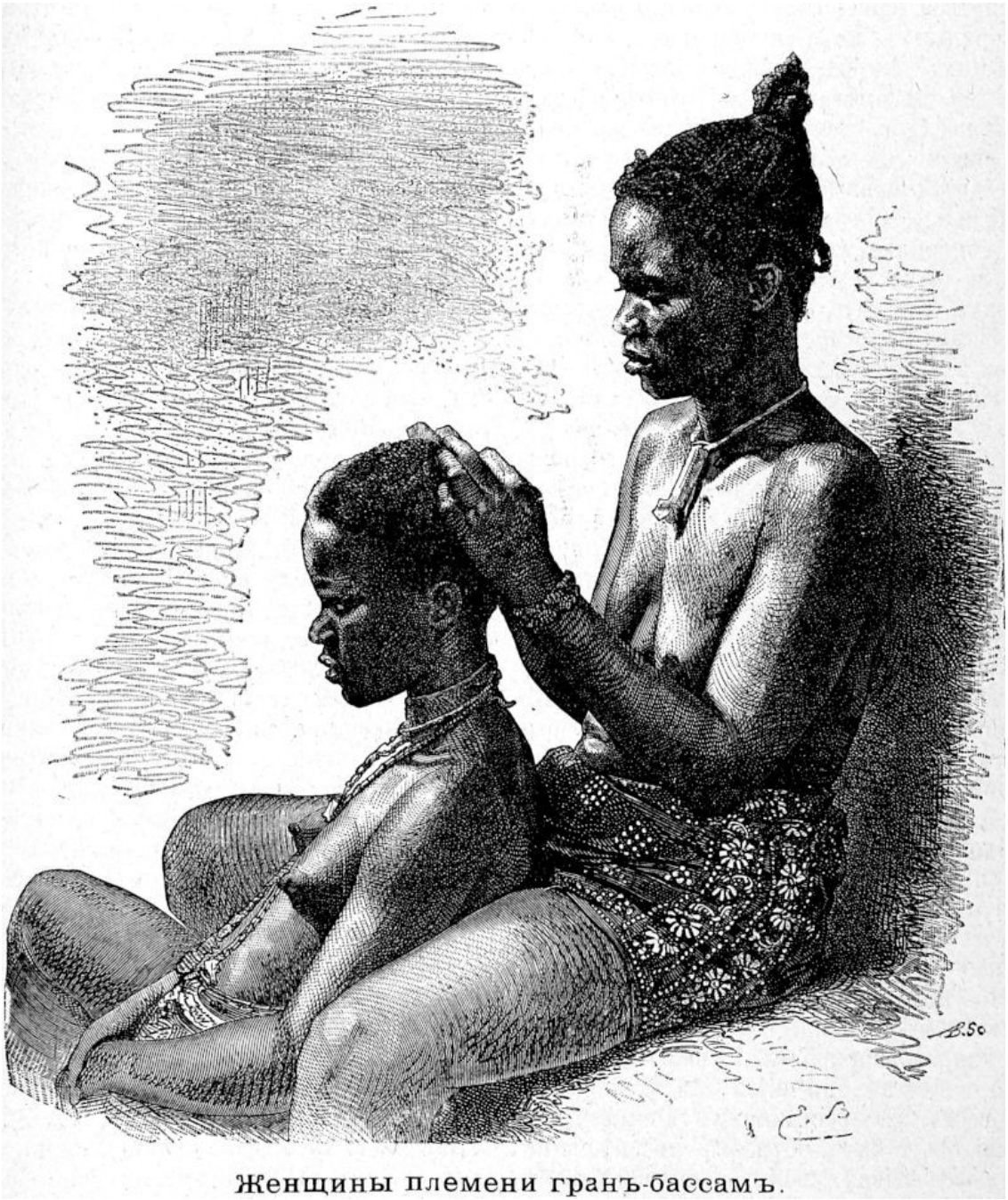
По берегам Гамбии земля проглядывает только через редкие пробелы в живой изгороди корнепусков; но, миновав эту полосу прибрежной растительности и область лагун и болот, вступаешь в прелестную, слегка волнистую местность, усеянную густыми деревьями и пышными букетами зелени, которые давали путешественникам повод сравнивать многие африканские страны с английскими парками. Прибрежные равнины Гамбии гораздо богаче лесами в сравнении с равнинами Сенегала; они представляют большее разнообразие древесных пород, между которыми особенно замечательны баобабы, разные виды пальм и знаменитое масляное дерево; во многих местах леса прерываются саваннами, где злаки достигают 6 метров (около 8 с половиной аршин) высоты. На острове Сент-Мери растет кустами четочник (abrus precatorius), из семейства бобовых, названный так за его семена, красные и черные, которые по виду похожи на коралл, и из которых делают ожерелья и четки. Но что это за растение из семейства пандановых, таинственное фандиане, плоды которого, по словам туземцев, воспламеняются сами собой в период созревания и обеспечивают постоянное счастье тому, кто сорвет их[1]? Дикие звери еще царят в лесах, неподалеку от английских поселений; львы бродят около деревень, и на болотистых тропах глубокие следы напоминают о проходе слона. В конце шестнадцатого века Гамбия занимала первое место между реками Африки по размерам вывоза слоновой кости; часто суда встречали целые стада слонов, переплывавших с одного берега на другой[2]. В самой реке и в боковых её потоках и лагунах водятся также крокодилы и бегемоты.

Разные племена населяют бассейн Гамбии; но вниз по реке от мест обитания горных фулов и порабощенных ими джаллонке, большинство гамбийцев принадлежат к суданской группе мандингов: в этой области, на западной отлогости гор, эта раса наиболее сильно представлена; впрочем, переходя далеко за пределы бассейна Гамбии, она проникает в бассейн Сенегала по направлению к Бакелю или Бафулабе и овладела многими территориями в поясе Южных рек. Самое обыкновенное имя её в некоторых частях Сенегамбии—Мали'нке, «Люди Мали»; оно напоминает империю Мали или Мелле, которая обнимала верхний бассейн Нигера в ту эпоху, когда португальцы вступили в сношения с жителями внутренней Африки; в память о былой славе имя Мали получило смысл «благороднаго». Даже после того, как царство мандингов было разрушено сонгхаями, император, или *манса*, долго еще пользовался благоговейным уважением у своих бывших подданных на Гамбии, и имя его произносилось не иначе, как с низким поклоном[3]. По их преданиям, манде или мандинге (манде-нго или манде-нга), уроженцы востока, прибыли в край в шестнадцатом столетии, оттеснив коренное население и уничтожив его национальную связь: таким образом, в португальской Гвинее и на соседнем побережьи первоначальные нации распались на множество мелких народцев, без всякого этнического единства. Завоевательное движение мандингов продолжается поныне во всей области поморья: они проникают даже на север, в страну сереров, где царствующие фамилии принадлежат к их расе. Правда, что, подвигаясь вперед с одной стороны, они теряют почву с другой; на западе они оттесняют население прибрежья, но на востоке их самих одолевают фулы, которые все далее проникают в их области[4]. В 1862 г. мандингские «марабуты», называвшиеся прежде «биксиринами» (bushreens), разрушили сотни языческих деревень и даже «городов», существовавших на правом берегу Гамбии; жители, обозначаемые презрительным наименованием «сонинке», которое здесь не имеет никакого этнического значения, должны были переменить веру, то-есть научиться преклоняться утром и вечером перед дневным светилом[5].

Мандинги различно описываются путешественниками, что объясняется смешением этого племени с другими населениями, негритянскими или феллатскими, контрастом местностей,

1 Anne Raffenel, „Nouveau voyage au pays des Negres".
2 D'Almada;—Jobson, цитирован. сочинение.
3 D'Almada, цитированное сочинение.
4 Africanus Horton, цитированное сочинение.
5 Berengcr-Feraud, „Les Peuplades de la Senegambie".

различием образа жизни и рода занятий. На берегах Гамбии, мандинги являются ясно охарактеризованными неграми, несколько светлее уолофов, с волосами менее курчавыми, но с резцами, сидящими более косо, и с челюстями более выдающимися; нос у них широкий, как бы приплюснутый у основания, и оканчивается зияющими ноздрями, отверстия которых образуют два параллельных овала. В целом, физиономия их не имеет того отпечатка добродушия и ласковости, какой представляет физиономия большинства негров; выражение лица у них строгое, почти суровое; однако, они отличаются нежной сыновней привязанностью:

Женщины племени гранъ-бассамъ.

«прибей меня, но не кляни мою мать!» гласит одна из их пословиц, часто приводимая путешественниками, начиная с Мунго-Парка. Вообще, мандинги хорошо сложены, и икры у них толще, чем у уолофов. Язык их, распадающийся на множество наречий и говоров, не имеет письменности, хотя по умственным способностям и любознательности, мандинги уступают только фулам. Так как почти все мандинги приняли магометанскую веру, то те из них, которые получают образование, обучаются по Корану, и потому пишут свои амулетки по-арабски; впрочем, христианские миссионеры составили миндингские грамматики и, в отношении классификации, поместили этот язык рядом с уолофским, в группу идиомов с суффик-

сами. Обильно одаренные воображением, мандинги обладают богатой сокровищницей сказок, басен и апологов; их гриоты славятся изобретательностью и поэтическим вдохновением, часто также большим искусством по части фокусов[1]. Как музыканты, мандинги занимают первое место между западными африканцами; не говоря уже о тамтаме разных видов и железных тарелках, употребляемых и у их соседей, они играют также на скрипке, на гитаре, на лире; правда, инструменты эти у них гораздо грубее европейских и состоят только из кишечных струн, дерева и куска кожи, изображающего деку; но туземные музыканты умеют извлекать из них очень гармонические звуки и играют с большим вкусом. Любимый их инструмент, называемый балофоном, есть род цитры из тонких деревянных реек, натянутых на рамку над выдолбленной тыквой и издающих звуки под быстрыми ударами деревянного молотка. У мандингов-язычников, живущих на Гамбии, англичане впервые встретили *момбо-джомбо*, деревенских судей, облеченных властью устрашать и карать нарушителей обычая. В прежнее время это действительно была страшная власть. Одетые в костюм из трав и листьев, как растения, выросшие из земли, с раскрытой в виде пасти тыквой, вместо головы, момбо-джомбо часто замучивали караемых до смерти или до сумасшествия железом или ядом; они произносили проклятия, осуждали на опасные испытания; потом роль их свелась к наказанию неверных жен побоями и к наблюдению за мальчиками и девочками после обряда обрезания, практикуемого над обоими полами; теперь они снизошли на степень простых шутов, над которыми потешаются дети[2]. Может-быть, чудовищный наряд этих кудесников и ввел в заблуждение путешественника Джобсона, который рассказывает о черной расе, имеющей большие, висящие на груди, губы, владельцы которых должны часто натирать их солью, чтобы предохранить от гниения.

Обитатели завоеванной земли, мандинги заботливо укрепляют свои деревни из опасения подвергнуться нападению со стороны покоренных коренных жителей; впрочем, во многих местах они раздробились на маленькия государства, не имеющие между собой федеративной связи. Существует множество деревень, где обращение в ислам имело следствием создание двух враждебных властей: светский предводитель, еще на половину язычник, имеет соперника в лице духовного «альмами», и подданные тоже принимают участие в ссорах властителей. Мандинги—хорошие земледельцы, но особенно в торговле проявляются их замечательные способности. Беранже-Феро сравнивает их с сараколе, которых тоже прозвали «евреями» западной Африки; но в то время, как сараколе занимаются главным образом коробейничеством, разноской мелкого товара по деревням, мандинги ведут крупную торговлю; они перевозят свои товары из страны в страну; караваны их встретишь повсюду от Сиерра-Леоне до Томбукту, от Сенегала до Нижнего Нигера. Как путешественники, они приобрели между африканскими народами гораздо большую известность, чем какую, казалось бы, допускает их численная сила. Во всей западной Африке это главные миссионеры ислама; своим бескорыстным рвением в пропаганде они резко отличаются от арабских купцов восточной Африки, которые умышленно воздерживаются от всяких попыток к обращению туземцев, так как это обращение лишает их возможности добывать невольников. Но не одним только религиозным прозелитизмом мандингские путешественники имеют капитальное влияние в эволюции африканского общества; они вместе с тем разносят новости, распространяют новые идеи; они являются таким образом миссионерами науки, рассказывая своим соплеменникам про чудеса современной индустрии, которые они видели у европейцев прибрежья.

Эти последние относительно немногочисленны в Гамбии, и влияние их здесь менее ощутительно, чем в Сенегале. В иные годы насчитывается не более двух десятков штатских европейцев в этой «колонии», да и из тех большинство спешат уехать перед наступлением зимнего сезона. Белые офицеры гарнизона не долго остаются на этих зараженных берегах; редкий чиновник живет в крае достаточно продолжительное время, чтобы интересоваться положе-

1 Tautain, „Ethnologie et Ethnographie des Peoples du Senegal“.

2 Mungo-Park;—Gray and Dochard;—Raffenel;—Marche:—Coffinieres de Nordeck, etc.

нием населений, с которыми он приходит в соприкосновение, и внести какую-нибудь последовательность в свои труды. Желтая лихорадка, диссентерия, болотная зараза—главные причины смертности для белых; оспа похищает преимущественно чернокожих солдат, привезенных с Антильских островов, также и чахотка быстро подтачивает их здоровье; констатировано, что негры с о. Ямайки не лучше переносят климат Гамбии, чем белые, прибывшие с Британских островов. Целые батальоны постепенно вымирали впродолжении нескольких месяцев; часто случалось, в фатальные годы, что всякое заболевание имело смертельный исход через несколько часов или дней; в среднем смертность между солдатами составляла 480 на 1.000[1].

Движение населения в Батурсте в 1884 г.:

Белые: родилось—0, умерло—14; помеси: родилось—8, умерло—10; негры: родилось—194, умерло—713; всего—202 родившихся, 737 умерших.

Смешанное население, как и в Сенегамбии, незначительно; местная статистика насчитывает только несколько тысяч «креолов», но определяя, однако, точного смысла, в каком должно быть понимаемо это слово. Что такое эти креолы? акклиматизировавшиеся метисы или черные резиденты? По мнению Гортона, это—уолофы-католики, пришедшие из Гореи и Рюфиска и разнообразно смешавшиеся с европейцами, мандингами и фулами. Если не считать чиновников и представителей крупной торговли, эти уолофы составляли еще недавно влиятельнейшую часть населения и владели самыми красивыми домами в Батурсте; но в последнее время сюда переселилось много вольноотпущенников с Нигера, с Невольничьего берега, из Сиерра-Леоне; протестанты по большей части, эти новые пришельцы держатся особняком от уолофов и являются их конкурентами, особенно в мелочной торговле, и благодаря бережливости их жен, постепенно завладевают богатствами края.

Население английских владений, в Гамбии по религиям (1892 г.):

Магометан—5.000; язычников—5.000; протестантов разных сект и католиков—около 3.700

Почти все рыболовы в этой территории принадлежат к племени лебу, уолофов с полуострова Зеленого Мыса. В земле Бар, лежащей против Батурста, «португальцы», то-есть люди смешанной крови, придерживающиеся некоторых христианских обрядов, были довольно многочисленны в прошлом столетии.

Заключенные между французскими владениями Сенегамбии и «реками Юга», английские фактории имеют лишь второстепенную важность, а совокупность их торговых операций, по купле и продаже, не превышает 4 миллионов франков. Хотя Гамбия представляет кратчайший естественный путь к внутренним нагорьям и верхнему Сенегалу, однако, она сделалась чем-то в роде глухого закоулка: сношения между народцами верховья и рынками низовья очень редки. При том же торговля, главную статью которой, с половины настоящего столетия, составляют земляные фисташки, находится большей частью в руках французских негоциантов, и перевес их, без сомнения, еще более увеличится, если договоры, заключенные между французским правительством и государством Фута-Джаллон, получат действительное значение, и если будет построена, как это уже предлагали, железная дорога из Рюфиска в Каолак. Тогда Гамбия в политическом и торговом отношении оказалась бы окруженной территориями, подчиненными сюзеренной власти Франции, очутилась бы, по выражению Митчинсона[2], «как мышь в пасти кошки». Даже в части её бассейна, находящейся вне области гор, предварительные конвенции обеспечили французским коммерсантам привилегированное положение; так, в 1881 году Сен-Луи приобрел сюзеренную власть над Беле-дугу, маленькой провинцией гамбийского ската, лежащей в том месте, где две реки, Гамбия и Фалеме, богатые золотоносными притоками, находятся одна от другой в расстоянии всего только пятидесяти километров. Чтобы прекратить это странное политическое состояние, при котором англичане несут расходы по содержанию колонии, тогда как торговы-

1 L. Bertholon, „Revue de Geographie“, tome V 1879-1880.

2 „The Expiring Continent“.

ми выгодами пользуются негоцианты Бордо и Марселя, между двумя державами не раз уже заходила речь об обмене Гамбии на французскую территорию африканского берега близ Сиерра-Леоне или Кэп-Коста. В случае осуществления этой сделки, побережье Салума было бы соединено политически с побережьем Казаманки.

Столица английских владений была основана в 1816 году, на острове Сент-Мери, составляющем южную оконечность материка, при входе в Гамбию. Названный сначала Леопольдом, потом переименованный в Батурст, город был построен довольно красиво; дома, казармы сооружены солидно; место выбрано очень удобное для торговли, так как фарватер идет возле самого мыса, и корабли могут становиться на якорь в непосредственном соседстве берега, где глубина воды от 20 до 25 метров; но, к сожалению, местность эта одна из самых нездоровых: трудно было выбрать более опасное местоположение. Остров Сент-Мери окружен и перерезан вонючими лагунами, повсюду встречаются лужи, остатки бывших наводнений; на глубине одного метра везде находят солоноватую воду, и берега так ненадежны, что запрещено брать песок на берегу, из опасения, чтобы течение не воспользовалось этим для размывания береговой полосы: однажды была таким образом унесена потоком часть городского кладбища. Тем не менее, однако, слишком три тысячи жителей, почти исключительно иолы или фелупы, то-есть негры-поморы, мандинги, сереры и уолофы, скучены в домах и хижинах этого города, осаждаемого водами. Английское правительство платит еще небольшую ежегодную дань вождю мандингского народца Комбо, который занимает побережье к югу от колонии до устья Казаманки. Санатория Батурста находится тоже в территории Комбо, в двенадцати километрах к западу от города, на мысе Сент-Мери, близ деревни Баку (по-английски Bacow). В этом месте морской берег возвышается, в виде утеса, метров на пятнадцать над уровнем вод; растительность осенена здесь пальмами, встречающимися также во всех здоровых станциях страны, и морская бриза, которую англичане в шутку называют «доктором», дует с большой силой в первые часы дня, унося вредные испарения, поднимающиеся с болот Гамбии. Неоднократно предлагали перевести столицу на мыс Сент-Мери, но от этого удерживает то обстоятельство, что якорная стоянка там неудобна, и подходы к берегу заграждены песчаными мелями.

Внешняя торговля Гамбии в 1895 г.: привоз—97.000, вывоз—94.000 фунт. стерлинг.

Движение судоходства (общая вместимость пришедших и отшедших судов), не считая каботажа, в 1895 г.: 339.000 тонн.

На северо-востоке от Батурста, батареи форта Буллен, расположенные на стрелке Барра, командуют северным входом Гамбии. Вся эта часть побережья, окаймленная лесом корнепусков (ризофор), принадлежит, по трактату, Великобритании на протяжении одной морской мили в ширину; но с этой стороны английское правительство не взимает пошлин, и товары вывозятся отсюда, беспошлинно, во французские порты Сенегала. Принадлежащая Англии полоса земли начинается у потока Джимак, километрах в пятнадцати к северу от форта Буллен, и следует вверх по правому берегу Гамбии до Джиллифри (Jillifri, Gilfrai), деревни мандингов, близ которой находилась главная фактория англичан до основания города Батурста. Этот торговый пост, Альбреда, все еще имеет некоторое значение, а прежде имел, кроме того, большую стратегическую цену, благодаря пушке форта Джемс, стоящего в этом месте, посреди фарватера Гамбии, в 33 километрах выше Батурста: все посетители реки должны были останавливаться перед этой крепостью. В 1698 г. Андре Брю основал французскую контору в Альбреда, и пост этот, занимающий четыреугольник в 157 метров длины в стороне, принадлежал Франции до половины настоящего столетия, когда он был отдан Англии в обмен за Портендик, на берегу Мавров. Альбреда известен в мире ботаников своей великолепной смоковницей, состоящей из нескольких соединенных дерев, имеющих вместе 40 метров в окружности. Французы владели в Гамбии еще другой факторией, Жереж (Hereges), построенной на одном из южных притоков реки, выше крепости Джемс. В 1700 г. Андре Брю отправился из Жережа, чтобы пройти через полуостров, отделяющий Гамбию от

Казаманки[1]; только через полтораста лет после него другой исследователь, Геккар, совершил то же путешествие, пройдя немного далее внутри материка.

Несколько постов следуют один за другим вверх по течению Гамбии. Элефант-Айленд (Слоновий остров), островок на главном изгибе низовья, ниже большой деревни Ямина, служить складочным местом для произведений территории Диара; но гораздо важнее другая островная фактория, Джордж-таун, на острове Мак-Карти, куда свозится наибольшая часть местных продуктов, собираемых торговцами в землях Ниани и Улли, на северной, и Диамару и Тумане, на южной стороне реки. На Гамбии остров Мак-Карти соответствует форту Бакель на Сенегале; тоже укрепленный, он занят не гарнизоном, а малочисленным полицейским постом, последним из учрежденных англичанами на Гамбии. Впрочем, они проникают и далее, в качестве купцов и путешественников: километрах в сорока от названного острова, вверх по течению, находятся развалины деревни Пизания, исходного пункта, выбранного Мунго-Парком во время его первого путешествия, в 1796 году. Еще выше по реке, к югу от развалин Медины, бывшей столицы мандингского государства Улли, находится маленькая пристань Фатта-тенда (некогда пост негроторговцев), относительно которой часто поднимался вопрос о постоянной оккупации, в виду того, что пункт этот лежит в округе, откуда вывозятся лучшие земляные фисташки. Барки могут во всякое время подниматься до пристани Ярбу-тенда, находящейся немного выше по реке.

Одна из территорий, лежащих на юге, около истоков Казаманки, носит имя Кантора, напоминающее рынок Кантор, о котором первые португальские историки говорят, как о торговом центре, по важности равном Томбукту; всю страну по течению Гамбии они называли королевством Кантор или Контор[2]. Во время путешествия Гудсбери, в 1879 году, не оставалось уже ни одного селения в крае: все было опустошено соединенными силами фулов Бонду и Лабе, и большинство жителей былп уведены в неволю. Выше порогов Барра-Кунда, купцы обыкновенно следуют уже сухим путем, направляясь в Бонду и Бамбук; впрочем, далее по реке встречаем еще две большие деревни—Джалла-кота и Бади, обе с пристанью. Местечко Баду, лежащее на севере Фута-Джаллона, в том месте, где Гамбия, меняя направление, приближавшее ее к Сенегалу, поворачивает на запад, к морю, утратило важное значение, которое оно имело некогда, как торговый пункт. Недалеко оттуда показывают на скале два следа ног человека и быка. В этом месте, по преданию, проходили первые феллахские эмигранты, идя на завоевание страны Фута-Джаллон[3].

Гамбия находится под непосредственным управлением Великобритании только с 1821 г.; до того времени фактории управлялись концессионерной компанией. Доходы английской колонии, источником которых, почти единственным, служат таможенные сборы, простираются, в среднем, до 625.000 франков (бюджет Гамбии в 1895 г.: приход—21.000, расходы—29.000 фунт. стерлинг.) Колония эта не имеет государственного долга; из остатков бюджета были, между прочим, ассигнованы средства для важной по результатам экспедиции Гудсбери. С 1870 года англичане более не держат войска на Гамбии; полиция состоит из ста одиннадцати человек, почти исключительно сиерра-леонцев, под командой европейца. Отряд волонтеров, на который возложена защита территории, не имел еще случая собираться для военных действий; когда вспыхнет война между племенами, колониальное правительство провозглашает свой нейтралитет, но воюющие стороны никогда не забывают, что английские конторы и суда—для них неприкосновенная собственность. Все учебные заведения имеют конфессиональный характер—протестантские, католические или магометанские и, как таковые, не зависят от светской власти; тем не менее, большинство детей ходит в школу, за исключением только сезона меновой торговли: тогда они сопровождают своих родителей в конторы.

1 Lubat, „Nouvelle Relation de l'Afrique occidentale";—Berlioux, „Andre Brue".

2 D'Almada, цитированное сочинение.

3 Ernest Noirot, цитированное сочинение.

IV. Казаманка.

Река Казаманка или Казаманса, названная так от *мансы*, или царька, народца Касса[1], в целом, гораздо более походит на лиман, нежели на реку. Истоки её, зарождающиеся у подошвы террас области Хабу, еще не были посещены путешественниками, но они несомненно находятся не более как в 300 километрах от устья по прямой линии, потому что далее страна, пройденная исследователем Гудсбери, в 1881 году, принадлежит уже к бассейну Гамбии. Стиснутый, на севере и юге, между двух параллельных впадин, где текут Гамбия и Рио-Кашео, бассейн Казаманки, вероятно, занимает площадь не более 15.000 квадратн. километров. Что касается народонаселения этой территории, то до сих пор правильная народная перепись была произведена, именно в 1879 году, только в двух постах, занимаемых французами, где оказалось 2.500 жителей; во всем крае приблизительно насчитывают около ста тысяч душ.

Уже с половины шестнадцатого столетия португальцы вели торговлю в бассейне Казаманки; они знали даже внутри его торговые пути, пользуясь которыми могли добираться до Салума по боковым потокам и волокам: многие слова их языка, встречающиеся во всех наречиях туземного населения, свидетельствуют о влиянии, которое они имели некогда в этой стране. Однако, так как главный предмет их торговли составляли невольники, то португальцам небезопасно было делать экскурсии за черту своих укрепленных постов, и так как местность вокруг их поселения мало-по-малу обращалась в пустое пространство, то они должны были часто перемещать свои фактории.

Англичане тоже основали несколько факторий на берегах Казамансы, но они не покупали земель у окружающих племен. Французы сделали свое первое территориальное приобретение в устье этой реки в 1828 году; впрочем, уступленная им земля,—остров Джоге, лежащий на северной стороне устья,—не получила никакого поселения; в 1836 и 1837 годах они заняли два острова, командующие на юге входом в лиман, Карабан и Гимберинг, и основали пост Седиу, в том месте, выше которого уже не поднимаются гоэлетты. С той поры многочисленные договоры, заключенные с прибрежными племенами, обеспечили за французами сюзеренитет или владение почти над всей территорией бассейна, и в 1886 году конвенция с Португалией определила точным образом, между Казаманкой и Рио-Кашео. раздельную черту двух политических областей, французской и португальской. Фактория Зигиншор, единственный остаток бывшего лузитанскаго владычества в бассейне Казаманки, была уступлена французам, и с восточной стороны область, присвоенная виртуально Франции, продолжается через неисследованные пустыни территории Фирду и Хабу к верхней Гамбии и Фалеме; таким образом Казаманка считается политически соединенной с бассейном верхнего Сенегала.

Седиу, крайний пункт морского судоходства, находится в 175 километрах от моря, а между тем средняя ширина реки там по меньшей мере два с половиной километра; правда, что вода там очень не глубока, и хозяева барок, имеющих осадку менее двух метров, всегда подвигаются вперед с лотом в руке, или следуют фарватером, обозначенным древесными ветвями, воткнутыми через известные промежутки в дно реки; выше Седиу барки поднимаются еще на сотню километров, до деревни Колибанта. Ниже Седиу, Казаманка принимает в себя один только большой приток—реку Сонгрогу (вероятно, Сан-Грегорио португальцев), которая вытекает из болотистой местности, прилегающей к бассейну Гамбии: это торговый путь, который на старых картах ошибочно изображали в виде канала, идущего непрерывно от реки до реки[2], тогда как в действительности он дополняется волоком, где товары переносятся на спине людей от судна до судна. Ниже слияния с Сонгрогу, имеющего в период половодья около 4 верст в ширину, боковые потоки или рукава (marigots) все более и более умножаются и образуют обширную судоходную сеть в несколько сот километров, меняющу-

1 Hyacintho Hecquard, „Voyage en Afrique“.

2 A. Vallon, „Revue Maritime et Coloniale“, nov. 1862.

юся с временами года и в разные годы, увеличиваемую приливом и уменьшаемую отливом дважды в сутки: вода в лимане соленая до Зигиншора и даже несколько выше, на пространстве 75 километров от устья. В нижней части дельты бесчисленные разветвления образуют лабиринт каналов, соединяющийся, с одной стороны, с лиманом Гамбии, с другой—с лиманом Рио-Кашео; но если с внутренней стороны твердая земля вся изрезана этими извилистыми водами, то морской берег вполне сохранил свою правильность: он тянется почти по прямой линии от мыса Сент-Мери до мыса Рохо, где начинаются те причудливые иссечения берега, которыми характеризуется все побережье португальской Гвинеи. Бар Казаманки, прерывающий эту правильную линию берега, не глубок; толщина покрывающего его слоя воды не превышает двух метров в часы отлива, и существующие три протока через порог часто меняют место. Обширные леса по берегам реки изобилуют мелкой дичью, но хищные звери там редки.

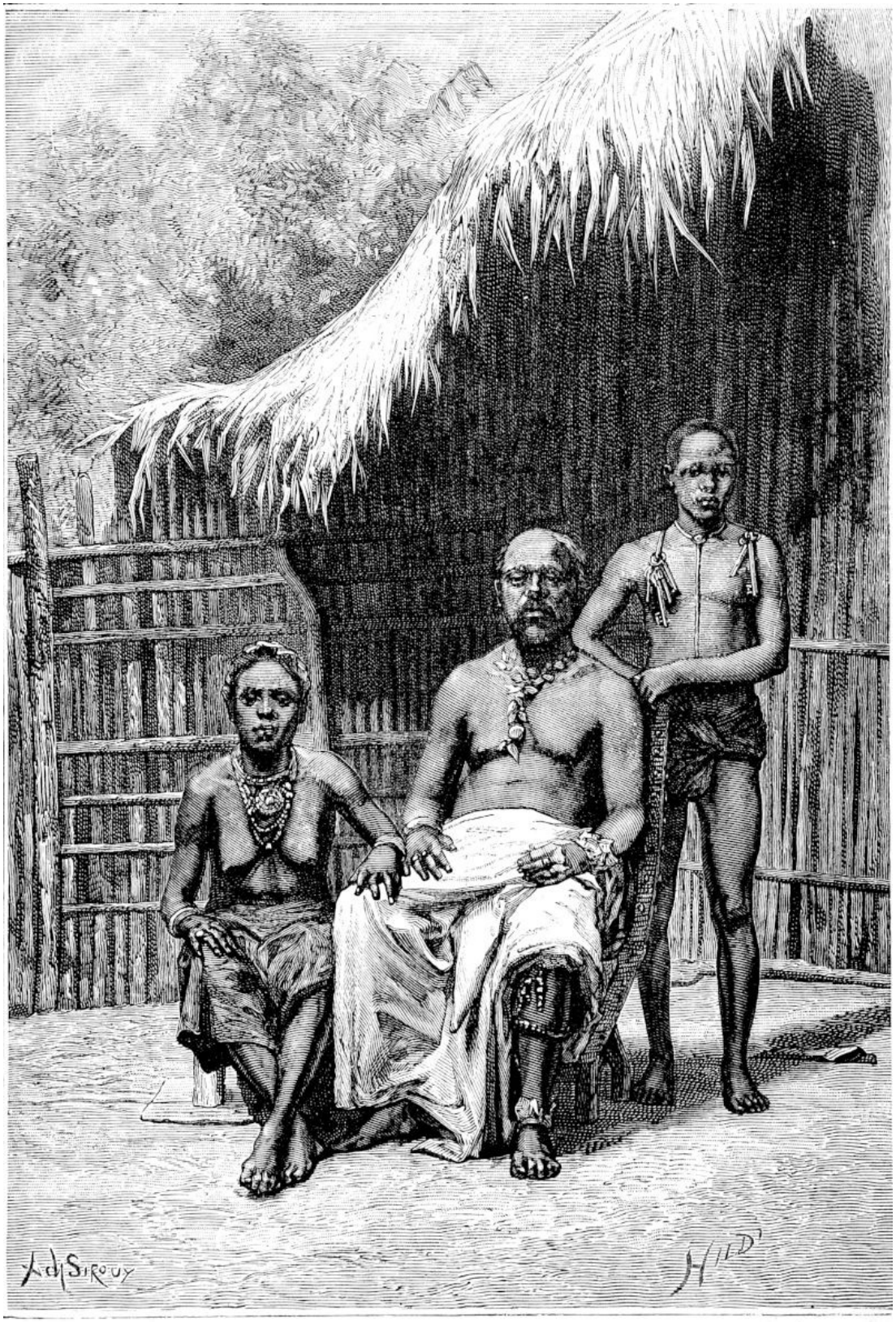
В верхней части бассейна, хабун'ке, или «люди земли Хабу», и мандинги, называемые также сузи (Saussayes у старинных авторов), составляют господствующее население: они населяют Фирду, в области истоков, вне земель, подвластных Франции, а в территории, состоящей под её протекторатом, обитают, на северной стороне реки, в провинциях Пакао, Будие, Яссин, и на южной—в провинциях Брассу, Бальмаду и Суна. В своем завоевательном движении они вытесняли встречавшееся на пути коренное население, но, наконец, натолкнулись на французов, и поражение, нанесенное им последними в нескольких стычках, заставило их покориться. С этого времени насильственное давление, происходившее с востока на запад, приостановилось; мандинги перестали теснить негров поморья, также как и сами не подвергаются более нашествию со стороны феллатов, жителей внутренних областей; вместе с тем прекратились и насильственные обращения в ислам в территории Казаманки. Мандинги этой страны не создали монархического государства; они распадаются на маленькия олигархические республики, управляемые двумя сановниками, алькати (кади или алькад), военным предводителем, и альмами, духовным главой. Рядом с мандингами существуют другие общины, следовавшие за ними в их переселении: это пастухи феллаты, живущие отдельными деревнями (*фула-кунда*), и земледельцы сараколе. Эти последние основали многочисленные колонии в соседстве французских постов и охотно берут себе в жены беглых рабынь, смешиваясь таким образом с туземным населением. Дети, рожденные от этих брачных союзов, не могут покидать край до своего совершеннолетия, так как иначе, в случае поимки их бывшими господами матери, они были бы задерживаемы, как невольники[1]. Даже лахобе, эти сенегальские цыгане, пришли следом за фулами и мандингами в земли по течению Казаманки[2].

В некоторых округах страны водворились другие завоеватели—баланты, пришедшие с берегов Гебы, из португальской Гвинеи. Прежде они переходили Казаманку, чтобы опустошать селения других негров; так, ими были обращены в пустыни некоторыя части провинций Будие и Яссин; но теперь они уже не смеют вторгаться за реку, и их общины, наиболее выдвинутые к северу, при том подчиненные французскому протекторату, расположены по левому берегу Казаманки, книзу от поста Седиу. Прежние обитатели края, баньюны, оттеснены далее к низовью, по обе стороны реки, но на южном берегу, это племя, стиснутое между балантами на востоке и фелупами на западе, сводится к нескольким семействам, в значительной степени смешанным с португальской кровью. На северной стороне Казаманки баньюны все еще составляют господствующее население, а по берегам Сонгрогу селения их распространены до Гамбии. Одно из их племен, касса или кассанга, дало свое имя самой реке, и до сих пор еще показывают, на левом берегу, остатки бывшей столицы Биркам, разрушенной балантами. Жители деревни Диагну, лежащей ниже по течению, почти против устья притока Сонгрогу, по словам путешественника Валлон, хранят, как драгоценность, золотой скипетр своих прежних королей; в самой реке груда камней указывает место, где

1 A. Vallon, цитиров. статья.

2 H. Hecquard, цитиров. статья.

происходил обряд коронования касса-мансы. Хотя гордящиеся своим былым могуществом, баньюны не съумели, однако, сохранить своих владений: иногда они дрались с ожесточением, защищая свою землю от вражеского нашествия, но часто уступали ее без борьбы или по-

Король Ассини.

корялись победителям, сливаясь с ними в смешанное население и подчиняясь новым обычаям. В провинциях Будие и Яссин они сделались мандингами по нравам, религии и языку. Рабов у них нет, что должно приписать не уважению к человеческой свободе, а сознанию своей политической слабости: овладев пленниками, они спешат продать их, из опасения,

чтобы более сильный неприятель не отнял у них эту живую добычу[1].

Отличные земледельцы, баньюны сеют рис и земляные фисташки (арахиды) и обменивают свои произведения на соль, ружья и порох. Они очень честны, никогда не воруют и оставляют свои хаты открытыми, предоставляя находящиеся внутри жилища съестные припасы в распоряжение всякого прохожого. Когда путешественник забудет что-нибудь в их деревне, они заботливо берегут забытую вещь, чтобы возвратить ее при случае.

Баньюны—среднего роста, гораздо ниже уолофов и сереров, но выше фелупов; голова их кажется относительно огромной, по причине очень широкого лица, с большим ртом и сильно приплюснутым носом. Как некоторые американские народцы, они могли бы быть названы orejones, т.е. «длинноухими», потому что у них в обычае протыкать мочку ушей в нескольких местах и в отверстие вставлять куски бамбука, которые вытягивают хрящ, так что нижний конец уха висит на плече; кроме того, они подпиливают себе зубы в форме острия, как большинство негров побережья до Бенинского залива; очень тщеславные, они носят, в виде украшений, медные браслеты на руках и ногах, медные пуговицы на переднике и головном уборе. В тех округах, где баньюны еще не смешаны с другими племенами, они остались анимистами и не имеют другого культа, кроме колдовства: они покупают гри-гри у магометанских марабутов, крестики у португальских патеров и подвергают испытанию ядом подозреваемых в наведении порчи на скотину или людей: в темную ночь момбо-джомбо, более грозный, чем его коллега у мандингов, может-быть, человек, может-быть, бог, произносит глухим голосом имя несчастного, обреченного на страшную пытку. Древние формы матриархального быта еще господствуют у баньюнов, как почти у всех народцев прибрежья: благородное звание, имущественные права передаются по наследству через женщин и последние наравне с мужчинами обсуждают общественные дела в сельских советах, где часто имеют решающее влияние. Первый, занявший землю, где основывается новая деревня, становится по праву её главой и носит красный колпак, символ его власти; земля облагораживает владеющего ею, но он не может продать ее: она должна оставаться в его роде из поколения в поколение.

Береговые населения, теснимые завоевателями, получили у португальцев общее имя «фелуп», и действительно они более или менее сходны между собой по наречиям и нравам; но эти населения утратили всякую национальную связь: насильственно рассеянные и, вероятно, спустившиеся на более низкую ступень цивилизации сравнительно с прежним временем, они распались на множество отдельных народцев. из которых каждый имеет особое имя и живет особняком на своем острове или полуострове, отделенный от других народцев рекой, проливом или лагуной. На севере, вблизи моря, находим племена аямат, иола, кабиль или карон; восточнее, но тоже к северу от Казаманки, обитают джигуши или джугуты, фогни, каймуты и те фелупы, в области реки Сонгрогу, которых за их большие стада крупного рогатого скота португальцы прозвали «вакасами» (Vacas—коровы); на южной стороне реки, территории, изрезанные боковыми потоками (marigots), заняты банжиарами, фулунами, байотами: эти последние по языку наиболее отличаются от всех других фелупов; они очень малорослы, ниже ростом даже своих соседей баньюнов. От своей прежней, более высокой культуры, большинство фелупов сохранили искусство строить дома относительно большие и комфортабельные; это хаты из глины, очень прочные, долго выдерживающие разрушительное действие непогод, и разделенные внутренними перегородками на несколько покоев. Фелупы правого берега умеют делать из ствола бавольника большие и красивые пироги и сами мастерят стрелы, дротики, прямые шпаги, которыми ловко владеют. Между народцами социальная связь очень ослаблена: они составляют столько мелких государств, сколько существует деревень и поселков; семейные союзы быстро образуются и распадаются: во многих местах дети заранее предназначаются к службе в доме вождя. По обычаю» беременные женщины, когда почувствуют приближение родов, должны уходить в лес, и появляются перед своими мужьями только несколько дней спустя после разрешения от бремени. Очень бояз-

1 Hamon;—Berenger-Feraud, „Peuplades de la Senegambie“.

ливые, что объясняется опасностями, которыми окружено их существование, фелупы сделались предусмотрительными земледельцами: как бы ни был обилен урожай, они никогда но продают излишка риса, пока не убедятся в благополучном состоянии нового посева; собранное зерно по целым месяцам сохраняется под хижинами, в кладовой, через которую время от времени пропускают дым, чтобы предохранить запасы от нападения насекомых; оттого их рис, всегда закоптелый, имеет меньшую торговую ценность, чем тот же продукт соседних племен баньюнов или балантов, которые продают свое зерно сряду после его уборки[1]. Земля фелупов покрыта пальмами, у которых они атрофируют плод, чтобы отвлечь все соки дерева, собираемые ими для приготовления хмельного напитка. За исключением вакасов, эти туземцы держат скот для принесения его в жертву умершим и справления похорон; они имеют идею верховного божества, которое, по их понятию, есть в одно и то же время небо, дождь, ветер и буря. Живя под гнетом вечного страха, фелупы легко делаются добычей колдунов; нигде в Африке чародеи не имеют такой большой практики и не возбуждают к себе такой сильной ненависти: их обвиняют в том, что они изводят людей посредством порчи и зелья, но часто бывает также, что их самих хватают и замучивают до смерти. Впрочем, между фелупами, живущими в соседстве постов, где негоцианты нанимают их для перевозки товаров, мало-по-малу совершается перемена нравов и учреждений. Прежние путешественники, Мунго-Парк, Бивер, хвалили их честность и верность данному слову: сохранили ли они эти качества и в наши дни?

Главный военный и торговый пост на Казаманке—Седиу, называемый также Франсескунда, что значит «жилище французов». Основанный в 1837 г., на правом берегу реки, в том месте, где прекращается плавание гоэлетт (небольшие морские суда), он вырос в настоящий город, с постройками на европейский манер и обширными складами для товаров; вокруг него возникли деревни племени сараколе и других земледельцев, обильно снабжающие город провизией всякого рода; почти все европейские породы плодовых деревьев с успехом культивируются в садах Седиу. Гавань всегда оживлена многочисленными судами, которые приходят грузиться земляными фисташками и другими произведениями области верховья. Хотя город расположен в низкой местности, однако, маленький гарнизон, занимающий этот пост, менее страдает от лихорадки, в сравнении с гарнизонами большинства других военных станций Сенегамбии; несмотря на то, население Седиу в 1884 году заключало в себе только трех европейцев. Зигиншор, бывший португальский пост, недавно уступленный Франции, ведет гораздо менее значительную торговлю, чем Седиу; построенный на левом берегу реки, ниже впадения в нее притока Сонгрогу, он занимает, в коммерческом отношении, прекрасное положение, и мог бы извлекать выгоды из торгового движения, происходящего через Казаманку между бассейнами Гамбии и Рио-Кашео; но воздух в нем нездоровый, и отчасти по этой причине, отчасти во избежание опасности, которой подвергались караваны со стороны воинов соседнего племени баланта, купцы избрали себе другую дорогу, в обход Зигиншора.

В низовье реки наиболее счастливое положение занимает пост Сен-Жорж (Св. Георгия), сравнительно мало посещаемый торговцами. Он построен на левом берегу, у оконечности высокого полуострова, осененного пальмами и другими большими деревьями; почва в этой местности плодородная, воздух, освежаемый морской бризой,—здоровый, и у подножия высокого берега протекает широкая река. Немного западнее этого поста существует непрерывное водное сообщение с лиманом Рио-Кашео посредством ряда боковых потоков, лагун и болот, где очень легко было бы прорыть судоходный канал. Более многолюдная и более важная по торговле, станция Карабана, тоже на левом берегу реки, на северной оконечности острова того же имени, занимает гораздо менее благоприятное положение: по климату и почве ее можно сравнить с Батурстом. Дома её построены на песчаных отмелях, затопляемых морем, так что фундаменты стоят в воде; гнилые болота покрывают почву вокруг поста,

1 Lopes de Lima, цитированный мемуар.

тинистые лагуны отделяют его от внутренних плодоносных земель, и гоэлетты должны бросать якорь в открытом море. Вывоз состоит из земляных фисташек, растительного масла и пальмовых орехов. В 1883 году отпускная торговля территории Казаманка выразилась следующими цифрами: земляных фисташек вывезено—5.230.000 килограмм.; пальмовых орехов—184.000 килограмм.; каучука—54.000 килограмм.; всего на сумму 15.000.000 франков.

Километрах в десяти к юго-востоку от Карабаны, на берегу большого бокового потока (marigot), находится бывшая английская фактория Линкольн, теперь бедная деревушка Элинкин, населенная разноплеменным сбродом и держащая в страхе своих соседей.

V. Гвинея: португальские владения в Сенегамбии

Географическое выражение «Гвинея» (вернее—Гине), под которым португальские мореплаватели понимали всю западную Африку от устья Сенегала до устья Оранжевой реки, постепенно утратило свое первоначальное значение: по мере ознакомления с отдельными странами поморья, страны эти получали особые названия, и теперь в общепринятой номенклатуре наименование «Гвинея» удержано лишь за португальскими владениями на западно-африканском берегу, между бассейнами Казаманки и реки Компони. Конвенция, недавно заключенная между Португалией и Францией, точно ограничила эти владения, не естественными чертами почвы, реками и горами, но градусами широты и долготы. Территория, если не подвластная Португалии, то по крайней мере включенная в сферу её будущего господства, отныне указывается на картах, и мы можем вычислить её пространство, хотя она еще не везде обследована, и многие местности остаются еще совершенно неизвестными. В геометрических пределах, начертанных упомянутой конвенцией, поверхность Гвинеи равняется приблизительно 42.000 квадр. километров. Что касается площади территории, действительно занятой португальцами, то она не превышала, в 1885 г., 69 квадр. километров, вместе с энклавой Зигиншор, отошедшей после того к французской Сенегамбии, а жителей всякой расы, которые были там сгруппированы, насчитывалось около десяти тысяч. Приблизительная цифра населения во всей отграниченной территории может быть определена только по аналогии с населенностью соседних стран, находящихся в тех же климатических и социальных условиях. Принимая во внимание постоянные войны между наступающими и оттесняемыми населениями, добровольные или вынужденные перемещения туземцев, вследствие столкновений между различными народцами, речные наводнения, лесные пожары,—общее число жителей Гвинеи нельзя считать более, как в 150.000 душ. Некоторые португальские авторы приписывают этой стране гораздо более густое население, и это неудивительно, потому что миллионы людей могли бы жить в довольстве в этой плодородной области, обильно орошаемой реками, текущими с гор Фута-Джаллон.

Португальская Сенегамбия вся лежит в той полосе африканского побережья, которую реки, продолжающиеся лиманами, разделили на узкие полуострова, а море разрезало на архипелаги, еще ограниченные с западной стороны старой линией берега. Эти реки, зарождающиеся в высоких долинах, по большей части на востоке от франко-португальской границы, очень многоводны, в сравнении с размерами своего бассейна, и подобно более северным рекам, Салуму, Гамбии, Казаманке, судоходны для мелких морских судов, которые могут подниматься по ним на большое расстояние внутрь материка, благодаря морскому приливу, проникающему в лиманы и поддерживающему речное течение. Крайняя северная река этой территории, Рио-Кашео, называемая иначе Рио-де-Фарин и Санто-Домингос, течет почти параллельно Казаманке, от которой она отделена полосой слегка волнистых земель, имеющей около 40 километров средней ширины. В нижней части своего течения лиман Рио-Кашео соединяется с лиманом Казаманки посредством сети болот и боковых потоков (marigots), затем впадает в море широким устьем, загражденным песчаным порогом (баром) и приметным издалека по высокой дюне, Мата-де-Путама, называемой также Кабо-да-Мата (Мыс дюны), покрытой большими деревьями, которые сливаются в одну сплошную массу

зелени.

Река Геба, к югу от Рио-Кашео, берет начало, под именем Ба-Диемба, в неисследованной местности, ограничиваемой на востоке притоками верхней Гамбии, и течет параллельно Рио-де-Фарин и Казаманке; но вид реки она сохраняет только в верхней части своего бассейна. В низовье на протяжении слишком 100 километров она образует широкий лиман, где корабли, увлекаемые сильным приливным течением, поднимаются вверх по реке, как в морском заливе: при устье Гебы расстояние от берега до берега не менее 16 километров. За этим воронкообразным лиманом следуют проливы, отделяющие материк от архипелага Биссагос, островки и рифы которого рассеяны против устья Гебы, образуя обширный и опасный лабиринт. Впрочем, боковые потоки (marigots) дают возможность судам выходить из реки в море, минуя лабиринт архипелага. Один из этих каналов, длиной около сотни километров, проходит между континентом и тремя островками Биссао, Биссис и Жатта: это извилистая водяная аллея, где местами большие деревья, окаймляющие берега, переплетаются ветвями и образуют свод зелени над фарватером, которым следуют плывущие суда. К югу от Гебы, целая сеть каналов соединяется с лиманом Рио-Гранде менее широким, чем лиман Гебы, хотя река-приток, по крайней мере, судя по начертанию, пока еще гадательному, существующих временных карт, представляется гораздо более важной, как по длине течения, так и по числу своих притоков.

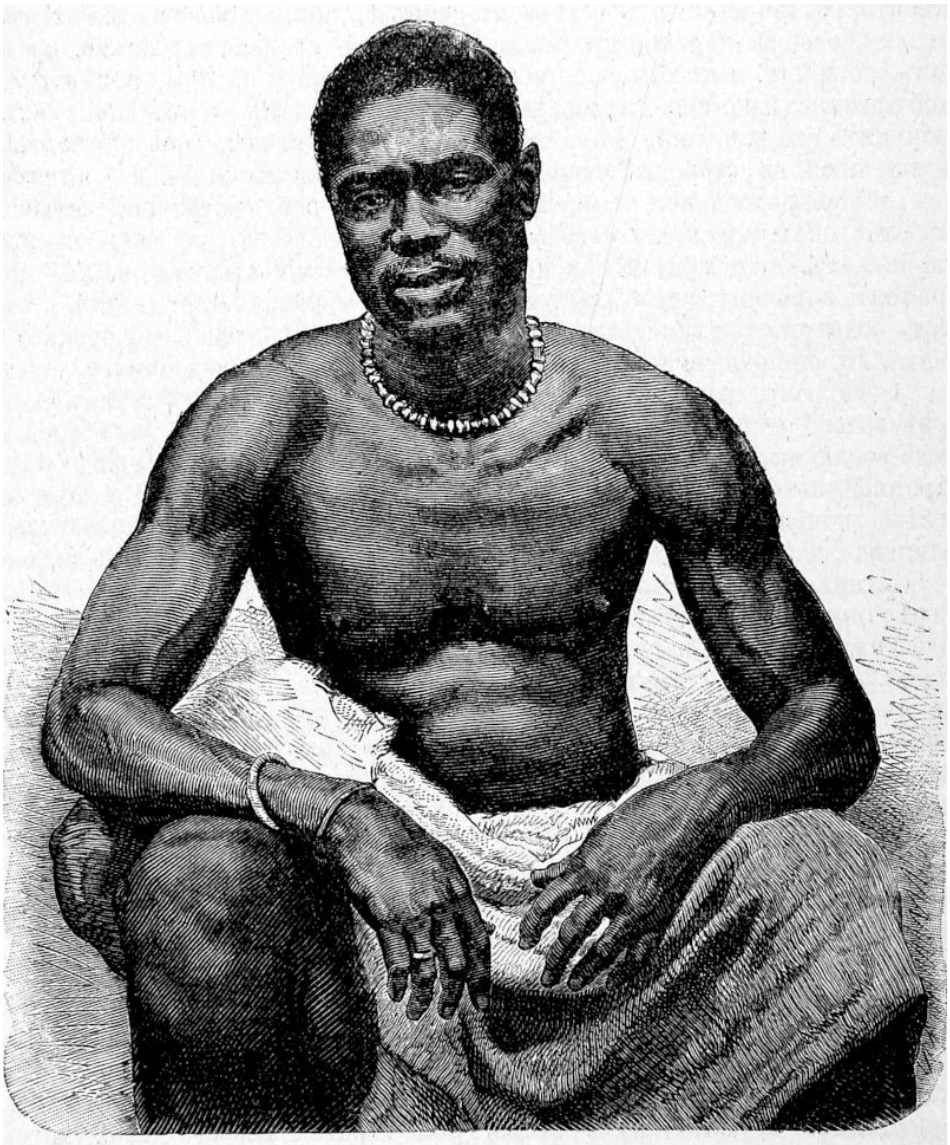
Рио-Гранде (Большая река), называемая также Гиналой, есть, вероятно, как показывает её имя, главная река португальской Сенегамбии. По общей догадке, она берет начало на том же плоскогорье, где и Гамбия, но вместо того, чтобы, подобно последней, идти на восток, направляется по западной покатости и течет под именем Комбы, постепенно усиливаемая многочисленными горными потоками, которые несут ей воды долин массива Фута-Джаллон, следующих одна за другой на пространстве около сотни километров, по направлению с севера на юг. Самый значительный из притоков Комбы, Томине, также собирает свои первые воды в соседстве Лабе. Один из округов, через которые протекает этот приток, изрезан таким множеством ручьев, что его прозвали Донголом, что значит «область вод». Оливье де-Сандерваль, переходивший реку Томине в сухое время года, в 150 километрах от её истока, определил количество протекающей в секунду воды в 10 кубич. метров. В верховьях эта река извивается в широкой долине, доминируемой с той и другой стороны утесами в 250-300 метров высоты, над которыми высятся, в виде бастионов, кручи гранитных гор[1]. Ниже, она выходит из области первичных формаций и, повернув на север по направлению к Комбе, течет меж стен из черноватого песчаника и железистаго кварца, прорезанных, через известные промежутки, брешами, откуда ручьи-притоки низвергаются водопадами. В ложе реки там и сям выступают из-под воды большие округленные камни, которые служат естественными устоями для сельских мостов, то-есть связанными пучками длинных палок бамбука, перекинутых с камня на камень[2]. Ниже слияния Комбы и Томине, Рио-Гранде вполне заслуживает имя, данное ей португальцами: это действительно «большая река», как удостоверяют путешественники Моллиен, Геккар, Гудсбери, переправлявшиеся через нее около вершины кривой, которую она описывает перед тем, как перейти в западное направление, параллельное течению Гебы. Однако, в этом месте существует значительный пробел в маршрутах исследователей. Между пунктом, где река была переходима путешественниками, и той частью лимана Рио-Гранде, где португальцы основали свои фактории, пространство, еще не посещенное европейцами, имеет не менее 150 километров протяжения от востока к западу, и потому нельзя с полной уверенностью сказать, что Комба изливается в лиман Рио-Гранде, а не поворачивает к северо-востоку, чтобы идти на соединение с Гебой. Дельтер, посетивший береговую область, высказывает эту последнюю гипотезу, прибавляя, что прибрежные жители низовьев Рио-Гранде считают свой лиман морским заливом и ничего не слыхали о впада-

1 Lambert, „Tour du Monde“, 1861.

2 Oliver de Sanderval „De l’Atlantique an Niger par le Foutah-Djallon“.

ющей в него пресноводной реке[1]. Если начертание карт, как оно изображается со времени путешествия Моллиена, соответствует действительности, то Рио-Гранде имеет, от истока до устья, около 750 километров по длине течения. Морской прилив, поднимающийся на сотню километров внутрь материка, превращает низовье этой реки в целый лабиринт соляных marigots, окружающих архипелаг наносных болотистых земель, который продолжается в море островами Биссагос.

Береговая область, в южной части португальской Гвинеи, разрезана на полуострова несколькими потоками, имеющими в верховье характер ручьев, в низовье—лиманов, и текущими параллельно друг другу с северо-востока на юго-запад. Из этих потоков один только

Типъ племени агни.

заслуживает название реки—это Кассини, названный так путешественником Валлоном, в 1857 году, не по имени известной династии астрономов, а по имени первой деревни, которую он встретил на южном берегу лимана. Поток этот берет начало в 200 километрах от морского берега, в гористой местности, ограниченной с западной стороны течением реки Томине, и соединяется с морем посредством воронкообразного залива, в котором самые большие суда могут подниматься на 50 километров вверх от устья. Франко-португальская конвенция обеспечивает Португалии владение лиманом Кассини, которым до того времени фактически владели французы, благодаря своим факториям.

Архипелаг Биссагос, составлявший прежде часть континента, отличается от островов по-

1 „Ueber die Cap Verden nach dem Rio-Grande und Foutah-Djallon“.

бережья только большей шириной проливов, разделяющих его земли, и в которые проникает морской прилив. Еще не обследованный во всем лабиринте его каналов, этот архипелаг, защищенный со стороны открытого моря опасной линией подводных камней, заключает в себе около тридцати островов, больших и малых, не считая бесконечного множества рифов; впрочем, число выступающих из-под воды земель меняется от прилива до отлива. Приливная волна, достигающая высоты 4 метров, разлагает большие острова на несколько отдельных островков, которые снова соединяются в период отлива: так, остров Каньябак, при низкой воде, увеличивается островами Поркос и Гумбана; острова Галлиньяс, Формоза, Понта, Корбелья (Каравелла[1] старинных писателей) соединяются с соседними землями: обширные пространства плоских берегов, покрытые раковинами, дважды в сутки бывают сухими, а в остальные часы превращаются в проливы, с чрезвычайно быстрым течением. Без опытного лоцмана, плавание в этом лабиринте каналов очень опасно: оттого суда, проникающие в архипелаг Биссагос, каждый вечер бросают якорь, так как ночью невозможно плыть среди бесчисленных рифов. Во многих местах пребывание очень вредно для здоровья, по причине массы гниющей тины, которую течения отлагают в бухточках. На южной своей окраине архипелаг Биссагос оканчивается уединенной скалой Алькатрас или «Пеликан»: в самом деле, несметные стаи птиц постоянно кружатся над этим высоким красноватым камнем, который они покрыли толстым белым слоем гуано.

Самый значительный по величине остров, Оранго или Гаранг, имеет в большей части своего протяжения песчаную почву, с довольно скудной растительностью, тогда как большинство других островов одеты в пышный наряд из стройных пальм и ветвистых деревьев; баобабы называются там пуллам (полон, пуалон), по имени одного южного островка архипелага; издали эти гигантския деревья, первый признак соседства группы Биссагос, кажутся букетом, лежащим посреди моря. Все острова низменны и вытянуты по направлению с северо-востока на юго-запад, то-есть по тому же направлению, по которому расположены острова и полуострова прибрежья между параллельными реками, спускающимися с массива Фута-Джаллон и его передовых плоскогорий. Первые моряки, занимавшиеся исследованием фарватеров в проливах архипелага, Руссен[2] и Бельчер[3], приписывают этим островам вулканическое происхождение; но, по всей вероятности, горные породы, принятые ими за лаву, на самом деле не что иное, как пласты железистой глины, подобные тем, которые встречаются на большей части западно-африканского побережья, вне аллювиальных земель[4]. Острова, отрывки прежнего берега, состоят из тех же формаций и представляют те же физические черты, как и соседний материк; от действия ли морского размывания, или вследствие медленного оседания почвы, континент отступил перед океаном, полуострова превратились в острова, острова в подводные камни или мели, реки сделались лиманами, а лиманы морскими заливами. Во время этих вековых преобразований многие виды животных и растений должны были приспособляться к условиям новой среды. К числу таких видов принадлежит и бегемот, которого в других местах редко можно встретить вдали от пресноводных рек. Бельчер видел один экземпляр этого животного на юго-западном берегу острова Каньябак, в 50 километрах от рек прибрежья: зверь был украшен изрядным количеством блюдечек (раковин), прицепившихся к его толстой коже.

Климат португальской Гвинеи сходен с климатом областей Гамбии и Казаманки, с той только разницей, что средняя годовая температура в первой выше и зима представляет там более значительные колебания между крайними температурами, что, без сомнения, должно быть приписано близости высокой горной страны. В соседстве морского берега термометр иногда опускается ночью до 12 градусов Цельзия,—температура, которая кажется страшно холодной не только туземцам, но даже белым иностранцам, которые у себя на родине не зя-

1 Hansen-Blangsted, „Bulletin de la Societe de Geographie“, 1886.
2 „Memoire sur la navigation aux cotes occidentales d'Afrique“, 1827.
3 „Journal of the R. Geographical Society“, 1832.
4 Doelter;—Olivier de Sanderval, цитированное сочинение.

бли бы так при ветре со снегом. В три холодных месяца, ноябрь, декабрь и январь, высота ртутного столбика иногда изменяется от 12 или 15 градусов, перед восходом солнца, до 25, 30 и даже 44 градусов, в полуденные часы. Но в зимний период, то-есть во время лета южного полушария, температура гораздо правильнее, хотя от одного до другого сезона средняя представляет очень малую разницу; так, метеорологические наблюдения дали следующие цифры для температуры в Биссао:

Самый холодный месяц (январь)— 24°,1; самый теплый месяц (май)— 27°,9; средняя годовая— 26°,1.

Что касается высоты годового слоя дождей, то она еще не была измерена; известно только, что количество атмосферных осадков весьма значительно. В этих странах дожди выпадают почти впродолжении пяти месяцев, с половины мая до конца сентября; грозы часты в это время года и сопровождаются обильными ливнями. Этим объясняется необычайное плодородие почвы, столько же благоприятное произрастанию растений, сколько опасное для здоровья человека.

Как ни пышна растительность Гвинеи и «рек Юга», леса этих стран не спутаны, однако, в непроницаемую массу, как девственные леса тропических областей Нового Света: дерево здесь лучше сохраняет свою индивидуальность и во многих местах является в величавом уединении. Обширные пространства, даже на островах Биссагос, заняты саваннами или «campinas», лугами, поросшими высокой травой или тростником, среди которых там и сям высятся одинокие гиганты растительного мира, где—пальма, где—баобаб или бавольник. На берегах лиманов растительность внутренней местности закрыта чащами ризофор, странного вида деревьев, у которых ствол поддерживается помостом из воздушных корней, облепленных крабами и погружающихся в мутную воду прибрежных болот; но за этим шпалером корнепусков, на окрепшей земле, начинается настоящий лес, состоящий из различных древесных пород. Также как Северная Сенегамбия, Гвинея имеет свои акации и пальмы roniers; кроме того, здесь встречаются бамбуковые чащи. Между реками Рио-Гранде и Кассини обширный пальмовый лес, прерываемый там и сям прогалинами, где уединенно растут бавольники, занимает почти все полуострова прибрежья: он состоит главным образом из красивой дикой финиковой пальмы (phoenix spinosa), одного вида *borassus*, с широкими веерами листьев, и масличной пальмы (elaeis guineensis), с ваями, разрезанными по краям на подобие бахромы; кокосовую пальму, которая привезена сюда из Америки, можно увидеть только в селениях. Особенно грандиозную картину представляет лес по берегам проточных вод; переплетающиеся ветви деревьев образуют длинные галлереи, под сводами которых безшумно скользят суда. Внутри земель встречается «дождевое» дерево, листья которого, распрямляющиеся ночью, собирают росу, особенно когда воздух быстро охлаждается, а утром роняют ее в виде дождя. Путешественник Оливье-де-Сандерваль имел случай убедиться, находясь под таким деревом, что туземцы не обманули его, рассказывая о чудесных свойствах «плакуна». Не есть ли это особый вид лавра, как знаменитое дерево, существовавшее некогда на острове Ферро?

По фауне, как и по флоре, Гвинея богаче Сенегамбии; она принадлежит к поясу экваториального Судана. Обезьяний род представлен в этой стране большим числом видов, между прочим, как говорят, и видом шимпанзе. Некоторые большие животные уже исчезли: здесь не встречают более ни жираф, ни зебров; может-быть, и слон уже истреблен в бассейнах Гебы и Рио-Гранде. Но бегемот очень распространен, и дикий бык (bos brachyceros) еще водится в лесах. Леопарды бродят вокруг плантаций, а кабаны населяют поросли кустарника. Реки кишат крокодилами, в траве ползают страшные очковые змеи (cobras). Птицы Гвинеи, лучше изученные, чем другие животные этой области, представлены сотнями пород в музеях. Нигде в тропической Африке белые муравьи не строят более высоких муравейников, имеющих форму пирамид, колоколов, групп сталагмитов, твердых, как камень; также как земляной червяк, термит является «геологическим деятелем»[1]. Негры Сенегамбии относятся

1 Doelter, цитированное сочинение

с уважением к этим зданиям муравьев, нередко более высоким, чем их собственные хаты: при расчистке земли под пашни они остерегаются трогать муравейники, из боязни навлечь проклятие на свои посевы. Каналы, лиманы прибрежья изобилуют рыбой: туземцы племени бужаго существуют исключительно рыбной ловлей, добывая средства пропитания удочкой, сетью и гарпуном. В большие праздники, глава семьи, в сопровождении своих разнаряженных жен, отправляется торжественной процессией на берег моря и бросает в воду рис, мед, ветки дерева-фетиша, в дар своему кормильцу океану[1].

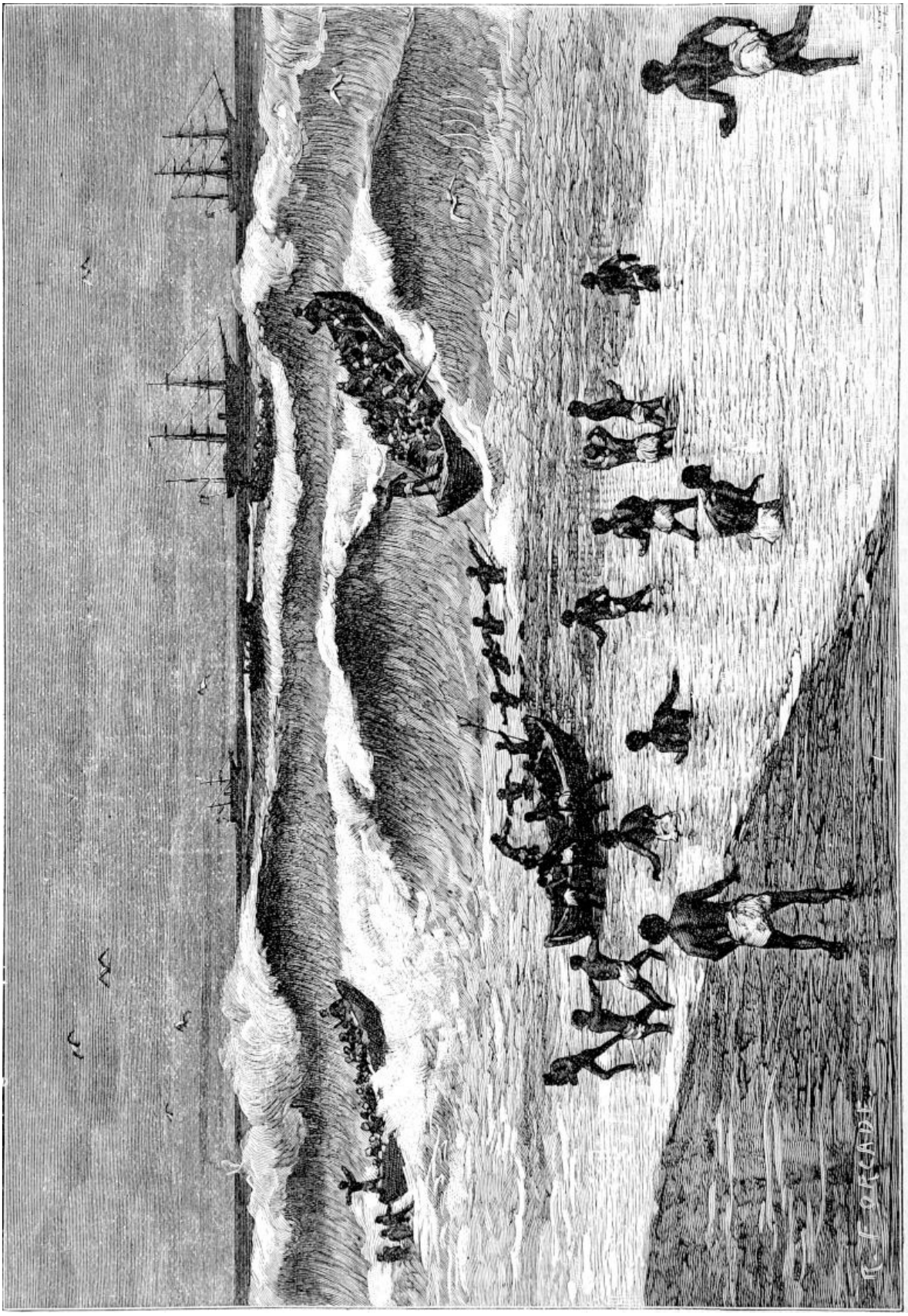
В хаосе народцев, населяющих Гвинею, по крайней мере шестьдесят групп обозначаются особыми именами, не имеющими по большей части никакой цены в смысле указания на расу: переселения, союзы, завоевания, часто изменяют номенклатуру племен, разделяя на различные или даже враждебные фракции народцы общего происхождения, соединяя, или смешивая в одну группу этнические элементы, прежде совершенно разнородные. Отсюда многочисленные противоречия в рассказах и описаниях путешественников, посетивших страну в разное время. Португальский исследователь Баррос насчитывает девять[2] наций, имеющих, по языку, нравам и истории, общую индивидуальность, которая, впредь до более точной классификации, позволяет присвоить им название расы. Из этих групп народцев только три, биафары, папели и бужаго, всей своей численностью обитают в пределах португальских владений Гвинеи. Фулы и мандинги—пришельцы, вторгшиеся с востока, где их племена занимают большую часть Сенегамбии и Судана; фелупы, баланты, баньюны и их соплеменники брамы или бурамы (Buramos, Brames) живут по берегам Казаманки и португальских рек; наконец, народец налу населяет область побережья, в бассейнах Рио-Нуньец и Кассини.

Чистокровные фулы или феллаты, называемые португальцами футафула, немногочисленны в пределах португальской Гвинеи; однако, отдельные поселения их распространены почти до самой Гебы; в 1881 году они некоторое время держали в осаде португальскую факторию Буба, на берегу лимана Рио-Гранде[3]. Но впереди собственно фулов территория подвергается захватам со стороны смешанных племен «черных фулов» (Foulos pretos), подобных тукулерам французской Сенегамбии; с внутренних плоскогорий эти феллаты постепенно спустились почти до самого моря, образуя маленькия колонии посреди других населений, или даже оттесняя их, когда имеют на своей стороне численный перевес. Большинство этих авангардных народцев признают верховную власть королей Фута-Джаллона; другие, напротив, состоят из беглецов, старающихся сохранить свою независимость; но оседлые населения поморья, тем не менее, смотрят на них как на составную часть армии завоевателей, и, давая им у себя убежище, держат их в подозрении.

В своем нашествии на береговые области фулы сталкиваются с мандингами и с первоначальными населениями страны, ныне поддерживаемыми гарнизонами европейских факторий. Между этими туземными населениями, племена баланта, занимающие наибольшую часть пространства между средней Казаманкой и лиманом Гебы,—вероятно самые храбрые, и французам, основавшим свои посты на Казаманке, стоило большого труда воспрепятствовать переходу балантов через эту реку, с целью захвата земель правого берега. Баланты могли бы образовать могущественную нацию, если бы не были разделены на множество народцев, часто враждебных друг другу и вообще не имеющих между собой крепкой федеративной связи. Каждая деревня составляет маленькое независимое государство, управляемое самым богатым родом. Баланта имеют ясно выраженный негритянский тип, но большинство из них уступают уолофам по высоте роста и пропорциональности частей тела; конечности у них несколько тонки относительно туловища. Череп у балантов очень удлиненный, лоб подавшийся назад, глаза маленькие и почти всегда налившиеся кровью; подобно своим сосе-

1 Antichan, „Revue de Geographie“, nov. 1881.
2 „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa“, 1882.
3 Doelter, цитированное сочинение.

дям баньюнам, они подпиливают зубы, а женщины их делают себе надрезы на груди. Вступая в брак, баланта дает своей жене передник, прочность которого должна изображать прочность самого супружества: если новобрачная счастлива, она наряжается в эту драгоценную

Баръ при устьѣ рѣки Вольты.

ткань в торжественных случаях и заботливо бережет ее до конца дней своих; но если муж не нравится ей, передник скоро рвется, обращается в лохмотья, и она снова делается свободной. Мертвые очень почитаются у баланта; дом умершего остается запертым, со всеми нахо-

дящимися в нем вещами, и не бывало примера, чтобы из него было что-нибудь похищено, хотя люди этого племени вообще не любят класть охулки на руку. Между всеми обитателями Гвинеи баланты выделяются как воры, и как воры героические. У них собственность ограждается угрозой смерти похитителю, но самая опасность делает акт похищения тем более достохвальным, и юный член семьи, не умеющий воровать, навлекает на себя презрение всей родни: его не будут считать за человека. Существуют специальные профессора для обучения этому великому искусству воровства. В руководители экспедиций, предпринимаемых с целью грабежа, всегда избирается самый смелый и ловкий вор; но если ему не повезет, он должен всего опасаться от своих товарищей; бывает, что его продают в рабство, в наказание за неудачу. Все народны этого берега, за исключением только фелупов, покупают невольников.

Племя папель или бурно населяет главным образом, к западу от земель народца баланта, полуостров, образуемый лиманами рек Кашео и Гебы. Отличительные физические признаки этого племени, как и его соседей баланта, на которых оно походит нравами и социальным бытом, составляют: красивый черный цвет кожи, удлиненный череп, сухопарые конечности, курчавые волоса, редкая борода. Женщины их тоже татуируются, избирая пуп за центр чертимых на теле геометрических фигур. Папели отличаются артистическими способностями: хотя оружие и домашняя утварь большею частию покупается ими у мандингских ремесленников, но украшения на их глиняной посуде и тыквенных бутылках принадлежат их собственным рисовальщикам. Будучи идолопоклонниками, они придают большую цену амулеткам, и, по мнению некоторых этимологов, самое имя их происходит от «бумажек» (по-португальски papel—бумага), которые они носят, зашитые в мешочках, для предохранения себя от всяких бед и напастей; однако, первоначальное их название было, кажется, папеи или пепеи. Также как племя баланта, эти народцы хоронят мертвых с большой торжественностью, иногда предоставляя им фамильную хижину, как место вечного покоя, но чаще зарывая их в землю и воздвигая маленький курган на могиле под тенью баобаба или бавольника, священного дерева; над тонким слоем земли, покрывающем мертвое тело, поддерживают несколько дней костер для того, чтобы за дымом не слышен был худой запах. Рядом с покойником всегда кладут в изобилии разные яства, а иногда, при погребении важных особ, на могиле усопшего закалывают всех животных, которыми он владел, и мясо их съедается на публичных пирах. По словам португальских резидентов, папельские царьки отправляются на тот свет не одни, а в сопровождении нескольких дев, погребаемых живыми[1]; во всяком случае, эти жертвоприношения совершались еще не так давно, и не далее, как в шестидесятых годах настоящего столетия, в некоторых захолустьях на похоронах гостям еще подавалось человеческое мясо. Тела близнецов, альбиносов и уродов бросаются в море, как нечистые.

Впрочем, в отношении нравов и обычаев нередко замечается большое различие даже между населениями, живущими в непосредственном соседстве друг с другом, но разделенными наследственной враждой, непрерывной войной и злыми делами колдовства. Так, некоторые народцы племени биафар или биафада не оказывают никакого уважения к мертвым; они не воздвигают им могильных курганов, не кладут рядом с покойником ни провизии, ни драгоценных вещей. Биафары—самые смирные и миролюбивые из всех обитателей Гвинеи: у них есть нечто женственное в наружности и характере; оттого они в большом презрении у своих воинственных соседей. Налумы (налу), следующие за биафарами в береговой области, на юге от Рио-Гранде, тоже отличаются нравами от других народцев. Так, браки у них экзогамические; но племя, к которому принадлежит невеста, отдает ее не иначе, как за равное вознаграждение. Выбирая себе жену среди соседнего народца, молодой человек обязан послать свою сестру в супруги брату уводимой им девушки, а если у него нет сестры, должен предложить в обмен семье кредиторов одного из своих братьев или родственников[2]. Что касается туземцев племени бужаго или бижуга, которые населяют острова архипелага Биссагос, против лиманов Гебы и Рио-Гранде, и частию также полуострова прибрежья, то жители

1 Travassos Valdez;—de Barros;—Doelter, цитирован. сочинение.

2 De Barros, цитированая статья.

каждого острова отличаются от обитателей других островов нравами, обычаями и языком.

Красавцы между неграми, очень хорошо сложенные. за исключением рук, которые у них слишком длинны, бужагосы—народ смелый, неустрашимый, привыкающий с детства пренебрегать всякой физической болью. Долгое время пираты их были грозой для европейцев. Они одни из всех народов этой области побережья смело пускаются в открытое море на своих длинных пирогах, сделанных из ствола бавольника и украшенных напереди головой чудовища, с раскрытой красной пастью; в прошлом столетии они еще не знали употребления паруса, теперь же, хотя их и называют «варварами из варваров», они не хуже португальских моряков умеют пользоваться силой ветра. Отправляясь в военную экспедицию, бужагосы красятся охрой и украшают себя перьями и разными металлическими побрякушками; в прошлом столетии они еще сражались стрелами, вооруженными ядовитой рыбьей костью[1]. Одним из первых предметов их заграничного привоза были сабельные клинки немецкой фабрикации; когда англичанами была сделана попытка колонизации этого архипелага, около ста лет тому назад, все бужагосы имели уже мечи в метр длиной, носившие на клинке клеймо Золингенскпх фабрик[2]. Эти туземцы обладают способностью схватывать сходство предметов и воспроизводить их в своих изваяниях; их фетиши, изображающие людей или животных, отличаются замечательной верностью натуре и, по сравнению с подобными изделиями других стран западной Африки, могут считаться настоящими произведениями искусства. На некоторых островах бужагосы переживают еще период матриархального быта, по крайней мере, по существованию у них факультативной полиандрии (многомужия). Жена не переходит в дом мужа, но наоборот принимает его в свой дом. Она не обязана быть верной мужу и может покидать совместное жилище, когда угодно. Ей достаточно предупредить супруга о своей отлучке; однако, она была бы встречена не очень любезно, если бы вернулась домой с пустыми руками; обыкновенно она приносит меру риса или приводит козу или корову, как заработок из отхожого промысла.

Миссионеры ислама деятельно ведут пропаганду во всех племенах португальской Гвинеи, и многие народцы уже обратились в магометанскую веру, по крайней мере, по имени. В земле племени налумов мусульманские общины следуют одна за другой до самого моря: многочисленность их объясняется близостью этой страны к области Фута-Джаллон; в этом месте феллатам, выступающим одновременно в роли завоевателей и религиозных пропагандистов, стоит только спуститься со своих гор, чтобы достигнуть берегов океана[3]. Что касается обрезания, то это общераспространенный обычай у гвинейских племен, и, по словам Барроса, оно практикуется помимо каких-либо религиозных верований, как своего рода масонский знак между людьми всякого происхождения и всякого культа, анимистами, магометанами, христианами[4]. Прежде, пока еще ислам не приобрел преобладающего значения и отдаленное влияние его еще не успело отразиться на религиозных идеях необращенных народцев, у племен поморья господствовал культ нечистой силы; им казалось бесполезным молиться добрым духам, они старались только заклинать злых демонов. Туземцы, у которых еще сохранился этот обряд заклинания бесов, собираются для исполнения его в «шине», т.е. священном месте; таким местом избирается либо берег реки или моря, либо деревенская площадь или дом вождя племени; этот последний окропляет пальмовым вином кол, вбитый по средине «шины», затем приносит в жертву быка, козу или петуха, и читает предзнаменования во внутренностях и крови закланного животного; эти предвещания всегда благоприятны, если церемония совершена по всем правилам, и дьявол удаляется от племени. Чтобы побороть второстепенных чертей, злых духов, наводящих порчу на людей и скот и поражающих тело болезнями, прибегают к содействию колдунов, *жамбакоц*, искусных чародеев, об-

1 Alvarez d'Almada, цитированное сочинение.

2 Philip Beaver, „African memoranda on the island of Bulama".

3 Berenger-Feraud, „Los Peuplades de la Senegambie".

4 De Barros, „Boletim da Sociedade de Geohraphia de Lisboa", 1882;—Travassos Valdez, „Six Years of a Travellefs Life in Western Africa".

ладающих непогрешимым средством изгонять всякую хворь. Тем не менее, случается, что болезнь оканчивается смертью; но это не значит, что порча восторжествовала, а просто в этом случае пациент сам хотел покончить с своей настоящей жизнью, чтобы начать новую. Мало найдется людей, у которых бы идея бессмертия приняла более конкретную форму. Бужаго, заблудившийся в лесу, или уведенный пленником на чужбину, сам накладывает на себя руки для того, чтобы вернуться домой[1].

У этих народцев все получает благоприятное или зловещее значение: деревья, камни, животные, цвета и звуки. Оттого на все предметы, могущие принести несчастье, налагается табу. Иногда целые округи подпадают под запрещение, объявляются проклятыми, malgossados, по выражению португальцев. Всякому, кто дерзнул бы проникнуть туда, грозит смертная казнь, не потому, чтобы смельчак возбудил этим поступком озлобление против себя, но потому, что он сломал бы символическую печать, наложенную чародеями на запрещенную местность. Тоже самое нужно сказать о лицах и вещах, сделавшихся священными в силу запрета, произнесенного колдунами. Прикосновение к этим табуированным предметам смертельно: оно наказуется отравлением. Вообще обычай суда посредством яда всего лучше сохраняется у племен, живущих по реке Гебе, каковы баланта, папель и фелуп. Обвиняемому подают настой коры дерева, называемого туземцами—*тали*, а французскими торговцами —mandone и или bourdane. Действие ядовитого напитка не заставляет долго ждать себя: оно проявляется либо рвотой, которая спасает невинного, либо корчами, которые казнят преступника[2]. Со времени появления в крае огнестрельного оружия ружейная пуля сделалась одним из могущественнейших фетишей: самая страшная клятва—та, которая произносится над пулей, зарытой в землю. Эти варварские народы в вечном страхе перед неизвестным. Но человеческая натура не может примириться с постоянным страхом, и эти люди, до отупения запуганные колдунами, нередко предаются с безумным увлечением своей излюбленной забаве—музыке и пляске. Особенно биафары—неутомимые танцоры; иногда жены берут мужей к себе на плечи и с этим грузом скачут и кружатся до упаду[3].

Белых иностранцев в Гвинее очень мало, не больше полсотни; несколько солдат, торговцы, большей частью французы, наконец, небольшое число ссыльных, degradados—вот и все представители европейской расы; однако, португальское влияние, действующее уже несколько веков, не прошло бесследно для населений прибрежья. Особенно заметно это влияние на манджаках или мандиагосах, папельских племенах, живущих на островах и полуостровах по обе стороны лимана Гебы: это так называемые «черные португальцы», составляющие массу рабочего населения вокруг контор; между ними обыкновенно и набираются все нужные рабочие—лодочники, носильщики, чернорабочие, помощники для дальних экспедиций. Повидимому, смешанные семейства (метисы) пропорционально более многочисленны в португальских владениях, нежели в английской и французской территориях Сенегамбии; в Гвинее насчитывают тысячи grumetes, или черных христиан, которые, при равенстве образования, ничем не отличаются от белых по общественному положению. Еще не очень давно португальские купцы бойко торговали образками, крестиками и четками, которые туземцы покупали у них в качестве амулеток, давая им в обмен живой товар[4]. В португальских факториях не видно никакого следа бывшего рабства, но у всех окрестных народцев еще существуют невольники. Язык, употребляемый португальцами и груметами, есть род сабира, называемый *папель* по имени народца, в сношениях с которым он употребляется: это жаргон португальского происхождения, который чем дальше от мест пребывания португальцев, тем все более удаляется от своего родоначальника, и к которому примешиваются слова из различных негритянских наречий, смотря по расам, господствующим в той или другой местности. Как все европейские языки, преобразованные в негритянские говоры,

1 Lopes de Lima, „Ensaios sobre a statistica das Poseessoes portuguezas de Ultramar“, livro I.
2 Hamon, „Archives des hopitaux du Senegal“;—Berenger-Feraud.
3 Doelter, цитировавшее сочинение.
4 Hyacinthe, Hecquard, цитированное сочинение.

португальский «папель» имеет очень бедный запас слов и самый рудиментарный синтаксис; грамматических родов в нем совсем нет, а времена глагола обозначаются неизменяемыми вспомогательными глаголами[1].

Шесть или семь тысяч жителей, непосредственно подчиненных португальской администрации, рассеяны на обширной территории, по берегам реки и на островах. Бассейн реки Кашео заключает в себе только два маленьких поста. Один из этих постов, городок Фарин, или «Вождь», названный так потому, что прежде был резиденциею туземного короля, находится в двух стах километрах от моря, в земле племени баланта; другой, Кашео, стоит на южном берегу лимана, который в этом месте доступен судам, имеющим до 3-х метров водоуглубления. Биссао (Биссану), на острове того же имени, командующий на севере входом в реку Гебу, был некогда, как и Фарин, резиденцией «императора», который наводил страх на соседей, благодаря своему военному флоту, состоявшему из барок, которые выходили по сигналу барабанного боя, повторяемого последовательно из конца в конец на всем архипелаге[2]. Биссао состоит из крепости и расположенных вокруг неё шести туземных деревень, из которых каждая имеет своего предводителя или царька, *regulo*, как его называют португальцы; негоцианты Биссао ведут торговлю товарами, закупаемыми их агентами в конторах верховья лимана и реки, Фа и Геба. Более важное значение, чем два названные городские поселения или concelhos, Кашео и Биссао, имеет Болама, ныне столица Гвинеи, резиденция губернатора и главный гарнизонный пункт. Это небольшой городок, построенный на берегу пролива, обсыхающего во время отлива, на одном из островов, лежащих против лимана Рио-Гранде. Хотя на эту землю предъявляли притязания португальцы, Андре Брю пробовал завести там факторию, затем, в 1792 году, туда высадились англичане и основали настоящую колонию земледельцев и ремесленников; она состояла из 275 человек, в том числе 57 женщин. Стычки с туземцами бужаго, болезни, тоска по родине, голодовки скоро уменьшили численность иностранной общины до того, что оставалось в живых несколько человек, которые только благодаря возвращению в отечество спаслись от верной смерти[3]. Со времени этой несчастной попытки колонизации Португалия и Англия постоянно оспаривали друг у друга право на владение Боламой; наконец, в 1870 году Соединенные Штаты С. Америки, в качестве третейского судьи, решили спор в пользу португальцев. Но посредниками в местной торговле являются по преимуществу французские торговые дома; кроме земляных фисташек или арахид (средний экспорт этого продукта из Гвинеи составляет около 12.000 тонн, на сумму 2.400.000 франков), они вывозят отсюда копаловую камедь, «лучшую в свете», которая собирается в земле, у подножия деревьев, где она лежит шариками, по величине и наружному виду похожими на ямс (иньям). Остров Болама прежде считался военной маркхией между островитянами бужаго и биафарами: необитаемый людьми, он сделался парком слонов, которые приходили туда сотнями в сухое время года. Порт Боламы, к юго-западу от города, хорошо защищен от ветров. Остальная территория этого острова и соседняя земля Галлиньяс заняты многочисленными плантациями и полями сахарного тростника, зерновых хлебов и стручковых растений. Пища жителей состоит главным образом из риса, меда, съедобных корней и рыбы.

Города португальской Гвинеи: Болама (Булама)—4.000 жител. Кашео—3.000 жител. Биссао (Биссану) (1880 г.)—540 жител.

На лимане Рио-Гранде, представляющем большой внутренний порт, доступный самым крупным судам, главные португальские поселения—Бизасма и Буба. Неподалеку от последней из этих факторий, фулы имели крепостцу Гвидали, которую португальцы недавно взяли приступом, чтобы избавиться от стеснительного соседства. Далее, уже за чертой территории, принадлежащей португальцам, на реке Комбе, ниже слияния её с притоком Томине, находится торговое местечко Каде, посещаемое мандингскими купцами. Эта провинция состоит

1 Bertrand-Boc^nde, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, juillet et aout 1849.

2 Labat;—F. Berliouy, цитированное сочинение.

3 Philip Beaver, цитированное сочинение.

под управлением короля Лабе, одного из главных державцев в области Фута-Джаллон, который посылает фулов во все деревни, в качестве своих представителей и для сбора податей. В соседстве живет народец тиапи,—смирные земледельцы, трепещущие при виде всякого воина. Они говорят особым языком, не имеющим ничего общего с языками мандингов и фулов[1].

VI. Южные реки

Вся область побережья, простирающаяся, с северо-запада на юго-восток, на протяжении 300 километров но прямой линии, между португальской Гвинеей и английскими владениями Сиерра-Леоне, известна под именем «Рек Юга» (Rivieres du Sud)[2]. Происхождение этого названия объясняется тем, что в глазах моряков и негоциантов устья рек, куда проникают суда для менового торга с туземцами,—единственные стоющие внимания части территории. Они называют также эту береговую полосу «низовьем берега», подразумевая под его «верховьем» все прибрежье Сенегамбии, лежащее на север от архипелага Биссагос. Эта территория «Южных рек» уже с пятнадцатого столетия посещается купцами разных наций: португальцы, англичане, немцы, основали там фактории, но французские торговцы имеют значительный перевес по объему коммерческих операций; кроме того, по новейшим конвенциям, за Францией признан политический сюзеренитет над всей береговой полосой и над областью прилегающих к ней покатостей.

Впрочем, эту территорию нельзя назвать колониальным владением в собственном смысле: это не более, как страна торговой эксплоатации, при том еще едва утилизируемая, если принять в соображение баснословное плодородие почвы и выгоды, которые представлял бы край в смысле удобства сообщений с долинами Фута-Джаллона и областью истоков Нигера. В настоящее время реки Юга даже купцами посещаются только пять месяцев в году. «Меновая кампания», которую представители, черные и белые, сенегальских негоциантов производят каждый год в этих факториях, продолжается с декабря до апреля; она обнимает покупку масляничных семян и других произведений приморской полосы, а также покупку «дорогих товаров», которые привозятся караванами из внутренних местностей—кунжута, каучука, камеди, воска, кож, золотого песку[3]. Но эта страна, которую несомненно ожидает блестящая будущность, еще очень мало знакома европейцам; за исключением бассейнов рек Нуньец и Большой и Малой Скарсии, она еще не была обследована путешественниками: неизвестно даже в точности, какое направление принимают реки, истоки которых открыты в горах Фута-Джаллона, и в какие лиманы они изливаются. Поэтому можно лишь гадательно определять размеры территории, причисляемой к французским владениям: если принять для берегового пояса до массива Фута-Джаллон среднюю ширину в 200 километров, то вся площадь этой территории будет около 60.000 квадр. километров. Так как туземное население относительно густо на всем побережьи, то число жителей на этой покатости можно считать по малой мере в 200.000 душ; в 1877 году насчитывали до 30.000 резидентов в меновых конторах и окружающих деревнях. Одни только маленькия государства Коба и Кобитай, на лимане Сангареи, имеют свыше 30.000 жителей[4].

Весь этот берег Южных рек, как и португальская Гвинея, разрезан на полуострова, которые, благодаря многочисленным притокам и лагунам, в часы прилива обращаются в лабиринт островов и островков; но лиманы здесь по большей части не далеко вдаются внутрь материка, так как местность довольно быстро повышается к горам Фута-Джаллон: едва мину-

1 H. Hecquard, цитированное сочинение.

2 Декретом от 17 дек 1891 г. для всех французских владений на западном берегу Африки между португальской Гвинеей и английской колонией Лагос установлено общее название; „Французская Гвинея“, которая распадается на „Южные реки“, владения на берегу Слоновой кости и владения на Бенинском заливе. Пространство Франц Гвинеи: 64.750 кв. километр., население: 1.200 000 душ. *Ред.*

3 Louis Vignon, „Les Colonies francaises“.

4 Chuden, „Annalen der Hydrographie“, 1885, Heft VI.

ешь пояс корнепусков, как уже начинается твердая почва, происшедшая от разложения железистого песчаника. Крайняя северная река этой области довольно многоводна: в том месте, где Ламбер переправлялся через нее, в 1860 г., она носит имя Когон; при устье туземцы, которых расспрашивал Бельчер, называли ее Компони или Кампуни. Впадая в море широким лиманом, она разветвляется на несколько рукавов, из которых один опоясывает на западе остров Тристан, первую французскую землю в этой части поморья. Остров этот носит имя португальского мореплавателя Нуно Тристана, который открыл его в 1455 году.

Рио Нуньец (Нуно по-португальски) тоже называется по имени этого морехода, который первый из европейцев проник в те места и нашел там смерть, в стычке с чернокожими. Туземцы называют эту речку Какунди[1]; она питается многочисленными быстрыми ручьями, через которые устроены висячие мосты из лиан и древесных ветвей[2]. Рио-Нуньец, имеющий весьма важное значение для торговли, по объему воды уступает предыдущей реке (Компони): длина его течения, выше лимана, вероятно, не превышает сотни километров; истоки находятся довольно близко от водопадов, у которых прекращается судоходство, немного выше французской фактории Боке. Большие глубины, в 5 и 6 метров при отливе, начинаются в 60 километрах от моря: от этого места до лимана глубоко сидящие суда плавают безопасно; вход в реку не загражден баром, хотя там в течение настоящего столетия образовался остров, называемый Песчаным и теперь уже заросший лесом. Но приливные течения врываются с большой силой в воровку Рио-Нуньеца, имеющую 7 километров ширины в отверстии: иногда скорость воды достигает 9 километр. в час, и многочисленные остовы потерпевших крушение судов свидетельствуют об опасности, которой подвергаются, при столкновении двух встречных течений, морского и речного, парусные суда, пускающиеся без опытного лоцмана. Приливная волна поднимается в Рио-Нуньеце выше, чем в других реках этого побережья; высота её достигает 6 и 7 метров. На обоих берегах реки листва корнепусков останавливается по совершенно правильной горизонтальной плоскости, указывающей высоту, до которой поднимается уровень воды во время прилива[3]. Глубина Рио-Нуньеца, большое протяжение представляемого им водного пути, доступного для пароходов, земледельческое богатство бассейна и близость горной страны Фута-Джаллон указывают на эту реку, как на одну из главных дверей, ведущих во внутреннюю Африку, и Оливье де-Сандерваль предполагал выбрать именно Рио-Нуньец за исходный пункт железной дороги, на которую он получил от альмами всемилостивейшую концессию, но которой, вероятно, суждено остаться в форме проекта.

Несколько южнее Рио-Нуньеца течет, параллельно ему, другая река, Катако, с очень трудным входом; но первый большой поток, впадающий в море, находится в сотне километров далее, за треугольной стрелкой мыса Верга, доминируемой высокими холмами. Это река Понго (Понгос, Понгас), притоки которой берут начало в юго-западных долинах массива Фута-Джаллон; область среднего течения её еще не исследована, и пути притоков не могут быть точно означены на карте; даже номенклатура их еще не отождествлена. Лиман Рио-Понго, менее широкий сравнительно с лиманом Рио-Нуньеца, разветвляется на множество второстепенных рукавов: на пространстве около тридцати километров берег, хотя представляющий со стороны моря непрерывную прямую линию, изрезан внутри обширной сетью каналов (marigots), образующей настоящий лабиринт, где суда, быстро увлекаемые течением в часы прилива, движутся под сводами из зелени. Бар при устье Рио-Понго самый трудный в сравнении с порогами других рек Юга, и если судно угодит сразу в узкий проход, оно рискует быть отнесенным на пески силой течения: приливная волна, достигающая здесь высоты 2 метров, поднимается вверх по лиману на 40 слишком километров—разстояние, впрочем, гораздо меньше того, на которое восходит прилив в северных реках, в Гамбии и Казаманке. Речной поток Понго в период половодья спускается с большой скоростью, по 11-15 километ-

1 Belcher, „Journal of the R. Geographical Society“, 1832

2 Gray and Dochard;—Olivier de Sanderval, цитированное сочинение.

3 Siegmund Israel, „Deutsche Rundschau fur Geographie und Statistik“, Iuni 1885

ров в час, что повидимому, указывает на значительный дебит[1].

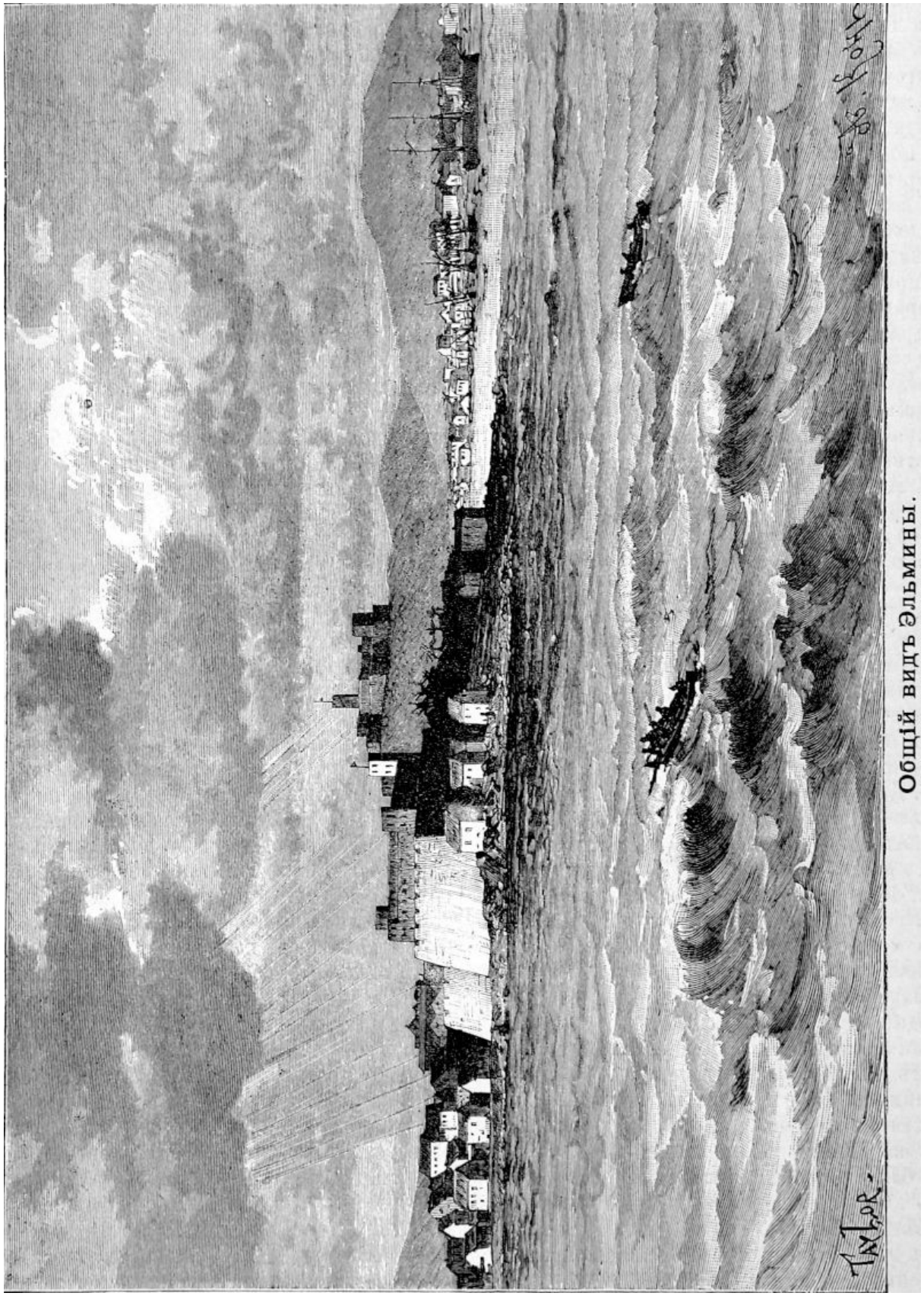
Еще многоводнее, если судить по верхнему течению, река, которая, в области Фута-Джаллон, носит имя Какрима или Какримана. Эта река берет начало в том же массиве, откуда вытекает Гамбия, Комба или Рио-Гранде, Фалеме, Бафинг; все европейцы, переходившие ее в верховьях, Калье, Ламбер, Байоль, Нуаро, Оливье, говорят о её прекрасных быстрых водах. В том месте, где последний из названных путешественников переходил этот поток, на высоте 430 метров, объем протекающей воды был не менее 50 кубпч. метров в секунду: даже в сухое время года ее нельзя перейти в брод; но каскады и пороги делают её несудоходной. Вниз от этих водопадов, на протяжении 200 километров по прямой линии, течение Какримана еще не обследовано, и нельзя положительно утверждать, что река Брамея, впадающая в море на полпути между Рио-Понго и Меллакореей, в широкий лиман Сангареа, есть именно названная большая река, выходящая из гор Фута-Джаллон. По рассказам туземцев, Брамея судоходна на пространстве нескольких сот километров для судов, имеющих до 3 метров водоуглубления, но течение её в 60 километрах от океана прерывается целым рядом опасных порогов[2].

Исследовать эту страну было бы тем важнее, что там горы и плоскогорья, спускающиеся террасами, местности здоровые, удобные для поселения европейцев, продолжаются почти до самого моря. Высокие хребты и вершины этих гор, называемых Су-Су, по имени обитающего на них народца, служат указателями пути кораблям, проходящим вблизи берегов. Одна из вершин, повидимому, совершенно уединенная, высится на востоке от лимана Сангареи (Сагари), в небольшом от него расстоянии: это Какулима, «святая гора», конусообразный пик которой поднимается на 910 метров над саваннами и пальмовыми лесками побережья. Есть ли это вулканическая гора, и действительно ли иногда бывает виден, как рассказывают туземцы, легкий столб дыма, выходящий из конечного кратера[3]? До сих пор еще ни одному путешественнику не удалось получить позволение войти на священную Какулиму. На юго-западе выступ материка продолжается длинным полуостровом Конакри и островом Тумбо, которые выдвигаются на запад, как бы для того, чтобы соединиться с архипелагом Лос. Эти последние острова, по-португальски первоначально «islas de los Idolos»—откуда и произошло нынешнее сокращенное имя Los—обязаны своим названием идолам, которых там нашли первые мореплаватели. Эти земли несомненно вулканического происхождения. Два главных острова, высотой 200 слишком метров, расположены в форме обширного разломанного кратера, по средине которого находится островок, имеющий вид центрального конуса. Горные породы архипелага состоят из синих и желтоватых лав, облегающих порфировые массы[4].

Так называемая «река» Меллакорея (Маллекори), на юге от полуострова Конакри, в действительности есть не что иное, как морской лиман, также как соседния «реки», Манеа, Моребиа, Форекариа; но она важнее в торговом отношении и дает доступ в область более исследованную. Что касается двух «низовых» южных рек, Большой и Малой Скарсии, которые португальцы называли rios dos Carceres, то это действительно реки, и при том многоводные, особенно Малая Скарсия, несмотря на её имя,—значительная река, питаемая могучими притоками, из которых один, Фала, берет начало на невысоком пороге, в сорока километрах от Нигера. Две Скарсии, спустившись с гор Фута-Джаллон и соседних высот, на юге от массива Тимбо, постепенно сближаются и впадают в одну и ту же бухту, усеянную островками. Их низовья и соседнее побережье с 1882 года принадлежат Великобритании: граница между французскими владениями и Сиерра-Леоне идет по линии водораздела между Меллакореей и лиманом Большой Скарсии. Соседний островок Матаконг принадлежит Франции, тогда как архипелаг Лос составляет английскую территорию.

1 Coffineires de Nordeck, „Tour du Monde“, 1886.
2 Chuden, цитирован. статья.
3 Vigne, „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale de Bordeaux“, 8 juin 1886.
4 Belcher, цитиров. статья.

Климат, флора, фауна почти одинаковы в области рек Юга и в северной Сенегамбии; тем не менее, более южная широта, большая близость гор, перемена орьентировки в расположении побережья должны отражаться соответствующими изменениями в климатических явле-

Общій видъ Эльмины.

ниях и живых организмах. Впродолжении дождливого времени года, которое есть вместе с тем период больших жаров, затишья чередуются с грозами; ливни и смерчи довольно часты: вообще равновесие атмосферы здесь всегда неустойчиво. В сезон относительно холодный

пассатные ветры, в собственном смысле, отличаются меньшей силой и правильностью, нежели в более северных областях моря: они чаще уклоняются от своего нормального направления и превращаются в муссоны. Иногда они дуют здесь с севера на юг, или движутся вдоль берегов, или даже заворачивают внутрь континента. Однако, около середины сезона, в январе месяце, пассат, одержав перевес в столкновении воздушных токов, дует правильно с северо-востока: это гарматтан, сахарский ветер, приносящий из пустыни мельчайшие частицы песку; вокруг этих облаков пыли скопляются водяные пары, и по утрам здесь господствуют густые туманы, в роде великобританских, только гораздо более опасные, по причине органических веществ, которыми они насыщены: это самая нездоровая пора для европейцев. Кроме общих колебаний воздушного океана, береговой пояс представляет еще правильную смену бриз; утром, атмосферный ток спускается вместе с реками к морю; под вечер, он движется обратно к материку.

В лесах по реке Нуньец встречаются во множестве растения, дающие каучук. Одни из этих растений—высокоствольные деревья, принадлежащие к роду смоковницы, из которых туземцы добывают сок посредством надрезов; другие, разные виды *landolpha*,—чужеядные лианы, обвивающиеся вокруг деревьев. как плющ; для получения из них сока, обыкновенно перерезывают стебель; истечение обильно, но разрезанная лиана погибает[1]. В числе растений, принадлежащих к самородной флоре Южных рек, находится также кофейное дерево. Кофе из области Рио-Нуньеца, хорошо известный в торговле, отличается от мокко более мелким зерном, но почти не уступает ему ароматом и вкусом; его собирают преимущественно в бассейне реки Понго; впрочем, культура этого драгоценного деревца ведется довольно небрежно. Из других деревьев наиболее ценные продукты дает масличная пальма elaeis guineensis, которая растет также севернее, в собственной Сенегамбии, хотя не образует там сплошных лесов: промышленный пояс этого растения начинается в области рек Юга; впрочем, негры не умеют извлекать масло из плода: они ограничиваются собиранием пальмовых миндалин. Это дерево, с листьями, разрезанными по краям в виде бахромы,—одна из самых красивых пальм; ствол, на котором не тронуты старые стебли, походит на арматуру, но, чтобы легче было лазить до веток с плодами, негры тщательно обчищают большинство масличных пальм. Дерево кола (sterculia acuminata) почти не встречается на берегах Нуньеца и Понго; центр его производства для морской торговли находится южнее, в области Меллакореи. Это дерево растет на сухих и железистых почвах, но обильно орошаемых дождями; ствол его достигает высоты от 15 до 20 метров (до 9 слишком сажен), и на концах ветвей висят плоды, расположенные в форме венчиков букетами по пяти или шести штук. Плоды эти состоят из морщинистых оболочек, заключающих внутри миндалины, мякоть которых походит на мякоть каштана. Орех кола очень горек, но когда пожуешь его, всякая вода, как бы дурна она ни была, кажется приятной на вкус; при помощи этого ореха можно заглушать голод и жажду впродолжении многих часов, а также гарантировать себя от лихорадок; кроме того, сок кола, смешанный со слюной, если им натереть тело, предохраняет от москитов—польза неоценимая на берегу болотистых лагун. У чернокожих этот плод, более богатый теином, чем самый чай, считается почти универсальным предупредительным средством, и без всякого сомнения, в их рассказах об его целебных свойствах есть доля истины, которую нам, вероятно, и откроет медицинская практика. Кола почитается священным деревом, и в некоторых случаях даже запрещено близко подходить к нему: дотронуться до него значило бы подвергать опасности свою жизнь. Есть две разновидности этого дерева—одна с красными, другая с белыми орехами. Белые орехи, посланные вождем племени, служат символом дружбы, красные, напротив, возвещают, что будет пролита кровь[2].

В области рек Юга, как во всех других странах западной Африки, наиболее цивилизованными населениями являются те, которые живут внутри материка; этнологическое давле-

1 Hubler, „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale de Bordeaux“.

2 Lopes de Lima;—Mollien;—Raffenel—Bayol, цитирован. сочинения.

ние происходило по направлению с востока на запад, и народцы поморья, теснимые своими соседями, должны были рассеяться, утратить свою этническую связь, искать убежища отдельными общинами на островах, защищаемых тинистыми боковыми потоками.

Между племенами, вытесненными в северные области, главное место занимают племена нации бага, от которых вся страна получила наименование Багатай. В прошлом столетии, Адансон называл их «ваграми». вероятно, по имени Верга, наидалее выдвинутого мыса на том берегу; к югу от этого мыса живут племена сапе или сумба, принадлежащие к той же расе, как и багасы. Эти последние гораздо менее черны, чем большинство других обитателей прибрежья: цвет кожи у них желтовато-коричневый, и лицо их не имеет того приплюснутого носа, тех вздутых губ, которые считаются отличительным признаком чисто негритянского типа. В наружности этих туземцев есть одна черта, сразу бросающаяся в глаза—это почти геометрическая горизонтальность плоскости, соединяющей шею с подбородком: словно удар сабли выровнял всю нижнюю сторону челюсти. Фетиши багасов воспроизводят, даже с преувеличением, эту физиономическую черту. У большинства багасских народцев мужчины имеют привычку прикрывать свою наготу: они носят «бубу», тогда как у женщин весь костюм состоит из шнурка, на который нанизаны бусы, или навешаны тряпки, кольца, разные украшения из дерева или металла. Самые богатые носят кольцо в перегородке носовой полости; у всех в мочке уха проткнуты отверстия, куда всовываются рисовые соломенки; все заостряют зубы верхней челюсти; некоторые татуируют себе спину фигурами в роде ромба, которые составляют продолжение рисунков, изображаемых прической.

Местоположение для деревень у багасов выбрано вообще очень удачно. Они обыкновенно группируют свои хижины на возвышенном месте, к которому, однако, удобно подходить по водному пути боковых потоков, и стараются селиться невдалеке от больших деревьев, верхушки которых отвлекают громовые удары от их жилищ. Все хаты, круглые или квадратные, получают свет через пустое пространство, оставляемое между глиняной стеной и соломенной кровлей, поддерживаемой рядом столбов. Женщины, на которых всецело лежит труд сооружения этих зданий, начинают обыкновенно с горшечного производства. Из глинистого ила лагун, смешанного с соломой, они мастерят пузатые кувшины: это зернохранилища, куда ссыпается запас риса, достаточный для годового пропитания семьи; затем выжидают, чтобы солнце хорошенько просушило кувшины, прежде чем приступить к постройке стен, внутри которых они будут заключены[1]. Мужчины занимаются главным образом обработкой полей; они трудолюбивы, как и многие другие негры, слывущие «неисправимыми лентяями», и нравы у них самые мирные. Почти во всем Багатае туземцы ходят без оружия, и край их считается местом неприкосновенного убежища: драться там значило бы совершить тяжкое преступление. До недавнего времени каждая багасская деревня составляла отдельное маленькое государство; французское правительство присоединило все эти государства, по крайней мере, в бассейне Рио-Нуньец, к владениям короля налусов, под верховной властью коменданта фактории Боке.

Ландуманы, также включенные Францией в состав царства короля налусов, живут по обоим берегам Нуньеца, выше лимана. Теснимые, как и другие народы, завоевателями фелатами, они оказывали им энергичное сопротивление; но если бы не вмешались французы, в качестве сюзеренов страны, то и эти туземцы, вероятно, были бы принуждены удалиться ниже, в область болот; впрочем, они вели борьбу и с другими своими соседями. По словам медика Корре, ландуманы—единоплеменники багасов, на которых они походят типом, нравами и языком. Фулы-магометане проникли к этим чернокожим, но последние остались идолопоклонниками, хотя относятся с большим почтением к марабутам, которых они считают чародеями, более могущественными, чем их собственные. Напротив, налусы, народ до некоторой степени цивилизованный, принадлежит уже к обширной семье ислама. В земле ландуманов и налусов, но вдали от реки, в местностях, окруженных болотами и лесами, живут другие населения, рассеянные маленькими группами, как стада запуганных животных.

1 Coffinieres de Nordeck, цитиров статья.

Это потомки невольников, бежавших от своих господ, феллатов или ландуманов: по Коффиньеру, они называются «манди форе», а по Корру, «мокин-форе» или «моке-форе», что значит «зарубежные люди».

Господствующий язык во всей области Южных рек, употребляемый также и в факториях при торговых сношениях с туземным людом, есть наречие, которым говорят племена су-су (суссу). Эта нация занимает, на обоих склонах гор того же имени, весь пояс, заключающийся между Большой и Малой Скарсией и Рио-Понго; она выдвинулась, в северном направлении, даже за эту последнюю реку, и многие из её племен смешались с ландуманами и налусами: на востоке она соприкасается с феллатами, на западе с багасами, и во многих местах распространена до самого океана. Су-су родственны мандингам и называют себя соплеменниками многих других народов западной Африки, как, например, народа сангара или санкаран, на верхнем Нигере. Вследствие многочисленных переселений, совершенных ими в разное время, народцы их рассеялись по обширной территории. Так, в тринадцатом столетии эти су-су спустились с верхней Джолибы и овладели Томбукту; веком позже они были прогнаны оттуда и оттеснены к западу. Тогда они завоевали территории, лежащие между верхним Нигером и Атлантическим океаном; затем следовали переселения запоздалых, но племена не могут выбирать себе вождей между ранее всех прибывшими: власть принадлежит потомкам завоевателей. Вследствие борьбы с соседями, границы их владений часто перемещались: они должны были покинут берега реки Нуньец и, уступая напору фулов, завоевателей, следовавших за ними в движении с востока на запад, потеряли многие округа в области гор. Когда французы приобрели политическую власть в бассейнах Рио-Понго и Меллакореи, большинство царьков нации су-су были данниками альмами, повелителя Фута-Джаллона. Теперь маленькия государства этой нации почти независимы, так как их вассальные отношения к Франции ограничиваются признанием нормального протектората.

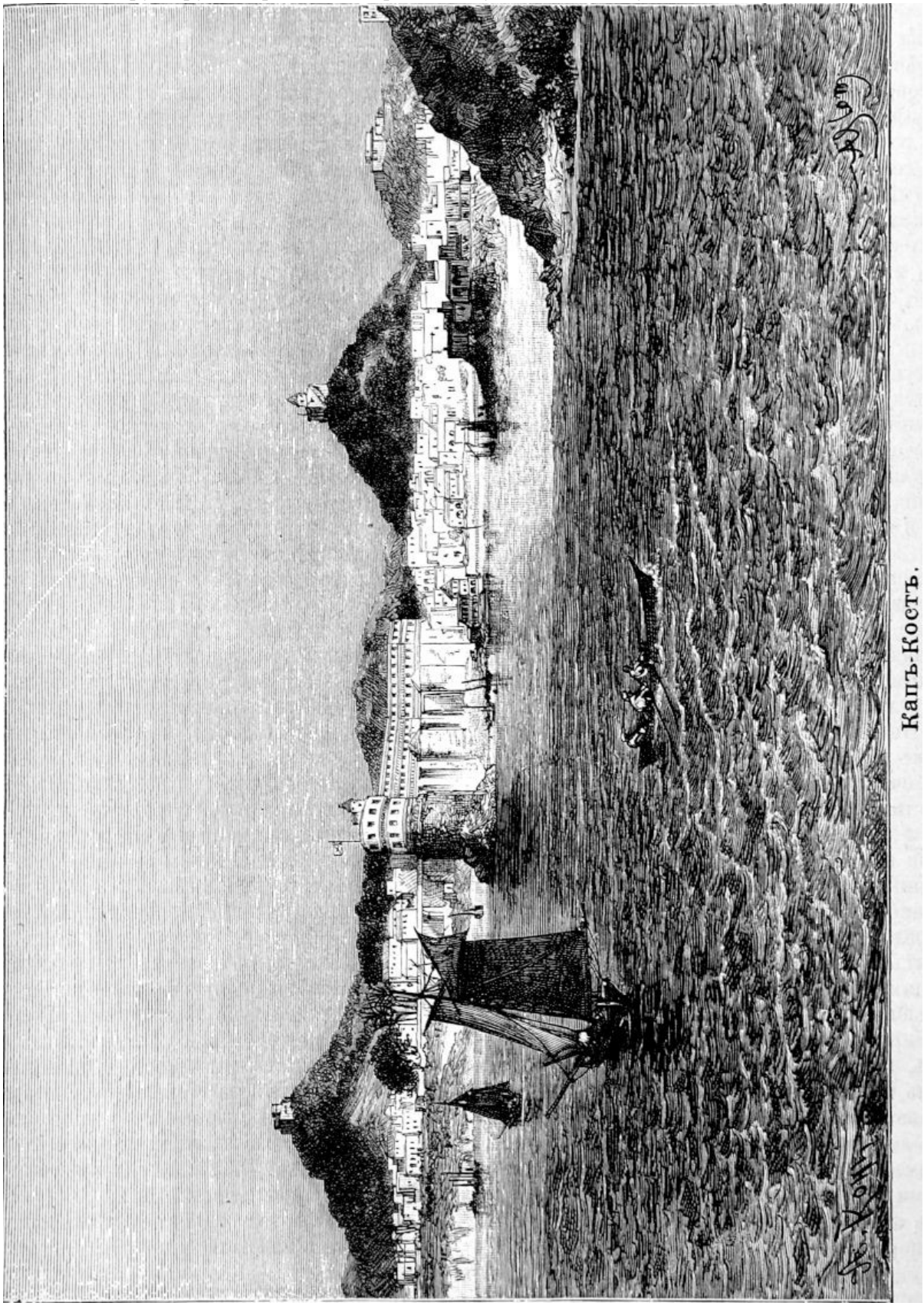
Широкоплечие, мускулистые, ловкие, но менее рослые сравнительно с серерами и уолофами, туземцы племени су-су представляют ясно выраженный негритянский тип—широкое лицо, вздутые губы, выдающиеся челюсти, но физиономия у них приятная, а женщины их не лишены грации. Они очень любят нравиться и много занимаются туалетом: шевелюру разделяют на космы, заплетая их с затылка на лоб, в ушах носят золотые кольца, на шее коралловые ожерелья, зубы красят в красный цвет, для чего жуют листья одного туземного дерева, красят также ногти и ладони. В торжественных случаях они прибавляют к своему обычному костюму—переднику, обшитому бусами,—рубаху с широкими рукавами, шарф и платок ярких цветов; они хорошо пляшут, соблюдая в движениях скромность, редкую у африканок. Некоторые национальные пляски, где мужчины и женщины выступают визави, затем меняются местами, составляют группы и снова разбиваются на пары, напоминают хореографические фигуры европейских балетов.

Женщины су-су исполняют, вместе с невольниками, все тяжелые полевые работы. Впрочем, в этом племени с женщинами вообще обращаются гораздо лучше, чем с их сестрами у других народцев, и в последнем периоде беременности они всегда освобождаются от трудной работы. Все они прекрасные хозяйки и заботливо воспитывают своих детей. В случае супружеских споров в дело вмешиваются соседи: совет стариков приказывает вырыть по середине деревни яму глубиной по колено; муж становится в яму, и два противника, вооруженные кнутом, стараются доказать свою правоту на спине друг друга; благодаря выгоде позиции и свободе движений, всего чаще одерживает верх супруга. Пожилые женщины пользуются большим почетом со стороны всех членов общины, и обыкновенно с ними советуются в государственных делах; даже хоронят их на отдельном кладбище[1]. В стране Су-Су старые девы не редкость—явление, совершенно исключительное в африканском обществе: это девушки, отказавшие жениху, которого им предлагали; свобода их в этом отношении никогда не стесняется. Прохожие купцы должны быть крайне осторожны в обращении с женским полом, под страхом крупной пени или даже потери личной свободы. Те из них, которые остаются на

1 Paul Vigue, „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale de Bordeaux“, 7 juin 1886.

некоторое время в крае, спешат жениться, чтобы избегнуть ревнивых подозрений туземцев[1].

Европейцев, посещающих страну негров су-су, поражает их необыкновенная вежливость в отношении друг друга. При виде старика, несущего что-нибудь тяжелое, молодой человек

Капъ-Костъ.

спешит освободить его от ноши на часть дороги. Даже два незнакомца при встрече не преминут спросить друг друга о здоровье и обменяться пожеланиями и любезностями: видно,

1 Africanus Horton, „West African Counties of Peoples“.

что это народ, проникнутый сознанием своей цивилизации и уважающий себя. Язык его—мягкий, немного монотонный и певучий, но очень гибкий и легко понимаемый: отсюда его большая польза, как торгового языка для всех туземцев страны. Он имеет уже некоторую литературу, словари, сборники грамматических правил, переводы Евангелия и других христианских книг: это мандингское наречие, в котором не существует рода имен, и где слова образуются при помощи приставок.

Смотря по географическому положению данного округа и по сопротивлению, которое его жители могут оказывать влиянию феллатов, различные народны нации су-су не в одинаковой степени приобщились к мусульманскому миру. Иные из них остались совершенными идолопоклонниками и даже не носят бумажек с изречениями из Корана в виде амулеток; другие номинально причисляют себя к магометанам и справляют праздник рамазана; некоторые, наконец, одушевлены уже таким же религиозным рвением, как и соседи фулы. В соседстве европейских факторий есть также племена, которые носят крестики и наплечники и не работают в воскресенье[1]. Рабство существует еще во всей стране Су-Су, и даже предпринимаются военные экспедиции во внутренние округи для ловли невольников, которых перепродают по двести франков за штуку (средняя цена). Но, хотя рабовладельцы, су-су не презирают труд и ходят тысячами наниматься к европейским купцам, для переноски и нагрузки товаров. Большинство ремесл, кузнечное, плотничное, ювелирное, предоставлены невольникам; впрочем, и между свободными су-су встречаются очень искусные мастера по части изделий из дерева и кожи; есть искусники, умеющие починять европейское оружие и строить лодки, с килем, палубой и бордажем, поднимающие до восьми или десяти тонн груза. В материальном отношении су-су быстро цивилизуются. На морском берегу большинство их носят уже европейский костюм, блузу и штаны, ботинки и фуражку или мягкую шляпу; строят себе настоящие дома, разделенные внутри на несколько комнат, с галлереей для вентиляции, меблируют свои жилища сундуками и кроватями иностранной фабрикации. Со стороны моря они подвергаются влиянию белых, также как на покатости гор они поддались влиянию фулов. Их можно заранее причислить к народам, которые войдут в поток цивилизованных наций[2].

Европейцев на берегах южных рек мало, и большинство их пребывает там очень короткое время, так как опасности климата заставляют иностранцев спешить окончанием дел. Влияние белых на туземное население проявляется большею частию косвенно, главным образом чрез посредство цветных сенегальцев и уолофских купцов, хаты которых можно везде узнать по длинному бамбуковому шесту с развевающимся на верхушке коленкоровым флагом; во всех приморских поселениях и даже во внутренних городах европейские торговые дома представлены этими фурьерами цивилизации. Но быстрое возрастание торговли в этих областях Южной Сенегамбии несомненно будет иметь следствием увеличение с каждым годом числа европейских посетителей, особенно когда будут основаны станции в какой-нибудь здоровой местности, на горе или на одном из прибрежных островов.

Самая дальняя европейская фактория вверх по течению Нуньеца, в 80 километрах от устья, находится в живописной деревне Боке, круглые домики которой, весело выглядывающие из зелени, группируются по скатам холма, на левом берегу реки; живая изгородь из колючих кактусов окружает дома и сады. В центре французского поста, на площади, обсаженной лимонными и апельсинными деревьями, стоит памятник, воздвигнутый в честь Рене-Калье, который отправился отсюда, в 1827 году, в путешествие к Томбукту. В то время деревня эта называлась Каканди. Вследствие другой экспедиции, которая была совершена Байолем и Нуаро, и тоже имела исходным пунктом Боке, торговля этого поста значительно возросла: негры из окрестных местностей, известные вообще под именем табураев, приносят на рынок земляные фисташки (арахиды), каучук, пальмовые орехи. В 1883 году торговые

1 Siegmund Israel, цитиров. статья.

2 Berenger-Feraud;—Corre;—Vigne;—Israel.

обороты в Боке простирались до 1.693.000 франков, из которых 1.014.000 франков приходилось на долю арахид и 440.250 франков на долю каучука. К востоку, по дороге в Фута-Джаллон, следуют одно за другим многолюдные местечки Бамбайя и Консотаки, оба в очаровательной местности, где чистыя воды текут среди рощ, садов, плантаций—кофейных, банановых, апельсиновых, табачных, вдоль живых изгородей из придорожного молочайника. Население этой здоровой страны, где могли бы основываться европейские колонии с шансами на успех, состоит из гостеприимных фулов[1]. Караваны, проходящие через соседние леса, где растет дикое кофейное дерево, собирают его плоды, иногда варварским способом, срубая большие деревья[2].

Вакария, резиденция королей Ландумана, находится в небольшом расстоянии вниз от Боке, на том же берегу, близ священного леса, служащего убежищем «симонам», или чародеям, которые умеют обернуться львом, чтобы растерзать своих врагов: это «момбо-джомбо» Южных рек. Еще не так давно на берегу реки, близ Вакарии, стоял «столб смерти», к которому привязывали несчастных осужденных, отрезав им предварительно руки и ноги; палачи оставляли свою жертву на этом столбе до тех пор, пока медленно подступающая волна прилива не заливала ее, если только крокодил или акула ранее того не прекращали её страданий[3]. Другая столица, Касасокобули,где «король королей», вождь народа налу, держит свой двор, находится километрах в двадцати ниже по реке, почти напротив французского поста Бель-Эр. Фактория английского основания, Виктория, стоит на правом берегу, в том месте, где извилистая река Нуньец превращается в широкий морской лиман.

На Рио-Понго существует много факторий главная из них—Бофера, лежащая в центре лабиринта изобилующих рыбой лагун; это вместе с тем таможенный пост и станция католических миссионеров. Ни одна из контор этой и других «низовых» рек не получила настолько важного значения, чтобы заслуживать имя города, кроме разве Бенти, на левом берегу Мелакореи. Этот пост, расположенный в относительно здоровой местности, служит резиденцией главного начальника области Южных рек и занят французским гарнизоном; но в торговле здесь употребляется английский язык, распространяемый купцами Сиерре-Леоне. Торговое движение в этой территории, по вывозу местных произведений, в 1883 году выразилось следующими цифрами:

Рио-Нуньец—1.500.000 франков; Рио-Понго—3.300.000; Мелла-Корея—1.000.000 франков.

Общая ценность обмена в области Южных рек составляла около 10.000.000 франков. На мысе Томбо, против архипелага Лос, основывается деревня Конакри, которая, повидимому, должна быстро заселиться, как пароходная пристань; вместе с тем, это соединительный пункт ветви морского телеграфа из Европы на Золотой берег и в Габон. Острова Лос, которые сданы туземными начальниками в аренду английским купцам, в эти последние годы в значительной степени утратили свое торговое значение.

Глава III. Сиерра-Леоне

Откуда произошло это смешанное имя, наполовину испанское, на-половину итальянское? Один из хребтов цепи, господствующей над городом Фритаун, своими очертаниями несколько напоминает, как многие другие горы во всех странах мира, фигуру лежащего льва. Не за это ли отдаленное сходство африканская гора, а вместе с ней и вся соседняя часть поморья, Буломбель или Ромаронг на языке туземцев, получила от португальцев на-

1 Bayol; Noirot, цитированныя сочинения.
2 Bois, „Senegal et Soudan“;—Bayol, цитированная статья.
3 Olivier de Sanderval, цитирован. сочинение.

звание Сиерра-Леон? Или, может-быть, Педро-де-Синтра, когда высадился на этот берег, в 1467 году, приметил в лесу льва или, вернее, леопарда, принятого им за «царя зверей», и хотел сохранить в имени края память об этой встрече? Возможно также, как полагает Кадамосто, что это наименование обязано происхождением громовым ударам, раздающимся в горах прибрежья, когда ветер нагонит грозовые тучи. Рев грома бывает слышен, говорит этот путешественник, «за сорок или пятьдесят миль в море», на широте берега «Serro-Lyonne».

Сделавшись политическим термином, имя Сиерра-Леоне применяется теперь ко всей совокупности английских владений, заключающихся между французской территорией Южных рек и негритянской колонией Либерией: это приблизительно та область, которую португальские мореплаватели обозначали названием Митомбо[1]. Береговое протяжение этого колониального владения около 350 километров по прямой линии, но оно почти удвоивается бесчисленными иссечениями берега. Внутрь материка юрисдикция англичан в некоторых местах простирается на 200 километров от берега, тогда как в других местах она не переходит за черту береговой полосы: так, близ границ Либерии, в непосредственном соседстве с побережьем Крим, живут совершенно независимые населения. На восток территория, предоставленная для колониального расширения Англии, ограничена виртуально концессией, которая дает Франции привилегию будущих присоединений в области верхнего Нигера. Рассматривая уже как британское владение весь бассейн Рокелли и бассейны других рек, впадающих в океан, до границы Либерии, находим для этого пространства площадь в 71.900 квадр. километров. Что касается английской территории в собственном смысле, то она обнимает только 2.900 квадр. километров; население береговой полосы (1894 г.)—126.835 душ. Если бы области покатости, лежащие внутри страны, были также густо населены, то число постоянных жителей нужно бы считать по крайней мере в полтора миллиона. По Косту, одни только нации тимни и буллом на острове Шербро заключают в себе 230.000 душ. Число жителей всей покатости никак не менее полмиллиона.

Побережье Сиерра-Леоне делится на две половины различной конфигурации. Южная часть страны представляет правильный берег с незначительными выступами: вообще мало найдется береговых контуров, отличающихся такой, можно сказать, геометрической точностью. Берег острова Шербро составляет продолжение берега твердой земли до остроконечного мыса Сент-Анн: на протяжении 175 километров очертание берегов почти нигде не уклоняется от прямой линии. Правда, это правильное побережье было на-половину отделено от материка морским проливом и длинной лагуной; но тем не менее эта отрезанная коса ясно указывает первоначальный берег, соединяющийся под водой с мысом Роксо, между реками Кашео и Казаманкой, цепью рифов и островов, главным отрывком которых является архипелаг Биссагос. К северо-западу от острова Шербро мели продолжаются на большое расстояние: оттого берега Сиерра-Леоне не менее опасны, чем берега португальской Гвинеи, особенно в период дождей, когда тучи закрывают горизонт, и велико число судов, погибших в этих водах. В иных местах, идя вдоль Сиерра-Леонского побережья, кормчие должны держаться в сотне километров от континентального берега.

К северу от мыса Шербро морской берег, изрезанный размывающим действием вод, то вдается в виде бухт и заливов, то выступает в виде мысов и полуостровов. Из полуостровов самый важный тот, который носит специально имя Сиерра-Леоне, и на северной оконечности которого находится столица английских владений. Говорят, во время больших приливов и обильных дождей этот полуостров превращается в остров; две лагуны, на половину отделяющие его от твердой земли, соединяются тогда в непрерывный канал; даже в сухое время года только волок в несколько километров ширины мешает объехать на судне вокруг Сиерра-Леонских гор. Все пространство полуострова, около 740 квадр. километров, занято цепью высот, с закругленными вершинами, над которыми господствует конусообразная гора Шуггар-Лоф («Голова сахару»), поднимающаяся на 700 метров над уровнем моря и почти всегда окутанная облаками. На северо-западе этот полуостровной массив оканчивается мысом Си-

1 Golberry, цитирован. сочинение;—Carlos de Melho, рукописные заметки.

ерра-Леоне, на юге мысом Шиллинг или Фольс-Кэн, который продолжается островом Бананов и несколькими островками. Многие полагают, что горы Сиерра-Леоне вулканического происхождения, и приписывают остатку давления запертых газов землетрясения, которые не раз были наблюдаемы в этой местности, между прочим, в 1858 и 1862 годах; но камни, встречающиеся в окрестностях города, не оправдывают этой гипотезы: это глыбы и плиты песчаника, какие мы видим и на соседнем материке. По словам Мэтьюза, на Сиерра-Леонском берегу есть много признаков, указывающих на оседание почвы; так некоторые из бывших островов лимана Большой и Малой Скарсии, теперь, будто бы, превратились в песчаные мели, покрытые слоем воды толщиной до 4 метров; точно также одна мель лимана Сиерра-Леоне составляла прежде часть материка, а местоположение крепости, построенной португальцами при устье Рио-Галлинас, ныне находится в 10 километрах от берега и на глубине 13 метров[1]. Но проверить эти утверждения можно бы было только на основании длинного ряда сравнительных наблюдений.

В береговой полосе территории Сиерра-Леоне, так же, как во всей области Сенегамбийского побережья, глинистая почва покрывает подпочву, состоящую из грубого железистого песчаника, который легко можно бы было разрубать топором, но который быстро отвердевает на воздухе и дает прекрасный строительный материал. На земле рассеяны глыбы синего гранита и других кристаллических пород, почти всегда округленные и снаружи почерневшие от действия солнца и непогод. Туземцы, употребляющие эти камни для построек, обыкновенно подвергают их на месте продолжительному действию огня, по крайней мере в течение двух суток, затем на расширившийся от нагревания камень льют холодную воду, отчего он раскалывается на несколько кусков разной величины[2]. Присутствие этих эрратических камней, происходящих с отдаленных гор, естественно наводит на мысль, что эти страны тропической Африки также имели свой ледяной период, и что иссеченная форма побережья между мысами Роксо и Сент-Анн должна быть приписана действию ледяных рек, некогда спускавшихся с массива Фута-Джаллон.

Многочисленные реки, питаемые обильными дождями, текут с внутренней возвышенности и пересекают территорию Сиерра-Леоне. Роккель, первая большая река к югу от Большой и Малой Скарсии, берет свое начало в той же местности, где и верхние притоки Нигера, и течет также в юго-западном направлении, затем, не доходя около сотни километров до моря, поворачивает на запад и сливается с широким извилистым лиманом, восточным рукавом Сиерра-Леонского залива. К югу от Рокелли, другая река, такая же многоводная, зарождается в нескольких километрах от истоков Нигера, под именем Бансуколо, и убегает в западном направлении глубокими ущельями, над которыми господствуют горы, достигающие высоты тысячи метров и более[3]. Но какой характер принимает эта река в низовье, как она течет через девственные леса—этого еще не знают в точности; неизвестно даже с достоверностью, какая река соответствует ей в поясе прибрежья—Камаранка ли, впадающая в Бухту Яури, на юге от полуострова Сиерра-Леоне, или Багран (иначе Баргуру), изливающийся в воронкообразный лиман, на востоке от острова Шербро. Обследовать течение этой реки тем более интересно, что она верхней своей долиной представляет кратчайший путь из Сиерра-Леоне к истокам Нигера.

Хотя Фритаун, главный город английских владений, на 450 километров ближе к экватору, чем Седиу в Казаманке, средняя температура в нем не выше температуры этого французского поста; она даже немного ниже, нежели в Боке, на Рио-Нуньец, что, без сомнения, следует приписать положению Фритауна на берегу океана, открытом свежим морским ветрам. Разница между крайними температурами в этом городе весьма незначительна: с точки зрения тепла и холода можно сказать, что в Сиерра-Леоне нет времен года; лето продолжается там из года в год и из века в век. Годовые колебания температуры зависят только от смены

1 Matthews, „A voyage to the river Sierra-Leone“.

2 Richard Burton, „Wanderings in West-Africa“;—Horton, „Climate of West Coast of Africa“.

3 Zweifel et Moustier, „Bulletin de la Societe de Marseille“, 1880.

засух и дождей. Как показали наблюдения[1]:

Средняя температура в Фритауне—26,°8 Ц.; температура самого теплого месяца (апреля) —28,°4 Ц.; температура самого холодного месяца (августа)—24,°9 Ц. Атмосфера на этом берегу освежается средним направлением ветров, которые дуют преимущественно с запада и с юго-запада, то-есть с океана, менее, чем земля, нагреваемого лучами солнца; кроме того, восточные ветры, приходящие с той стороны горизонта, которую солнце прежде всего нагревает во время дневного периода, вообще говоря, теплее западных ветров, которые проходят через воздушные области, освещаемые более косвенными лучами[2]: этим и объясняется относительная прохладность климата Сиерра-Леоне. При том же морская бриза преобладает на всем побережьи в жаркую часть дня, то начиная с десяти часов, то часом или двумя позднее. Сиерра-Леонский берег находится совершенно вне пояса правильных пассатных ветров: в то время, как зимой, когда вся система ветров переместилась к югу, действие пассатов ощутительно даже на устьях Меллакореи и Большой и Малой Скарсии, Фритаун остается в поясе муссонов, штилей и неправильных ветров. Гарматтан, который здесь господствует впродолжении нескольких зимних дней, в декабре и в январе, дует с востока или с востоко-юго-востока, принося с собой тончайшую пыль пустыни. Он редко переходит за пояс прибрежья; в этих водах его не чувствуешь уже в нескольких километрах от берега.

Дожди на берегах Сиерра-Леоне обильнее, чем во всякой другой стране западной Африки; но выпадение их сильно колеблется по годам. Так, по Бойлю и Гортону, количество дождевой воды, представлявшее в 1829 г. столб в 7,72 метра высоты, не достигало даже 89 сантиметров в 1858 году, так что разность между различными годами по выпадению атмосферной влаги колеблется в отношении единицы к восьми. Средняя за девять лет даст для годового столба дождей в Фритауне высоту 3 метра 331 миллиметр[3]. Приводят примеры исключительных дождей в 10, в 20 сантиметров в сутки; 23 августа 1829 года общее выпадение за весь день было так велико, что, не будь истечения, оно покрыло бы почву жидким слоем в 40 слишком сантиметров толщины. Во время этих больших дождей нередко выпадает град на вершинах гор.

В среднем, ливни начинаются в Сиерра-Леоне в первых числах мая, целым месяцем раньше, чем в Сенегале: обыкновенно два или три маленьких циклона, производимых встречей противных ветров возвещают правильное наступление периода дождей. Обилие ливней возрастает из недели в неделю впродолжении двух месяцев, июня и июля, затем уменьшается перед гарматтаном. Часто, около 15 ноября, конец дождей возвещается движением в высотах воздушного океана, которое Гортон называет «ураганом в облаках». В нижних слоях атмосферы царствует полное затишье, небо обложено пеленой черноватого пара, нависшей на подобие твердой массы; вдали слышится глухой гул, постепенно усиливающийся: это непрерывный треск, без проблесков молнии, напоминающий грохот железнодорожного поезда в туннеле. Несколько внезапных залпов возвещают конец перекатов грома, крупные капли дождя падают там и сям, затем поднимается западный ветер, и туча исчезает. Сезон дождей кончился.

Климат Сиерра-Леоне один из самых убийственных в свете, и из всей страны столица— наиболее опасное место для обитания. Близ города тянутся болота, еще необсохшие, и при отливе их тинистое дно остается открытым. Вредные испарения, поднимающиеся с этих луж, задерживаются, как в котле, обширным амфитеатром гор, окружающих залив. Даже в отлогих местностях свойство почвы способствует, в период дождей, нездоровости климата: дождевая вода, поглощаемая железистым песчаником, быстро испаряется, и вместе с паром поднимаются миазмы; часто атмосфера сыра и удушлива, как воздух в теплице для тропических растений. Приехав в Сиерра-Леонскую бухту, европеец восхищается живописной формой гор, великолепием растительности, красотой залива, разветвляющагося в виде бухточек

1 Hann, „Handbuch der Klimatologie“.

2 Horton, цитированное сочинение.

3 Hann, цитированное сочинение.

и проливов, но он не может отделаться от тягостного впечатления, производимого прозвищем края: «Могила белого человека» (White man's Grave); ему припоминается также, что суда крейсеров, отряженные для преследования торга невольниками, были прозваны «Эскадрой гробов» (Coffin squadron). Эпидемии желтой лихорадки часто посещают Сиерра-Леоне, и каждый раз эта болезнь похищает треть или половину белых, которые не успели бежать во-время, или которых служба или профессия заставляет оставаться в крае; некоторые медики утверждают даже, что этот бич имеет здесь эндемический характер, и что полуостров Сиерра-Леоне есть гнездо эпидемий, опустошающих иногда Сенегамбию. Смертность между английскими офицерами Фритаунского гарнизона доходит иногда до половины наличного состава; в 1881 году она превышала треть для всех европейских обитателей города, военных и гражданских, хотя большинство белых, в числе около сотни, живут на свежем воздухе, в хорошо проветриваемых домах, на склонах или на вершине холмов, и пользуются всеми привилегиями материального благосостояния. Они редко подвергаются опасному действию утренних туманов. Что касается чернокожого войска, составляющего сухопутную военную силу колонии, то смертность в нем много выше, чем в гарнизонах Европы (в Сиерра-Леонском гарнизоне, средним числом, на 1.000 человек бывает 740 больных и от 29 до 30 смертных случаев); но редко случалось, чтобы эпидемия опустошала казармы. Метрические записи показывают, для всего населения, черного и белого, постоянное состояние регресса, так как рождаемость каждый год меньше смертности. Движение народонаселения в этой «колонии» за время с 1871 по 1875 год выразилось следующими цифрами: Рождаемость—3.078; смертность—4.326; перевес смертности—1.248.

Животные, привозимые с севера, быстро погибают; даже лошади, приводимые из внутренних стран, умирают от паралича через несколько месяцев или лет; европейские собаки, сопровождающие своих господ, страдают лихорадкой, как и их хозяева. Выживающие животные подвергаются большим переменам в своем наружном виде. Ягнята родятся все с черной головой, что, может-быть, есть возврат к первоначальному типу; собаки меняют шерсть, уши у них удлиняются, и они перестают лаять; кошки делаются серыми, морда у них вытягивается, лапы становятся длиннее[1].

Туземное население, господствующее внутри территории Сиерра-Леоне, принадлежит к могущественной нации тимни (тимани, темне), общую численность которой определяют в 200.000 человек, разделенных на несколько народцев и на столько же королевств, сколько существует деревень. Один из вождей этой нации и продал англичанам Сиерра-Леонский полуостров, но бывшие владельцы земли не всегда жили в мире с новыми пришельцами, и в первые времена британской оккупации тимни не раз атаковали англичан на их полуострове. Отброшенные на материк, затем испытавшие, в свою очередь, нападение в своих собственных, огороженных частоколом, деревнях, они теперь уже не так смелы, как прежде, но все еще не покорены окончательно, и война еще свирепствует иногда, хотя театром её служат уже не те места, так как племена были оттеснены на довольно большое расстояние внутрь страны. Еще в 1885 году одно поселение, находящееся недалеко от Ватерлоо, километрах в сорока к юго-востоку от Фритауна, подверглось нападению туземцев: мужчины были перебиты, женщины и дети уведены в неволю. Тимни населяют главным образом равнины между реками Роккель и Малая Скарсия, но многие народны, носящие разные имена, хотя принадлежащие к той же нации и говорящие наречиями того же языка, живут вне этой территории. Тимнии, вообще говоря, хорошо сложены, сильны, ловки, с приятным выражением лица, и те из них, которые обитают в глухих местностях, куда еще не проникло деморализующее влияние «цивилизованных» фритаунцев, имеют открытый взор, гордую осанку, мужественную руку. Это трудолюбивые земледельцы, которые еще недавно употребляли, для обработки почвы, мотыки из твердого дерева: железо им было неизвестно. Они снабжают Фритаун рисом, кокосовыми орехами, домашней птицей: каждое утро поселяне приезжают сот-

1 Winwood Reade, „The African Sketch book“.

нями в лодках, везя на рынок свои продукты.

Язык этого народа, очень распространенный, как язык меновой торговли с различными племенами, живущими по течению реки Рокелль, есть один из наилучше изученных: миссионеры собрали народные сказки, басни, пословицы тимниев; с другой стороны, на этот язык переведены многие книги духовного содержания. Один из этих миссионеров-лингвистов, Шленкер, дал научно обработанную грамматику и полный словарь языка тимни, который близко подходит к наречию племени су-су и очень мало отличается от говора ландуманов. Менее последних поддающиеся магометанскому влиянию, тимнии сохранили большую часть своих языческих обычаев, что не мешает им однако выпрашивать у путешественников христианские крестики («больсомы», как они их называют), употребляемые ими в качестве предохранительного средства от выстрелов; над дверью хижин вывешивается амулетка другого рода—камень, завернутый в ситцевый мешочек, или листок с изречениями из Корана. У тимниев есть главари, из которых каждый обязан приносить сюзерену, королю или королеве, столько рису, чтобы составилась пирамида такой же высоты, как сам вассал. Образ правления в деревнях—монархический, но во многих племенах должность короля сопряжена с большой опасностью: накануне избрания будущие подданные имеют право бить претендента, и иногда так усердно пользуются этим правом, что избранник умирает вскоре после назначения на королевский пост[1]. В других местах вожди кандидаты, которые предполагаются пришедшими из Фута-Джаллона, «страны мудрости», и не имеющими в крае никаких друзей или протеже, которые могли бы влиять на их суд, обязаны скрываться впродолжении нескольких дней перед церемонией избрания и принесения присяги. После смерти, тела королей, у некоторых народцев, бросают в кусты или в реку.

Действительная власть принадлежит обществу, называемому «пурра» или «порро», которое судит как повелителей, так и подданных, и в которое могут вступать даже рабы, делаясь таким образом равными другим членам[2]; это нечто в роде масонства, подобного *бола* в племени су-су, на Рю-Понго[3]. Во всех нациях западной Африки существуют такия могущественные ассоциации посвященных, имеющие свой особенный язык, свою татуировку, свои символы,—ассоциации, составляющие в государстве другое государство, религиозное и политическое; но наиболее грозным авторитетом пользуются эти товарищества у народа тимни. Когда они провозглашают свой закон, всякая война, всякие внутренние раздоры и междоусобия должны прекращаться: наступает всеобщее перемирие, кровопролитие приостанавливается, всякий вызов наказывается многодневным разграблением, которое совершается замаскированными людьми. Чужеземец не может проходить через страну иначе, как в сопровождении члена общества пурра: последний дает о себе знать своим сотоварищам, свистя в камышевую дудку, висящую у него на шее; особенные фигуры татуировки, лозунги, символические жесты служат условными знаками, по которым члены пурры узнают друг друга; для совершения своих обрядов и обсуждения общих дел, они собираются в лесах, под покровом ночи, и всякий посторонний, проникший в их собрание, предается смерти или продается в рабство. Колдуны играют важную роль в тайных обществах, но между могущественными чародеями существует постоянное соперничество из за влияния, и не один из них был умерщвлен по наговорам своих собратий, как злой колдун. Кайманы, большие хищные звери тоже считаются колдунами, и когда какой-нибудь туземец сделался добычей зверя, деревня, где жил погибший, предается пламени, чтобы отвратить злой рок. Когда кто-нибудь из людей племени умирает, односельцы его собираются, чтобы произвести торжественное следствие о причинах смерти: внимательно осматривают его одежду, ногти, волоса, затем труп кладут на носилки, поддерживаемые двумя мужчинами, и чародей, вооруженный волшебным жезлом, вопрошает покойника который отвечает подпрыгиваниями и качаниями, а иногда остается неподвижным, как бы в нерешимости, особенно, когда он собирается на-

1 Zweifel at Moustier, „Bulletin de la Societe de Geographie de Marseille“.

2 Ernest Noirot, цитированное сочинение.

3 Bour, „Les dependances du Senegal“.

звать родственника или друга. Горе тому, на кого он укажет как на своего убийцу: обвиняемого убывают или продают в рабство со всей его семьей[1]. Судебные следствия этого рода практикуются также у северных племен, между прочим, у бужаго. Там труп умершего несут женщины; под влиянием управляющей ими тайной силы; они то идут вперед, то пятятся назад, то шатаются как пьяные, нимало не сомневаясь, что во всех своих кривляньях повинуются воле покойника[2].

Булломы (буламы), также как и тимни,—близкие соседи английского города Фритауна, но они но соединены в одну сплоченную нацию. Напор могущественных тимниев разделил их на два отрывка: северных булломов, которые живут, в очень малом числе, на береговой полосе между Меллакореей и Сиерра-Леонским лиманом, и южных булломов, или мампуа, которые обитают на острове Шербро и в сопредельных территориях; у короля их скипетром служит хвост слона, гостя, ныне исчезнувшего из лесов прибрежья. Язык булломов, впрочем, содержащий в себе большую примесь чужих слов, принадлежит к одному корню с языком тимниев, как это установили грамматические исследования некоторых миссионеров. У этих туземцев, как и у тимниев, женщины подчинены строжайшему трауру не только после смерти отца или мужа, но также во всякое время, когда того захочет мать или «первая жена». Тогда они носят повязку на глазах, так что могут видеть только у себя под ногами; они должны иметь отдельный стол и жить в полном затворничестве. Часто траур, предписываемый первой женой другим супругам, не имеет иной цели, кроме желания удалить их от мужа, и последний вынужден выкупать их свободу подарками[3].

Племя менди или менде, населяющее, к востоку от мампуа, лесные области, граничащие с территорией Либерии, тоже говорит особым языком, теперь выясненным некоторыми подготовительными работами. Сами мендии отвергают это имя, как заключающее в себе понятие о рабстве, и называют себя косса или коссу,—слово, которое, по Уинвуду Риду, значит «кабаны». Очень воинственные, как и тимнии, они нередко наносили последним поражения, либо одни, либо в союзе с англичанами. К северо-востоку от тимниев, в средних областях бассейна Малой Скарсии, рассеяны, по вершинам всех холмов, селения племени лимба, тоже грозного народца, который «запирает» дорогу или по крайней мере затрудняет проход по ней: тропинки проложены среди рисовых полей, и если вьючные животные пощипают хлеб или сойдут немного в сторону от проторенной тропы, то караван должен заплатить большой штраф или подвергается ограблению, в случае отказа[4]; когда дорога «заперта», то-есть, когда повешен на ветви дерева, простертой поперег тропы, мешочек, содержащий порох и пулю, нужно поворачивать назад или вступать в бой[5]. Лимбасы оказывают большое почтение умершим, которых они хоронят стоймя, в позе людей, готовых начать съизнова жизненное странствие; женщины годами оплакивают покойников и носят им на могилку рис и воду.

Племена сафроко и коно, обитающие южнее, в гористых местностях верхних бассейнов, тоже сильно затрудняют сообщения между Сиерра-Леонским берегом и странами верхнего Нигера. Что касается галлинасов, которые живут по реке того же имени (Галлинас) и в долине реки Манна, то они до такой степени воинственны, что до недавнего времени преграждали белым всякий доступ во внутренния местности. Правда, своим военным воспитанием они обязаны негро-торговцам, которые имели множество притонов в лабиринте их лиманов и подстрекали этих туземцев к разбойничьим экспедициям, чтобы покупать у них пленников по дешевой цене. После прекращения торга невольниками, галлинасы все-таки продолжали наследственную борьбу со своими соседями, племенем коссу на севере и племенем вей на юго-востоке; они воевали даже с «американскими» неграми Либерии; недавно королева

1 Golberry;—Laing;—Winterbottom;—Matthews.
2 Olivier de Sanderval, „De l'Atlantique au Niger par le Foutah-Djallon".
3 Matthews, „A voyage to the river Sierra-Leone".
4 Zweifel и Moustier, цитированное сочинение.
5 Bour, цитирован. сочинение.

одного из их могущественнейших племен сделалась союзницей англичан, и через её посредство последние приобрели верховную власть над страной. Эти галлинасы в некоторых отношениях одарены большими способностями для мирных трудов; они отличаются в особенности своим артистическим вкусом: между ними встречаются очень искусные золотых и серебряных дел мастера, резчики на дереве, обладающие оригинальным талантом. Из всех народов поморья галлинасы наиболее подвергались влиянию ислама: они находятся теперь в переходном состоянии от анимизма к магометанству. Впрочем, они приписывают себе восточное происхождение и составляют в береговой области авангард мандингов.

В Сиерра-Леоне, как и в Сенегамбии, совершается постоянное давление от востока к западу на населения прибрежья. На северо-востоке, племя хубу, принадлежащее к нации фула, постепенно делает захваты в области прибрежных жителей Большой и Малой Скарсии; на востоке мандинги и сараколе, в качестве торговцев, тоже проникают к своим соседям и распространяют среди них более высокую цивилизацию. Хубусы с половины настоящего столетия составляют особое государство, независимое от альмами Тимбо. Чтобы избегнуть нового порабощения, они переселились к юго-западу от истоков Бафинга, в гористую страну, где берут начало обе Скарсии; но они овладели этой территорией не без борьбы, и до сих пор еще непрерывно продолжаются столкновения между ними и соседними племенами: дело ислама служит предлогом для набегов и грабежа. Самое имя их происходит от припева их военных песен, где всего чаще звучат два слога *ху, бу*: «мы любим пророка, соединяемые в его любви».

Между туземными народами многие остались язычниками и почти не отличаются от племен лимба, сафроко и коно своим социальным состоянием: таковы куранко, которые обитают в долинах, простирающихся на запад от области тимниев до истоков Нигера. Они группируются в олигархические общины, признающие главарей, но в действительности управляемые советом старейшин; старикам предоставляется право и честь разрешать споры согласно обычаям, установлять меру наказания за преступление, размер пени за проступок. У этих туземцев практикуется, как у кавказских горцев, обычай родовой мести: семье жертвы принадлежит право пролить кровь за кровь; убивший раба становится сам рабом, если не заплатит полной стоимости убитого. Цивилизованные мандинги с презрением смотрят на куранко и дали им кличку «гадких чертей», которую те стараются заслужить, ибо они любят наряжаться чудовищами, при помощи листьев и веток, и бродить ночью, испуская вой и рев диких зверей, с целью попугать иностранцев[1].

Солимасы, родственные племенам джаллонке в Сенегальском бассейне и су-су в территории Южных рек, цивилизованнее народца куранко, хотя и они в большом презрении у мандингов и хубусов, как враги ислама. Они живут между хубусами и куранко, в великолепной холмистой стране, около истоков Большой и Малой Скарсии и до Джолибы; подобно своим соседям, они говорят наречием, близко подходящим к мандингскому, а при дворе употребляется этот последний язык; своей любовью к музыке и относительным богатством своих оркестров они тоже напоминают мандингов Гамбии. Как их сородичи джаллонке, солимасы вели войны с феллатами: их большой военный барабан украшен сплошь по всему ободку бородами, отрезанными на трупах сраженных хубусов, и под каждым пучком черных волос написано имя их бывшего владельца. От независимости или порабощения солимасов будет зависеть их обращение в ислам или оффициальное сохранение старого культа. Несколько поражений, испытанных прежде этими туземцами, заставили их облечься в мусульманское бубу; последующая победа позволила им освободиться от этого костюма и сохранить только передник, заимствованный у куранко. Тем не менее, солимасы—один из наиболее цивилизованных народов между западными африканцами: поля их прекрасно обработаны, города содержатся в чистоте и порядке, повсюду видна зажиточность; кодекс вежливости, чрезвычайно подробный, строго соблюдается всеми и каждым; чужеземцы всегда находят у них радушный прием; европейские путешественники, Ленг, Рид, Цвейфель и Мутъе, не на-

1 Zweifel и Moustier, цитированное сочинение.

хвалятся любезным гостеприимством, которое им было оказано этими горцами-язычниками. С тех пор как две религии стали оспаривать друг у друга солимасов, последние сделались очень индифферентными в деле веры; впрочем, они еще совершают жертвоприношения деревьям и духам. По словам Рида, одно озерко в этой стране, близ её столицы, населено священными крокодилами, которым шаман каждый день приносит пищу. Каждый новый король, при своем вступлении на престол,—как рассказывали Риду,—отдает свою младшую дочь на съедение этим чудовищам, в доказательство того, что для блага своего народа ему не дорога никакая жертва. Одной из дев поручается хранить наиболее чтимого фетиша; на другую возлагается обязанность носить королевское знамя в сражениях. У солимасов, как и у народов Сенегамбии, существуют скоморохи и певцы, называемые здесь *елли*, которых все презирают, но которые, тем не менее, пользуются большими привилегиями: их нельзя ни бить, ни засадить в тюрьму, ни подвергнуть смертной казни. Когда появляется на свет новый елли, домочадцы поспешно тушат огонь в хижине и выбрасывают вон всю мебель и кухонную утварь, затем отправляются по соседям побираться всем, что требуется для новорожденного. «Ты видишь, говорят ребенку, у нас нет ничего. Мы должны выпрашивать воду, которая моет, орехи кола, которыми угощают всякого посетителя. И ты, когда выростешь большой, будешь ходить по миру, как мы»[1].

В Фритауне живет много мандингских купцов, и, благодаря им, ислам все более и более распространяется. В 1886 г. магометанская община состояла из 3.000 лиц, и они уже строили себе пышную мечеть[2]. В этом городе английского основания, переполненном миссионерами всякого рода, черными и белыми, никакая пропаганда не имеет такого успеха, как пропаганда мандингских марабутов Люди этой нации считаются самым смышленым и самым честным этническим элементом городского населения. А между тем все расы западной Африки представлены в Сиерра-Леоне: полтораста языков слышались зараз в этом городе, который английские крейсеры сделали главным местом высадки невольников, забираемых на негроторговых кораблях. Быв сначала, со времени открытия португальцами, одною из самых излюбленных пиратами стран африканского поморья, посещаемых ради охоты на человека и экспорта живого чернокожого товара,—Сиерра-Леоне сделался затем местом неприкосновенного убежища для беглецов, землей свободы для выпущенных на волю рабов. Здесь в особенности пресловутый Гокинс, прозванный «первым негроторговцем», производил обильные облавы, за которые королева Елизавета возвела его в дворянское достоинство и пожаловала право носить герб, изображающий «полу-арапа, в его натуральном цвете». Английская компания, которой король Испании предоставил, в силу знаменитого asiento (контракта о подряде) 1713 года, исключительное право снабжать невольниками его владения в Новом Свете, не ограничивалась вывозом 4.800 негров, требовавшихся по контракту, она продавала их в иные, исключительно благоприятные годы до 60.000 голов,—продукт войн, стоивших по крайней мере вдвое большее число жертв. Последние притоны негроторговцев на западно-африканском берегу находились неподалеку от Сиерра-Леоне, на острове Шербро и особенно в лиманах, лежащих южнее. Но там же, в Сиерра-Леоне, в 1787 году, Гранвиль, Шарп и Смитман приобрели от главарей племени тимни территориальное владение, чтобы сделать из него землю свободы. Сначала там поселилась группа черных колонистов, затем после войны за независимость северо-американской колонии, негры, бежавшие в Новую Шотландию, просили отвезти их в Африку: большинство их погибли там от нужды и голода, но на смену прибыли другие освобожденные невольники из Канады; кроме того, пятьсот беглых негров с острова Ямайки, которых изловили при помощи охотничьих собак, тоже были перевезены массой на африканскую землю, чтобы избавить бывших рабовладельцев от их стеснительного соседства[3]. В 1807 году, после того как торг неграми был оффициально воспрещен, английское правительство заступило место Сиерра-Леонской компании, в

1 Winwood Reade, цитированное сочинение.

2 G. Bove, „Bollettino della Societ a Geografica Italiana“, aprile 1886.

3 Samuel A. Walker, „Mission in Central Africa“.

качестве владельца полуострова, не только для того, чтобы высаживать на этот берег живые грузы, перехваченные на негроторговых судах, но также для того, чтобы ссылать туда мятежных солдат из других своих тропических владений.

Эта смесь разноплеменных и разноязычных людей произвела гибридное население, не похожее ни на одно из населений, живущих в остальной части Сиерра-Леонского побережья. Они пользуются дурной репутацией во всех факториях западной Африки: жадность, корыстолюбие, лицемерие, подлость—таковы качества, в которых их обыкновенно упрекают, и которым, в виде контраста, противопоставляют честность, прямодушие, благородство мандингов. Но если белые не долюбливают их, то это потому, что они находят в этих освобожденных неграх опасных конкуррентов по меновой торговле с населением внутренних местностей. Сиерра-леонцы отличаются замечательным духом предприимчивости: ремесленники, выучившиеся мастерству в Фритауне, слесаря, механики, кузнецы, плотники, столяры, очень ценятся во всех городах прибрежья; это они научают, если не английскому языку, то по крайней мере происшедшему от него жаргону, все племена прибрежья, и особенно племя су-су на Рио-Понго[1]; сыновей вольноотпущенников можно встретить даже на покатости Нигера, где их обыкновенно называют *поту*, то-есть «белыми», не только потому, что многие из них смешанной крови, но также потому, что они являются представителями высшей цивилизации и самым присутствием своим напоминают два таких важных факта, как освобождение невольников и преследование торга неграми. Точно также французы, проникавшие внутрь страны после того, как декрет 1848 года объявил свободными невольников Сенегала, были часто приветствуемы радостными криками: «Сорок-восьмой! Воля»[2]! Большинство внутренних племен сохранили еще обычай употреблять пленников на тяжелые работы, а тимнии нередко отдают в залог своих собственных детей, которых потом не в состоянии бывают выкупить из кабалы: но некоторые народцы последовали примеру Фритауна и отменили у себя рабство. Между территориями племен су-су и лимба, в бассейне Большой и Малой Скарсии, основалось особое государство, состоящее исключительно из беглых невольников, которые съумели внушить к себе уважение соседним племенам своей храбростью и своей гордостью свободных людей[3].

За исключением потомков народцев, представленных в Фритауне большим числом индивидуумов, старые этнические различия мало-по-малу сглаживаются, но английский режим имел следствием введение между этими чернокожими резко разграниченных социальных каст. В Фритауне можно встретить судей расы эгба или фанти, которые бреют свою косматую голову, для того только, чтобы носить судейский парик; в этом городе имеется свое высшее африканское общество, где преобладают моды лондонских салонов, и где стараются говорить их чопорным жаргоном. Потомки первых переселенцев смотрят с презрением на толпу пролетариев, состоящую из сыновей вольноотпущенников, недавно привезенных в край. Разноплеменность заставила фритаунских негров употреблять, как общий язык, английский, но в их устах этот язык так преобразился, что ни один англичанин из Европы не понимает без изучения этот своеобразный жаргон, впрочем, составленный из очень ограниченного числа слов; духовное общество моравских братьев поручило-было перевести Новый Завет на этот англо-негритянский язык[4], но слог и слова, употребленные переводчиком, показались до-того странными, что из боязни вызвать насмешки принуждены были уничтожить книгу. Подвергаясь непосредственно влиянию миссионеров и не будучи удерживаемы в своих первобытных культах силой сцепления, которую дает группировка в племена, освобожденные негры Сиерра-Леоне сделались членами христианских сект, и духовные проповедники, «наставники в законе Божием», составляют значительную часть цивилизованного

1 Bour, цитирован. статья.

2 Paul Soleillet, „Voyage a Segou, redige par Gabriel Gravier“ (не издано).

3 Blyden;—Reade, цитированное сочинение.

4 „Da njoe Testament translated into the negro-english language by the Missionaries of the Unitas Fratrum“, British and Foreign Bible Society, London 1829 (Richard Burton, „To the Gold Cost for Gold“).

черного населения; однако, многие следы язычества существуют доныне, и некоторые секты, адепты которых по большей части уроженцы Невольничьего берега, поклоняются огню, бурям, грому.

Население английской «колонии» Сиерра-Леоне по вероисповеданиям распределялось в 1881 году следующим образом:

Протестантов: английской церкви—18.860, веслеян—17.098; других протестантских сект—3.117; католиков—369; магометан—5.178; язычников—15.924.

По переписи 5 апр. 1891 г., христиан всех вероисповеданий насчитано 41.361.

В «колонии» почти все дети ходят в школу; в 1896 г. было 63 учебных заведения, в том числе 6 средних; юноши продолжают свое образование в колледже на бухте Фура, составляющем отделение английского Дургамского университета; в 1897 г. открыто техническое училище.

Во время переписи 1891 года белое население Сиерра-Леоне состояло всего только из 224 человек, постоянных и временных жителей; в периоды же эпидемии случается, что число европейцев не достигает даже сотни. Едва прибыв в край, белые только о том и помышляют, как бы поскорее уехать отсюда; никто не задумывает обширных планов на время своего пребывания в этой опасной земле. Из европейцев всего лучше переносят нездоровый климат здешних мест итальянские «mercanti». Каждый пароход, приходящий в Фритаун, привозит несколько человек этих мелких торговцев, почти исключительно из южных провинций Аппенинского полуострова; нагруженные бусами и кораллами, они странствуют пешком из одной негритянской деревни в другую, в районе более 50 километров от столицы, питаясь так же, как туземцы, ночуя, подобно им, на голой земле, перенося усталость, лишения, бури и непогоды, которые были бы гибельны для всякого другого европейца, непривыкшего к подобному образу жизни. Те из итальянских коробейников, которые избегнут смерти, обогащаются этим трудным промыслом[1]. Но если мелочная торговля получила некоторое развитие в бассейне реки Рокелль, благодаря этим неустрашимым разносчикам, то крупная торговля находится в периоде застоя с тех пор, как совершенное прекращение морского торга неграми положило конец приливу новых иммигрантов, и как Фритаун перестал быть столицей всех английских владений в западной Африке. Политика, которой держится правительство в отношении вождей туземных племен, также имела крайне невыгодные последствия для торговли. Верные своей привычке воздерживаться от вооруженного вмешательства, англичане не посылают солдат внутрь страны, но платят субсидии начальникам, взяв с них обещание держать дороги открытыми. Почти всегда эти пенсии употребляются на покупку оружия и боевых припасов, и между маленькими царьками то и дело вспыхивают войны по всякому поводу: воюющие истребляют пламенем целые деревни, опустошают поля, продают пленных мандингам, дороги закрываются, и во время таких междоусобий подвоз туземных продуктов—пальмового масла, орехов кола, каучука, имбиря, на фритаунский рынок значительно сокращается[2].

В 1895 г. обороты внешней торговли Сиерра-Леоне простирались до 879.941 (привоз—427.337, вывоз—452.604) фунта стерлингов.

Фритаунский рейд, ограничиваемый на широте мыса Сиерра-Леоне опасными подводными скалами Карпентера (Carpenter's rock), представляет восхитительный вид, когда горы полуострова освободятся от облаков, скрывающих их вершины большую часть года. Лес, местами расчищенный огнем, разделялся на группы величавых деревьев, чередующиеся с травяными полянами или порослями кустарника; на выступе мыса стоит ряд гигантских баобабов, служащий опознательным пунктом судам, плывущим к рейду; живописные долины там и сям прерывают цепь закругленных холмов, за которыми вдали виднеются вершины Львиной горы. По берегу рассеяны дома, построенные на европейский манер; в глубине, между

1 „Bolletino della Societa Geografica Italiana“, marzo 1886.

2 Bluebook C. 4642, „Disturbances in the Nativa Territories of Sierra-Leone“.

двумя бухтами Крубой и Фура, показывается Фритаун, «Город Вольных людей». Первая столица негритянской колонии, Гранвиль, была основана в соседней равнине. Но в 1794 году перед этим городком появилась французская эскадра и сожгла его; с тех пор не возникало новых поселений на этом месте. После того выбрали нездоровую Фритаунскую бухту, вместо того, чтобы перенести столицу в какой-нибудь пункт, более удаленный от болот и вполне открытый морским бризам. Впрочем, возвышенные части города пользуются относительно здоровым воздухом, и часто желтая лихорадка производит большие опустошения в нижних предместьях, не поднимаясь в казармы, построенные на холме высотой около 120 метров. Раскинутый на обширном пространстве (слишком 10 квадр. километров), Фритаун заключает в себе несколько красивых зданий, к которым принадлежат церкви, школы, дворец губернатора, присутственные места; но в некоторых улицах на каждом шагу встречаешь развалины, частию заросшие травой и деревцами: в этой стране репутация инициативы, приобретенная английскими коммерсантами, не оправдывается. На берегах западной Африки Фритаун служит главным рынком для торговли живыми зверями: агенты европейских зверинцев приезжают сюда закупать змей, разных диких животных, между прочим, даже горилл и шимпанзе. Одна из змей этой страны, называемая «плевакой», в самом деле, говорят, пускает фонтан ядовитой слюны, очень опасной для человека, если брызги её попадут в глаза[1].

Кроме этого города с 30.000-м населением, в британских владениях Сиерра-Леоне нет городских поселений в собственном смысле. Полуостров усеян деревнями с английскими именами: Абердин, Уильберфорс, Веллингтон, Риджент, Иорк, Гастингс, Ватерлоо; бывшая французская фактория Гамбиа, на одном из островов реки Рокелль, почти совсем опустела. Внутри материка, Порт-Локко получил некоторую важность, благодаря своему положению на реке того же имени, впадающей в лиман Рокелли. Порт Локко, где находятся склады мандингских торговцев, служит пристанью для судов, поднимающихся вверх по реке, а также исходным пунктом для экспедиций, отправляющихся в горную страну: Гудсбери, Цвейфель и Мутье делали свои приготовления к путешествию в этой передовой станции английских негоциантов и миссионеров. На севере, пост Камбиа есть главное населенное место низменностей по реке Большой Скарсии: это рынок сельско-хозяйственных продуктов, окруженный прекрасно возделанными полями и плантациями на обширном пространстве. Напротив этого города, на правом берегу реки, расположено магометанское местечко Биллех, населенное исключительно студентами, сгруппировавшимися вокруг одного знаменитого профессора: при этом ученом заведении, совершенно независимом от какого бы то ни было европейского влияния, существует даже училище для девиц.

Вне британской территории, некоторые многолюдные местечки имеют более или менее важное значение, как торговые центры или столицы туземных государств. Сумата, недалеко от истоков Большой Скарсии, служит сборным пунктом для караванов из Фута-Джаллона. На реке Каббе, северном притоке Малой Скарсии, наиболее посещаемый рынок—местечко Самайя: это столица племени тамбакка, или тамбучи, и главный этап караванов между Порт-Локко и первым городом Фута-Джаллона, Талико, лежащим на юго-западной окраине владений альмами. Дюбайя, укрепленный город, господствует с высоты своего холма над маленьким царством зеленеющих долин. В земле племени лимба важнейшие торговые местечки—Бумба и Бумбади (известные у англичан под именем Big Bumba и Little Bumba, т.е. Большой и Малой Бумбы); Кабалла—резиденция самого могущественного вождя народца куранко; Фалаба—«военный город» племени солима. Последний находится тоже в бассейне Малой Скарсии, но в очень близком расстоянии от порога, ведущего к верхнему Нигеру: по мнению путешественника Блайдена, этот пункт, благодаря незначительному уклону и правильности океанского ската, был бы наиболее удобным местом для постройки железной дороги между полуостровом Сиерра-Леоне и Нигером. Фалаба—цветущий город, окруженный необыкновенно плодородными равнинами; все выгоды соединяются в этом месте, чтобы

1 Richard Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

обеспечить ему в будущем первостепенную экономическую роль; население его простирается до шести тысяч человек.

В западных областях земель, состоящих под английским протекторатом, вблизи Либерийской границы, некоторые деревни, впрочем, мало населенные, пользуются известностью, как места палабр между депутатами племен. Таковы, между прочим, Бахарма и Баидасума, столица королевы народца барри, в бассейне реки Сулимы.

Колониальная территория Сиерра-Леоне управляется губернатором, при содействии состоящего при нем административного совета; губернатор получает содержание из доходов колонии, главный источник которых составляют таможенные сборы. В 1895 г. колониальные доходы простирались до 96.690 фунт. стерл.. (в том числе 80.453 ф. ст. таможенного сбора.) Гарнизон состоит из негров и цветных людей, уроженцев Антильских островов, под командой белых офицеров, которые все получают большое жалованье; персонал полиции набирается преимущественно из туземцев племени эгба и других чернокожих уроженцев области Нигера и Невольничьего берега. Каждый полуторагодовой период службы в этой нездоровой стране дает офицерам право на годовой отпуск, с сохранением полного оклада содержания; кроме того, они имеют в своем распоряжении санатории, какие представляют им Мадера и Канарские острова, и, в непосредственном соседстве с Сиерра-Леонским полуостровом, Банановые острова. Нет ни одного парохода, направляющагося в Европу, который не вез бы отсюда нескольких больных, уезжающих в отпуск на родину.

Иностранцы не могут приобретать земельной собственности в Сиерра-Леоне; чтобы сделаться землевладельцами, они должны предварительно натурализоваться.

Глава IV Либерия

«Страна Свободы» еще не исполнила всех обещаний, которые были даны от её имени её основателями, и, по реакции, большинство путешественников, заглядывающих мимоходом в тот или другой порт этой республики, склонны высказывать о ней суровые отзывы, часто внушаемые расовыми предразсудками. Однако, не есть ли уже капитальное событие самый факт образования общества, состоящего сплошь из потомков рабов или вольноотпущенников и поселившагося на той самой территории, где прежде негроторговцы формировали свои партии невольников. При том, что бы ни говорили, Либерия, не будучи государством ни более слабым, ни менее благоустроенным, чем соседния европейские «колонии», имеет за собой по крайней мере то преимущество, что она настоящая колония. Обитающие в ней иммигранты не заезжие путешественники: они поселились здесь на постоянное жительство, и их потомство продолжает начатое ими дело. По языку, нравам, учреждениям они тоже представляют европейскую культуру; но они такие же негры, как и туземцы, и хотя эти переселенцы в своей аристократической спеси «цивилизованных» очень часто держатся в стороне от туземцев, тем не менее, они оказывают с течением времени значительное влияние на племена, в территории которых они построили свои города. Почти всегда они жили в мире с соседями; и не столько силой оружия, сколько мирным путем договоров они достигли политического господства над обширной страной, простирающейся в западном углу черного континента. Впрочем, либерийцы вели также войны с дикими племенами и покоряли их варварскими средствами, вырубая их пальмы и опустошали их посевы[1].

В 1815 году один разбогатевший негр из Массачузетса привез в Сиерра-Леоне человек сорок своих единоплеменников, а в следующем году в Америке основалось переселенческое общество, поставившее себе задачей водворение освобожденных негров на берегах конти-

1 Iohn H. Smyth, „U. S. Consular Reports“, aug 1885.

нента, откуда были насильно увезены их предки. Первая отправка освобожденных невольников состоялась лишь в 1820 году, и транспорт их был направлен к берегам бухты Фура, в Сиерра-Леонском заливе. Дурно принятые англичанами, переселенцы должны были искать себе другого места жительства, и два года спустя их маленькая группа, усиленная новоприбывшими иммигрантами, поселилась на берегу бухты, доминируемой мысом Мезурадо, в 350 километрах к юго-востоку от Фритауна. Первые шаги были очень трудны: приходилось даже оборонять вооруженной рукой первый стан, служивший временным приютом; но мало-по-малу территория колонизации выростала, и почти каждый год к владениям Либерии прибавлялись новые полосы земли, отграниченные, по американскому способу, геометрически правильными параллельными линиями, проведенными перпендикулярно к морскому берегу. Однако колония не составляла еще независимого государства: она была управляема делегатами упомянутого американского общества, что подвергало ее частым дипломатическим затруднениям, так как английские мореходы, производившие торговлю на этом берегу, отказывались платить таможенные пошлины частной компании. Наконец, управлявшее колонией переселенческое общество согласилось поступиться своими владельческими правами: сорок восьмой год, ознаменованный политическими переворотами в Европе и Азии, был также свидетелем нарождения, на африканской почве, новой негритянской республики. Большинство держав поспешили признать независимость Либерии; только Соединенные Штаты Северной Америки считали унизительным для своего достоинства соблюдение этой формальной вежливости в отношении политической общины, состоящей из сынов вольноотпущенников: нужно было вспыхнуть междоусобной войне в самом Союзе и появиться прокламации президента Линкольна об освобождении невольников, чтобы американская республика решилась, наконец, признать совершившийся на берегу Африки факт. Когда Либерия вступила в ряды правильно организованных государств, она заключала в себе около 8.000 граждан и 350.000 туземцев. В 1882 году число её граждан возрасло до 18.000, а приблизительная цифра всех других жителей вассальных земель исчислялась в 1.050.000 душ. Впрочем, из этой суммарной народной переписи следовало бы исключить обитателей береговой полосы, заключающейся между мысом Манна, близ острова Шербро, и рекой Манна, близ мыса Маунт. По праву сильного сиерра-леонские англичане окончательно присвоили себе эту область, в 1883 году, хотя республика Либерия имела документы на земли, приобретенные ею в разные времена, начиная с 1850 года. Колонизационная область обнимает площадь в 37 200 квадр. километров: прибавляя сюда все территории, оффициально состоящие под протекторатом, в силу договоров, заключенных с туземными народцами, даже на восточном склоне гор, в бассейне Нигера, получим для всей Либерийской страны втрое более обширное пространство.

Территория негритянской республики, как она ныне отграничена, образует довольно правильный четыреугольник, который тянется, со стороны моря, на 630 километров в длину, при средней ширине 250 километр.; только на севере земли, исследованные либерийским путешественником Андерсоном, вдаются узкой полосой внутрь материка: границы, начертанные на картах, нигде не совпадают с естественными пределами покатостей. Морской берег перерезан многочисленными реками, имеющими по большей части узкий бассейн и текущими параллельно одна другой, с северо-востока на юго-запад, по нормальному скату страны; во время прилива и в период речных разливов почти вся низменность, между первыми возвышениями внутренних холмов и дюнами побережья, бывает покрыта водами. Самый большой из этих потоков—река св. Павла (Сент-Поль), зарождающаяся в 300 слишком километрах от моря, к северу от гор Фома и к югу от цепи Лома, откуда вытекает Нигер. Она судоходна на протяжении около тридцати километров для судов, имеющих до 3 метров водоуглубления; дальше их останавливают пороги, но выше этих порогов во многих местах могли бы ходить барки. Река отделена от океана опасным баром, и все морские суда должны бросать якорь в бухте Монровия; другая река, Мезурадо, соединяется с рекой св. Павла, в общей дельте, перерезанной боковыми потоками. Восточнее, на побережье, две реки, Квеа и Джунк, впадают в одну и ту же бухту. Рио-Сестос, Сангвин, Сину, Кавалли или Кавалла

(названная так португальцами потому, что она находится на расстоянии одного переезда от мыса Пальм) тоже принадлежат к значительным рекам республики, а Рио-Сан-Педро (река св. Петра) составляет её границу на востоке, уже в той части морского берега, которая продолжается на восток до залива Биафра. Многие из этих рек, особенно Кавалла, судоходны для барок на пространстве свыше 120 километров от устья[1]. Подходы к морским берегам довольно опасны, по причине многочисленных песчаных мелей; одна только пароходная компания за десятилетний период времени потеряла шесть своих судов между Сиерра-Леоне и Пальмовым мысом.

Большая часть рек Либерии отделены одна от другой рядами высот, примыкающих к «Мандингскому плоскогорью»; но эти промежуточные цепи известны только по их вершинам, видимым с морского берега и служащим приметами для моряков. Почти везде берега низменны, окаймлены лагунами и притоками или изрезаны волнами на маленькие утесы красного или белого цвета, но там и сям встречаются также высокие мысы, обозначающие выступы побережья. Таков мыс Маунт (мыс «Горы»), выдвинувшийся в море холм лесистого массива, почти островного, самая высокая вершина которого достигает 325 метров. Мыс Мезурадо или Монсеррадо, ниже предъидущего (73 метра), имеет более важное значение, как опознавательный пункт для мореплавателей, благодаря тому, что он высится на наидалее выдвинутом выступе всего побережья и указывает вход в порт Монровии, главного города республики. За этим мысом видна внутри материка цепь холмов, достигающая 335 метров в самой высокой точке, называемый Столовой горой (Table-mountain); далее, к востоку от бухты Большая Басса, показывается вершина Табачной горы (Tobacco-mountain), а внутри территории племени кру путешественник Болен видел Годейе, или «Железную гору», названную так, может-быть, от красноватого цвета её пластов. На севере от мыса Пальм, в углу континента между Атлантическим океаном и Гвинейским морем, находится другой массив, состоящий из красного песчаника и достигающий, одним из своих гребней, высоты 332 метров. В некоторых местах страны, особенно на восток от Монровии, пробились наружу эруптивные породы; ряд камней этого происхождения и образовал самые большие пороги на реке св. Павла. В низменных частях, возвышающихся над аллювиальными пространствами, на береговых холмах и на плоскогорьях почва Либерии состоит из красноватой глины, прикрытой железистым песчаником, также как в Сиерра-Леоне и в Сенегамбии. Мандингское нагорье, сплошь поросшее высокой травой, в которой всадник исчезает вместе с конем, может быть без труда расчищаемо под пашни, и почва его повсюду отличается необычайным плодородием. Андерсон говорит, что картофель там родится весом от трех до четырех килограммов (почти до десяти фунтов). Там и сям на скатах плоскогорья рассеяны глыбы гранита, иные с полосами на боках[2],—еще одно лишнее указание на то, что эти области экваториальной Африки тоже имели свой ледяной период.

Времена года в Либерии менее правильны, чем на более северных берегах, что, без сомнения, зависит от перемены в направлении побережья, которое одной стороной обращено к западу, другой—к югу. Но общее деление сезонов такое же, как в Сенегамбии; год и здесь распадается на два периода: период засухи, начинающийся в декабре и продолжающийся до конца апреля, и период дождей, который подразделяется на две части—большую и малую зиму. Сильные ливни следуют один за другим с начала мая до половины августа; после того стоит ясная погода почти до конца сентября, затем наступают новые дожди, сопровождаемые внезапными штормами и составляющие второй зимний сезон. Эти штормы, puchots, как их называли старинные авторы, приходят всегда с восточной стороны, тогда как обыкновенные бури происходят безразлично из всех точек горизонта; но эти явления в общем различаются только силой ветра; по выражению одного писателя, «бури Либерии походят на неудавшиеся торнадосы»[3].

1 Buttikoefer, „Bijbladen Tijdschrift van het Aardrejks. Cenootsch. te Amsterdam“, 1884, 12

2 Benjamin Anderson, „Musardu“.

3 Ph. de Kerhallet;—Francois, „Instructions nautiques sur la cote occidentale d'Afrique“.

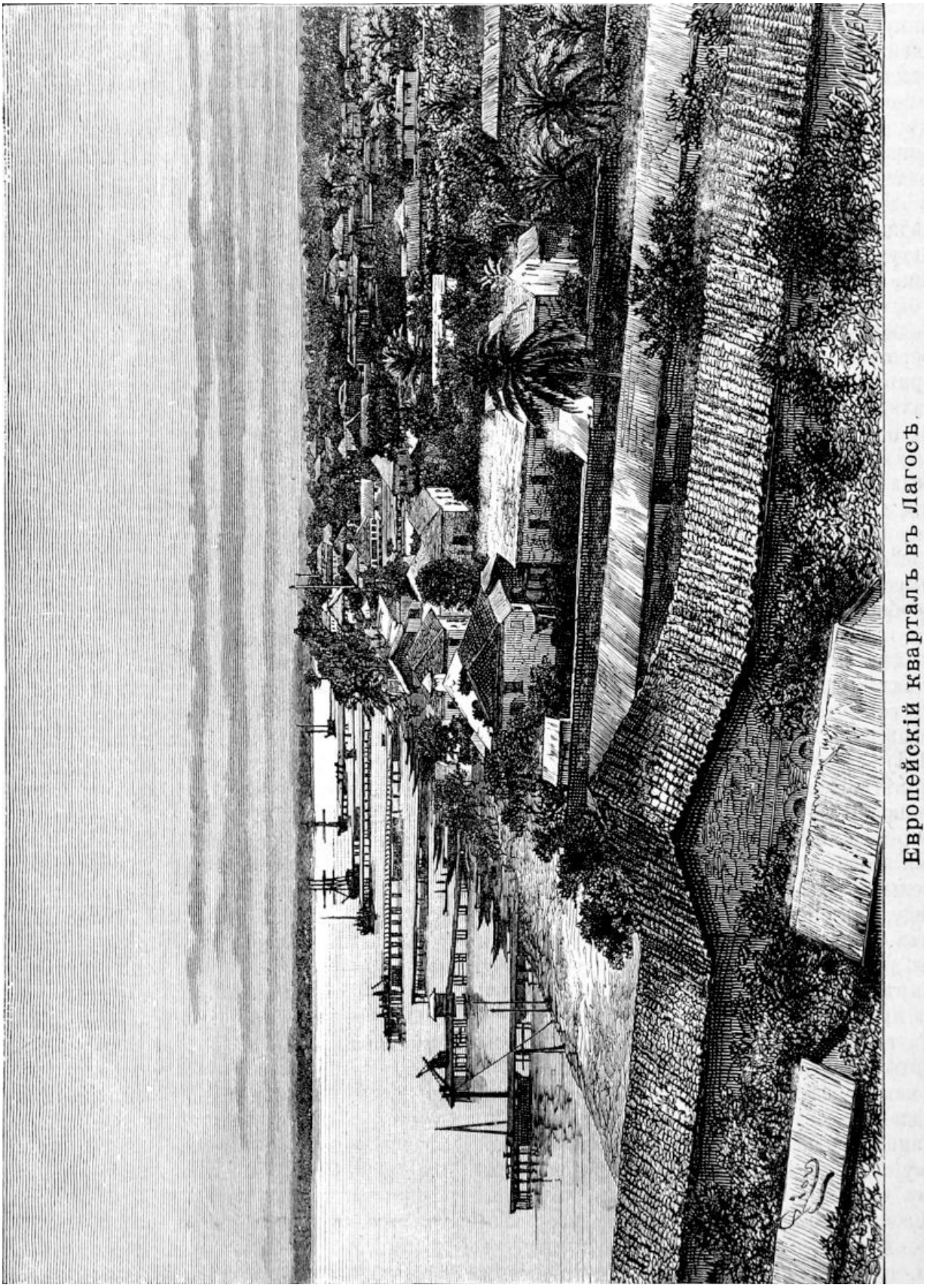
Хотя страна эта лежит в экваториальном поясе, между восьмым и четвертым градусами сев. широты, климат её, однако, не так зноен, как могли бы опасаться европейские иммигранты. Средняя годовая температура в Монровии 27°,5 Цельзия, а суточные изменения заключаются в пределах от двадцати пяти до тридцати градусов, так что, следовательно, здешний климат соответствует жаркому лету умеренного пояса. Наибольшие колебания термометра имеют место в сухое время года: тогда гарматтан, дующий по ночам, часто приносит относительную прохладу с гор, через которые лежит его путь, днем же, особенно после полудня, бывает сильная жара. Самый теплый месяц—январь. Почти всегда гарматтан сопровождается густым туманом, который обыкновенно рассеевается утром, но иногда продолжается целый день, как туманы Альбиона. В нормальные дни чередование береговых бриз происходит с замечательной правильностью, словно по движению часового механизма. Материковая бриза дует утром, имея среднее направление с севера на юг; морская бриза господствует в после-полуденное время, приходя всегда с запада; переход от одного ветра к другому иногда бывает разделен промежутком затишья, но обыкновенно совершается медленным круговращением, либо через север, около середины сезона, либо через юг, в начале и в конце периода засух. Дожди на берегах Либерии выпадают реже, чем на берегах Сиерра-Леоне, и в дождливое время года погода здесь менее ненастна: ливни менее обильны по мере приближения к побережью: между тем как в 50-75 километрах от берега бушуют бури, вдоль самого берега идет относительно тихая полоса, где корабли обыкновенно ищут убежища, хотя при этом они приближаются к области рифов. Морские течения часто меняют направление в худое время года: тогда как в нормальном своем движении воды у берега текут на востоко-юго-восток, в дождливый период они направляются к северо-западу, и скорость их иногда превышает два километра в час.

Климат Либерии считается очень опасным для иммигрантов; впрочем, он все-таки не имеет такой дурной славы, как климат Сиерра-Леоне. Между белыми издавна укоренилось мнение, что пребывание здесь более трех лет было бы фатально для европейца, и потому они всегда после двухлетнего жительства уезжают на полгода на родину, для восстановления здоровья Наименее нездоровая пора года—сухой период; однако, европейские иммигранты обыкновенно предпочитают относительно прохладный зимний сезон. Самая опасная болезнь—болотная зараза. В одной из форм перемежающейся лихорадки больной, считая себя здоровым, вдруг впадает в род идиотизма; он бредит на яву и смеется без причины. Большинство болезней имеют следствием разложение крови; чтобы выразить это физиологическое состояние, говорят в шутку, что при уколе иглой из кожи белого выступает капелька воды прежде появления крови. Даже негры, переселившиеся из Соединенных Штатов, в сильной степени подвержены заболеванию болотной лихорадкой, тогда как коренных жителей края она не трогает. Водянка тоже одна из обыкновенных болезней у «американских» переселенцев; но диссентерия, столь опасная в других тропических странах, не делает жертв в Монровии[1].

Флора Либерии, принадлежащая к области Судана, как и флора более северных берегов до Салума, почти не отличается от растительного царства Сиерра-Леоне; она также замечательна богатством своей растительности, обширностью и красотой своих лесов; даже дюны покрываются растениями, именно вьюнами (convolvulus), с их цветущими гирляндами, и маленькими пальмами (hyphaene), распускающими свои вееры на высоте одного метра над землей. Кокосовая пальма, неизвестно когда введенная в этой стране, нашла здесь вполне подходящую для себя почву и распространилась в диком состоянии не только на морском берегу, но также по берегам рек: что касается мангового дерева, которое негроторговцы разводили вокруг своих бараков, то оно встречается только на морском берегу; по крайней мере Бюттикефер нигде не видел его внутри страны. Диких деревьев, дающих съедобные плоды, здесь мало; впрочем, дерево кола свойственно также либерийской флоре, а в лесных прогалинах ананасовые кусты образуют густые заросли.

1 Winwood Reade;—Buttikoefer, цитиров. сочинение.

Золотым деревом для жителей Либерии является кофейное дерево, которое растет дико в лесах этой страны, и которое в последнее время получило, как средство для восстановления кофейных плантаций, такую же экономическую ценность, как американская виноградная

Европейскій кварталъ въ Лагосѣ.

лоза для виноградарства. Болезнь кофейного дерева, *hemileia vastatrix*, причинившая столько вреда в производящих кофе странах Старого Света, на острове Цейлоне, в Индии, Яве, и нападающая также на культуры Бразилии, вынуждает плантаторов отныне покинуть перво-

начальный вид этого растения, ввезенный с плоскогорья Габеш и из Аравии: они должны прибегать к кофейному дереву Либерии, по крайней мере в тех из их плантаций, которые находятся на соответственной высоте, так как пояс произрастания либерийского дерева, в среднем, ниже, нежели пояс обыкновенной породы; бобы его не менее ароматичны, чем эфиопский кофе, когда умеют обработывать их надлежащими способами. Либерийское кофейное растение не деревцо, как аравийский его сородич, а большое дерево, которое, в девственных лесах западной Африки, иногда достигает 12 и 13 метров (6 сажен) в вышину; своим наружным видом оно напоминает манголию. Более скороспелое и более производительное, чем обыкновенное кофейное дерево, оно совершенно противостоит болезни *hemileia vastatrix* и растет во всем поясе от уровня моря до высоты 800 или 900 метров. Его веретенообразные корни пробуравливают почву, даже самую плотную, до значительной глубины, чтобы отыскать необходимую влагу. Оно растет на всякой земле, но предпочитает глинистые и немного кремнистые почвы: на таких почвах оно всего обильнее покрывается ягодами и дает плоды высшего качества[1].

Либерия вывозит также пальмовое масло, каучук и красное дерево, по-английски *camwood* (baphia haematoxylon), употребляемое, преимущественно во Франции, для окраски тканей. У языческих племен это дерево считается одним из самых священных: его помещают у входа в деревни, в чертовых рощах (devil-bushes), куда не могут проникать профаны[2]. Самородная флора заключает в себе также «противулихорадочное дерево», листья которого, повидимому, обладают свойствами хины. Что касается культурных растений иностранного происхождения, то трудно сказать, какие виды не могли бы быть с успехом разводимы в этой плодородной стране, либо в теплых равнинах побережья, либо на умеренных плоскогорьях территории мандингов. Земляных фисташек (арахид) почти не вывозят за границу, потому что плантации этого растения опустошаются грызунами и другими животными; но река св. Павла уже окаймлена в нижнем своем течении какаовыми деревьями и сахарным тростником. Что касается плода, от которого вся часть побережья между мысом Мезурадо и мысом Пальм получила название «Перечного берега» (по-французски «Cote des Graines», или «du Poivre», или «de la Maleguette»), то замечательно, что внешняя торговля, прежде так высоко ценившая этот продукт, потом совершенно перестала его вывозить. Это особый вид кардамона (amomum granum Paradisi), с цветками, окруженными яркими прицветниками, плод которого, образующийся в нижней части стебля, развивается в багряно-красный стручек, наполненный черными зернами в сочной мякоти. После утомительной ходьбы, ничто так не утоляет жажду, как этот стручковый «гвинейский перец», благодаря кисловатому вкусу его мякоти, резко отличающемуся от жгучего вкуса семян. В шестнадцатом столетии европейская промышленность утилизировала этот перец главным образом для придания огня спиртным напиткам; туземцы употребляют его как средство от головных болей и лихорадок, и окуривают им покойников. Имя malaguette или maniguette, данное этому «райскому семени», подало повод к продолжительным спорам, так как один старинный путешественник, Бильо-де-Бельфон, указывал на это слово как на доказательство того, что этот край был открыт диепскими мореходами. Но история этого термина еще неизвестна: Гумбольдт видит в нем сокращение тамульского слова *меллагу*, применяемого к индийскому перцу[3]. Первый, употребивший это наименование для обозначения «африканского перца», был итальянец Антонио-ди-Ноли, который в одном из своих писем, относящемся к 1455 году, говорит о богатстве этого берега золотом и плодом «meregeta»[4]. Этот драгоценный стручковый перец вывозится преимущественно с устья Рио-Сестос.

Отличия, впрочем незначительные, либерийской фауны от животного царства соседних стран объясняются свойством почвы и распределением лесов. На Мандингских плоского-

1 Echasseriaux, „Revue Francaise de l'etranger et des colonies"; nov. 1885.
2 Buttikoefer, цитпров. статья.
3 „Examen critique de l'histoire de la Geographie".
4 Santarem, „Recherches sur la Priorite de la Decouverte de la cote occidentale d'Afrique".

рьях и травяных степях массами бродят антилопы, буйволы, слоны, а вокруг селений пасутся на отличном подножном корму домашния животные, лошади, коровы, овцы и козы. Жители разводят две конских породы, крупную—большого скакуна для парада, и мелкую—неутомимую лошадку, употребляемую для поездок и на войне. Внизу, в сырых долинах, туземцы не имеют стад, а лошади, приводимые в города прибрежья, быстро делаются жертвой неблагоприятного климата. Слон прежде спускался до самого моря, теперь же его можно встретить только на некотором расстоянии от берега. Большие бегемоты редки в Либерии[1], еще реже мелкая разновидность этого толстокожого, скелет которого имеется в Парижском зоологическом музее. Ламантин, или манат, и два вида крокодила, живущие в реках и лагунах, тоже так редки, что некоторым натуралистам, долго странствовавшим в том краю, не удалось видеть их. Также и большие хищники немногочисленны в лесах: там нет ни льва, ни гиены, а леопарды, иногда показывающиеся около ферм,—довольно пугливые животные, убегающие при виде человека; самым страшным зверем у туземцев считается один вид буйвола, называемый «американцами» поморья *bush-cow* (лесная корова). Между обитателями лесов особенно замечательны шимпанзе, известные у либерийцев под именем *baboons* (павианы): к ним относятся с большим уважением и никогда не едят их мясо, потому что они походят на человека; туземец, умертвивший одного из этих двуруких, считается виновным в тяжком преступлении, и, в виде искупления своей вины, он десять дней подряд приносит различные яства на место совершения убийства. Кроме того, здесь водятся разные другие породы обезьян, которых дозволяется убивать; долгохвостые обезьяны, излюбленная дичь туземцев, бесшумно разгуливают по верхушкам деревьев многочисленными бандами, доходящими до сотни особей. В частях леса, усеянных прогалинами, встречаются многие виды антилоп, между прочим, *spinigera*, самая маленькая из всех газелей: ноги у неё тоненькия, как палочки, а рожки не более двух сантиметров в длину. Что касается мира насекомых, то он так богат, что Либерию называли «царством муравьев». В Монровии пришлось вновь отстроить целые кварталы, источенные термитами[2].

Внутри страны горы и плоскогорья заняты могущественной нацией мандингов, и здесь также, как и в других областях западной Африки, эти завоеватели, пришедшие с востока, оказывают большое влияние, благодаря своей сравнительно более высокой цивилизации: они уже обратили в ислам многие из туземных племен морской покатости. У основания возвышенностей, в бассейне реки св. Павла, разсеяны укрепленные деревни, принадлежащие воинственным народцам песси и бусси, еще недавно истреблявшим друг друга в беспрестанных битвах, но отличающимся необыкновенной вежливостью обращения. Каждое племя имеет свой язык и особую татуировку: у одних—линия, проведенная от щеки к подбородку, у других—черта, соединяющая корень уха с наружным углом глаза; они подпиливают себе зубы,—обычай, теперь не имеющий смысла, но прежде цель его была та, чтобы пугать врага, скрежеща страшными пилами, готовыми растерзать его: Уинвуд Рид говорит, что у этих народцев каннибальские пиры существовали еще в 1870 году. Бусси—очень хорошие земледельцы и собирают большое количество хлопка, который у них покупают иностранные негоцианты. Более могущественный более многочисленны голасы или гурасы, главная масса которых обитает к западу от реки св. Павла, по берегам его притоков и соседних рек. Это тоже воинственное племя, и ему приписывают истребление, почти полное, народца дех или девой, от которого осталось лишь несколько семейств, рассеянных вокруг плантаций поморья[3]. По словам Коста, девойским наречием теперь говорят только в пяти деревнях: его заменяет мало-по-малу английский язык американских негров Монровии.

На северных границах, берега реки Марфы и озера Фишермэн населены племенами родственной мандингам нации веи, численность которой определяют в 50.000 душ. Мирные

1 C. S. Stockwell, „The Republic of Liberia".

2 Buttikoefer, цитированное сочинение.

3 Winwood Reade;—Benjamin Anderson, цитированное сочинение

земледельцы, с которыми белые путешественники, проникнутые духом справедливости, живут в добром согласии, веи почти обращены в магометанство: убегая от мандингов, распространителей ислама, эти племена, тем не менее, были настигнуты новой религией в равнинах прибрежья, где они поселились, и которые им приходится защищать против своих северо-западных соседей, галлинасов. Язык веев—очень звучный, богатый гласными, с суффиксами, без флексии; он хорошо изучен различными грамматиками, особенно Келле, который собрал пословицы, сказки и басни этого народа,—драгоценное сокровище, которое, вероятно, скоро будет иметь только исторический интерес, потому что английская речь мало-помалу делается цивилизованным языком у веев, тогда как их природный диалект вырождается в простонародный говор. С 1834 года эта нация имеет силлабические письмена, состоящие из двухсот слишком знаков, которые были изобретены туземцем, по имени Доалу-Букере, принадлежащим к одному из могущественных туземных родов: знаки пишутся от левой руки к правой, без промежутков между словами. Для осуществления своей идеи, Доалу составил товарищество с другими пятью молодыми людьми, своими друзьями; затем, чтобы не утратилась память изобретенных знаков, он ввел короля в свои интересы, презентовав ему сотню брусков соли. Король, восхищенный подарком, объявил, что новый букварь есть, вероятно, та священная книга, о которой магометане говорят, как о написанной самим Аллахом. Желая, чтобы его подданные сделались «грамотеями», как мандинги и поро, т.е. португальцы, он велел тотчас же построить большую хижину, куда его народ, мужчины, женщины, дети, приходил учиться начертанию и чтению новоизобретенных письменных знаков. Вскоре целая деревня школ выросла вокруг первоначальной хижины, и когда пожар уничтожил ее, «грамотеи» соединенными силами выстроили новую[1]. Таким образом вейский букварь не был простой игрой ума, и теперь еще многие туземцы пользуются им для своих семейных записок и для корреспонденции. Главный изобретатель вейских письмен составил на этом языке историю своего народа и написал трактат о нравственности[2].

К югу от реки св. Павла, около основания Мандингского плоскогорья, долины населены племенем барлин, еще диким. Что касается южной части Либерии, то она занята племенем басса, в земле того же имени, племенем кру, обитающим к югу от реки Сину, и племенем гребо, поселившимся в соседстве Пальмового мыса. Басса—смирные и трудолюбивые земледельцы, в числе около 50.000 душ, снабжают большую часть республики рисом, домашней птицей и другими жизненными припасами, производимыми в изобилии их фермами[3]. Южные басса, фишмены, нифу, гребо, кру и все прибрежные племена, в числе около 40.000 душ, соединенные под общим наименованием «кру», более известны под английскими именами *Kroomen* и *Krooboys*, которые следовало бы писать *Crew-men* и *Crew-boys*, если правда, что это название значит «люди экипажа» (судовой команды); однако, по словам некоторых исследователей, одно из племен, живущее близ Сетра-Кру, носит еще первоначальное название «Крао», которое, вероятно сделалось генерическим именем всех народцев прибрежья[4]. По народному преданию, крумены—уроженцы внутренних стран; их сородичи, гребо, пришли, будто бы, на Пальмовый берег уже после португальских открытий. Если это действительно так, то нельзя не удивляться смышлености, с которой эти люди, пришедшие из области гор, съумели приспособиться к своей новой среде: из пастухов, какими они были, они сделались отличными рыболовами, как фишмены, прекрасными моряками, редкой отваги, ловкости и присутствия духа. Море—это их стихия: любо смотреть, как они лавируют среди буруна в выдолбленном стволе дерева, бросаются в воду, когда большой вал опрокинет их пирогу, поднимают и опоражнивают ее, все время плавая и защищаясь от волн и акул. Еще около половины настоящего столетия, крумены, как раса, совершенно отличались от старого прибрежного населения, называемого англичанами *Fishmen*, т.е «рыболовами». Эти

1 Koelle. „Africa Polyglotta“.
2 Buttikoefer, цитирован. сочинение.
3 Gurlez, „Official Report to the Senate of United States“, 1850
4 R. Burton, „Wanderings in West“.

последние были воспитателями круменов, но они мало-по-малу сливаются с ними, хотя капитаны судов долго принуждены были держать их раздельно или набирать свой экипаж исключительно в которой-нибудь одной из этих двух наций. Экзогамические браки видоизменяют расу до бесконечности. Крумены часто берут себе жен из племени веи, женщины которого между всеми африканками этого берега выделяются как красотой, так и умом[1].

Собственно крумены соединены в сплоченную группу только на узком пространстве берега, между рекой Сину и Пальмовым мысом: там находятся пять их значительнейших поселений, Кру-бар, Литль-Кру, Сетра-Кру, Нана-Кру и Кинг-Уильямс-таун; но вне этой центральной анклавы они занимают многочисленные местечки на побережье, и каждый приморский город имеет особый квартал, Kroo-town, населенный исключительно неграми-моряками. Крумены—сильны, мускулисты, широкоплечи: это, вероятно, самые сильные из африканцев, между которыми так много народцев, щедро одаренных природой в отношении телесной силы. Что касается головы, которая у круменов соединена с широкими плечами по истине воловьей шеей, то она представляет обычные черты негритянского типа: приплюснутый нос, выдавшиеся скулы, немного выступающие передние зубы, толстые губы, желтые глаза, часто налитые кровью: «вообразите себе, говорит один путешественник, голову Силена на туловище Антиноя». Что еще более увеличивает, в оценке европейцев, безобразие круменов,—это лицевая отличительная метка, принятая ими и фишменами,—порез, идущий от вершины лба вдоль ребра носа; у некоторых эта черта продолжается между ноздрями и на губах до подбородка, что доставило им у английских моряков прозвище Blue-Noses, «синие носы»; кроме того, щеки, грудь и разные другие части тела украшены татуировками. Крумены вообще очень чистоплотны: мужчины и женщины моются теплой водой один или не сколько раз в день, затем натирают себе тело растительным маслом, при помощи куска грубой ткани.

В нравственном, как и в физическом отношении крумены—один из замечательнейших народов Африки. В одно и то же время добродушные и гордые, сознающие свою силу, они очень свободолюбивы и никогда не позволяли поработить себя. Обитая на морском берегу, посещаемом впродолжении четырех веков негроторговцами, они всегда умели противостоять общими силами всякой попытке ловли, и когда крумен попадал в неволю, он предпочитал лучше утопиться или уморить себя голодом, чем служить рабом; иногда он жестоко мстил белому, прежде чем лишить себя жизни. Оттого эти туземцы всегда пользовались уважением со стороны негроторговцев; говорят, они для того и приняли такой безобразящий лицо отличительный знак, чтобы в них признавали свободных людей: одна часть их страны была окрещена белыми именем «Берега злых людей», без сомнения, за то, что эти негры были так невежливы, что не давали обращать себя в рабство без того, чтобы не освободиться самоубийством или не отплатить жестокой местью. Впрочем, крумены, так энергично сопротивлявшиеся порабощению, никогда не вели торга человеческим мясом с белыми; рабство, правда, существовало у них, но если они позволяли себе покупать пленников у чужих племен, то сами никогда не продавали их вне своих общин и вообще обращались с ними очень кротко. Фишмены не обзаводились невольниками; в прежния времена, по словам Горнея, они приносили военнопленных в жертву под деревом-фетишем.

Крумены составляют маленькия республики, в которых глава, с наследственной властью, есть но более, как нечто в роде министра внешних сношений, на обязанности которого лежит вести переговоры и вступать в соглашения, по общим делам, с капитанами кораблей и представителями Либерийского государства; он держит речи, дает и принимает подарки, но не управляет. Общественные дела обсуждаются и решаются советом старейшин, которые заседают в общем доме, и знаком достоинства которых служит железное кольцо, носимое на ноге. Председатель этого совета, вместе с тем духовный глава, есть хранитель национальных символов; жилище его считается священным и неприкосновенным, вследствие чего все беглецы могут находить там безопасное убежище; он выдает их только после того, как убедится

1 Widwood Reade, „Atrican Sketch-book“.

в их виновности. На него смотрят как на лицо, обязанное специально пещись о благе народа: если общественное здравие удовлетворительно, если сбор плодов земных обилен и торговля процветает, ему изъявляют за это благодарность; если же дела идут худо, его смещают, и он возвращается в толпу простых граждан. Большинство мужчин в цвете сил соединены в ассоциацию для общей защиты территории, но никто не допускается в это общество без взноса вступной платы, представляемой одной коровой. Что касается молодых парней, то они считаются лишь кандидатами на честь вступления в национальную армию; но им поручают иногда маленькия дела, чтобы подготовить их к будущим обязанностям. Имущество составляет семейную собственность: за исключением некоторых мелких личных вещей, все, чем владеет семья, есть её общее достояние и не может быть отчуждаемо без согласия членов, достигших зрелого возраста. Земля в принципе считается коллективной собственностью; но каждый пахарь есть фактический владелец поля, пока он его обработывает: никто не может отнять у него почву, расчищенную им под пашню; однако, он не имеет права продать ее. Когда он перестает пользоваться земельным участком, последний снова поступает в общинное владение.

Отличаясь очень развитым семейным и родственным чувством, сильной привязанностью к братьям, сестрам, детям и особенно к матерям, так же, как большой любовью к родному месту, крумены, тем не менее, доставляют, сравнительно с другими африканскими народами, наибольший контингент временных эмигрантов. Мужчины этого племени, охотно предоставляя земледельческие работы женщинам и пленникам, сами нанимаются, с четырнадцати или пятнадцати летнего возраста, к иностранцам либо на службу в факториях, либо в качестве матросов, заключая условие обыкновенно на довольно короткий срок. Они не любят связывать себя более как на «тринадцать лун» в дальние от африканских берегов плавания; впрочем, между ними встречаются моряки, бывавшие в портах Европы и Америки или даже совершившие кругосветное плавание. Без кру менов, торговля белых на берегах Гвинеи была бы почти невозможна. Случалось, что корабли теряли весь свой экипаж из европейцев: без туземных матросов, пощаженных смертью, такия суда очутились бы в беспомощном положении, носимые по воле волн. Крумены служат живым опровержением той предвзятой идеи, будто люди жарких стран обречены на неизлечимую лень: они работают с большой энергией и неутомимостью. Оказывая должное почтение к своим хозяевам и строго исполняя принятые на себя обязательства, они заботливо следят за тем, чтобы и в отношении их были соблюдаемы выговоренные условия. Контракты о найме они заключают не иначе, как в присутствии начальника деревни, который всегда требует, в виде гарантии, «книжку», то-есть формальную бумагу, скрепленную подписями и печатями; даже неграмотные хранят, как драгоценность, всю коллекцию подписанных им «книжек»[1]. Крумены ведут также торговлю за собственный счет: они продают морякам убойный скот, рис, земляные фисташки, пальмовое масло и добывают морскую соль, отправляемую ими внутрь материка; этим последним промыслом занимаются обыкновенно старухи, выпаривая морскую воду, чтобы извлечь из неё соль, которая составляет одну из главных статей торговли с внутренними мандингами. Уходя в плавание, матросы-крумены берут с собой главным образом запас риса, который составляет почта исключительную их пищу на корабле[2].

Благодаря своему беспрестанному соприкосновению с иностранцами, крумены сделались полиглотами: их диалект, приближающийся к языку фантиев и ашантиев и помещаемый миссионерами, под именем «мана», в один класс с наречиями племен басса и гребо, все более и более заменяется английской речью в соседстве факторий; почти все главари получили от своих товарищей, служивших в матросах, английские прозвища, по большей части шутливые, как, например: Jack-after-Supper, Flying-Jib, Two-pound-ten. Большинство деревень также окрещены названиями на англо-негритянском жаргоне; почти каждое большое поселение имеет в окрестностях предместье, носящее то же имя, с приставкой слов *half*, или

1 Buttikoefer, цитирован. статья.

2 H. Koler, „Einige Notizen uber Bonny“.

«полу», и *picaniiny* (от португальского *peguenino*), или «малый». В отношений костюма крумены также находятся в переходном периоде к европейской моде: они носят матросскую куртку, соломенную или войлочную шляпу, а в дождь даже бретонскую накидку (suroit); на суше солнечный зонтик вошел во всеобщее употребление, даже у мужчин. Страсть к украшениям сильно развита в этом племени. Когда молодой крумен возвращается из своих странствий с маленькой, скопленной на службе, деньгой, тотчас же собирается семейный совет для обсуждения вопроса о том, какое сделать употребление из принесенного капитала, и всегда известная часть последнего откладывается для покупки агатовых пуговиц, цепочек, браслетов, красивых материй; молодого человека женят, и он дарит своей супруге наряды, купленные за границей. Хижины во многих местах принимают европейский вид: в них уже можно встретить английскую меблировку, стулья, столы, ковры, поставцы для посуды. Еще вопрос—не оказывает ли эта туземная нация круменов, взятая в целом, для цивилизации африканских племен более серьезное влияние, чем «американские колонисты», с их педантическими модами и заимствованными правилами жизни? Что касается белого населения, то оно очень немногочисленно; во всей республике оно состояло, в 1884 году, из сорока лиц, в числе которых была только одна женщина, супруга миссионера. Цветные люди называют себя белыми и, в качестве таковых, стремятся к захвату в свои руки управления государством. Борьба партий в действительности есть борьба «цветных» против черных, в которой теперь перевес на стороне первых.

За исключением небольшого числа благомыслящих людей, поставивших себе задачей осуществление целей нравственного возрождения бывших невольников, для которого была основана эта колония, большинство weegee, «цивилизованных» либерийцев, стараются уверить себя в собственном превосходстве, выказывая презрение к туземцам, к этим «смердящим лесным неграм», stinking bushniggers, и держа их в состоянии уничижения и рабства. Браки между «американцами» и туземными девушками чрезвычайно редки, и «цивилизованное» население пополняется только вновь прибывающими переселенцами: предоставленное самому себе, оно должно бы было годе от году уменьшаться в численности; в 1877 году оно возрасло вследствие значительного прилива вольно-отпущенных негров, приехавших из Южной Каролины. Одна маленькая колония состоит исключительно из чернокожих с Барбадских островов[1]. Наконец, корабли привезли много негров с Габона и Заиры, называемых общим именем «уроженцев Конго» и считаемых в Либерии стоящими по умственным способностям гораздо ниже всех других чернокожих. Рабство, проклятое учреждение, под которым так долго страдали предки эмигрантов, отменено только по имени. Закон грозит тяжкими карами всякому покупщику невольников, но он не воспрещает наем батраков, boys, за которых плантаторы платят задолжавшим начальникам внутренних племен, и которых они держат в крепостном состоянии. Миссионеры, относительно довольно многочисленные, основали несколько станов внутри страны, в местностях, где господствует невольничество, и выкупали сирот, которых они воспитывают по-американски, давая выкупленному имя какого-нибудь благотворителя в Соединенных Штатах, который принимает титул «отца» и уплачивает издержки на образование своего приемного сына. Пропаганда миссионеров, обратила в различные протестантские вероисповедания туземцев племен, живущих в соседстве с плантациями; негры Африки, как и негры Нового Света, знают собрания под открытым небом, *campmeetings*, где смешиваются молитвы, песни и крики, иногда также рыдания, бешеная пляска, обмороки и конвульсии.

Внешняя торговля Либерии незначительна в сравнении с пространством территории (ежегодный вывоз—около 5 миллионов, ввоз—около 3.750.000 франков). Прежде торговые сношения производились главным образом с родиной черных колонистов, особенно с Филадельфией; в настоящее время почти все движение торгового обмена направляется к Великобритании и к Гамбургу. Установление правильных линий судоходства между Англией и африканским побережьем все более и более отвлекает в Европу торговлю этой «американской»

1 Winwood Reade, „African Sketch-book“.

колонии. Жители последней сами принимают непосредственное участие в каботажном судоходстве при помощи небольших судов (вместимостью от 15 до 80 тонн), которые строятся в Монровии. Движение судоходства в портах Либерии выразилось в 1882 г. следующими цифрами: всего в приходе и отходе было 325 судов, с общей вместимостью 260.428 тонн, в том числе приходилось на долю:

Великобритании—111 судов, в 197.786 тонн; Германии—34 судна, в 44.567 тонн; Либерии—122 судна, в 2.013 тонн.

Слоновая кость, составлявшая прежде значительную статью отпускной торговли, ныне вывозится лишь в очень малом количестве и только в исключительных случаях, с тех пор, как слон вынужден был удалиться во внутренние леса. Красильное дерево, каучук, пальмовое масло и сельско-хозяйственные произведения, кофе и арахиды (земляные фисташки) являются теперь главными предметами либерийского экспорта: иностранцы платят за них мануфактурным товаром, материями, машинами и орудиями, писчей бумагой и в особенности водкой и табаком. Большинство «американцев» Либерии стремятся вести земледельческую культуру в обширных размерах: они заводят плантации, вместо того, чтобы заниматься просто производством жизненных припасов. За исключением Монровии и других портов, открытых международной торговле, торговые сношения производятся еще путем мены: деньги ходят только в городах.

Северное городское поселение республики, Робертспорт, несмотря на его счастливое торговое положение, представляет еще просто поле, усеянное домами и хижинами. На всем побережье Либерии нет более очаровательного места. С вершины «горы Мыса» (Cape-Mount), которая господствует над Робертспортом, разветвляясь в юго-восточном направлении на несколько отрогов, расположенных на подобие «пальцев руки», открывается обширный вид на берега синего озера Фишермэн, на аллювиальные стрелки бара и на море, опоясывающее зеленеющий полуостров полукругом волн прибоя. Одна из высот этого полуострова, поднимающаяся над поясом лихорадок, была выбрана главным местопребыванием миссионеров либерийского берега; но внизу материковые ветры приносят вредные испарения прибрежных болот, порождающие опасные болезни. Робертспорт—естественный складочный пункт всех рек, протекающих через плодороднейшие местности территории Либерии и впадающих в общий бассейн озера Фишермэн; но беспрерывные войны, возбуждаемые честолюбием начальников племен веи, коссо, галлинас, затрудняют мирным неграм сбыт их пальмового масла и других земледельческих продуктов. В 1882 году Робертспорт избег осады только благодаря своевременному прибытию милиционеров, посланных из Монровии: городок был переполнен беглецами всех окружающих племен, и начинал уже ощущаться недостаток продовольствия в этой обетованной земле. Город Мадина на потоке Джонни-крик; Бесса, названный так по имени главаря, имеющего там постоянное пребывание; мандингский город Коро, на Джапаке, южном притоке реки Морфи; Коболиа, резиденция короля «Sandfish», нации веев; наконец, на передних террасах Мандингского плоскогорья, Бапоро, столица короля «Boatswain», в земле Кондо,—являются, в мирное время, естественными притоками складочного пункта на мысе Горы, снабжающими его местными произведениями.

Бапоро—очень деятельный торговый город: когда Андерсон проезжал через него, в 1868 году, в нем насчитывалось около десяти тысяч жителей, вместе с предместьями. Все окрестные племена были представлены в этой столице, так как там говорили на восьми языках; но преобладающая роль принадлежала мандингам магометанам, крупным рабовладельцам. Порабощенное население составляет около двух третей всех жителей и употребляется почти исключительно для перевозки товаров, особенно соли, между прибрежьем и внутренними городами. Эти невольники терпят от своих господ мусульман гораздо более суровое обращение в сравнении с тем, как обходятся с рабами в окружающих языческих племенах; в 1866 году бапорским купцам только с большим трудом, и то при помощи измены, удалось подавить восстание своих пленников. Они отдали женщин и детей одному племени, которое поступило вероломно со своими гостями, и умертвили всех мужчин, а также одну храбрую женщи-

ну, поощрявшую их на борьбу[1]. Во всех городах этой земли существует священный пруд, где содержатся «вооруженные рыбы», страшные животные, терпеливо ожидающие урочного часа кормления, когда им кидают отбросы с бойни, и тогда с яростью оспаривающие друг у друга добычу: все они покрыты шрамами. Андерсон полагает, что не раз бросались и человеческие жертвы на съедение этим чудовищам.

Монровия, столица республики (мандингское её имя Дру-Коро) была названа так в честь известного президента Соединенных Штатов Монро. Занимая почти такое же географическое положение, как Робертспорт, она построена также при основании высокого берегового мыса и у естественного выхода лимана, где соединяются несколько потоков, перерезывающих промежуточные низменные земли сетью боковых рукавов; но чистой воды ключей или ручьев в Монровии нет: жители должны употреблять для питья воду из цистерн или посылать за ней далеко внутрь материка. Город построен по-американски, то-есть с геометрически правильной распланировкой: главные улицы идут по прямой линии с востока на запад, а поперечные пересекают их под прямым углом с севера на юг; но дома, каменные или деревянные, не скучены в виде непрерывных фасадов: окруженные дворами и садами, обсаженные кокосовыми пальмами и манговыми деревьями, они следуют один за другим через известные промежутки. За исключением части города, прилегающей к набережным, где соляная влажность воздуха защищает здания от нападений термитов, повсюду виднеются развалины построек, источенных этими насекомыми. Улицы, слишком широкия для слабого движения малочисленного городского населения, во многих местах поросли густой травой. Лучшие кварталы находятся в верхней, более здоровой, части города, рядом с укреплениями, господствующими над рейдом.

Пароход, совершающий правильные рейсы из Монровии на север по притоку Стоктон-Крик до деревни Кальдвель и оттуда вверх по реке св. Павла, поддерживает сообщение между столицей и сахарными и другими плантациями, находящимися на берегах этой реки. Все поселения в этой местности носят имя, заимствованное из географии или истории Соединенных Штатов, как Виргиния, Кле-Эшленд, Кентукки, Нью-Йорк. Мильсборг, или Мюленбург, как его называют немецкие миссионеры, также имеет плантации, маленькие заводы на сент-польских порогах и загородные дома. Но торговый обмен с туземным населением производится не речным путем. Мандингские купцы, служащие посредниками в этой торговле, не любят вступать в прямые сношения ни с белыми людьми, ни с «американскими» неграми и всячески стараются затруднить им непосредственную торговлю с областью плоских возвышенностей: редкий из этих купцов не выражается с ненавистью или презрением, говоря о Либерийской республике. Поэтому они выбрали, как складочный пункт, место, лежащее среди болот, в нескольких километрах к западу от реки св. Павла: в эту факторию, называемую Вансвах, где у них есть мечеть и школа, они привозят туземные произведения из внутренних местностей (забираемые потом носильщиками круменами) и выменивают их здесь на европейские товары. Из Вансваха идет прекрасно содержимая дорога через леса до Бапоро, следуя водоразделом между рекой св. Павла и речкой Литль-Кэп-Маунт-Ривер. У города Боджех, лежащего в сотне километров от моря, эта дорога пересекает другую, направляющуюся на юго-запад к озеру Фишермэн, через территорию Гола и через Сублум, не укрепленный город, где живет вождь нации голасов. Нормальная ширина этих торговых путей определена около 2 метров.

Верхния долины реки св. Павла, куда до сих пор проникал только один исследователь, несомненно сделаются современем одной из богатейших стран африканского континента. Они густо населены, и на скатах плоскогорья рассеяны многочисленные местечки, окруженные хлебными полями, табачными плантациями и травяными степями, где пасутся стада. Города, через которые проходил Бенджамин Андерсон во время своего путешествия в 1860 году, Золу, Фессабуэ, Боккаса, Зига-Пора-Зуе, в земле племени бусси, и некоторые другие, как, например, Зу-Зу, на реке св. Павла, имеют каждый по нескольку тысяч жителей; их

1 Benjamin Anderson, цитированное сочинение.

ярмарки, где почти вся розничная торговля производится женщинами, привлекают массы сельского люда. Против города Зига-Пора-Зуе, окруженного тройной оградой, через реку св. Павла устроен висячий мост из лиан, привязанных к деревьям на том и другом берегу. Каждый город этой страны, известной под именем Уимар, имеет свой девичий монастырь, священное место, куда в обыкновенное время ни один мужчина не может проникнуть без того, чтобы не подвергнуться смертной казни; при чем самим затворницам поручают нанести дерзновенному роковой удар. Но бывают праздничные дни, когда все жители города приглашаются приходить дефилировать во дворе монастыря перед молодыми девушками, наряженными в материи и драгоценные украшения.

На восточной покатости гор, называемых Вукках в этой области их протяжения, земля принадлежит мандингам, и главный город края, Музарду или Мазаду[1], лежащий на высоте 608 метров, у подошвы двух высоких холмов, есть столица одного из их королевств: хотя пришедший в упадок сравнительно с прежним цветущим состоянием, он имел около восьми тысяч жителей в 1869 году, и солидные стены его были защищаемы многочисленным гарнизоном. Тем но менее, он был неоднократно занимаем с той эпохи султаном Медины, укрепленного города, находящагося в трех днях пути оттуда и располагающего сильной армией из мусульман и язычников: недавние трактаты с правительством Либерии восстановили мир и предоставили «американцам» Монровии политический сюзеренитет над этой страной. Мандинги, жители Музарду, носят треуголки, как бамбарасы Нигера, а у их супруг преобладает мода закрывать себе лицо. Женщины Музарду и соседнего города Виллелах-Каифал почти все имеют золотые украшения, которые выделываются из металла, привозимого с приисков верхнего Нигера. По словам Андерсона, самый богатый прииск—Буби, лежащий в четырех днях ходьбы к востоку от Музарду: золото там находится в виде блесток, смешанных с песком. Край этот пользуется очень здоровым климатом; однако здесь встречаются страдающие зобом, происхождение которого приписывают дурному качеству воды.

Маленький порт Маршаль, при устье реки Джунк, мало посещается судами, тогда как порт Большой Басса, оффициально называемый Боканан, является торговым центром республики: там находятся главные конторы и пристань пароходов прибрежья. Насупротив этого порта, по другую сторону реки Сент-Джон, расположен городок Эдина. В этой местности, на полуострове Большой Басса, по мнению Вильо-де-Бельфон, два нормандских корабля основали, в 1354 году, маленькую факторию, под именем Малого Диеппа; в 1842 году земли по берегам этой бухточки были куплены от главарей края за счет Франции, затем снова уступлены республике Либерии. Порт Гринвиль, при устье реки Сину, гораздо менее посещается, чем Большой Басса, но в соседстве с ним, к востоку, находится территория Кру, колыбель почти всех моряков этого побережья. Большой и Малой Буту—скалы, морские берега и деревни, лежащие к западу от Гринвиля,—тоже были уступлены Франции в 1842 году; происхождение этого имени Буту объясняют, неизвестно—насколько верно, прежним названием Butteaux, которое будто бы диеппские мореходы дали этой части африканского побережья[2]. Южнее открыт для иностранной торговли новый порт—Нифу.

На мысе Пальм, в углу континента, приютилось американское поселение, один из будущих городов африканского берега: это Бамнепо туземцев, Гарпер цивилизованных негров. Главный пункт бывшей колонии Мериленд, ныне соединенной с республикой Либерией, Гарпер расположен в одной из самых здоровых местностей этого берега, на островном холме, соединенном с материком песчаной косой: рейд его прикрыт островком Русвурм, отделенным от полуострова каналом, по которому могут проходить суда средней осадки: на этом островке туземцы прежде хоронили своих покойников. Там и сям выглядывают белые дома американского городка сквозь рощи кокосовых пальм, от которых мыс и получил свое имя, но северный горизонт, на материке, ограничен непрерывной линией большого леса; только несколько синеватых черт, виднеющихся над черной массой деревьев, указывают на отда-

1 „Letter from the King of Masadu to the President of Liberia“, 1868.

2 Ph. de Kerhallet, „Instructions nautiques“.

ленные горы. Главное местопребывание протестантских миссий находится к северо-востоку от Гарпера, на берегах реки Кавалли, и несколько постов следуют один за другим до Болена, начального пункта речного судоходства, лежащего в области золотоносных песков, которые не разрабатываются, потому что бог горного промысла требует человеческих жертв, а в этой стране маленьких республиканских конфедераций люди слишком дорого ценятся, чтобы можно было проливать их кровь[1]. Недалеко от устья реки Кавалли стоит скала, с глубокой пещерой при основании: это «Камень Большого Чорта», который пилигримы, стекающиеся со всех концов земли Кру, приходят созерцать с благоговейным ужасом, принося ему свои дары; дары эти,—кораллы, бусы, табак, ром, животные,—кладутся у входа в грот и вдруг исчезают таинственно: явственно слышен, говорят верующие, звук глотания, происходящего в огромной пасти, когда скрытое чудовище пожирает приношения своих поклонников. Рядом с камнем, показывают дерево с искривленным стволом: это нечестивец, который позволил себе смеяться над чудом, видя в нем лишь грубый обман какого-нибудь жреца, спрятавшагося внутри скалы.

Города Либерии и соседних территорий, с приблизительной цифрой их населения:

Монровия—5.000 жит.; Робертспорт—1.200; Боканан и Эдина—5.000; Гарпер—3.000 жит.

Соседния территории: Бапоро—3.000 жит.; Зига-Пора-Зуэ—5.000; Фессабуэ—6.000; Боккаса—7.000; Музарду—7.500; Биллела Каифал—6.000 жит.

Государственное устройство Либерии скопировано, почти рабски, с конституции Соединенных Штатов, без малейшей оригинальной черты, свидетельствующей о различии расы и страны. Правительство состоит из президента и вице-президента, назначаемых на двух-летний период из среды собственников, имеющих не менее 3.000 франков годового дохода; к составу избирателей принадлежат все граждане, достигшие 21 года. В случае смерти, президент замещается вице-президентом, который в то же время председательствует в Сенате; пять статс-секретарей, неответственных перед палатами, составляют совет исполнительной власти. Конгресс состоит из двух собраний Сената, члены которого, в числе восьми, по два от каждого графства, избираются на четырехлетний срок, и палаты представителей, назначаемых на два года; в настоящее время всех депутатов—тринадцать, но с возрастанием народонаселения число их будет увеличено. Граждане могут быть избираемы в законодательное собрание только по достижении тридцати-летнего возраста. Белые не пользуются избирательным правом, и до недавнего времени им было запрещено покупать земли; исключение допускается только для тех, которые натурализовались в крае. Впрочем, здесь, как и в Соединенных Штатах, легко было обойти эту статью закона, и многие негоцианты, по большей части немцы, приобретали земельные участки в Монровии, на Пальмовом мысе и в других местах, для устройства своих факторий. Закон этот был изменен, и теперь белые приобретают землю на тех же правах, как и негры, но они не могут покупать ее прямо у туземцев; переход земельной собственности всегда совершается чрез посредство правительства[2].

Органами судебной власти, устроенной также по образцу юстиции Соединенных Штатов, являются окружные суды и высшая судебная палата, заседающая в Монровии. Государственной религии нет, хотя американская епископальная церковь играет господствующую роль, но общественное мнение предписывает оффициальное почитание воскресенья; протестанты разных сект, составляющие главную массу «цивилизованнаго» населения, требуют от мусульман и язычников наружного соблюдения «дня субботняго»: в этот день даже не палят из пушки в порте, чтобы отдать салют прибывшему иностранному кораблю. Наблюдают также за тем, чтобы не было заведомо для всех незаконного сожительства. Каждая деревня с населением не менее 360 душ обязана иметь начальную школу; кроме того, существуют два высших учебных заведения, мужское и женское. Каждый городок Либерии считает за честь иметь свое собственное литературное общество, украшенное каким-нибудь громким титу-

1 Winwood Reade, цитированное сочинение.

2 Wauwermaus, цитированное сочинение.

лом, но все богатство этих обществ, в большинстве случаев, состоит лишь из небольшого числа разрозненных книг.

Все граждане, от шестнадцати до пятидесяти лет, обязаны нести военную службу; но эта повинность исполняется только во время войны с туземными племенами. Совокупность милиции составляет 2 бригады, заключающих в себе 5 территориальных полков. Что касается военного флота, то он состоит из 2 яхт-крейсеров. Бюджет Либерии не достигает даже миллиона франков; но государственный долг, навязанный республике в 1871 году несколькими бессовестными спекуляторами, черными и белыми, относительно очень велик; если бы погасить его полностию, вместе с процентами, в 1886 г., когда наступил срок уплаты займа, то он достигал бы цифры 7.900.000 франков. Бюджет 1894 г. представлял следующие цифры:

Доходы—875.000, расходы—787.000; долг—6.375.000 франков.

Либерия разделена ныне на четыре графства: Мезурадо, Большой Басса, Сину и Мериленд. Эта последняя провинция была до 1860 г. колонией освобожденных негров, составлявшей особую республику, под покровительством одного Балтиморского общества; по соединении с Либерией, во главе её управления поставлен «супер-интендент», на которого возложена была задача постепенно приводить её учреждения в соответствие с учреждениями других графств. Подразделения территории составляют так называемые *townships*, городские округи или уезды, отграниченные, как и в Соединенных Штатах, геометрическими линиями: нормальная площадь тауншипа 8 англ. квадратных миль или 21 с половиною кв. километров.

Глава V. Берег Слоновой Кости, Большой Бассам, Ассини

К востоку от мыса Пальм, берег тянется в виде замечательно правильной кривой, до мыса Трехконечного, отстоящего на 620 километров. Большая часть этого побережья, слегка изогнутого, известна у моряков под именем «берега Слоновой Кости» или «берега Бивней». Английские мореплаватели называют его также *Leeward-coast*, т.е. «берег под Ветром», в отличие от *Windward-coast*, или «берег на Ветре», который подвергается всей силе морских бурь. Впрочем, на всем протяжении этой береговой полосы нет ни одной линии естественного разграничения,—кроме, разве, каменистых пригорков и речных баров,—которая делила бы ее на особые области, да и политические границы намечены там точным образом только в недавнее время, с целью обозначить пространство территории, которою овладела Франция. Эти владения, простирающиеся виртуально внутрь материка до расстояния, еще неопределенного, представляют морской фронт около 220 километров; остальная часть берега, заключающаяся между реками Сан-Педро и Лагу, на протяжении 200 километров, есть один из редких сегментов африканского побережья, на который пока еще не предъявляла притязания, как на колониальное владение, ни одна европейская держава: правда, жители края, принадлежащие по большей части к многочисленной семье круменов, могут считаться союзниками и помощниками европейцев в их деле присвоения черного континента, так как эти туземцы доставляют прохожим кораблям лоцманов, матросов и чернорабочих, для прибрежного плавания, для работ на складах и верфях. Из всех частей африканского поморья западная полоса Слонового берега наименее исследована. Кроме океанского берега и вершин холмов, приметных из прибрежных селений, в этой области известны только имена племен и местечек: темная завеса больших деревьев еще не была перейдена. А между тем мало найдется стран, которые обещали бы путешественникам более интересные открытия. Непосредственно на севере этого побережья прежде ожидали найти самые высокие массивы горной цепи Конг, которую географы чертили на картах, основываясь на смутных рассказах и соображаясь с аналогиями, представляемыми рельефом материков; но теперь кажется более вероятным, что в этой части африканского континента раздельный порог между двумя покато-

стями не высок; реки имеют слабое падение и переносят мало гальки. Шапер полагает, что очень легко было бы достигнуть водораздельной возвышенности и оттуда спуститься к истокам восточной ветви Нигера, может-быть, более длинной, чем западная, по которой проходили сенегамбийские исследователи. Этой сенегальской дорогой купцы племени бамбара ходят на Слоновый берег[1]. Говорят, в трех или четырех днях ходьбы к северу от лагуны Боль-

Торговецъ изъ Юрубы.

шого Бассама существует город по имени Бауре, посещаемый «людьми на конях», вероятно, мандингами с верхнего Нигера[2]. Этот именно путь и должны будут избрать исследователи, которые свяжут французские владения Ассини с владениями в Судане и Сенегале.

Западная часть Слонового берега, население которой пользуется еще полной независимостью, самая возвышенная; там встречаются высоты, которым моряки дают название «гор»:

1 Francois de Kerhallet, „Instructions nautiques“

2 Fleuriot de Langie, „Tour du Monde“, 2 sem. 1873.

таковы горы Сент-Андре (св. Андрея), имя которого негры исковеркали в Сассандра; самая высокая вершина их достигает 286 метров. Далее следуют гора Лангдон и холмы «Сестер», имеющие, соответственно, 109 и 118 метров. Повидимому, большинство береговых утесов, белых при основании и с красными наслоениями в верхней части, состоят из пластов песчаника[1]. Несколько рек впадают в море в этой части побережья, пройдя перед тем, по словам туземцев, через большую лагуну Гле, которая тянется параллельно морскому берегу. Река Лагу, избранная западной границей французских владений, вероятно, имеет довольно длинное течение и берет свое начало в области высоких гор; она катит большой объем воды и впадает в море тремя рукавами, которые разделены лесистыми островами. Но бары при входе в эти рукава так опасны, что не пытаются переходить через них даже в лодке; туземцы, впрочем, смело пускаются через пороги в своих пирогах, часто опрокидываемых прибоем волн. Обрыв подводного берега, называемого «промерочным плато», держится на довольно большом расстоянии от края суши, кроме одного места против бухты Малого Бассама, то-есть именно того места, где находится вершина дуги, образуемой берегом Слоновой кости. Между двумя подводными берегами, продолжающимися пологим скатом к открытому морю, тянется, перпендикулярно к береговой линии, глубокий ров, шириной около 2 километров. В 7.400 метрах от края твердой земли, дно в этом «рве» Малого Бассама находится на расстоянии 491 метра от поверхности вод; в расстоянии полкилометра с небольшим глубина все еще не менее 180 метров; наконец, у самого берега находят слой воды в 36 метров. Эта подводная долина напоминает «Gouf» у Кап-Бретон, в углу Гасконского моря.

До впадения в море, река Лагу изливается на запад в лагуну, усеянную островами и отделенную от океана узкой полосой суши; но к востоку от реки это образование береговых стрелок или кос, между постоянно волнующимся морем и гладкой скатертью внутренних вод, развивается в несравненно более обширных размерах. На пространстве слишком 220 километров, от Лагу до Тануэ, берег везде двойной: один, морской, в виде узкой белой полосы, почти не имеющей изгибов, продолжается без конца с запада на восток между пенящимися валами прибоя и зеленеющим лесом, который прерывается то тут, то там, чтобы приютить негритянскую деревню; другой, материковый, весь изрезан бухтами и бухточками, представляющими лодочнику целый лабиринт проходов, частию свободных, частию заросших тростником, к внутренним рекам. Лагуна Эбрие, западная часть этой цепи бухт, отделенных от океана, представляет обширную сеть проливов, каналов, островов, островков и мелей, которая тянется параллельно морскому берегу на пространстве 120 километров, и в которую впадают многочисленные реки и речки: мелкие суда с осадкой до 80 сантиметров могут во всякое время года беспрепятственно плавать от одного до другого конца этой лагуны, которая была впервые исследована на всем её протяжения моряком Курне. Самый многоводный из притоков Эбрие, река Акба или Комоэ, имеющая, если верить начертанию карт, слишком 400 километров по длине течения, впадает в восточную половину лагуны и пробивает береговой кордон, чтобы найти себе выход. В период дождей течение её очень быстро, достигая, при выходе из озера, 11 и 15 километров в час; море от притока её вод бывает окрашено в желтый цвет на пространстве 8 километров от берега. Масса твердых частиц, приносимых речным течением, так засаривает бар, что суда с осадкой в 3 метра не могут перейти через него; но в другое время года они проходят без труда: это устье, называемое устьем Большого Бассама, представляет лучший вход на всем побережье между Пальмовым мысом и Бенинским заливом. Морской прилив, проникая через это отверстие, поднимается вверх по лагуне Эбрие, которая в низовье представляет соляной, в середине—солоноватый, а в верховье—пресноводный бассейн; однако, прибрежные жители не пьют из него: на материковом берегу они берут воду из ключей и речек, на морском—копают ямы в песке, где скопляется фильтрационная вода. Вверх по течению Акбы европейские путешественники поднимались только на расстоянии нескольких дней плавания; километрах в сорока, близ деревни Малый Алепе, правильное русло этой реки прерывается порогами и водопадами.

1 Chaper, „Bulletin de la Societe de Geologie de France“, 1885.

Менее, чем в 40 километрах к востоку от Большого Бассама находится вход в озеро Ассини (Иссини старинных авторов), похожий на предъидущий проток, но менее глубокий и более извилистый: только суда, водоуглубление которых не превышает 1,60 метра, могут проникать в этот проход; но внутри материка лагуны, разветвляющиеся на многочисленные бухты и бухточки, представляют глубокие фарватеры для судоходства; полуострова, омываемые их водами, поднимаются пологими скатами, над которыми там и сям господствуют оголенные пожаром вершины, откуда можно любоваться великолепной картиной обширного озера, разветвляющагося вокруг выступов гор. Главные притоки этого внутреннего моря—Биа или Кинджабо, впадающая в северную бухту, и Тануэ, составляющая восточную границу французских владений и берущая начало, вероятно, на северо-западе страны Ашанти. Судно *Гет-Ндар* поднималось по этой последней реке на сотню километров выше её впадения в лагуну. Что касается реки Кинджабо, то исследователи её должны были остановиться у скал Абоизо, то-есть «Порогов» или «Водопадов», менее удаленных от устья. Долины обеих названных рек и их притоков усеяны золотыми приисками, которые дают средства к существованию значительному населению искателей и промывальщиков, бедняков, довольствующихся маленьким дневным заработком. Блестки золота находятся в очень вязкой глине, залегающей на дне долин; вычислено, что, в среднем, содержание золота составляет, по ценности, от 2 до 3 франков на кубический метр. На берегу Альби, западного залива большой лагуны Ассини, вытекает обильный источник горной смолы. В местности, простирающейся пологим скатом на север от озера, Шапер нашел камни и глины глетчерного происхождения: таким образом от Южных рек до Золотого берега, на пространстве 1.500 километров, встречаются следы существования ледников.

Климат берега Слоновой Кости отличается от климата Перечного берега лишь нечувствительными переходами. Год и здесь делится на два дождливых периода, разделенных двумя сухими сезонами. Самая опасная для иностранцев пора начинается в октябре северо-восточными ветрами, соответствующими гарматтану берегов Либерии, но климатические условия в фактории Ассини все-таки более благоприятны, чем в других постах этого поморья. Продукты, составляющие предмет торговли, пальмовое масло и орехи, красильное дерево, камедь, арахиды, воск, слоновая кость, доказывают, что флора и фауна этой страны мало разнятся от органического мира Либерии. Упомянутый исследователь Шапер прпвез 37 видов папоротника из территории Ассини. Единственная большая культура, введенная в крае,—это культура кофейного дерева, плантация которого, принадлежащая одному французскому торговому дому, находится на горных скатах, господствующих над западным берегом залива Альби. Туземцы питаются не рисом, как большинство жителей западного побережья, между Гамбией и Пальмовым мысом: вместе с ямсом, банан составляет главную основу их пищи. Этот плод, превращенный в тесто, смешанный с копченой рыбой, приправленный стручковым перцем и сваренный в пальмовом или фисташковом масле, есть знаменитое национальное блюдо *футу-футу*, которое европеец вначале ест с отвращением, но потом, когда привыкнет к нему, находит отменно вкусным.

Фауна на Слоновом берегу та же самая, что и в Либерии. Шапер отмечает здесь три вида обезьян, в том числе шимпанзе. Слон не встречается в оседлом состоянии в области прибрежья, которая обязана ему своим именем, но плоды, до которых он большой лакомка, привлекают его в период их созревания в леса, прилегающие к озерному бассейну. Что касается бегемотов, которые прежде охотно гостили в здешних лагунах, то в 1880 году их было только два во всей территории Ассини, а в 1885 г. оставался только один; истребление этого толстокожого совершилось в настоящем столетии. Шапер видел шкуры питонов (змей из семейства удавов), впрочем, не очень опасных, длина которых превышает 10 метров, и которые имеют слишком 40 сантиметров в окружности по середине туловища. У негров этой страны нет ни одного вьючного животного: вероятно, можно бы было употреблять вола для перевозки товаров; на плантациях теперь пытаются ввести осла. Все клади перевозятся по каналам или переносятся на голове негров: средний груз этих носильщиков составляет от 25 до 30 килограммов.

Западные народцы Слонового берега причисляются еще к нации круменов: это глебо (глебое) или «люди св. Андрея», самые шумные и наименее дисциплинированные из их расы; они принадлежат, вероятно, к тому же корню, как и их западные соседи гребо, и даже, может-быть, в действительности это одной то же имя. Говорят, еще не так давно у глебосов практиковалось людоедство[1]. Впрочем, об этих племенах рассказывают тем более необычайные вещи, чем менее известно население, к которому относится рассказ. Так, говорят, будто в этих странах существует народец, имеющий дотого ограниченный запас слов, что люди его могут объясняться только при помощи разных жестов и игры физиономии, так что в темноте им невозможно понимать друг друга[2]. Рассказывают также, что на берегах озера Гле находятся колонии женщин-фетишей, обреченных на безбрачие и управляемых королевой, которая посредством каких-то трав искусственно прививает себе слоновью проказу (elephantiasis). Если, в нарушение закона, родился мальчик в этих поселениях амазонок, то он немедленно предается смерти: но девочки заботливо воспитываются, как предназначенные сделаться, в свою очередь, фетишами.

На восток от племени глебо живут многие другие народцы, почти столь же мало известные и говорящие наречиями, словари которых, имеющиеся в распоряжении лингвистов, еще очень неполны, и потому истинное место этих диалектов между группой круменских языков и группой говоров ашанти пока еще не определено с точностью. Главная из этих наций, повидимому,—авеквомы или авикомы, обитающие в той части страны Аду, которая простирается к западу от реки Лагу: уже более двух столетий этих негров обыкновенно называют ква-ква, по их приветствию[3], которое «походит на крик утки», говорит Босман[4]. Торговое местечко Большое Лагу, расположенное на береговой косе, к западу от бара, заграждающего вход в реку того же имени, населено неграми ква-ква. Племена, живущие далее к востоку, на морском побережье и по берегам лагуны Эбрие, тоже известны у моряков под насмешливой кличкой «Джек-Джек». Может-быть, это прозвище, которое в английском языке есть синоним «человека на все руки», обязано своим происхождением живости и юркости этих чернокожих. Очень деятельные, с большой коммерческой жилкой, они служат посредниками внутренним населениям по сбыту масла, пальмовых орехов и других продуктов. Ловкие cummis-voyageurs, они ходят из деревни в деревню и устраивают отправку бочек с маслом на побережье, для погрузки на европейские корабли; отвергая содействие французских торговцев из Большого Бассама, они ведут дела непосредственно с капитанами судов. В 1884 году количество проданного ими пальмового масла исчисляли в 5.000 тонн; от двенадцати до пятнадцати кораблей из Бристоля и Ливерпуля приходят грузиться на рейде в их деревнях, где уже появились большие деревянные дома, не менее комфортабельные, чем дома негоциантов в европейских факториях[5]. Вокруг лагуны Эбрие рассеяны во множестве деревни и поселки: число прибрежных жителей этого внутреннего моря, в огромном большинстве занимающихся рыбной ловлей, определяют в 80.000 душ; в одном только селе Большой Бассам насчитывается слишком полтораста пирог[6]. Общая цифра населения берега Слоновой кости и всей покатости до водораздела с Нигером никак не менее полмиллиона душ.

Племена, живущие к северу от французских владений Большой Бассам и Ассини, принадлежат, повидимому, к двум различным расам: агни, прежние владельцы края, и ошины, завоеватели, пришедшие, по преданию, около конца прошлого столетия. Агни ниже ростом, коренастее и сильнее; ошины, более стройные, имеют голову более продолговатую и ниж-

1 Fleuriot de Langle, цитированное сочинение.
2 Winwood Reade, цитирован. сочинение.
3 Villault de Bellefond, „Relations des costes de l'Afrique appelees Guinee".
4 „Voyage de Guinee".
5 Notices coloniales, „Exposition universelle d'Anvers en, 1885"
6 I. L. de Lanessan, „L'Expansion coloniale de la France".

нюю челюсть более выдающуюся[1]. В некоторых селениях женщины ходят совершенно голые, но большинство имеют передник, который привязывается поясом, унизанным бусами; молодые девушки заплетают волоса в маленькие пучки, тогда как замужния женщины зачесывают их в форме каски. Мужчины величаво драпируются в большой кусок материи, состоящий из разноцветных полос. Чистоплотность в большой чести у этих туземцев: подобно крименам, они моются каждый день, намыливая себе все тело с головы до ног; если бы количество мыла, потребляемое в данной стране, служило, как это часто говорили, мерилом цивилизации, то прибрежные жители реки Акба бесспорно заняли бы первое место в ряду народов. Для приготовления мыла они употребляют пальмовое масло и золу листьев; кроме того, и европейское мыло составляет один из главных предметов их ввоза. После купанья, они слегка натирают себе все тело маслом[2].

К какой бы расе они ни принадлежали, негры этой части западно-африканского поморья отличаются необыкновенным добродушием и безусловной честностью и благонадежностью в делах: всякия условия заключаются с ними просто на словах, и иногда на продолжительные сроки в несколько месяцев или лет, но они всегда добросовестно исполняют принятые на себя обязательства. В прежнее время они относились недоверчиво, и не без основания, к европейским кораблям, являвшимся на их берег; когда капитан судна просил их устроить палабру, они требовали, чтобы он сначала сошел с корабля, и, став одной ногой на край туземной барки, а другой на сходнях своего судна, зачерпнул пригоршнею морской воды и брызнул несколько капель её себе на глаза, в удостоверение своих добрых намерений[3]: нарушение этой клятвы, думали они, повлекло бы за собой потерю зрения. Внутри страны «большой фетиш» есть блюдо, наполненное водой, с примесью земли: при совершении великой клятвы каждый обмакивает руку в грязную воду и окропляет ею своих соседей; данная таким способом клятва имеет поручителями и, в случае надобности, мстителями две первоначальные стихии, из которых произошли все люди[4].

Теперь можно без всякого затруднения пройти эту территорию из конца в конец; только путешествие обходится здесь очень дорого, потому что жители каждой деревни ожидают подарков от белого путешественника. Уже в течение нескольких поколений в крае не было войны; однако, почти у каждого туземца есть ружье, которое, впрочем, употребляется почти только для холостых выстрелов: стрельба составляет необходимую принадлежность всякого празднества. Ислам не проник в эти страны, и религиозные обряды сохранили еще чисто анимистический характер; но, кажется, их не особенно ревностно соблюдают. Фетиши, поставленные у входа в деревни и на перекрестках дорог, худо содержатся, и во многих местах священные рощи, на которые наложено табу, обратились в маленькия ограды, окруженные черепами животных и черепками битой посуды; в иных местах даже и ограда исчезла, и храм-фетиш состоит из одного камня, куска диорита, который предки благоговейно принесли с севера, и который теперь попирает нога прохожого. Во время путешествия Геккара почитание фетишей было еще в полной силе; некоторые роды мяса, некоторые плоды, большая часть рыб были под запретом (табу); каждая неделя имела свой день-фетиш, в который нельзя было ни есть, ни переходить через текущую воду, и который употреблялся на окрашивание тела в белый и желтый цвета.

На берегах лагуны Ассини образовалось могущественное царство, состоящее в вассальной зависимости от Франции и управляемое вождем из племени ашанти, который имеет резиденцию в Кинджабо, городе с 3.000 жителей, построенном на левой стороне реки. В каждой деревне сельские старшины судят обыкновенно проступки, но важные дела, где преступление может повлечь за собою смерть виновного, представляются на суд короля; адвокаты защищают перед ним противоположные интересы, затем, по выслушании сторон, произ-

1 Hyacinthe Hecquard, „Voyage sur la cote et dans l'interieur de l'Afrique Occidentale".
2 Chaper, „Le Territoire d'Assinie, Archives des missions Scientifiques", tome XII, 1885.
3 Labat, цитирован. сочинение.
4 „Revue Maritime et Coloniale", tome IX;—Hovelacque, „L'Homme", 1884.

носится безапелляционный приговор, определяющий кару, пеню или смертную казнь. Под навесом «правосудия», где король председательствует на судебных прениях, отрубленные головы складываются в пирамиды, и строго запрещено прикасаться к этим знакам королевской власти, фетишам более страшным, чем изображения чудовищ, помещаемые на краю дорог. Еще в половине настоящего столетия, основанию новой деревни всегда предшествовало человеческое жертвоприношение. Выбранную жертву сначала напаивали до-пьяна пальмовым вином, затем, после военной пляски, сын вождя отрубал ей голову, труп вскрывали, и по виду внутренностей жрец предсказывал судьбу будущего селения[1]: под страхом умереть в том же году, присутствующие на этой церемонии обязаны были принять участие в пиршественной трапезе, приготовленной из сердца, печени и внутренностей принесенного в жертву человека, вместе с мясом животных фетишей. Царек владеет стадом пленников, и еще недавно, по поводу старинного обычая, требующего кровавой ванны для королевского трупа, с беспокойством задавали вопрос, не будет ли этот обычай соблюдаем посредством умерщвления этих несчастных. Вторую категорию невольников составляют несостоятельные должники, сделавшиеся временными слугами своих заимодавцев; эти рабы могут во всякое время освободиться из кабалы; не редко они даже роднятся со своими господами[2].

Французские фактории, принадлежащие почти все одному торговому дому города Рошель, немногочисленны; единственные деревни, где имеют пребывание французские чиновники и агенты,—Большой Бассам и Ассини, та и другая возле бара того же имени, и Дабу, на бухте северного берега лагуны Эбрие. Это последнее поселение представляет собою укрепленный пост, который держит в повиновении дикое и беспокойное племя бурбури, живущее многолюдными деревнями в соседстве джек-джеков. Ассини, вероятно, сделается со временем оживленною пристанью, как продовольственный пункт для внутренних золотоносных местностей. Он вывозит, в среднем, ежегодно пять тысяч унций, или 480.000 франков золота, и 10.000 тонн пальмового масла, ценностью в полтора миллиона франков[3].

Французские поселения на берегу Слоновой Кости в административном отношении прежде зависели от Габона; теперь они присоединены к Сенегалу, также как и фактории Невольничьего берега.

Глава VI. Золотой берег и бассейн Вольты, Фанти и Ашанти

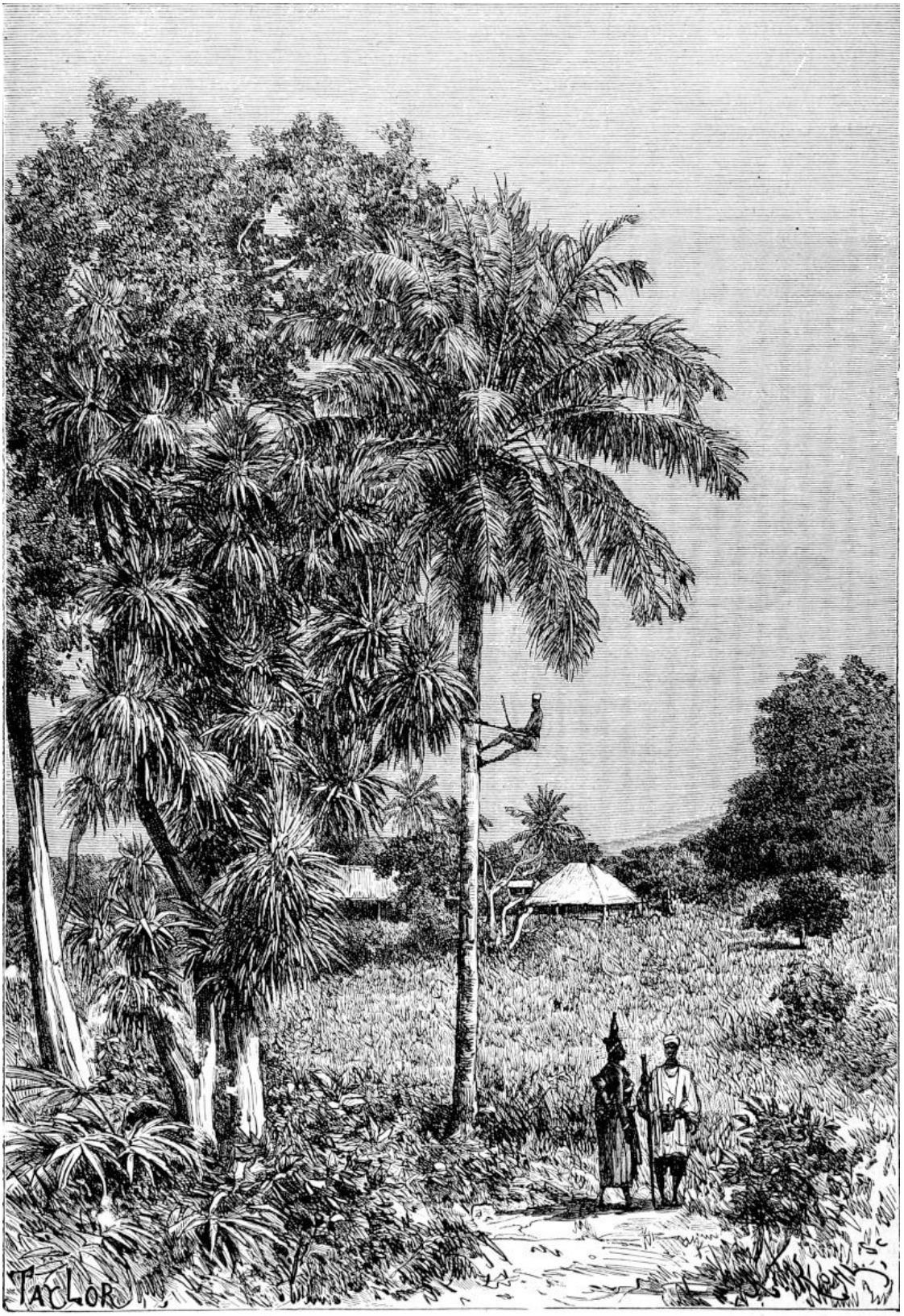
Эта часть африканского поморья представляет, между мысом Пальм и устьями Нигера, область, где европейцы водворились наиболее прочным образом. Англичане, владельцы территории, оффициально называемой Cape-Coast, по имени её бывшей столицы, занимают береговое пространство длиною около 600 километров, от французских владений Ассини до германских факторий Того. Внутрь материка колония их простирается в одном месте на 200 километров от морского берега, да и за пределами её их политическое влияние распространяется далеко на негритянские населения. Площадь английской территории Золотого берега исчисляется в 101.160 кв. километр., а население составляет (1895 г.) около 1.500.000 душ. На севере, королевство Ашанти, Гиаман и сопредельные провинции заключают в себе слишком миллион обитателей. Общая же цифра народонаселения покатости, спускающейся к Золотому берегу, может быть определена приблизительно в три миллиона душ. Самое имя страны объясняет то усердие, которое проявили белые в деле основания торговых контор на этом побережье и обследования прилегающих к нему внутренних областей. Страсть к наживе побуждала купцов всех европейских наций устраивать фактории для мены гвоздей, иголок, «огненной воды» на золотой песок, и большинство западных держав воздвигли укреп-

1 Hyacinthe Hecquard, цитирован сочинение.

2 Chaper, цитирован. сочинение.

3 A. Bretiguiere, „La France coloniale“, de M. A. Rambaud.

ленные посты для защиты коммерческих сделок своих подданных: французы, бранденбуржцы, голландцы, датчане, португальцы заводили поселения на заманчивом Золотом берегу. Англичане являются ныне наследниками всей торговой Европы в эксплоатации этой богатой

Пейзажъ на Невольничьемъ берегу.

территории.

Кто были первые негоцианты, водворившиеся на Золотом берегу? Это один из самых спорных вопросов в истории географии; можно бы было составить целую библиотеку из за-

писок и толстых сочинений, которые были изданы в разное время с целью установить первенство французов или португальцев. В 1666 году путешественник Вильо-де-Бельфон, посетивший западно-африканское побережье до Перечного берега, первый сообщил о поселениях, основанных мореходами французского города Диеппа на Золотом берегу, во второй половине четырнадцатого столетия. По его словам, диеппские купцы, в сообществе с руанскими, непосредственно вели, с 1364 по 1410 год, меновую торговлю с неграми этой страны: правда, утверждения его не опираются на какия-либо положительные доказательства, а пожар, истребивший в 1694 году публичную библиотеку Диеппа, лишил возможности проверить разсказ этого путешественника[1]; однако разные косвенные свидетельства, между прочим, специальное искусство, которым славились диеппские мастера по части резьбы на слоновой кости, доказывают, что правильныя торговые сношения между этим нормандским портом и африканскими землями установились уже за много поколений до той эпохи, когда Вильо-де-Бельфон составил свой знаменитый доклад тогдашнему министру Кольберу[2]. Что касается окончательного открытия Золотого берега, открытия неоспоримого, занесенного в летописи положительной науки[3], то оно совершилось в 1470 или 1471 году: один из исследователей, которые первые достигли этого пункта прибрежья, носил фамилию Сантарем, прославленную в настоящем столетии самым ученым защитником первенства португальцев в деле открытия африканских берегов. Через одиннадцать или двенадцать лет после обследования побережья Сантаремом и Эсковаром, король Иоанн II велел построить на одном из высоких мысов берега укрепление, названное фортом св. Георгия; по его приказанию, транспортные суда, сопровождавшие военные каравеллы, были затоплены, с той целью, чтобы иностранцы думали, что в Гвинейских морях невозможно плавание ни на каких судах, кроме кораблей португальской конструкции[4].

Несмотря, однако, на эту предосторожность, мореплаватели других наций узнали дорогу к Золотому берегу: в конце шестнадцатого века туда явились голландцы и вскоре прогнали португальцев, а затем приобрели и бранденбургские поселения, основанные в 1682 году на Трехконечном мысе. Они были прогнаны, в свою очередь, англичанами. В 1850 году на этом берегу, кроме английских владений, оставались только датские и голландские фактории: первые были выкуплены Великобританией, а вторые приобретены в обмен за отказ от прав, которые англичане присвоили себе в некоторых округах Суматры; но окончательная уступка нидерландских колоний, состоявшаяся в 1871 году, совершилась не без нарушения интересов туземного населения и подала повод к войне, которая окончилась экспедицией против ашантиев и сожжением их столицы. Владения Кэп-Кост образуют теперь особое государство, под управлением английского губернатора. Вся страна была пройдена землемерами и расчищателями тропинок, а в смежных областях сеть маршрутов расширяется почти с каждым годом.

В целом английская территория Золотого берега образует выступ вне правильной линии морского побережья. Трехконечный мыс выдвинулся в виде полуостровного массива: холмы его, состоящие из гранита, диоритов, латеритов, песчаников, глинистых сланцев, конгломератов с прожилками кварца, оканчиваются отвесными утесами; многие мысы этого краеугольного межевого столба, разграничивающего две большие удлиненные бухты берега Слоновой Кости и Бенинского залива, поднимаются на 100 слишком метров, а внутри материка, километрах в двадцати от побережья, одна вершина достигает 600 метров высоты. На востоке морской берег представляет местами скалистые выступы, то голые, то поросшие мелким кустарником, а в море вблизи берегов тянется ряд рифов, окаймленный полукругом волн прибоя. Большинство внутренних холмов стоят уединенно или образуют незначительные цепи, как массив Аджаманти, к северо-западу от Акры; но на севере от этого города виднеет-

1 De Santarem, „Memoire sur la priorite de la decouverte de la cote occidentale de l'Afrique".
2 Estancelin;—Vitet;—d'Avezac;—Gravier.
3 Vivien de Saint-Martin, „Histoire de la Geographie".
4 Oscar Peschel, „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen".

ся куполообразная гора Дампа, первая вершина настоящей цепи, называемой Аквапем и направляющейся к северо-востоку, при чем высота её постепенно увеличивается. Прерываемая ущельем, в котором проходит река Вольта, эта цепь продолжается далее в стране Буссо, то-есть «Горной», к высоким вершинам северного Дагомея, почти не меняя направления.

На западе от Вольты к хребтам Аквапем примыкают другие массивы: таков ряд гор Оквагу, направляющийся на северо-восток и образующий широкое плоскогорье в 660 метров высоты; на юге, в английских владениях, это плоскогорье понижается последовательными террасами, круто обрывающимися; на севере, в королевстве Оквагу, оно спускается пологим скатом к степям, слабо населенным. К западу от этих травяных равнин, несколько уединенных массивов, поднимающихся до 500 метров, образуют край невысокого нагорья Ашанти: таковы горы Аданси, получившие известность в истории недавних войн, потому что своими кручами и, еще более, обширными лесами, покрывающими их сплошной массой, они составляют естественную границу страны Ашанти, на дороге из Кумасси в Кэп-Кост, и англичане принуждены были дать сражение, чтобы овладеть этим оплотом. В этой гористой области образовался резервуар воды без истечения, Буссам-Оче или «Святое озеро», один из «больших фетишей» края; ловимую в нем рыбу коптят и отправляют во все концы Ашанти, завернутую в листья банана. На север от пояса холмов тянутся обширные равнины, на которых кое-где встречаются уединенные скалы: таковы, между прочим, огромные камни, которые путешественник Лонсдэль видел на дороге из Кумасси в Бонтуку, и которые своим величественным видом напомнили ему скалы Гибралтара. Травяные плато продолжаются на северо-запад до гористых стран, еще неисследованных, которые известны под мандингским именем Конг или «Горы». Но к северо-востоку от Ашанти, в землях Салага и Дженди, ряд высот, называемый Конг, совершенно прерывается, так что с берегов Вольты можно попасть на берега Нигера, не переходя через горную цепь.

Из области холмов и равнин, по которой следует линия водораздела к востоку от верхнего Нигера, спускаются несколько многоводных рек. На западной стороне, первый большой поток—река Анкобра, огибающая массив Трехконечного мыса и впадающая в бухту Аксим широким устьем, порог которого покрыт слоем воды всего только в 2 метра толщины. Эта река берет начало на расстоянии по меньшей мере 250 километров от моря, в стране Ашанти, ограничиваемая на севере бассейнами двух более значительных рек, Тануэ и Бусум-Пра; затем, следуя сначала в юго-западном, потом в южном направлении, она протекает через Вассау, одну из богатейших золотоносных местностей этого поморья; имя Анкобра произошло от португальского названия Рио-да-Кобра, или «Змеиная река», данного ей по причине многочисленных извилин её течения[1].

На востоке от мыса Трехконечного течет Бусум-Пра (Бусам-Пра), то-есть «Святая река», названная так потому, что она служила «священным путем» ашантиям, отправлявшимся на промысел в южные области королевства; обыкновенно ее называют просто Пра, т.е. «Река». Перейдя опасный бар, можно подняться на барке вверх по этой реке на 160 километров от устья, а выше в пирогах пробираются до самого Ашанти по западным её притокам.

Далее на востоке, до Вольты, все реки, впадающие в океан, имеют незначительную длину течения, так как их водосборный бассейн ограничен холмами и горами, примыкающими к цепи Аквапем. Но Вольта или Аму, изливающаяся в море недалеко от восточной оконечности английских владений Кэп-Кост,—большая река, быть-может, самая многоводная из всех африканских потоков между Гамбией и Нигером. В наиболее удаленном от устья месте, до которого доходили белые путешественники, Вольта катит уже значительный объем воды. Морские суда с осадкой до 2 метров могут подниматься по ней, пять месяцев в году, до Медики или Амедики, в 92 километрах от устья, немного ниже большой излучины Кпонг; в пироге же путешественник Бонна добрался, против течения и через пороги, до деревни Егий, пристани рынка Салага, лежащей в 400 километрах от моря. Разливы, продолжающиеся с июля до октября, принимают огромные размеры: в Медике они достигают 14 метров над

1 Guillaume Bosman, „Voyage de Guinee“;—Richard Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

уровнем мелководья; выше ущелий, у города Краки, воды поднимаются на 20 метров (около $9^1/_3$ сажен), и город, стоящий полгода на высоком берегу, оказывается почти на одной поверхности с рекой в другую половину года. В ущелье Акуаму, в 105 километрах от устья, Вольта в одной теснине имеет всего только 25 метров от берега до берега; пять опасных порогов следуют один за другим на протяжении 800 метров, и лодки лишь с большим трудом и не без риска преодолевают это препятствие; выше порогов вода спокойна, как в озере, и глубина русла достигает 18 метров[1]. В своей нижней равнине, по выходе из ущелья, река разливается широко, на несколько километров в период дождей, так что самые большие морские суда могли бы свободно плавать в ней: вход, хотя затрудняемый изменчивым подводным баром, обозначенным бакенами, которые приходится постоянно перемещать, смотря по времени года, пропускает, однако, корабли, имеющие от пяти до шести метров водоуглубления. Прежде, чем соединиться с морем, река образует внутреннюю дельту, разветвляющуюся на несколько рукавов, которые окружают архипелаг Кеннеди и другие острова. Кроме того, через боковые входы Вольта сообщается с береговыми лагунами, отделенными от океана лишь узкой песчаной косой, где с шумом разбиваются набегающие с моря волны: стрелка западной лагуны едва изогнута в виде очень удлиненной дуги, тогда как береговой вал восточной лагуны образует правильную, точно начерченную циркулем, выпуклую кривую.

Лагуна Кветта, отделенная от океана этой песчаной плотиной, представляет настоящее внутреннее море, пространством по крайней мере в 400 квадр. километров, заключающее многочисленные и густо населенные острова. Полукруглый плоский берег, обращенный к океану, отличается такой, можно сказать, геометрической правильностью, что не знаешь, где искать мыс св. Павла, показанный на картах: моряки могли определить его местоположение лишь условно, по находящемуся там лесу, который, впрочем, часто скрывается от взоров за красноватыми брызгами разбивающейся волны. Нигде, на всем побережье Гвинеи, *калемма*, то-есть длинный ряд параллельных волн прибоя, последовательно набегающих на берег, не представляет более грозного зрелища. Моряки дали ей название «бар» или «бара», как порогам, заграждающим вход в реки, и волнам, разбивающимся на этих порогах. Калемма—это громадная водяная стена, вздымающаяся между открытым морем и берегом, через которую самые опытные моряки проходят не без волнения. Во всякое время, даже когда море спокойно, эти волны непрерывно одна за другой с шумом набегают на берег: прилив, ветер, течение в огромной степени увеличивают силу их прибоя; иногда даже крумены не отваживаются пускаться через разъяренный бурун в своих *surfboats*, или «прибойных барках», лодках, закругленных спереди, которыми они управляют гребком, а не веслом. По словам этих искусных кормчих, замечается род ритма в последовательности волн: они знают наперед, которая волна наименее сильно принесет лодку к берегу. С песчаного берега, на котором разбивается огромный вала, с пенящимся гребнем, видны вдали, точно на подвижном холме, корабли, плавно качающиеся на поверхности моря.

На Золотом берегу времена года сменяются в том же порядке и представляют те же явления, как и в областях, лежащих западнее. И здесь тоже, как на берегу Слоновой Кости, наступление периода больших дождей, начинающагося в марте или в апреле, возвещается сильными торнадосами; затем ветер постепенно стихает, по мере того, как установляются дожди; бризы, материковые и морские, в это время очень слабы. С наступлением сезона засухи возобновляются муссоны: тогда юго-западные ветры с силой ударяют в берег, поднимая волнение на море и скрывая горизонт под туманной завесой; даже внутри материка часто можно видеть туманы, ползущие по вершинам гор. В октябре, после равноденствия, наступает малый сезон дождей, самая опасная пора для европейцев; затем январь и февраль опять приносят сухую погоду; в это время гарматтан дует всего чаще, отодвигая бары в море и тем облегчая судам вход в реки; трава желтеет, листья сохнут, воздух насыщается пылью. Крайния температуры, наблюдавшиеся миссионерами на станции Абетифи, построенной на высоте 600 метров, в горах Оквагу, были 10,8° и 35,4° Ц.; когда термометр показывает 17

1 Bonnat, „Bulletin de la Societ4 de Geographie commerciale“, 1875.

градусов, жители уже очень страдают от холода; в среднем, разность температуры между климатом береговой полосы и климатом гористой области составляет от трех с половиной до четырех градусов.

Температура года:

	Средняя годовая	Самый теплый месяц	Самый холодный месяц.
Эльмина	26°,2	27°,6 (март)	23°,9 (авг)
Христиансборг	26°,9	28°,4 (апрель)	24°,2 „

Что касается годового количества атмосферных осадков, то оно весьма значительно во всем поясе гор. Рамсейер говорит, что иногда измерение показывало 55 миллиметров дождевой воды, выпавшей менее, чем в три часа.

Пропорция дождей и число дождливых дней в разных станциях Золотого берега[1]:

		миллиметр	дождл. дней
Горы	Абури	1.084	75
	Абетифи	1.100	75
Побережье	Христиансборг	575	60
	Эльмина	782	82

В общем климат Золотого берега, хотя очень опасный для белых, не так вреден, как климат Сенегамбии; при том же европейцы, проживающие в крае в числе двухсот человек, позаботились основать санатории во внутренних гористых местностях.

Обилие дождей имеет следствием необычайное богатство растительности, по крайней мере во внутренних холмистых областях; там центры населения разделены обширными лесами, и когда предпринимается военная экспедиция, то прежде всего посылают отряд прорубателей для прокладывания тропинок в непроходимых лесных чащах. В территориях Вассау и Данкира, деревья, называемые «каркум», достигают 3 метров в диаметре и 60 метров вышины; туземцы вырубают бревна до 2 метров толщиной, без малейшей трещины[2]. Впрочем, страны, простирающиеся на север от гор Аквапем, не получают из-за этой преграды атмосферную влагу в количестве, достаточном для произростания больших лесов, и покрыты травяными степями, среди которых лишь изредка попадаются рощицы со скудной листвой; только по берегам ручьев растут большие деревья, переплетаясь своими ветвями над потоком и образуя длинные галлереи из зелени. Что касается приморских холмов, постоянно обвеваемых солеными ветрами и состоящих из бесплодных скал, то там встречаются только чахлые, приземистые деревца да молочайники, имеющие форму канделябров; но зато травы, кусты орхидеи блистают чудным убором цветов, тогда как лес представляет лишь однообразную зелень древесных листьев и папоротников. Золотой берег—одна из богатейших африканских стран по многочисленности и разнообразию пальм; в лесах северной его части растут также масляное дерево и кола, называемое в том краю *бессе*.

Слон прежде был почти также распространен на Золотом берегу, как и на берегу Слоновой Кости. Босман, живший в Эльмине в начале восемнадцатого столетия, рассказывает, как один слон забрел в сад форта, где и был убит; но в наши дни крупные звери почти совсем исчезли из приморской области. В береговой полосе, до горных цепей Аданси, Аджаманти, Аквапем, охотники почти не находят более дичи. Но за этими горами, саванны, особенно в местности, прилегающей к цепи Оквагу, очень богаты дикими животными—слонами, буйволами, газелями, кабанами, различными видами кошачьего и собачьего рода. Бегемоты и крокодилы еще водятся во множестве в Вольте, несмотря на пароходы белых, мутящие воды реки. Из четвероруких, обитающих в лесах, особенно замечательны черная обезьяна с белой бородой и обезьяна пепельного цвета с длинной шелковистой шерстью, шкуры которой вывозятся в Англию. В травяных степях мир бабочек так же богат, как и мир цветов; натуралист Бухгольц во время кратковременного путешествия собрал около семисот различных ви-

1 Riggenbach, „Verhandlungen der Naturforschenden Gesellschaft in Basel“.

2 „Blue Book“, July 1885.

дов мотыльков. Между тысячами разнообразных насекомых теперь находится страшная американская чика или блоха нарывная (pulex penetrans), привезенная из Бразилии освобожденными неграми: часто можно встретить фантиев, лишившихся пальцев на ногах вследствие развития яичек, вводимых этими блохами под ногти. Муха цеце или какой-нибудь подобный ей вид убивает скот во многих частях побережья[1], а опустошения, производимые муравьями, достигают страшных размеров: случается, что эти насекомые нападают ночью на птичьи дворы и пожирают птиц; иногда негры принуждены бывают покидать свои жилища, уступая место этим грозным завоевателям. Главный враг термитов—ящер длинно-хвостый (manis longicaudatus), у которого все тело покрыто сплошной броней из крепкой чешуи, и который спит свернувшись в кольцо, как змея. Для жителей края самое драгоценное животное—один вид улитки травяной, которая в Ашанти, по словам путешественника Бонна, составляет главную пищу населения.

Населения Золотого берега принадлежат к двум различным расам: побежденным аборигенам и завоевателям. Древнейшие обитатели сохранились отдельными племенами в верхнем бассейне Вольты, и именно в гористых областях; жители земли Бронг, к северо востоку от королевства ашантиев, известны у этих чернокожих под именем *nomoso*, которое есть синоним слова «варвары». Большинство их говорят наречиями гуанг, нта или другими близкими к ним диалектами, происходящими от того же корня, как и язык завоевателей; кроме того, почти каждый из этих туземцев знает также язык своих политических господ, называемый оджи или га. Физические различия этих двух рас незначительны; в среднем, аборигены более сильны, более коренасты, чем другие обитатели страны. Обычаи у них тоже иные. Впрочем, этнические различия между ними и их соседями мало-по-малу сглаживаются: смешение посредством браков, общая цивилизация, и с одной стороны магометанская пропаганда, с другой—английское и протестантское влияние постепенно смягчают первоначальные контрасты.

Кроме наречий языка ашанти, в стране существуют еще многие другие диалекты, настолько различающиеся между собой, что говорящие ими не в состоянии понимать друг друга, но тем не менее принадлежащие к одной и той же глоссологической группе: таков язык обуту, которым говорят в одном из округов берега Фанти, особенно в городе Агуна, имя которого прежде применялось ко всей области, ныне называемой «Золотым Берегом». Таковы же языки киерепонг, в горах Аквапем, и акра или инкран, подразделяющийся на два наречия, га и адамфи, которыми говорят более ста тысяч человек на берегу Акра и во всей провинции Адамфи, треугольном пространстве, ограниченном на востоке и севере рекой Вольтой, на северо-западе и западе—горной цепью Аквапем. На севере королевства Ашанти языки банда, гьяман и конг также составляет часть той же глоссологической семьи. Язык ашанти и говоры одного с ним происхождения состоят из односложных корней, флексии которых получаются при помощи приставок и суффиксов. В наречиях га и адамфи запас корней так мал, что принуждены разнообразить их при помощи ударений и объяснять их значение посредством какого-нибудь другого слова. Иносказательные выражения, метафоры, употребляемые ашантиями, свидетельствуют о живости воображения и силе поэтического чувства[2].

Этническая группа оджиев, к которой принадлежат ашантии или асанте, вместе с племенами данкира, вассав, аким, ассин, фанти, есть самая могущественная в гористой области, ограничиваемой на западе рекой Тануэ, на востоке рекой Вольтой. Королевство, основанное ашантиями и недавно подчинившее своей власти почти все другие государства этой страны, возникло не ранее конца семнадцатого столетия, когда племя, завоевательное, по словам одних, бежавшее от своих господ, по словам других, пришло сюда из земли, известной под именем Инта; однако, не подлежит сомнению, что большинство постоянных жителей, составляющих нацию ашанти, происходит от негров, поселившихся в крае за много веков до

1 Winwood Reade;—Richard Burton, цитированное сочинение.

2 Christaller;—Ramseyer;—Cust и др.

нашей эпохи; бывали внешния политические перемены, преобладали другие имена, но переселенческое движение извнутри материка к приморской области существовало во все времена с отдаленной древности. В этой части Африки переселение совершается с севера на юг, тогда как в Сенегамбии оно происходит с востока на запад, но исходя из того же центра в Судане. Оно продолжается и в наши дни в стране Ашанти: мандинги магометане очень многочисленны в главных городах, и даже многие государства, оффициально управляемые «фетишерами», находятся теперь под преобладающим влиянием ислама[1].

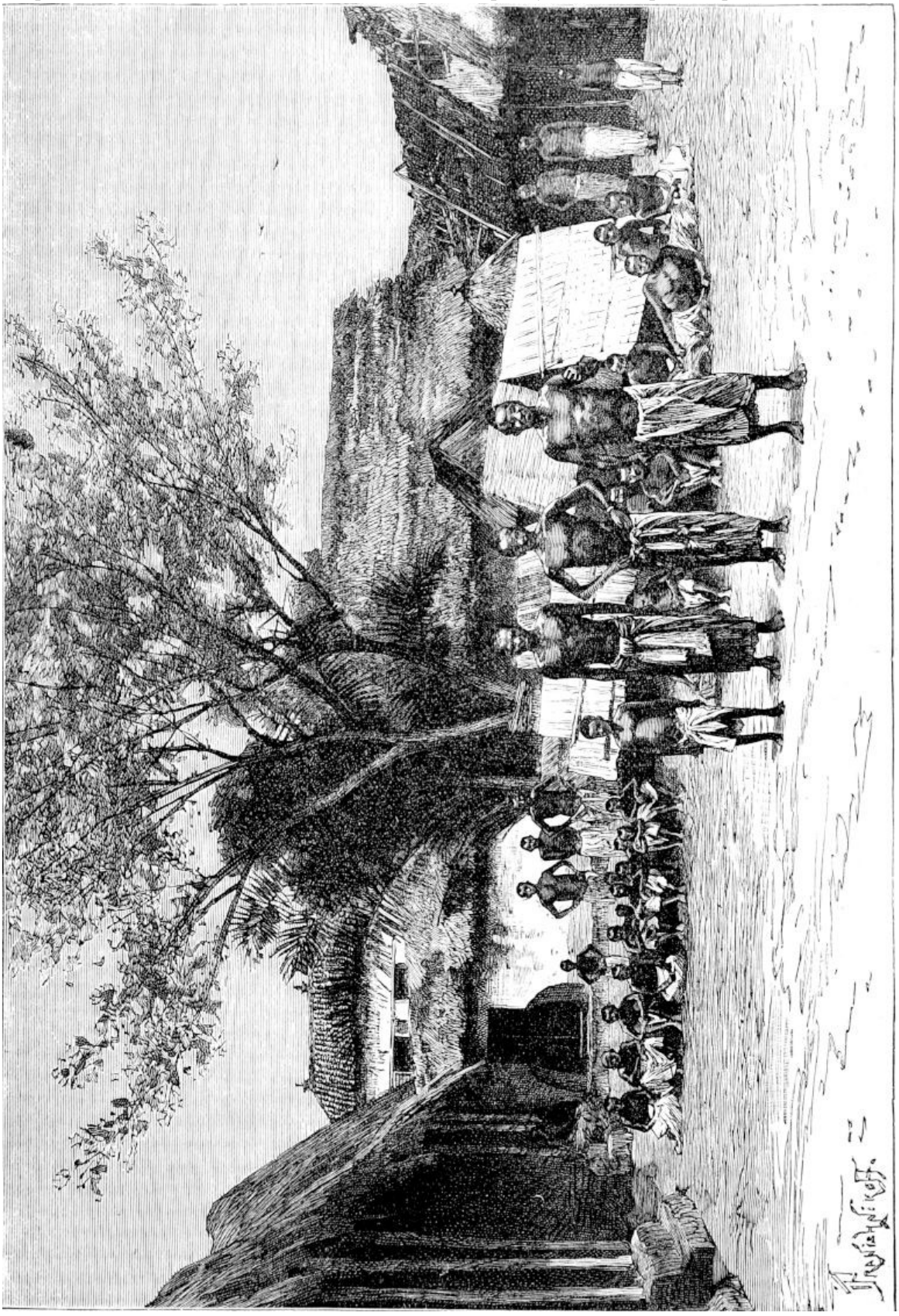
Ашантии—один из самых красивых народов африканского континента: они рослы и хорошо сложены; женщины имеют стройный стан и правильные черты лица. Кожа у этих туземцев очень черная, волосы курчавые, но нос довольно тонкий, губы не толстые; весьма вероятно. что в первоначальной своей родине ашантии смешивались с арабами и берберами; они не безобразят себя, как многие из их соседей, ни татуировкой, ни порезами. Ашантии отличаются большой понятливостью, прекрасной памятью и замечательным уменьем приспособляться к среде. По берегам ручьев они сделались земледельцами; в степях они пасут скот; на берегу моря и лагун они рыболовы и лодочники; в городах—это очень деятельные коммерсанты, искусные ремесленники: они ткут материи, делают глазированную глиняную посуду, куют железо и выделывают из него инструменты и оружие, плетут ковры, вставляют в оправу золото и драгоценные камни. Язык их, известный под разными наименованиями (оджи, очи, читуи, и т.д.),—один из самых звучных и гармонических во всей Африке; при том это также один из наилучше изученных африканских языков. Уже в 1673 году датчанин Мюллер издал сборник слов одного наречия ашантийского корня; затем несколько других сборников того же рода были составлены в восемнадцатом столетии, а в недавнее время появились научные грамматики, словари, сборники устных преданий; таким образом уже имеются необходимые элементы для начала сравнительной лингвистики между различными диалектами ашанти за двухвековой период их развития. При дворах употребляется акан, наречие провинции Аким, которая лежит в углу, ограниченном на севере и востоке горами Акра и Оквагу; однако, наиболее пригодным для литературной роли считаются диалект провинции Аквапем, соседней с областью Акра: на это наречие переведены священные книги, молитвы и гимны христиан. Диалект фантиев приморской полосы, между Акрой и Кэп-Костом, отличается от языка ашанти почти только произношением. До английского вмешательства, эти два народа постоянно воевали между собой, хотя им было не безъизвестно их первоначальное родство. По словам легенды, два брата, долго терпевшие голод, нашли каждый растение, служившее им с того времени пищей; один ел *фан*, другой—*шан*: отсюда и произошли их национальные имена.

В некоторых отношениях ашантии—один из самых цивилизованных народов Африки. Их смышленость, искусство в ремеслах, уменье хорошо говорить, музыкальный талант, проявляющийся даже настоящими концертами, храбрость в битвах—таковы способности и качества, выгодно отличающие их от многих соседей; но, с другой стороны, нигде нет такого резкого разделения классов или сословий, нигде сильные мира не пользуются такими большими и уважаемыми прерогативами. Если власть по самой сущности своей стремится к безусловному господству, то по крайней мере на практике она почти везде ограничена; в Ашанти же общественное мнение, управляемое страхом, не ставило никаких пределов державному авторитету; деспотизм царька над своим подданными, благородных над мужиками, начальников над солдатами, посвященных над профанами, мужей над женами, господ над невольниками был безграничный. По своим зверским законам и обычаям, это общество сделалось самым чудовищным из всех союзов людей, но оно не могло долго существовать в этом виде: бунты и войны с другими народами, внутренняя деморализация и внешнее влияние чужеземных нравов, более мягких и более проникнутых уважением к человеческой личности и жизни, привели к разложению царства Ашанти, к упадку его учреждений и постепенному изменению всего социального порядка. Описания путешественников относятся к об-

1 Ramseyer, „Quatre aus chez les Achanti“.

ществу уже не существующему, но оставившему по себе многие следы своего существования.

Король ашантиев похвалялся тем, что он царствует над народом рабов: каждый плевок

Туземцы изъ Порто-Ново.

его подбирали с благоговением, на каждое чиханье его отвечали низкими поклонами, по правилам придворного этикета; всякое движение его вызывало восторг или страх. У него есть министры, которых древний обычай облекает правом veto в вопросах о войне и налогах,

по которые с давних пор ограничивались ролью потакателей и куртизанов; один из высших сановников королевского двора—главный палач, который носит, как знак своего достоинства, золотой топорик на орденской ленте. Пажи имеют на себе оружие-фетиш, обеспечивающее им безнаказанность везде, куда бы они ни явились: они пользуются правом грабежа; все забираемое ими становится собственностью короля. Кроме того, этот царек есть естественный наследник золота и всяких драгоценных вещей, принадлежащих его подданным, а в особо важных обстоятельствах он декретировал общую конфискацию частных имуществ в пользу казны. Войско его состояло из всех способных к труду мужчин: как только раздавался барабанный бой, призывавший на войну, каждый мужчина брал свое ружье, патронташ, сумку с провиантом, амулетки и устремлялся за своими начальниками, в то время, как женщины, вымазав себе тело белой глиной, ходили процессией по улицам и обыскивали дома, чтобы извлекать трусов или запоздавших и гнать их тумаками и пинками. Обычай не позволяет королю оставить трон своему сыну, власть его переходит к сыну его сестры или другому родственнику по женской линии. Оффициальное число королевских супруг, по Баудичу, 3.333, хотя только пять или шесть из них живут в особом гареме; но все эти жены, или вернее рабыни, ревниво содержатся взаперти, под охраной евнухов: они выходят из дому только по ночам. Из всех придворных женщин одна только, мать короля, участвующая в заседаниях совета министров, может показываться публично с открытым лицом. Принцессы, сестры короля, имеют право брать себе в супруги мужчину по своему выбору, с условием, чтобы избранный был молод, красив и силен; но до недавнего времени это была очень опасная милость, потому что если супруга или её сын умирали ранее мужа, то последний должен был, как верный раб, сопровождать свою госпожу или своего господина в могилу[1]. Нередко случалось также, что люди царского рода были осуждаемы на смерть, но без пролития крови: их топили в реке.

Начальники, вообще называемые европейцами португальским именем cabeceres, любят щеголять в красивых одеждах, шелковых халатах и широких шароварах, а в торжественных случаях размалевывают себе лицо яркими красками. Потомки знатных фамилий одни имеют право сидеть в присутствии короля, как герцоги и пэры при дворе Людовика XIV; это также генералы от рождения для войск короля. В сражениях они всегда держатся позади, в сопровождении офицера, защищающего их зонтиком от солнца, и окруженные стражей, которая обязана убивать отстающих солдат. Они должны всегда показывать вид равнодушия и презрения к опасности: знаменитейшие полководцы любили, в самый разгар битвы, развлекаться какой-нибудь игрой, поставив ногу на отрубленную голову неприятельского вождя; побежденные, они не должны были переживать поражения и сами лишали себя жизни перед своим войском: «лучше смерть, чем позор», говорит ашантийская пословица. Подобно королю, кабесеры имеют большое число супруг; у простолюдинов же редко бывает больше одной жены, а солдаты по большей части остаются холостыми, благодаря тому, что равновесие полов нарушено для наполнения гаремов знати. Нравы разрешают самое варварское обращение со стороны мужа. Кабесеры могут продавать своих жен в рабство или обезглавливать за прелюбодеяние; болтливая жена приговаривается к потере верхней губы; любящей подслушивать у дверей отрезывают ухо; подозреваемую в колдовстве подвергают пыткам. Ашантии очень ревнивы, и обычай не позволяет хвалить красоту замужней женщины.

До недавнего времени похороны были самым ужасным событием в ашантийском обществе. Как только обнаруживались признаки близкой смерти кабесера, над его невольниками учреждали строгий надзор или даже привязывали их на цепь, чтобы они не могли ускользнуть от предстоящей чудовищной церемонии. Тотчас после последнего издыхания господина, двое рабов приносились в жертву, чтобы служить ему спутниками; затем, во время торжественного погребения, целая партия намеченных жертв, тем более многочисленная, чем богаче или знатнее был покойник, шествовала в похоронной процессии, окруженная толпой женщин, которые кричали и плясали, раскрашенные в кровавый цвет. Одно магическое сло-

1 Winwood Reade, „African Sketch-book“.

во, повидимому, могло бы спасти несчастных, обреченных на смерть; но завывания толпы и барабанный бой заглушали это спасительное слово; палачи, одетые в черное, оставались глухи ко всякому призыву, и чтобы задержать вопль о помиловании, они запирали рот раба либо тряпкой, либо ударом кинжала, пронзавшим ему обе щеки; затем, отрубали ему правую руку и отпиливали голову. Но одних рабов недостаточно было, чтобы сопровождать важного начальника в загробную жизнь: ему необходимо было, кроме того, и общество свободного человека. И вот один из присутствующих, сраженный ударом сзади, падал рядом с другими трупами, и тело его, еще теплое, бросалось в могилу, которую тотчас же засыпали землей. Когда нужно было дать загробных спутников королю, то людей убивали сотнями; все, служившие ему шпионами или, как их называли, *кра*, то-есть «душами» царька, должны были следовать за тем, кого они оберегали при жизни: он не мог явиться на том свете иначе, как в компании своих «душ»[1]. Вместе с тем его наделяли массой сокровищ, которые его преемники могли трогать только в минуту опасности для государства.

Судебная расправа за преступления, проступки или простые нарушения полицейских правил, также доставляла ашантийским властям случай проливать кровь или подвергать обвиняемых пыткам. Разбить яйцо или пролить пальмовое масло на улице Кумасси—было преступным деянием, наказуемым смертию. Убийцам прежде всего отрубали руки, и казнимые, обливаясь кровью, должны были еще проплясать предсмертный танец перед королем: горящие головни, прикладываемые к их ранам, помогали им делать предписанные прыжки. Но преимущественно празднества давали повод к большим избиениям, сделавшимся необходимым институтом в правительственном механизме этого государства. Особенно праздник сбора ямса, справляемый осенью, требовал обильного орошения кровью: урожай вышел бы неудачный, если бы человеческие существа не доставили этому пищевому растению соков, необходимых для поддержания цикла жизни. В это время года начальники провинций обязаны были являться ко двору, и каждый из них, вступая в город, приносил в жертву раба местному духу. В каждом квартале совершались свои жертвоприношения; кровь лилась повсюду, палачи кружились в бешеной пляске, ударяя в барабаны, украшенные черепами, а фетишеры составляли элексир от смерти, смешивая человеческую кровь с семенами и лекарственными травами. В ликующем городе царила распущенность; это был праздник весны, обновления природы, праздник жизни и смерти.

Страх перед духами, носящимися в воздухе, в водах, в ночных испарениях, боязнь чисел и рядов, опасение несчастных встреч—все давало повод к убийствам у этих запуганных населений. Одна из улиц Кумасси носила название «Никогда не пересыхающей от проливаемой крови»; самое имя города, по игре слов на языке фантиев, означало: «убивайте всех!». Ребенка, родившагося в несчастный день, тотчас же лишали жизни; в некоторых округах чаша яда была излюбленным средством для разрешения всяких затруднений; при малейшем сомнении фетишеры прописывали декокт из страшной коры: целые деревни были почти поголовно истребляемы этим способом. Вообще жизнь человеческая слишком мало ценится в этой стране террора и угнетения. Самоубийства здесь очень часты, преимущественно между невольниками. Когда один из этих несчастных решится покончить с собою, он сообщает об этом своему господину; тот дает ему бутылку водки, чтобы напоить его до-пьяна, затем торопит его ударами дубинки; бывает также, что старейшины пытаются отговорить покушающагося на самоубийство, если только он не произнес «царской клятвы», которой уже нельзя нарушить[2]; они убеждают его, что, умирая рабом, он и возродится рабом, но он остается тверд в своем намерении и велит привязать себя к дереву, чтобы его разорвали на куски. Странно, что в этой стране, где до недавнего времени смерть от меча или топора была нормальным концом для стольких несчастных, жители как будто стыдятся говорить о смерти и обыкновенно прибегают к перифразам, в роде следующих: «человек отправился; он ушел;

1 Ramseyer, цитиров. сочинение.

2 Brodie Cruikshank, „Eighteen years on the Gold-Coast of Africa“;—Bonnat, цитированный сборник.

дерево упало[1]». Таким образом язык представляет еще умолчание, свидетельствующее об остатке уважения к человеческой жизни. Нельзя не порадоваться, что с одной стороны влияние европейцев, с другой—влияние мандингов положили конец этому страшному царству смерти. По крайней мере в этом случае можно сказать, не боясь впасть в ошибку, что дело белых на «черном континенте» было истинно цивилизаторским, и что они в широкой мере способствовали нарождению нового мира.

До войны 1873 года, которая привела англичан в Кумасси, королевство Ашанти занимало, вместе со всеми вассальными государствами, огромное пространство: на севере и северо-востоке оно охватывало всю покатость гор, и жители равнин Дагомбы, в 400 километрах расстояния, приносили ему дань; на юге ашантии покорили данкирцев, своих бывших властителей, и подвигаясь на север от европейских владений, с одной стороны до Ассини, с другой—до нижней Вольты, они все более и более оттесняли к морю союзников белого чужеземца. В одном месте, около устьев «Священной реки», они достигли даже океана, и город Шама сделался их союзником, почти вассалом. Гордые своей победой над белыми в битве при Эссемаку, в 1824 г., счастливые тем, что им удалось «пожрать мужество англичан», съев сердце генерала Мак-Карти, они стали нападать даже на приморские крепости, взбираясь по валам «до самого жерла пушек». Но в решительной войне 1873 года, роковой исход которой, говорят, был возвещен падением большого дерева-фетиша в Кумасси, им пришлось уступить усовершенствованному оружию: на другой же день после бегства короля наступило полное распадение могущественного царства. Все вассальные провинции вернули себе независимость; даже из ашантиев многие, покинув свое отечество, переселились в Данкиру, под английский протекторат; осталось лишь маленькое государство в пределах территории, ограничиваемой с юга лесистыми холмами Аданси. Наконец, простой угрозы английского резидента в Акре достаточно было, чтобы заставить короля ашантиев передать королеве Великобритании, если не самый золотой топор, то по крайней мере имитацию этого «великаго фетиша», символа права смерти, которое черный царек имел над всем своим народом. По словам Лондсдэля, ашантийским вождям отныне невозможно было бы собрать войско, превышающее шесть тысяч человек.

Фантии почти всегда были союзниками англичан, также как ашантии союзниками голландцев. Генерал Мак-Карти, павший на поле битвы во главе отряда приморских фантиев, сделался для них гением-хранителем: самой важной их клятвой была клятва его памятью, и многие из них дают своим детям имя Карте, как они выговаривают эту ирландскую фамилию. Соплеменники и наследственные враги ашантиев, фантии походят на них характером и способностями; но нравы у них изменились, как и образ правления: они составляют союз, почти республиканский, мелких государств. Находясь с давних пор в сношениях с европейцами, они уже не справляют свой праздник избиением людей, также и на похоронах ограничиваются принесением в жертву какого-нибудь животного, козы или собаки; спутников путешествия на тот свет они заменяют подарками, материями, браслетами, металлическими пуговицами. Тем не менее кодекс фантиев еще очень суров, и смертная казнь часто применяется: убийца выдается головой родственникам его жертвы; но он может иногда выкупить свою жизнь уплатой пени: в среднем, кровь свободного человека считается равноценной семи невольникам. У этих народцев, нравы которых несколько смягчились под влиянием торговых сношений с чужеземцами, богатство в особенной чести. До недавнего времени «правосудие» у них было продажно, как и во многих других странах мира, но нигде эта продажность не выражалась в более циничной форме: во время судебного разбирательства процесса один из тяжущихся вызывал противника на состязание, кто из них сделает более щедрый подарок старейшинам, или *таймин*, в доказательство правоты своего дела. Каждая из спорящих сторон выставляла на площади, в виде аргументов, ряд бутылей и кувшинов с крепкими напитками, и тяжба решалась в пользу того, кто подносил суду более обильное угощение. Несостоятельный должник считается человеком опозоренным и, в случае смерти,

1 Ramseyer. „Proceedings of the R. Geographical Society“, April 1886.

лишается погребения: тело его выбрасывают на большую дорогу.

Несмотря на его жадность к деньгам, тщеславие, непостоянство, фанти нравится миссионерам, поселившимся в его стране: он вообще трудолюбив, как в полевых работах, так и в рыбном промысле; у него сильно развиты любовь к родному месту и семейные привязанности; при том он очень смышлен и способен ко всяким ремеслам. Отличительный знак этой расы составляют порезы на скулах и на затылке. Туземцев племени аким, на юго-восточной границе Ашанти, тоже легко узнать по необычайно выдающимся скулам, образующим как бы зачатки рогов по обе стороны носа. У фантиев, как мужчин, так и женщин, костюм состоит из широкого куска материи, прикрепляемого поясом и оставляющего грудь открытой; одежда матерей расположена так, что сзади образует *канки*, широкий турнюр, на который помещается ребенок, как на сиденье; богатые матроны, кроме того, имеют привычку привешивать напереди платья брелок из серебряных ключей. У каждого мужчины есть ружье, хотя это оружие сделалось бесполезным со времени окончания войны с ашантиями; прежде каждый фанти был солдатом и должен был до самой смерти следовать за своим капитаном, или *браффо*. Рассказывают, что в ту эпоху, когда нация, теснимая врагами, принуждена была покинуть внутренния области и спуститься к морю, воины объявили, что они изберут в верховные вожди того из благородных, который принесет в жертву отечеству свою правую руку: в ту же минуту один начальник выступил вперед, протягивая руку: одним ударом меча рука была отрублена, и безрукого вождя тотчас же провозгласили браффо. Род этого первого державца был почти совершенно истреблен ашантиями. Порядок престолонаследия в этой фамилии таков, что власть всегда переходит от дяди к племяннику, сыну сестры, как у большинства других африканских народов.

Каждый город, каждая деревня, каждая семья имеет своего фетиша; кроме того, есть национальный бог, представляющий «господина господствующих, отца всех», который в понятии акванемов и большинства приморских племен, в бассейне Вольты и на лагунах Невольничьего берега, сливается с небом. У этих младенческих народов, которые все окружающее относят к самим себе, каждый предмет природы предполагается оказывающим хорошее или дурное влияние на судьбу отдельного лица, и эти силы должны быть вызываемы или заклинаемы магическими церемониями. Когда какое-нибудь китообразное животное сядет на мель у берега, это—верная примета, что стране грозит большая беда, потому что морские млекопитающие—древний народ, поглощенный морем, но стремящийся снова завладеть землей. Есть, напротив, рыбы, приносящие счастье: такова меч-рыба (xiphias gladius), у которой отпиливают мечевидное рыло, неоценимое сокровище для семьи, которую оно будет защищать от злого рока. Деревья, растения, скалы, ручьи также причисляются либо к покровителям, либо к врагам. Еще недавно, говорит Босман, у богатых вторая жена была специально посвящаема гениях, и. как таковая. объявлялась фетишем.

Когда женщина забеременеет в первый раз, злые духи соединяются против неё, и плод её погибнет, если она не искупит его, подвергаясь публичному поруганию: оттого когда она показывается на улице, в сопровождении своих друзей, которые идут ходатайствовать за нее перед фетишем, толпа ребятишек преследует ее бранными словами и комками грязи. Каждый фанти носит имя того дня недели, в который он родился, так что во всей нации существуют только семь личных имен, каждое с мужским и женским окончанием. Прозвище, основанное на качествах, пороках, странностях данного лица, или каких-нибудь событиях его жизни, обозначает его более точным образом. Смотря по местностям, к его собственному имени прибавляют также, для отличия, имя отца, матери или деда и бабки. Обрезание не практикуется нигде на Золотом берегу, кроме округа Акра, в котором, кроме того, соблюдается обычай натирать новорожденных землей, взятой на том месте, где был убит один жестокий португальский губернатор[1]. Свободные мужчины получают некоторое воспитание; их обучают военной пляске, фехтованью, а также искусству, недоступному ни женщинам, ни рабам, сообщать новости соседним деревням посредством барабанного боя с дробью. В

1 Bowdich;—Burton, цитиров. сочинения.

несколько часов эти примитивные телефоны передают вести о событиях или призывы на сотни километров.

Другие племена, обитающие на морском берегу и в горах, представляют большое разнообразие наименований, хотя эти племена принадлежат по большей части к тому же корню, как ашантии и фантии, и походят на них языком, нравами, религиозными понятиями, политическими учреждениями; тем не менее, восточные племена, акра, кробо, авуна, аготиме, крепи, отличаются от собственно фантиев большей способностью к ремеслам и промыслам, большим мужеством и неустрашимостью, также как большей физической силой. Прежде их обозначали общим именем мина или амина, которое ныне применяется к племенам, живущим восточнее, на Невольничьем берегу. Смотря по близости или отдаленности приморских рынков, более или менее частому посещению больших дорог, присутствию или отсутствию европейских миссионеров, различные племена представляют все последовательные переходы от дикого состояния, описанного португальскими миссионерами и первыми исследователями, Артюсом, Бильо-де-Бельфоном, Босманом, Смитом, де-Марше, Барботом, Изертом, до полуцивилизованного быта, констатируемого новейшими путешественниками.

В наши дни, католические и протестантские священнослужители, в особенности лютеранские пасторы базельской миссии, преемники моравских братьев, прибывших в край в 1736 году, основали многочисленные миссии между этими туземцами, и некоторые новые деревни населены исключительно обращенными в христианство неграми. Состояние базельских миссий на Золотом берегу 1 января 1882 года выражалось следующими цифрами: 10 станов, 50 миссионеров, мужчин и женщин; 4.780 верующих, 1.294 воспитанника. Но в огромном большинстве случаев эти чернокожие вступают в лоно христианской церкви единственно ради земных выгод; многие, едва успев креститься, переходят в магометанскую веру. Впрочем, у негров Кэп-Коста и Акры возникают даже новые секты, которые по способу происхождения и по догматам, отчасти христианским, можно сравнить с сектой тайпингов, в китайском обществе, и которые во всяком случае свидетельствуют о самобытной религиозной эволюции. В землях Аделе и Акабу, к востоку от среднего течения Вольты, фетиши уже потеряли кредит; туземные миссионеры проповедуют там новое евангелие, «возвещая, что у Бога родился Сын, и что запрещено работать в воскресенье». Эти проповедники селятся вне деревень, и прозелиты группируются вокруг них[1]. Когда португальцы рассказывали им о Верховном Существе, прибрежные жители Золотого берега видели в Нем только главного фетиша европейских народов: «Не Он нам доставляет золото, говорили они,—это дар земли; не Он дал нам маис и рис, а наш труд; рыбу дает нам море, а деревья с плодами,—это вы, португальцы, привезли нам их»[2]. Этот чужой Бог был в их понятиях белым существом, как и люди, поклоняющиеся Ему; они же, черные, могли ли взывать к какому-нибудь другому фетишу, кроме бога их цвета? Роковым образом им достался иной удел, чем белым. Когда два первые человека должны были выбирать между золотом и грамотой, черный взял металл, а белый научился читать и писать: оттого он и стал сильнее черного, а Бог его—самый могущественный из всех богов[3].

К западу от мыса Трехконечного, англичане не имеют ни одного сколько-нибудь значительного торгового порта. Альбани, домики которого, окруженные пальмами, построены на песчаной косе, между лагуной и морем, есть не более, как бедная деревушка, часто называемая Half Assini (Полу-Ассини), по сравнению с французской факторией, лежащей при истоке озер. Бегиен, наименованный португальцами Аполлонией, в честь святого, приметен издалека развалинами бывшей голландской крепости; но это просто группа хижин, как все огороженные деревни, следующие одна за другой на востоке, в виде непрерывной линии. Эта область поморья—одна из самых многолюдных местностей африканского берега, хотя до

1 Ramseyer, цитиров. статья.

2 Artus „Indes Orientales", collection de Bry.

3 Guillaume Bosman, цитированное сочинение;—Pierre Bouche, „La Cote des Esclaves“.

недавнего времени здесь не было ни одного городского поселения. На холме, между двух негритянских деревень, которые мало-по-малу сливаются, чтобы преобразоваться в город, стоит укрепление, первоначально португальское, затем голландское, ныне английское; это—форт Аксим, построенный для того, чтобы командовать долиной Анкобры, воды которой изливаются в море в четырех километрах западнее; по другую сторону, ближе к мысу Трехконечному, видны развалины бранденбургской крепостцы Гросс-Фридрихсбург. Аксим или Эсмм, как его называют туземцы, представляет самое благоприятное для приставания судов место на всем этом побережье, благодаря двум островам, защищающим берег: один, Бобовусуа, окруженный подводными камнями, есть остров-фетиш; другой, Поке, составляющий продолжение первого и соединяющийся с ним в часы отлива, был прежде местом убежища для женщин и детей во время войны. Английский путешественник Бортон нашел там орудия каменного века: нигде в других местах этого побережья не собрали такого множества «божественных топоров», как в окрестностях Аксима. Во многих деревнях эти каменные топоры вешают на веревке перед хижинами: иногда их обмазывают особого рода белой глиной, которою красят также стены храмов, и которая считается самым радикальным средством от всех болезней[1].

Современем Аксим, без сомнения, будет портом всей области, простирающейся до Конга, включая сюда Аовин, Сахви, Гиамам,—страны, еще очень мало известные. Он уже соединен с Анкоброй хорошей дорогой, которая представляет наиболее удобный путь к золотым приискам в Вассау. Кроме того, начальникам племен предложено было расчистить лесные тропинки и устроить мосты через ручьи, чтобы установить удобное сообщение между морским берегом и постом Тарква, центром рудной области. Предполагали даже построить железную дорогу в 96 километров, которая дала бы возможность перевозить тяжелые машины, необходимые для систематической разработки золотых рудников[2]. Тарква, называемая англичанами столицей территории Вассау и занимаемая маленьким гарнизоном, состоит пока только из казарм, построенных на холме, близ деревни, где командует главный туземный начальник страны. Аодуа, бывшая прежде главным пунктом края, теперь обратилась в бедную деревушку; значительнейшие поселения находятся вокруг рудников, сданных на концессию английским и французским золотопромышленникам, с тех пор, как Бонна первый предпринял методические разведки месторождений драгоценного металла в территории Вассау, которые до того времени эксплоатировались туземными промывальщицами золотого песку: могила этого исследователя находится в соседстве Тарква. Золото чаще всего находят в гнейсе и других первичных породах: годовая ценность получаемого металла, не считая добычи туземцев, составляла, в среднем, за время с 1866 по 1880 год 3.120.000 франков; кроме того, в холмах открыты жилы серебряной, медной и оловянной руды, а железо и марганец встречаются повсюду. Золотой песок—единственный денежный знак в этой провинции Гвинеи, которая дала свое имя *гинее*, старой английской золотой монете. Большинство работающих на приисках состоит из аполлонийцев и круменов, и почти все опи деморализованы пороками, порождаемыми этим промыслом[3]; в то время, как область рудников заселялась, перемена нравов, произведенная прибытием чужеземцев, и оставление земледельческого труда имели следствием страшную смертность: целые деревни совершенно опустели. В этой внутренней области одно только населенное место, вне приисков, заслуживает названия городка: это Мансу, лежащий почти на полпути из Тарквы к устью реки Пра.

Крепость, господствующая над маленькой бухтой Дикскова, к востоку от мыса Трехконечного, имеет некоторую стратегическую важность, благодаря своему положению в соседстве мыса, и мимо-идущие пароходы находят там склад угля; другие укрепления, которые оспаривали друг у друга англичане, голландцы и французы, оставили после себя только развалины. Укрепление Шама было сохранено и расширено по причине его положения вблизи того

1 Winwood Reade;—Richard Burton.

2 Blue Bouk, C. 4477, „Affairs of the Gold-Coast“.

3 Bonnat;—Dahsc;—Richard Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

места, где река Пра соединяется с океаном. У этого пункта часто пристают суда; однако, большой изгиб, который река описывает в своем нижнем течении, заставил выбрать другую пристань для торговли с внутренними областями и особенно с королевством Ашанти. Такой пристанью служит ныне город Эльмина, старейшая фактория европейцев на Золотом берегу. Французы первые поселились в la Mine, около конца четырнадцатого столетия[1]; затем, после прекращения диеппскими негоциантами торговли на Золотом берегу, португальцы сделали Эльмину своей главной крепостью. Впоследствии этот город был главным пунктом Голландских владений на берегах Гвинейского моря. А с 1871 года, эпохи, когда начался его упадок, он принадлежит Великобритании; перестав быть столицею края, он потерял большую часть своего населения. Два форта, Сент-Джорж и Сент-Джемс, перекрещивают свои огни над городом, который разделен на две половины узкой бухтой, образующей порт при устье и окаймленной по берегам садами; северная часть города состоит из построек европейской архитектуры; на соседних холмах там и сям виднеются дачи, утопающие в зелени. Эльмина соединена хорошими каменными дорогами, с одной стороны—с устьем реки Пра через большое местечко Комменда, где диеппские коммерсанты тоже имели контору, с другой—с Кэп-Кост-Кэстлем, ныне одним из главных городов английских владений на Золотом берегу.

Этот город, называвшийся Cabo Corso у португальцев, cap Corse у французов, получил свое английское имя Cape-Coast Castle только благодаря невежеству моряков; туземцы называют его Игуа, Эгве, Огва, Гва. Новый город, заключающий в себе несколько домов британского вида, выстроился рядом с «черным городом», где живут скученно фантии, местные уроженцы, матросы крумены, с западных берегов, гауссаны и другие суданцы, составляющие гарнизон. Несколько фортов высятся на холмах, оправдывая название Castle, или «Замок», обыкновенно означающее город. Негоцианты, поселившиеся в Кэп-Косте, ведут обширную торговлю с долиной реки Пра и с королевством Ашанти. От этого города начинается большая дорога, продолжающаяся тропинкой, которая направляется к верхнему бассейну и к городу Кумасси. Этим путем, который должна была заменить железная дорога, начатая постройкою во время войны 1873 года, но не оконченная, шли английские завоеватели в 1874 году, когда они преследовали ашантиев, постоянно побеждаемых, но не переставших оказывать сопротивление. Деревни, встречающиеся на дороге в Кумасси, почти все носят многозначительные и поэтическия имена, и в соседстве морского берега построены довольно хорошо, благодаря искусству, которое приобретают временные эмигранты, плотники и каменщики, в городах побережья. Между этими внутренними деревнями две, более важные с стратегической точки зрения, заняты гарнизоном из черных солдат: одна, лежащая в лесной прогалине, на полпути от морского берега, в том месте, где соединяются главные ветви реки Пра, носит имя Мансу, принадлежащее также многим другим населенным пунктам той страны; другая, Прасу, т.е. «голова Пра», построена на реке того же имени, ниже впадения в нее многоводного притока Биргим. В этот пост, который военные отчеты называют «ключем» к стране Ашанти, начальники соседнего королевства приходят спрашивать совета или принять приказания представителей велико британской власти.

Кумасси—большой город, около 6 километров в окружности, расположенный в обширной равнине, с красноватой железистой почвой, орошаемой ручьем, притоком реки Да, главной западной ветви «Священной реки». Хотя этот город, столица независимого по имени королевства, есть в действительности вассал Англии, однако он не открывает широко своих дверей иностранцам: в него впускают только после долгого ожидания и при том не иначе, как окольными дорогами сквозь лесные чащи; через известные промежутки расставлены фетиши в тех местах, где должны проходить посетители, в видах устранения порчи от белого человека; до недавнего времени это были человеческие трупы, которые клали поперек дороги или привязывали к деревьям, чтобы напугать чужеземца и заставить его вернуться вспять. Говорят, что до войны население Кумасси простиралось до 70.000 душ. После прохо-

1 Samuel Braun;—Villault de Bellefond;—Dapper, см. d'Avezac, „Notice des Decouvertes", et Gabriel Gravier, „Recherches sus les Navigations europeennes".

да английского войска, разрушения королевского дворца, истребления пожаром окружающих кварталов, торговля избрала себе другие пути, и жители эмигрировали массами. В 1883 году, во время посещения Кумасси путешественником Лагденом[1], этот город отличался от окрестных ашантийских селений только большим числом хижин. Но начиная с следующего года произошла значительная перемена: торговые дороги, снова открытые для движения, привлекли тысячи эмигрантов, и повсюду стали появляться новые дома, иные даже в два этажа, на европейский образец[2]. В Ашанти, именно в провинциях Дадеасси и Инкванта, разрабатывают золотоносные залежи, составляющие продолжение, с юго-запада на северо-восток, богатой Тарквахской жилы. В дождливое время года золотоискатели промывают даже песок с улиц Кумасси[3]. Теперь уже не носятся тучи коршунов и других пернатых хищников над городом, над священными рощами и над царским некрополем, который прежде был окружен трупами и орошался человеческой кровью; впрочем, намеченные жертвы, которым удавалось проникнуть в святилище, были обезопашены от царского гнева, защищаемые предками. Последнее человеческое жертвоприношение, как кажется, имело место в 1882 году, на похоронах тетки короля[4].

В других провинциях бывшего королевства Ашанти, города продолжали процветать или пришли в упадок, смотря по тому, находились ли они после нашествия в состоянии мира или в состоянии войны. Джуабим, бывший соперник Кумасси,—все еще многолюдный город. Кокофу, Инкванта, Мампонг, недавно столицы вассальных государств, были почти совершенно опустевшими в 1874 году, во время посещения их Брандоном Кэрби; город Бекква, прежде почти столь же многолюдный, как Кумасси, был покинут почти всем населением в 1885 году, вследствие свирепствовавшей там оспенной эпидемии. Более счастливые, многие города Акима, в верхних бассейнах рек Пра и Бирим, населились и разбогатели. Инсуаим, или Нсуаэм, называемый также Оба, главный город западного Акима, лежащий близ реки Бирим, сделался одним из значительнейших городов Африки; подле старого города, с кривыми улицами, разростается новый, с широкими прямыми улицами, раскинувшийся вокруг холма, на котором стоит королевский дворец. В расстоянии одного километра к югу находится другой город, Соадра, тоже очень населенный: на пространстве около 6 километров вокруг Обы живет, вероятно, более двадцати тысяч человек[5]. Столица территории Аким-Ашанти, прежде подвластной кумассийскому царьку, Бомпата, лежит на одном из верхних притоков Пра; она сменила, в качестве главного города провинции, пришедшее теперь в упадок местечко Двиранса, построенное в одной долине гор Оквагу. Врасо, на скате горы, покрытом плантациями и господствующем над обширным амфитеатром лесистых горных склонов,—один из самых живописных городов в области водораздела между бассейном Пра и бассейном Вольты. Кумаву—тоже хорошенький городок, но частию утративший свое прежнее значение: теперь это группа отдельных деревень и поселков, разделенных порослями сахарного тростинка. Каждое местечко этой страны имеет свой храм, где царит бог Танно, пришедший из провинции Гиаман, на северо-западе от Кумасси[6].

К востоку от Кэп-Коста, вдоль морского берега, следует одна за другой торговые пристани: Анамабоэ, Коромантин, Акемфо или Сольт-Понд, т.е. «Соляной Пруд» (названная так от салин на её берегу), Виннеба или Симпа. Затем, в 150 километрах от Кэп-Коста, находится город Акра, Нкран или Га, доминируемый фортом Джемс и продолжающийся на восток другими городскими кварталами, из которых каждый имеет своего царька; одна из пригородных деревень, близ форта Кревкер, была обитаема фетишем, покровителем беглых негров. Не будучи оффициальной столицей английских владений на Золотом берегу,—так как

1 „A Walk to Coomassie“, Nineteenth Century, February 1884
2 Brandon Kirbv, „Proceedings of the R. Geographical Society“, vol. V, 1884.
3 Brandon Kirby, „Blue Book“, C. 4477.
4 Lonsdale, „Blue Book“, C. 3386.
5 Mohr, „Proceedings ot the R. Geographical Society“, April 1884.
6 Dilger, „Proceedings of the R. Geographical Society“. April 1884.

этот титул принадлежит с 1875 года форту Христиансборг, бывшей датской цитадели, лежащей несколькими километрами восточнее, Акра, тем не менее, фактически есть главный город «колонии». Губернатор выбрал себе резиденцию недалеко от живописной старинной крепости, частию разрушенной землетрясением 1862 года, которое повалило почти все дома города. Христиансборг, с его многочисленными башнями и бастионами, высящимися на террасе, имеет величественный вид феодального замка; он заключает в своих стенах обширные цистерны, снабжающие водой гарнизон, а иногда, кроме того, часть города Акры и судовые экипажи порта. Миссионеры из Базеля основали близ замка техническую школу, откуда выходят лучшие ремесленники на всем побережье между Сиерра-Леоне и Габоном. Акра—исходный пункт многих дорог, по которым до недавнего времени белые путешествовали на неграх; на некоторых из этих дорог теперь уже можно проехать в экипаже; поговаривают о постройке рельсового пути, который связал бы столицу с городом Кпонг, лежащим на изгибе Вольты, в расстоянии 80 километров. Подводный кабель соединяет станцию Акра с всемирной телеграфной сетью.

Акра-Христиансборг обладает большим преимуществом в сравнении с большинством других береговых городов: он расположен в близком соседстве холмов и даже гор, поднимающихся над поясом побережья, где господствуют лихорадки. Километрах в сорока к северу, находится деревня Абури или Абуде, санитарная станция, основанная базельскими миссионерами, на высоте около 400 метров, в лесу, состоящем из плодовых деревьев—апельсинного, мангового, кофейного, пальмового и бананового. Акропонг, т.е. «Город на горе», бывшая столица королевства Аквапем, тоже служит санаторией белым иностранцам, а для чернокожих—это центр школ. Уже датчане Христиансборга имели загородные дома в горах, когда край был уступлен англичанам. На холмах и в долине Гумо (Сокум) с успехом разведено несколько плантаций, несмотря на вред, причиняемый термитами, от которых вся эта местность и получила название Акра или Нкран, что значит «Страна муравьев»[1]. Деревни восточного берега, следующие одна за другой до устья Вольты, между пальмовыми лесками, Тесси, Прампрам, Биг-Нинго (Фреденсборг) и другие ведут кое-какую торговлю, но главный промысел их жителей составляет рыбная ловля. Во время господства датчан эти селения были защищены крепостцами, развалины которых еще видны среди песков и кустарника. Вблизи одного рифа, на песчаном берегу, туземцы, говорят, часто собирали золото; однако, драгоценный металл показывался, будто бы, только во время праздника сбора ямса и по ходатайству одного могущественного фетиша.

Бассейн Вольты, главные реки которого берут начало в большом расстоянии к северу от английских владений, заключает в себе несколько торговых городов, куда мусульманские торговцы с Нигера приходят покупать у негров драгоценные произведения поморья и европейские товары, ввозимые преимущественно через Ассини и Кинджабо. Город Бонтуку, на реке Тин, в Гиамане или Гамане, союзе семнадцати «королевств», был посещен, до 1882 года, только одним европейским путешественником, Лонсдэлем; золотой песок и бумажные материи, фабрикуемые в этой стране, достигшей цветущего состояния со времени упадка Кумасси, составляют главные предметы обмена на этом рынке, населенном большею частию уангарами или мандингами-магометанами. В пяти днях ходьбы к северу от Бонтуку, в долине Конга, основалась новая столица, Гирабо, куда еще не проникал ни один белый исследователь; она находится на дороге в таинственный город Конг, лежащий в мандингском государстве, на водораздельной возвышенности между Нигером и Вольтой.

В 1884 году Брандон Кэрби доходил до Квантампо (Кутампо), или Тинтинпо (как его называют мусульмане), города, построенного в песчаной равнине, в 120 километрах к северу от Кумасси, на одном южном притоке Вольты: это наиболее посещаемый рынок в районе 400 километр. Во время прохода Кэрби этот город имел, со включением пришлого торгового люда, сорока-тысячное население, состоящее из уроженцев всех стран, от Сиерра-Леоне до Борну, и живущее отдельными общинами, каждая под управлением собственного начальни-

1 Richard Burton, „Wanderings in West Africa“;—„Ocean Highways“, February 1874.

ка; самый могущественный из них, главарь гауссанцев, есть вместе с тем главный правитель города. Ашантии, основатели Квантампо, тоже составляют общину в общине; но вследствие междоусобных войн, опустошавших провинции их отечества, они оказались отрезанными от всякого сообщения с Кумасси: так как на дорогу, проходящую через провинцию Коранца (Нкоранца), был наложен запрет, то ни один торговец не мог пользоваться ею, не навлекая на себя гнева фетишей[1]. Закрытие этого торгового пути, кратчайшего из дорог, направляющихся к морю, отвлекло торговое движение к французскому поселению Ассини. Оттого Кэрби, командированный колониальным управлением, употребил все свое влияние, в качестве оффициального лица, чтобы заставить снять эту блокаду с дороги в Кумасси и к английским факториям. Провинция Коранца, отделяющая город Квантампо от королевства Ашанти, приняла в свои пределы большое число переселенцев, бежавших из южных областей вследствие господствовавших там смут: достигшая цветущего состояния, благодаря продолжительному миру, она покрылась многолюдными поселениями, которые обогащаются вывозом орехов кола, с одной стороны—к побережью, с другой—в области Нигера до Томбукту.

Атеобу (Атабуобу), главный город «королевства» Бронг, расположенный в прекрасной травяной равнине, между ручьями, спускающимися к Поро и Сене, притокам Вольты, прежде был очень значительным городом. Он состоит из нескольких кварталов, соединенных широкими аллеями, обсаженными большими деревьями; виднеющиеся во многих местах груды развалин, заросших высокой травой, свидетельствуют об опустении города. Упадок Атеобу был следствием закрытия двух дорог, которые соединяли этот город с Кумасси и с Салагой, и которыми вывозилось золото и орехи кола в северный Судан. В 1874 году великий жрец города Кракие, главный духовный сановник страны, запретил пользование этими путями, чтобы отвлечь торговое движение к своему городу. Десять лет спустя запрет еще существовал, но в 1884 году была послана депутация от влиятельнейших обывателей Бронга ходатайствовать перед верховным жрецом о снятии тяготеющего над дорогами табу[2]. Влияние северной цивилизации уже сказывается в способе постройки домов: здешния жилища все с плоскими кровлями, в роде тунисских, тогда как у ашантиев и фантиев хижины оканчиваются остроконечным конусом.

Город Салага, посещенный в 1875 году французским путешественником Бонна и после того виденный многими другими исследователями, миссионерами и купцами, остался большим торговым центром, хотя торговля его тоже много пострадала; прежде, когда он был известен только по слухам об его славе, его считали столь же многолюдным, как Каир[3]; в 1877 году население его исчисляли уже не более, как в 20.000 человек; восемь лет спустя Мюллер и Мели нашли, что оно еще уменьшилось на половину. Главная его улица, обсаженная тенистыми деревьями и протянувшаяся на 2 километра в длину, представляет во многих местах невзрачные полуразвалившиеся домишки. Уничтожение торговли невольниками на соседнем побережье разорило салагских торговцев; еще в 1877 году они платили от 25 до 100 франков за человека, перепродавая этот живой товар за пятерную цену; теперь главные предметы торговли—скот, отправляемый непосредственно в приморские местности, и орехи кола, покупаемые купцами с Нигера. В Салаге люди никогда не употребляются для переноски клади, как в областях поморья, потому что там достаточно многочисленны вьючные животные, волы, ослы, лошади, мулы. Город этот имеет арабскую физиономию, в нем есть мечети и медрессе; главные отрасли промышленности, ткацкое, кожевенное, ювелирное мастерства, практикуются теми же приемами, как в северной Африке, и произведения продаются на базарах по тем же обычаям. Вид страны, почти совершенно лишенной древесной растительности, тоже напоминает северные степи; горизонт ограничен невысокими холмами. На одном из этих холмов, в 5 километрах к юго-востоку от Салаги, расположена деревня Пами (Памби), резиденция царька территории Гуандиова или Нта-Фуфу. Высоту местопо-

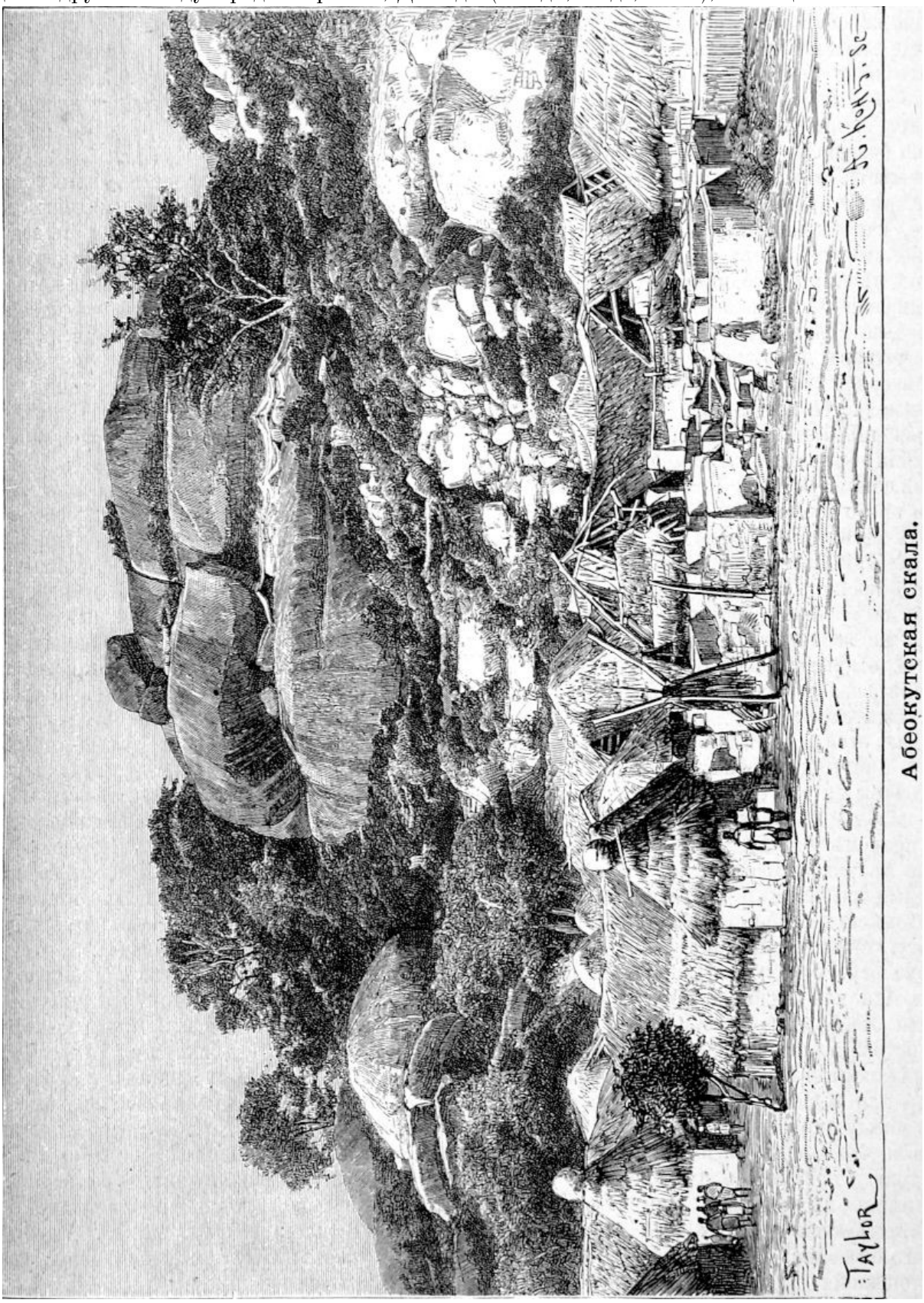
1 Lonsdale, цитиров. сочинение.

2 Ramseyer, цитиров. мемуар.

3 Stanley, „Coomassie and Magdala“.

ложения Салаги над уровнем моря определяют в 165 метров.

В 80 километрах к северо-востоку, тоже в бассейне одного северного притока Вольты, находится другой международный рынок, Дженди (Иенди, Янда, Иене), столица большого ко-

Абеокутская скала.

ролевства Дагомба, простирающагося на север до Нигера, в стране мандингов; прежде это государство, признававшее над собой верховную власть короля Ашанти, посылало ежегодно своему сюзерену, в виде дани, 1.500 рабов. Торговые обороты в Дженди, повидимому,

уменьшились по тем же причинам, как и в Салаге. В настоящее время главным центром населения в области среднего течения Вольты является город Кете, еще недавно бывший только предместием города Кракие (Карати, Крачи), который до сих пор сохранил за собой ранг столицы. Кракие расположен в 2 километрах к юго-востоку от Кете, на высоте 60 метров над уровнем моря, на возвышенном левом берегу главной реки, почти против впадения в нее притока Сене. Это—город «фетиш»; в соседней пещере, осененной группой священных деревьев, обитает высоко-чтимый бог, и туземцы стекаются сюда со всех сторон, чтобы вопрошать оракула. Верховный жрец храма, главное лицо в стране, председательствует над целым союзом государств, который образовался со времени распадения царства ашантиев. Впрочем, кажется, в это последнее время фетиш и его представитель значительно утратили свою власть; магометане, привлекаемые торговлей, сделались мало-по-малу истинными господами; языческие монархии страны постепенно уступают место мусульманским аристократиям. Каждый город этой области имеет своего фетиша, могущество которого возрастает или ослабевает вместе с могуществом жителей, которым он покровительствуют. Дух Вуропонга, имеющий пребывание на плоской горе Сиа, в сотне километров к юго-востоку от Кракие,—злой бог, которому нужна человеческая кровь; еще недавно ему каждый год приносили в жертву человека; бой на молитвенных барабанах, натянутых из обезьяньей кожи, производится посредством человеческих берцовых костей[1]. На северо-восток простирается обширная страна Буссо или «Горная», очень слабо населенная, главные города которой, Сиаде и Дадеасси, имеют каждый какого-нибудь святого в качестве фетиша-покровителя. Говорят, три четверти населения Буссо страдает зобом. В этих странах браки совершаются не посредством купли и не по приказу родителей; жены, сохраняя за собою свободу выбора, могут во всякое время покинуть мужа: оттого они вообще пользуются хорошим обращением, и мужья помогают им даже в домашнем хозяйстве. Молодые люди и дети не имеют права одеваться; только люди женатые носят одежду из ткани или древесной коры; при разводе жена отбирает у мужа платье, которое она ему дала[2].

Река Афрам, соединяющаяся с Вольтой выше горных ущелий, не имеет ни одного города на своих берегах. Даже прибрежныя степи почти совершенно не населены; но на возвышенности, отделяющей её бассейн от истоков реки Пра, стоит хорошенький городок Абетифи, столица королевства, которую миссионеры из Базеля избрали центром своих станов. Почти против слияния Вольты и Афрама, хотя в нескольких часах расстояния, в гористой местности раскинулся город Пеки, главный пункт конфедерации, в состав которой входит несколько городов, как-то: Киандо, большой магометанский рынок, Ангвоэ, Аватиме, тройной город Анум, и более сотни деревень на восточной покатости бассейна Вольты. Ниже, среди ущелий, показывается живописный городок Акуаму, бывший прежде союзником ашантиев, и жители которого тоже практиковали прежде самые жестокие «обычаи»[3]. Затем следует город Кпонг, занимающий очень выгодное положение на большом изгибе судоходной реки, в том месте, откуда идет дорога на юго-запад к Акре. Этот город имеет некоторое значение, как пристань маленького государства Кробо, столица которого, Одумасси, лежит на дороге в Акру, у подножия уединенной горы, составляющей акрополь нации. Крутые, почти отвесные стены этой горы поднимаются на 250 метров над уровнем равнины; только с северной стороны можно взойти на скалу по каменистой тропинке. На вершине приютились двенадцать деревень, которые прежде служили убежищем женщинам и детям во время войны. Почти все молодые девушки племени кробо посылаются на гору с девяти или десяти-летнего возраста и проходят там шестилетний курс воспитания, под руководством жрецов и жриц: ни один порядочный кробо не возьмет себе в жены девушку, которая не воспитывалась на священной горе. Гроты, открывающиеся в стенах этой громадной скалы, служат усыпальницами местным жителям.

1 Muller et Mahly, цитирован. сочинение.

2 „Proceedings of the R. Geographical Society“, April 1886.

3 Paulus Dahse, „Deutsche Geographisclie Blatter“, Geselschaft in Bremen, 1882.

Ниже этой территории Кробо, одной из самых цветущих областей Золотого берега, благодаря её торговле и её лесам масличной пальмы и каучукового дерева, следуют, на правом берегу реки, города Баттор, место прохода караванов, и Агграви, управляемый языческим жрецом. Большинство городов и деревень расположены на правом берегу, тогда как плантации находятся на левом берегу Вольты. Приморский порт этой реки, Ада или Адда, лежит километрах в десяти от бара, на одном из её рукавов и у истока большой береговой лагуны; передовым портом его служит деревня Риверсайд или Адафо, построенная на песчаной косе между морем и лагуной. Нужно удивляться, что город, расположенный при выходе столь обширной и плодоносной долины, не имеет населения и торгового значения, соответствующего величине и производительности его бассейна. Причина тому частые войны, опустошавшие приречные местности. Еще в 1885 году один богатый рабовладелец, бывший прежде союзником короля Ашанти в борьбе с англичанами, поднял племена аниако и авуна, живущие на берегах лагун, к востоку от нижней Вольты, и все торговые операции должны были остановиться. Чтобы удерживать в повиновении беспокойные населения этого побережья, колониальное правительство учредило сильный гарнизон в форте Кветта или Кета, бывшей датской крепости Принсенстен, лежащей близ мыса св. Павла, между морем и прибрежной лагуной.

Населения Золотого берега, долго остававшиеся неподвижными в промышленности и торговле, сделали большие успехи в эти последние годы, не смотря на зловещие предсказания землевладельцев поморья, рабы которых были освобождены и попавшие в кабалу за долги, или pawns, отпущены на волю, после войны против ашантиев: чувство негодования, овладевшее визитаторами при виде солдат, купленных в качестве пленников, и тысяч рабынь-носильщиц, сопровождавших английские войска, вызвало декрет об отмене рабства; однако, свобода многих невольников была еще в 1882 году оспариваема перед судами. Со времени почти общих мер по эмансипации, принятых в 1874 году, чернокожие охотнее работают для белых, и площадь возделанных земель значительно расширилась: во многих местах пальмовые леса заменены правильными плантациями; обращено больше внимания на культуру кофейного дерева и табаку; разводятся какаовое дерево и другие пищевыя растения, перенесенные из Америки; занимаются также производством каучука, особенно в территории Кробо, население которой отличается наибольшим трудолюбием; область племени крепи производит в изобилии хлопок. Лошади из Европы и из страны мандингов, почти всегда издыхающие после короткого пребывания в западных округах Золотого берега и в лесах поморья, хорошо уживаются в Акре и соседних местностях. Промышленность тоже развивается, как и земледелие, благодаря многочисленным мастерам, выходящим из технического училища, основанного базельскими миссионерами, благодаря в особенности магометанским ремесленникам, которых можно встретить водворившимися на постоянное жительство во всех прибрежных городах Вольты, и которые в Акре населяют уже целый квартал; но главная отрасль туземной промышленности, ювелирное искусство, потеряла большую часть своих мастеров-художников со времени упадка Кумасси: теперь можно любоваться в Англии, в собрании сокровищ, взятых у короля Ашанти, замечательными произведениями этих черных ремесленников, браслетами, перстнями, изделиями из коралла в золотой оправе, фантастическими животными, имеющими отдаленное сходство с древне-египетскими драгоценными украшениями.

Несмотря на имя страны, важнейший предмет её торговли не золото: теперь главный экспортный товар—пальмовое масло; бухточки и речные устья, перед которыми бросают якорь приходящие за грузом корабли, носят, как лиманы Бонни и Калабар, название *oil-rivers*, «масляных рек». Что касается привоза, то он состоит преимущественно из бумажных материй и водки: «цивилизация» ограничивается пока одеванием и спаиванием туземцев.

Вызов пальмового масла в 1882 г.—4.462.700 франк., золотого песку—1.538.800 франк.; ввоз бумажных материй—3.221.275 франк., водки—1.673.650 франк.

Обороты внешней торговли английской колонии Золотого берега в 1895 году: ввоз—23.300.000 франк.; вывоз—21.950.000 франк.

Управление Золотым берегом, с присоединенным к нему в административном отношении Лагосом, на Невольничьем берегу, вверено губернатору, который назначается королевой Великобритании, и при котором состоят два совета, законодательный и исполнительный, составленный из высших сановников и именитых купцов; после войны с ашантиями резиденция колониального правительства была переведена из Кэп-Коста в Христиансборг-Акра. Каждый округ колониальной территории управляется окружным начальником, соединяющем в своем лице административные и судебные функции. Главари племен, которые сохранили за собой большие имения, обрабатываемые бывшими подданными, исполняющими барщину, мало-по-малу преобразовываются в мировых судей: им позволено разрешать маловажные споры и тяжбы на основании обычая, но все значительные дела подлежат ведению английских судов. Военная сила, на которую опираются иноземные власти, состоит главным образом из фантиев, гауссанцев и круменов; последние вербуются преимущественно в порте Лагос, где живет множество эмигрантов из всех частей западной Африки. Неоднократные попытки набирать солдат в северных королевствах, между врагами ашантиев, не имели успеха: негры этих стран отказываются переселяться в приморские провинции: что касается фантиев, то они охотно нанимаются в военную службу, чтобы дезертировать при первой опасности. Почти единственный источник доходов местного правительства составляют таможенные пошлины, взимаемые с товаров, которые ввозятся в двадцать пять приморских портов, открытых иностранной торговле; по предварительном заявлении, суда могут также приставать и в других пунктах побережья, для принятия грузов. Бюджет колонии Золотого берега (1895 г.): приход—230.000, расход—265.000 фунт. стерл.

Колониальная администрация, постепенно заступая место бывших царьков, не изменила границ присоединенных государств, преобразованных в провинции. Она не вмешивается непосредственно в управление сопредельных государств, но посылает туда время от времени визитаторов, советы которых всегда исполняются. Прежде весь верхний бассейн Вольты составлял часть империи Ашанти, либо как непосредственное владение, либо как вассальная территория; но представители Великобритании содействовали процессу политического распадения, и в поясе притяжения Золотого берега образовались многочисленные королевства, называемые «независимыми». Впрочем, в отдаленных от побережья областях существует еще несколько государств, как Гаман, Дагомба, Буссо, не подчиненных английскому влиянию.

Следующая таблица представляет список провинций Кэп-Коста и опыт перечня окружающих королевств, с именами главных городов и цифрой населения, указываемой либо народной переписью, либо приблизительными исчислениями.

Английские владения на Золотом берегу	
Провинции	Главные города
Аманахиа	Альбани; Аполлония.
Вассау	Тарква (2.000 жит.); Маису (1.500 ж.); Аксим (3.500 жит.).
Аганта	Дикскоп (1.000 жит.)
Эльмина и Шама	Эльмина (3.000 жит.); Комменда (2.300 жит.). Шама (3 900 жит.).
Ассин-Данкиира	Джоква.
Туфоль	
Данкира	
Ассин	Мансу, Прасу.
Фанти	Кэп-Кост (10.700 ж.); Анамабоэ (4.200 ж.); Виннебах (3.000 ж.).
Аким	Бомпата, Нсуаум; Киеби; Бегоро.
Акра	Акра (10.000 жит.); Христиансборг (6.000 жит. ’.
Адангме	Ада (3.000 жит).

Аквапем	Акропонг (3.500 жит.); Абури (6.000 жит.). Баттор; Агграви (2 500 жит.).
Кробо	Одумасси (5.000 жит). Кпонг; Акуаму.
Авуна	Кветта.
Сопредельные государства.	
Королевство Ашанти. Провинции:	
Сефуи, Инкваита, Аданси, Дадеасси, Како-фу, Даниасси, Беква, Джуабин, Инсута, Мампонг, Кумасси	Кумасси (35.000 ж., по Кэрби).
Сахви или Шауи.	
Гиаман или Гаман. Провинции:	
Моинсан, Гомбат, Соко, Сафой и пр	Бонтуку (7.000 ж., по Лонсдэлю).
Коранца и Кватампо	Кватампо (35.000 ж., по Кэрби).
Бронг	Атеобу.
Нта-Фуфу или Гуандьова.	Пами; Салага (10.000 ж, по Мели).
Дагомба	Иенди (6.000 ж., по Лонсдэлю).
Буссо. Провинции: Ачати, Аделе, Куромбо или Трибу, Акуба	Сиаде; Двонг.
Кракие	Кракие (2.500 ж.); Кете (7.500 ж., по Лонсдэло).
Боэм. Провинции: Окуаго-Дюкоманга, Акпо-со. Борада	
Окуаго-Кодсабе	Абетифи (4.000 ж., по Штейнеру).
Пеки. Провинции: Нкониа, Киандо, Ангвоэ.	
Анум	Кпандо (12.000 ж.): Пеки; Аватиме.

Глава VII Невольничий берег

Того, Пого, Ажуда, Бадагри, Лагос, Дагомей, Иоруба

Часть африканского берега, заключающаяся между двумя сегментами аллювиальных земель, ограничиваемых устьем Вольты и дельтой Нигера, представляет типическое побережье по правильности своего внешнего пляжа (плоского берега), слегка закривленного в виде дуги круга и маскирующего внутренний пляж, от которого он отделен лагунами и притоками: море, омывающее это прибрежье, называется Бенинским заливом. Зловещее имя Невольничьего берега, которое поныне носит эта область поморья, обязано своим происхождением торговле «кусками индийской материи», производившейся на берегах проклятых лагун с первых времен открытия этой страны португальцами до второй половины девятнадцатого столетия. Нигде не было так удобно негроторговцам совершать свои операции без всякой опаски преследования со стороны крейсеров. Морской берег в этом месте защищен опасными подводными камнями и грозными волнами прибоя, на плавание среди которых могут отваживаться только очень искусные кормчие; входы в лиманы не видны с открытого моря, а внутренния бухты представляют бесчисленное множество таинственных заливчиков, на берегах которых, под ветвистыми деревьями, и прятались сараи, служившие складами человеческого товара. Купеческие караваны, приходившие с берегов Нигера, солдаты, которых посылали короли Дагомея и Иорубы с гуртами пленников, не имели надобности пробираться к морю, чтобы сбыть своих невольников: торг производился в укромных местах в тени лесов.

Все нации западной Европы, желавшие получать свою долю драгоценного металла на Золотом берегу, хотели вместе с тем пользоваться выгодами торговли людьми на Невольничьем берегу, а в последние десятилетия существования этого торга и бразильские купцы

имели свои негроторговые конторы на берегах Бенинского залива. Но до 1851 года ни одно иностранное государство, за исключением Португалии, не вступало оффициально во владение той или другой территорией на этом берегу и не осуществляло державных прав за пределами укрепленных факторий своих купцов. Англия начала дело колониального присвоения захватом города Лагос, который она сделала центром своих военных операций, направленных к уничтожению торга людьми на Невольничьем берегу; но только в 1861 году эта держава оформила свое право протектората покупкой земли, которая уже ранее была занята её войсками. Два года спустя Франция купила территорию Порто-Ново, от которой она вскоре должна была отказаться, чтобы снова взять ее в 1883 году. Затем, в 1884 году, немецкий военный корабль, призванный гамбургскими и бременскими негоциантами, овладел территорией Того, прилегающей к восточной границе английских владений на Золотом берегу. Таким образом четыре европейские державы, считая Португалию, управляющую частью побережья, на которую еще предъявлял притязания король дагомейский, разделили между собой Невольничий берег; но с северной стороны, внутри материка, владения их еще не имеют точных границ. Очень немногие путешественники проникали до сих пор в эти края, которые так долго опустошались охотниками на негров; только на восточной стороне, в соседстве Нигера, пройденные различными исследователями пути пересекаются в виде редкой сети. Естественные границы страны ясно обозначены: на западе—мысом св. Павла (Сент-Поль) и лагунами, питаемыми рекой Вольтой; на северо-западе и на севере—рядом высот, гор или плоскогорий, который составляет продолжение горных цепей Аквапем; на северо-востоке и на востоке—линией водораздела между притоками Нигера, и непосредственными притоками океана. Общее пространство всей этой территории, которая, вероятно, еще не скоро будет измерена с точностью, можно считать приблизительно в 155.000 квадр. километров. Что касается народонаселения, то оффициальная перепись его пока еще была сделана только в английских владениях, в Лагосе и Бадагри. В 1881 году эта колониальная область в 189 квадр. километров имела слишком 75.000 жителей, но это население в большинстве городское, внутренния же местности далеко не так плотно населены. Тем не менее из этого обнаруживается тот весьма важный факт, что приморские округи, прежде почти безлюдные, по причине опасного присутствия негроторговцев, ныне оказывают, путем торговли, большую притягательную силу на туземцев стран, простирающихся далеко к Нигеру. Восточные округи, более пощаженные войной сравнительно с западными, очень густо населены. Три миллиона жителей—такова, кажется, вероятная цифра для всей покатости, обращенной к Бенинскому заливу.

По данным народной переписи или по приблизительным и суммарным исчислениям, население Невольничьего берега распределяется между различными территориями следующим образом: Того, Малый Попо и другие немецкия территории, по Целлеру—60.000 жит.; французские территории Агуэ и Большой Попо—100.000 жит.; земли, смежные с германской территорией—50.000 жит.; земли, смежные с французской территорией—200.000 жит.; Маги, Дагомей, Ажуда, португальск. протекторат—300.000 жит.; французская территория Порто-Ново—150.000 жит.; английская территория Бадагри и Лагос—75.270 жит. Республика Абеокута—200.000 жит. Другие страны этой покатости—2.000 000 ж. *С 1893 г. Дагомей присоединен к владениям Франции.

С моря не видно холмов ни в какой части побережья: в 20 километрах от берега матросы, держащие вахту на верхушке мачты, еще не примечают материка; только город Бадагри указывается «горой», то-есть лесом в форме пирамиды, основанием которой служит легкое возвышение почвы. Большие деревья редки на песчаной косе: там растет только кустарник; исключение составляют подходы к деревням, где насажены кокосовые пальмы, да и те очень туго здесь прививаются. Дюны на этом берегу не образуются, без сомнения, по причине господствующих северо-восточных ветров, которые подхватывают песок, приносимый волнами, и уносят его далеко в море. Высоты континентального рельефа начинаются лишь далеко за разветвляющимися озерами побережья; они состоят из волнообразных повышений местности, поднимающихся, в среднем, на 60 или 70 метров и примыкающих к внутренним

нагорьям. В Дагомее небольшой массив достигает 800 метров в своей высшей точке. На севере почва поднимается в виде настоящих гор: по словам путешественника Скерчли, горные цепи Буссо, повидимому, оканчиваются в Маги пиками, превышающими 2.000 метров и круто понижающимися к северным степям, тогда как южный скат их представляет ряд последовательных террас: это, вероятно, самые высокие горы Африки к югу от Атласа и к западу от Абиссинии. С высоты вершины, на которую всходил Скерчли, чтобы посмотреть восход солнца над равнинами, простирающимися к Нигеру, английский исследователь ясно видел горную цепь, продолжающуюся далеко по направлению к Вольте. Некоторые из главных массивов состоят из гранитных куполов; другие представляют пирамиды из столбчатых базальтов, или нагроможденные массы траппов, похожия на крепости или на уединенные вулканы с явственными кратерами. Одна долина заключает в себе груды обломков, имеющие все характеристические признаки морен, и в которых встречаются камни, «исчерченные льдинами»[1].

Потоки, спускающиеся к морю между Вольтой и Нигером, не представляют сколько-нибудь значительных рек, так как их параллельные бассейны имеют относительно небольшое протяжение. В сухое время года большинство их не достигают моря; они изливаются в береговые лагуны, при чем течение их не настолько сильно, чтобы открыть себе проток через внешний плоский берег. Но после больших дождей излишек воды лагун в конце концов находит себе выход, и то в том, то в другом пункте образуется речное устье, прерывающее сплошную линию береговой полосы, хотя поперек этого устья обыкновенно тянется полукругом подводный бар, образуемый отложениями реки и моря. Один только Лагосский проток, у выхода истока, принимающего одновременно воды большой реки и обширных, богатых притоками, лагун, никогда не бывает загражден выступающим наружу порогом: во всякое время года морской прилив свободно распространяется через этот проток из моря во внутренния воды. Река Огун, доставляющая лагунам наибольшую часть их жидкой массы, вероятно, берет начало не менее, как в трех стах километрах внутри материка и получает многочисленные притоки выше низовья. Проход у Большого Попо также почти постоянно открыт; кроме того, туземцы часто делали перекопы между лагунами и морем для провода своих барок.

На большинстве географических карт территория Того, в западной части Невольничьего берега, изображается как запятая почти на всем её протяжении внутренним морем в 3.000 кв. километров; это озеро Авон, названное так по имени английского корабля, который первый обследовал эту часть побережья, в 1846 году. Однако, размеры озера были сильно преувеличены; эта водная площадь, называемая туземцами Хахо, как и главный её приток, имеет не более десяти километров в каждом направлении; со всех сторон ясно виден её берег[2]. Нохуэ, или лагуна Денгам, к западу от Порто-Ново, тоже представлена на морских картах в виде большого озера, имеющего поверхность, далеко превосходящую действительное её протяжение. Из береговых лагун самая значительная—озеро Икораду, которое с своими многочисленными разветвлениями и доставило построенному там городу его португальское имя Лагос, т.е. «Озерный». Если площадь внутренних вод не проникает так далеко вглубь материка, как это предполагали прежде, то лагуны, тем не менее, образуют на северной стороне внешнего берега почти непрерывный канал, который при помощи незначительных искусственных сооружений мог бы быть превращен в судоходный путь, простирающийся от устья Вольты до дельты Нигера: в настоящее время пароходы плавают из Бадагри в Лагос, на протяжении около 70 километров. Разность уровня между высокими и низкими водами лагун составляет от 4 до 5 метров: смотря по времени года, эти лагуны представляют то озера, то лабиринты потоков, покрытые камышами, сквозь которые с трудом пробираются мелкие суда туземцев. Перед каждой деревней эстакады общинной рыбной ловли частию заграждают фарватеры судоходства. В 1876 году один английский пароход поднялся почти до

1 Skertcheley, „Dahomey as it is“.

2 Hugo Zoller, „Das Togoland und die Sclavenkuste“-

Абоме вверх по реке Веми (Оуо), впадающей в озеро Нохуэ, к северу от протока Котону: средняя глубина её около 4-х метров.

Впереди протоков, образующихся в период дождей, море принимает от наносов желтый цвет на пространстве нескольких километров; твердые частицы органического происхождения увлекаются далеко в море, распространяя иногда сильное зловоние; брызги рассыпаются в воздухе в виде желтоватого «дыма», который мешает видеть сигнальные знаки на берегу. С запада на восток, от Вольты к Нигеру так называемое «промерное плоскогорье», т.е. подводный обрыв, ограничиваемый с южной стороны глубокой пропастью, постепенно расширяется. В то время, как против мыса св. Павла морское дно уже в десяти километрах от берега вдруг круто обрывается, около Бенинского лимана только на расстоянии 60 километров начинаются глубины, превышающие 100 метров. Между этими двумя крайними пунктами подводная терраса расширяется правильно; только один ров, называемый Авонским, прерывает ее против берега Пальма, как раз в том месте, где Бенинский залив представляет вершину своей вогнутой кривой: в этом месте находят глубины в 180 метров на расстоянии менее 15 километров от берега. Таким образом мы видим здесь, на расстоянии 1.000 километров, повторение того явления, которое было наблюдаемо моряками у Малого Бассама, против берега Слоновой Кости: и там также подводная долина тянется по нормали к берегу в середине вогнутости залива. К востоку от Авонского рва чистый песок морского берега мало-по-малу смешивается с илом, и около Оди, где начинает обрисовываться выступающая кривая, образуемая наносными землями Нигера, берега уже совершенно меняют вид: они превращаются в болотистые пространства, где растут корнепуски, задерживающие почти жидкую массу в бесконечной сети своих корней. В отношении флоры и фауны Невольничий берег представляет просто продолжение Золотого берега. Климат его, сходный с климатом западных берегов по средней температуре—около 26 градусов Цельсия,—по делению года на два сухих и два сырых периода, по бризам и торнадосам, по дождям и неправильному дуновению гарматтана, считается самым здоровым на всем побережье между устьем Сенегала и устьем Конго. Европейцы не имеют здесь того бледного, исхудалого лица, которое придает им вид привидений: никакая эпидемия, в роде желтой лихорадки, оспы или тифа, еще не истребляла их; но как и в соседних странах, они должны опасаться болотных лихорадок, особенно в первое время пребывания: любители пива первые подвергаются этой болезни. Европейские эмигранты, как и туземцы, часто страдают вередами. Самая опасная пора года—это период дождей, особенно к концу большого дождливаго сезона, когда земля дымится и бродит, когда пары, насыщенные миазмами, сгущаются в виде туманов. Месяцы сентябрь и октябрь, разделяющие два сырых времени года, и в которые воздух очищается от туманов, наименее неблагоприятны для здоровья белых.

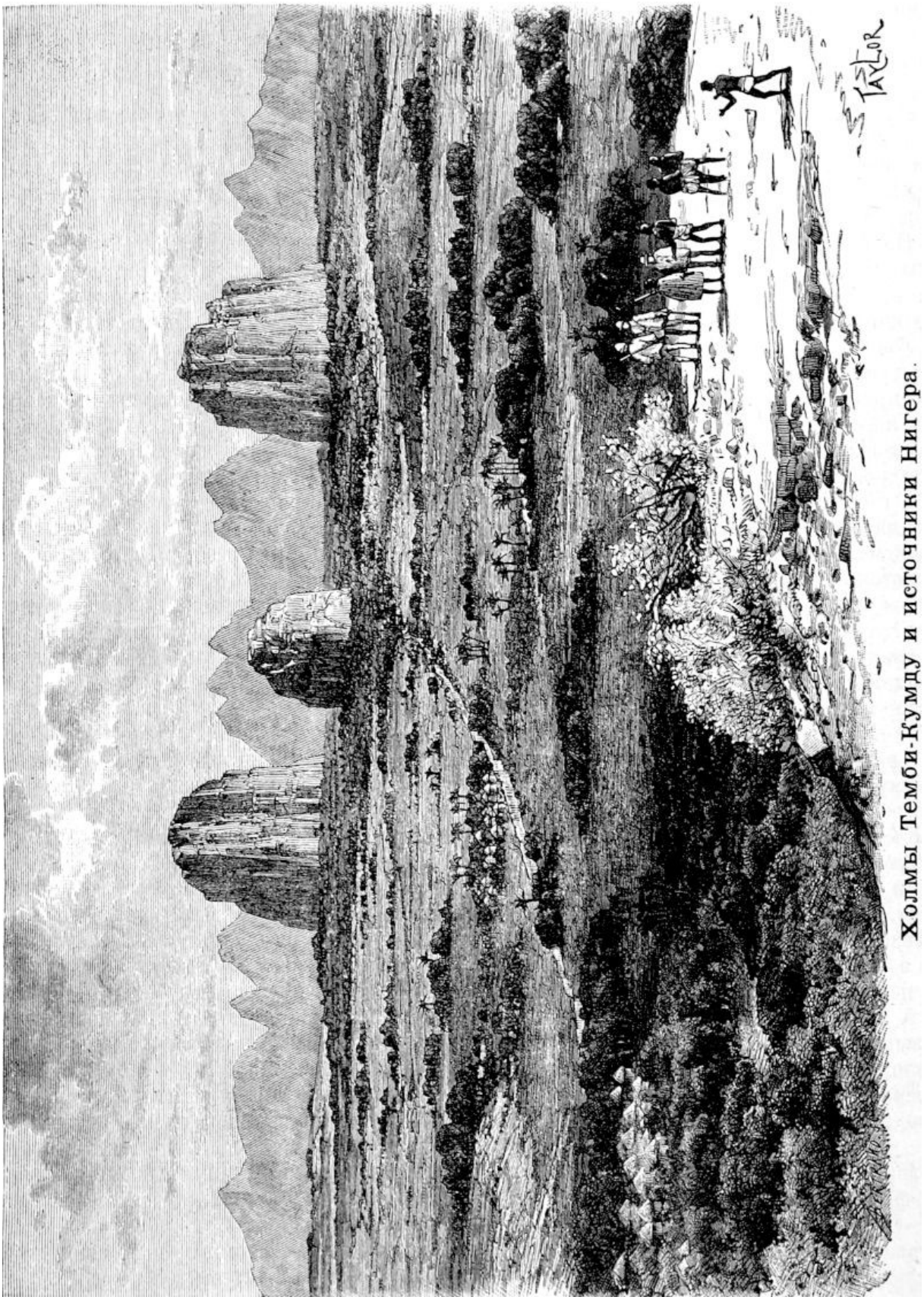
Метеорологические наблюдения, производившиеся на Невольничьем берегу, дали для 1876 года следующие результаты[1]: средняя температура—26°.2 Ц.; высшая (ноябрь)—35°,2 Ц.; низшая—20°,5 Ц.

Чернокожее население этого поморья состоит из племен, говорящих различными наречиями, но представляющих, тем не менее, большое сходство как между собой, так и со своими соседями на Золотом берегу, фантиями и ашантиями; кроме того, несколько народцев, известных под общим именем мина и живших прежде к западу от Вольты, поселились республиканскими общинами на покатости Невольничьего берега, чтобы избавиться от господства кумассийского короля. Но вообще можно сказать, что вся часть страны, заключающаяся между Вольтой и Огуном, населена народом эуэ или азиге, по имени которого весь край называется Эуэме, т. е. «Земля племени эуэ». К востоку от реки Огун, по направлению к Нигеру, территория принадлежит племенам иоруба или яриба, носящим также родовое имя наго.

По словам Шлегеля, одного из миссионеров, хорошо изучивших язык эуэ, эта нация, с глоссологической точки зрения, распадается на пять резко различающихся групп. Ближайшими соседями английских владений на Золотом берегу, к востоку от Вольты, является пле-

1 Bazile Feris. „La Cote des Esclaves“, Archives de Medecine navale, 1879.

мя анло, называемое также англо или англауа: по наречию этого племени имеется сравнительно наибольшее число текстов и сборников слов. На север и северо-восток от анло живут племена, говорящие наречием анфуэ: их обозначают вообще именем крепи, различно видо-

Холмы Тембн-Кумду и источники Нигера.

изменяемым, смотря по местному произношению и национальности путешественников, посетивших их территорию. К востоку от анло и крепи побережье и внутренние округа заняты народцами, говорящими диалектом ахуда: родовое имя их джеджп. На севере простирается

королевство Дагомей, жители которого тоже говорят особым языком. Наконец, крайняя северная часть покатости составляет глоссологическую область маги или махи, наиболее чистого наречия языков эуэ. Племена, говорящие этим диалектом, очевидно, менее других удалились от первоначальной родины, находящейся, вероятно, на северо-востоке, на берегах Нигера.

Негры группы племен эуэ сходны между собой физическим типом, также как и языком. Они отличаются высоким ростом и стройным телосложением; черты лица у них правильнее, чем у уолофов, и цвет кожи менее темный, хотя они живут в стране, гораздо более близкой к экватору. На берегу рек и лиманов, туземцы часто купаются, особенно женщины; омовения повторяются у них несколько раз в день; после купанья они натираются пальмовым маслом и мазями и раскрашивают себе тело в красный цвет порошком красильного дерева; только во время траура обычай запрещает им мыться и натирать тело маслом: оттого плакальщицам присвоено прозвище «неумытых»[1]. Эта крайняя чистоплотность предохраняет прибрежных жителей от болезней кожи, составляющих обыкновенное явление у обитателей внутренних областей. Одна из самых распространенных здесь болезней—крокро, род проказы, очень прилипчивой, даже у домашних животных, но легко излечиваемой. Как во всех других негритянских странах, пупочная грыжа и здесь очень обыкновенный недуг. Всех иностранцев поражает также значительное число индивидуумов с желтоватой кожей и с рыжими волосами, встречающихся внутри страны; в этом факте, вероятно, следует видеть скорее род альбинизма, чем результат скрещивания между европейцами и негритянками. Изменения красящего вещества кожи (пигмента) обнаруживаются в особенности белыми пятнами, которые рассеяны по всему телу, придавая ему иногда странный пестрый вид. Эта болезнь кожи не менее распространена у африканских племен эуэ или азиге, чем у «пинтадосов» (пестрых) Мексики и у негров ново-гренадского побережья.

Народы западно-африканского Невольничьего берега представлены также очень большим числом индивидуумов между неграми и цветными людьми Бразилии, где их безразлично называют минасами: в массе африканцев, привозимых негроторговцами, общественное мнение всегда давало минасам предпочтение за их силу, красоту, нравственные качества, свободолюбивый дух. Минасы всего чаще боролись за свои права и основали внутри Бразилии самые цветущие и наиболее храбро защищаемые республики беглых негров. Они же чрез своих дочерей всего более способствовали смешению рас в португальской Америке и, впоследствии, в наиболее широкой мере принимали участие в частных мерах по освобождению невольников. Многие сотни их воспользовались волей, чтобы вернуться на родину, где они занимаются торговым делом, либо как посредники, либо как импортеры. Они успешно конкурируют с европейскими купцами и чрез свои семейные союзы с туземцами все более и более приобретают численный перевес над всеми иностранцами; имя бразильского города Бахиа (Сан-Сальвадор), самого важного в их глазах[2], служит им для обозначения вообще всех стран, лежащих вне Африки. Без вмешательства государства, как в Сиерра-Леоне, или филантропических обществ, как в Либерии, заселение африканского берега вольноотпущенными и сынами невольников совершилось само собой в этой части «черного континента», и результаты этой добровольной иммиграции, повидимому, не уступают результатам колоний, основанных Англией и американскими переселенческими компаниями. Старые этнические деления мало-по-малу сглаживаются под влиянием этого нового элемента: фамильные имена Суза, Альмейда, Андрада, Альбукерке, сделались очень обыкновенными, распространяясь через браки, и португальская речь оспаривает у английской роль господствующего языка для международных сношений. На западе, в соседстве городов Золотого берега, говорят английским диалектом, но в Ажуде преобладает португальский: этот последний преподается там в школах. В 1730 году, когда путешественник Де-Марше посетил Невольничий берег, лузитанский жаргон служил франкским языком в «королевстве Ардрес» к северу от Ажуды.

1 P. Bouche, „La Cote des Esclaves“.

2 B. Feris, цитирован. мемуар.

Португальские семейства смешанной крови сохранились в крае с эпохи первых исследований, и один из этих кланов дотого размножился, что его прозвали бессмертным. В этих цветных семьях единокровные браки, даже между братьями и сестрами от разных матерей, составляют очень обыкновенное явление и не осуждаются общественным мнением.

Самая могущественная туземная нация из группы эуэ или азиге—нация фонов, ныне называемых даума или дагомейцами, от королевства, образовавшагося в первой половине семнадцатого столетия на севере Ажудского поморья. По сказанию легенды, которая, быть может, не имеет никакого исторического основания, это имя Дагомей или Дагоме, означающее «живот Духа», напоминает одного полководца, который, дав обет принести в жертву Духа, своего собственного короля, если удастся овладеть долго не сдававшимся неприятельским городом, не замедлил исполнить это обещание после победы, вскрыв живот своему государю и положив первый камень в струящиеся кровью внутренности[1]; по другим авторам, истинное имя страны есть Дангоме, «Брюхо змеи» и связано с легендой о змее-фетише. Дагомейцы, кичащиеся своей историей войн и завоеваний, отличаются, тем не менее, умом и быстротой усвоения; они замечательно легко выучиваются иностранным языкам; сравнительные краниологические измерения Брока доказали, что эти чернокожие принадлежат к народам, имеющим наибольший объем черепа[2]. Формы вежливости в большой чести у дагомейцев: строгий этикет диктует им слова, которые нужно произнести, поклоны и коленопреклонения, которые нужно сделать, смотря по степени важности встреченного на улице лица: даже когда какая-нибудь сановная особа, не показываясь самолично, посылает вместо себя, в качестве представителя, свою трость, носимую невольником, этот знак отличия повсюду принимается с большими изъявлениями почтения; а перед палкой короля все падают ниц, все равно как бы появился сам властелин. По приниженности подданных, по тираннии владык, королевство Дагомей совершенно походит на королевство Ашанти, и во все времена государи этих двух стран признавали друг друга братьями и обменивались пышными посольствами. Мало найдется стран, где бы монарх и вельможи с большей логикой содействовали укреплению своей власти установлением символов и церемоний, постоянно напоминающих толпе о царском величии.

Царек—это бог: власть его беспредельна; жизнь и достояние его подданных принадлежат ему без всякого ограничения; он господин всех живущих, наследник всех умерших. Если драки запрещены, то это потому, что они могут, в случае нанесения ран или увечья, причинить вред живой собственности короля. В прежнее время дети с раннего возраста отбирались у матерей и воспитывались в чужих семьях вдали от родителей, дабы никакие узы естественной любви не привязывали подданных к кому-либо другому, кроме державного господина[3]. Как стоящий выше нужд, на которые обречены простые смертные, этот верховный властелин предполагается неимеющим потребности в еде и питье: оттого прежде трапезы его совершались вдали от всех глаз. Он снисходит для выслушивания просьб своих подданных; но, до недавнего времени, он делал это, как невидимый дух; если ему благоугодно было выслушать челобитную, он давал знак, высовывая ногу из-под занавеси, скрывавшей его от посторонних взоров. У него имеется целая армия жен, состоящая под командой королевы или *дада*, которой принадлежит право жизни и смерти в пределах гарема, и сыновья которой одни имеют право называться королевскими принцами; сыновья, рожденные от других жен, пользуются только титулом *акови* или пажа; из их среды выбирают кабесеров, но они подвергаются смерти, если позволят себе упомянуть о своем происхождении; женщина, которую король посылал ежегодно в подарок своему португальскому любимцу в Ахаде, была передаваема с рук на руки солдатами, расставленными на пути через известные промежутки, и во все продолжение перехода ноги её не должны были касаться земли: она прибывала на место назначения более мертвая, нежели живая. В несчетном множестве женщин, принадлежащих

1 B. Feris, „La Cote des Esclaves“;—Skertchley, „Dahomey as it is“;—Hugo Zoller, „Kamerun“.

2 Topinard, „Anthropologie“.

3 Robert Borris, „Dahomey“.

королю, некоторые состоят в числе высших сановников государства: такова, например, хранительница головни, о которую закуривается королевская трубка; такова же фаворитка, подающая его величеству плевальницу. Когда король соблаговолил призвать своих советников, его жены принимают участие в обсуждении дел наравне с *мингo*, или первым министром, и другими государственными сановниками. Однако, толпа королевских супруг состоит просто из невольниц, прачек, носильщиц и кухарок, справляющих работы по ведению пышного хозяйства двора. Известно также, что многие тысячи женщин, стоящие лагерем в ограде дворца, составляют королевскую гвардию. Эти амазонки, отказываясь от любви и брака, по собственной воле вступают в ряды мужчин и облачаются в солдатский костюм, впрочем очень нарядный: короткия панталоны, зеленые или красные, разноцветная туника, шелковый или бархатный шарф, шапочка, на которой вышиты разные фантастические животные. Сделавшись товарищами по оружию мужчин, на которых они, впрочем, походят и формами тела, почти мужскими[1], амазонки из самолюбия стараются превзойти своих соперников храбростью, ожесточением в бою и презрением к смерти. Часто также они превосходят мужчин в холодной жестокости; одна из их рот состоит из головорезок, так называемых «женщин с бритвой», предназначенной для отрезывания голов побежденным царькам[2]. Их военные пляски отличаются таким ансамблем и точностью, что в этом отношении с ними не сравнится лучший из наших кордебалетов: они так же неутомимы в парадных празднествах, как и в битвах. Путешественник Скерчли описывает одну из этих военных процессий с плясками, песнями и жертвоприношениями, которые продолжались не менее шестнадцати часов.

Хотя женщины вообще пользуются большой свободой и имеют право заниматься теми же ремеслами, исполнять те же профессии, как и мужчины, однако, в браке они рассматриваются как простая собственность мужа. Полигамия составляет общераспространенный обычай, и супруг покупает своих жен на чистые деньги, вследствие чего для бедняков не остается более невест, и король содержит для них, на свой счет и барыш, многочисленный корпус куртизанок. Обольстивший замужнюю женщину обязан выкупить ее по цене купли, или отдать в обмен свою собственную жену; если он холостой или слишком беден, чтобы уплатить следуемую сумму, то его продают в рабство; он подвергается смерти, когда оскорбленный супруг имеет ранг кабесера. Часто маленьких людей даже не хоронят; тела их выбрасывают в кустарник, откуда они скоро исчезают, делаясь добычей хищных зверей. Честь погребения присвоена главам семейства и знатным особам: в этом случае могила выкапывается на том самом месте, где покойный испустил дух.

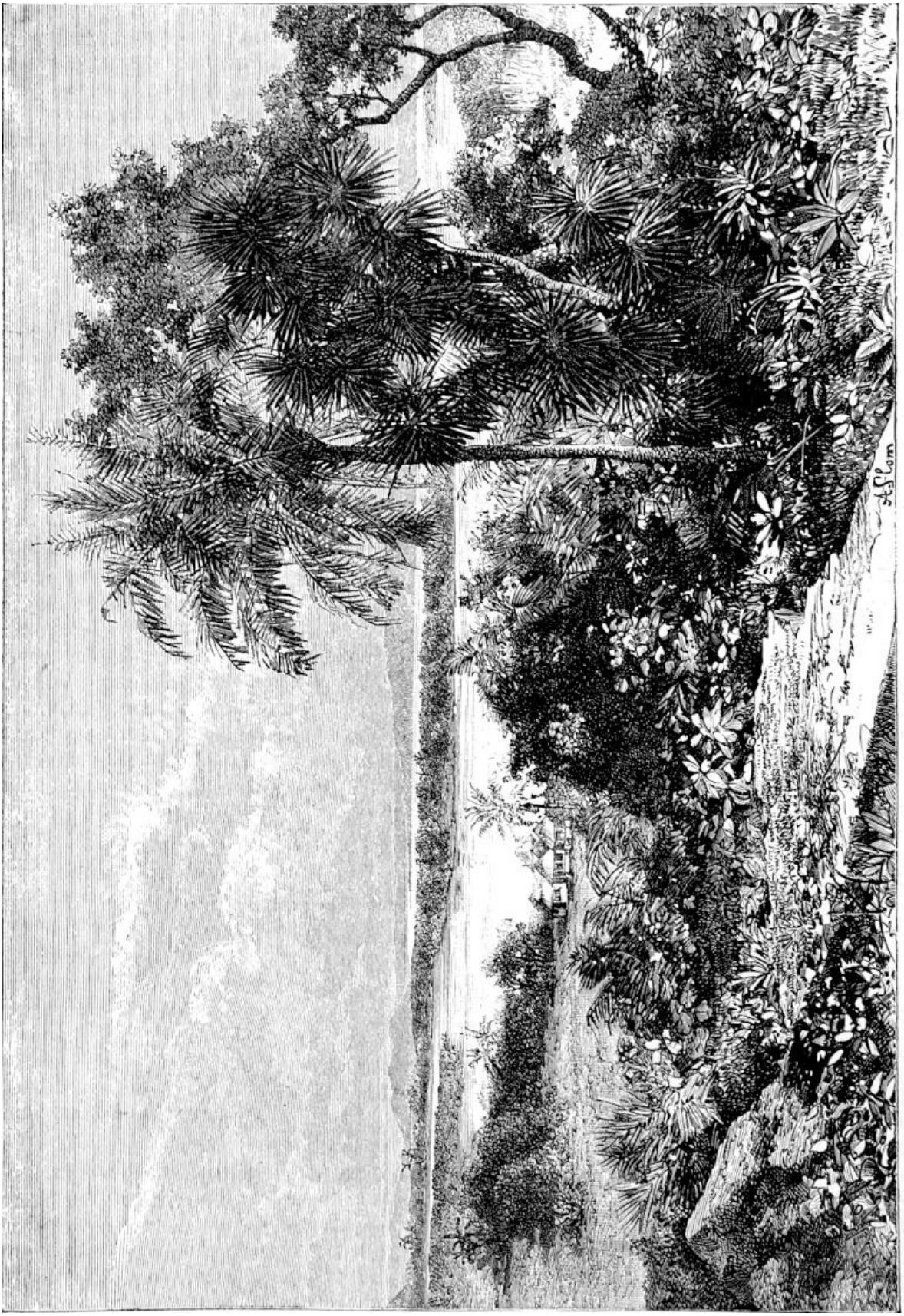
Как у ашантиев и многих других африканских народов, в Дагомее до недавнего времени существовал обычай приносить в жертву мальчика или девочку подле могилы усопшего. Теперь человеческие жертвы заменены козленком: Либа, гений хранитель умерших, должен довольствоваться этим скромным приношением, к которому прибавляют немного муки, раковин, а также рому и пальмового масла, в виде возлияния. Похороны кабесеров и особенно королей прежде сопровождались избиением массы людей: могилу обмывали человеческой кровью; умершая персона отправлялась на тот свет со свитой, приличествующей её рангу. Часто вдовы, как в Индии, являлись добровольно, чтобы следовать за мужем в могилу[3]. Привычка проливать кровь приучила дагомейцев к безграничной жестокости: путешественники подробно описывают избиения, пытки, распятие на кресте, расположение трупов артистическими группами вдоль проезжих дорог. Одна из годовых церемоний состояла в наполнении большого резервуара, который оставляли открытым для желающих утопиться; даже подобие людоедства практиковалось еще недавно: поджаривали мертвечину на вертеле и пожирали её еще дымящееся мясо. Кодекс страшных законов всегда доставлял в изобилии «преступников» для исполнения чудовищных обычаев. Недаром невольники больше всего боялись быть проданными в Дагомей: для них это значило идти на верную смерть.

1 Hugo Zoller „Kamerun“.

2 Skertchley, цитирован. сочинение.

3 Des Marchais, „Voyage en Guinee“.

Впрочем, перспектива насильственного конца не имела ничего особенно ужасающего для большинства туземцев. Вера в бессмертие была так совершенна у дагомейцев, что смерть казалась им просто переходом из временной призрачной жизни в жизнь действительную и по-

Сліяніе Нигера съ Бенуэ.

стоянную: когда король, «кузен леопарду», хотел побеседовать со своими предками, он собственноручно убивал первого встречного, чтобы командировать его вестником в дальний мир, и семья убитого считала себя удостоившейся особой чести тем, что ей посчастливилось

доставить посланника государю; рассказывают, что посланцы этого рода, тяжело раненые, придя в себя после продолжительного обморока, возвращались к королю, в полной уверенности, что пришли с того света. Борьба религий, оспаривающих друг у друга завоевание умов, несомненно, поведет к ослаблению наивных верований туземцев, и, вследствие того, земное существование будет более уважаемо. Но из одного только угождения своим европейским союзникам дагомейцы перестали справлять свои большие обычаи массовой резней, которая прежде казалась необходимой королю «для сохранения монархии»[1]: постепенная эволюция сама собой побуждает их придавать больше цены нынешней жизни.

Фетишеры, или *водуны*, так многочисленны в стране, что даже невольничество и массовые переселения не могли уничтожить эту корпорацию, и даже по ту сторону Атлантического океана, именно в Гаити, возродилась их организация под именем «культа Воду»[2]. Культ богов, обожание фетишей, напоминающих предков, или олицетворящих силы природы, не соблюдаются уже с таким благоговением, как прежде, но при приближении к священным местам, люди все еще испытывают религиозный страх. «Господин Духов», называемый также «Небом», «Великой Тенью», и представляемый в то же время Солнцем, есть в глазах туземцев существо слишком высокое, чтобы можно было осмелиться взывать к нему[3]; они обращаются с просьбами к второстепенным гениям, которые отражают частицу его света и заимствуют маленькую долю его власти. В некоторых городах обожают одну безвредную змею, дангбе, символ полного счастья и благоволения; в других местах патроном граждан является крокодил, леопард, собака, обезьяна, или какое-нибудь другое животное. Вне Дагомея туземцы Ажуды, живущие на берегу шумящего моря, поклонялись преимущественно богу волн, которому было назначено пятьсот жен; в известные дни жрец выходил на берег и приказывал валам прибоя прервать их вечный шум. Фетишеры еще бросают в море рис, пальмовое масло, зерна, раковинки, чтобы утишить его ярость, но уже перестали приносить ему человеческую жертву, облаченную в знаки отличия и несущую седалище и знаки кабесера. Поклоняются также душам вельмож, живущих или умерших, а некоторые негры, исповедуя, только в другой форме, ту же религию, как многие белые философы, обожают свою собственную душу, не тогда, «когда она спускается в живот», а когда она «поднимается в голову и шевелит мозги»[4]. Нет предмета, который бы не считался имеющим свою душу, добрую или злую, и к которому бы не взывали, как к фетишу, чтобы вымолить его покровительство или отвратить его гнев. Христианский крест, завещанный португальскими просветителями, почитается, у дагомейцев как *водун*, который они носят на груди и с гордостью показывают католическим миссионерам. Штыки, пушки тоже сделаны большими фетишами, и оружие, которое европейские державы в разных случаях посылали королю дагомейскому, всегда принималось с восторгом, не только потому, что оно обеспечивало победу в битвах, но также и потому, что оно охраняло страну от волшебства, даже в мирное время. Мусульмане в городах приморья уже с давнего времени, тоже носят амулетки. Эти последователи ислама известны под именем «малайцев», вероятно, благодаря смешению с названием мали или мале, которым прежде обозначали мандингов.

Обширная территория, заключающаяся между Дагомеем, Бенинским заливом и покатостью Нигера, населена народами разных наименований, как то: эйо, икту, эгба, иебу и другими, которые все говорят наречиями одного и того же языка иоруба, состоящего из соединяемых односложных слов: это нагосы, называемые также иоруба, как их страна и употребляемый ими язык. В Сиерра-Леоне они вообще известны под именем акусов, происшедшим от *аку*, их обычного взаимного приветствия. Эти туземцы мало разнятся от своих соседей эуэ: подобно последним, они довольно большого роста и представляют обыкновенный тип негра помора, хотя кожа у них менее черная, скулы менее выдающиеся, губы менее толстые;

1 Borghero, „Annules de la Propagation de la Foi“, 1863.
2 I. E. Bouche, цитиров. сочинение.
3 Burton, „Dahome“;—I. E. Bouche, „Contemporain“, 1-er novembre 1874.
4 I. E. Bouche, цитиров. сочинение.

также как на прибрежье, простирающемся к востоку от Ашанти, каждое племя отличается от других особой татуировкой, которая составляет настоящий «национальный герб», однообразный для всех членов известного народца[1]. Все путешественники описывают иорубов, как людей кротких, добродушных, верных данному слову, очень послушных, наивных и откровенных, легко прощающих обиды. В их территории, на всех посещаемых дорогах устроены, через известные промежутки, сараи из листьев, *ародже*, для удобства путешественников; прохожий находит там кров, воду, вино, и если желает, может оставить взамен несколько раковинок каури (ходячая монета)[2]. Очень общительные, иорубы почти везде сгруппировались в городские поселения, чем и объясняется многочисленность больших городов в их стране; даже земледельцы стараются жить в городах и не боятся ежедневных долгих переходов из дома на поле и обратно. Впрочем, опасность, которой подвергались все одиночные пахари со стороны охотников на человека, некогда столь страшных в этой области Африки, вынуждала их работать группами и укрываться на ночь в каком-нибудь укрепленном месте.

Главный промысел иорубов—земледелие: кукуруза и ямс, служащие для приготовления почти всех туземных блюд, всегда дают сбор, вполне достаточный для прокормления многочисленного населения края; кроме того, здесь возделывают просо, маниок, сладкий картофель, горох, земляные фисташки, разного рода овощи, бананы и другие плоды. Туземцы утилизируют все продукты пальм, масличной, кокосовой и других видов, и очень искусны в добывании пальмового вина из дерева *raphia vinifera*, на которое они лазают с поразительным проворством, привязывая себя к стволу веревкой, которая им в то же время служит сиденьем, и которую они постепенно передвигают кверху движением руки. В этой стране нет крупных землевладельцев: земля считается общей собственностью; кто пашет ее, тот и пользуется её произведениями; но как только он перестает лично обрабатывать земельный участок, последний снова поступает в собственность нации, и всякий желающий может овладеть им посредством труда. Как ремесленники, иорубы тоже очень искусны: гончары, кузнецы, кожевники, седельники, ткачи, красильщики встречаются в каждом городе; земледельческие орудия, употребляемые иорубами, фабрикуются в самой стране, и в прежнее время, когда бумажные материи Манчестера еще не заполонили рынков, португальцы покупали у этих туземцев холст, белый и синий, который очень ценился в Бразилии[3]. Даже искусство приготовления стекла и изделий из него не совсем неизвестно; из внутренних округов привозят стеклянные кольца, синего или зеленоватого цвета, которые раскупаются на расхват для женского убора[4]. Как строители, иорубы отличаются между всеми народами Африки; некоторые из их дворцов заключают до пятидесяти комнат: двери, фризы веранды украшены скульптурными работами, представляющими сцены войны или охоты, фантастических животных, религиозные символы. Они питают особое уважение и пристрастие к мебели, которую мастерят из акации гумминосной, потому что это дерево часто скрипит и трещит, особенно по ночам: подобно спиритам Европы и Нового Света, они верят в стучащих духов[5]. Искусство письма не было известно этим неграм, но путешественник Де-Марше говорит, что они употребляли завязанные веревочки, узелки которых имели то или другое значение, смотря по числу их и порядку расположения: это были своего рода письменные знаки, напоминающие *кипосы* перувианцев во времена монархии инков.

Подобно своим соседям дагомейцам, различные народы группы иоруба повинуются наследственным царькам, но власть этих *обба* ограничена всемогущим обычаем, и при том каждый город имеет своего почти независимого начальника, кабесера, назначаемого королем и не несущего никакого обязательства, кроме изъявления верности и преданности государю: это крупный вассал, пользующийся королевскими прерогативами. При начальниках и

1 D' Avezac, „Notice sur le Pays et le peuple des Yebous".
2 I. E. Bouche, цитиров. сочинение.
3 Iohn Adams;—George Robertson;—d'Avezac, цитиров. сочинение.
4 P. Bouche, „La Cote des Esclaves".
5 Bowen, „Adventures and Missionary Labours in the Interior of Africa".

губернаторах состоят советы из именитых людей, а иногда, в особо важных случаях, весь народ созывался в общие собрания. Кроме того, власть царька сдерживается могущественным тайным обществом *абони*, члены которого связаны страшными клятвами: кандидаты при вступлении в это общество должны исполнить обряд коленопреклонения и принятия напитка, состоящего из смеси воды с кровью. Под страхом смерти, никто не может присутствовать при совещаниях посвященных, ни проникнуть в их дом-фетиш. Когда абони произнесут осуждающий приговор, они обязаны сами привести его в исполнение: таким образом они являются в одно и то же время судьями и палачами

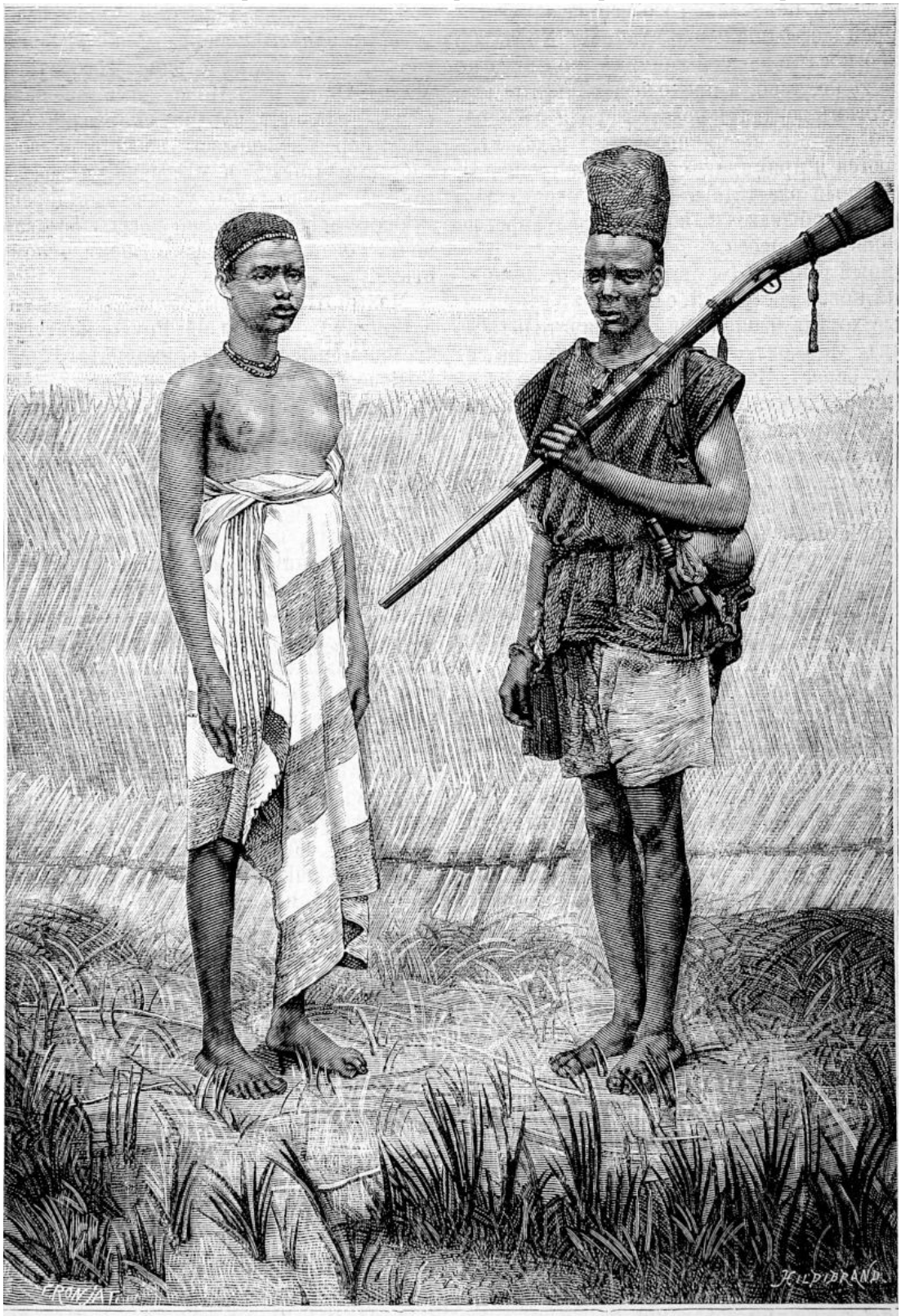
Обычай давать спутников умершим был так же широко распространен в стране иорубов, как и в западных областях Невольничьего берега. Король не мог отправиться на тот свет без длинного кортежа жен, министров и невольников; последние были подвергаемы заключению насильно, но лиц высокопоставленных вежливо приглашали лишить себя жизни: они выпивали чашу яда, поднесенную жрецом, и если напиток не производил желаемого действия, им предоставлялось повеситься у себя на дому. Вера в привидения всеобща; оттого принимаются мельчайшие предосторожности, чтобы воспрепятствовать появлению выходцев с того света: оружие воинов и охотников зарывают за городскими воротами, дабы мертвец не мог употребить его в дело, если ему придет фантазия вернуться ночью к своим согражданам. Тела умерших детей выбрасываются в лес, так как преждевременная кончина всегда приписывается вмешательству злых духов, которых необходимо сбивать с пути.

Старые формы анимистической и натуралистической религии иорубов значительно видоизменились в последние четыре столетия, с одной стороны под влиянием португальцев, с другой—под влиянием фулов или феллата. называемых здесь филани, и других магометан. Обба-оль-Орун, или «царь Неба», все более и более смешивается в понятии туземцев либо с Богом христиан, либо с Аллахом мусульман: они даже дают ему имя Обба-т' Аллах или «господин Аллах» и сочетают его разнообразно, смотря по племенам и их отношениям, с своими национальными преданиями и рассказами миссионеров; они сделали из него «фетиша из хорошей глины», который создал людей, вдохнув душу в форму из земли, и представляют его как великого производителя и творца в образе змеи или женщины, кормящей грудью своего младенца. Некоторые церемонии, находимые миссионерами во многих местах этого поморья, несомненно составляют обряды католического происхождения, введенные португальцами или бразильцами. Но ныне религией, постепенно одерживающей верх над старыми культами, является та, которую проповедуют купцы, приходящие с берегов Нигера. Большой национальный праздник теперь уже не сбор ямса, а байрам, как во всем мусульманском мире. Обращение в магометанскую веру совершается тем легче, что внешний знак обрезания, общий всем иорубам с незапамятных времен, располагает их заранее смотреть на себя как на братьев проповедников ислама.

Крайний западный отрывок Невольничьего берега, смежный с английскими владениями Кэп-Коста, составляет одну из тех колониальных территорий, которыми Германия завладела с 1884 года. Это страна Того, называемая так по имени её главного города и племени языка эуэ, колонизовавшего эту область. «За лагуной»—таково буквальное значение этого имени, доселе неизвестного, которое вдруг приобрело некоторую важность в политической номенклатуре. Пространство этого германского «протектората»—60.000 квадр. километров, а население её—около 2.250.000 душ. Недавния присоединения внутри материка, в землях Крепи и Мина, значительно расширили область торговой эксплоатации. Минасский город Адангбе, лежащий в пятидесяти километрах к северу от моря, тоже потерял свою независимость. Более значительный город, Атакпаме, находится в сотне километров далее на север, в шести или семи днях ходьбы от побережья, недалеко от лесистых гор, связывающих прибрежные цепи нижней Вольты с высокими вершинами Маги. Жители Атакпаме славятся как отважные охотники на слонов; они храбро защищали свою свободу против армий короля дагомейского, и со времени одержанной ими победы неоднократно вызывали на бой своего могу-

щественного соседа, но тот уже не посмел принять вызова[1].

В отношении наружного вида замечается большой контраст между приморскими и внутренними поселениями. Первые, где имеют пребывание представители европейских торго-

Типы и костюмы племени бамбара.

вых домов, отличаются возмутительной неопрятностью; перед жилищами всегда стоят лужи грязной воды, кучи навоза и разного мусора загромождают тесные улицы и проходы, среди селения валяется падаль, оставляемая на съедение коршунам и другим хищникам. Напро-

1 I. E. Bouche, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris.“ 1875.

тив, деревни, лежащие на северной стороне лагун, содержатся в образцовом порядке и чистоте; улицы и площади аккуратно подметаются, сор сваливается вдали от жилищ в большие ямы, засыпаемые землей; хаты из красной глины, окрашенные в веселые цвета, имеют вид чистеньких домиков, и некоторые состоят из двух этажей. Храмы фетишей и судилища украшены резными фризами и даже грубой живописью, изображениями лошадей и фантастических животных; площадь для палабр, осененная большим развесистым деревом, всегда чиста, как паперть храма, и поселяне заботятся о том, чтобы для этих общественных собраний было отводимо самое живописное место, откуда вид обнимал бы возможно более обширный горизонт. Поля и плантации (главные предметы полеводства—кукуруза и земляные фисташки) тоже содержатся гораздо исправнее внутри страны, чем в соседстве побережья. Впрочем, и почва там много лучше: в то время, как вблизи моря преобладает чистый песок, в заозерных местностях земля состоит из очень плодородной железистой глины. Цоллер исчисляет в одну двадцатую площадь почвы в Того, занятой под культуру.

Главный город состоит из пяти деревень, построенных очень близко одна к другой и спрятавшихся в лесу кокосовых пальм; он расположен на красной террасе, господствующей с северной стороны над главной лагуной страны. Священный город (город-фетиш) королевства, Бэ, помещается западнее, недалеко от границы английских владений. Несмотря на близость его от морского берега (разстояние не более 3 километров), этот город до сих пор был посещен лишь очень немногими европейцами: это потому, что для всякого желающего проникнуть в священную ограду безусловно обязательна совершенная нагота, так как одежда—маска тела, а боги хотят, чтобы пред ними являлись в том образе, какой они дали своим верующим. Однако, немецкие путешественники, которые первые проникли в город-фетиш, в 1884 году, получили, в виде особой милости, разрешение переступить за порог городской ограды, сохранив на себе кальсоны, ботинки и каску; но верховых лошадей они должны были оставить за городом, и таким образом им пришлось пешком совершить свой торжественный въезд. Соседняя с Бэ деревня, Биассе, населена преимущественно резчиками фетишей; однако, этот промысел недостаточен для их содержания, и потому они занимаются, кроме того, фабрикацией глиняной посуды. Смерть царьков Того всегда окружена некоторой оффициальной тайной. Хотя все знают о последовавшей кончине, но никто не признает ее явно, и проходит год и более, прежде чем посадят нового короля на «кресло»: во все это время посольства и дары отправляются и принимаются именем усопшего. Но истинный властитель в этих странах—всемогущий обычай, и потому междуцарствие есть лишь кажущееся.

Главный рынок государства Того, Ломе,—деревня новой постройки, основанная купцами, которые хотели избавиться от значительных пошлин, установленных англичанами на соседнем берегу. Затем следуют, в восточном направлении, Багида, называемая на некоторых картах Багдадом, и Порто-Сегуро («безопасный порт»), наименованный так его основателями, вольноотпущенными неграми из бразильского округа Порто-Сегуро; эта колония переселенцев из Нового Света, известная у туземцев под именем Абодранг-по, представляет кучку сгруппированных на берегу хижин, которая служит морской пристанью для столицы, лежащей при лагуне: она имела некоторую важность во времена торга невольниками, отмененного с 1863 года, когда стало невозможно продавать живой товар на плантации Америки. Экспорт состоит почти исключительно из пальмовых орехов и масла, продуктов, за которые негоцианты платят либо наличными деньгами, либо водкой, табаком, порохом или оружием, бусами и другими европейскими товарами. Внешняя торговля почти всецело находится в руках французов и немцев, из которых первые сменили португальских, а вторые—британских коммерсантов; кроме того, некоторые негры из Сиерра-Леоне, Бразилии и местные уроженцы тоже принимают участие в морской торговле; подвоз товаров из внутренних областей производится главным образом чрез посредство женщин.

Обороты внешней торговли в Того, в 1895-96 г.г.: привоз—2.607.180, вывоз—3.014.176 марок.

Торговые сношения с за-озерной страной, без сомнения, значительно возрастут, когда нынешния извилистые тропинки, по которым можно пробираться только гуськом, будут заменены хорошими дорогами; но во многих местах запрещено трогать лесную чащу: почва —«фетиш», и нужно, чтобы она сохраняла свой наряд.

Прилегающее к Того с восточной стороны королевство Малый Попо прежде состояло под верховной властью Франция, и при том марсельские негоцианты из всех европейцев пользовались наибольшей долей торгового обмена с его жителями. По недавно заключенному трактату, протекторат над этой страной перешел к Германии, в обмен за некоторые пункты побережья на «Южных реках». Также как страна Того, территория Малый Попо или Пово, как ее называют немцы, состоит из двух различных поясов: береговой полосы, на которой построены торговые города и местечки, и за-озерных земель, гораздо гуще усеянных деревнями и лучше возделанных, но доселе остававшихся почти совершенно неизвестными белому человеку.

Малый Попо, называемый туземцами Анехо и Плавихо,—бывший Povao португальцев, упоминаемый с конца семнадцатого столетия[1]. Большое число его жителей ведут свой род с Золотого берега и говорят наречием своих предков, более или менее смешанным с языком эуэ их соседей. Завися оффициально от царька Греджи, местечка, лежащего к северу, по другую сторону лагуны, Малый Попо имел, в 1884 году, еще трех других начальников или кабесеров, также претендовавших на титул державцев, при чем у каждого из них были свой штат придворных и свои подданные, и каждый взимал таможенные пошлины: французы, немцы, негры, сиерра-леонские англичане, каждая национальность выбирала того или другого царька, чтобы платить ему пошлины, но им нужно было следить, чтобы соперничество этих маленьких потентатов не превратилось в кровопролитную войну. Несмотря на это многоначалие и конфликт властей, Малый Попо есть важнейший рынок побережья между Квиттой и Ажудой. Обороты его внешней торговли в 1884 году, по Цоллеру, выразились следующими цифрами: привоз—1.625.000 франк.; вывоз—2.030.000 франк. Сюзеренное правительство, Германская империя, представлено в территориях Того и Малый Попо только гамбургскими и бременскими купцами, поселившимися в факториях прибрежья. Истинными властителями страны по-прежнему остаются начальники деревень и жрецы фетишей.

Агуэ (Ажиго на языке туземцев), лежащий в 9 километрах к востоку от Малого Попо (либо по лагуне, либо по береговой дороге),—тоже торговый город, но в особенности земледельческий центр; крупная торговля не была там монополизирована европейцами, хотя город состоит под политическим сюзеренитетом Франции: преобладающая роль в торговом движении принадлежит неграм, как коренным жителям, так и переселенцам из Сиерра-Леоне и Бразилии. Основанный в 1821 году минасами, этот город сделался местом убежища для гонимых из всех окрестных местностей: махи, изгоняемые из их земли дагомейцами, приходили из северных областей просить приюта у жителей Агуэ, принося с собой своих национальных фетишей; с запада сюда стекались изгнанники из Малого Попо и с Золотого берега; с востока—сюда же переселялись негры племен наго и эгба; затем в 1835 году явились вольноотпущенники из Бразилии, за которыми потом следовали другие чернокожие «американцы». К местным идолопоклонникам и к бразильским христианам присоединились также магометане из внутренних стран. Таким образом все расы и религии представлены в этой республике, ошибочно называемой королевством, так как её кабесер облечен лишь исполнительной властью: он должен сообразоваться в своих действиях с волей собрания граждан. Вокруг Агуэ, которому не раз приходилось оружием защищать свою независимость, сгруппировалось несколько других маленьких государств в республиканскую конфедерацию[2]; одно из них, Абананкон, по-французски носит название Баранкер.

Большой Попо или Пово, называемый самими жителями Пла,—торговый городок, где

1 Pierre Bouche, цитированное сочинение.

2 Pierre Bouche, цитиров. сочинение.

господствует французское влияние. Основанное также беглецами, местечко это состоит собственно из группы отдельных поселков, построенных на островках лагуны и на морском берегу: беглецы из Дагомея, которые первые поселились здесь, выбирали это место по причине недоступности его для их преследователей, так как фетиши запрещают дагомейским армиям переходить лагуну. Благодаря своему положению у так называемого «королевского протока», всегда открытого водам моря, Большой Попо ведет довольно значительную внешнюю торговлю; так, в 1884 г., по Цоллеру, торговые обороты его выразились следующими цифрами: привоз—1.060.000 франк.; вывоз—1.050.000 франк., Общую цифру населения Агуэ и Большого Попо тот же путешественник определяет в 120.000 человек; кроме того, внутренния местности, которые можно считать находящимися в сфере притяжения приморских городов, имеют по крайней мере столь же значительное число жителей. Всю эту страну можно бы было назвать Агомэ, по имени реки, которая пересекает ее с севера на юг и впадает в лагуну; во время половодья течение её настолько сильно, что продолжается в лагуне до постоянного протока у Большого Попо; иногда же заметное движение вод распространяется в западном направлении до временного прохода у Малого Попо.

К востоку от Большого Попо начинается территория Дагомея, охраняемая почти у самого входа значительным городом Глехуэ, который европейцы обозначали разными именами: Фида, Хведа, Видах, Уида; старинные писатели называли его Juda; жители его именовались «Judaiques», т.е. иудеями; и действительно, их считали остатком рассеянных по лицу земли колен израильских; протекающая на севере река Аллала, настоящее имя которой—Эфра, была произведена в Евфрат учеными исследователями[1]. По всей вероятности, за городом останется наименование Ажуда, данное ему португальцами, некогда главными негро-торговцами. В эпоху наибольшего процветания торговли живым товаром, когда с этого берега ежегодно вывозилось от шестнадцати до восемнадцати тысяч невольников, Ажуда имел около 35.000 жителей: тамошние негры из всех чернокожих Невольничьего берега ценились всего дороже, потому что были трудолюбивы и не чахли от грусти по утраченной семье и воле[2].

Ажуда состоит из двух городских поселений. На севере от моря расположены европейские фактории, где развеваются разноцветные флаги; собственно город построен в 3 километрах севернее и отделен от морского берега лагуной и болотами; далее простирается другая лагуна, так что Ажуда занимает почти островное положение, соединяясь с твердой землей лишь узкими перешейками. Он делится на несколько *саламов* или отдельных кварталов, имеющих каждый своего кабесера и своих «людей»; форты европейцев тоже разделены на соответственные кварталы, обитатели которых происходят в большой части от бывших невольников; до 1867 года жители французского салама обязаны были справлять барщину. Поставленный под покровительство змея, Ажуда славится своим храмом фетишей-протекторов, жрицы которого, называемые «матерями» и «сестрами» змей, набираются, в дни празднеств, похищением молодых девушек[3]; десятка три безвредных питонов (из семейства удавов) обвиваются вокруг колонок и балок хижины, служащей кумирней; когда они ускользнут, чтобы прогуляться в городе, их почтительно приносят обратно в пагоду обмотанных около руки или посаженных в мешок. Горе нечестивцам, которые умертвили бы или ранили священное животное: в прежнее, еще недавнее, время жрецы велели бы такого нечестивца живым зарыть в землю! Поселянин, нечаянно убивший змею во время полевых работ, обязан войти в хижину, которую затем поджигают, и невольный богоубийца спасается из горящего дома сквозь дым и пламя, преследуемый дикими криками толпы. Прежде деревья, окружающие Ажуду, тоже были высокочтимыми фетишами, под тень которых клали больных, чтобы обеспечить их исцеление; иностранцам воспрещено было рубить лес в окрестностях города[4]. До сих пор еще сохранился один из этих богов, великолепный бавольник, су-

1 Labarthe, „Voyage a la cote de Guinee“.
2 Des Marchais, „Voyage en Guinee“.
3 Repin, „Tour du Monde“, 1863 1-er Semestre.
4 Des Marchais, цитир. сочинение.

ществование которого, по народному поверью, связано с существованием самого города[1]. Некоторые другие деревья в Ажуде отличаются странным видом: совершенно лишенные листвы, они носят, вместо лиственного убора, сотни летучих мышей или, по местному названию, «летучих собак», висящих на ветвях.

Ажуда принадлежит Дагомейскому королевству по праву завоевания с 1725 года; с того времени он и получил имя Глехуэ, означающее «Ферму» и указывающее на его роль в деле снабжения столицы предметами продовольствия; подобно тому, и соседний город, Ардра, был наименован «Выдолбленной Тыквой», потому что население его должно было поставлять съестные припасы на королевскую кухню. Егован, то-есть «начальник белых», командующий в Ажуде и «открывающий дороги» путешественникам, есть по рангу третья персона в королевстве; но уже с давнего времени власть его уравновешивалась влиянием иностранцев. Под управлением лица бразильского происхождения, «капитана купцов», город стал почти чуждым Дагомею; человеческие жертвоприношения прекратились; перестали, как бывало в прошлом столетии, сажать на кол матерей, виновных в рождении двойней[2]. В Ажуде преобладает португальское влияние; некоторые дома и вся меблировка напоминают Лиссабон. С тех пор как англичане сняли блокаду с берегов Дагомея, в 1877 году, торговля пальмовым маслом, которое считается лучшим на всем этом побережье, снова приняла большие размеры. В декабре и январе рейд покрывается судами; но торговая деятельность стеснена многочисленными ограничениями; так, например, запрещено вывозить какой бы то ни было предмет, впервые введенный в страну, и, вследствие того, считаемый собственностью короля; ни одна женщина, тоже королевская собственность, не может выехать из порта. Негоцианты обязаны покидать вечером свои склады на берегу, которые остаются под охраной королевских офицеров. Внешний рейд Ажуды не надежен в бурную погоду, и почти всегда на плоском берегу видны выброшенные волнами обломки, а в водах остовы потерпевших крушение судов. Нигде акулы не проявляют большей дерзости. Когда опрокинется барка, негры спасаются вплавь, затем, добравшись до берега, начинают считать свои ряды, и редко бывает, чтобы все оказывались на-лицо.

На дороге в Абомей, описанной многими европейскими путешественниками, первый этап—бедная деревушка Сави,—Ксавье (Ксаверий) у старинных авторов,—бывшая некогда столицей королевства Фида или Ажуда, государь которой, по словам летописцев, мог выставить двухсот-тысячную армию: все государство, говорит Де-Марше, казалось «как-бы одним огромным городом». Теперь не видно даже развалин укрепленных факторий, которые были там построены европейцами. К югу от Сави простираются обширные болота; на севере тянется пояс лесов, шириной в несколько льё, изредка прерываемый прогалинами, потоками и болотами. Тропинка идет через деревню Толли, затем через город Аллада, древний Ардра, который некогда был, как и Сави, столицей империи и торговым городом, где европейцы имели свои конторы. Предание гласит, что этот город имел 15 километров в окружности; теперь он не более, как рынок для местных произведений, хотя занимает очень выгодное положение в здоровой возвышенной местности, в точке соединения нескольких дорог; но он все еще считается метрополией королевства Дагомей. Дагомейский державец, который, вместе с другими титулами, носит также титул «Господина Аллады», не имеет права воздвигнуть свой дворец в Абомее, пока не воссядет на табурет своих предков в священном граде. Однако, те же дагомейцы совершенно разорили Алладу в 1724 году, когда предприняли завоевание приморской дороги: почти все жители были перебиты, и лес скоро покрыл развалины разрушенных зданий.

Естественную границу, отделявшую некогда королевство Аллади от Дагомея, составляет обширное болото Ко, которое европейцы обыкновенно называют его португальским именем Лама, означающим «грязь». Болото это и теперь имело бы большую стратегическую важность, в случае вторжения неприятеля: без искусственных сооружений оно было бы непро-

1 B. Feris, цитиров. мемуар.

2 Skertchley, цитиров. сочинение.

ходимо даже для легкой артиллерии; но в 1876 году, когда англичане готовились к войне против Дагомея, их пароход, поднявшись вверх по реке Веми до пристани Дугба, близ Абомея, тем самым доказал, что дессантное войско могло бы обойти это грозное препятствие. В сухое время года болото Ко, или Лама, шириной от 10 до 12 километров, на дороге в Абомей, легко может быть переходимо пешеходами; но в период дождей через него можно пускаться не иначе, как с достаточным числом носильщиков, которые иногда погружаются в воду по самые плечи и при каждом шаге вязнут в тине по колено; посланцы короля употребляют тогда два дня на переход болота; в 1784 году были построены мосты в наиболее трудных местах, и дорога была частию поднята; но насыпи вскоре осели и сравнялись с поверхностью болота. К северу от болота Ко начинается настоящее побережье континента; красноватая почва, усеянная железистыми камнями, поднимается в виде холмов, скаты которых покрыты лесками различных древесных пород. Столица страны, по Бортану, стоит на высоте 325 метров, на террасе, легко доступной с южной стороны, но к северу очень круто обрывающейся над сырыми равнинами, превращенными в огороды[1].

Абоме или Агбоме, то-есть «Город в ограде»,—действительно укрепленный город, с монументальными воротами, обведенный глубокими рвами и обсаженный поясом колючих деревьев. Он занимает обширную площадь, но большая часть огороженного пространства состоит из садов и развалин; кроме того, собрание невзрачных домишек, называемое дворцом, имеет не менее 3 километров в окружности. Стена этой резиденции прежде была усажена на всем её протяжении человеческими черепами, красноречивыми свидетельствами королевского могущества; теперь видны только железные стержни, на которые нанизывались эти гнусные трофеи. Португальский министр-резидент, представитель «покровительствующей» державы, не позволяет более избиений, требовавшихся обычаем. Численность населения Абомея меняется, смотря по переездам двора, который имеет пребывание то в оффициальной столице, то в дагомейском Версале, городе Кана (прежние путешественники называли его Кана-Мина или Кальмина), лежащем между холмами, в нездоровой низине, где скопляются миазмы в дождливое время года. Раскинутая на большом пространстве, Кана походит скорее на поле, усеянное домами, чем на город в собственном смысле; жилища скучены только в соседстве дворца, прежде славившагося, как и абомейская резиденция, своими кровавыми обычаями. В память потребления племени эйосов, бывших владельцев страны, королем догомейским были установлены ежегодные жертвоприношения, где жертвы представляли расу побежденных по костюму и другим внешним признакам. Абомей и Кана соединены прекрасной дорогой, шириной в 30 метров и длиной в 12 километров, которая спускается из столицы по нечувствительному скату, в тени великолепных деревьев; эта чудесная аллея составляет начало пути, который рано или поздно продолжится до Ажуды, лежащей слишком в 100 километрах к югу от Абомея. Большую часть дня эта дорога бывает заполонена водоносками королевского дворца, при чем все прохожие, как только услышат звон колокольчиков, повешенных на шее у этих женщин, царских рабынь, обязаны поспешно уходить с дороги и стать отвернувшись, пока не пройдут водоноски. Окрестные поля, возделываемые для продовольствования двора, носят название «сада Дагомея»; но за этими полями равнины почти везде имеют вид пустырей, незасеянных и необработанных: своими военными экспедициями властители создали пустыню вокруг царских городов. В лесных чащах, по монархической фикции Дагомея, царствует государь-призрак, двойник настоящего короля; он не существует, но тем не менее имеет свой дворец, своих придворных и офицеров, своих аманозок, свой бюджет: это его именем собираются налоги, совершаются покупки на деньги народа; но щедроты исходят от реального царька. Все, на что жалуется бедный народ, приписывается этому химерическому королю, признательность же подданных за благодеяния власти обращается на действительного государя[2].

Далее городские поселения снова появляются только на севере от собственного Дагомея,

1 Skertchley, „Dahomey as it is“.

2 Skertchley, цитиров. сочинение.

в провинции Махи, население которой было, впрочем, часто разрежаемо массовыми изгнаниями и побоищами, с половины восемнадцатого столетия. Дагомейцы придумали средство к покорению махиев, нападая на них всегда перед наступлением страдной поры. Туземцы, покидая свои поля, чтобы укрыться в укрепленных местах на горах, скоро были вынуждаемы голодом просить мира и выдавать заложников; но во время путешествия Дункана, с 1845 года, народец дасса, говорящий наречием, отличным от языка махиев, еще сохранял свою независимость. От равнины к хребту гор следуют одно за другим несколько городских поселений, как-то: Зенг-Нуми, важный торговый пункт; Зоглогбо, живописный городок, приютившийся на дне бывшего кратера; Логозахи, в очаровательной местности, среди холмов, лесов и быстрых потоков, через которые перекинуты висячие мосты; Савалу, некогда столица территории махиев; Джаллаху, окружений рассеянными глыбами гранита, которые Дункан сравнивал с каменными столбами в Стонгендже. Эти дагомейские Альпы, до сих пор посещенные только двумя европейскими путешественниками, которые были почти пленниками своего конвоя, отличаются от прилегающих низменных равнин климатом, флорой, фауной, жителями и наружным видом городов[1].

К востоку от Дагомея, французы владеют второй энклавой, Новым Портом (Порто-Ново), маленьким туземным королевством, которое образовалось, в начале восемнадцатого столетия, основанием города Гонибону. Основатель, сын короля Аллады или Ардры, называл его также «Малой Ардрой»; у португальских моряков этот город был известен под именем Порто-Ново; туземцы ныне называют его Аджаше. Пространство территории Порто-Ново, ограничиваемой с южной стороны морем на протяжении около 40 километров, определяют приблизительно в 1.900 квадр. километров, а народонаселение в 15.000 человек. Говорят, что в этом числе, вероятно, преувеличенном, мужчины составляют огромное большинство[2]; но это утверждение не имеет за себя никаких систематических наблюдений. После бомбардирования города Порто-Ново англичанами в 1861 году, местный царек, два года спустя, отдал себя под покровительство Франции. Город был занят, затем оставлен, потом снова взят в 1882 году французами, в то время, когда европейские державы спешили поделить между собой африканское поморье; также как Котону и другие французские порты на Невольничьем берегу, Порто-Ново в административном отношении зависит от Сенегала.

Порто-Ново, по числу жителей второй город на этом побережье после Лагоса, состоит из группы деревень, расположенной на северном берегу озера, которое сообщается с реками Бадагри и Лагос; кварталы его разделены лесками, полями, болотами и необработанными землями. В главном местечке, близ священных ворот, украшенных грубыми изваяниями духов-покровителей, стоит королевский дворец, который еще в 1875 году был окружен обезглавленными трупами и гирляндами человеческих черепов. Порто-Ново ведет довольно большую меновую торговлю с городами Аггера и Сакете, лежащими к северу от него, и с внутренними округами, до гор и до берегов Нигера: хотя удаленный на 300 слишком километров от первых устьев этой реки, «Новый Порт» сделался уже одним из экспортных рынков центральной долины Судана[3]. Качаха, или спиртные напитки во всех видах, табак и порох—вот главные статьи привоза; вывоз же состоит почти только из пальмовых орехов и масла и орехов кола, отправляемых в Бразилию. Торговое движение в этом городе в 1884 году выразилось следующими цифрами: Привоз—3.970.043 франк. Вывоз—5.055.483 франк. Судоходство по приходу и отходу: 187 судов, вместимостью 38.550 тонн. Со времени замирения страны, окрестности города покрылись плантациями; туземные женщины умеют ткать прочные материи из *агуше*, или ананасовых волокон, и собирают соль на морском берегу, которая находит сбыт во внутренния местности. Образ правления в королевстве Порто-Ново—единственный в своем роде по способу деления властей. Есть страны, как, например,

1 Duman, „Travels in Western Africa“;—Skertchley, „Dahomey at it is.“

2 Richard Burton, цитиров. сочинение

3 Medard Beraud, „La France Coloniale,“ par Alfred Rambaud.

Фута-Джаллон, где два державца царствуют поочередно впродолжении периода, обнимающего один или несколько годов. В Порто-Ново этот круговорот менее продолжителен: здесь смена в отправлении царской должности происходит дважды в сутки. Дневной король, который пользуется большим почетом и один руководит управлением государства, должен после заката солнца убираться в свой дворец; ночной король, напротив, не может выходить из дому до наступления сумерек: он заведует преимущественно благочинием, полицейской частью, и охраняет сон граждан. Каждый из двух царьков имеет право смерти над своим коллегой, если встретит его на улице в момент междуцарствия[1]. Личности слишком стеснительные, как претенденты на титул начальников, изгоняются из города и делаются маленькими тиранами в окрестностях, под именем «лесных царьков»[2].

Котону или Аппи, морской порт города лагун, лежит к юго-западу от Порто-Ново, на протоке, где сходятся судоходные каналы обширного озерного лабиринта Нохуэ, а также река Веми, исток большего болота Ко или Лама. Котону прежде принадлежал к королевству Дагомей, вследствие чего Португалия, опираясь на свои привилегии протектората, оспаривала у Франции право владения этим складочным пунктом. В 1885 году конвенция, заключенная между двумя названными державами, окончательно укрепила за последней из них территориальную уступку, сделанную ранее абомейским королем. Две деревни Афатону и Ахуансоли, находящиеся посреди озера Нохуэ, на канале из Котону в Порто-Ново, построены на сваях, как города озерных жителей древней Швейцарии: происхождение этих африканских свайных построек такое же, как и древних поселений на альпийских озерах. Около половины прошлого столетия, жители Годоме, спасаясь от набегов дагомейцев, воздвигли эти хижины в самом озере на рядах свай; защищенные широким проливом, они могли с этого времени не бояться «абомейского льва», которому его фетиш запрещает переходить воду в военных доспехах; им нужно было опасаться засад только на твердой земле, когда они выходили на берег для добывания съестных припасов, или для погребения умерших. В этих озерных селениях не имеется общей эстрады для палабр и празднеств; мирские сходы происходят под открытым небом, на плоских крышах хижин; каждая семья располагается на кровле своей хаты, или тожди: там разглагольствуют деревенские ораторы, скачут и кружатся плясуньи: для наблюдателя, стоящего на берегу, необыкновенно оригинальное зрелище представляют эти черные фигурки, прыгающие на лазурном фоне неба. Падение в воду озера не имеет ничего опасного для этих островитян, более привыкших к плаванью, чем к ходьбе; впрочем, у каждого жилища имеется лодка между сваями[3]. Самое имя озера, Нохуэ, или «Дом Воды», очевидно, обязано своим происхождением этим свайным постройкам.

Бадагри, на северном берегу Оссы, имеющей здесь 500 метров в ширину,—первый город, который встречает едущий с запада путешественник на английской территории Невольничьего берега. Как большинство других рынков того побережья, город этот дополняется группой факторий и складов, построенных на плоском берегу, моря. Бадагри некогда был столицей королевства и самым большим негроторговым рынком на всем этом поморье. Ричард Лендер, который, после Клаппертона, отправился из этого города в свое путешествие, для исследования Судана, рассказывает, что в то время, в 1830 году, предложение невольников много превышало спрос, вследствие чего стариков и немощных, как брак, бросали в воду на съедение акулам. Отборных негров берегли для жертвоприношений: у них вырывали сердце, и король, его жены, его кабесеры, наперерыв друг перед другом, кусали эти трепещущие внутренности. Лендер должен был выпить в Бадагри «чашу испытания», чтобы оправдать себя от обвинения в преступлении, но он успел во время принять рвотное, парализовавшее действие яда. К северу от Бадагри, в бассейне реки Окпара, находятся независимые королевства Адо, Покра, Океадан, часто подвергающиеся набегам дагомейцев.

1 Hugo Zoller „Kamerun“.

2 Pierre Bouche, цитиров. сочинение.

3 Borghero;—Bouche, цитиров. сочинения.

В 65 километрах к востоку от Бадагри, на одном из островов Оссы, стоит столица британских владений, Лагос. Этот «африканский Ливерпуль», как его любят называть тамошние англичане,—самый богатый город на всем побережье западной Африки. Выгоды его географического положения очень велики. Он лежит как раз около середины вогнутости Бенинского залива и, следовательно, находится в точке соединения многочисленных дорог, идущих из внутренней части материка. Впадающая в лагуну судоходная река Огун ставит Лагос в сообщение с Абеокутой, могущественным внутренним городом, и с окружающими богатыми сельскими местностями. Кроме того, Лагос командует западным истоком Оссы и через эту разветвляющуюся лагуну располагает тысячью дорог, которые представляют ему изливающиеся в нее притоки; этот лиман служит даже средством для движения пароходов до самого Нигера: хотя Лагос по прямой линии отстоит на 350 километров от большой африканской реки, он тем не менее есть одно из её торговых устьев. Туземные производители в своих пирогах, выдолбленных древесных стволах, и негоцианты в шлюпках, вместимостью от трех до восьми тонн, подвозят по водам Оссы в Лагос пальмовое масло, орехи, хлопок в небольшом количестве, грузя в обратный путь бумажные материи Манчестера и водки Гамбурга; по берегу лагуны тянется ряд судостроительных верфей. Почти вся торговля с Европой сосредоточена в руках англичан и немцев. Торговые сношения с внутренними областями производятся главным образом чрез посредство мусульман, число которых сильно возросло в последнее время; в 1865 году их насчитывали всего только 1.200, а двадцать лет спустя их уже было около тридцати тысяч[1]: по словам Бортона, у них было 27 мечетей в 1880 году.

Остров Лагос, называемый туземцами Ауни или Авани, лежит в 5 километрах от моря, между рукавами лагун, устьем реки Огун и притоком, открывающимся на океан. Город, раскинувшийся на обширном пространстве, занимает западную часть этой болотистой земли, которая год от году повышается и увеличивается, благодаря работам по засыпке болот и по укреплению берегов; но еще остается засыпать много луж, выкопать водосточные канавы, построить мост, для соединения Лагоса с твердой землей. В так называемом «европейском» городе, где живет около полутораста белых, окруженных толпой цветного и черного служащего люда, есть несколько красивых зданий, построенных на почве, частию отвоеванной у вод лагуны; его правильные набережные, с выступающими там и сям дамбами, тянутся на южной стороне острова, в виду моря, тогда как негритянские кварталы, называемые Эко, или «Добрый прием», рассеяны на севере, между болотами, садами и пальмовыми рощами. Известно, какое опасное препятствие составляет на этом берегу бар для судов, имеющих более 3 метров водоуглубления. Акулы, плавающие в волнах прибоя, еще более увеличивают опасность невольного купанья: потерпевшие кораблекрушение прежде редко избегали страшного зуба этих морских чудовищ; в иные годы число пожираемых ими несчастных доходило до пятидесяти; теперь перед проходом судов бросают в воду динамитные заряды. Удивительно, почему англичане не введут в африканских рейдах плот или катамаран, употребляемый индусами на опасном Мадрасском берегу.

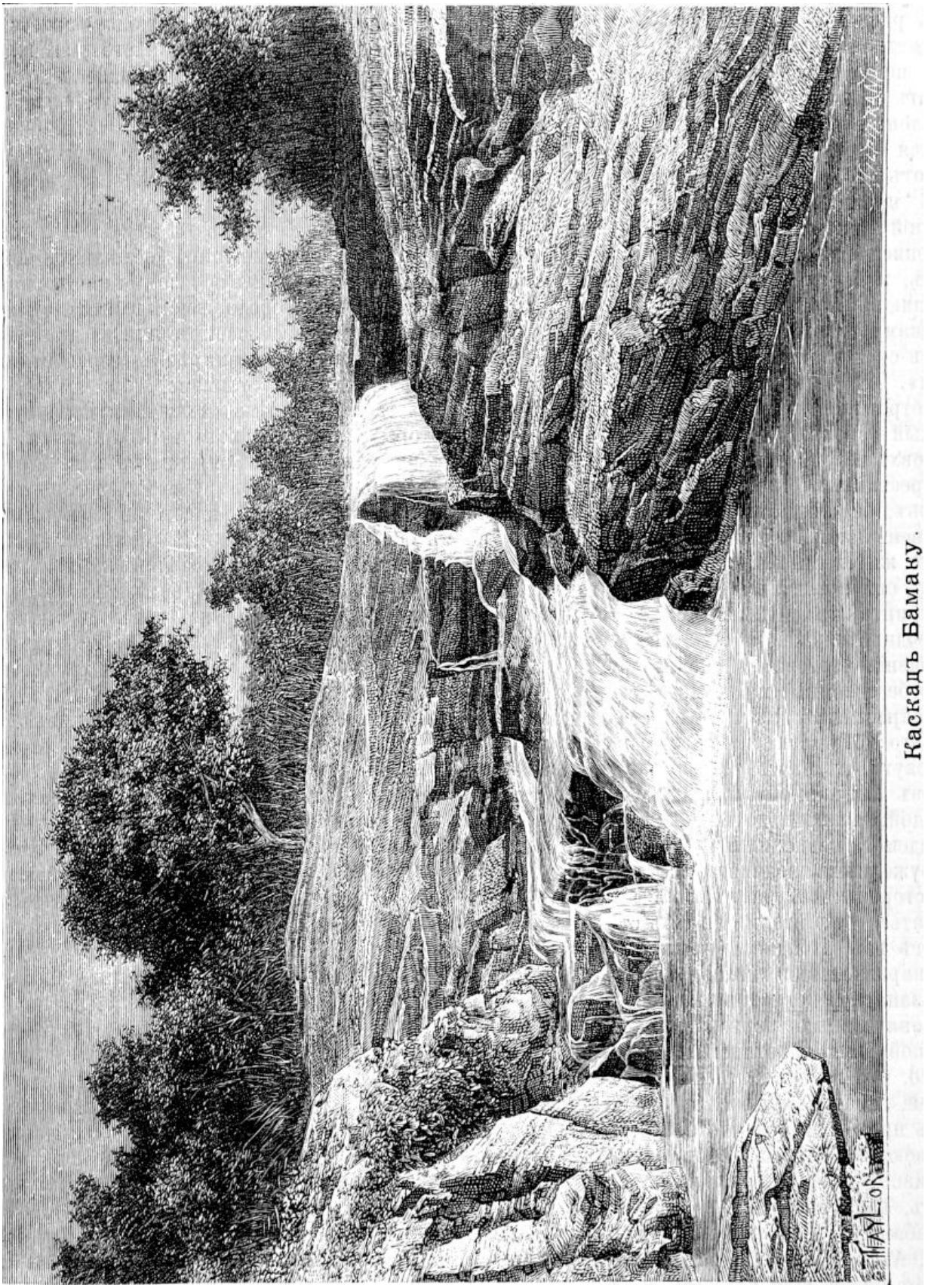
Обороты внешней торговли колонии Лагос за десятилетие 1885-95 г. возрасли с 1.156.745 (ввоз—542.564, вывоз—614.181) до 1.801.410 (ввоз—815.815, вывоз—985.595) фунт. стерл.

Движение судоходства в порте Лагос в 1895 г.: общая вместимость пришедших и отшедших судов—1.290.000 тонн (не считая каботажа).

Деревни Пальма, Леке или Иебу, Оде—главные пристани на морском берегу, загибающемся на восток к устьям Нигера. На берегу лагуны, простирающемся к востоку от Лагоса, самый значительный город—Эпе; кроме того, там же, по направлению к дельте, следуют одно за другим несколько многолюдных местечек, а в лагунах кое-где виднеются деревни, построенные на сваях, как озерные селения в Порто-Ново. На севере находится королевство племени иебусов, главный город которого, Оди, лежит на западном притоке реки Ошун. Недавно Германия объявила-было о взятии в свое владение округа Магин, в той части побере-

1 Bove, „Bolletino della Societa Geografica italiana,“ aprile 1861.

жья, которая соединяет пояс береговых лагун с сетью речных устьев; но новые конвенции возвратили Великобритании все эти аллювиальные земли страны Иоруба. В лесу, отделяющем пристань Оди от лагуны Магин, одна обширная прогалина получила большую из-

Каскадъ Бамаку.

вестность под именем Атиджере или Артижери, в котором, может-быть, нужно видеть Атагару, указанную султаном Гауссы путешественнику Клаппертону, как главное торговое место приморской области: каждый девятый день негры из окрестных местностей десятками тысяч

приходят на этот рынок обменивать свои произведения[1]. Магин принадлежит к бывшему Бенинскому королевству, этой зачумленной стране, ныне покинутой жителями, которая некогда, повидимому, пользовалась большим благосостоянием. В своем «Описании Африки» Даппер говорит, что король бенинский мог в несколько дней собрать 80.000 войска; но чтобы доказать свое могущество и снискать милость духов, он устраивал человеческие жертвоприношения, которые обезлюднивали его царство; каждый день перед ним убивали трех человек: одного при восходе солнца, другого в полдень, третьего в сумерки[2]. Город Бенин, теперь бедная деревушка Бини, имел школы и храмы; жрецы его умели вырезывать «иероглифические фигуры» и каменные изображения, «при помощи которых они рассказывали историю своей страны»[3]. Туземные кузнецы и теперь еще славятся своим искусством: из плохого европейского железа они выделывают отличные инструменты и орудия[4]. Путешественник египтолог Бельцони умер на дороге от моря в Бенин; климат этой области один из самых опасных на Гвинейском берегу.

Лагос, резиденция администратора английских владений на Невольничьем берегу, с 1886 года не зависит более от губернатора Золотого берега; но протекторат и здесь устроен по тому же образцу: английские поселения защищаются гарнизонами из солдат, называемых общим именем гауссауа, или короче гаусса, к какой бы расе они ни принадлежали; авторитет коронных судей мало-по-малу заменяет власть негритянских царьков; военные корабли перевозят странствующих представителей магистратуры из залива в залив. Главный рессурс колониального бюджета составляют таможенные пошлины, взимаемые с привозных товаров в Лагосе и на пристанях побережья (бюджет Лагоса в 1895 году: расходы—144.000, доходы —142.000 фунт. стерл.). Территория разделена на четыре округа: Лагосский, Северный, Восточный и Западный; в последнем главный город—Бадагри.

Абеокута, большой республиканский город на берегах реки Огун,—одно из значительнейших городских поселений африканского континента; по цифре населения он уступает только Каиру и Александрии. Большинство путешественников приписывают ему свыше 100.000 жителей, а некоторые миссионеры определяют даже в 200.000 число людей, обитающих в ограде столицы народа эгба. Оборонительная стена, простая земляная насыпь от 2 до 3 метров вышины, с редкими бойницами, обведенная снаружи рвом в 3 метра ширины, заросшим мелким кустарником, образует пояс протяжением в 32 километра, а центральное ядро города имеет не менее 7 километров длины, при 3 с половиной километрах ширины. Абеокута представляет странный вид: он расположен среди обширной волнистой равнины, усеянной гранитными скалами различной высоты; самая высокая, называемая просто «Скалой» и считаемая жителями покровительницей и защитницей их города, возвышается на 90 метров над средним уровнем равнины, которая сама уже лежит на 170 метров выше уровня моря. Разбросанные по равнине каменные массы представляют большое разнообразие формы; одни закруглены в виде куполов, другие съуживаются кверху на подобие обелисков, иные имеют зубчатую вершину или тянутся в виде правильной стены; одна походит на верхний щит исполинской черепахи. Дома живописно группируются у подошвы этих скал, и купы деревьев своей зеленью составляют яркий контраст с сероватыми стенками гранита. Абеокута вполне заслуживает свое название, означающее «Под скалами».

Метрополия эгбасов—город новый, обязанный своим происхождением постыдной торговле человеческим скотом. Подвергаясь беспрестанным набегам негропромышленников, беззащитные обитатели нескольких деревень племени эгба решили переменить место жительства: покинув открытую равнину, они поселились, в 1825 году, среди лабиринта гранитных скал, и из этой природной крепости с успехом отражали нападения торговцев неволь-

1 Krause, „Esploratore“, 1885.
2 Schon and Crowther, „Journal of an Expediton up the Niger in 1841“.
3 Romer, „Nachrichten von der Kuste Guinea“.
4 P. Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

никами. Вскоре все обездоленные и несчастные, все гонимые из окрестных местностей стали стекаться в это убежище, и через несколько лет Абеокута сделалась одним из больших городов Африки; она окружила себя обширной оградой, вполне достаточной для отражения нападений недисциплинированных и плохо вооруженных полчищ; тем не менее, с той стороны, откуда нужно было всего более опасаться набегов, то-есть с востока, на дороге из Ибадана, пришлось воздвигнуть три параллельные линии ретраншементов, а на западной стороне построили несколько оборонительных верков, дополняющих городской вал противоположного берега. Понятно, что город беглых невольников или людей, заранее намеченных в рабы, должен приготовиться к беспрестанной войне за свою свободу, на которую рабовладельцы, лишившиеся этой живой собственности, смотрят, как на кражу и обиду. Также как Фарабана в Бамбуке, Агуэ на морском берегу, Атактоне в территории племени эуэ и многие другие укрепленные места, построенные мятежниками или беглыми, Абеокута должна была часто защищаться от врагов, но она всегда одерживала победу: ежегодное человеческое жертвоприношение, справляемое с большой торжественностью осажденными жителями, было угодно богам[1]. Ибаданские войска были отброшены после кровопролитной битвы; даже король дагомейский, со своими амазонками, тщетно пытался ворваться в ограду Абеокуты; точно также попытки присоединения, сделанные втихомолку лагосскими англичанами, не имели никакого успеха.

Жители Абеокуты, соединившиеся для общей защиты, образуют свободную федерацию. Главный квартал носит имя Аке, бывшей столицы эгбасов; точно также другие группы домов имеют название тех деревень, где первоначально жили эти выходцы: бывшие общины переместились в новую республику со своими привилегиями, обычаями, домашними богами; таким образом город состоит из множества (около шестидесяти) деревень, имеющих каждая свои отличительные черты, свою историю, свое наречие, свои религиозные обряды. Мусульмане, или имале, уже представлены здесь тысячами колонистов, которых терпят, хотя и побаиваются, видя в них авангард северных завоевателей; христианская община тоже довольно многочисленна: вокруг часовен, основанных миссионерами, поселились сотни христиан, преимущественно иммигрантов из Сиерра-Леоне. В первые годы оставляли в покое эти религиозные станции, но впоследствии городские советы, усмотрев в них центры политической пропаганды, упразднили миссии и выслали иностранных проповедников, дозволив, однако, крестившимся туземцам свободное исповедание их веры. Впрочем, недавно в городе основались новые миссионерские станы, протестантские и католические.

Между жителями Абеокуты, самого деятельного города Иорубы, установилось некоторое разделение труда: все дети учатся какому-нибудь ремеслу: каждый глава семейства должен иметь свою профессию. В городе много ткацких фабрик и красилен; сотни рабочих занимаются строительными работами и умеют строить дома с колоннадами и центральным двором. Главный промысел—земледелие; ближайшие окрестности оставлены под выгон для скота, но за ними, в среднем расстоянии от 8 до 30 километров, тянется пояс полей и садов вокруг городской ограды. Абеокута дополняется портами на Огуне. Когда воды высоки, суда могут подниматься по реке до порогов Аро, в 3 километрах от города: там находятся уже верфи и магазины для склада пальмового масла. При низкой воде суда останавливаются ниже, у моста Агбамейя; наконец, во время мелководья, случается, что путешественники, едущие из Лагоса, не могут перейти по реке за деревню Игаон, находящуюся в соседстве морского залива. Все расстояние от Абеокуты до Лагоса 130 километров, тогда как по прямой линии оно на целую треть короче. Неоднократные победы республики над королем дагомейским в 1862 г., затем в два следующие года и в 1883 г. обеспечили за эгбасами неоспоримое владение рекой Огун и её берегами, до самого лимана: жители Абеокуты пользуются беспрепятственно сообщением с Лагосом и морем, но не заботятся о том, чтобы сделать это сообщение более удобным постройкой большой проезжей дороги, которою, может-быть, в один прекрасный день воспользовались бы и артиллерийские обозы английских генералов.

1 Richard Burton, „Abeokuta and Cameroons Mountains“.

Первое должностное лицо республики, носящее титул короля, может быть избираемо только в одном из четырех главных племен нации: власть его строго ограничена, на него смотрят преимущественно как на апелляционного судью для пересмотра приговоров, произнесенных начальниками кланов. Король избирается пожизненно; однако, если подведомственные его юрисдикции недовольны его решениями или его поведением, они посылают к нему депутацию, которая приглашает его удалиться от дел. В прежнее время ему в таких случаях предлагали «уснуть», и это приглашение всегда было исполняемо: король удалялся в свой гарем, и несколько дней спустя узнавали, что царский «сон» начался[1]. Вторая персона в Абеокуте, первая по действительной власти,—башерун, или главнокомандующий войсками республики. Его львиная доля добычи в войнах доставила ему большие богатства; что касается второстепенных начальников, то доходы их состоят из заставных пошлин, взимаемых с ввозимых продуктов у пяти городских ворот. Некоторые полицейские сборы, натуральные повинности и, в случае национальной опасности, налог, взимаемый с каждой семьи, питают бюджет республики.

Ибадан, город южной Иорубы, до недавнего времени оспаривавший первенство у Абеокуты, лежит в сотне километров к северо-востоку от столицы эгбасов, на водоразделе между покатостями Огуна и Ошуна, притоков приморских лагун. В 1851 году, Боуэн исчислял население этого города в 70.000 душ; но с этой эпохи миссионеры, посетившие его, единогласно ему дают свыше 100.000 жителей. Также как Абеокута, Ибадан есть городская конфедерация деревень, заключенных в одной и той же ограде, но имеющих каждая особое имя и общественное устройство. Магометане в этом городе более многочисленны, чем в соперничающей республики, хотя еще недавно там совершались человеческие жертвоприношения[2]. Между этими двумя государствами бывали кровопролитные войны, и в одну из этих кампаний Иджайе, большой город, километрах в тридцати к северо-западу от Ибадана, был разрушен до основания. Война недавно кончилась тем, что Ибадан покорился.

К северо-востоку, на боковой дороге, ведущей в Нупе чрез пристани Шонга или Эгга, находим другие многолюдные города, столицы независимых королевств, которые все более и более подпадают под влияние мусульманских просветителей, представленных фелатскими воинами и гауссанскими купцами. На морской покатости страны Иоруба, главные этапы—Ойо и Отбомошо[3]. Ойо сделался столицей королевства после разрушения города Катанга фелатскими распространителями ислама, но он гораздо менее населен, чем был его предшественник и чем есть ныне его сосед Огбомошо. Этот последний, с площадями и улицами, обсаженными тенистыми деревьями, находится уже в одной из долин возвышенности, отделяющей береговые реки от притоков Нигера: этот водораздел состоит из скал серого гранита, выступающих из красноватой и глинистой почвы, очень плодородной, и не представляет серьезного препятствия сообщениям; некоторые крутые утесы поднимаются на 200 метров над уровнем окружающих равнин. Гора Рококо, близ восточной оконечности водораздела, достигает почти 1.000 метров высоты[4]; но в некоторых местах не видно никаких выступов и рельефа, дорога все время извивается среди ровной местности, между масличными деревьями и пальмами элаис[5]. Со времени Клаппертона, который первый перешел этот водораздельный хребет, последний был посещен несколькими европейскими путешественниками, но нельзя не удивляться, что эта страна относительно еще так мало известна. Причина тому образ действия посредников торговли, очень ревниво оберегающих свою монополию: не препятствуя силой проходу иностранцев, они создают им на каждом шагу затруднения взиманием дорожной пошлины, визитами и церемониями, и таким образом в конце концов вынуждают их возвращаться назад. В городах караульные у заставы останавливают европейцев днем и

1 Norris;—Bouche;—Richard Burton, цитиров. сочинение.
2 Hinderer, „Seventeen in the Joruba Country“.
3 Cordioux;—Bouche;—Thomson;—Rohlfs etc.
4 May, „Journal of the Geographical Society“, 1860,
5 G. Rohlfs, „Quer durch Africa“.

заставляют их ожидать наступления ночи для входа в город, под тем предлогом, что злые духи могли бы проскользнуть в ворота по их следам.

Города покатости и поморья Невольничьего берега, население которых указано путешественниками в приблизительных цифрах:

Протекторат германский: Адангбе (по Манеже)—7.500 ж., Малый Попо—5.000 ж., Того (по Цоллеру)—2.500 ж.

Протекторат французский: Порто-Ново—30.000 ж., Агуэ (по Бушу)—5.500 ж.. Баранкер—2.000 ж.

Дагомей и португальский протекторат: Ажуда—20.000 ж.. Абомей—24.000 ж., Логозахи (по Дункану)—8.000 ж., Кана (по Скерчли)—5.000 ж.

Протекторат английский: Лагос—65.000 ж., Бадагри—10.000 ж.

Внутренния государства: Абеокута—120.000 ж., Ибадан—100.000 ж., Огбомошо (по Рольфсу)—60.000 ж.

Глава VIII. Бассейн Нигера

I. Общий обзор

«Нил Негров», на который так долго смотрели как на ветвь Нила египтян, и который смешивали со многими другими Нилами, между прочим, с Сенегалом и Гамбией, в новейшее время снова получил свою речную индивидуальность. Арабские караванщики, негритянские купцы, также как и европейские исследователи, узнали, что он не выходит из одного истока, общего всем другим большим рекам Африки. Он потерял в географическом словаре имя Нила, но ему оставили название «реки Черных» или Нигера, как потоку, бассейн которого содержит наибольшее число жителей с темной кожей: вообще можно сказать, что Нигриция есть бассейн Нигера. Кроме его значения в истории географии, это имя реки соответствует в известной мере антропологической классификации, указывая область распространения негритянской расы; но этот смысл его не оправдывается ни одним выражением в различных языках прибрежных населений. Около середины её течения туареги, занимающие оба берега вниз от Томбукту, называют эту реку Эгирреу, слово, представляющее некоторое сходство с словом Нигер, и из которого некоторые географы сделали Нигер, как-бы для того, чтобы еще более увеличить путаницу терминов; притом же это имя одно из тех, которые всего менее применимы к большой африканской реке на всем её протяжении, так как оно означает «боковые потоки» или «мариго» и применяется специально к той части реки, которая делится на безчисленное множество рукавов в низменных землях. Каждый из прибрежных народов обозначает Нигер особым словом, смысл которого всегда выражает понятие о могучем потоке; только арабы из презрения к чернокожим и ко всему негритянскому называют эту реку Нил-эль-Абид, т.е. «Нил Невольников». В верхнем бассейне главная ветвь носит у мандингов имя Джолиба (Диоли-ба, Диули-ба или Юли-ба) или Ба-ба, т.е. «Большая вода». Для прибрежных жителей феллатов—это Майо или «Река» по преимуществу. Сангаи называют её Исса или Сай; у гуассанцев она называется Шадерба, а у племени нифуа—Эду; наконец, в нижнем его течении, там, где все воды бассейна соединились уже в одно общее русло, она известна под именем Куаро, которое часто применяется географами ко всей реке.

Нигер занимает видное место в ряду больших потоков земной поверхности: в Африке это третья река—по длине течения, вторая—по обилию жидкой массы; в этом отношении она уступает одному Конго на Африканском континенте, а в других частях света его превосходят только Амазонка, Лаплатская речная система Парана-Урагвай и Ганг-Брахмапутра. Следо-

вательно, Нигер был бы пятой рекой земного шара, если рассматривать как принадлежащие к одному и тому же бассейну истечения реки, соединяющиеся лиманами своих устьев; но он должен быть поставлен на третье место, если считать только те потоки, воды которых не смешиваются с водами других рек в поясе прибрежья, принадлежащем уже отчасти к области моря. По длине течения Нигер уступает только Миссури-Миссисипи и Нилу, а также Янтсекиангу и трем большим сибирским рекам; общее протяжение его русла, от истока западных ветвей до главного устья, у протока Акасса, определяют приблизительно в 4.150 километров.

Что касается расстояния по прямой линии между этими двумя крайними точками, то оно составляет всего только 1.810 километров. Это объясняется тем, что река, текущая сначала как-бы к Средиземному морю, описывает большую кривую в северном направлении и проникает даже в глубь пустыни. Площадь бассейна, где полу-окружность, начерченная течением Нигера, образует среднюю линию, равняется приблизительно 2.600.000 кв. километров, включая сюда все области Сахары, зависящие от этого бассейна по наклону почвы и направлению оврагов, если не по вносу вод. Можно было бы даже рассматривать как часть долины Нигера весь бассейн озера Цаде или Чад, с рекой Шари и другими притоками. Порог, разделяющий эти две гидрографические системы, очень невысок, и общий вид местности, кажется, указывает на то, что в предшествующую геологическую эпоху существовало сообщение из одного бассейна в другой. Весьма вероятно, что прежде чем пробить себе дорогу через цепь береговых гор к Гвинейскому морю, Нигер, задерживаемый этой преградой на юге, разливался в восточном направлении, образуя там обширные внутренния моря, и озеро Цаде есть лишь незначительный остаток этих морей: очень может быть, что в то время «Черный Нил» действительно соединялся с Нилом Египетским, переходя невысокий водораздел между бассейном верхней Шари и «Речной областью», откуда столько потоков спускается к Бахр-эль-Абиаду. Поэтому, общераспространенное у нигрийцев предание о существовавшем некогда соединении Нилов через континент, быть-может, не лишено основания с геологической точки зрения, хотя оно несомненно ошибочно в отношении современного периода истории земли. Если правда, что Нигер отклонялся к востоку в отдаленную эпоху, соединяясь либо с Шари, либо даже с Нилом, то Бенуэ, ныне главный приток Нигера, вероятно, был тогда самостоятельной рекой, прямо впадавшей в Атлантический океан; впрочем, по объему жидкой массы он и теперь еще равен Нигеру и даже, может-быть, превосходит его; хотя менее длинный, этот приток проходит через страны, где дожди гораздо более обильны.

Эта громадная территория Нигера и Бенуэ населена очень неравномерно. Некоторые области безлюдны, не только на Сахарской покатости, где нет ни воды, ни растительности, но также и в разных других странах, плодородная почва которых была опустошена войною. В иных местностях, напротив, население очень густое; деревни близко скучены одна к другой, города многочисленны, поля представляют один сплошной сад. Рассказы путешественников не позволяют еще определить вероятную цифру жителей этого бассейна: по исчислениям, основанным на исследованиях путешественников, Бем и Вагнер полагали, что среднее число жителей, приходящееся на один квадратный километр, в этих территориях представляет около трети населенности, наблюдаемой во Франции. Если бы это было так, то народонаселение бассейна Нигера превышало бы сорок миллионов человек; однако, из специальных описаний, кажется, нужно заключить, что общее число жителей едва-ли достигает там и половины этой цифры, т.е. двадцати миллионов.

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что уже в течение длинного исторического периода на берегах Нигера жили последовательно народы, сильные торговлей и промышленностью. Долина этой реки, как и долина Нила, была центром цивилизации, и города её прославились во всей северной части континента и даже за пределами Африки. Королевство Гана, имя которого, в форме Гвинеи, перешло к большому протяжению Африканских берегов, было известно венецианским купцам задолго до того времени, когда белые путешественники успели проникнуть в эту страну, и в течение веков Томбукту рисовался воображению европейских народов в отдаленной перспективе, как африканский Вавилон. Нигер пред-

ставляет замечательный пример в подтверждение закона первобытных цивилизаций, недавно выясненного Львом Мечниковым[1]. Как в бассейнах Гоан-го, Инда, Евфрата, Нила, прибрежные населения развивались очень неравномерно в областях, орошаемых Нигером, и в этой жизненной конкурренции за цивилизацию не те народы, которые живут в соседстве речных устьев, достигли первые известной степени образованности. Прогресс был всего быстрее внутри бассейна, вдали от моря: там только организовались национальные группы, довольно значительные и довольно промышленные, чтобы получить некоторую важность в истории человечества и прославить свое имя даже в отдаленных странах, за пределами их континента. В то время, когда образовывались нации на среднем Нигере, покрывая реку вереницами своих барок, посылая свои купеческие караваны во все части северной Африки, населения дельты оставались в состоянии варварства и закрывали доступ к морю культурным обитателям верховья. Цивилизация народов Нигера, существенно речная, отклонялась от океана. Так ничтожно было, с исторической точки зрения, значение устьев Нигера, хотя и судоходных, что европейцы, после четырех веков путешествий по окраине африканского материка, не знали, в каком пункте побережья изливается в море эта громадная масса пресных вод; они не знали или, вернее сказать, забыли это, потому что первые исследователи из расспросов и указаний туземцев были знакомы с дельтой великой реки: «мы поднимались по Нигеру до Бенина», говорит Бильо-де Бельфон[2]. Еще в начале этого столетия Дюро-дела-Малль давал веру рассказам мавров о соединении двух Нилов, Нила Негров и Нила Египтян[3]. Реннель, принимая взгляды д'Анвиля и видоизменяя их в подробностях, воображал, что Нигер теряется во внутреннем море, которому он дал имя Уангара, принадлежащее одному народу на берегах озера Цаде[4]: эта гипотеза согласовалась также с преданием негров, которые видят в этом внутреннем море страны Борну расширение Нильского русла. Многие географы принимали также мнение Мунго-Парка, который направлял воды верхнего Нигера к устью р. Конго, и главным образом в надежде превратить это предположение в достоверность и была предпринята, в 1816 г., злополучная экспедиция Токки, отправившаяся вверх по Заире, тогда как Педди должен был спуститься по Нигеру, на встречу другому исследователю. Однако, уже в 1802 году один «кабинетный» географ, Рейхард, начертил на карте истинное устье реки, если не истинное течение между северным Суданом и Гвинейским морем, так как он провел это течение также через внутреннее море Ангара[5]. Только в 1830 году братья Лендер ознакомились с низовьем реки путем непосредственного исследования. Нельзя не удивляться, что столь важный географический факт был так поздно открыт. Для Нила трудно было решить вопрос об истоках, для Нигера же—вопрос об устьях.

Исследование Нигера европейскими географами еще не окончено. Оно началось с Мунго-Парка, который этому делу принес в жертву свою жизнь. В 1796 году он дошел до города Сегу и увидал, наконец, перед собою поток, «столь долго отыскиваемый, Нигер, величественный, блистающий на утреннем солнце, такой же широкий, как Темза у Вестминстера, и медленно текущий на восток». Английский путешественник спустился по реке до Силлы, в 200 слишком километрах ниже, затем, на обратном пути, следовал вдоль берега до Бамаку, находящагося в таком же расстоянии выше Сегу: таким образом рассказ Геродота о большой реке, текущей через Африку «с запада на восток», наконец, подтвердился. Девять лет спустя, в 1805 году, Мунго-Парк предпринял свое второе путешествие по Нигеру из той же деревни Бамаку. Он построил себе лодку собственными руками и плыл по течению впродолжении четырех месяцев; часто подвергаясь нападениям прибрежных жителей, он успел, однако, пройти большой изгиб Нигера в стране туарегов и достиг даже Гауссы, но при проходе через одно узкое место между скал, близ города Буссы, он нашел смерть, вместе со своими

1 „Les grands Fieuves Historiques", „Revue Scientifique", 1886.
2 Winvood Reade, „Savage Africa";—„Petermann's Mittheillungen", 1851.
3 „Geographie physique de la mer Noire, de l'interieur de l'Afrique el de la Mediterranee".
4 „Geographical Illustrations of Mr. Parks' Journey"
5 Von Zacli, „Monatlicbe Korrespondenz".

спутниками: только один невольник спасся, и все бумаги экспедиции погибли в водовороте. Кроме факта продолжительного плавания Мунго-Парка по течению Нигера, в Европе не получили никаких сведений, которые увеличили бы знание африканской географии. Путешествие Рене-Калье в 1827 и 1828 годах имело капитальную важность для исследования верхнего Нигера и его восточных притоков: с этого времени можно было указывать на картах приблизительную форму речного разветвления выше Томбукту; еще раньше путешествия Калье, именно в 1826 году, Клаппертон перешел Нигер ниже того места, где утонул Мунго-Парк. Наконец, в 1830 году Ричард Лендер, спутник Клаппертона в предъидущем путешествии, совершил, вместе со своим братом, плавание по нижнему течению Нигера до его устья. Река стала известна в её главных чертах: оставалось только определить точнее её географические детали. Во время путешествия братьев Лендер по нижнему Нигеру воды его долго были окутаны густым туманом, и туземцы, воображая, что река испугалась при виде этих белых людей, заставили иностранцев лечь на дно барки и прикрыли их рогожей. Вот пример тех условий, в которых всего чаще должны были производиться исследования европейцев на Нигере.

Область верхней Джолибы была посещена несколько раз, хотя ни одному исследователю не удалось напиться воды из главного истока. В 1832 г., Ленг достиг гористой местности, в которой зарождаются верхние истоки, а в 1869 году Уинвуд Рид перешел Джолибу менее чем в 180 километрах от её начала. Десять лет спустя путешественники Цвейфель и Мутье доходили до того места, откуда виден Тембикунду, холм, из которого вытекает эта священная река; но дух вод, представляемый главным жрецом, встретил их недоверчиво и не позволил им идти дальше. Всего лучше известна, понятно, та часть Нигера, которая служит ныне границей французского Судана, на протяжении около 500 километров, между Фалабой и Сансандигом: в некоторых округах, прилегающих к реке, особенно в окрестностях Бамаку, уже произведена точная съемка местности, и, кроме того, на большом расстояния вниз от этой деревни офицеры парохода, впервые пущенного по водам Нигера, нанесли на карту все извилины речного русла. Что касается боковых ветвей и восточных притоков, то они начертаны пока еще только по сведениям, сообщенным караванщиками. Ниже Томбукту течение реки изображено на картах с его истинными контурами, благодаря исследованию Барта, в 1854 году; но этот суммарный труд не был проверен новейшими путешественниками, и даже пространство, около 275 километров, между городом Сай и городом Гомба, лежащим против устья реки Сокото, не было ни разу вновь посещено белыми со времени путешествия Мунго-Парка. Что касается нижней части речного течения, доступной со стороны моря, то она хорошо известна, за исключением разве второстепенных ветвей дельты. Лерд, в 1832 г., Ольдфильд, в 1834 г., поднимались вверх по реке; за ними следовали многие путешественники, и недавно Джозефу Томсону удалось, несмотря на часто неблагоприятную погоду, совершить в четыре месяца плавание туда и обратно между морем и Сокото. Большой приток Бенуэ, открытый Бартом в 1851 г., был обследован с 1854 года путешественником Бэки до 1.100 километров от океана. Эта счастливая экспедиция, не стоившая ни одной человеческой жизни, казалось, должна была поощрить к новым усилиям, а между тем прошло целых двадцать пять лет, прежде чем предприятие было возобновлено. Наконец, в 1879 г., пароход, принадлежавший одному миссионерскому обществу, достиг пункта на Бэнуэ, лежащего в 230 километрах выше того места, где остановился Бэки, и даже прошел 60 километров дальше устья Фаро, где Барт переправился через реку; карта берегов была тщательно составлена путешественником Флегелем, находившимися на борте миссионерского парохода[1].

Со времени этого второго путешествия берега Бенуэ, также как и берега Нигера, вошли в круг притяжения европейской торговли, и «Национальная Африканская Компания», состоящая из английских негоциантов, сделалась почти оффициально сюзереном всех этих областей, разделенных на множество государств, королевств или республик, которые населены различными народами, отличающимися друг от друга расой, языком и религией. По поста-

1 „Petermann's Mittheilungen", 1830, IV.

новлению берлинской конференции 1885 г., единственные европейские державы, признанные господствующими или сюзеренными владетельницами берегов Нигера, суть Франция для верхней части реки и Великобритания для нижнего течения. Правда, сделаны известные оговорки, с целью обеспечить, по крайней мере в принципе, свободу торговли: теоретически Нигер и его притоки будут открыты без ограничения купеческим судам всякой национальности. В конвенцию включена даже специальная статья, устанавливающая, что грунтовые дороги, рельсовые пути и боковые каналы, могущие быть устроенными для обхода несудоходных или опасных мест на Нигере и его притоках, будут рассматриваемы как принадлежащие к речной сети сообщения, и, как таковые, открыты всем торговым флотам на условиях совершенного равенства.

Особый интерес представляет вопрос о начале этой большой африканской реки, бассейн которой европейские державы уже делят между собой, хотя он еще далеко не вполне известен. Хотя упомянутые выше путешественники Цвейфель и Мутье принуждены были остановиться в 6 километрах от истока Нигера, но им все же удалось собрать достаточно сведений, чтобы иметь возможность дать нам его описание. По слышанным ими рассказам туземцев, подтвердившимся отдаленным видом местности, Темби—таково имя главной реки—бьет ключом из живого камня Темби-кунду, или «Головы Темби», огромной, закругленной на вершине, глыбы, которая стоит между двух других каменных масс такой же формы, но гораздо более высоких; позади вырисовывается на горизонте синеватая цепь гор. Бьющий из скалы источник Темби тотчас же образует ручеек в два фута ширины, быстро бегущий под переплетающимися ветвями, затем впадающий в маленькое озеро, на котором лежит скалистый островок, осененный большим развесистым деревом, с пустым внутри стволом: эти скалы, это дуплистое дерево, скрытые от посторонних взоров высоким частоколом, служат убежищем могущественному волшебнику, слава которого гремит во всех окрестных государствах. Но выходе из озера, Темби шумно проходит через одну деревню, затем вдруг пропадает в трещине, но в некотором расстоянии ниже селения Нелиа снова выходит на свет Божий. Когда народ хочет призвать на помощь духа вод, на место исчезновения реки приводят быка и закалывают, мясо берет себе жрец, а набитое чучело жертвенного животного бросают в низвергающийся поток. Несколько минут спустя чучело, после подземного плавания, вдруг высовывает голову из нижнего отверстия, мотает рогами вправо и влево, затем опять исчезает, уносимое потоком. Это чудесное странствование в недрах земли свидетельствует о святости вод Темби: рассказывают, что ни один воин, ни один человек, проливший кровь, не может приблизиться к этим водам; они карают смертью виновного, дерзнувшего пить их, ибо влага Темби—это волшебный напиток, а не простая вода, как вода источников, которые на другой стороне гор, к западу и к югу от Ломы, спускаются к рекам Камаранке и св. Павла (Сент-Поль). Понятно сожаление, которое испытывали Цвейфель и Мутье, когда им вручили красный орех кола, в знак того, что доступ к священному ключу безусловно воспрещается. Уверенные, тем не менее, что совершенное ими путешествие не будет забыто в истории географической науки, они вырезали на коре ближнего дерева свои имена и дату своего прохода. Как жестоко был бы поражен один из них, если бы перед ним в эту минуту открылось его трагическое будущее, если бы он увидел себя, в награду за все перенесенные им труды и опасности, обреченным, у своих сограждан искать в смерти убежища от нищеты!

Высота истока Темби над уровнем моря может быть определена в 850 метров, по указаниям двух названных исследователей. «Отец Джолибы» описывает первую кривую к востоку, затем, следуя в направлении почти параллельном меридиану, соединяется с другим потоком, почти равным ему по величине, с Фалико, и образует с ним «Большую Воду», в 140 километрах от Темби-кунду. Изменив направление в месте слияния, река течет на северо-восток, и если не считать нескольких изгибов вправо и влево, сохраняет это направление до областей, лежащих за французским Суданом и Сегу. С соседних гор и плоскогорий к нему присоединяются многочисленные притоки; даже Фута-Джаллон, этот большой водораздель-

ный хребет, посылает ему значительный приток, Танкиссо, называемый также Бафинг или «Черная Река», подобно главной ветви Сенегала; это южная граница территорий, состоящих под сюзеренитетом Франции. В этом месте, отстоящем всего только в 430 километрах от истока, Нигер уже спустился гораздо более, чем на половину своего общего падения: он находится здесь уже только на высоте 329 метров над уровнем моря, широко разливаясь в неглубоком русле, которое легко можно перейти в брод в сухой сезон; но во время наводнений река выступает из берегов на многие сотни метров в обе стороны, и тогда прекращается всякое сообщение между противоположными берегами для экспедиций, как военных, так и торговых. Против Бамаку средняя ширина реки полкилометра, а средняя глубина 2 метра; но многочисленные пороги, песчаные мели или камни, преграждающие фарватер, сильно затрудняют плавание: в 8 километрах ниже Бамаку одна из этих естественных запруд, рифы Сотуба, останавливает пароход, совершающий рейсы по верхнему Нигеру, и может быть переходима только при высокой воде, и то с большими предосторожностями со стороны кормчего. В области, где Нигер служит границей французскому Судану, он течет вдоль самого основания холмов, составляющих водораздел между его притоками и притоками Сенегала: ручьи, получаемые им с западной покатости своего бассейна, очень коротки и почти безводны в сухое время года, тогда как с восточной стороны он усиливается обильными реками.

У Сансандига, где река делает крутой поворот к северу, ложе её находится всего только на 250 метров выше уровня океана. Нигер, протекая по местности почти без ската, выигрывает в ширине то, что теряет в скорости, и даже, как-бы в нерешительности, какое избрать направление, разветвляется на рукава, образующие внутреннюю дельту. До сих пор один только главный рукав, восточный, был обследован европейцами, Мунго-Парком и Калье; западный рукав, называемый рекой Диака, ограничивает на западе низменный остров Боргу, имеющий не менее 200 километров протяжения с юга на север и разделенный бесчисленными проливами на второстепенные острова. Озеро, или вернее обширное болото Дебо, то разливающееся как море, то съуживающееся в лабиринт потоков, принимает в себя воды Нигера из его боковых рукавов; ниже простираются другие островные равнины, окаймленные с восточной стороны главной рекой, которая извивается длинными излучинами в низменных землях. Вся эта область Нигера походит на область Белого Нила, где колеблющаяся в выборе направления река соединяется с Бахр-эль-Газаль в обширную сеть озер и изменчивых потоков. Единственная разница, которую представляют эти две африканские реки в своем режиме, происходит от растительности, очень обильной на берегах Нила, скудной на берегах Нигера[1]. Этот последний не увлекает в своем течении, подобно Нилу, обширных площадей травы и тростника, останавливающихся на поворотах и заставляющих поток искать других проходов: почва его берегов плотнее, и растущие на них тамаринды еще более скрепляют ее сетью своих корней. В этой области озер и странствующих рукавов верхний Нигер или Джолиба, соединяется с большой рекой, идущей на встречу с юга, и которую можно бы было назвать «восточным Нигером», так как она, может-быть, равна Джолибе по объему жидкой массы и, вероятно, превосходит ее по длине течения: обыкновенно ей дают имя Бахой или «Белая река», как и одной из главных рек Сенегала, но иногда ее называют также Улу-Улу. Обширный бассейн этой реки, занимающий всю северную покатость гор или плоскогорий Конг, от границ Либерии до пределов Ашанти, еще почти совершенно не исследован: Рене-Калье—до сих пор единственный путешественник, перешедший реки этой покатости, около середины их течения, и обследовавший главную реку в нижней части её русла. Многие из этих рек судоходны для барок и несут столь значительную массу воды, что бегемоты, «водяные слоны» и ламантины сделали их своим местопребыванием. Там, где Калье перешел Бахой (Багоэ), в 300 километрах, по прямой линии, к югу от Сегу, река была очень широка, хотя он переправлялся через нее не в период разлива, но течение было медленное. Ниже эта река носит имя Махель-Даневель. К востоку от неё течет другая река, Ко-

1 Iosef Chavanne , „Africa's Strome und Flusse“.

раба, Памбине или Махель-Бодевель, которая, по словам Калье, в месте его перехода, имела слишком 100 метров ширины, быстрое течение и среднюю глубину около 3 метров: он полагает, что по ней могли бы ходить суда вместимостью от 60 до 80 тонн. Соединившись на юге от Сегу Сикоро, эти две реки текут параллельно Нигеру, затем, после разветвления на множество боковых потоков или мариго, превращающих страну Дженне в лабиринт островов, их общее русло впадает в главную реку выше озера Дебо. В этом месте, воды, широкия и очень глубокия, почти не имеют течения: запруда в несколько метров превратила бы слияние во внутреннее море; во время спада воды озерный резервуар разливается во все стороны, частию даже обратно к верхней реке[1].

Ниже той области, где жидкая масса двух Нигеров то соединяется в озеро, то разветвляется на извилистые рукава вокруг низменных островов, река, замедляемая препятствиями своих берегов, разливается в лабиринт мариго, который тянется к югу от главного потока на 150 километров внутрь земель. Впродолжении семи месяцев в году эта область мариго, простирающаяся на южной стороне реки, под меридианом Томбукту, бывает отрезана от Нигера; она представляет тогда отдельные озера, лужи стоячей воды, засоренные каналы, мертвые рукава, камыши, наполняющие сырые низины, но во время разлива воды главной реки, изливаясь по бокам в углубления почвы, превращают их в сеть живых рек, и в течение четырех или пяти месяцев, небольшие гребные суда могут свободно плавать в обширном лабиринте озер и каналов, течение которых изменяется без всякой видимой правильности, смотря по силе и направлению ветров, обилию дождей и зною солнца. В этой части центральной Африки природа некоторыми сторонами напоминает природу Швеции, с её озерами всевозможной формы, бухточками, теснинами, реками. Кое-где встречающиеся возвышения почвы придают некоторое разнообразие и живописность пейзажу. На западе маленькие холмы выдвигаются, в виде мыса, между Нигером и цепью боковых потоков; на юге, там и сям из пластов серой или красноватой глины выступают гранитные куполы; ровные местности имеют слегка волнистую поверхность, а по окраине бухточек, выставленных действию ветра, расположены ряды дюн. Во многих местах берега окаймлены тамариндами и пальмами дум, как и берега соседней большой реки; на берегах некоторых правильных, словно выкопанных рукой человека потоков, деревья образуют аллею, как по краям наших каналов. Некоторые мариго представляют совершенно чистые и глубокие каналы; другие, напротив, покрыты зарослями, через которые барки с трудом прокладывают себе дорогу, и которые иногда отделяются в виде пловучих островов, задерживающихся на поворотах и совершенно преграждающих путь судам: каждый год купцы должны изменять свой маршрут в извилистой сети этого огромного водного лабиринта. Прибрежные жители озер и заливчиков ловят массу рыбы в этих водах, уровень которых поднимается и опускается, смотря по времени года[2]; они умеют также пользоваться испарением вод для посева риса в сырых лощинах, и успевают собрать жатву до нового наводнения. Таким образом одно и то же пространство поочередно бывает пашней и местом рыбной ловли.

По выходе из этого лабиринта каналов, Нигер, имеющий вид могучего потока в 2 километра ширины, спускающагося на север длинной излучиной, представляет резкий контраст с лужами и извилистыми боковыми потоками его постоянных разливов. Но в 25 километрах ниже он вдруг меняет направление: остановленный южными террасами Сахары, он поворачивает на восток и следует в этом направлении до изгиба при Буруме, на протяжении около 400 километров. Различные признаки, повидимому, указывают на то, что некогда путь реки отличался от нынешнего. Чтобы достигнуть своей восточной кривой, где он начинает спускаться по скату, ведущему его прямо к океану, Нигер должен был пробить скалы, задерживавшие его течение, да и теперь еще дающие ему лишь очень узкий проход. Весьма вероятно, что прежде, чем открыть себе этот выход, река, поднимавшаяся тогда до гораздо более высокого уровня, обратила в обширное внутреннее море всю низменную область, по которой

1 Vignon, „Nouvelles Annales de Voyages“, nov. 1857.

2 Heinrich Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord-und Central-Afrika“.

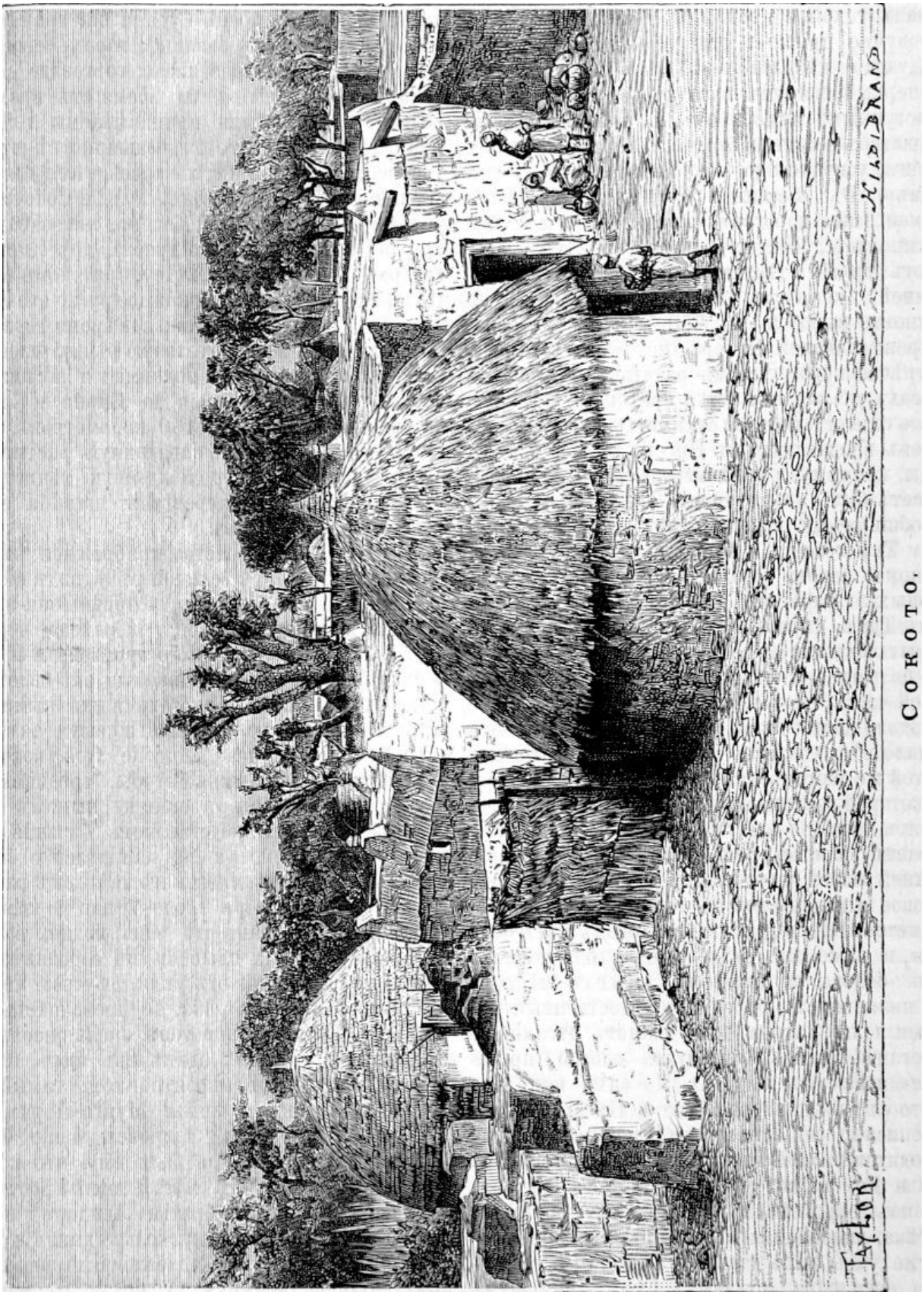
ныне разливаются потоки, выделяемые ею во время наводнений. Один из этих боковых потоков направляется на север к гавани Томбукту; кроме того, сведения, собранные от многих местных жителей путешественниками Пуйан и Сабатье, установили тот факт, что находящиеся севернее Томбукту лощины, болотистые одну часть года, лежат на продолжении оси верхнего речного течения[1]. В это-то понижение почвы, вероятно, и изливались воды Нигера в предшествовавшую геологическую эпоху, до того времени, когда они нашли себе выход к востоку. Некоторые высказывают предположение, что Мессаура, уэд южной Берберии и Туата, пользуется теперь этой впадиной, не для того, чтобы катить в ней свои воды, так как он почти весь год бывает сухой, а только для того, чтобы развертывать там извилистую ленту своего песчаного русла. Но эта гипотеза опровергается определениями высоты, сделанными в Туате и в Томбукту. По измерениям Ленца и Солелье,—впрочем, требующим проверки, так как они разнятся между собой на 130 метров,—туатские—оазисы уэда Мессаура лежат ниже или почти на одном уровне с Нигером у его западного колена: в этом месте он течет, по Ленцу, почти на высоте 230 метров над уровнем моря.

В своем поперечном ходе, от запада к востоку, большая африканская река представляет сначала очень широкую долину, в период разлива наполненную во всю ширину, от берега до берега, движущейся водяной скатертью, а в сухое время года пробегаемую главным руслом в 3 или 2 километра ширины, которое с той или другой стороны окаймляют извилистые боковые потоки, лужи и обсохшия пространства дна, превращающиеся в пастбища на несколько месяцев в году. Воды снова собираются в одно общее русло только в теснине Бамба, в 260 километрах ниже порта Томбукту. Сжатая между отвесных скал, река имеет не более «девятисот до тысячи шагов» в ширину; но за этим первым ущельем она снова расширяется, и в той части течения, где она достигает своей крайней северной широты (17°45'), она разветвляется на множество болотистых рукавов. Настоящий пролом начинается ниже, на месте, называемом на туарегском языке Тахонт н'Еггиш, т.е. «Скала входа»: сдвинувшиеся стены из гранита, кварца и других кристаллических формаций съуживают русло; на поверхности воды там и сям выступают каменистые островки; ряды камней, пересекающих наискось реку, делят её на бесчисленные лепящиеся струйки, сталкивающиеся и затем смешивающиеся в обширные водовороты. Эти «Железные Ворота» реки Чернокожих были бы очень опасны для парохода, по крайней мере во время мелководья; однако, лодка Мунго-Парка благополучно прошла через них. В самой узкой теснине, называемой Тоссай, Нигер имеет всего только «от двухсот до двухсот пятидесяти шагов» ширины,—триста футов и 90 метров, как отмечено на карте Барта;—«легко перебросить камень с одного берега на другой, а вода так глубока, что нельзя достать дна при помощи тонкого ремешка, вырезанного из кожи большого быка». Течение в этом проходе очень быстрое, но тауреги, тем не менее, всегда выбирают это место, как самое узкое, когда им приходится перебираться через реку с своими стадами, переправляющимися вплавь. В этой части своего течения Нигер проходит внутри Сахары. Оба его берега, известные под именем Аусса (левый) и Арибинда или Гурма (правый), принадлежат к поясу пустыни; во многих местах почва состоит из голого камня, не прикрытого даже тонким слоем песку, глины или растительной земли. Зеленеющие острова реки представляют приятный контраст с бесплодными, лишенными всякой растительности, берегами, черными утесами или плоскими песчаными полосами, на которых тянутся изменчивые ряды дюн.

Почти непосредственно ниже ущелий, в округе Бурум, Нигер описывает свою большую восточную кривую и поворачивает на юго-восток по направлению к Гвинейскому морю; высокие холмы и одна настоящая гора, Ассерхарбу, поднимающиеся близ левого берега издали указывают караванам место, где река сворачивает в сторону, чтобы уйти из пустыни. В сотне километров ниже Бурумской излучины Нигер вступает в климатический пояс Судана; не видно более дюн на его берегах; большие деревья, пальмовые рощи осеняют группы хижин; но течение реки все еще неправильное: воды её то делятся на несколько рукавов, и аллю-

1 „Bulletin de la Societe de Geographie d'Oran", 1880.

виальная долина раздвигается на огромное пространство в ширину, то они опять соединяются в один узкий канал. У подошвы песчаниковых холмов Ансонго два рукава реки охватывают остров, длиною около 30 километров, усеянный внутри скалами в форме обелисков,

остатками каменистых островков, которые не были совершенно смыты течением Нигера; другие столбы песчаника стоят посреди ложа, и один из проходов, куда попадают лодки, уносимые быстрым потоком, имеет вид триумфальных ворот: справа и слева поднимаются

утесы в 10 или 12 метров высоты, оставляя посредине канал такой же ширины. Мунго-Парк благополучно прошел эти пороги, также как и следующие, называемые Харарскими, которые на первый взгляд казались совершенно неприступными для барок: наименее опасный фарватер—тот, который идет вдоль левого берега, у подножия мыса, называемого «Ослиным». В озерном бассейне, образовавшемся выше порогов, сгруппировался целый архипелаг лесистых островов. Ниже следуют другие теснины, другие запруды из камней, именно к югу от маленькой цепи холмов, высотой от 250 до 300 метров, сопровождающей Нигер по левому берегу. Встречающиеся местами разрезы в боковых утесах указывают устья притоков, большую часть года остающихся сухими. Один из этих уэдов, впадающих в Нигер, не принося ему воды, кроме как в исключительные периоды, может-быть, не уступает верхнему Нигеру по обширности своего речного разветвления: это Тафассасет, берущий свое начало на южном склоне гор Ахаггар, в земле северных туарегов; он соединяется с уэдом Тин, Тарабин и с другими руслами, вырытыми дикими водами; даже гора Аира, где большинство оврагов заперты в нижней своей части, так как временные воды не обладали достаточною силою размывания, дают начало нескольким уэдам, принадлежащим к той же системе, как и Тафассасет. Долина, в которой соединяются все эти речные русла, носит название даллул Боссо: она никогда не бываете совсем без воды, потому что в нижней своей части извивается в области, где годовое выпадение дождей не может быть менее полметра. Барт дважды переходил этот даллул, и даже, в сухое время года нашел там болота и топи: во многих местах эта низменность образует естественные рисовые поля; пальма дум растет лесами по берегам долины, пользуясь влагой, просачивающейся в песках. До сих пор это место слияния даллула Боссо и Нигера не было описано ни одним исследователем: оно находится в той части реки, между городами Сай и Гомба, которую не посетил еще никто из европейцев, кроме Мунго-Парка.

Река, впадающая в Нигер против Ромбы, не уэд, как даллул Боссо: это, благодаря обильным дождям, выпадающим в этой области Судана, постоянный поток, река или *гульби*, называемая гульби н'Сокото, по имени города, находящагося на её берегах. В историческом отношении этот приток Нигера имеете капитальную важность, ибо он составляет часть того «Нила», о котором караваны говорили как о непрерывном потоке, идущем через всю Африку, от устьев Сенегала и Гамбии до настоящего египетского Нила: он действительно пересекаете северный пояс Судана на границах области сахарских саванн; города его служат естественными этапами торговли; воды, которые караваны видели время от времени вблизи дороги, были приписываемы той же реке, тем легче, что в большинстве стран употребляют одно и то же родовое имя для обозначения различных рек. Гульби Сокото берет начало в земле Кацена, на западной стороне водораздельного хребта, другой скат которого орошается рекой Иеу, притоком озера Цаде. В период дождей каждое русло его трудно переходимо, но в остальное время года он представляет незначительную речку. Флегель, который после разлива поднимался по нижнему его течению от Гомби до Бирни н'Кебби, на пространстве около 150 километров, описывает эту реку как заваленную растительными обломками, загроможденную тенистыми мелями и стволами деревьев; ширина её—от 40 до 75 метров.

Ниже слияния, богатству прибрежной растительности придает великой реке вид совершенно отличный от того, который она представляет в месте своего перехода через пустыню и область мелкого кустарника и степей; травяные поля, отрываемые от болот и боковых потоков, спускаются длинными вереницами вниз по течению, образуя там и сям большие острова, пловучие луга, которые беспрестанно меняют контуры, соединяются и расходятся. Нигер еще не вышел из области скал и представляет большие неправильности, смотря по направлению береговых высот: в иных местах он разливается в виде озера около 7 или 8 километров шириной, так что едва можно различить берега, когда плывешь по середине; в других—разстояние от утеса до утеса, между которыми заключена река, не превышает ста метров. Несколько порогов, очень опасных, прерывают течение: один из них, близ города Буссы, есть, вероятно, тот самый, на котором разбилась лодка Мунго-Парка, в 1806 году; лодочники, сопровождавшие Флегеля в 1880 году, говорили ему, что после спада воды в этом месте видны остатки европейского судна; братья Линдер получили от короля Буссы несколько

книг и других документов, принадлежавших знаменитому путешественнику. У большого изгиба при Геба, там, где Нигер, уклоняясь от прямого пути к океану, поворачивает на юго-восток, чтобы идти на встречу Бенуэ, посреди реки высится островок Кеза, скала в сотню метров высоты, с почти отвесными стенами, окруженная при основании зеленеющим поясом больших деревьев. На этой островной скале живет жрец, дающий фетишей лодочникам, взывающим к нему о помощи. Дух Кезы оказывает покровительство пловцам, и его невидимые руки раздают пищу голодным[1].

У изгиба при Геба все препятствия пройдены: камни русла были смыты водами, и могучий поток спускается ровным движением. Уровень Нигера в этом месте всего только на 136 метров выше уровня моря, но до устья еще далеко: реке остается еще пройти 750 километров. Океанские пароходы проникают в эту часть речного течения, где даже во время мелководья тинистое дно ложа в некоторых местах покрыто слоем воды в двадцать метров; разливы же иногда прибавляют к этому жидкую массу в 10, даже и в 12 метров толщины. Приток левого берега, выходящий из области Сокото, теряется в обширной реке: это Кадуна или Лифум, менее длинная, чем гульби Сокото и служащая истоком менее обширного бассейна, но питаемая более сильными дождями и более многоводная; она имеет 400 метров ширины при слиянии, и морские суда могут подниматься по ней километров на пятьдесят вверх от устья[2].

По объему жидкой массы, Бенуэ—второй Нигер; по исторической же важности, как судоходная река, орошающая густо населенные страны, он несомненно первый из двух соединяющихся могучих потоков. Бенуэ—это «Мать Вод». Имя Чадда, даваемое ему некоторыми прибрежными народцами[3], и которое было выбрано первыми исследователями между многими его названиями, вероятно, произошло от смешения верхнего Бенуэ с озером Цаде или Чад: наименования, которыми прибрежные жители обозначают эту восточную реку бассейна, почти все относятся к своего рода мистическому противоположению между этими двумя потоками, рассматриваемыми как равные, между «Черной рекой», Бенуэ, и «Белой рекой», т.е. Куарой или Нигером[4]: оттенки цвета смешивающихся вод действительно оправдывают этот контраст имен. Отличительная черта «Матери Вод»—слабый наклон её течения[5]. В то время, как слияние находится на высоте 81 метра, верховье реки, на границе судоходства, лежит на высоте не более 278 метров; следовательно, общее падение не достигает даже 200 метров, при развернутой длине течения около тысячи километров. Долина, в которой течет Бенуэ, представляет глубокую поперечную борозду на поверхности африканского материка.

Все судоходное течение Бенуэ хорошо известно, благодаря исследованиям Бэки, Ашкрофта, Флегеля, но область его истоков еще не была посещена ни одним европейцем, и относительно этой части африканской гидрографии существует несколько различных гипотез. Замечательнейшее явление в режиме верхнего Бенуэ, если верны предположения Фогеля, Гутчинсона и других исследователей, состоит в том, что эта река соединяется непрерывной линией судоходных потоков, по крайней мере в период высоких вод, с бассейном Шари и озера Цаде. Болота Тубури, открытые Фогелем, находятся на высоте 308 метров; из этого водохранилища, лежащего на водораздельной возвышенности, излишния воды выливаются с одной стороны на север в одну из ветвей Шари, реку Логон, с другой на запад в майо, или речной поток, называемый майо Кебби, который, кроме того, питают ручьи, спускающиеся с уединенных групп гор, которыми усеяна страна Адамауа. По рассказам туземцев (сами исследователи остановились несколько ниже), майо Кебби гораздо более обильный поток: таким образом болота Тубури, как говорит Фогель, составляют «питательный резервуар Бенуэ». Приток, приходящий с юго-востока, который носит имя главной реки, на самом деле

1 „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, Band III, 1881-1883;—Richard Lander, „Journal of the Exploration of the Niger“.

2 Milum, „Proceedings of the R. Geographica! Society“, January 1851.

3 R. Lander, цитир. сочинение.

4 William Balfour Baikie, „Exploring voyages up the riveis Kwora and Benue“.

5 Hutchinson, „Proceedings of the R. Geographical Society“, May 1880.

«маленькая речка», по которой, впрочем, можно подняться на лодке; она берег начало в «восьми днях ходьбы», в горах, лежащих в соседстве Нгаундере.

После соединения с майо, Бенуэ становится настоящей рекой по объему жидкой массы; он имеет уже от 160 до 180 метров средней ширины и течет извилисто с востока на запад между грядами песчаниковых гор, поднимающихся на несколько сот метров над уровнем потока. Во многих местах скалы загромождают ложе реки, делая невозможным плавание больших судов; но многочисленные притоки быстро усиливают массу вод. На севере впадает несколько майо, бегущих с гор страны Уангара; на юге, с главной рекой соединяется, посредством болотистой дельты, приток Фаро или Паро: это—многоводный поток, с каменистым руслом, который еще не был пройден вверх по течению, но бассейн которого заранее обещает исследователям важные открытия, так как линия истоков этой реки, текущей с юго-запада на северо-восток, направлена к вогнутости залива Биафра, к тому месту, где берег Африки, имеющий перед тем протяжение с запада на восток, поворачивает на юг к мысу Доброй Надежды. Там, без сомнения, современем откроется кратчайшая дорога от моря к озеру Цаде, истинному центру африканского континента, и именно на этом пути европейцы всего более имеют шансов встретить здоровые местности для основания своих колоний. Горная ось, начинающаяся среди океана островом св. Елены и продолжающаяся в море островами Анно-Бом, Сан-Томе, Принсипе, Фернан-до-По, а на материке высокой пирамидой Камеруна, идет далее внутрь земель, где она образует горы или *хоссере* Тадим, затем непосредственно на западе от реки Фаро снова является в виде большой вершины, называемой Алантика, которой Барт приписывал высоту от 2.500 до 3.000 метров; хотя, по мнению Флегеля, эти цифры преувеличены, но, тем не менее, Алантика, несомненно, одна из кульминационных точек западной Африки. Может-быть, эта вершина тоже вулкан, как и те морские горы, на оси которых она расположена.

Немного ниже соединения Бенуэ и Фаро, река описывает свою наиболее выдвинутую к северу излучину, затем течет на юго-запад в долине, то съуживающейся, то расширяющейся, но везде ограниченной на горизонте холмами или горами в виде цепей или массивов. Во многих местах своего течения Бенуэ представляет движущуюся водяную площадь, имеющую слишком километр расстояния от берега до берега; кое-где острова разделяют его на несколько рукавов, и также как на Нигере, ниже реки Сокото, обширные полосы пловучей травы спускаются вниз по реке целыми архипелагами, беспрестанно меняющими свои очертания. В месте слияния этих двух больших рек, «Черной и Белой», Бенуэ и Куара, большей из них кажется та, которая приходит с востока; но в период мелководья течение её загромождено островами и мелями, образующими род внутренней дельты: узкий наносный полуостров врезывается длинным мысом между двумя реками, подобно тому, как Лионский полуостров вдается между Роной и Соной; разница та, что здесь, вместо города, видна только непроницаемая чаща растительности. Слияние серых и темных вод, разделенных линией водоворота, имеет вид обширного озера, окруженного со всех сторон горами, но между этими крутыми высотами там и сям открываются зеленеющие долины, и возделанные земли, усеянные городами и селениями, окаймляют зубчатый круг берегов. Самый высокий уровень воды имеют в августе и сентябре, самый низкий—в марте и апреле. Общее количество протекающей воды было исчислено, по данным еще весьма неточным, в 30.000 кубич. метров в секунду.

От места слияния, соединенным потокам остается еще пройти до моря 480 километров. Пояс каменных формаций еще не пройден окончательно, над рекой еще высятся утесы огненного происхождения, затем она течет между террасами из железистого песчаника, стены которых достигают местами 50 метров высоты, постепенно понижаясь к югу. По сторонам реки виднеются еще кое-где последние баобабы, и характер растительности мало-по-малу меняется: в области устьев берега неопределенного свойства, не то земля, не то вода, исчезают под непроницаемой чащей корнепусков. Перемене почвы и растительности соответствует перемена климата: здоровая атмосфера внутренних областей сменяется удушливым, сырым

воздухом, порождающим лихорадки. Еще до расстояния 300 километров от моря река получает боковые притоки, но в сотне километров ниже уже начинаются разветвления дельты. Обширный полукруг земель, развертывающий свои берега с такой замечательной правильностью между Бенинской бухтой и лиманом Брасса, не имеет той изящной симметрии, какую представляет кривая Нила; лабиринт потоков переплетается до бесконечности в виде живых и мертвых вод, озер и болот в землях, приносимых извнутри континента, соединенными водами Нигера и Бенуэ. Вычислено, что дельта, внешний сегмент которой имеет около 350 километров длины, занимает площадь в 25.000 квадр. километров; что касается глубины наносного слоя, то она еще не измерена.

В настоящее время главное устье Нигера лежит на оси верховья: это река Нун, вход которой находится на южной, наидалее выдвинутой, выпуклости всей дельты; но сколько еще второстепенных устьев следует одно за другим по окраине этих вновь образующихся земель! На северо-западе один из рукавов составляет река Бенин, сообщившая свое имя заливу, которым оканчивается на востоке Невольничий берег: эта ветвь Нигера, прозванная португальцами Рибейра Формоза, есть та самая, которую Рейхардт означил на своей гипотетической карте как устье «реки чернокожих». Бар при входе в этот рукав, хотя глубина воды на нем во время отлива превышает 5 метров, чрезвычайно опасен по причине сильного прибоя волн, и суда, имеющие свыше 2 метров водоуглубления, не могут без риска пускаться через этот порог. Между реками Бенин и Нун существует девять других устьев, из которых только одно, Рио-Форкадос, представляет легкий доступ для судов среднего размера. Устье реки Нун, приметное издалека по желтоватому цвету воды, приносимой потоком в открытое море, тоже доступно судам с осадкой до 4 метров; но вход в него часто бывает опасен: во время отлива течение реки иногда движется со скоростью более 8 километров в час. К востоку от большого устья следуют другие входы на расстоянии, в среднем, около 15 километров один от другого; все они отделены от моря опасными барами и сообщаются с внутренностью материка сетью каналов, судоходных для барок. Господствующие ветры в устьях Нигера дуют в направлении, прямо противоположном речным теченияm, и часто с такой силой, что парусные суда могут подниматься вверх по реке. Впродолжении десяти месяцев в году, и особенно с мая по ноябрь, эти муссоны регулярно проникают в долину Нигера[1]. К концу ноября начинается период *smokes*, или дымчатой мглы, сухих туманов, скрывающих побережье в расстоянии нескольких кабельтовов: обыкновенно после полудня бриза рассеевает этот туман; иногда его разгоняют торнадосы.

Два устья, Ново-Калабарское (New-Calabar) и Боннийское (Bonny), разветвляющиеся лиманы, принадлежащие к той же гидрографической системе, рассматриваются как часть дельты Нигера, с которой они соединены одной ветвью главной реки и прибрежными лагунами, каналами солоноватой воды, проходящими под корнепусками. Но Новый-Калабар и Бонни питаются главным образом водами независимой реки, которая берет начало на юге от Бенуэ, в гористой области, окаймляющей южную долину этой реки. Что касается лимана Старо-Калабарского (Old Calabar), который моряки обыкновенно причисляют к дельте Нигера, потому что он представляет при входе явления того же рода, и вид его болотистых, покрытых лесом ризофор, берегов ничем не разнится от вида западных лиманов, то это устье совершенно отлично от устьев Нигера, и ему ошибочно дают наименование Кросс-Ривер, или «Поперечной Реки», так как из этой реки, называемой Ойоно в среднем её течении, нельзя попасть в русло Нигера. Это самостоятельный поток, несущий значительную массу вод; бассейн его получает, в среднем, количество дождевой воды, превышающее 2 метра в год. Бекрофт и Кинг, которые поднимались по Ойоно, в 1842 г., на протяжении 320 километров, до порогов, по их мнению, непроходимых для пароходов, говорят, что во многих местах измеренная ими ширина оказалась больше километра, и что они находили там и сям глубины от 12 до 20 метров. Обследованная часть реки описывает полный полукруг около массива

1 Маес Queen, „Geographical Survey of Africa“;—Hutchinson, „Narrative of the Niger, Tshadda and Binue Expedition“.

сиенитовых гор, которым английские путешественники дают высоту около 1.000 метров; вероятно, долина эта продолжается на восток и отделяет от материка группу Камерунских гор, придавая им таким образом почти островной характер, так что они в этом отношении представляют сходство с массивом Фернан-до-По. Как бы то ни было, низовье этой реки, хотя отличное от дельты Нигера, тем не менее составляет продолжение её аллювиального пояса; берега Ойоно возделаны так же и доставляют торговле такия же произведения; да и в политическом отношении они тоже состоят под верховной властью Великобритании. Поэтому реку Ойоно, так же как и лежащий восточнее лиман, Рио-дель-Рей («Королевская река»), можно описывать как часть области Куары, во всяком случае с большим основанием, чем верхний Нигер или берега большой дуги, описываемой этой рекой в стране туарегов, в пределах пустыни Сахары.

В целом бассейн Нигера представляет резко обособленные деления, как географические, так и исторические. Область верховья, ограничиваемая с юга и запада полукругом параллельных побережью гор, оканчивается на севере водоприемным бассейном, там, где сливаются две главные ветви, Джолиба и Бахой. Эта область, составляющая часть суданского пояса, имеет особый характер по своей растительности, своим дождям и режиму вод: разливы, которые происходят от ливней, выпадающих на южных горах и в массиве Фута-Джаллон, теряются в озерах, болотах и боковых потоках между Дженне и Кабара; тогда как верхняя река начинает расти в июне и понижается в декабре, в среднем Нигере, близ Томбукту, только в январе наступает повышение уровня вод, усиливаемых несколькими запоздалыми дождями. Равным образом по истории своих населений верхний Нигер, с его феллатами, мандингами и бамбарасами, задерживаемыми на севере арабами и берберами, составляет особую страну; точно также, с торговой точки зрения, эта область имеет свои естественные пункты сбыта не в Гвинейском море, а в сенегамбийской Атлантике, по скатам Сенегала, Гамбии, Рио-Гранде. Французы, которые, заняв пост Бамаку, сделались преобладающей державой в этой части африканского континента, стремятся даже соединить этот бассейн верхнего Нигера непосредственно с Средиземным морем проведением железной дороги через Сахару. Что касается северного пояса Нигера, то он лежит вне Судана; там дожди не выпадают в достаточном количестве, чтобы увеличивать массу вод и доставлять ей притоки, река окаймлена по берегам лишь узкой полосой возделанных земель, ограниченной с юга и севера пустынными пространствами. Расположенная на границе двух природ, эта область естественно должна была сделаться предметом спора между населениями различных нравов: чернокожие суданцы и берберы белой расы ведут там борьбу из-за обладания почвой. Эти последние, представляющие собою варварский элемент рядом с цивилизованными гауссанцами, имеют теперь перевес в большей части территории; однако, благодаря счастливому географическому положению некоторых городов, стоящих на берегу главной реки, в плодородной местности и в фокусе соединения торговых путей, там возникли большие рынки и центры культуры, слава о которых распространилась далеко. Но населения скучены во множестве только ниже этого пояса среднего Нигера, в странах, орошаемых годовыми дождями, где в главный поток изливаются с правой и с левой стороны постоянные реки: там основалось государство Гаусса, которое, вместе со всеми вассальными областями, есть бесспорно, по числу жителей самое значительное политическое тело африканского континента. Четвертое естественное деление бассейна обнимает нижнее течение Нигера и страны, прилегающие к Бенуэ: это пояс проникновения внутрь материка для торговли с Европой. Там находятся фактории, связывающие отныне внутренния области континента с главными мировыми рынками и долженствующие служить посредниками для смешения цивилизаций.

II. Верхний Нигер

Область верхнего Нигера до слияния двух главных рек не составляет одного отдельного государства. Она населена множеством различных племен, не имеющих между собой этни-

ческой связи, и границы её республик, округов и королевств беспрестанно меняются в зависимости от переселений, завоевания и вытеснения одних племен другими. В наши дни в этой части Судана существуют три главных центра политической группировки населения.

Южное государство, основанное в очень недавнее время, имеет религиозное происхождение, как большинство империй, образовывавшихся в этой стране в разные эпохи, со времени магометанского нашествия. Около 1875 года на Сенегале разнесся слух о появлении нового пророка, Самбуру или Самори, который ходил в Уассулу и других территориях по верхнему Нигеру, вербуя верующих для священной войны и разрушая города язычников. В 1881 году французы первые вступили с ним в непосредственные сношения и послали к нему одного туземнага офицера, по имени Алакамесса, который сильно рисковал потерять жизнь в этом опасном посольстве. В следующем году произошло столкновение между французским отрядом и войском Самори, к востоку от Нигера, у города Кениера, которым этот махди овладел незадолго перед тем; в 1883 году последовали новые столкновения, но силы противников были слишком неравные, чтобы Самори не решился принять мир. Он признает французский протекторат над частью левого берега Нигера, ниже Танкиссо или Бафинга, но укрепляет свою власть в области верховья и над восточными территориями да Уассулу и далее. Говорят, что в этих странах совершился настоящий социальный переворот со времени образования мусульманского царства. Еще недавно торг невольниками составлял главную торговлю края, и шайки негропромышленников ходили из деревни в деревню, с целью изловить нескольких несчастных, которых продавали прохожим караванам. Страсть к охоте на человека заставила отказаться от всякого другого промысла. Теперь пленников обращают в солдат, они зачисляются в полки и составляют солидное войско, которое учится употреблению скорострельного ружья и старается познакомиться с приемами европейской тактики[1]. По всей вероятности, это новое королевство расширит круг своих владений. Жители Сиерра-Леоне ожидают, что мандингский султан откроет себе дорогу к их заливу через земли племен куранко и тимни[2].

По другую сторону территорий французского протектората, расположенных вдоль левого берега Нигера, простирается империя, находящаяся ныне в состоянии упадка, царство тукулерских завоевателей. Известно, что в 1850 году хаджи Омар положил основание этому государству, овладев со своими талибе, или «верующими», несколькими городами страны Джаллонке. Затем оп покорил несколько других мелких государств на верхнем Сенегале, и после этого, считая себя уже непобедимым, пришел, в 1857 году, атаковать французский пост Мединy. Тут счастье ему изменило; но Омар, потерпев поражение на Сенегале, направился к Нигеру, доканчивая завоевание провинций Каарта и Беледугу; Сегу и Массина признали его власть над собой; армии его подвинулись до самого Томбукту. Едва основанная, империя тукулерских талибе рушилась. Семейные ссоры между преемниками Омара и восстания угнетенных бамбарасов и мандингов привели к раздроблению государства; затем успехи французских колонн, проникших далеко внутрь страны, разделила королевство на несколько отрывков, как-то: на северо-западе—Каарта, на востоке—Сегу, на юге-западе—Джаллонке-дугу. Отдаленность этих разрозненных владений и трудность продовольствования войск в стране, разоренной тукулерами, которыми многие округа обращены в настоящую пустыню, не позволяют думать о восстановлении единства этой империи: она просуществовала не долее периода жизни одного поколения, и теперь от неё остались только обломки. Недолговечность государств в этих областях Нигера хорошо выражена бамбарасской пословицей: «Никакой король не может перейти Джолибу дважды в своей жизни»[3].

Главная масса населения, обитающего в долинах Нигера и его притоков, принадлежит к мандингской расе. Куранкосы, занимающие область истоков,—соплеменники туземцев того же имени, живущих на западной покатости гор Лома, в бассейнах рек Рокель и Камаронка.

1 Colin, „Revue francaise de l'etranger des colonies“, oct. 1885.

2 Joseph Thomson, „Good Words“, January 1886.

3 Winwood Reade, цитированное сочинение.

При-нигерские куранкосы делятся на множество маленьких, независимых одно от другого, государств, из которых каждое имеет своего царька, свой совет старейшин, своих жрецов, свои специальные обряды и которые вечно враждуют между собой, что делает путешествие в

Типы племени Филлани или Фула

этой стране очень продолжительным, а иногда и опасным. Их восточные соседи, кисси, гораздо более дружелюбные к иностранцам, имеют обычай выдавать своих дочерей замуж за кочующих купцов, мандингов или су-су. Будучи сами оседлыми, они состоят, благодаря

этим родственным связям, в постоянных сношениях с жителями всех местностей, между побережьем Сенегамбии и горами Конг. Далее на север, сангарасы, жившие прежде маленькими самостоятельными общинами, управляемыми советом стариков[1], должны были признать над собой власть упомянутого махди Самори. Эта область—страна басен. Английскому путешественнику Уинвуду Риду рассказывали о туземцах, которые будто-бы могут целыми часами оставаться под водой, на дне реки, и умеют приручать крокодилов; особенно женщины умеют привязывать к себе этих чудовищ. Миф об амазонках, встречающийся во многих странах, существует также и в этой части Африки, у народа кисси; но еще неизвестно, какая основа истины скрывается под их легендами. «В двенадцати днях ходьбы от их земли», говорят они, к востоку, большой город Нахало населен исключительно женщинами. Всякий мужчина, которого они встретят в городе или его окрестностях, должен быть предан смерти: так требует закон; но часто случается, что забранных иноземцев щадят и держат секретно в плену; мальчики, рождающиеся из этих союзов между пленниками и свободными женщинами, безжалостно убиваются; оставляют жить только девочек[2]. Уинвуд Рид рассказывает также, со слов туземцев, что в земле Кисси женщины знают искусство сообщать голубой цвет глазам своих детей, делая близ орбиты уколы, куда вводят какой-то порошок[3]. Наконец, Моллиену говорили об одном народе, по имени маниана, у которого будто-бы существует обычай убивать больных и стариков и употреблять в пищу их трупы, так что в том краю человеческое мясо продается на рынке.

Нация уассулу, повидимому, численно самая могущественная в области притоков к востоку от запада Нигера: деревни там стоят так близко одна от другой, что король передает свои приказы, по словам туземцев, не имея надобности выходить из своей резиденции: «слово его переносится стоустой молвой до крайних пределов государства»[4]. Жители страны Уассулу, как полагает Рене-Калье, принадлежат к феллатской расе; однако, эти чернокожие многими чертами походят на бамбарасов и говорят мандингским языком. Сараколе, между которыми много купцов, тоже очень многочисленны в этой стране. Города населены магометанами, тогда как ауссулусы поселяне относятся индифферентно к исламу; они хорошо принимают мусульман, как и всех других чужеземцев, но отказываются подражать обрядам марабутов. Рене-Калье отзывается с большой похвалой об уассулусах, говоря, что это самые добродушные и гостеприимные из всех негров, которых он встречал: они очень вежливы, даже слишком, так как женщины их простирают свою любезность до того, что становятся на колени перед иностранцем; и их любопытство, хотя сильно возбужденное, никогда не переходит в нескромность, как у мандингов. Истинные феллаты по заботливому уходу за скотиной, уассулусы имеют великолепные стада крупного рогатого скота; кроме того, они разводят баранов, коз и в небольшом количестве лошадей; вообще мало выносливые к труду, мужчины занимаются исключительно птицеводством. Очень миролюбивые по природе, уассулусы храбро защищают свое отечество, и, по словам купцов, посещающих французские посты на Нигере, до сих пор с успехом отражали нападения Самори. Во время посещения края путешественником Рене-Калье они употребляли лук и стрелы; ружья были еще редки в той стране; ныне же нет уже ни одного негритянского народца, который бы не променял стрелы или дротика на огнестрельное оружие. Движение народов, происходящее с неудержимой силой уже многие века от востока к западу в этой части африканского континента, продолжается и в наши дни: в 1879 году, во время путешествия двух исследователей верхнего Нигера, Цвейфеля и Мутье, на правом берегу реки стояли лагерем завоеватели из племени гаусса, повидимому, собираясь продолжать свой победоносный поход к области гор.

К северу от территорий Уассулу, Джаллонке и колоний мандингов и цивилизованных феллатов, главная масса населения берегов Нигера и соседних земель состоит из бамбарасов.

1 Zweifel et Moustier, цитированное сочинение
2 „African Sketch Book“.
3 Gallieni, цитиров. сочинение.
4 Pietri, „Les Francais an Niger“.

Эти негры, называющие себя ба-манао или ба-мана, что значит «люди Большой Скалы»[1], по их преданиям, первоначально жили в южных горах и только по праву завоевания водворились на берегах двух Бахоев, Нигера и Сенегала, в Беледугу, Бахуну, Каарта и других землях, где прежде господствовали сараколе[2]. Они принадлежат к той же расе, как мандинги, и говорят языком, корни которого не отличаются от корней наречия малинке. Впрочем, переселения через континент, смешение с другими племенами, как следствие завоевания и невольничества, видоизменили тип до бесконечности, и наблюдатели, смотря по тому, через какие местности им случалось проходить, описывают этих негров совершенно различно: по одним, бамбарас имеет тонкия губы и орлиный нос; по другим, напротив, рот у него огромный, губы толстые, оттопыренные косо лежащими резцами, нос приплюснутый, «отверстие ноздрей образует два параллельных овала, обращенных кнаружи». Можно сказать только, что в среднем бамбарасы—негры с очень темной кожей и курчавой шевелюрой, более рослые и более сильные, чем малинке, и телесная красота их менее скульптурна, нежели у уо-

Внутренность жилища племени бамбара.

лофов, сереров и круменов. Они отличаются от своих соседей тремя параллельными рубцами на щеке, идущими от угла глаза до угла губ.

Промышленность очень развита у бамбарасов. Как кузнецы, они одни из самых искусных между неграми: глиняные трубы, служащие поддувалами, устроены очень остроумно и иногда из предосторожности, чтобы не лопнули, крепко связаны лианами. Бамбарасы давно уже научились фабриковать порох, добывая селитру выщелачиванием земли; они плетут веревки и канаты, перебрасывают мосты на потоках, строят пироги и паромы. Дома у них по большей части четыреугольные, с плоской кровлей, снабженной желобами для стока воды и отверстием для выхода дыма. При помощи разведенной золы или красной охры, глинобитные стены украшены рисунками, изображающими руки, ноги, животных или геометрические фигуры: может быть, эта примитивная живопись прежде имела магическое значение, как средство для защиты жилища от злых духов, ныне же она не имеет иной цели, кроме удовлетворения артистическому вкусу обитателей. Бамбарасы обладают также кое-какими астрономическими познаниями и предсказывают погоду по виду солнца, луны и созвездий[3].

1 Binger, „Essai sur la langue bambara“.
2 Berenger-Feraud, „Les peuplades de la Senegambie“.
3 Binger, цитированное сочинение.

Также как уассусусы, бамбарасы смирны, гостеприимны, великодушны, незлобивы. Они очень смешливы, разговаривают всегда с одушевлением, с жестами, и кричат все вдруг; в праздники, которые у них справляются по всякому поводу, они превосходят других туземцев шумными дурачествами. В музыкальном таланте они уступают мандингам, но умеют производить более оглушительный шум на барабанах и флейтах; накануне битвы, когда они приготовляются к смерти, три печальные ноты прерывают время от времени веселую музыку[1]. Бамбарасы славятся своей храбростью, и многие из них продают себя в военную службу к чужим вождям: часто случалось, что бамбарасские воины опустошали свое собственное отечество под командой французских завоевателей. Между туземцами одни только бамбарасы достаточно храбры, чтобы атаковать неприятельское укрепление, но они так же беспощадны в победе, как кротки в мирное время. Самая ненарушимая клятва у бамбараса—это клятва «порохом и ружьем». Эта любовь войны ради войны естественно должна была привести в результате к порабощению. Несмотря на свою храбрость, бамбарсы везде подвластны другим народам: в долинах верхнего Нигера они повинуются феллатам и мандингам; во французском Судане они должны подчиняться приказам комендантов фортов; на противоположном берегу Нигера и в области Каарта их угнетают тукулеры; только несколько мелких племен, между Каарта и Беледугу, могут считаться вполне независимыми.

Впрочем, рабство, так сказать, в традиции у бамбарасов. Пленники из этой нации некогда ценились гораздо выше пленников других племен, потому что они спокойнее переносили свою участь и не думали ни о возмущении, ни о побеге. С другой стороны, между бамбарасами свободные люди легко подчиняются господству невольников: в большинстве мелких государств этой страны власть находится обыкновенно в руках челяди; начальники племен вверяют пленникам свои сокровища, свою семью, свои дела, командование войсками, и толпа подданных безропотно повинуется подобным министрам[2]. В Каарта при вступлении на престол нового царька, первым приветствовал его начальник рабов, раскладывавший перед ним сокровища короны, затем старшина кузнецов, бывший в то же время «предводителем дворянства», обращался к королю с речью, в которой, между прочим, произносил такия постыдные слова: «помни прежде всего, что ты наш повелитель, и что наши головы принадлежат тебе». Высшая каста, курбари, считающая себя в близком родстве с бегемотами, имела все права над торговцами из племени сараколе, над «вольными людьми» низших каст, над всей толпой земледельцев, потомков покоренных племен диавара и кассонке. Масса-си, или «Семя Массы», т.е. потомки одного из прежних царей, считаются благородными из благородных: они были советниками короля и распределяли между собой все почетнейшие должности; смертная казнь никогда не применялась к людям их сословия; и даже совершившие тяжкое преступление избегали всякого наказания, если им удавалось после произнесения приговора плюнуть на своего обвинителя. Для отличия от простых бамбарасов, масса-си носили тяжелое золотое кольцо в правом ухе, поддерживаемое косой или ремешком. До нашествия тукулеров, сломившего силу старых обычаев, иногда приносили в жертву военнопленных на могиле умершего масса-си, и закладка домов вельмож совершалась на трупах зарезанных детей. В семье, как и в государстве, образ правления был строго монархический: жена—«рабыня мужа», дети до совершеннолетия—невольники отца; но обыкновенно достаточно, чтобы был признаваем принцип, на практике же женщины и дети пользуются полной свободой: случается даже, что женщины наравне с мужчинами подают свое мнение на сельских сходах. С домашними животными бамбарасы обращаются очень ласково, что дало арабам повод говорить, что эти чернокожие живут вместе с собаками, и что в некоторых местах деревни управляются какими-то волосатыми существами, полу-псами, полу-бамбарасами[3].

Почти все баманосы или бамбарасы, по крайней мере жители области Каарта, называют себя магометанами, но мало усердствуют в вере и слывут за кафиров у их властителей туку-

1 Pietri, цитированный мемуар.
2 Ricard, „Le Senegal“, etude intime.
3 Paul Soleillet, цитированное сочинение.

леров: есть даже много племен, которые, вернув себе политическую независимость, отказались от всех церемоний ислама, чтобы иметь право снова предаваться пляскам и запретным забавам; в праздники туземцы напиваются вином *доло* и едят собачье и даже шакалье мясо, хотя бы только для того, чтобы тем засвидетельствовать свою ненависть к религии угнетателей. Таким образом магометанство, делающее такие успехи в других странах Африки, теряет почву у бамбарасов, как и у куранкосов. Что касается обычая обрезания, то он, также как и обычай вырезывания для молодых девушек, существовал уже гораздо ранее прибытия магометан в страну; операции эти обыкновенно поручают делать кузнецам и их женам, людям высшей касты, которые никогда не были порабощены, и которые живут, яко-бы, в постоянном общении с духами. Тайные общества также справляют свои обряды в лесах[1]. Большинство бамбарасов имеют своих фетишей—корни растений, куски материи, пучки шерсти,—которых они запирают в бычачий рог, в слоновый бивень, или еще чаще в тыквенную бутылку или в *канари*, большой глиняный кувшин. Круглая форма и желтый цвет этого сосуда напоминают творца—солнце. Иногда вокруг сосуда, хранилища фетиша, обвивается змея, символ мира без начала и конца. Если сосуд порожний, к нему подходят еще с большим благоговением: значит, в нем обитает неведомый бог[2].

В верхнем бассейне Джолибы путешественники Калье, Ленг, Уинвуд-Рид, Цвейфель и Мутье встречали только деревни, убогия столицы маленьких государств. Нелиа, Тантафара, в непосредственном соседстве истоков,—просто группы хижин. Лиа, при слиянии главных ветвей, образующих Джолибу, незначительное местечко, без всякой торговли; Фаранна, которую посетил Рид, на правом берегу реки, в 200 километрах от истока, представляет груду развалин. Политический центр мусульманской империи, основанной Самори, находится ныне вне главной долины, на берегах восточного притока, реки Жанды и в её боковых долинах. Галаба, где вышеупомянутый сенегальский офицер Алакамесса посетил этого завоевателя в 1881 году, была тогда его обычной резиденцией, близ истоков Жанды; в 1885 году, Сананкоро, лежащий севернее, в местности, покрытой высокими холмами, был летней столицей; Биссанду, ниже по реке, был зимней метрополией. Недалеко от этой последней деревни, сделавшейся временно столицей империи, группируются хижины главного города страны, Канкана, на речке Мило, небольшом восточном притоке Нигера. Населенный мандингами и саракольскими купцами, этот город монополизировал торговлю всей области верхнего Нигера, и караваны его ходят до самого моря, в Фритаун и даже внутрь Сахары, в Тишитский оазис, где они покупают бруски соли, в обмен за невольников и южные произведения; туземные лошади отличаются превосходными качествами. Кинкан—очаг магометанства в области западного Нигера. Он часто ведет войну со своими юго-восточными соседями, торонами или торонгами, которых считают наиболее чистыми потомками древних бамбарасов: горы их, говорят, были первоначальной родиной расы, распространившейся теперь по обширной территории на севере и северо-западе.

В этих странах торговля и пропаганда ислама идут вместе: мандингские *диулы* суть в то же время миссионеры Аллаха и его пророка. В каждом торговом селе есть мечеть, и некоторые из деревень населены исключительно мусульманами. Такова Самбатикила, в 200 километрах к юго-востоку от Канкана, в соседстве земли племени торон: другие местечки, как, например, Тиме, состоят из двух отдельных групп хижин, каждая в особой ограде и с населением различного культа. Женщины одного бамбарасского племени, которое путешественник Калье встретил в соседстве Тиме, следуют той же моде в украшении лица, как многие из их единоплеменниц в принильских племенах: они вставляют палочки или кружки из тыквенного дерева в отверстие, проколотое в губе, которая от этого выдается вперед; без этого

1 Rene Caille;—Paul Soleillet, цитирован. сочинения;—Collomb, „Bulletin de la Societe d'Anthopologie de Lyon", 1885.

2 Anne Raffenel, цитированное сочинение;—L. Panet, „Revue Coloniale", 1850;—Ad. Bastian, „Ethnologische Forschungen".

украшения всякое женское лицо показалось бы им безобразным. Тенгрера и Дебена—главные рынки области Бахоя, или восточного Нигера. Первый, как и Тиме,—двойной город, в одно и то же время мандингский и бамбарасский, магометанский и языческий; таким образом караванные дороги, до низовьев Нигера и до берегов Золотого и Невольничьего, усеяны, точно вехами, маленькими поселениями, имеющими каждое свою мусульманскую общину. Тенгрера такой же оживленный рынок, как Канкан, и служит складочным местом для брусков соли, привозимых из Сахары. Один из важнейших предметов торговли в этой области—орехи кола, получаемые из-за южных гор, из страны, которую путешественнику Рене-Калье называли именем Таман: это, может-быть, Гиаман в верхнем бассейне Вольты. Одна из главных дорог тех краев проходит через большой мандингский город Конг, то-есть «Гора», славящийся во всех соседних землях своими богатствами в золоте и материях, в зерновых хлебах и лошадях. Эти неведомые белому человеку страны, вероятно, принадлежат к числу самых цветущих в Африке. Путешественник Бонна, во время своего четырехлетнего плена в столице ашантиев часто слышал о каком-то почти белокожем народе, занимающем часть плоскогорья Конг. Имя филану, которым его называли, очевидно, применяется, как и имя филани, на берегах Нигера, к нации той феллатской расы, которая наводняет своими эмигрантами и колониями всю западную Африку.

Фалаба, на правом берегу Джолибы, Фалалама, близ левого берега, обозначают то место реки, где течение её служит восточной границей французскому Судану. Заселение страны, без сомнения, придаст значительную важность этой части долины Нигера, так как здесь Танкиссо или Бафинг соединяется с главной рекой, пройдя перед тем через территории Джалконе-дугу и Балейя. В непосредственном соседстве, к западу, находятся золотоносные россыпи Буре, разрабатываемые преимущественно женщинами, как наносные формации Бамбука, ибо за исключением мандингов, людей без предразсудков, мужчины свободного класса считают унизительным этот род труда. Территория Буре походит на огромное решето: вся она изрыта глубокими ямами, которые по большей части утилизируются преимущественно только в зимнюю пору, когда обилие воды делает возможной промывку земли[1]. Обвалы в этих рудниках довольно часты, и если обвалившейся землей засыплет работавших в шахте, то воображают, что злой дух хочет удержать их при себе за тем, чтобы они служили ему рабами на том свете, и потому остерегаются подать им помощь; но по прошествии года после несчастного случая, заваленную яму раскапывают; если тела раздавленных были хорошо охраняемы от демонов добрыми духами, то вокруг трупов должно скопиться много золота[2], в возмещение потери, понесенной рудокопами. Туземцы в Буре верят также, что души умерших переселяются в деревья или в гнезда термитов. Бедная деревушка Диди, где имеет пребывание один из главных начальников Буре, была крайним пунктом, которого достиг Уинвунд Рид в 1869 году, во время своего исследования верхнего Нигера. Правительство Буре, бывшего прежде вассалом Сегу, а ныне состоящего под покровительством Франции, сосредоточено в руках четырех знатных фамилий, члены которых сообща совещаются о делах управления[3]. К востоку от Джолибы, главный рынок страны лежит в сотне километрах от реки: это—деревня Канкаре, куда торговцы приходят главным образом для покупки невольников и золотого песку. Кениера, еще недавно «очень большой и очень богатый» город, находившийся в 40 километрах к юго-востоку от Фалаба, был разрушен в 1882 году армией Самори, за четыре дня до прибытия маленького французского отряда, спешившего на помощь осажденным. Это единственный пункт за Нигером, куда проникали и где дали сражение экспедиционные колонны из французского Судана.

Государство Мандинг, названное так по имени его обитателей, поступивших под покровительство Франции, заключает в себе несколько важных поселений на левом берегу Нигера и внутри страны, на водораздельной возвышенности между Нигером и Сенегалом, лежащей

1 Faidherbe, „Bulletin de la Societe de Geographie de Lille“, 1886.

2 P. Soleillet, цитирован. сочинение.

3 Valliere, „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale de Bordeaux“, 1881.

очень близко к первой из этих рек: вследствие крутизны ската на восточной покатости, воды ручьев бегут каскадами по песчаниковым скалам. На восточной большой реке самое значительное местечко—Кангаба; другой многолюдный городок, Сиби, построенный на выступе горы, находится внутри страны, к западу от речной долины. В этом месте крутые склоны водораздельного хребта между Сенегалом и Нигером господствуют над аллювиальной равниной, имеющей не менее 30 километров протяжения до реки, но утесы, изрезанные глубокими оврагами, по которым можно подняться на плоскогорье, постепенно приближаются к берегу; они удалены от реки всего только на 3 километра выше Бамаку (Бамако), маленького городка, который французы избрали административным центром своих владений на Нигере. Некогда это был многолюдный и торговый город: арабские писатели говорят о нем как об одном из важнейших рынков Судана, и Мунго-Парк нашел там один из главнейших этапов во время своих двух путешествий. В наши дни неправильный четыреугольник, около полкилометра в стороне, образующий городскую стену или тата Бамаку, заключает внутри больше развалин, чем домов: в 1893 году все население города не превышало 800 человек. Однако, это маленькое бамбарасское государство успело сохранить свою независимость: ни тукулеры Ахмаду, ни мандинги-мусульмане Самори не входили туда, когда явились французы и начали работы по возведению укреплений. В то время равнина, среди которой стоит Бамаку, казалась почти необитаемой: по берегу реки тянулись болотистые пространства до почернелых стен ограды, за которыми прятались хижины туземцев; далее видно было только сплошное море высокой травы, там и сям большие деревья, затем, на заднем плане, три уступа голого утеса, поднимающагося в целом на высоту 200 метров. Теперь эта равнина перерезана хорошими дорогами, обсаженными деревьями; в порте теснятся барки и лодки, и вновь разведенные плантации образуют пояс зелени вокруг белых стен крепости. В 1884 году торговые обороты в Бамаку простирались до 5.000.000 франков.

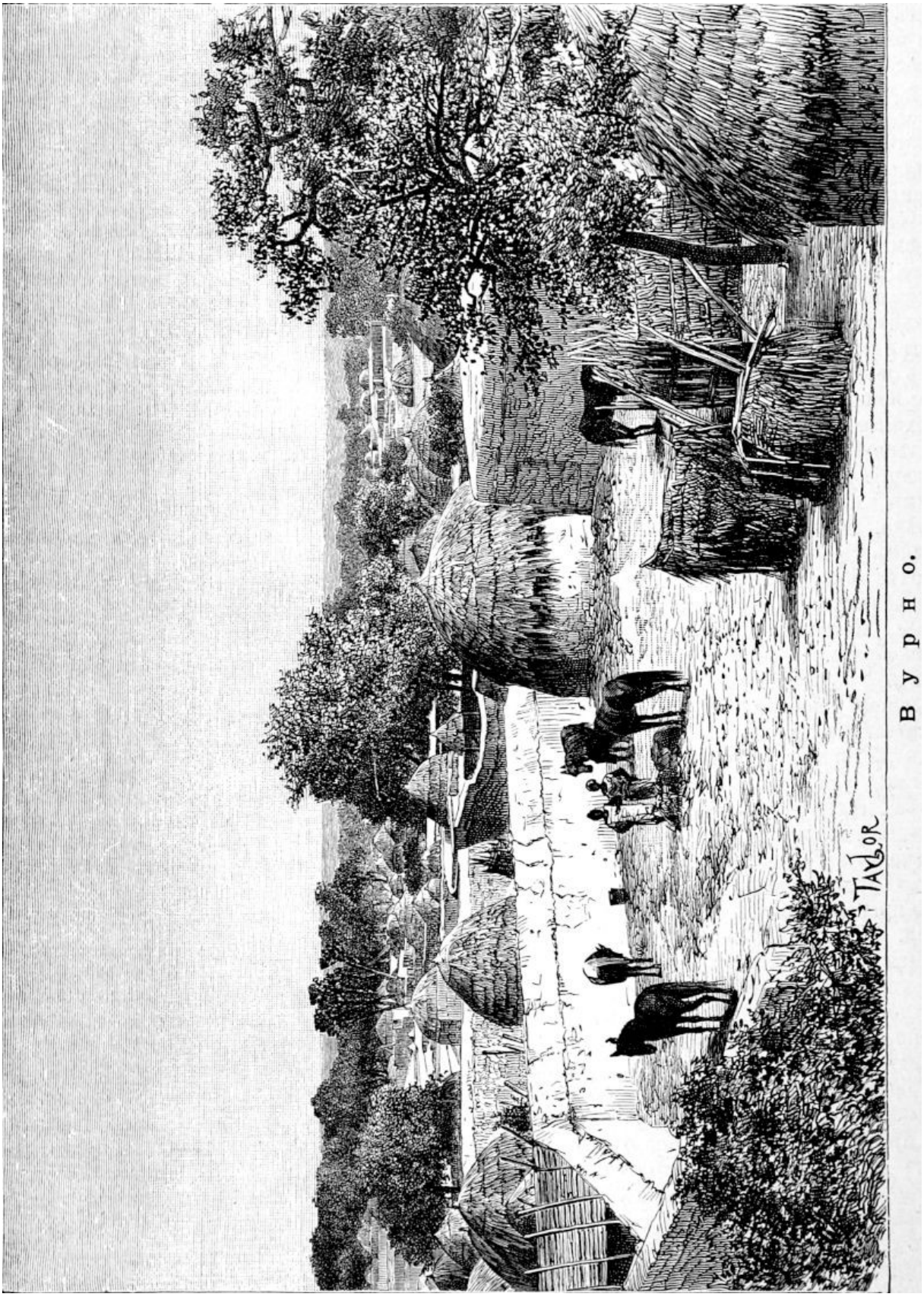
Первая большая деревня ниже Бамаку и соседних порогов—Багинта, на правом берегу. Затем следует, на левом берегу, Куликоро, некогда город беглых и изгнанников[1]. Французы учредили там военный пост, чтобы командовать сообщениями Нигера с землею племени белери или Беле-дугу, простирающейся на запад, к источникам сенегальского Бауле. Эта гористая область населена маленькими республиканскими общинами бамбарасов, которые соединились в федерацию, чтобы общими силами сопротивляться тукулерам, и успели сохранить свою независимость, политическую и религиозную. Кровавыми экспедициями тукулерам удалось, правда, пройти через территорию Беле-дугу, но не покорить ее. Благодаря сохранению свободы, селения белеров пользуются благосостоянием и окружены прекрасно возделанными плантациями и полями: в последнее время даже основывались новые деревни на торговых дорогах между Нигером и оазисами Сахары[2], тогда как в окружающих землях встречаешь по крайней мере три разоренных деревни вокруг каждой еще населенной группы хижин. Леса в Беледугу состоят по преимуществу из масличного дерева; в саваннах растет один вид дикого табака, которому Солелье, а также Барт и многие натуралисты приписывают африканское происхождение.

Ямина или Ньямина, разоренный город, на левом берегу Нигера, в сотне километров ниже Куликоро, принадлежал к империи Сегу; но в 1884 году, во время прохода французской канонерки, жители его, бамбарасы и сараколе, прогнали тукулерский гарнизон и отдались под покровительство Франции. Ямина—естественный порт всей области верхнего Беледугу, Фа-дугу и соседних с пустыней рынков; торговцы из племени сараколе настолько многочисленны здесь, что язык их сделался посредником торгового обмена, даже у бамбарасов и мавров, живущих в этой стране. Банамба, настоящий город, так как в нем, по словам путешественника Маж, насчитывается свыше 8.000 жителей, почти исключительно племени сараколе,—лежит километрах в пятидесяти от реки, в великолепной равнине, усеянной баобабами и другими деревьями; архитектура его домов с плоскими крышами, над которыми

1 Gray and Dochard, „Travels in Western Africa“.

2 Jean Bayol „Bulletin de la Societe de Geographie do Lille“, decembre 1881

возвышается закругленный курган, указывает уже соседство мавров. Далее следуют большие деревни и даже города на дорогах страны Каарта, относительно густо населенной в этой области, которая производит просо в количестве, далеко превышающем нужды местного по-

Бурно.

требления. Плоскогория и гористые террасы сменяются слегка волнистыми равнинами, которые составляют переход между холмистыми местностями Судана и гладкими степями, предшествующими пустыне.

Сегу, хотя теперь в упадке, все еще один из больших прибрежных городов Нигера. Недавно он был столицей обширной империи, простиравшейся от Каарты до Уассулу и от Джаллонке-дугу де Массивы, на пространстве около 500.000 квадр. километров. Отрывок этой империи, в котором Сегу ныне главное место, относительно невелик, но коммерческое положение этого города представляет такия выгоды, что даже развенчанный и опустошенный войной, он всегда оправится от разорения и снова станет центром населения и торговли. В самом деле, Сегу находится на правом берегу реки, всего в каких-нибудь сорока километрах от Бахоя или восточного Нигера, который течет параллельно западному Нигеру и соединяется в этом месте со всеми своими притоками: благодаря удобству сообщения через окружающие равнины, в Сегу сходятся все дороги из верхних нигерских долин, от Фута-Джаллон до горных цепей Махи; большой рынок Каяйе, в 200 километрах к юго-востоку от Сегу, служит главным этапом на дороге, ведущей к таинственному городу Конг. Религиозные войны, опустошавшие, с половины настоящего столетия, эти страны, точно огромный пожар, обращая в пустыни области, прежде усеянные многолюдными городами, пощадили округ Сегу: бамбарасы и сонинке без сопротивления покорились завоевателям тукулерам и тем спасли свою жизнь. В 1865 году, Маж, проживший двадцать семь месяцев в этой столице, оценивал в 100.000 число жителей округа Сегу между двумя Нигерами, а из вычислений, основанных на распределении добычи, он вывел цифру в 36.000 для населения города Сегу и подгородных деревень.

В действительности Сегу состоит из нескольких отдельных городов, следующих один за другим по берегу реки на протяжении около 15 километров. Первый из этих городов, считая от верховья,—Сегу-Коро, или «Старый Сегу», где еще видны остатки дворца прежних бамбаросских королей. Напротив Старого Сегу, на левом берегу, стоит местечко Фаракко. За Сегу-Коро на южном берегу следует Сегу-Бугу, а против него, на северном берегу, расположен пригород Калабугу; затем идут Сегу-Кура, или «Новый Сегу», и растянувшиеся в виде одного непрерывного города поселения Дуабугу, Гупуй и Сегу-Сикоро, резиденция короля и официальная столица государства; ниже по реке, на том же берегу, находится деревня Сомоно, населенная рыбаками и лодочниками племени сонинке, которые в награду за услуги, оказанные ими тукулерским завоевателям, получили монополию речных промыслов, и которые, кроме того, славятся как очень искусные каменщики[1]. Другой соседний город, Дугассу, лежащий километрах в тридцати к югу, может быть рассматриваем как внешний рынок Сегу для всех произведений, отправляемых из верхних долин. По стилю своих зданий Сегу принадлежит более к Мавритании, чем к Судану. Его дома с террасами опираются на широкие столбы, украшенные арабесками и несущие по всей окружности консоли из глины: это почти тот же род постройки, как и в Арауанском оазисе, на дороге из Марокко в Томбукту. Но в отношении обычаев торговли Сегу еще находится в Судане: там считают на раковинки каури, три тысячи которых представляют, в среднем, ценность пятифранковой монеты; для крупных сумм денежной единицей, реальной или фиктивной, служит невольник. Никакой предмет торгового обмена не подвержен таким быстрым колебаниям в своем курсе, как невольник, цена которого сильно меняется, смотря по результату войн, победоносных или фатальных. С тех пор, как прекратилась продажа негров европейцам в портах побережья, ту кулеры отрубают голову всем пленникам, рост которых превосходит длину ружья; женщины и дети продаются в самом крае. Султану услуживают исключительно женщины, называемые «корсиги», носящие на груди золотые бляхи в форме кирас; он выбирает даже офицеров между придворными невольницами, и некоторые из них достигают высших должностей в королевстве. Одна из родственниц короля Сегу стоит во главе управления гинекеем, где воспитываются, на счет государства, молодые девушки, которых султан предназначает своим почетным гостям[2].

Тукулеры, хотя потомки завоевателей, гордящиеся своим благородным происхождением

1 Mage;—Solleilet, цитирован. сочинение .

2 Paul Solleilet, цитирован. сочинение.

и чистотой своей веры, перестали быть господами в Сегу. Быв прежде бамбарасским государством, это королевство снова становится таковым, благодаря постепенному уменьшению численности иммигрантов завоевателей. Хотя хаджи Омар привел с собой несколько тысяч талибе из Футы, но войны и болезни быстро сократили их число, вербовка же этих «верных» в настоящее время очень затруднительна, вследствие отдаленности родины и возникновения независимых или враждебных государств в промежуточном поясе. Основание французских военных постов в области верхнего Сенегала, образование новой малинкейской империи завоевателя Самори, наконец, возмущения Беле-Дугу и окружающих территорий совершенно изолировали тукулеров Сегу от их первоначального отечества, «они живут точно пленные в завоеванной ими стране»[1], и все более и более *софы*, или бамбарасские воины, занимают место тукулерских талибе в предводительствовании войсками и в управлении гражданскими делами. Подобно тому, как в Китае манджуры, так сказать, распускаются в китайском элементе, так точно на Нигере выходцы из Футы теряются в бамбарасском обществе. Но, хотя снова перешедшее в руки представителей нации, правительство *лам-диульбе*, или «повелители верующих», не переменило своего образа действий в отношении народа, по-прежнему подавленного непосильным бременем разного рода поборов: десятины, подушной подати, обычных сборов, таможенных пошлин и военных реквизиций. Талибе и софы освобождены от всяких налогов.

Город Сансандиг, стоящий в 55 километрах ниже Сегу-Сикоро, на левом берегу реки, тоже занимает необходимое положение, как торговый центр. Разрушенный недавно тукулерами, в наказание за долгое сопротивление, он неминуемо должен оправиться и отстроиться на том же самом месте или в ближайшем соседстве. Крутой изгиб, описываемый Нигером к северу, делает этот пункт местом схождения дорог из Сахары, и естественные рынки обмена между жителями саванн и жителями Судана находятся как раз в соседнем поясе, промежуточном между холмами и равниной. Менее чем в сотне километров к северо-западу лежит город Сегала, большой рынок, куда северные арабы приходят обменивать свои произведения на товары, привозимые с юга саракольскими диулами. Далее на западе находится Дамфари, то-есть «земля Дамфа или Дампа», другой саракольский город, лежащий в точке пересечения нескольких дорог и посещаемый маврами племен улад-махмуд, улад-тишит, улад-уалата, улад-мбарек; в сухое время года он всегда окружен многочисленными палатками этих номадов, группирующихся по племенам. Кочевники приходят сюда покупать просо, собираемое жителями этой области в огромных количествах, и отвозят в территорию Эль-Ход, где климат слишком сух для культуры хлебных растений. Территория Дамфари была цветущей страной в 1883 году, когда Байоль обошел ее и поставил, по договорам с начальниками племен, под протекторат Франции. В то время там начинали вводить культуру земляных фисташек (арахид); производимый в крае табак издавна славится своим превосходным качеством; тамошние кузнецы пользуются репутацией искусных мастеров; в большом селе Боро, окруженном хлопковыми и индиговыми плантациями, многочисленные ткацкие станки выделывали замечательные по прочности ткани и краски синия бумажные материи, из которых шьют платья, известные под именем «сегуанского бубу». В стране основывались новые деревни, служащие убежищем для беглецов из соседних земель, опустошаемых тукулерами.

К северу от Дамфы находится еще более многолюдный и более торговый город—Мурдиа, лежащий в области саванн, где начинают показываться первые пески, хотя почва еще плодородна: семь становищ мавров, содержащих по меньшей мере 1.200 душ, окружают центральное городское поселение, где живут 2.500 сараколе; кривые улицы расположены в виде базаров, как «суки» в Тунисе, и в лавках выставлены на продажу ковры, драгоценности, вышитые кожи, изделия, напоминающие мавританскую промышленность. На северо-запад, по направлению к Каарта, простирается территория Бахуну, составляющая часть Эль-Хода, промежуточного пояса между Сахарой и Суданом. Эта переходная страна, принадлежавшая некогда к большой империи Ганата, затем к царству мандингов, часто была оспариваема мо-

1 Pietri, „Les Francais au Niger“.

гущественными соседями. Арабы, бамбарасы сталкивались в ней, фулы, тукулеры завоевывали ее и даже заводили там постоянные колонии. Каждый раз, когда они предоставлены самим себе, коренные жители края, почти все сараколе или ассуаник—в этнической номенклатуре арабов—группируются в маленькие республиканские союзы; но, очень благоразумные, они редко вступают в борьбу с вторгающимся в край неприятелем: они дают пройти грозе, затем снова принимаются за свои обычные занятия—возделывание полей и вывоз собираемых с них произведений. Столица территории Бахуну, Бакуинит, лежащая на западе провинции, в сотне километров от Ниоро, занимает дно песчаной низменности, возле глубокого озера; над городом господствуют скалы из глинистого сланца и террасы из латерита. По Ленцу, в полуразвалившихся домах Бакуинита живет от восьми до десяти тысяч человек. Между этим городом и Мурдией сегуанский султан основал новое торговое место, Гинье, которое быстро приобрело важное значение, благодаря обеспеченной купцам свободе от всяких таможенных пошлин; оседлое его население состоит из 4.000 душ, но по временам там собирается от 15 до 20.000 человек. Жители Гинье говорят бамбарасским диалектом: однако, уолофское наречие, содержащее много французских выражений, стремится сделаться там торговым языком.

Из Сансандига другие пути, более короткие, чем пути из Сегала и Мурдиа, ведут к земле мавров через территории Кениека и Калари. Одна из этих дорог, направляющаяся к оазису Уалата, проходит через большой город Гумбу (Кумба, по Барту), состоящий из двух городов, окруженных каждый стенами и отделенных один от другого лужей или дхайя; жителей в нем около пятнадцати или двадцати тысяч, почти все бамбарасы, но говорящие арабским языком; поля их, засеваемые сорго, тянутся на несколько лье вокруг городской ограды. Этот торговый город находится уже в круге притяжения Сенегала по торговле камедью[1]. К востоку от Гумбу, на прямой дороге из Сансандига в Томбукту, караваны проходят через другой торговый город, называемый у бамбарасов Соколо, у арабов Кала, который в средние века был одною из столиц империи мандингов, и население которого и теперь еще, говорят, простирается до 6.000 человек; одна могущественная фамилия шорфов, поселившаяся в Соколо, напоминает о влиянии, которым некогда пользовался мароккский султан в этих засахарских странах. Другой город, Фара-бугу, лежащий в небольшом расстоянии к северу от Соколо, составляет, со стороны мавров, передовой пост нации бамбарасов; число его жителей также доходит до нескольких тысяч душ.

Ниже Сансандига, Нигер течет на пространстве около сотни километров в восточном направлении. В этой части его течения важнейший прибрежный город—Сибила, столица одного маленького бамбарасского государства. Ниже, там, где река опять поворачивает, на северо-восток, находится Диафарабе, наиболее отдаленный от Бамаку пункт, до которого доходит плавающий по Нигеру пароход. В этом месте начинается уже пояс разветвления вод. Одна ветвь, проходящая недалеко от священного города Диака, направляется на север к Тененку, одному из больших рынков земли Бургу, и теряется далее в озере Дебо. Другая ветвь, направляющаяся на восток, и по которой пароход тщетно пытался пробраться через камыши, ведет к древнему и прославленному городу Дженне, от имени которого, как полагают некоторые писатели, основываясь на книге Льва Африканца, и произошло название Гвинея, данное португальцами столь значительной части африканского континента. Как бы то ни было, этот город, посещенный до сих пор только одним европейцем, Рене Калье, находится ныне в состоянии упадка, причиной чему были войны, внутренния и внешния, перерыв торговли по реке и боковым потокам, а также, может-быть, перемены в речном разветвлении этой низменной области, где речные рукава безпрестанно перемещаются. В 1828 году, во время прохода Калье, Дженне уже не был центром торгового обмена в этой области Судана, и население его не достигало даже десяти тысяч душ. Однако, он все еще занимал обширное пространство: городская ограда имела по крайней мере четыре километра в окружности, и её глинобитные стены, башни, величественные баобабы, осеняющие ворота, группы пальм на

1 Paul Solleilet, цитиров. сочинение.

возвышениях почвы, над садами и рисовыми полями,—все это вместе представляло очень живописное целое. Хотя в то время Дженне уже не был столицей государства, но привилегия беспошлинного привоза товаров, которою пользовался этот рынок, привлекала туда еще очень много чужеземцев, арабов, мандингов и сараколе. Фулы, завоеватели страны, господствовали там над потомками прежних владетелей земли, бамбарасов, и наблюдали за строгим исполнением мусульманского культа. Жители, славящиеся кротостью и приветливостью, все знали арабскую грамоту и умели декламировать стихи Корана.

В этой области слияния, пробегаемой многочисленными судоходными потоками, города могут перемещаться без ущерба для своего значения, сохраняя за собой все те торговые выгоды, которые дает им соединение больших дорог. Покидая Дженне, как резиденцию, король Сего-Ахмаду выбрал место в небольшом расстоянии к востоку от слияния двух Нигеров, чтобы основать там «во славу Божию» город Хамдаллахи (эль-Ламду-Лиллахи); но эта новая столица Массивы—или Моассины, как ее всегда называли Ленцу—просуществовала недолго. В 1862 году ею овладел Хаджи-Омар; то была эпоха наибольшей славы его царствования; обширная феллатская империя простиралась тогда от пустыни до гор, где великая река берет свое начало; но не прошло и двух лет, как этот завоеватель был, в свою очередь, заперт в Хамдаллахи и погиб вместе со своими приверженцами. Теперь остались только развалины от этого главного города могущественного царства. Нынешняя столица Массивы, Бандиагара, находится недалеко от правого берега Бахоя или западного Нигера, в сотне километров к востоку от Дженне. Впрочем, этот край не имеет политического единства: один тукулерский король из династии Хаджи-Омара господствует в соседней с местом слияния части страны. Феллатские начальники, потомки вождей, водворившихся в Массине в 1770 году, удержались в некоторых внутренних городах; туземные населения, бамбарасы и сонгаи, также образовали отдельные маленькия государства, тогда как на северо-западной и северо-восточной границах туареги ирегенатен стараются проникнуть все далее в территории оседлых негров.

Несколько торговых городов следуют один за другим на дорогах Массины, направляющихся из Дженне в Томбукту, по обеим равнинам, окаймляющим реку на востоке и западе. С восточной стороны Ниаконго, Боре, Дуэнца были упоминаемы туземцами, которых расспрашивал Барт, как значительные городские поселения; с западной стороны, город Бассикуну, посещенный Ленцом в 1880 г., представляет теперь собрание сотни-другой глинобитных мазанок, сгруппировавшихся в лесной прогалине, но вокруг его стен расположено обширное становище арабов, которые дали свой язык тамошним жителям бамбарасам, и целая «гора» обломков, возвышающаяся в соседстве, свидетельствует о длинном ряде поколений, сменившихся в этом месте. Наконец, несколько городов расположены на берегах реки или её притоков, вниз от Моэти или Иссака, деревни, лежащей при слиянии двух Нигеров. Кона, на правом берегу,—наидалее выдвинутая к западу колония негров сонгайского языка. Ниже, на том же берегу, показывается Гурам, приметный издалека по его скалистому холму, который, на подобие острова, возвышается среди болот, боковых рукавов реки и аллювиальных земель. На западе, по другую сторону озера Дебо, встречаем большой город Иоару (Иовару), стоящий смотря по времени года, то среди обсохшей песчаной равнины, то на болотистом берегу между луж и потоков. Между Иоару и Томбукту, местечко Дирэ есть, повидимому, наиболее посещаемая пристань, но постоянные войны, опустошавшие эти страны со времени нашествия тукулеров, имели следствием значительное сокращение её торговых оборотов. К главным предметам торговли верхнего Нигера в городах Массины присоединяются великолепные лошади, по красоте и выносливости почти не уступающие варварийским. В этой части речного течения, по рассказу о путешествиях Ибн-Батуты, в четырнадцатом столетии должен был находиться город Мали, столица могущественного царства мандингов[1].

1 Desborough Cooley, „Negroland of the Arabs“.

III. Средний Нигер: Томбукту, туареги и сонгаи

Эта область центральной Африки явственно отграничена, выше Томбукту и большого речного изгиба, поясом разветвления вод разлива в боковых потоках обоих берегов и, на юге сахарских степей и пустынь, первым значительным притоком, который река получает из равнин Гауссы. Наибольшая часть громадного пространства, обнимаемого двумя покатостями Нигера, между Томбукту и Гомбой, необитаема или по крайней мере имеет весьма малое число жителей, сравнительно с протяжением территории; но южные области бассейна, повидимому, очень густо населены во многих местах: до сих пор только один европейский путешественник, Барт, прошел эту страну, отправившись прямо из города Сай в Томбукту, по хорде дуги, описываемой восточной кривою реки. К югу от обширной излучины, описываемой Нигером в области пустыни, несколько гор образуют естественную границу между двумя поясами: это группа, именуемая специально Тонди; или «Гора»: ее называют также Эль-Хаджри или горами Гомбори. Равнина, над которой господствуют эти высоты, поднимается, вероятно, метров на 500 над уровнем моря, но она представляет совершенно гладкую, чуть заметно волнистую поверхность, и выступающие на ней скалы, высотой от 200 до 300 метров слишком, производят контраст, тем более поразительный. Горы Гомбори не составляют сплошной цепи: это отдельные массивы, с причудливыми контурами, бывшие, может быть, некогда островами. Нижние скаты этих гор состоят из откосов обвала, тогда как вершины вздымаются вертикальными утесами, имеющими вид колоссальных крепких замков, с четыреугольными башнями по бокам. Туземцы действительно поселились там как в крепостях, представляющих им безопасное убежище от феллатских завоевателей: очень миролюбивые, эти горцы спускаются со своими стадами в леса акаций и саванны, окружающие их горы, но при малейшем признаке опасности они исчезают, и край снова принимает вид необитаемой пустыни. Несколько других массивов, менее высоких, рассеяны по равнинам к югу от гор Гомбори; таковы высоты Арибинда, граниты, гнейсы, песчаники, скалы, у которых везде крутой скат обращен к югу, а пологий к северу[1].

Область бассейна Нигера, простирающаяся на северо-запад от Томбукту, по направлению к оазисам Уалата и Тишит, населена арабами, или по крайней мере берберами смешанной расы и говорящими арабским языком, как родной речью. Множество арабских купцов разъезжают даже на южной стороне реки и встречаются в большей части деревень вплоть до самых гор Гомбори; кроме того, многие сонгаи и туареги незаконно присвоивают уважаемое имя араба, чтоб придать себе больше весу в глазах туземцев. К востоку от меридиана Томбукту, вся Сахарская область принадлежит расе имохагов или имошаров, племена которых рассеяны на пространстве около 2.000 километров по всем направлениям,—на север до границ Алжирии, на восток почти до озера Цаде или Чад. Все имошары, живущие в области Нигера, составляют часть союза племен ауэллимиден; некоторые из них называются тадемакка или тадемеккет, по имени одного города, ныне исчезнувшего, который находился к западу от Аирских гор, и который обыкновенно называли эс-Сук, или «Рынок» по преимуществу. Эти тадемакки—единоплеменники дедмаков, жителей Хумирии, которые стали уже настоящими арабами по языку и нравам[2].

Племена ауэллимиден и тадемакка перешли Нигер ниже Томбукту и овладели заречной территорией на большом пространстве к югу. Они не только заняли песчаные местности, полосы дюн и саванны, похожия на сахарские пространства, но проникли также в долины гор Гомбори и даже южнее—в плодородные равнины территории Либтако; их группы пользуются малейшим пробелом, образующимся среди сонгайских населений, чтобы пробираться все далее вперед. Правда, что эти перемещения к югу имели следствием большую перемену в нравах. За-нигерские туареги остались пастухами и номадами, перенося свои жилища с одного острова на другой, затем с этих, окруженных водой скал, на южный берег, а оттуда в отдаленные равнины полуденной стороны; но очень немногие между ними сохранили вер-

1 H. Barth, цитирован. сочинение

2 H. Duveyrier, „La Tunisie“.

блюда, этого верного товарища других туарегов; их домашния животные состоят из крупного рогатого скота и баранов, которые следовали за ними вплавь, через рукава реки. Во многих округах произошло скрещение рас: туареги смешались с чернокожими туземцами, откуда, может-быть, и произошло название ирегенатен, или «смешанные», под которым у северных туарегов известны все южные племена в совокупности. По языку они находятся в переходном состоянии; Барт встречал индивидуумов, которые говорили одинаково хорошо феллатским, сонгайским и своим туарегским языком. Тем не менее, между этими туарегами есть также люди белой расы, представляющие берберский тип во всей его чистоте: у них большие губы, солидная челюсть, прямой нос, хорошо развитый лоб, красивый овал лица; они широкоплечи, хорошо сложены, сильны, походка их легкая В глазах европейца некоторые иреген атския женщины—настоящие красавицы, с безукоризненными формами, если не считать некоторой наклонности к ожирению. Туареги этой страны, как и северные, питаются почти исключительно мясом и молоком; они живут в палатках, обтянутых бараньими кожами, а в некоторых местах даже носят кожаную одежду; лицам, или вуаль, которым они обвертывают головы, и который закрывает нижнюю половину лица, состоит обыкновенно из полосы бумажной материи искусно подобранных цветов—белого, красного, синего. Также как ахаггары, они делятся на две касты: благородных, ремесло которых война, и которые считают унизительным всякий труд, кроме ухода за скотом, и клиентов или рабов, занимающихся обработкой почвы. Эти последние очень несчастны: увидя Барта, белого человека, пришедшего из стран, где родится солнце, они спрашивали, не есть ли этот чужеземец тот махди, возвещенный пророками, который освободит невольников и поднимет их на степень людей.

Сонгаи (сонраи, сурхаи) живут на обоих берегах среднего Нигера, между Томбукту и слиянием реки Сокото; они проникают далеко внутрь большого изгиба, описываемого Нигером, и язык их распространен до области озер и боковых потоков ниже города Дженне. Ныне утратившие значение между нациями Африки, сонгаи имели некогда свой период господства. Восторжествовав над властителем мандингской империи Мали, сонгайский вождь Аскиа основал, в 1492 году, царство, с столицей Гого, простиравшееся далеко вверх и вниз по реке и в оазисах пустыни: «путешественники употребляли шесть месяцев на переход его владений». Аскиа сделался могущественнейшим из государей Африки, и чтобы отпраздновать свои победы, предпринял пилигримство в Мекку, в сопровождении своих вассалов и полутора тысяч вооруженных людей, прославился на Востоке своей щедростью и вывез оттуда ученых, которые сделали Гого и Томбукту центрами просвещения в стране негров. Эта обширная империя не просуществовала и ста лет; в 1584 году султан марокский послал двадцатитысячную армию из оазиса в оазис для покорения сонгаев, но трудность продовольствования такого многочисленного войска помешала завоевателям достигнуть цели. Семь лет спустя евнух Джодар, испанец из Альмерии, сделавшийся генералом на службе у шерифа Марракеша, явился во главе маленького отряда в 3.600 человек (между которыми было много андалузцев), вооруженных мушкетонами, и против этих искусных румов или «стрелков» не устояли бесчисленные полчища сонгайских стрелков из лука и метальщиков дротика. Марокские румы сменили потомков Аскии в господстве над империей; власть их простиралась до Бахуну, Дженне и гор Гомбори; но скоро прекратились все сношения между ними и их первоначальной родиной; они поженились на туземках и образовали смешанные семейства, авторитет которых уменьшается мало-по-малу; однако, в начале этого столетия судоходство по Нигеру, на большое расстояние вверх и вниз от Томбукту, было еще в их руках. Затем пришли феллатские завоеватели, основавшие царство Массина, и номады-туареги, поселившиеся на обоих берегах реки; теперь сонгаи везде порабощены более могущественными соседями, за исключением нескольких уединенных округов, как, например, область Гомбори, где они защищены естественными крепостями из скал и прибрежными болотами Нигера, броды которых известны им одним.

Сонгайский язык, называемый в Томбукту киссур (кисонгай), еще очень распространен, несмотря на политический упадок говорящего им народа; но он содержит уже большую примесь арабских и туарегских слов; даже по синтаксису он приблизился к арабскому языку.

Сонгаи вообще почти черного цвета, черты лица у них тонкия и резкия, обрамленные курчавой шевелюрой, но довольно длинной и легко заплетаемой в косы; некоторые племена отличаются линиями татуировки, и в восточных областях страны женщины украшают себе лицо металлическим кольцом, продеваемым в перегородку ноздрей; по большей части они очень грациозно носят свои кувшины на левом плече. Побежденные и гонимые, сонгаи—народ угрюмый, неприветливый, негостеприимный; в своих долгих странствиях Барт не встречал негров, которые бы оказывали ему более холодный прием. Тот же путешественник высказывает предположение, опирающееся, впрочем, на местные предания и на указания арабских писателей, что в старину сонгаи находились в сношениях с Египтом: с берегов Нила пришли к ним проповедники ислама, а в древние времена другие наставники принесли им обычаи египетской цивилизации, как, например, обычай бальзамирования. Когда умирал сонгайский король, хотя бы даже на поле битвы, труп его вскрывали и, наполнив медом, переносили в столицу для погребения. Способ постройки сонгайских жилищ напоминает архитектуру хат у многих народцев в «Речной стране», между Белым Нилом и Бахр-эль-Арабом. Некоторые жилища состоят из двух положенных один на другой срубов; другие имеют неправильную крышу, верхушка которой наклонена над входным отверстием, как оконечность фригийской шапки. Подле хижин высятся житницы, почти всегда приподнятые над землей посредством рядов свай; издали они придают деревне вид крепкого замка, усаженного круглыми башнями, с остроконечными крышами; в других местах эти амбары оканчиваются наверху террасами и образуют усеченные пирамиды, напоминающие голубятни египетских селений[1].

Тумбукту, знаменитейший город страны сонгаев и всей Центральной Африки, обозначается этим именем только европейцами. По Барту, истинная сонгайская форма имени этого города—Тумбуту; туареги называют его Тумбютку, тогда как арабы единогласно говорят Тин-Букту, «Колодезь» Букту. Первоначальный смысл слова означал «впадину, узкую долину между дюнами» и объясняется постройкой первых зданий между сыпучими песками. Это—очень древнее городское поселение. Основание его приписывают туарегам и относят к пятому столетию мусульманского летосчисления: более вероятно, что он существовал уже ранее и был только взят туарегами. Другие полагают, что эти номады грабители должны были основать город торгового обмена между областями Сахары и Суданом; впрочем, положение Томбукту, в остром угле, образуемом рекой, и в точке соединения многочисленных боковых потоков, таково, что там или в соседстве во все времена должен был находиться значительный рынок. О таком торговом пункте говорят уже в эпоху существования королевства Гана, в одиннадцатом или двенадцатом веке, и позднее в эпоху владычества су-су.

Во время господства мандингских королей Мали или Мелле, в четырнадцатом столетии, Томбукту был богатый и цветущий город, слава о котором распространялась далеко, благодаря торговле солью и золотом; даже европейцы слышали о нем: имя Тимбуч появляется впервые на одной каталонской карте 1373 года. Но город, заключавший в себе столько сокровищ, не мог избегнуть разграбления. Туареги, затем сонгаи, не раз опустошали его в пятнадцатом веке; сто лет спустя андалузские мушкатеры Джодара разграбили прославленный город, и с той эпохи он часто был предметом спора между туарегами, фулами и тукулерами. Когда последние явились в Томбукту в 1863 году, они нашли город покинутым арабами и туарегами; но, смотря по своей расовой или религиозной ненависти, туземцы, различно рассказывают европейским путешественникам о последствиях этого нашествия. По словам одних, Эль-Хаджи Омар и его дружины спокойно возвратились в Массину, нагруженные добычей; по рассказу других, они были внезапно атакованы в момент грабежа, и только немногие из них спаслись от избиения[2]. Как бы то ни было, кончилось тем, что между могущественными соседями Томбукту была заключена сделка, формальная или молчаливая: не будучи в состоянии оказывать сопротивление, мирный город не пытался закрывать бреши в

1 Barth, цитирован. сочинение.

2 Mage;—O. Lenz, цитиров. сочинение.

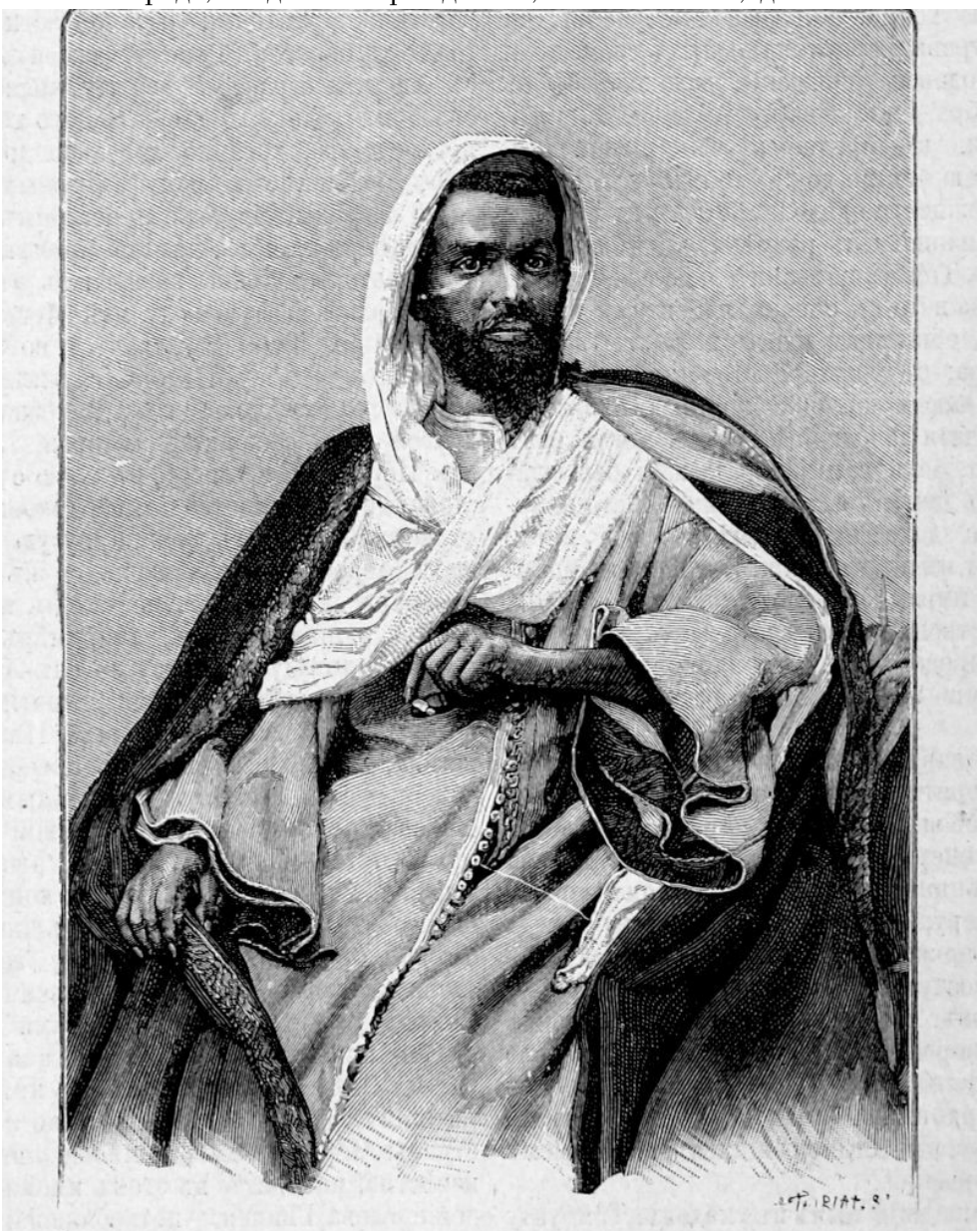
своих стенах; он платил дань тем и другим, и когда дороги были открыты, когда судоходство по реке не задерживалось, выше или ниже, прибрежными грабителями, он пользовался относительным благосостоянием, которое позволяло большинству его обитателей жить в довольстве.

Население Томбукту, приблизительную цифру которого Барт определяет, в 1853 г., в 13.000, а Ленц, в 1880 г., в 20.000 душ, состоит главным образом из арабов мароккского происхождения, говорящих диалектом хассаниа, как и арабы Сенегала[1]; сонгаи, арабы берабиш, туареги, люди мандингской и бамбарасской расы, феллата и другие колонисты, для которых общим языком служит бамбарасский, тоже входят некоторой долей в состав городского населения; кроме того, две или три семьи евреев, пришедшие с караванами из марокканских оазисов, терпимы, с половины настоящего столетия, в этом мусульманском городе. Но из европейцев лишь очень немногие проникали в таинственный Томбукту, хотя в попытках добраться до него не было недостатка, и хотя никакая слава не казалась более высокой, чем слава подобного географического завоевания. Не подлежит сомнению, что португальские послы ездили ко двору мандингских королей Томбукту, но рассказ этих путешественников никогда не был опубликован. Впоследствии многие невольники из европейцев, либо взятые в плен корсарами, либо матросы, захваченные вследствие кораблекрушения, несомненно были приводимы на большой центральный рынок области Нигера; но в истории упоминаются только два из этих пленников, один в начале восемнадцатого века, другой около ста лет позднее: французский моряк Поль Имбер, умерший невольником в Марокко, и американец Адамс, приписываемый которому рассказ о пребывании в тех краях не имеет цены, так как наполнен противоречиями, делающими сомнительным его происхождение. Наконец, в 1826 году, Ленг достиг Томбукту через Триполи и Туат; но едва он выступил в обратный путь, как был убит туземцами. Первый европеец, которому посчастливилось не только побывать в этом городе, но и дать отчет о своем исследовании, был Рене Калье, посетивший Томбукту в 1828 году: пилигрим науки, бедняк, одетый в рубище, больной, с трудом тащившийся от этапа до этапа, этот путешественник успел в своем предприятии только благодаря своему жалкому виду, вызывавшему презрение у мужчин, сострадание у женщин. Четверть века спустя, Барт явился сюда под видом шерифа, пользуясь поддержкой самой могущественной фамилии в Томбукту и располагая обширными рессурсами, доставленными британским правительством. Прошло еще двадцать семь лет, после пребывания Барта, прежде чем другой европейский путешественник, Ленц, добрался до Томбукту по дороге из Марокко в Сенегал, и с той поры ни один белый исследователь не видал этого города, заранее намеченного на картах как центральная станция будущей железной дороги «через Сахару». Впрочем, есть вероятность, что в близком будущем установятся правильные сношения между французами Сенегала и этим важнейшим городом на Нигере,—сношения. начало которым уже положено в 1884 году присылкой сановника из Томбукту,—так как торговля между постом Бамаку и низовыми прибрежными городами постоянно возрастает: сделавшись одною из держав верхнего Нигера, Франция не может не завязать непосредственных торговых связей с главным рынком страны.

Томбукту лежит в 15 километрах к северу от Нигера, на террасе, высоту которой определяют в 245 метров: это выступ хамад (каменистых плато) пустыни. Несколько луж или дхайя виднеются в углублениях соседней равнины, окруженных редкими мимозами и группами пальм: лужи эти—остатки речных наводнений, которые каждые три или четыре года превращают низменную местность в лабиринт каналов; в этих болотах, куда стекают городские нечистоты, зарождаются злокачественные миазмы, делающие пребывание в Томбукту очень опасным для иностранцев. Некогда боковой рукав Нигера, доступный для больших судов, доходил до основания обрывов террасы, и еще в 1640 году один нижний квартал города был затоплен разливом вод. Но затем этот поток постепенно засорился; теперь лодочники могут проникать, да и то лишь в период разлива, только в бассейн Кабры или Кабары,

1 Faidherbe, „Bulletin de la Societe de Geographie de Lille“, 1885, № 3.

местечка, населенного сонгаями, в числе около двух тысяч душ, и расположенного на скатах холма, который выступает, на подобие острова, среди наносных земель и болот. Годовое движение судоходства в гавани Кабра, по словам Абд-эль-Кадера, выражается, в среднем, 50 шаландами, вместимостью от 25 до 30 тонн, что составит в сложности около 26.500 тонн[1]. Если порт уменьшился в размерах и значении, то и город Томбукту значительно сократился. Вступая в него с севера, путешественник встречает обширные пустыри, покрытые кучами мусора; с западной стороны развалины тоже занимают широкий пояс. Положение главной мечети почти вне города, тогда как прежде она, без сомнения, должна была находиться в

Эль-хаджъ Абдъ-эль-Кадеръ, посланникъ изъ Томбукту.

центре самого оживленного квартала, также доказывает, что город много уменьшился в протяжении. Эта мечеть, доминируемая пирамидальной глиняной башней, есть единственное замечательное здание в Томбукту, представляющем лабиринт домов с террасами и хижин с остроконечными кровлями.

Существовавшие некогда рощи были вырублены, говорят, для постройки судов, во время завоевания Томбукту марокккскими андалузцами; теперь не видно ни одного дерева в треугольнике города, обращенном вершиной к северу; тем не менее, улицы всегда оживлены множеством птиц, которые кружатся в воздухе и садятся на террасы домов: аистов, воронов,

1 „Journal officiel de la Republique francaise“, 9 nov. 1884.

журавлей, соколов, голубей и воробьев. На площадях и около луж всегда толпится масса животных, вьючных и верховых, баранов и коз, домашних страусов, отличающихся отсутствием пучков перьев.

Хотя пришедший ныне в упадок, Томбукту все еще ведет большую торговлю, и обороты его несомненно возрастут с восстановлением мира, так как этот город находится в точке пересечения дорог между западной Сахарой и Суданом. По сведениям, сообщенным упомянутым посланником эль-Хадж Абд-эль-Кадером, в Томбукту ежегодно приходит до 400 караванов, состоящих, каждый, средним числом, из 350 верблюдов, то-есть всего около 140.000 верблюдов, с грузом до 22.400 тонн. Своим важным значением этот центральный рынок обязан главным образом торговле плитками соли, привозимыми из Таудени и других соляных копей пустыни; именно благодаря соли, арабы и туареги сделались и, несмотря на проход других завоевателей, каждый раз в конце концов снова делаются господами в Томбукту. После проса, главный продукт, предлагаемый в обмен за соль,—орехи кола, привозимые караванами из области Южных рек, с берегов Рокели, даже из соседних с Ашанти стран. Томбукту является также большим рынком для красного товара; там можно найти, хотя по довольно дорогим ценам, большинство мануфактурных произведений Европы. Марокко присылает сюда чай, драгоценный лист, дающий ароматический настой, который арабы называют «водой Земзем», как святую воду из Мекки. Ходячей монетой в Томбукту, как и во всех землях по верхнему Нигеру, служит раковина каури: она сменила, как денежный знак, другой вид раковины, который привозился из Персии[1], и теперь, в свою очередь, постепенно вытесняется пятифранковиком. Когда война запирает ту или другую из торговых дорог, направляющихся к Томбукту, караваны делают большие обходы, но торговля не прекращается: так, например, торговое движение между Томбукту и Сен-Луи, вместо того, чтобы следовать естественным путем, который представляют берега Нигера и Сенегала, должно было избрать северные дороги через пустыню, следуя правильными этапами, от оазиса к оазису. Важнейший город на этом пути—Уалата или Биру, рынок, пользовавшийся громкой славой до конца пятнадцатого столетия и до сих пор еще соперничающий с Томбукту по числу жителей, по словам сенегальского путешественника Алиун Сал. У арабских писателей имя Уалата часто смешивается с именем Гана или Ганата, «столицы» земли Геневах: имя этой территории сделалось в Марокко синонимом страны Чернокожих, и многие авторы, как известно, находят в этом имени происхождение слова Гвинея, употреблявшагося португальцами для обозначения всей западной Африки[2].

Промышленности в Томбукту нет никакой, если не считать нескольких ремесленников, занимающихся фабрикацией тех кожаных сумок и мешечков для амулеток, которыми город Уалата снабжает все рынки Судана[3]; рыбаки собирают в Нигере и в соседних потоках обильные уловы рыбы, которая служит почти исключительной пищей беднякам и невольникам, тогда как богатые презирают это кушанье, как слишком обыкновенное[4]. Своими капиталами купцы Томбукту заправляют в значительной мере земледелием окружающих местностей: они владеют многочисленными фермами на берегах Нигера и прибрежных лагун; им же принадлежат большей частию стада, пасущиеся в окрестных степях и в том широком поясе Ассуада, покрытом лесами мимоз, который ограничивает на юге область пустыни. Таким образом арабы и даже туареги и фулы, приходящие на томбуктусский рынок требовать налог, являются в действительности данниками города, в котором они расхаживают с гордым видом завоевателей. Муниципальное управление в Томбукту вверено *кахии* или городскому голове, принадлежащему к потомству андалузских «стрелков», разрушивших империю сонгаев; но власть этого сановника подчинена контролю шейха или султана туарегов и фамилии шорфов Бахай, марабутов, орден которых имеет своих последователей во всей Сахаре и даже

1 H. Barth, цитированное сочинение.
2 Desborough Cooley, цитирован. сочинение.
3 Paul Soleillet, цитирован. сочинение.
4 Oscar Lenz, цитированное сочинение

в Берберии[1]. Томбукту—город ученый, обладающий богатейшими книгохранилищами к востоку от Гауссы, и его мусульманские теологи обсуждают все вопросы о вере с такой же схоластической тонкостью, как христианские богословы средних веков.

Территория Бурум, на восточном изгибе большой луки Нигера, не имеет ныне большого рынка, как близкая в Томбукту излучина реки. Но встарину такой рынок существовал там, и легенда говорит даже, что его посетил египетский фараон, в сопровождении целой армии. Эта легенда, вероятно, имеет под собой историческую основу, так как здесь находится ближайшая к Египту часть Нигера, и с этой именно стороны должны были установиться первые непосредственные сношения между прибрежными жителями двух больших африканских рек: в этой местности, говорят, была впервые введена культура риса в бассейне Нигера, поныне еще практикуемая тамошним населением; здесь же появились первые магометане и началась пропаганда новой религии. По берегам Нигера тянулся ряд многолюдных сонгайских деревень, когда в 1843 или 1844 году пришло феллатское войско, с целью овладеть краем, предлагая битву племенам туагеров, собравшимся километрах в пятидесяти к югу от Бурумского изгиба реки, но туареги не приняли сражения и предоставили своим врагам опустошать страну: деревни были стерты с лица земли, а остатки побежденного населения уведены в Массину.

Столица империи сонгаев, Гого (Гао или Гархо), в 100 километрах к югу от Бурума, имела прежде более 10 километров в окружности. Она состояла из двух городов—языческого, лежавшего на западном берегу, и магометанского, построенного на восточном берегу, более близком к Мекке; кроме того, один квартал был расположен на острове, между двумя рукавами реки. Теперь на правом берегу осталось всего две или три хаты: остров представляет пустырь, а на левом берегу две или три сотни хижин, среди пальмовых рощиц, не похожи даже на деревню: это скорее лачуги, разбросанные в поле. Впрочем, там, где некогда был центр города, сохранилось еще одно древнее здание: это башня мечети, напоминающая башню Агадеса, в оазисе Аир, род массивной пирамиды, высотой не больше 15 метров, с семью уступами или террасами, каменная кладка которых скреплена выступающими бревнами из пальмового дерева; под этой бесформенный громадой погребен Хадж Мохамед Аскиа, основатель эфемерной империи сонгаев. Что касается торговли бывшего «Золотого города», то она пришла в такой упадок, что Барт с трудом мог найти крепкую барку на берегу. Неизвестно, где находилась более ранняя столица сонгаев, предшествовавшая Гого, город Кукия, упоминаемый путешественником Кадамосто под именем Коччиа; вероятно, она была где-нибудь неподалеку от места, выбранного Аскией для постройки своей резиденции. В небольшом расстоянии южнее живет малочисленное феллатское племя габеросов, которые отличаются от окружающих сонгаев телесной красотой и смышленостью; но они уже забыли свой родной язык и говорят языком окружающей их нации.

Ниже Гого берега реки почти пустынны на протяжении около 300 километров. Многолюдные деревни, вереницы барок, богатые плантации начинают показываться только вблизи городов-близнецов Гару и Синдер, построенных на скалистых островах, в одном архипелаге Нигера. По обе стороны реки равнина, шириной около 12 километров, усеяна жилищами и производит в изобилии просо для местного потребления и для вывоза в землю туарегов и в Томбукту. Оба вместе эти островные города заключают несколько тысяч хат, и Барт оценивал общее число их жителей в шестнадцать или восемнадцать тысяч душ: в настоящее время они являются значительнейшим городским поселением во всем верхнем бассейне Нигера выше слияния его с рекой Сокото. Два названные города пользуются в некоторой степени политической независимостью, или, вернее сказать, пользуются соперничеством двух сюзеренов—начальника смешанных туарегов, населяющих окрестности, и гауссанского правителя города Сай, лежащего с небольшим в 200 километрах ниже по реке. К западу от Синдера, страна на некотором расстоянии от берега занята независимыми сонгаями; надо пройти через их территорию, чтобы достигнуть города Дорэ, столицы провинции Либтако, принадле-

1 Barth;—Duveyrier;—L. Rinn, „Marabouts et Khonan“.

жащей, по крайней мере номинально, к гауссанскому королевству Гандо. Дорэ, город с 4.000 жителей, по большей части сонгаев, но заключающий в себе также много беглецов из всех окружающих территорий, опустошаемых войной, замечателен как важнейший и наиболее посещаемый рынок области, ограничиваемой большим изгибом Нигера. На этом рынке производится главным образом обмен плиток соли на бумажные материи и орехи кола; «гордость и славу этой провинции» составляют её лошади.

Город Сай,—сонгайское имя которого, означающее «Реку», вероятно, обязано своим происхождением торговой дороге, пересекающей Нигер в этом пункте,—есть главное место перехода через реку ниже Бурума. Переправа, за которой наблюдает «король реки», совершается в барках, длиной от 12 до 13 метров, искусно составленных из двух выдолбленных древесных стволов. Город, расположенный на низменном западном берегу, иногда затопляемом при сильных наводнениях, занимает значительное пространство, около 2 километров в каждой стороне, но не имеет сплошь застроенных кварталов, представляющих городской характер; он состоит скорее из отдельных деревушек, и все его хижины, за исключением губернаторского дома, построены из рогож и тростника. Ложбина, то сухая, то наполненная болотистой водой, смотря по времени года, делит город на две половины, и пальмы дум, осеняющие его, придают целому довольно живописный вид своим контрастом с голыми равнинами окрестностей. Сай имеет важное торговое значение, благодаря роли посредника, которую играет его рынок на дороге из Сокото и Гандо в Томбукту; кроме того, он является естественным местом сбыта, на великой реке, для всей области Мосси или Море-ба, простирающейся к юго-западу на северной покатости гор и плоскогорий, обозначаемых мандингским именем Конг. Народ мосси, повидимому, принадлежащий к той же расе, как и его соседи томбо на северо-западе и гурма на северо-востоке, говорит языком того же происхождения; но в их территории рассеяны многочисленные колонии мандингов и фулов, центры торговли и мусульманской пропаганды. Моссии—одна из древнейших наций в орошаемой Нигером части Африки. В начале четырнадцатого столетия их армия перешла эту реку и овладела городом Томбукту: слава о могуществе этого народа распространилась далеко за пределы его страны. Португальцы слышали о нем во время своих первых исследований западно-африканского поморья, и, по описанию некоторых обычаев, вообразили, что царь той земли есть не кто иной, как пресловутый «поп Иоанн», столь долго разыскиваемый во многих странах, от территории монголов до территории кафров; были даже снаряжаемы специальные посольства на поиски этого царя. Основатель империи сонгаев, Мохамед Аскиа, потребовал от моссиев, чтобы они приняли магометанскую веру; но те, «посоветовавшись с душами своих предков», объявили, что ни за что не переменят религии; этот отказ навлек на них «священную войну» со стороны фанатического султана, окончившуюся разрушением их городов и опустошением их полей. Тем не менее моссии остались в большинстве язычниками; обращены в ислам только живущие в городах, где преобладает иноземное влияние. Эти племена, о которых Барт отзывается как о самой энергической расе страны, имеют федеративную организацию: территория их делится на множество маленьких самоуправляющихся государств, платящих небольшую дань властителю Вогодого, центрального города края. Ловкие торговцы, моссии появляются на всех ярмарках окружающих земель, куда приводят своих сильных осликов, навьюченных орехами кола, кусками бумажных материй, вытканных в их земле, и медными изделиями, продуктами труда их рудокопов и котельников. Моссиев везде легко узнать по их цветным рубахам и огромным соломенным шляпам, похожим на шляпы кабилов в южной Берберии.

Ниже города Сай, до слияния с рекой Сокото, Нигер еще не был обследован ни одним европейцем, кроме Мунго-Парка. Барт перечисляет много городов, находящихся на берегах или в соседстве речного течения, но их положение и относительная важность еще неизвестны; знают только, что Киротачи, значительный рынок восточного берега, лежит километрах в тридцати к югу от города Сай.

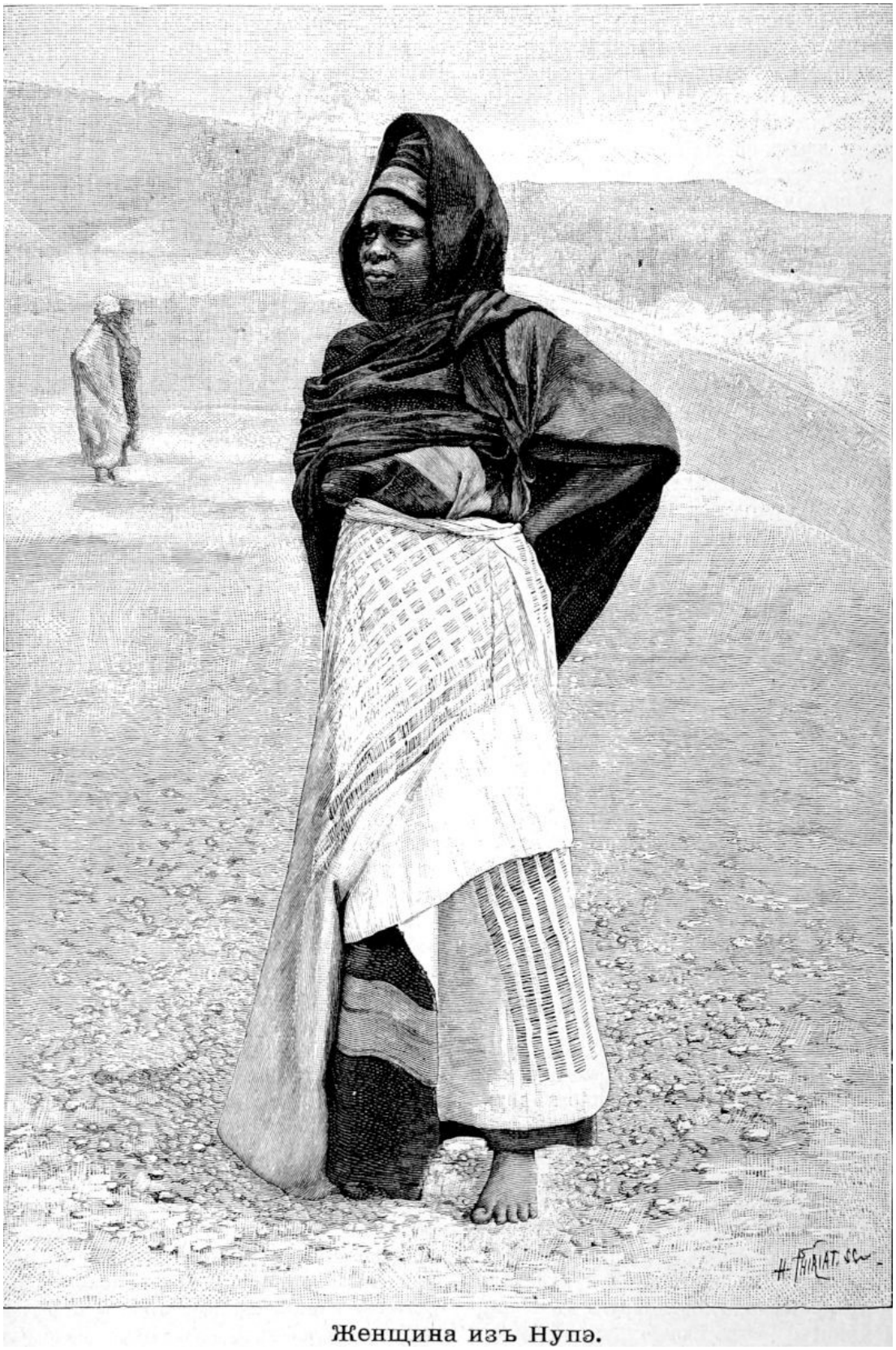
IV. Гаусса

Часть Судана, где река Сокото—главная водная артерия, и которая ограничена на севере—Сахарой, на востоке—покатостью озера Цаде, на юге—отделяющей ее от Бенуэ возвышенностью, на западе—течением Нигера, составляет особую естественную область: это Гаусса или Хаусса, имя которой, может-быть, произошло от слова Аусса, имеющего, в языке туарегов, смысл «страны по сю сторону Нигера», в отличие от терминов Гурма и Арибинда, означающих «земли по ту сторону Нигера». Границы этой естественной области нигде не представляют сколько-нибудь серьезных препятствий для сообщения, кроме северной её стороны, прилегающей к пескам и скалам, и потому нет ничего удивительного, что они были перейдены во многих местах. В то время, как пришлые африканцы различных рас поселились в Гауссе, сами гауссанцы заняли обширные территории за пределами своей центральной области, и политические границы постоянно перемещались, вследствие переселений и завоеваний. В настоящее время Гаусса, одна из богатейших и многолюднейших стран Судана, заключающая в себе много больших городов, пользуется преобладающим влиянием на окружающие области. Она господствует над многочисленными государствами, лежащими вне её бассейна, и язык её, на который негры тех краев смотрят как на язык по преимуществу торговли и цивилизации, распространился в большей части Судана. Говоря о Гауссе, невозможно не включить в описание её некоторые из соседних стран, представляющие те же климатические условия, населенные людьми той же расы и причастные тем же политическим судьбам. Пространство территории, которая обнимает, вместе с собственно Гауссой, все бассейны рек, соединяющихся с главной рекой между гульби Сокото и Бенуэ, можно считать приблизительно в 400.000 кв. километров. Что касается народонаселения этой обширной страны, то суммарные статистики определяют его, не подкрепляя, однако, своих исчислений никакими фактическими данными, огромной цифрой в десять и даже в двадцать миллионов душ; но описания Барта, Рольфса и других путешественников не позволяют допустить густоту населения более чем в десять жителей на один квадратный километр, хотя некоторые местности, вокруг городов Гандо, Бида, Илорин, населены так же густо, как самые многолюдные промышленные округи Европы. Следовательно, едва-ли наберется больше четырех миллионов жителей в Гауссе и зависящих от неё территориях, не считая бассейна Бенуэ.

На восток бассейн Нигера не отделен от бассейна озера Цаде правильным хребтом, представляющим непрерывную, легко различаемую выпуклость рельефа. Правда, раздельный порог между этими двумя бассейнами обозначен более явственно, чем между реками Шари и Бенуэ, где болота и озера как-бы принадлежат одновременно к двум покатостям; однако, скаты так мало чувствительны в восточной Гауссе, что во многих местах трудно распознать, к какой системе принадлежат проточные воды или лужи, сохраняющиеся в сухое время года. Но водораздельная область усеяна многочисленными скалами, гранитными обелисками и куполами, которые превращают иные округи в обширные лабиринты. Эти скалистые местности представляют очаровательные пейзажи. Между камнями растительная земля залегает толстым слоем, на котором пышно развиваются пальмы и густолистые деревья, образующие живописные группы; поля извиваются неправильными лентами по контурам пригорков; хижины ютятся под самыми утесами; есть даже города, как, например, Дучи между Сокото и Каценой, которые едва приметны в лабиринте скал, обступающих со всех сторон собрание человеческих жилищ.

Недостаточный скат почвы и многочисленные впадины между скалами помешали правильному образованию речного разветвления: в большей части страны вовсе нет ручьев, встречаются только лужи, озера или пруды, увеличивающиеся и уменьшающиеся, появляющиеся и исчезающие, смотря по времени года. Даже там, где годовые дожди вырыли непрерывные русла, речки большую часть года, являются в виде длинных и узких луж, отделенных одна от другой песчаными отмелями: это так называемые «кораммы», или потоки, состоящие из ряда прерывающихся водных площадей, обсохшие пороги которых представ-

ляют удобные места для привала караванов. Только в нижней части бассейна, река Сокото имеет характер непрерывного потока, но воды её, лениво движущиеся по каменистому ложу, нездоровы для людей и животных, почему там пьют только профильтрованную воду, скоп-

Женщина изъ Нупэ.

ляющуюся путем просачивания на дне ям, вырытых рукой человека в песчаной почве берега. При том, замечается огромная разница в отношении количества дождей между двумя частями бассейна—той, которая прилегает к Сахарским степям, и той, которая принадлежит к поясу Судана. Переход от сухого климата к сырому очень резок в этой области Африки: на

расстоянии какой-нибудь сотни километров от севера к югу, годовое обилие дождей, а вместе с тем богатство и разнообразие растительности изменяются поразительным образом. Разность широты между Сокото и Гандо не достигает даже 70 километров; но в то время, как в первом из этих городов, более близком к пустыне, дожди редки, во втором, напротив, они очень обильны: туземные наблюдатели говорили Барту, что средним числом в Гандо бывает 92 дождливых дня в году; по его мнению, годовая высота дождевого столба должна быть больше 2 метров в этой части покатости Нигера. В сезон дождей путешествие там крайне затруднительно: все реки и речки выступают из берегов, все низкия места затоплены, размытые дороги превращаются в непроходимые болота. Благодаря своей древесной растительности, южная часть бассейна реки Сокото сохраняет круглый год приятный, ласкающий взоры вид, тогда как северная часть страны представляет в период засухи самое печальное зрелище: во многих местах кругом себя видишь только голую, спаленную солнцем саванну.

В обитаемых округах Гауссы, как и в Сенегале, главным образом тамаринды, баобабы и бавольники своими огромными размерами и величественным видом придают характер пейзажу. Бавольник считался по преимуществу священным деревом, когда жители Гауссы были еще язычниками. Особенно у ворот городов везде неизменно встречаешь это исполинское дерево: под ним совершались жертвоприношения и происходили торжественные народные собрания; его обширная крона, поднимающаяся, в виде купола, над другими деревьями, издали указывает дорогу путникам. Три породы пальмы, господствующие на севере Африки, но в разных областях,—финиковая, дум и делеб, встречаются здесь рядом в некоторых кантонах. Масличное дерево очень обыкновенно в некоторых округах страны Сокото; некоторые провинции славятся также лесами дерева дороа (parkia), семена которого, высушенные и распиленные, идут на приготовление плиток, похожих на плитки шоколада и употребляемых как приправа к кушаньям; плитки эти составляют предмет весьма значительной торговли: они вывозятся в большом количестве из южных лесистых провинций в северные округи, где это дерево редко, и в бассейн озера Цаде, где его совсем нет. При лесных порубках топор дровосека всегда щадит дороа, как и масличное дерево. Дынное дерево (папайя), неизвестно когда введенное в крае и, вероятно, через Египет, как показывает его название—гонда Маср[1]—можно видеть подле каждого человеческого жилища в южной Гауссе; но банан, о котором ошибочно говорили, будто он «следует за негром через весь Судан»[2], отсутствует на пространстве около 1.000 километров в ширину, отделяющем Адамауа от Гандо; он опять становится очень обыкновенным и дает превосходные плоды—в западной полосе Гауссы. Рис составляет главный зерновой хлеб во всем бассейне реки Сокото, тогда как на востоке, в Борну, это растение неизвестно земледельцам. Лук отличается превосходным качеством и составляет весьма важную часть питания туземцев; Барт рассказывает, что во время его продолжительного и опасного путешествия по Судану он много раз своим исцелением от дисентерии обязан был только луку и плодам тамаринда. Из промышленных растений самое распространенное—хлопчатник, как это было уже в шестнадцатом столетии, по рассказам Льва-Африканца.

Хотя междоусобные войны и массовыя истребления жителей обезлюдили многие местности Гауссы, однако, в целом эта страна так заселена и покрыта плантациями, городами и местечками, постоянными или временными, что большие дикия животные давно уже удалились из центральных областей. Носорога нигде не видать в Гауссе; слон встречается только в глухих местностях, где он бродит значительными бандами; лев, безгривый, как и аирский, появляется иногда в при-нигерской полосе степей Сахары. Мир птиц представлен вокруг деревень мириадами голубей и горлиц, а в лесах различными видами с блестящим оперением. Стада домашних животных населяют лесные прогалины и саванны. Все козы—однообразно темного цвета, все коровы чистого белого, у всех быков на затылке жирный мешок, ниспадающий на плечо. Гауссанцы—страстные пчеловоды: ульи, устраиваемые из ветвей, обыкно-

1 Barth, цитирован. сочинение.

2 Grisebach, „Vegetation du Globe“.

венно вешают на баобабах. В низменных и болотистых частях страны москиты составляют почти невыносимый бич, гораздо более страшный, чем было бы соседство лютых зверей; но в некоторых округах туземцы придумали довольно остроумное средство избегать преследования этих мучителей. В некотором расстоянии от своих хижин они устраивают на высоте трех или четырех метров над уровнем почвы убежище с конической крышей, поддерживаемое несколькими столбами; днем этот тайник плотно закрыт, с наступлением же ночи обитатели влезают в него при помощи лестницы, и быстро захлопнув дверь за собой, освобождаются, наконец, от атак жужжащей тучи москитов.

Гауссанцы называют себя пришельцами с севера: гоберасы или гобераyа, господствовавшие некогда в горах Аира, принадлежат к этой семье народов. В мифической генеалогии гауссанцев имя их родоначальника, повидимому, заставляет предполагать для всей расы, за исключением «сынов Гобера», рабское происхождение: память о периоде первоначального свободного состояния изгладилась даже из предания. Как бы то ни было, страна, на которую указывают как на первоначальную родину всех гауссанцев, есть область водораздела между рекой Сокото и бассейном озера Цаде, и в этом поясе особенно восточная покатость считается местом их происхождения. Мало-по-малу эта раса распространилась на западе, и гауссская семья разрослась дотого, что заключала в себе семерых «законных» сынов; на каждом из них лежала, по преданию, какая-нибудь специальная обязанность в управлении делами: так, Гобер, северный гауссанец, должен был, как воин, защищать своих родичей; Кано обязан был красить ткани; Кацена сделался купцом; Сег-Сег, южный гауссанец, поставлял невольников. Затем семья увеличилась еще семерыми детьми «незаконными», зарубежными жителями, говорящими гаусским языком или по крайней мере понимающими его, но первоначальные наречия которых отличались от этого языка. Они остались чужаками для расы и уступают своим братьям в благородстве: это народы, обитающие на нижнем Нигере и Бенуэ. В то время, как территория собственно гауссанцев не превышает 100.000 квадр. километров, область, где господствует их язык, обнимает в пять или шесть раз большее пространство.

Гаусский язык, который Ричардсон называл «суданским», как будто это язык всего Судана, есть по крайней мере наиболее употребительный говор во всей стране, заключающейся между Сахарой, озером Цаде, Гвинейским морем и горами Конг: даже за пределами этой обширной территории его употребляют на всех рынках, совместно с местными языками; на берегах Средиземного моря каждый торговый город, Триполи, Тунис, Алжир, имеет свою колонию негров, говорящих гаусским диалектом. Через своих невольников, также как через купцов, нация постепенно все далее распространяет свою речь: в чужих землях служители из гауссанцев учат своих господ этому цивилизованному языку по преимуществу, языку рынков и королевских дворов. Все слова его составлены посредством агглютинации при помощи приставок и суффиксов, при чем каждая частица сохраняет свое особое значение. По звучности, богатству словаря, простоте грамматической конструкции, изящному равновесию фраз, гаусский язык действительно достоин занять одно из первых мест между языками Африки. Письменность его состоит почти только из книг духовного содержания, словарей и сборников грамматических заметок, составленных европейцами[1]; но, по свидетельству Шена и Краузе, гауссанцы обладают также оригинальными манускриптами, написанными на туземном языке, хотя арабскими буквами.

В наиболее чистом виде, по словам Ричардсона, этот диалект сохранился в Кацене, «гауссанской Флоренции; по мнению большинства ученых, его должно поставить, в смысле классификации, между негритянскими наречиями, вместе с диалектом канури; но он представляет также большое сродство с «хамитскими» языками северных областей континента.

«Семеро сыновей» нации гаусса не все принадлежат к исламу; некоторые из них остаются еще язычниками и оказывают энергическое сопротивление всяким попыткам насильственного обращения. Во время путешествия Барта северные гоберасы продолжали отвер-

1 I. Vinson, „Dictionnaire des Sciences Anthropologiques“;—Gust. „Modern Languages of Africa“.

гать все магометанские обряды, да и другие гауссанцы не выказывали особенного рвения к вере. Дело религиозной пропаганды должно быть приписано исключительно другой расе—фулам. С давних пор представители этой расы жили в Гауссе, как пастухи, и уже с четырнадцатого столетия, может-быть, даже еще ранее, большинство их общин исповедывали веру Магомета. Рассеянные по всей стране, эти общины сделались очень многочисленными; кроме того, они постоянно увеличивались притоком новых элементов, так как хотя фулы, гордящиеся своим красным или белым цветом кожи, отказываются выдавать своих дочерей замуж за окрестных негров, но сами они охотно женятся на негритянках, и дети от таких смешанных браков считаются принадлежащими к расе отца. Во многих местах могущество фулов уже уравновешивало могущество собственно гауссанцев, но нигде первые не приобрели еще политического господства, когда вспыхнула война: это было в 1802 году. Один шейх со-

Феллатъ изъ Сокото.—Братъ султана.

седнего с землей Гобер племени, дам-фодие-Отман, убедил своих единоплеменников организоваться в *джемаа*, то-есть в религиозную и военную общину, чтобы отбросить в северные степи своих угнетателей, язычников гоберасов, и пропагандировать веру силой меча. Часто побеждаемые в борьбе с неверными, но всегда возобновлявшие эту борьбу, фулы в конце концов восторжествовали над гауссанцами и основали обширную империю, простиравшуюся до истоков Бенуэ.

Между так называемыми фулами территории Сокото есть много иноплеменников, принадлежащих к нации завоевателей только благодаря продолжительному союзу, основанному на общности интересов. Таковы сисильбе или силлебау, потомки уакоре, или восточных мандингов; они говорят феллатским (пулар) и гаусским (гауса) языками, первоначальный же их язык давно уже позабыт. Различные покоренные народцы тоже причисляются к фулам, но лишь в качестве низших каст, как племя лагобе причисляется к сенегальским фу-

лам. Племя согоран или джауамбе есть остаток одного из тех побежденных народов, которые никогда не поднимаются на степень свободных людей и занимаются только презираемыми ремеслами: в некоторых местах согоранов можно сравнить с цыганами по социальному положению, тогда как в Сокото, где их раса, смешавшаяся с туарегской, составляет главную массу населения, большинство живет ремеслами и мелкой торговлей; они даже почти монополизировали кожевенную промышленность, которая была их специальностью уже в начале шестнадцатого столетия. Что касается тородо или торобе, соплеменников сенегальских тукулеров, то они тоже считаются, между восточными фулами, своего рода аристократией, религиозной и военной: особенно пользуются большим почетом те из и их, которые получили от народа прозвище торобе сабуни, или «мыльные торобе», потому что эти набожные люди часто моют свою одежду, безукоризненная белизна которой должна служить символом чистоты их веры. Тукулеры Гауссы тоже люди смешанной расы, и по Барту, среди них в сильной степени представлен уолофский элемент, как в территории Сокото, так и в Сенегале. Этот-то факт, присутствие в Гауссе отчасти уолофской расы, и дал Барту повод приписывать фулам западное происхождение: в новейшее время их эмиграционное движение, по его мнению, направлялось от запада к востоку, а не от востока к западу, как полагают большинство других писателей. Несомненно то, что дальние путешествия, окончательные переселения, за сотни и тысячи верст от прежнего местопребывания,—дело легкое и привычное для этих фулов, в одно и тоже время пастухов и земледельцев, которые перекочевывают со своими стадами с пастбища на пастбище, проходя почти незамеченными между оседлыми населениями, но которые умеют утвердиться на земле, когда найдут подходящее место, где можно остаться в качестве господ. Этим и объясняются беспрестанные изменения этнологической карты фулов в Судане. Если теперь уже не встретишь фулов в территории Сенегала, носящей их имя Фула-дугу, то в области Фута-Джаллон имеются фулы из Массины, то-есть иммигранты, пришедшие с востока, тогда как страны Каарта и Сегу вновь заселяются тукулерами, прибывающими с запада. Наконец, такруры. люди того же происхождения, встречаются земледельческими колониями на всем пространстве до подошвы гор Эфиопии.

Кроме гауссанцев (гауссауа), различающихся происхождением, но объединенных языком, которые составляют основу населения, и фулов (фула), приобревших политическое господство в стране, в Гауссе есть жители, принадлежащие к другим большим расам Африки. Так, в провинции Кебби, сонгаи, под местным наименованием кабауа, занимают наибольшую часть треугольного пространства, заключающагося между течением Нигера и оврагами, или даллул, спускающимися из земли туарегов. Эти сонгаи должны были постепенно отступать к западу под напором гауссанцев и фулов; однако, они оказывают сопротивление, и во время путешествия Барта это племя находилось в полном восстании. Туареги, очень многочисленные и в Гауссе, являются сюда не целыми племенами, а лишь одиночными переселенцами, но большинство из них кончают тем, что покупают себе землю и затем привлекают в край своих бывших земляков: некоторые округи уже перешли в их руки. Провинция Адар или Тадлар, почти непосредственно к северу от Сокото, в большой части берберизована по составу населения. Многие из фулов и гауссанцев без примеси туарегской крови носят «лицам», или вуаль, как знак благородного происхождения.

Обширная феллатская империя, основанная Отманом в начале XIX столетия, разделилась на два королевства: восточное или Вурно, врезывающееся на западе в бассейн озера Цаде, на юго-востоке в долину реки Бенуэ, и западное или Гандо, простирающееся за Нигер до территории Мосси. В половине столетия могущество фулов казалось сильно поколебленным в обоих этих государствах, так что Барт предсказывал скорое восстановление предшествующего политического порядка. Даже в окрестностях Сокото охотники на человека нападали на подгородные деревни и уводили жителей в неволю; часто в крае царствовал голод, вследствие разграбления житниц и угона скота. Состояние страны с того времени почти не изменилось, и многие вассалы, между прочим, султан земли Нупэ, являются ныне гораздо более могущественными владетелями, чем их сюзерен: если империя не рушилась, то это объясняется религиозной солидарностию, которою одушевлены мусульмане этой страны.

Несмотря на свою слабость в военном отношении, два государства Гауссы сохранили самостоятельное существование, и со времени замирения края центральные провинции Гандо и Сокото замечательно разбогатели и заселились. Джозеф Томсон, посетивший берега реки Сокото через тридцать лет после Барта, с удивлением говорит о торговой деятельности жителей этой страны и сравнивает непрерывное движение на большой дороге из Гандо в Сокото с движением, наблюдаемым вокруг муравейника: люди и животные толпятся точно на улицах большого города; на спине верблюдов, волов, лошадей и ослов перед глазами зрителя проходят товары Судана и оазисов, Берберии и Европы; элегантные всадники, в пышном восточном одеянии, раздвигают толпу грудью своих скакунов; туареги, вооруженные копьем и с лицамом на лице, доминируют над вереницами прохожих с высоты своих мегари. Горизонт окаймлен рядом деревень: глазом их можно насчитать до десятка, и все они так же многолюдны, как города в других местах. Нет ни одного этапа, который бы не представлял из себя значительного города; даже вне населенных мест, в чистом поле, под каждым баобабом или тамариндом приютился на открытом воздухе постоялый двор, где негритянки предлагают путникам прохладительные напитки или закуски. Мечети редки, и даже в городах отличаются от простых хижин только большими размерами, но по краям дороги сооружены в разных местах ограды из камней, орьентированные в сторону Мекки: это сельские часовни, где прохожие совершают коленопреклонения в час молитвы.

Города Гауссы издали имеют вид большой рощи, оттого, что у каждого жилища стоит большое развесистое дерево, тогда как в густо населенных сельских округах, где поля засеяны низкорослыми растениями, не видно более никаких остатков прежних лесов. Частые войны, расовые или династические, заставили жителей окружать города стенами, обводить рвами, воздвигать башни у входных ворот, и особенно в северных областях горожане приобрели большое искусство в постройке этих оборонительных сооружений. Город Куррефи, лежащий километрах в пятидесяти к югу от Кацены, может служить образцом в этом отношении. Построенный в половине XIX столетия для поселения восьми или девяти тысяч человек, лишившихся крова, вследствие разрушения их жилищ неприятелем, Куррефи опирается одной стороной на гранитные скалы; с других сторон он защищен тройной стеной и двумя широкими рвами: городской вал имеет всего только двое ворот, и отверстия расположены таким образом, что неприятелю пришлось бы делать длинные обходы между стенами, унизанными бойницами; кроме того, главным воротам предшествует внешний военный плац, тоже обведенный двойным рвом.

Промышленность очень деятельна в многолюдных городах Гауссы. Разделение труда создало многочисленные корпорации ремесленников: гончаров, ткачей, красильщиков, портных, шорников, сапожников, каменщиков, кузнецов, котельников, ювелиров, парфюмеров, мыловаров. Базары наполнены всякого рода товаром; во всех улицах раздается немолчный шум рабочих инструментов, и повсюду слышен мерный голос школьников, читающих нараспев стихи Корана. Вообще труд в большой чести в этих странах Нигриции, хотя рабство там еще не упразднено. Впрочем, число пленных слуг уменьшается, потому что во многих провинциях Гауссы невольники редко получают разрешение жениться: они не основывают семей, и человеческие стада вербуются путем негроторговых экспедиций, ныне менее частых, благодаря распространению ислама. Но большинство гауссанцев, отличающихся веселым и добродушным характером, хорошо обращаются со своими рабами и не считают себя, как арабы, в силу своего происхождения, выше тех, которые принуждены им служить. Что касается туарегов, то они, напротив, очень заботятся о том, чтобы их молодые невольники вступали в брак и обзаводились семьей[1]: они заботятся о разведении породы и получении возможно большего приплода, как заботились прежде негровладельцы в Виргинии и Кентукки.

Территория Дамергу, которая, по языку и культуре её населения, должна быть рассмат-

1 H. Barth, цитированное сочинение.

риваема как составная часть Гауссы, принадлежит уже к переходному поясу между Сахарой и Суданом. Тамаринды и другие большие деревья находят там предел своего распространения к северу, культура различных промышленных растений Судана тоже прекращается. Поля еще орошаются правильными дождями, но выпадающая доля атмосферной влаги не каждый год бывает достаточна, и иногда жителям приходится терпеть нужду, вследствие недорода. Край этот, населенный людьми смешанного происхождения, берберского и негритянского, усеян многочисленными деревнями; но Барт, посетивший Дамергу в 1851 году, вместе с Овервегом, не упоминает ни одного города. Слишком слабые, чтобы противустоять нападениям окрестных кочевников, вольные земледельцы страны принуждены покупать мир тяжелой данью, платимой асбенскому племени кель-ови, и целые деревни населены невольниками. Иногда купцы, которым путь лежит через эту территорию, должны соединяться в караваны, как для прохода через пустыню, чтобы обезопасить себя от нападения окрестных бродяг.

Область Гауссы, простирающаяся к югу от Дамергу, принадлежит к покатости озера Цаде, а не к бассейну Нигера; многочисленные речки, из соединения которых, далее на востоке, образуется река Иеу, берут начало в этой области, благоговейно чтимой, как «святая» земля, где родились предки расы. Даура, главный город округа того же имени, лежащий в 150 километрах к востоко-северо-востоку от Кацены, есть метрополия старейшего из «Семи сынов» Гауссы, и до вторжения магометанства был центром языческого культа: там имел пребывание Додо, главный бог гауссанцев, которого один святой пророк ислама сразил в единоборстве. Некоторые чудесные явления, составляющие наследие до-исламитского периода, свидетельствуют до сих пор об особенной святости Дауры: таков, например, один фонтан, вода которого, по словам туземцев, бьет обильной струей все время, пока солнце над горизонтом, но который будто бы вдруг иссякает, как только светило дневное закатится.

На покатости внутреннего моря, ближайший город к истокам реки Иеу—Тессауа. Его можно взять за тип большинства других городских поселений Гауссы: в то время, как окрестности представляют печальную голую равнину, городская ограда наполнена большими деревьями, под сенью которых расположены хаты и плантации; скот щиплет траву на лугах или валяется в лужах, рядом с детьми; домашния птицы кружатся над ветвями деревьев. Население состоит главным образом из гоберасов и буссуасов, то-есть туарегов-помесей, не имеющих по большей части другого костюма, кроме кожаного передника. Соседние города, Госсенако и Гассауа, также принадлежат людям смешанной расы и занимаются тем же родом промышленности, именно окраской тканей. Тессауа—город по преимуществу торговый, куда асбенцы и туареги приходят обменивать свои товары на произведения юга; Гассауа, напротив, имеет более военный характер. Жители его, язычники в большинстве, как и другие гоберасы, должны постоянно опасаться нападений со стороны фулов-мусульман; оттого дома, теснящиеся близко один к другому, окружены солидными укреплениями, рвами, палисадами, выступающими башнями; вне городской ограды нет ни одного предместья. Баба или «набольший» города Гассауа есть вместе с тем воинский начальник значительной части территории Гобер.

Кацена (Катсена), главный город одной из восточных провинций Гауссы, бывший прежде королевской резиденцией, лежит, как и Тессауа, при истоке ручья, спускающагося на восток через реку Иеу к озеру Цаде; но этот овраг, часто безводный, является почти неприметной чертой в пейзаже: путешественник замечает только гранитныя скалы, выступающие там и сям над голыми, обезлесенными равнинами. По виду Кацена—один из больших городов Африки; его массивная стена, шириной в 9, высотой от 10 до 12 метров, имеет не менее 22 километров в окружности. Она обведена широким рвом; кроме того, овраг, где соединяются первые воды, текущие в реку Иеу, проходит на северной стороне города, защищая его от набегов гоберасов и туарегов. Но когда войдешь в ворота Кацены, оказывается, что почти все огороженное пространство занято развалинами, садами и полями. В северо-западной части неправильного прямоугольника ограды дома довольно тесно сгруппированы, так что об-

разуют настоящий город; вокруг дворца, стоящего в северо-восточном углу, рассеяно несколько поселков. По всей вероятности, Кацена в начале была просто собранием деревень, которое приняло вид города только со времени сооружения огромной, окружающей его, стены: каждая небольшая группа домов носит еще особое название, напоминающее промысел её первых обитателей или какое-нибудь событие из местной истории.

В языческую эпоху этот край был святой землей: один гранитный холм в окрестностях Кацены служил местом жертвоприношений, которое до сих пор чтут как святыню, хотя теперь уже все жители страны исповедуют ислам. С начала шестнадцатого столетия и, вероятно, еще ранее, Кацена была центром цивилизации: сюда со всех сторон стекались иностранцы; один из кварталов города назывался «Студенческим». Каценские короли, хотя номинально считавшиеся вассалами Борну, в действительности были независимыми владетелями, и власть их простиралась далеко к югу. Они оказывали энергическое сопротивление феллатам: осада столицы продолжалась целых семь лет, с 1807 по 1814 год, и хотя жатвы, собираемые внутри городской ограды, в значительной мере способствовали продовольствию жителей, но под конец настал страшный голод: коршуны, ящерицы и змеи продавались по баснословным ценам. Со времени взятия Кацены городское население почти не превышает по численности населения соседнего городка Курайе. Большинство торгового люда покинуло этот здоровый край, чтобы поселиться в подверженном лихорадкам Кано; теперь в городе очень немного купцов, и почти все они уангарасцы, то-есть мандинги. Феллатские завоеватели были беспощадны к побежденным и старались уничтожить все следы их прежней независимости. Книги, трактовавшие об истории страны, были сожжены; город Данкама, куда удалился государь после падения его столицы, был разрушен до основания. Эти развалины, находящиеся в сорока километрах к северо-востоку от Кацены, теперь заросли кустарником; только гигантский баобаб стоит одиноко в том месте, где некогда толпились купцы и кипела торговая деятельность. Барт рассказывает, как он проходил, вечером, через мертвый город, в момент, когда на него ложились уже большие тени. Спутники английского исследователя, все уроженцы Аира и соплеменники перебитых гоберасов, ускоряли шаг из боязни быть задетыми на проходе витающими над этим кладбищем духами. Музыканты неистово били в барабаны, чтобы отогнать злых гениев, и проклятия, сыпавшиеся на голову варваров-фулов, сливались с грохотом тамтама.

Кано, ныне самый значительный город восточной Гауссы, на покатости озера Цаде, лежит не у реки или какой-либо проточной воды; он занимает низменную местность вокруг крутой скалы, высотой около сорока метров. На этой скале, называемой Дала, прежде стояла крепость, из которой и образовался, в шестнадцатом столетии, нынешний город; в 6 километрах к западу стоит другая скала, тоже находящаяся внутри городской ограды. Подобно Кацене, Кано в начале состоял из нескольких деревень, которые затем были обращены в один укрепленный город постройкой стены, имеющей 24 километра в окружности и заботливо поддерживаемой; в южной части города видны остатки более древнего вала, теперь застроенного домами. Несколько прудов рассеяны в разных местах неправильного овала, ограниченного стенами; самая обширная из этих луж, называемая Джакарой, тянется с востока на запад версты на три, но около середины перерезана перешейком или «мостом», к северу от которого помещается большой рынок, и который составляет исходный пункт главных улиц, расходящихся радиусами к воротам городской ограды. Эти лужи, окруженные камышами, покрытые на поверхности кувшинками, являются резервуарами, питающими город водой для питья; в то же время они служат городскими клоаками, и на них плавают всякие отбросы и нечистоты: неудивительно, что путешественники так боятся Кано по причине его крайне дурного санитарного состояния. Кроме этих естественных прудов, жители выкапывают ямы для извлечения строительных материалов, и эти ямы, наполняясь водой и всякими органическими остатками, становятся гнездами заразы и смерти.

В прошлом столетии Кано был еще небольшим местечком; он сделался одним из значительных городов Судана только после падения Кацены, когда купцы должны были перене-

сти в другое место центр своих торговых операций. Населенный иммигрантами всякой расы, он занимает площадь по меньшей мере в 25 квадр. километров,—неправильный овал, вписанный в гораздо более обширный овал ограды. С высоты скалы Дала, находящейся на северной стороне города, видишь внизу обширное пространство глиняных домов с террасами и хижин с остроконечными кровлями и финиковыми пальмами, опоясанное зеленеющими плантациями и полями. Разноплеменное население разместилось в разных частях города, каждая раса в отдельном квартале. Канури или борнуанцы, потомки прежних владетелей страны, обитают недалеко от скалы Дала, в северной части Кана; гауссане, тоже очень многочисленные, занимают центральные кварталы; фулы, приобревшие, в свою очередь, господство в крае, живут в южных улицах, вокруг лабиринтов построек, образуемых дворцами губернатора и его визиря, или галадимы; наконец, арабские, купцы, между которыми есть целая колония гадамесцев, основали свое местопребывание в соседстве главного рынка, на северной стороне большого пруда.

По важности своей торговли Кано соперничает с городом Кука в Борну. Жители продают бумажные материи, которые они ткут и красят сами, употребляя хлопок и индиго, доставляемые сельскими хозяевами окружающей местности, слывущей «садом Судана». Вообще Кано можно назвать образцовым городом по части мелкой или кустарной промышленности. В каждом доме семья составляет самостоятельную группу, независящую ни от какого хозяина в отношении своего труда: ежедневная работа справляется у себя на-дому, без принесения в жертву семейной жизни; оттого жители Кано, по выражению Барта, «принадлежат к счастливейшим людям в свете»[1], и они с полным правом проявляют свою веселость постоянным смехом и песнями. Произведения канской промышленности, бумажные ткани, башмаки и туфли, кожаные мешки, отправляются за тысячи верст, с одной стороны—до озера Цаде, с другой—до Атлантического океана, на север—до Средиземного моря; когда прямое сообщение прервано вследствие войны, канские материи, очень ценимые в Томбукту, посылаются путем, составляющим огромный крюк,—на Рат, Гадамес, Туат, Эль-Арауан. Встречая на рынках Берберии вышитый кожаный товар, привезенный караванами из Кано, невольно удивляешься искусству, с которым ремесленники этого города, негры канури и гауссауа, воспроизводят арабский стиль орнаментации; можно подумать, что видишь перед собой изделия мавританского происхождения. Канские кустари выделывают также шелковые ткани из коконов тамариндового шелкопряда,—вида неизвестного в других странах. Кано вывозит значительные количества зерновых хлебов, сбор которых всегда превышает нужды местного потребления; взамен того, он покупает соль из оазисов, селитру с берегов озера Цаде и орехи кола из областей, лежащих за Нигером. Во время прохода Барта слоновая кость почти отсутствовала на рынке Кано; что касается торговли невольниками, то она была еще очень деятельна: транзит этих несчастных на тамошнем базаре исчислялся средним числом в пять тысяч человек в год; кроме того, много пленников продавалось по домам и в окрестных селениях, вне надзора фиска, который взимает свою долю из покупной цепы.

К востоку от Кано, в бассейне, спускающемся к Борну, многие другие города, населенные частью канурiями, находятся еще в политической зависимости от Гауссы. Важнейший из этих городов—Герки, лежащий недалеко от границы. Катагум, на реке того же имени, одной из главных ветвей Ису, летом пересыхающей,—тоже значительный город и административный центр провинции. К западу же от Кано население состоит исключительно из гауссан и фулов. В этой области, на водоразделе между Нигером и озером Цаде, находится живописный город Каммане, один из самых промышленных городов Гауссы: каждая из его хат, рассеянных между гранитными пригорками и группами пальм, есть ткацкая или красильная мастерская, и выделываемые тамошними кустарями бумажные материи славятся прочностью ткани и замечательным блеском цвета. Жители Каммане умеют также храбро защищать от врагов свой город и богатые плантации его окрестностей; они заботливо поддерживают внешнюю ограду и часто отражали нападения гоберасов.

1 H. Barth, цитиров. сочинение.

Сюрми, столица Санфары, лежит на покатости реки Сокото, в области её истоков. Это многолюдный город, пришедший в упадок, вследствие беспрестанных войн, которые он должен был вести со своим соперником Маради, главным пунктом Гобера, языческим городом, сохранившим традиции древней Гауссы и доблесть предков. К западу от Сюрми, на дороге в Сокото, следуют один за другим Дучи, или город «Скал», действительно затерянный в лабиринте камней, и Сансане-Аисса, или «Стан Иисуса», одна из самых сильных крепостей империи. Далее тянется страшный лес Гундуми, где часто враги поджидали в засаде войска фулов. Этот лес, который Барт прошел дважды, имеет не менее 80 километров в длину, от востока к западу: путешественники обыкновенно проходят всю восточную и центральную часть его в один ночной переход, тем более тягостный, что надо идти все время молча, тогда как негры привыкли развлекаться в дороге песнями и смехом. Алкалауа, бывшая столица Гобера, находится на северной опушке леса Гундуми, на берегу реки Сокото, и Конни, один из важнейших городов этой территории, лежит всего в двух днях ходьбы, к северо-западу. Понятно, что в подобном соседстве фулы проходят через этот лес не без опаски.

Вурно, резиденция короля гауссан, Серики-и-Мусульмиа, т.е. «повелителя мусульман», занимает великолепное положение на уединенной песчаниковой скале, возвышающейся на 40 метр. над окружающими долинами; на северной его стороне течет река, образуемая потоками Сюрми и Маради и принимающая далее имя Сокото: в период дождей почти вся местность вокруг скалы бывает затоплена. Запертый в высоких стенах, самый город мало интересен: это куча низеньких домов и хижин из фашинника, кое-где осененных группами дынных деревьев и пальм дум или одинокими тамариндами. С валов кругом видишь только голую равнину, среди которой рассеяны редкие баобабы.

Сокото, бывший до Вурно столицей обширной феллатской империи, стоит, как и Вурно, на выступе песчаниковой горы над долиной, на дне которой бежит живая вода. С восточной стороны протекает речка Ганди или Бакура, названная так по двум важным городам, находящимся на её берегах; немного севернее Сокото, этот поток соединяется с главной рекой, образующейся из слияния ручьев Гобера и северной Санфары: таким образом, Сокото лежит в точке соединения нескольких естественных путей, направляющихся вверх—к Кацене, Кано, Бенуэ и озеру Цаде, вниз—к Нигеру. Городской вал Сокото, построенный султаном Белло в начале настоящего столетия, представляет совершенно правильный квадрат, имеющий 2.750 метров в стороне: карта, составленная этим государем и подаренная им путешественнику Клаппертону, где все окружающие земли представлены в перспективе до торгового пункта Атагара, на морском берегу, свидетельствует о важности, которую его столица имела в глазах главы феллатских верующих. Когда феллатское государство находилось еще в периоде могущества, пространство, окруженное этой высокой стеной, было густо населено: сто двадцать тысяч жителей были скучены внутри городской ограды. Четверть века спустя Барт оценивал только в одну шестую этого числа население Сокото; с того времени оно еще более уменьшилось, главным образом по причине очень неблагоприятных санитарных условий местности: пропорция слепых там весьма значительна. Большинство жителей—сисильбе, мандингского происхождения, искусные и трудолюбивые ремесленники, делающие честь своей расе превосходным качеством своих произведений, вышитых кожаных изделий, тканей, крашенных материй, оружия, инструментов. Один бывший невольник феллат, вернувшийся из Бразилии, развел близ Сокото маленькую плантацию сахарного тростника и устроил рафинадный завод,—замечательный пример влияния, оказываемого уже Новым Светом на цивилизацию Старого. Арабские купцы из Рата и Гадамеса населяют отдельный квартал в Сокото, а теперь и английские негоцианты стали появляться в этом большом рынке центральной Африки, впервые посещенном одним из их соотечественников, Клаппертоном. Этот путешественник в Сокото и умер, в 1827 году; спутник его, Ричард Лендер, похоронил его в одной подгородной деревне.

В тридцати километрах к югу от Сокото находится город Шифауа или Сифауа, окруженный исполинскими баобабами, город, ныне пришедший в упадок, но имеющий историче-

ское прошлое: основатель империи фулов сделал его на первое время столицей завоеванных земель. Гандо, лежащий в 60 километрах далее, к юго-западу, также был одной из главных резиденций Отмана, восстановителя могущества фулов; теперь это главный город западной Гауссы, со всеми подвластными ей территориями, до земли Мосси; но он признает над собой сюзеренство Сокото, столицы восточного царства. Ганго расположен в котловине, окруженной со всех сторон крутыми холмами и перерезываемой небольшим притоком реки Сокото. Почва в этой котловине замечательно плодородна и производит в изобилии превосходные плоды и овощи. Бананы и лук из Гандо славятся во всей Гауссе.

Город Бирни н'Кебби, т.е. «крепость Кебби», построенный километрах в пятидесяти к западу от Гандо, на террасе, высотой около 80 метров, господствующей над широкой и плодоносной долиной реки Сокото, занимал великолепное стратегическое и торговое положение, близ того места, где река становится судоходной, и где оканчивается кратчайший путь из Сая, главного места переправы на Нигере в многолюдные области страны Сокото. Но от этого укрепленного города, бывшего столицей территории Кебби, теперь остались только стены: фулы разрушили его в 1806 году и нашли, говорят, много золота и серебра под развалинами. Новый город, называемый просто Кебби, как и самая провинция, был отстроен в близком расстоянии от старого: это куча невзрачных домишек, без защитных деревьев, место убежища для побежденных. Здесь мы находимся на границе различных народностей: на восток живут гауссане и фулы (феллата); на запад—сонгаи, представленные главным образом народцем денди. Между этими разнородными этническими элементами часто идет ожесточенная борьба. Во время прохода Барта кабауа, жители Кебби, и денби, жители Дендины, поднялись против правительства Сокото, сельские округи были опустошены, и многие города подверглись разграблению.

Дьега, на подпритоке Нигера, называемом гульби н'Гинди, кажется, теперь самый многолюдный и важнейший торговый город страны: он окружен целым кортежем значительных городских поселений; это, так сказать, человеческий улей или муравейник Гауссы[1]. По другую сторону реки Сокото почва менее плодородна, города более редки; в западной части главной долины находим города: Тилли, Согирма, Бунса. Далее, в овраге, почти всегда безводном, спускающемся из сахарских степей, лежит город Иелу, столица Дендины. Выше, на севере, встречаем город Каллиул, славящийся своими соляными промыслами. В сухое время года насыщенную солью землю складывают кучами в большие резервуары из соломы и камыша, или градирни, затем льют воду на эту землю, и стекающий через скважины хвороста рассол собирается внизу и обработывается посредством выпаривания. В период дождей все салины покрываются на поверхности пресными водами, имеющими слабое течение к югу и населенными рыбой.

На правом берегу Нигера, против впадения в него реки Сокото, находим небольшую деревню, называемую Гомба. Ниже, как и в месте слияния, берега главной реки почти пустынны, главным образом по причине нездорового климата прибрежных равнин, часто затопляемых разливом вод. Туземцы камбари, живущие в южной части провинции Яури,—люди трудолюбивые, но презираемые их цивилизованными соседями: между ними главным образом и набираются невольники окружающих городов; но в некоторых округах племена камбари энергически защищались, и несмотря на угрозы фулов, отказываются обращать лицо к храму Мекки[2]. В округах провинции Яури, прилегающих к левому берегу реки, все хижины построены либо на сваях, либо на каменных столбах, для предохранения жилища от сырости почвы: кроме того, кровати у туземцев представляют собою огромные глиняные сооружения, занимающие половину хижины и снабженные в нижней части печкой, которую топят на ночь, так что жилище напоминает русскую баню. Несмотря, однако, на все эти предосторожности, жители Яури сильно страдают ревматизмом, и между ними много горбатых и зобатых: до прихода в эту долину, где столько хворых и немощных, Томсон не встре-

1 Joseph Thomson, „Good Words“, 1886.

2 J. Thomson, „Britisch Association at Birmingham“, 1886.

чал горбатых ни в какой другой части Африки. Война в значительной мере способствовала опустошению страны. Бывшая столица, которую братья Лендер называют Яури, тем же именем, как и все королевство, была разрушена фулами; она занимала «огромное пространство», была так многолюдна, как никакой другой город черного континента, и стена её ограды имела «от двадцати до тридцати англ. миль» в окружности. Большой торговый город Кульфо тоже был стерт с лица земли феллатами. Несколько лет тому назад властитель Накуамача, государства, граничащего с Яури на востоке, предпринял экспедицию в долину Нигера для ловли невольников, и во время своего похода разрушил четырнадцать городов, в том числе могущественную Убаку, от которой остались одни стены[1]. Эта облава доставила завоевателю тысячи пленников; но она сопровождалась истреблением огромного множества человеческих существ, целые округи были обращены в безлюдную пустыню, и беглецы из Яури искали убежища во всех соседних областях, особенно на другой стороне Нигера, в территории Боргу. Контокора (Контагора), столица негроторговцев племени накуамач или бамаши, была недавно посещена Томсоном во время его путешествия из Локоджи в Сокото: это большой город, лежащий в сотне километров к востоку от Нигера, в очаровательной местности, среди небольших долин, лесков и скал.

Единственная часть Яури, сохранившая сравнительно густое население,—это та, которая защищена водами Нигера от набегов соседних племен. В сотне километров ниже слияния с рекой Сокото, Нигер делает большой изгиб в южном направлении, и вдоль этой излучины тянется ряд островов, хорошо возделанных и покрытых селениями. Даже целый город, Икунг, приютился на одной из островных скал, и когда в стране спокойно, это бойкий торговый пункт, рынки которого посещаются жителями всех окрестных местностей. Король Яури некогда держал лагерь на левом берегу реки, чтобы командовать этим архипелагом. В 100 километрах ниже, город Бусса или Буссан, вблизи которого находятся пороги, где погиб Мунго-Парк, лежит в полкилометре от правого берега Нигера, в нескольких лье к северу от развалин города того же имени. В 1881 году, во время прохода Флегеля, Бусса был столицей одного маленького государства, совершенно независимого от фулов Гандо; за полстолетия перед тем братья Лендер восхваляют короля Буссы, как «самого уважаемого государя западной Африки», уважаемого не за величину его владений, ни за пышность его двора, но за древность его происхождения: это был «первый монарх западной Африки в начале мира». Фетиш этого короля—белый слон, как в Сиамской империи. Ричард Лендер рассказывает, что после смерти Мунго-Парка жители Буссы были постигнуты сильной эпидемией, в которой видели кару небесную. «Остерегайтесь трогать белых», повторяли тогда всюду в стране: «не то—погибнете, как жители Буссы»[2].

К западу от маленьких государств Бусса и Во-Во простираются области страны Боргу, разделенные на несколько королевств, из которых самое могущественное—Ники. Город того же имени был «огромный», по словам братьев Лендер, и король его имел такую сильную армию, что фулы не осмеливались поднимать меч против него. В земле Во-Во бездетные жены продаются по смерти мужа, и даже те, которые на правах матери освобождены от продажи в рабство, обязаны носить, как невольницы, веревку на шее впродолжении целого года траура. Может-быть, прежде их даже зарывали живыми вместе с умершим супругом. Хоронят там в сидячем положении, помещая покойника, вооруженного луком и стрелами, между трупами его лошади и собаки[3]. К западу от Боргу, один английский путешественник, прибывший из Дагомея, Дункан, проник, в 1845 году, до города Адафудиа, лежащего на покатости Нигера, в живописно-волнистой местности, где почва состоит из красной земли, очень плодородной. Эта страна, население которой большею частию обращено в ислам, усеяна многочисленными городами, где чужеземцы принимаются торжественно почетными лицами города, которые выходят на встречу гостю и приветствуют его чтением нескольких стихов

1 Flegel, „Mittheilungen der Afnkanischen Gesellschaft in Deutschland“, Band III, 1881-1883.

2 R. Lander. „Records of Captain Clapperton's Expedition to Africa“.

3 R. Lander, цитирован. сочинение.

Корана. Дункан перечисляет многие из этих городов, как-то: Ассафуда, Куампанисса, Кассокано, Сабакано, Каллаканди, Адафудиа, которые следуют один за другим с юго-востока на северо-запад, по северному склону хребта Махи, и из который каждый имеет от шести до десяти тысяч жителей, или даже больше. Туземцы, негры, с широким умным челом, принадлежащие, вероятно, к той же расе, как и мосси, воспитывают очень красивых лошадей, с которыми их дети, как маленькие бедуины в Сирии, играют с самого раннего возраста. Дункан говорит также, но со слов других, а не как очевидец, что негры этой страны приручают слона. Если это правда, то оказывается, что союзники карфагенян, водившие в бой дрессированных слонов, имеют еще в Африке наследников своей науки.

Ниже порогов, первое значительное поселение, лежащее в 100 слишком километрах к югу,—Гладжебо, пристань левого берега, где останавливаются суда, идущие снизу, и откуда отправляются барки, построенные для плавания через пороги. Мы находимся уже в территории Нупэ, которая по своему положению на обоих берегах Нигера, в том месте, где река наиболее приближается к Лагосскому заливу, занимает один из жизненных пунктов африканской торговли. Кроме того, эта провинция представляет ту весьма важную выгоду, что почва в ней почти везде плодородная: краснозем, доминируемый там и сям песчаниковыми скалами, которые сменяют метаморфические формации верховья[1], производит в изобилии все плоды тропического пояса. Леса состоят в значительной части из масличного дерева и других ценных пород. Провинция Нупэ могла бы прокормить миллионы людей, и, действительно, в разные времена население её было весьма значительно, а некоторые округа, пощаженные войнами, и ныне густо населены. Рабба, некогда одно из самых больших городских поселений Африки[2], не принадлежит к числу городов, пощаженных завоевателями. В начале нынешнего столетия, когда караваны торговцев невольниками основали в Раббе главный складочный пункт для своих гуртов, предназначенных к отправке в негроторговые конторы морского берега, этот город имел свыше ста тысяч жителей. Против него, на правом берегу Нигера, стоял другой обширный город хижин, Загоши, населенный лодочниками и ремесленниками, которые все повиновались, как и прибрежные жители окрестных селений, державцу, почти всегда разъезжавшему по реке, так что его прозвали «королем Темных Вод». Сокращение торга невольниками и завоевание страны фулами разорили коммерсантов Раббы и Загоши. В 1867 году, после гражданской войны между нифаусами, первый из этих городов имел не более сотни хижин, да и те были без крыш: все остальное было истреблено пожаром, но вокруг этих развалин можно было ходить целыми часами, не выходя из пространства, которое прежде было покрыто строениями города. В последнее время Рабба частию оправился от разорения и, вероятно, снова приобретет прежнюю важность, благодаря своему счастливому положению на изгибе Нигера, у южной оконечности цепи холмов, оканчивающейся крутыми утесами на берегу главной реки и ограничиваемой на востоке речкой Гинги; среди этих скал виден зазубренный кратер вулкана. Рабба—самый удобный исходный пункт для торговцев, направляющихся с низовьев Нигера сухим путем к Гандо и Сокото. На противоположном берегу пристань Шонга (Shongawharf), лежащая в 25 километрах ниже по реке, была выбрана англичанами, как главное место выгрузки для товаров, идущих в Иорубу. Через этот пункт проходит кратчайший путь между Лагосом и Сокото: когда железная дорога направится из главного английского порта к Нигеру, обходя низменные земли дельты, она, без сомнения, подойдет к этой реке у Шонги или в соседстве этой важной станции. Таможенные пошлины взимаются в Шонге именем эмира территории Нупэ.

Бывшая столпца большого государства Иоруба, Катанга или Катунга, которую из европейцев посетили Клаппертон и Лендер, находилась на покатости Нигера, всего в каких-нибудь сорока километрах от изгиба Геба. Она сменила, в качестве метрополии, другой город, Боху, занимавший гораздо лучшее положение, в плодородной и живописной долине. Фулы почти совершенно разрушили оба эти города и покорили всю страну, царьки которой посы-

1 I. Thomson, цитирован. мемуар.

2 Richard Lander, „Journal of an Expedition to explore the Niger“.

лают теперь ежегодно дань в Биду и Вурно. Ближайший к реке большой город, Сараки, лежит в 50 километрах к югу от Раббы, в гористой, но очень плодородной местности, производящей в изобилии хлопок, зерновые хлеба, ямс и земляные фисташки. По словам миссионера Мэ, по крайней мере три четверти почвы в этой области Африки находятся под культурой; в период жатвы, по извилистым сельским дорогам тянутся, точно какая-нибудь процессия, длинные вереницы крестьян и крестьянок, несущих с полей продукты урожая.

На юго-западе от Сараки, перейдя речку Оши, приток Нигера, встречаем многолюдный город Илорин, лежащий на высоте около 400 метров, недалеко от водораздела. Городская ограда, построенная в форме правильного многоугольника, имеет слишком 20 километров в периметре; улицы широкия, перерезанные площадями, окаймленные рядами лавок, где выставлены различные товары Европы и Африки, вплоть до тканей, привозимых из Египта через Куку и Кано. Ярмарки в этом торговом центре следуют через каждые пять дней,—один из редких примеров пятеричного деления времени[1]. Илорин, город республиканский, основанный в 1790 г. беглецами, сошедшимися сюда со всех концов Иорубы, разделялся, во время посещения его Лендером, на двенадцать кварталов, из которых каждый принадлежал отдельному племени и был представлен в городском совете одним из своих старейшин. Подобно Абеокуте, вольная городская община Илорин съумела отстоять свою независимость против всех соседей и сделалась необходимой им своей промышленностью; теперь фулы-магометане являются там преобладающей силой, но большинство жителей еще язычники. Когда Рольфс посетил Илорин, в 1867 г., три трупа посаженных на кол людей стояли зловещими стражами перед городскими воротами.

Бида, столица государства Нупэ, построена не на берегу главной реки. Занимая центр полуострова, ограниченного с юга Нигером, с запада и севера его притоком Кадуной, она перерезана речкой Лаужей, впадающей в Баку, приток Нигера, судоходный в период высоких вод; вокруг города, высоту которого определяют в 150 метров, тянутся хорошо возделанные холмы. Бида—город новый, но быстро оправдавший свое название, которое значит «следуйте за мной!», так как, по свидетельству миссионера Милум, посетившего ее в 1879 г., она уже имела в то время около 100.000 жителей. Это крепость, окруженная валом, в форме правильного четыреугольника, и широким рвом; внутри ограды каждая группа домов, в свою очередь, составляет род редюита, с высокими стенами и узкими кривыми улицами. Город перерезан широкими аллеями, содержимыми в большой чистоте; обширные площади, базары следуют один за другим через известные промежутки, и все мечети обсажены тенистыми деревьями. Нифаусы, жители Биды, очень искусны в разных ремеслах: они ткут, красят материи, выплавляют и куют железо, дубят и вышивают кожи, делают даже стекло и мастерят из него разные украшения для оружия и одежды. Эмир строго следит за соблюдением жителями религиозных обрядов; во всех кварталах учреждены школы, и почти все дети умеют читать и писать по-арабски[2].

Большая река Кадуна или Лавон (Лафун), соединяющаяся с Нигером между городами Раббой и Бидой, собирает свои первые воды в провинциях Кацена и Кано и протекает через провинцию южной Гауссы, называемую разными именами: Сег-Сег, Сариа и Со-Со. Город Сариа или Зария, главное место этой территории южных гауссан, был уже посещен многими европейцами, Клаппертоном, Ричардом Лендером, Бэки, Маттеучи, Массари, Штаудингером; из зданий его заслуживает внимания главная мечеть, самый красивый мусульманский храм во всей Гауссе. Сариа лежит на водоразделе между Кадуной и северными реками, вероятно, на высоте слишком тысячи метров над уровнем моря. Окружающая местность, хорошо орошаемая, без всяких котловин или впадин, где могли бы застаиваться воды, принадлежит к самым плодородным во всей Африке. Деревья редки, но образуют великолепные массивы; пологие скаты холмов покрыты лугами, где пасутся стада коров и баранов; поля риса и других хлебных растений, плантации хлопчатника и индиго занимают извилистые лощи-

1 Bowen, „Central Africa“.

2 Milum, „Proceedings of the R. Geographical Society“, January 1881.

ны по берегам ручьев. Особенно округ Эгобби, к югу от Сарии, показался Лендеру достойным быть поставленным на-ряду с прелестнейшими сельскими пейзажами Англии. Город Эгобби, лежащий, как и Сариа, на северном притоке реки Кадуны, тоже имеет очень красивый вид; правильно распланированный, он окружен стеной, в форме точного квадрата; улицы отличаются образцовой чистотой, в домах все металлические вещи тщательно отполированы при помощи красного песку; тыквенные сосуды из Эгобби высоко ценятся во всей стране за тонкую работу гравюр, которыми они украшены снаружи, и которые по большей части изображают домашних животных. Население, между которым преобладают фулы, сохранило особенную любовь к скоту; земледелие там в чести, но пастушество это своего рода культ, предмет обожания. У жителей Эгобби, как и у обитателей провинции Яури, кроватями служат высокие лежанки, поддерживаемые глиняными столбами[1].

В верхнем бассейне главной реки, к юго-востоку от Сарии, нет больших городов, но много деревень, населенных—одне фулами-магометанами, другие—неграми-идолопоклонниками из племени кадо. Эти люди разной расы и разных нравов встречаются в торговых местечках, то оживленных, как столицы, то пустынных, как окружающие леса. Таков Торжок Я, на одном из верхних притоков Кадуны; таков же находящийся на расстоянии одного дня ходьбы к югу от Я, но отделенный от этого местечка большим лесом, рынок Санго-Катаб, «центр пятисот маленьких поселков, лежащих близко один от другого»[2]. Когда спускаешься из этих нагорных селений в западные равнины, по которым протекает Кадуна, уже усиленная многочисленными притоками, перемена растительности совершается почти внезапно: вдруг появляются снова пальмы делеб, бананы и другие растения нижнего пояса, совершенно отсутствующие на плоскогорьях, где бродят феллатские пастухи со своими стадами.

Бирни н'Гуари, или «Крепость» Гуари,—столица провинции того же имени, иначе называемой Гбари, которая простирается с севера на юг между территориями Сариа и Яури, и которая также входит в состав королевства Яури. Клаппертон и Лендер посетили ее, но тот из них, который пережил это путешествие, упоминает только имя города. Гаури ведет непосредственно торговлю с странами по Нигеру, на западе чрез Контокору, на юго-западе чрез город Беари и долину майо-Роа; на юге он торгует с Бидой по реке Мариго, главному западному притоку Кадуны. Территория Абуджа, к востоку от Биды, тоже принадлежит к вассальному государству Гуари: в этой провинции есть несколько многолюдных городов, между которыми первое место по важности, как главная пристань на Нигере, занимает рынок Эгга или Эгган, лежащий на берегу реки, в том месте, где она поворачивает к югу, чтобы идти на встречу Бенуэ, и где начинает появляться кокосовая пальма; там говорят еще языком страны Нупэ. Эгга—большой город, но, к сожалению, окруженный болотами и очень нездоровый: его дома, складочные магазины, пристани тянутся вдоль Нигера на пространстве 3 километров, и сотни барок снуют взад и вперед по реке между высокими берегами и английскими судами. Здесь мы уже находимся в сфере притяжения британской торговли; город и территория составляют часть владения, состоящего под протекторатом Национальной Африканской Компании, которая косвенно является представителем английского правительства. Многочисленные деревни следуют одна за другой на обоих берегах Нигера, преимущественно на правом, над которым господствуют очень высокие горные склоны, увенчанные лесами. Главный город этой области, лежащий на западном крутом берегу реки, верстах в пятидесяти ниже Эгги, известен под разными именами у многочисленных прибрежных народцев Нигера: наиболее употребительное название его—Игбидо (Будду). Это столица туземцев племени каканда, эффон или шеби, которые служат главными посредниками в торговле между нижним и средним Нигером: некоторые из них совершают далекия путешествия в Гауссе, ходят даже в Аир и иногда вступают в прямые торговые сношения с жителями Гадамеса. Они имеют обыкновение устраивать на реке примерные баталии, чтобы доставить своим де-

1 Richard Lander. „Recorda of Clapperton's Last Expedition to Africa".

2 R. Lander, цитиров. сочинение.

тям случай рано ознакомиться с опасностью[1]. В то время, как молодежь, иной раз в числе около пятидесяти человек, рассаживается по окружности барки, действуя потесями, взрослые стоят по середине судна и стреляют через головы юношей.

Города Гаусса и Нупе, приблизительная цифра населения которых указана путешественниками:

Покатость озера Цаде. Кано, по Барту, в 1854 г.—35.000 жит., Герки—15.000 жит., Тессауа, в 1851 г.—12.000 жит., Гассауа—10.000 жит., Кацена—7.500 жит., Катагум—7.000 жит., Курайе—6.500 жит.

Покатость реки Сокото. Сокото, в 1886 г., по Томсону—8.000 жит., Бирни н'Кебби или Кебби, по Флегелю, в 1880 г.—22.000 жит., Вурно, в 1886 г., по Томсону—15.000 жит., Согирма, по Флегелю, в 1880 г.—7.500 жит., Каммане, по Барту, в 1851 г.—7.000 жит.

Южная Гаусса, Нупэ и северная Иоруба. Бида, по Милуму, в 1880 г.—90.000 жит., Илорин, по Рольфсу—70.000 жит., Сараки—40.000 жит., Эгга—25.000 жит., Эгобби, по Лендеру, в 1827 г.—14.000 жит., Кантакора, по Томсону, в 1885 г.—5.000 жит., Шонга, по Флегелю, в 1880 г.—5.000 жит., Беари, по Лендеру, в 1827 г.—4.000 жит.

Феллатская империя, основанная Отманом в начале настоящего столетия, по виду сохранилась в своих обширных пределах; хотя разделенная на два королевства, Вурно и Гандо, она даже восстановила свое первоначальное единство, так как сюзеренная власть султана Вурно вполне признается западным государством. Впрочем, совокупность территории состоит из отдельных королевств, имеющих каждое свою собственную организацию и связанных с сюзереном только уплатой ежегодной дани; в горных областях есть даже несколько анклав, образуемых независимыми племенами, и границы этого громадного царства беспрестанно перемещаются, смотря по исходу войн и восстаний. Теперь власть феллатских королей Гауссы значительно уменьшилась, вследствие уступок—собственно торговых, но в сущности вместе с тем и политических,—сделанных английской компании в южных областях на берегах Нигера и Бенуэ[2]. Доходы султанов Гауссы должны быть весьма значительны в сравнении с доходами других африканских царьков; уже Барт исчислял, в половине этого столетия, доходы одного только королевства Кано в 90 миллионов каури, т.е. в 180.000 франков: годовой налог в то время составлял один франк, или 500 каури, с домохозяина. Войско, которое могли бы без труда собрать два эмира, владетели Сокото и Гандо, простирается по малой мере до 120.000 человек, в том числе около 30.000 конных.

Власть государей не самодержавна. Она ограничена министрами, выбор и аттрибуции которых определяются обычаем. Первый министр, или галадима, всегда пользуется значительной властью; затем следуют, по порядку важности занимаемых постов: начальник конницы; командующий пехотными войсками; кади, он же и палач; наследник престола; начальник пленников; министр финансов. Последнему султан обыкновенно вверяет временное управление государством, когда отлучается в военную экспедицию.

В большинстве мелких государств правительство организовано по образцу королевства Вурно. Приказы передаются от вассала к вассалу до крайних пределов империи, а в обратном порядке восходят изъявления верности и уплата дани.

V. Бенуэ, нижний Нигер, Бонни и старый Калабар

Путь нижнего Нигера и Бенуэ, открывающий доступ во внутренния области Африки, по-

1 G. Rohlfs „Quer durch Africa".

2 Султан Сокото заключил, в 1885 и 1890 г. г., договоры с английской Нигерской компанией, которой он, за ежегодную субсидию, предоставил монополию торговли и эксплоатации минеральных богатств на р. Бенуэ. По англо-французской конвенции 5 авг. 1890 г., Сокото принадлежит к английской сфере интересов. *Ред.*

видимому, должен сделаться современем важнейшим из всех торговых трактов черного континента. Устья Нигера находятся у крайней вогнутости Гвинейского моря, между Бенинским заливом и бухтой Биафра, т.е. около естественного пункта соединения главных маршрутов кораблей в африканской южной Атлантике. В ожидании того времени, когда явятся гужевые дороги, проникающие далеко в центральные области материка, Нижний Нигер и Бенуэ представляют уже непрерывную линию пароходства на протяжении слишком 1.500 километров от моря: из всех больших африканских рек один только Бенуэ не имеет порогов в своем среднем течении; там же, где дальнейшее судоходство становится невозможным по недостатку воды, понижение почвы продолжается к востоку бассейном реки Шари, и все собранные до сих пор сведения заставляют предполагать существование удобных путей сообщения между покатостью озера Цаде или Чад и покатостью Нила через территорию Ням-Ням: Таким образом большой поперечный путь соединяет Нигер с Нилом, и эта диагональ проходит через некоторые из многолюднейших и наиболее производительных стран Африки, оканчиваясь в месте происхождения средиземной цивилизации.

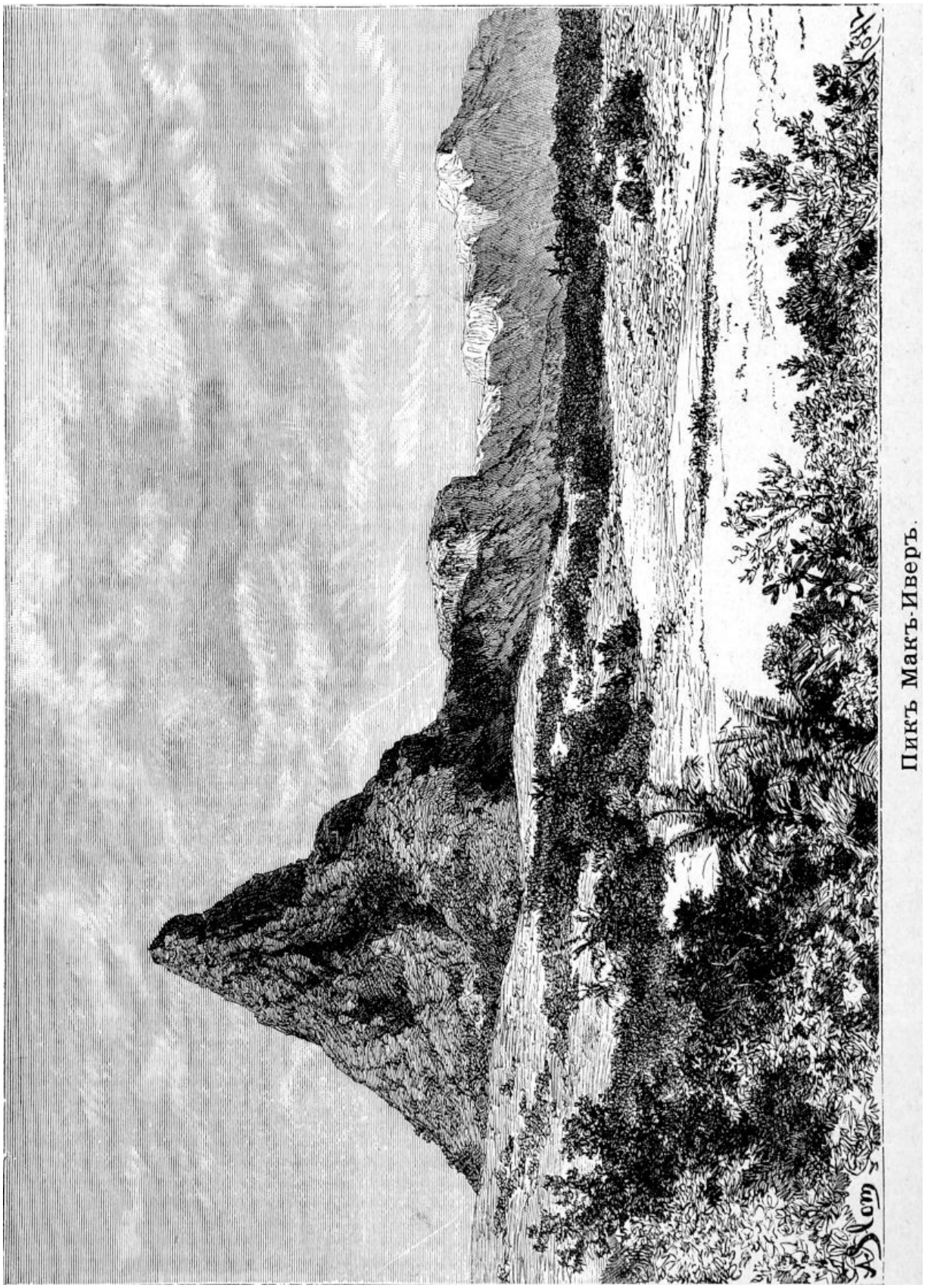
Понятно, что обладание входными воротами, открывающими доступ к богатейшим областям Судана, должно представляться негоциантам, как драгоценнейшее из завоеваний. Но торг невольниками, производившийся на соседнем морском берегу более деятельно, чем гделибо, долго был помехой всякой другой торговле, вследствие постоянных войн между туземными племенами; кроме того, в виду опасностей, которыми грозил европейцам климат нижнего Нигера, мореплаватели не решались переходить пояс пустынных аллювиальных земель, отделяющий море от внутренних населенных областей. Вот почему до второй половины XIX века. т.е. впродолжении трех столетий со времени прибытия португальцев на Невольничий берег, европейскими купцами не было сделано ни одной попытки завести торговые дела на берегах Нигера или Бенуэ. Памятная экспедиция путешественника-исследователя Бэки, в 1854 г., была началом новой эры, связавшей чисто африканскую культуру Судана с всемирной цивилизацией. После этой экспедиции несколько английских торговых домов послали своих агентов в прибрежные города нижнего Нигера, и мало-по-малу поток торгового обмена устремился к пристаням этой реки. В наши дни торговое движение уже регулярно направляется из всей области низовьев Нигера и Бенуэ к Лондону и Ливерпулю. Британские негоцианты сделались истинными сюзеренами народов, населяющих Суданское междуречье.

Однако, англичанам еще недавно приходилось делиться с другими своей монополией торговли в тех краях. В 1880 году на Нигер проникла первая французская экспедиция и основала несколько контор на его берегах; два года спустя число французских постов доходило уже до тридцати, так что почти равнялось числу английских поселений[1]. Но эта конкурренция продолжалась недолго. Различные британские компании соединились в одно могущественное общество, располагавшее двадцатью пятью пароходами и капиталом, достаточным для того, чтобы скупить все фактории французских соперников, и вскоре, несмотря на дипломатические конвенции, по которым устья Нигера в принципе открыты судам всех наций, торговая монополия была восстановлена в пользу Великобритании. Недавно одно немецкое общество, воспользовавшееся результатами прекрасных исследований путешественника Флегеля, употребляло все усилия, чтобы обеспечить за собой торговлю на Бенуэ; но начальники прибрежных племен, уступая более блестящим предложениям англичан, предоставили последним привилегию торговли. «Куда британский консул поставит ногу, писал эмир ханства Нупэ, туда и я стану»[2]. Позиция английских представителей, опирающихся на двести слишком договоров с туземными царьками и народцами, теперь уже никем не оспаривается, и поддержка со стороны британского правительства мало-по-малу превращает их власть в политическое господство. Компания не только пользуется исключительной привилегией торговли на берегах реки, но имеет также право «приобретать покупкой или иным

1 Ed. Viard, „Au bas Niger“.

2 Blue Bouk, Continuation of C. 4052.

образом рудники, копи и каменоломни, леса, рыбные промыслы и фабричные заведения, обработывать почву и возводить на ней всякого рода постройки»; более того—этой компании принадлежит политическое господство над «всеми территориями, которые уступлены ей ко-

Пикъ Макъ-Иверъ.

ролями, начальниками племен и народами в бассейне Нигера»; взамен того, она обязуется обращаться справедливо «с нациями её территорий», уважать их религию, законы, права собственности; однако, она обязана стараться о постепенном искоренении рабства у тузем-

цев, и никому из европейцев, поселившихся в стране, к какой бы национальности он ни принадлежал, не должно быть даваемо разрешение держать невольников. Силу для осуществления этих державных прав дает английское правительство, утвердившее это предприятие дарованием ему оффициальной хартии и поставившее его под контроль министерства колоний. Так возникла новая Индийская компания, гораздо более могущественная, чем было, в начале своего существования, общество купцов, постепенно заменившее Великого Могола в господстве над полуостровом Ганга. Кусок Африки, которым завладела Национальная компания, имеет не менее 1.000 километров протяжения по берегу моря и захватывает по крайней мере вдвое большее пространство вдоль рек. Она владеет пока только подвижной и живой частью Нигриции, образуемой речным течением: остальное сделается её собственностью в силу естественного тяготения.

Около области истоков бассейн реки Бенуэ отделен от бассейна озера Цаде лишь едва заметным возвышением почвы, но на севере раздельную зону между притоками Бенуэ и Кадуны образуют плоскогорья, над которыми господствуют большие горы, принадлежащие к числу самых высоких вершин северной Африки. Пояс этот состоит из множества цепей и массивов, различающихся видом, высотой и направлением. Долины разрезали его на отдельные отрывки, расположенные по большей части в направлении с северо-запада на юго-восток; самый обильный поток, берущий начало в этих горах, река Габи, течет в поперечной долине, на севере от самых высоких частей цепи, затем под именем Гонголы, пробивает хребет в том месте, где он имеет наименьшую толщину и выпуклость, и затем соединяется с верхним Бенуэ, ниже города Иолы. Таким образом, дожди, выпадающие на обеих покатостях, по крайней мере в восточной части орографической системы, стекают одинаково к Бенуэ.

В Каламе и в пограничной полосе Борни горы, вообще не высокие, выступают там и сям из моря зелени в виде небольших конусов; но далее на запад, в земле Баучи, где берет начало река Каддера, главный приток среднего Бенуэ, горные вершины снова достигают значительной высоты и соединяются в могучие массивы: это Африканские Альпы. Куполы, остроконечные пирамиды и обелиски или четыреугольные глыбы с вертикальными стенками, гранитные скалы, серые или темные, принимают величавые формы, возвышаясь над ущельями на 1.000—1.500 метров; дремучие, непроходимые леса покрывают горные скаты; опасные тропинки проникают в глубь ущелий, переходя через потоки, сбираясь по выступам скал. Гора Саранда, вблизи большого города Якоба, достигает 2.000 метров высоты; она состоит из табличного гранита, террасы которого покрыты лесами до самой вершины: своим конечным куполом и могучими предгорьями, выдвинутыми в равнину на подобие лап льва, эта гора напомнила Рольфсу грозный Монте-Бальдо, господствующий над Гардским озером. К западу от Саранды, другие гранитные цепи тянутся с севера на юг или с северо-запада на юго-восток, и только от перевала Гора (1.350 метров) начинается спуск к пологим равнинам, где берут начало верхние притоки Кадуны.

Массив Саранда и соседния цепи, по всей вероятности, самые высокие части гористого рельефа между бассейном Нигера-Бенуэ и впадиной озера Чад; впрочем, эта местность еще недостаточно исследована, чтобы можно было сделать попытку орографического описания страны. Известно, что существуют другие группы гор на возвышенностях между Нигером и озером Чад. К северу от массива Саранда, на половине расстояния между городами Кано и Якоба, стоят горы Рингим; на юге территории Баучи, находим несколько других цепей, которые продолжаются почти до самого Бенуэ. С берегов этой реки видны крутые откосы плоскогорья, обрисовывающиеся на горизонте в виде гребней, из которых самые высокие имеют около 900 метров возвышения. В области верхних притоков горные массивы вообще обозначаются именем *хосере*; таков хосере Тинглинг, близ северного берега, похожий издали на обширный дворец с двумя флигелями, доминируемыми центральной башней. Путешественники-исследователи дали английские имена большинству гор и холмов правого берега Бенуэ: выше города Иолы, один остроконечный конус, господствующий над всеми невысокими холмами окрестностей, получил шотландское название Мак-Ивер; на том же берегу находит-

ся гора Форбс, затем Гумбольдт, предгорье цепи Мурчисон, где главная вершина носит имя Родрик (500 метров); ниже, вдоль реки, в крайней южной части её течения, идет гора Эллесмир, но самая высокая краевая цепь, которая тянется параллельно верхнему Бенуэ, на пространстве около 200 километров, сохранила свое африканское название: это массив Мури, разрезанный на остроконечные вершины и башни странного вида; в центре его высится Тангале, пик в 900 метров На левом берегу Бенуэ, горы, стоящие против цепи Мури и почти не уступающие ей по высоте, тоже известны под их африканскими именами—Куана, Морину, Бак н'Дучи. Ниже, горы, достигающие в одном из своих пиков высоты 1.500 метров, получили от англичан наименование Альбемарль-рэндж, а вершины названы покуда именами Био, Гершеля и других астрономов. В соседстве слияния Бенуэ с Нигером прибрежная цепь низовья первой из этих рек называется Ольдфильд-рэндж, а горы, окружающие слияние, названы лойяльными британскими путешественниками по именам их государей или известных политических деятелей и ученых; только одна гора, напоминающая своей формой величественную пирамиду итальянского Сорakта, заимствовала это классическое имя.

Нагорье, разделяющее покатости озера Цаде и Нигера, служит естественной границей для климатов и для флоры, также как и географическим рубежом. В верхних долинах Саранды и соседних гор климат сходен с климатом южной Италии, так что там можно было бы возделывать все растения южной полосы умеренного пояса: таким образом, область европейского характера, где переселенцы из нашей части света нашли бы подходящую среду, вставлена между двумя тропическими странами, но эти страны резко отличаются одна от другой видом растительности. С восточной стороны простирается область пальмы дум и финиковой, на западе ростут пальмы делеб, масличная, кокосовая: тамариндов не видно более, но масляное дерево образует большие леса; поля имеют уже не тот наряд, жители приготовляют себе пищу из других зерен и ягод. Между деревьями западных лесов особенно замечательна линья или руна, из плода которой делают род меда, очень ценимый туземцами, даже в городах Марокко, где он известен под именем *я-Мулей-Дрис*[1]. Из промышленных растений всего более распространена в бассейне Бенуэ культура хлопчатника, волокно которого отличается замечательной крепостью и блеском. Рольфс видел бумажные ткани, которые он принял было за шелковые.

Что касается фауны, то она не представляет, с той и другой стороны гор Баучи, контрастов, подобных различию флоры. Слон встречается еще многочисленными бандами в лесах обеих покатостей, но в верхнем бассейне Бенуэ, говорят, существует два вида этого животного, из которых один имеет желтоватую шерсть[2]. В горных лесах водятся носороги и дикие буйволы, а в необитаемых местностях много пантер в каждом ущелье. Из других млекопитающих замечателен цибет, животное очень пугливое, так что его редко можно увидеть, хотя он очень распространен в равнинах, спускающихся к Бенуэ: об этом можно судить по значительному количеству мускуса, собираемого на ветвях, о которые зверек трется, чтобы освободиться от избытка выделения, наполняющего его желёзки; в Судане нигде не держат цибета в клетке для правильного собирания мускуса, как это делают в земле Галла. По словам Рольфса, больших змей совсем нет в странах по течению Бенуэ, да и мелкие представители змеиной породы очень редки; путешественников поражало также почти полное отсутствие пауков. Самая обыкновенная разновидность тамошних термитов отличается от белых муравьев, свойственных Борну; пирамиды, которые строит суданский термит, имеют другой вид; земля, служащая материалом для постройки, обработана грубее, и в целом муравьиное здание представляет особый стиль архитектуры.

Плодородные равнины, орашаемые рекой Бенуэ и другими притоками нижнего Нигера, во многих местах совершенно опустели. Особенно редко население в провинциях, лежащих к северу от Бенуэ и Нигера. Причина тому—экспедиции, которые совершали фулы с начала

1 G. Rohlfs, цитированное сочинение.

2 H. Barth, цитированное сочинение.

этого столетия, с целью обращения туземцев в магометанство и грабежа: в северных областях целые населения были истреблены, и за исключением горных округов, жителям которых удалось отстоять свою независимость, каждый город, каждая деревня были разрушены огнем и мечем; немногие пережившие этот разгром должны были принять ислам. Отсюда-поразительный контраст между двумя берегами реки: во многих частях течения на южном берегу, группы построек следуют одна за другой непрерывной линией, тогда как по другую сторону не видно ни одной хижины[1]. Часто говорят, что захваты магометанства составляют прогресс для африканцев: если это так, то надо сознаться, что прогресс этот куплен прибрежными населениями Бенуэ очень дорогой ценой.

Между суданцами, избавившимися от насильственного обращения в ислам, благодаря неприступности своих убежищ, болосы, жители гористой области Якоба, сохранили большую численную важность: они дали свое имя провинции Боло-Боло, более известной под названием Баучи. Проходя по этой «Суданской Швейцарии», повсюду видишь группы хижин болосов, гнездящиеся на вершине гор и предгорий: подобно кабилам Алжирии, дикари провинция Баучи селятся на крутизнах, защищенных уже самой природой, или в естественных оградах из скал, между глыбами песчаника или гранита. Болосы принадлежат к наименее красивым племенам Судана: маленькие и коренастые, они приближаются к типу негра, характеризуемому приплюснутым носом и толстыми губами, но цвет кожи у них вообще светлее, чем у их соседей не-феллатской расы. Женщины этого племени, почти карлицы по росту, толстые, без талии, выкупают свое безобразие необыкновенно ласковым выражением лица. Волоса они зачесывают наперед, в виде каски, или заплетают в косу, складываемую вокруг головы, в виде короны. В соседстве магометанских городов, болосы, обращенные в ислам, по крайней мере по имени, одеваются как цивилизованные люди страны, только платье у них менее широко и сшито из более грубой материи; но в захолустьях мужчины не имеют иного одеяния, кроме передника, а женщины ходят без всякого костюма или носят только ветку с листьями, повешенную на поясе; тем не менее руки и ноги у этих маленьких негритянок украшены кольцами, серебряными, медными или железными, смотря по достаткам. На севере гор Мури идолопоклонники вуруку и тангала живут, как болосы, в состоянии наготы. В этих странах платье делает человека марабутом: религия является как бы дополнением одежды[2]. Тангаласы—самое страшное из племен нем-нем или ем-ем (ононимы имени ням-ням, народа, живущего в верхнем Уэлле), с давних пор упоминаемых арабскими писателями, как людоеды[3]. Фогель, проходивший через их территорию, убедился в истине этого предания. Тангаласы и другие народцы нации нем-нем пожирают своих пленников: грудь принадлежит султану, как самый лакомый кусок, голова предоставляется женщинам. Но рассказы о том, что эти каннибалы поедают больных, не подтвердились; напротив, они ухаживают за больными очень заботливо, а умерших хоронят с большими почестями, в настоящих катакомбах, вход в которые заложен камнями. Души умерших соединяются, по верованию тангаласов, в одно коллективное божество, очень почитаемое, которое называют Додо, и которому воздвигают храмы в тени баобабов[4].

От берегов Нигера до границ Борну вся покатость Бенуэ населена в её горных округах языческими народцами, которые по образу жизни походят на болосов, и каждое племя которых имеет свой особый язык. Пока еще ни один лингвист не внес света в этот хаос различных говоров: известно только, что племена фали и беле, на берегах Гонголы, близ Борну, употребляют наречия, родственные языку канури; другие племена, в соседстве народов нифауа и гауссауа, говорят диалектами, в которых исследователи находят звуки и слова, близко подходящие к цивилизованным идиомам окружающих областей. Эти языческие народцы, не сплоченные в одну нацию, разбросанные в многочисленных энквалах, составляют, по

1 Ed. Viard, „Au bas Niger“.
2 Desborough Cooley, „Negrolands of the Arabs“.
3 Lander;—Barth;—Rohlfs, цитиров. сочинения.
4 H. Wagner, „Schilderung der Reisen und Entdeckungen von Ed. Vogel“.

Рольфсу, треть населения на севере от Бенуэ. Хотя презираемые горожанами мусульманами, эти туземцы во многих местах славятся как искусные ремесленники, и самые красивые циновки, самые изящные по форме и рисунку глиняные сосуды, продаваемые на рынках нижнего Нигера, выделываются племенами афо и басса, живущими в соседстве слияния. Религия этих народцев, принявшая уже, по близости мусульманских городов, более или менее явственный оттенок магометанства, есть, в первоначальном её виде, анимизм, представляемый фетишами, и к западу от земли Нем-Нем нигде не замечали ни малейших следов варварского обычая человеческих жертвоприношений или каннибализма.

В открытых равнинах основа населения состоит главным образом из гауссанцев, а в соседстве слияния—из нифауанцев. На востоке, близ границы Борну, есть несколько городов, где большинство жителей—канурии. Что касается фулов, представляющих собою расу завоевателей, то они везде уступают по численности туземному элементу, кроме нескольких рассеянных этнографических островов, преимущественно в травяных степях, где стада их находят обильный корм. Правда, что вследствие естественного притяжения, всегда оказываемого господствующей расой, все смешанные браки обращаются на пользу фулов, в смысле увеличения их численности. Многие чернокожие, несомненно, принадлежащие к туземным народцам, причисляют себя, тем не менее, к фулам, на том основания, что брачные союзы внесли в их жилы маленькую долю крови завоевателей. Впрочем, феллатское население возрастает гораздо более от притока чуждых элементов, чем от избытка рождений; женщины этой нации, кажется, менее плодовиты, нежели негритянки; в их семьях редко встретишь более трех или четырех детей, тогда как в негритянском семействе их обыкновенно бывает вдвое или даже втрое больше[1]. Хотя фулы, взятые в массе, слывут самыми фанатическими ревнителями ислама, однако, есть еще много племен этой нации, особенно около верхнего Бенуэ, которые пребывают в язычестве, и мужчины которых пасут свои стада еще в состоянии наготы. Сразу можно заметить, что фулы в этих областях не были цивилизующим элементом: это гауссаны и канурии познакомили их с искусствами и ремеслами, с цивилизованными нравами, а по части костюма они заимствовали моды северных мусульман: на берегах Бенуэ у знатных особ считается признаком хорошего тона закрывать себе лицо лицамом, как это делают туареги в пыльных пустынях Сахары.

На левом берегу Бенуэ, в Адамауе, фулы более многочисленны, чем на северной покатости бассейна, и составляют даже большинство в некоторых округах. Здесь их всего менее коснулось влияние магометанства: они еще сохранили свои первобытные нравы, так что Рольфс задает себе вопрос, не следует ли искать в этой области колыбель их расы; но осанка у них менее благородная и черты лица менее правильные, чем у западных фулов. Те из них, которые называют себя мусульманами, не исполняют обрядностей своего культа по предписанным правилам. Во время путешествия Гутчинсона по Бенуэ ни одна из прибрежных феллатских общин не имела мечети. Большинство королевств левого берега управляются султанами из нации фула, окруженными колонией завоевателей, и в городах господствующий язык—феллатский; но население очень смешанное, и во многих местах именующие себя фулами в действительности принадлежат к другим расам. В городе Зибу, жители которого представляют помесь гауссан, фулов и других этнических элементов, женщины почти все отличаются гигантским ростом и размерами[2]. Во многих округах феллатки красят зубы в красный цвет соком одного растения; в других местах они украшают себе нос блестящим медным гвоздем, стержень которого загибается по дуге щеки и доходит до уха. Подобно тому, как в Фута-Джаллоне, здесь города и деревни, население которых состоит из вольных людей, окружены поселками *румде*, обитаемыми исключительно невольниками земледельцами. Аборигены, народцы сани, була, бассама, мбум, фали, обозначаемые общим именем батта, были вытеснены в горы или леса и по большей части обращены в рабство. Великолепный край Адамауа, идеал сельских местностей, везде обработывается руками невольников.

1 H. Barth, цитирован. сочинение.

2 Hutchinson. „Narrative of the Niger, Tshadda and Binue Exploration".

Обитатели его, жившие в первобытной простоте, не могли ничего дать завоевателям, кроме самих себя: их и взяли. Барт видел многих помещиков фулов, владевших, каждый, более, чем тысячью невольников.

Ниже провинций Адамауа и Гамарауа, где фулы в силе, преобладающее население на левом берегу Бенуэ составляют акпасы, уакари или джуку, подразделяющиеся на множество племен, говорящих, каждое, особым наречием, той же семьи. Из этих различных народцев одни, находящиеся в соприкосновении с фулами, уже цивилизовались, другие, живущие в глухих местах, в горах и лесах, пребывают еще в состоянии варварства. Говорят, внутри страны есть еще акпасы, делающие себе одежду из листьев: этих туземцев соседи очень боятся и обвиняют их даже в каннибализме. В соседстве реки акпасы, живущие в городах, смешались с фулами и сливаются с ними в новую расу; но поселяне, прикрепленные к земле бай-баи, в большом презрении у фулов, которые смотрят на них как на существа низшие. До сих пор еще ни один белый путешественник не проходил через их территорию, чтобы пробраться на юг в бассейн Старого Калабара, хотя расстояние, которое нужно пройти этим путем, не превышает 200 километров; но многие из эмигрантов этого племени спустились к морскому берегу и встречаются даже на острове Фернан-до-По. Народец миши или мичи, следующий за акпасами на южном берегу Бенуэ, тоже занимает обширную территорию, простирающуюся на юг до бассейна Старого Калабара; некоторые из его племен, по рассказам негров мусульман, жителей городов, людоеды и делают сосуды из голов своих врагов, хотя, впрочем, до сих пор неизвестно ни одного факта, подтверждающего эту легенду[1]. Против мичиев, на северном берегу Бенуэ, живут разные народцы, говорящие языком дома или араго, принадлежащим, повидимому, к глоссологической семье области Иоруба. Следовательно, домасы образуют, вдали от своего отечества, анклаву среди населений, отличающихся от них языком и, вероятно, также происхождением. По денежному знаку, служащему орудием торгового обмена, территория домасов тоже составляла до недавнего времени особую область. Когда англичане впервые проникли в эту землю, там начинали уже пользоваться, как денежной единицей, раковиной каури, но самой употребительной монетой была треугольная железная плитка, похожая на лопатку каменщиков: три дюжины таких плиток представляли среднюю ценность невольника; железо это утилизировали для выделки ножей и других инструментов[2]. В территории Уакари меновой единицей служит корзина соли.

Область народа игарра или игалла тянется по левому берегу нижнего Бенуэ, затем, ниже слияния его с Нигером, продолжается почти до самой дельты: на пространстве около 400 километров мореплаватель слышит везде в прибрежных деревнях язык игаррасов, иначе называемых апото или апуту; однако, массовые изгнания и переселения, вызванные войнами и голодовками, ввели во многих местах иноплеменное население в территорию игаррасов: там и сям встречаются колонии фулов, бассов или гауссан, пришедших из-за Бенуэ; в некоторых селениях жителп говорят языком нуфе или иоруба, как на берегах нижнего Нигера. Внутри страны глоссологический пояс языка игарра простирается, вероятно, до местностей, прилегающих к реке Старого Калабара; во всяком случае это язык, имеющий весьма важное значение по числу говорящих им и один из идиомов Нигерского бассейна, наилучше изученных миссионерами. На севере и на юге от слияния двух больших рек находятся анклавы игбирских населений, говорящих особым языком, который тоже известен по составленным исследователями сборникам его слов. Большинство игбиров жили прежде в междуречье Нупэ, но грозное нашествие фулов заставило их бежать в южные области, где они и поселились. Напротив города Идды, на правом берегу Нигера, находится другая анклава, земля племени кукуруку, прозванного так потому, что в своих призывных криках эти туземцы, будто-бы, подражают пению петуха[3]. Их называют также икпере,—слово, вероятно, того же происхождения, как игбира.

1 Samuel Crowther, „Journal of an Expedition up the Niger and Tshadda rivers“.

2 Hutchinson, цитирован. сочинение.

3 Schon et Crowther, цитиров. сочинение.

Влияние магометанства проявилось у всех этих языческих народцев не столько прямыми обращениями в ислам, сколько постепенным исчезновением старых обычаев. В городах игарской территории идолы более не выставляются торжественно в публичном месте, и теперь уже не совершают человеческих жертвоприношений, как совершали в былое время при погребении королей, для того чтобы почивший властелин мог отправиться на тот свет в хорошей компании. Если королевы ныне уже не обязаны следовать за своими супругами в могилу, то по крайней мере они должны «умереть для света», облачаясь в рубище и окрасив нос и губы в густой черный цвет, чтобы придать своей физиономии отталкивающий вид. Государь, именующий себя Аттахом, то-есть «отцом», есть по преданию самодержавнейший владыка: «он подобен самому Богу», и потому должен соблюдать строжайший этикет, дабы все признавали его величество. Никогда рука его не должна делать ничего служебного: всякий труд ему воспрещен, он не имеет права поставить ногу в лодку; он не может выставить свою августейшую главу на дождь. Чтобы иметь доступ в его жилище, нужно пройти ряд отверстий, дотого низких, что туда можно проникнуть не иначе, как ползком.

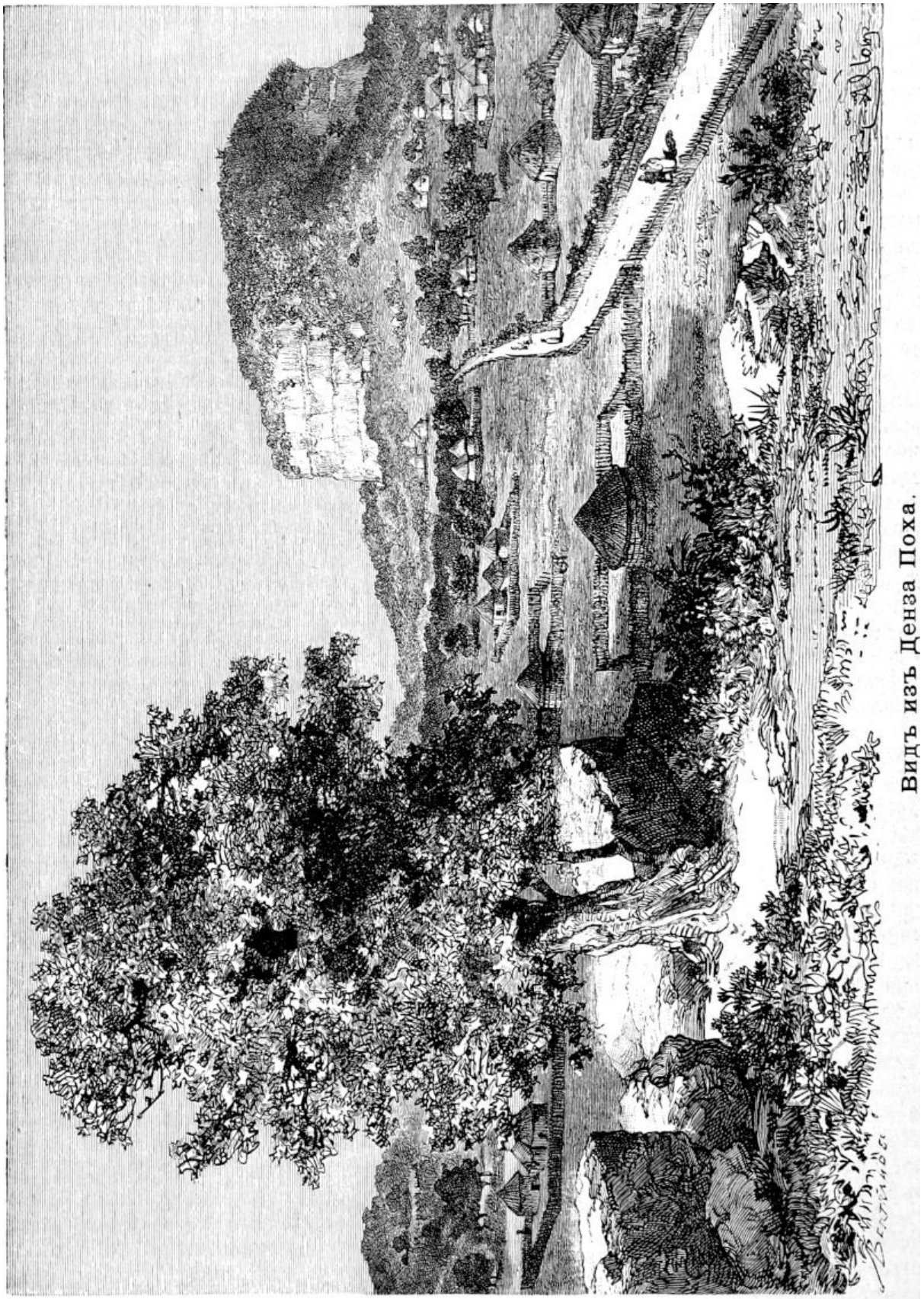
Область языка ибо еще более обширна, чем область языка игарра: она заключает в себе, к западу от Нигера, обширную полосу в территории Иоруба, обнимает на юге всю вершину дельты этой реки и, продолжаясь на восток, охватывает бассейн Старого Калабара до неисследованных еще местностей. Язык этот делится на множество наречий, настолько различающихся одно от другого, что люди различных народцев с некоторым трудом понимают друг друга; но самое употребительное из них то, которым говорит прибрежное население Нигера, почему европейские наставники и выбрали этот диалект для своих сборников слов и переводов. Языку ибосов выучиваются и их соседи, для торговых сношений в низовьях реки: в прежнее время всех невольников, привозимых с Нигера в Америку, называли ибосами, каковы бы ни были их расы и язык. Ибосы поклоняются могущественному богу, Чуку, которого никогда не видел никто из людей, но который бывает иногда слышим, и горе тому, кого поразит его глас: с этого момента несчастный лишается дара слова. Чуку живет в одно и тоже время в пещере и в высях неба: одним оком он обозревает небесные пространства, другим смотрит в глубины земли. Еще не так давно гнев его склоняли на милость принесением в жертву непорочных дев, которым связывали ноги и тащили по земле, пока несчастные не испустят дух; затем тела их бросали в реку, на съедение рыбам и крокодилам. У ибосов рождение двойней считалось знаком небесного гнева, и новорожденных близнецов всегда заносили в лес. Что касается матери, провинившейся произведением на свет двойней, то муж тотчас же прогонял ее от себя, как существо, внушавшее ужас; долгое время она должна была жить отшельницей и не имела более права садиться рядом с другими женщинами в хижине или на базарной площади. Дети, у которых верхние зубы прорезывались ранее нижних, тоже были приносимы в жертву богу Чуку и воздушным духам. Тени умерших также получали приношения, но бескровные: им давали первые куски каждого кушанья, первые зерна тыквы и первые капли из сосуда[1]. У ибосов социальные деления очень резко обозначены, но можно подняться с одной ступени на другую посредством купли; высшее дворянство, аристократия, состоит всего только из нескольких особ, которые, в знак своего достоинства, привязывают себе к ноге или заставляют носить перед собой колокольчик, дабы звон его напоминал об их славе всем прохожим. Другие дворяне меньшего ранга дают о себе знать трубными звуками. Приветствовать такого благородного иначе, как его оффициальными титулами, значило бы нанести ему тяжкое оскорбление[2]. Впрочем, их легко узнать, даже когда у них нет ни колокольчика, ни трубы, по их особенной татуировке; некоторые из них разрезывают себе кожу на лбу и заворачивают ее над глазами, в виде козырька.

К югу от племени ибосов, которые играют преобладающую роль в нижнем бассейне Нигера по торговле, языку, политическому влиянию, военной силе, область дельты принадлежит различным народцам, рассеянным в лабиринте болотистых островов и почти не имею-

1 H. Koler, цитированное сочинение.

2 Samuel Crowther,—Alricanus Horton, „West African Countries and Peoples“.

щим сношений между собой: оттого в этой территории еще не установилось единство языка; впрочем, там есть несколько энклав негров, говорящих ибосским диалектом. В западной части дельты, на границах земли Иоруба, общеупотребительный язык—изекири или чекери,

Видъ изъ Денза Поха.

называемый также бини или бенинским. На юге, на обоих берегах ветви Нун, говорят большею частию наречием акасса, принадлежащим к группе языков эйо или иджу, как другие диалекты побережья до лимана Бонни; немпе, употребляемый в Брассе, бонни, окрика и

прочие. Кост приводит около десятка различных названий, которые относятся либо к разным языкам, либо к простым разновидностям, говорам, либо, может-быть, к одному и тому же языку, называемому разными манерами. Торговая деятельность, повидимому, должна дать перевес брасскому диалекту между всеми этими наречиями семьи эйо; на этот же диалект местные катехизаторы из негров переводят книги духовного содержания, присылаемые из Англии. В то время, как новый культ пользуется современной речью, жрецы фетишей читают свои молитвы словами, перешедшими по преданию от предков и уже непонятными для народа, подобно тому, как в католической религии латинский язык сохранился в качестве языка священного.

Негры низовьев Нигера не так черны, как уолофы и крумены: они скорее очень смуглого цвета, но чертами лица довольно близко подходят к общеизвестному типу этой расы. Нос у них широкий и приплюснутый, челюсть выдвинутая вперед, рот большой, губы толстые, скулы сильно выдающиеся, лоб низкий и убегающий, тогда как назади череп очень развит; густые косматые волосы, обыкновенно убираемые очень старательно, составляют резкий контраст с скудной растительностью бороды. Обычай татуирования вышел из употребления и применяется только к первенцам, которым делают на лице отличительный знак. Обрезание, практикуемое у многих негритянских народов не-мусульман, употребляется в странах нижнего Нигера, как позорное клеймо, отмечающее невольников. В прежнее время, также как у ибосов, рождение близнецов считалось большой бедой, карой небесной, и провинившуюся мать предавали смерти, вместе с её новорожденными. Погребения удостоиваются только люди богатые, те, которых в портах прибрежья величают «джентльменами»; их хоронят под порогом их двери, при чем всегда оставляется сообщение между наружным воздухом и местом, где находится рот умершего; в торжественные дни, праздники или тризны, льют ром в это отверстие, дабы покойник тоже принимал участие в удовольствиях живущих.

Подобно ибосам, народы эйо поклоняются верховному богу, который в их понятиях сливается с небом и проявляет свою власть движением облаков, появлением радуги, силой ветра, сверканием молнии и раскатами грома. Но до этого бога слишком высоко. Туземцы взяли себе за покровителей и друзей существа, более близкия к ним. Так, на берегах лимана Бонни, для этой цели выбрали ящерицу игуану и почитают ее, как гения благодетеля, приносят ей корм, оберегают ее от всяких бед, следуют за ней в лодке по реке, и спасатели вытаскивают ее из воды и приносят в руках на твердую землю. В Новом Калабаре роль фетиша играет акула, и прежде каждые семь лет ей бросали на съедение живого ребенка. В других местах обожают обезьяну, и горе белым, которые дерзнули бы тронуть этого четырерукого бога: тотчас же всеобщая стачка прекратила бы торговлю: на дома преступников наложили бы табу, и белым не оставалось бы ничего более, как искать убежища на своих кораблях и заплатить большой выкуп, чтобы добиться восстановления мирных сношений[1]. Когда царек ведет войну с соседними населениями, оставшиеся дома жители, мужчины, женщины и дети, ходят по улицам с пением, криками, барабанным боем, чтобы вымолить благословение богов на предприятия своего повелителя, а вместе с тем, чтобы устрашить злых духов, покровительствующих его врагам. Каждые два года предпринимается очищение города, но не очисткой улиц, а заклинанием нечистой силы. Чародеи, или как их называют англичане, jew-jew-men, играют преобладающую роль между этими племенами, как знахари, жрецы и прорицатели. Они не распоряжаются более жизнью подданных для жертвоприношений разгневанным духам, ограничиваясь пролитием крови петухов или коз; но как судьи, они часто приговаривают обвиняемых к испытанию либо ядом, либо нырянием в лиман, кишащий крокодилами и акулами: это тамошние негры познакомили европейцев с страшными свойствами эссере, или «калабарскаго боба» (Physostigma venenosum), растения, принадлежащего к семейству бобовых и употребляемого теперь в фармакопее для лечения глазных болезней. Прежде в территории Бонни осужденные были предаваемы смерти с утонченной жестокостью: их привязывали, уже наполовину четвертованных, к двум столбам, вкопанным на

1 Crowther,—Cust, цитирован. сочинение.

плоском берегу, и отрубали им член за членом, начиная с кисти и передней части рук; затем, когда оставалось одно туловище, его распластывали ножем, чтобы вырвать сердце жертвы.

Вдоль морских берегов дельты население существует исключительно торговлей: если не считать рыбной ловли и огородничества в малых размерах, единственным рессурсом его служит мена с европейскими купцами. Оттого прибытие корабля всегда приветствуется радостными криками; прежде даже не ждали, пока иностранные суда сами покажутся на горизонте; туземцы пытались вызвать их появление торжественными процессиями лодок, которые выходили на бар и бросали там в воду невольников, нагруженных подарками, чтобы задобрить море и углубить проходы; еще в 1857 году это принесение человека в жертву «богу Большой Воды» совершалось на Старо-Калабарском проходе[1]. Жители Бонни—самые ловкие коммерсанты на том берегу, но и восточные их соседи, племена андони, ква, эфик или жители Старого Калабара, едва-ли уступят им в умении вести торговые дела! Эти три группы населения, говорящие каждая особым наречием, не принадлежат к тому же корню, как прибрежные жители низовья Нигера и лимана Бонни: они составляют особую область языков, к которой, вероятно, прибавятся многочисленные внутренния племена, известные пока только по имени. Язык эфик, для которого составлены краткие словари и грамматики, есть единственный серьезно изученный язык той области; он может быть рассматриваем как посредствующее звено между наречиями северного и западного Судана и бантусскими говорами, которые начинаются непосредственно на востоке от Рио-дель-Рей, в Камерунских горах.

Хотя территория Бенуэ, нижнего Нигера и соседних лиманов косвенно присоединена к громадной Британской империи, однако, эти новые владетели представлены в стране весьма незначительным числом лиц. Немногие миссионеры, да служащие в торговых конторах на Бенуэ и Нигере—вот единственные белые, обитающие в обширных владениях Национальной Африканской компании. В приморских портах европейцы живут не на суше, а на борте понтонов, стоящих на якоре в рейде. Что касается внутренних местностей дельты, изрезанных во всех направлениях мутными рукавами, усеянных болотами и порослями тростника, то туда не решается ехать на житье ни один белый, так как там грозит неминуемая и быстрая смерть. Попытки акклиматизации, сделанные европейцами на берегах Нигера и его притоков, были в начале очень неудачны. Два первые парохода, поднявшиеся вверх по реке, в 1832 году, имели экипаж в 49 человек, и только девятеро из этих европейцев остались в живых. В 1841 году, три других судна, посланные обществом негрофилов, потеряли 58 белых из 143 в короткое плавание, продолжавшееся несколько недель; «образцовая ферма», основанная людьми этой экспедиции на правом берегу Нигера, выше слияния, не была еще распахана, как смерть инициаторов возвратила поля диким зверям. Однако, в 1854 году, была совершена известная экспедиция Бэки, вдвойне памятная по присоединению всего среднего течения Бенуэ к области научного исследования и по блестящему успеху гигиенических мер, принятых для охранения здоровья экипажа во время продолжительного путешествия. Благодаря разумному употреблению вина и хины, поддержанию духа людей песнями и увеселениями, самому тщательному соблюдению чистоты на судне, никто не умер из экипажа. С того времени белые иностранцы, путешествующие в этих опасных местах, имели перед глазами убедительный пример, который показывал им, какие меры нужно принимать для того, чтобы если не акклиматизироваться, то по крайней мере приспособиться к условиям среды.

Верхний бассейн Бенуэ почти весь находится в пределах провинции Адамауа, населенной фулами и другими вассальными нациями, которые уплатой дани признают верховную власть султана государства Бурно: геометрическая линия, проведенная, через горы и долины, от порогов реки Ойоно до кривой, описываемой течением Бенуэ от впадения притока Фаро до города Иола, заранее ограничивает территории, на которые может современем распространиться господство Германии. По обычному приему европейских держав в их отно-

1 Hutchinson, „Impressions of Western Africa“.

шениях к африканским народам, они наперед распределяют между собою эти народы, даже не зная их[1]. Из рассказов туземных купцов известны только имена важнейших племен и значительнейших городов. По этим скудным сведениям, наиболее посещаемый рынок верховья—город Нгаундере, на водоразделе между истоками Бенуэ, Логона или Шари и рек, направляющихся на юг к Конго, на юго-запад к Старому Калабару и бухте Биафра. В той же гранитной области верхнего бассейна есть еще два больших города: Чамба, на южной покатости Атлантики, и Конча, где сахарный тростник растет в диком состоянии. По прямой линии город Нгаундере, сделавшийся центром феллатского господства, находится в 200 слишком километрах к юго-востоку от Иолы, столицы провинции Адамауа, или «двух Адама», названной так по имени её государей; первоначальное название её было Фумбина.

Бывший главный город страны, Гурин, стоит на левом берегу реки Фаро, километрах в сорока выше *гаэпе*, или слияния. К востоку от места соединения вод лежит город Рей-Буба, окруженный крепкой оградой, из чего можно заключить, что так называемые дикия населения этого края достигли уже известной степени цивилизации до нашествия фулов. На север от устья реки Фаро простирается очаровательная область Демса, с её хорошенькими деревеньками, рассеянными среди лесков и рощ, у подошвы гранитных холмов, покрытых лесом и обрывающихся крутыми утесами; племя демса принадлежит к нации басса.

Все расы центральной Африки представлены на покатости Бенуэ. На дороге из Демсы в Борну Барт проходил даже через город, населенный арабами племени саламат, называющийся Белем, затем через другой город, Сарау, состоящий из двух отдельных половин—поселения фулов, пастухов, земледельцев и завоевателей, и поселения боребере или колонистов из Борну, ткачей, торговцев и робких подданных. Севернее находим город Бадамиджо, населенный туземцами племени фали; затем на хребте около 600 метров высоты, близ раздельного перевала, лежит Уба, наидалее выдвинутая колония фулов в направлении к озеру Чаде. Во время путешествия Барта в 1851 г., некоторые дикие горцы еще оказывали сопротивление фулам: таковы обитатели горы Багеле, к северу от города Иола; в 1853 г., после двухмесячной осады, деревни, расположенные на вершине горы, были взяты приступом, и жители их обращены в рабство.

Нынешняя столица провинция Адамауа построена на берегу Бенуэ; подобно соседнему верховому городу Рибаго, она отделена от реки болотистой равниной, которая, повидимому, прежде была дном озера, и по которой в период разлива извивается временный поток, служащий каналом для барок Иолы. Этот город, названный так во время основания его по имени одного предместья Кано, уже дважды менял место. Очень обширный, он тянется по краю высокой террасы, с востока на запад, на пространстве по крайней мере пяти километров, но не образует сплошного массива: это ряд оград, заключающих внутри не только жилье, но и нивы. Во дворах знатных особ у входа стоит главная хижина, попросторнее и повыше других, служащая хозяину приемной залой и рабочим кабинетом; у многих она убрана, как дома бамбарасов, разными вещами и даже картинами, обличающими некоторый художественный вкус. Иола ведет кое-какую торговлю, преимущественно красным товаром, стеклянными изделиями, солью, слоновой костью, но промышленности в этом городе нет никакой, кроме железной. Окружающая территория—одна из лучших стран Африки по плодородию почвы, обилию воды, красоте местности, усеянной уединенными горами и холмами. Там везде растет рис в диком состоянии. По мнению Барта, это растение здесь туземное, а не ввезено из Египта, как прежде полагали ботаники.

Гонгола, значительная река, соединяющаяся с Бенуэ немного ниже города Иола, протекает по двум важным провинциям, Баучи и Калам, состоящим в вассальной зависимости от государства Вурно, как и территория Адамауа; в области её истоков находится и главный город страны. Эта «столица Баучи», Гаро н'Баучи, более известная под названием Якоба или Якобари, происходящим, может-быть, от имени её основателя (по Фогелю, от имени сосед-

1 По состоявшемуся между Англией и Германией соглашению, большая, восточная, часть Адамауи входит в германскую, а меньшая, западная, часть, с городом Иола, в британскую сферу интересов. *Ред.*

него племени якосов),—город новый, как и Иола: она построена в начале нынешнего столетия одним князем, обращенным в магометанскую религию, которому тамошний «повелитель правоверных» пожаловал в лен обширную территорию, заключающуюся между Бенуэ и провинцией Кано. Город Якоба находится в северной части этого огромного поместья: расположенный на высоте около 1.000 метров, он окружен высокими горами, из которых иные, стоящие уединенно, имеют величественный вид; но ближайшие окрестности представляют дикий хаос гранитных камней. Далее во все стороны тянутся высоты, леса и возделанные поля; многочисленные ручьи бегут на юг, на восток, на северо-восток, к Гонголе и другим потокам Бенуэ: однако, жители известную часть года терпят недостаток в хорошей воде. Новый город быстро заселился, благодаря своему счастливому положению вблизи пункта, где сходятся несколько караванных дорог, благодаря в особенности обещаниям ламедо или султана, который обеспечивал личную неприкосновенность всем, кто будет признавать его власть и сюзеренство фулов; запрещено было обращать в рабство всякого верноподданного, кто бы он ни был—магометанин или язычник. По словам Рольфса, Якоба во время его прохода заключала в своих стенах не менее 150.000 жителей, в огромном большинстве гауссан: городская ограда имела около 20 километров в окружности. Но частые разбойничьи набеги горцев язычников остановили торговую деятельность города, и ламедо вынужден был расположить свой военный стан вне города, чтобы прикрыть его с северной стороны от нападения аборигенов. Восемь лет он имел пребывание в местечке Тебула, в сотне километрах к северо-западу от Якобы, чтобы держать в осаде горцев в их возвышенных долинах, затем перенес свою резиденцию в укрепленный лагерь Раута (Кеффи н'Раута), почти на полпути между Тебулой и столицей.

К северо-востоку от Якобы, недалеко от правого берега Гонголы, называемой в этом месте Гаджем, находится большой город Гомбе, столица королевства Калам; лесистые холмы, горы с зубчатыми гребнями, группы деревьев, ручьи, спускающиеся каскадами через луга, придают этому городу очень живописный вид. Население Гомбе, хотя он находится в пределах королевства Вурно, состоит в большей части из канури: здесь проходит пояс этнографического смешения между Борну и Гауссой; что касается фулов, то их общины рассеяны с той и с другой стороны в обеих областях. Канемская столица заключает в своей ограде не только сады, но даже пахатные поля; впрочем, в этом отношении ее превзошли два соседние города—Бурри-Бурри, на юго-западе, и Дуку, на востоке,—которые имеют скорее вид парков, окруженных стеной и рвом, нежели городов. В Бурри-Бурри все жители принадлежат к племени канури; население же Дуку состоит из смешения нескольких этнических элементов. С высоты стен последнего города, построенных на краю известкового утеса, открывается обширный вид на богатую долину Гонголы. Поселение, давшее свое имя этой реке и имеющее некоторую политическую важность, как таможенный и военный пост у границы королевства Борну, лежит в сотне километров к востоку от города Гомбе, близ правого берега реки и недалеко от основания песчаниковых холмов, через которые ведет проход Бирри. На скатах этих холмов расположены два города, носящие оба имя Бирри и населенные помесью фулов с неграми; жители их еще не все обращены в ислам.

Ниже соединения Бенуэ и Гонголы, на краевой горной цепи, ограничивающей с севера главную долину, находится, недалеко от западной её оконечности, город Мури, называемый также Гамарауа, столица королевства того же имени, данника империи Вурно, как и соседния государства. Большинство жителей Мури—люди феллатской расы, отличающиеся большим рвением к мусульманской вере и образцовой чистоплотностью. С судов, ходящих по Бенуэ, ясно видна, в расстоянии 20 или 25 километров, эта столица, венчающая своей оградой вершину высокого мыса. К югу от Мури, на противоположном берегу показывается город Зхиру, к которому горы Фумбина образуют великолепный задний план; в этой местности начинается на берегах реки промышленная эксплоатация масличной пальмы. Ниже Зхиру, Бенуэ принимает в себя значительный приток, реку Каддеру, спускающуюся с южных скатов массива Якоба.

В королевстве Кородофа, которое река Бенуэ отделяет от территории Баучи ниже своего слияния с Каддерой, главный город—Вукари, лежащий, как и столица государства Гамарауа, в некотором расстоянии от реки. Эта кородофская столица только в 1883 году была впервые посещена европейцем, Флегелем; что касается прибрежных городов, которые служат ей пристанями, как-то Чаро, Шабу, Иби, Аньяши, то суда исследователей часто там останавливались. Местечко Дансофа, лежащее выше на мысе того же южного берега, прославилось на тысячу верст кругом своими свинцовыми рудниками—ошибочно называемыми сурьмяными,—которые находятся в двух или трех днях ходьбы внутри страны, и которые доставляют купцам *кохель*, употребляемый женщинами, негритянками, феллатками и арабками, для окраски век; в рудниковых галлереях находят также драгоценные камни. На низменных берегах этой части Бенуэ туземцы обитают попеременно, смотря по времени года, в двоякого рода селениях, из которых одно состоит из обыкновенных круглых хижин, сгруппированных на берегу среди деревьев, а другое—из простых шалашей, торчащих на высоких сваях посреди воды. Перед наступлением разлива прибрежные жители поспешно перебираются в озерные деревни, которые должны служить им постоянным местопребыванием, средним числом впродолжении трех месяцев; к сваям привязаны лестницы, сплетенные из лиан, и обитатели надводных шалашей переправляются с одного помоста на другой либо вплавь, либо в челноке. В некоторых местах устраивают длинные пловучие мостки, выдвинутые далеко в реку, которые служат променадом, где негры проводят целые дни, наблюдая колебания уровня разлива[1].

Река Сунго, соединяющаяся с Бенуэ, недалеко от того места, где последний достигает крайней южной точки своей большой кривой, обращенной выпуклостью к югу, имеет несколько важных городов в бассейне, между прочим, город Лафиа Бере-Бере, лежащий в сотне километров к северу от Бенуэ, в местности, усеянной холмами и лесками. Лафиа основана колонией иммигрантов из Борну, как это, впрочем, показывает и присоединение к её имени прозвища Бере-Бере, синоним слова канури в наречиях западных негров; названия «бербертжи», «берибери», или просто «бери» или «бере», всегда применяются к чернокожим жителям прибрежных равнин озера Цаде[2]. Поселившиеся в Лафии негры канури в конце прошлого столетия жили в городе Алабаши, лежащем к северо-западу, недалеко от Кеффи Абд эс-Сенга; но имев неосторожность дать приют арабам племени шуа, которые, благодаря знанию их языка и соседству своего места происхождения, могли выдавать себя за соотечественников, они были вскоре прогнаны этими гостями и принуждены были построить себе новый город. Кеана, другой значительный город бассейна Сунго, находится на дороге из Лафии к Бенуэ, в сорока километрах к северу от этой реки. Это столица маленького вассального королевства, данника султана Вурно, имеющая довольно важное значение, не столько как главный город государства, сколько как рынок для торговли солью, драгоценным продуктом, который добывается в одном из окрестных озер. Ниже слияния, главный торговый пункт—большое местечко Роган-Кото, основанное беглецами, которые платят дань царьку Кеаны.

Далее следует несколько городов, находящихся уже в сфере притяжения европейской торговли. Локо, город правого берега, в 150 километрах выше впадения притока Локоджа, самый деятельный рынок в Бенуэ: построенный на месте пересечения дорог, направляющихся из провинций Сариа и Баучи на юг к бассейнам рек Бонни и Старый Калабар, он представляет естественный центр для подвоза товаров; но вывоз его состоит главным образом из слоновой кости: это важнейший рынок западной Африки по торговле этим продуктом, которого здесь ежегодно выменивают от 50 до 60 тонн (от 3.050 до 3.660 пудов)[3]. Западно-африканская слоновая кость тверже и не так бела, как кость, вывозимая из Занзибара, на восточном берегу, но превосходит ее прозрачностью[4]. К северу от Локо простирается зем-

1 Baikie;—Viard, цитиров. сочинения.
2 G. Rohlfs;—Barth, цитиров. сочинения.
3 Ed. Viard, цитиров. сочинение.
4 Westendorp, „Der Elfenbeinhandel in Afrika“, Auslaud, Dec. 1885.

ля негров племени афо, ограничиваемая с северной стороны горами Анагода и заключающая несколько многолюдных городов в своем бассейне, как-то: Атжауа, Удени, Акум; между двумя последними городами видны развалины города Акора, разрушенного фулами и занимавшего «огромное пространство». Рольфс, проходивший через эту территорию в 1867 г., следовал там по хорошо построенной дороге (шириною около 2 с половиной метров), свидетельствующей о довольно высокой степени цивилизации, какой он не ожидал найти в этой стране чернокожих.

На полпути между Локо и слиянием Бенуэ с Нигером находится устье Окуа или Когна, текущей из земли Сег-Сег и впадающей в Бенуэ. В бассейне этого притока есть большой город, Кеффи или Кеффи Абд-эс-Сенга, названный так по имени его основателя, который построил его в 1819 г. и заселил феллатами, гауссанцами-магометанами, к которым впоследствии присоединились афо и другие негры-идолопоклонники из окрестностей. Этот укрепленный город, живописно расположенный на восточном скате холма, по краям двух оврагов, спускающихся к плодоносным равнинам берегов Когны, во время прохода Рольфса пользовался цветущим состоянием, благодаря торговле слоновой костью, для которой он служил складочным пунктом. Кеффи был главным этапом и рынком для купцов между Кано и низовьем Нигера; базары, происходившие там три раза в неделю, отличались почти таким же оживлением, как базары Кука, в Борну. В этих областях, почти постоянно опустошаемых войной, большие центры населения часто меняют место. Там, где ныне стоит город Кеффи, в начале этого столетия встречались только одинокия разбросанные хижины, тогда как пользовавшийся громкой славой город Панда или Фенда, столица могущественного царства Игбира, которую долго искали европейские исследователи, как предполагаемое место устья таинственного Нигера[1], перестал существовать: феллатские завоеватели разрушили его около половины настоящего столетия, и жители его разбежались в разные стороны искать убежища у окрестных народов; между прочим, многочисленные колонии были основаны ими на юге от Бенуэ. Остатки Панды находятся в 70 или 80 километрах по прямой линии к северо-востоку от слияния, в нынешнем королевстве Нупэ.

В месте соединения двух могучих потоков западной Африки не существует еще ни одного большого города; частые истребительные войны не позволяли речному судоходству принять размеры, достаточные для того, чтобы в этом пункте могло возникнуть значительное городское поселение. Но с тех пор, как англичане оценили важность Бенуэ для торгового обмена, в соседстве слияния появилась их фактория, в деревне Локоджа. Прежде группа хижин, обитаемых туземцами, находилась на Паттехе, или «Горе», которую британские исследователи окрестили именем Стерлинг; теперь чернокожее население, состоящее частию из игбиров, прогнанных из города Панда, ютится у подошвы этой горы, вокруг складов пальмового масла, собираемого для английских негоциантов. Британский пост, являющийся в одно и то же время торговым пунктом, центром политического господства в том краю и миссионерским станом, лежит в расстоянии около часа ходьбы к северу от песчаных мелей, которыми оканчивается стрелка полуострова, образуемого двумя сливающимися реками. На юго-востоке, на левом берегу Нигера, ниже соединения вод, деревня Игбегбе тоже ведет довольно значительную торговлю; прежде это был один из главных центров торговли неграми.

К югу от слияния, первый значительный город на соединенной реке и в то же время передовой пост магометанских купцов—Идда, столица королевства Ибо и резиденция «богоподобнаго» царька, требующего от своих посетителей подарков, которые были бы «достойны его божеского звания»[2]. Этот город занимает самое живописное местоположение во всем низовье Нигера, на высоком мысу левого берега, образующем крытые обрывы около двадцати метров высоты. Выше холма Идда, прибрежные равнины Нигера расстилаются в виде великолепного зеленеющего цирка, ограниченного на горизонте другим высоким мысом, на котором стоит деревня Акокин; на юге полукруг высот образует такой же зеленеющий амфите-

1 Clapperton;—Lender etc.

2 Schon and Crowther, „Journal of the Expedition up the Niger in 1841“.

атр, в котором извиваются рукава Нигера, окружая острова и песчаные мели. У самой подошвы скалы, где теснятся хижины Идды, протянулись в излучине реки два из этих островов в форме полумесяца, увеличиваемые, в период спада вод, плоским песчаным берегом, который служит ярмарочным полем. Во время ярмарки река бывает запружена барками, а песчаная отмель покрыта временными балаганами, где копошится население всевозможных цветов и оттенков кожи, от желтого и красного до густого черного, и где раздаются все наречия, употребляемые в области Нигера; франкским языком у этих разноплеменных народов служит диалект гаусса.

Следующий затем значительный город низовья, Онича, еще более многолюдный, чем Идда, стоит не у самой реки, как столица королевства Ибо. Он построен в трех верстах от левого берега, на хорошо возделанной террасе, поднимающейся в иных местах на 40 метров над низкими уровнями Нигера: группы его хижин разбросаны в беспорядке среди пальмового леса. Извилистая дорога спускается из города к его предместью на низменном берегу, где сосредоточены склады и пристани. Напротив, на западном берегу Нигера, расположилась маленькая деревня, а выше выступает высокий мыс с крутыми откосами, на котором стоит город Ассаба или Ассабуа, где тоже существуют английские фактории; еще недавно в Ассабе можно было попасть в разряд благородных не иначе, как принеся духам человеческую жертву[1], а в городе насчитывалось не менее 400 таких сановников. Онича находится почти на половине пути от места слияния двух рек до бара Нун, и благодаря своему счастливому положению сделалась важнейшею пристанью на всем течении Нигера; кроме того, она пользуется той выгодой, что посредством боковых потоков имеет удобное сообщение с некоторыми густо населенными округами на обеих покатостях реки. По своему высокому сану король Оничи вынужден оставаться круглый год в пределах своего двора: он должен был запереться потому, что каждый выход его требовал человеческой жертвы; смягчение нравов заставило его сделаться затворником; только раз в год, во время праздника по случаю сбора ямса, он вырывается из плена, чтобы повеселиться с своим народом. На северо-западе, город Адо, который называют столицей Бенинского королевства, но в котором не бывал еще ни один европейский исследователь, лежит при реке того же имени, впадающей в Нигер между Иддой и Оничей. На востоке, среди обширных лесов, еще неизвестных белому человеку, находится Аро, город «Искупления Грехов», где совершаются большие заклания животных, может-быть, даже человеческие жертвоприношения, ради очищения народа. Хождение на богомолье в арский храм, «где имеет пребывание бог творец», считается делом душеспасительным[2]; даже мусульмане ходят туда, видя в этом священном граде язычников нечто в роде Мекки.

Несколько негритянских городов, каждый с рынком пальмового масла, скота и леса для европейских торговцев, следуют один за другим по обоим берегам нижнего Нигера. Осомари, в леске кокосовых пальм, на левом берегу,—одна из наиболее посещаемых пристаней; затем идет, на том же берегу, местечко Ндони, при бифуркации бокового потока, направляющагося на юго-восток к лиману Бонни, но которым редко пользуются для целей судоходства, по причине малой глубины его русла. В 4 километрах ниже, на противоположном берегу, показываются дома значительного города Эбо, близ которого воды Нигера, в период разлива, частию изливаются на запад, в лабиринт западных устьев дельты, к которому принадлежат рукава Бенин, Эскардос, Форкадос, Рамос и другие истоки с изменчивым течением. Ндони и Эбо, лежащие у разделения ветвей, представляют собой скромные Мемфисы негритянского Нила. На западе, в бесконечной сети рукавов и потоков, деревня Уари, столица королевства того же имени, доступна со всех сторон по судоходным путям, извивающимся под навесом лесов, но европейцы не решаются проникать туда, справедливо опасаясь зловредных испарений окружающих вонючих болот. Главная ветвь Нигера, Нун, которою следуют почти все суда ниже города Эбо, тоже очень опасна, по причине большой сырости воз-

1 „Church Missionary Intelligencer“, June 1831.

2 Africanus Horton, „West African Countries and Peoples“.

духа; но там по крайней мере речное течение способствует до некоторой степени освежению атмосферы, хотя, с другой стороны, плавание затрудняется падающими в реку стволами деревьев, называемыми *snags*, как на Миссисипи, которые задерживаются в русле грязью, покрывающей дно. Далее книзу встречаются маленькия деревушки, а на соседних с баром островах, в английских факториях, как и в деревне Акасса, состоящей из легких досчатых домиков, живут только приказчики, лоцмана и грузчики. Там находится центр коммерческих операций английской национальной Африканской компании.

Лиманы дельты Нигера и Старого Калабара, находящиеся на востоке от главного речного устья, известны у англичан под именем Oil-rivers, т.е. «Масляных рек». Вывоз этих областей состоит единственно из пальмового масла и пальмовых орехов, которые выменяваются на ружья и порох, на красный товар и готовое платье, на кухонную утварь, разные мелкие железные и медные изделия, инструменты всякого рода, зеркальца, бусы и кораллы, даже статуэтки и группы. Работники-негры получают заработную плату медными прутиками, которые служат им меновой монетой.

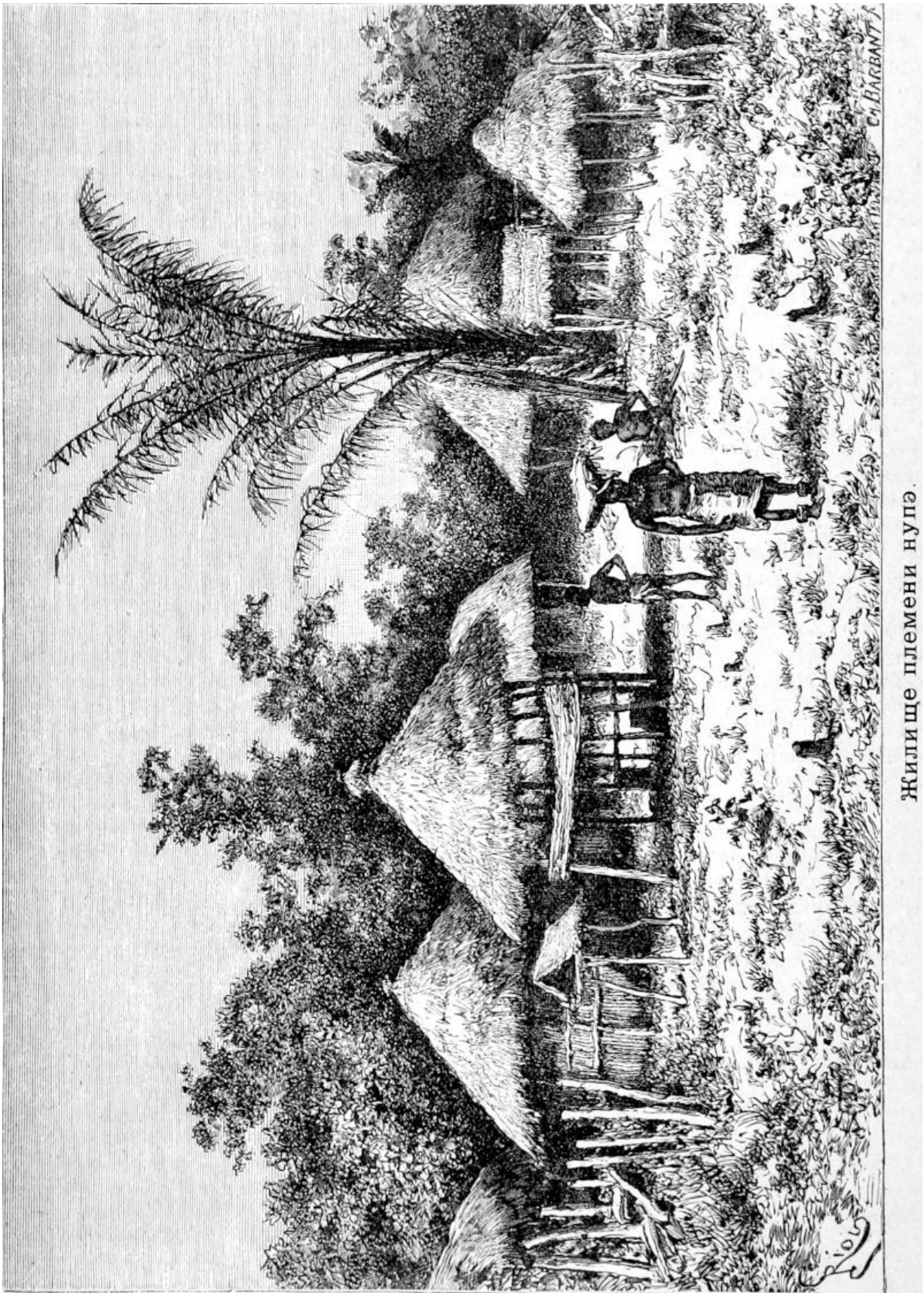
Брасс, первая значительная станция европейских торговцев на восток от Нуна, лежит не у самого моря, а вдали от берега, в лабиринте каналов, посредством которых Нигер сообщается с рекой Бонни. Станция эта состоит лишь из нескольких купеческих контор, за которыми тотчас же начинается девственный лес; собственно деревня Брасс, именем которой называются также вся область, её жители и их язык, построена в некотором расстоянии от складов пальмового масла, на поляне, окруженной лесом. Торговля Брасса уменьшилась в эти последние годы, в пользу негоциантов, основавших свои конторы на берегах Нигера. Семья крепко организована у брасских негров, но глава группы становится главой не по праву рождения: он в силу избрания получает права на управление общими делами[1].

Двойной лиман Бонни или Околома прежде был соединен с лиманом Нового Калабара общим устьем, которое теперь разделено ново-образовавшимся островом. Лиман этот открывает широкие торговые пути внутрь материка: в то время, как сеть боковых потоков (мариго) ведет на запад к Нигеру, из северных стран спускается судоходная река, представляющая купцам обширную область обмена, густо населенную, но еще не исследованную в большей части её протяжения. Бонни был самым деятельным притоном негроторговцев: приблизительно определяют в 320.000 человек, почти исключительно ибосов, число невольников, проданных на рынках этого лимана в первые двадцать лет девятнадцатого столетия. Отмененный в 1819 году актом английского парламента, торг чернокожими людьми был постепенно заменен торговлей пальмовым маслом, и с нескольких десятков тонн экспорт этого продукта возрос, в одном только Бонни, почти до двадцати тысяч тонн. Главные поселения европейских купцов в лимане Бонни:—Новый Калабар, на песчаной стрелке, выдвинувшейся в море с западной стороны бара; Окрика, у северной оконечности лимана; и Бонни-таун, на восточном низменном берегу этих внутренних вод. Население Бонни, некогда состоявшее почти исключительно из невольников, впоследствии освобожденных, представляет, как и в Сиерра-Леоне, пеструю смесь всех рас западной Африки, так что употребление общего языка, английского, сделалось почти необходимым; матросы крумены с западного берега встречаются там со своими соперниками, моряками племени кабинда с южных берегов. Все расовые типы, все костюмы имеют своих представителей в Бонни. Каждая женщина украшает и разрисовывает себя охрой и глиной по фантазии: «сколько голов, столько куаффюр!» говорит один коммерсант из Бонни[2]. Передовая деревня поселения Бонни носит имя Финнема, или «Кормчий», потому что в этом месте, около крайнего выступа побережья, поселились моряки и лоцмана, проводящие суда через бар. Английские матросы окрестили Финнему прозвищем Iew-jew-town, т.е. «город колдунов», так как там основали свою резиденцию туземные чародеи. В прежнее время старший лоцман тоже был колдун по преимуществу, и

1 Hutchinson, „Impressions of Western Africa“.

2 Hermann Koler, „Einige Notizen uber Bonny“.

чернокожие коммерсанты всегда обращались к его посредничеству, чтобы он уговорил поток прорыть поглубже проход в устье реки. Европейские негоцианты, ведущие дела на «Масляных реках», живут не на берегу, а на борте *hulks*, или понтонов, сгруппированных в плову-

Жилище племени нупэ.

чий город: передняя часть судов, снабженная цинковым навесом, наполнена всевозможным товаром, предметами мены, а корма обращена в дома, убранные со всем комфортом английских отелей; на палубе копошится пестрый мир животных—собаки, кошки, овцы, обезьяны,

разная домашняя птица. Изящные шлюпки, европейской конструкции, перевозят негоциантов с берега на понтоны; лодки туземцев, хотя не такия красивые и быстроходные, отличаются прочностью постройки и оригинальностью украшений. Существующий в Бонни суд, court of equity, состоящий из капитанов судов, тоже помещается на военном корабле.

Не смотря на сходство имен, Старый Калабар (Old Calabar), который часто называют просто Калабаром, не имеет ничего общего с Новым Калабаром, кроме того только, что оба лежат на берегу моря и оба ведут торговлю пальмовым маслом. Расстояние между двумя лиманами около 120 километров, и эта часть прибрежья так хорошо известна теперь, что мореплаватели уже не рискуют ошибиться в выборе более удобного входа. При устье лиман Старого Калабара имеет от 18 до 19 километров в ширину, но нигде нельзя окинуть взором это обширное водное пространство; острова и островки, покрытые высоким лесом, со всех сторон ограничивают горизонт. Различные местечки, называемые общим именем «Калабар», все построены к северу от этого лимана, на берегах реки Кросс, или Ойоно, и её притоков. Дюк-таун или Атакпа, торговый город, перед которым стоят на якоре понтоны (hulks), плавучия жилища европейцев, лежит у северной оконечности большого лимана, около соединения впадающих в него речек. Идя далее на север, встречаем столицу территории, расположенную вблизи одного из боковых потоков—откуда и название её Крик-таун,—на хребтах и скатах холмов, которые тянутся полукругом над рекой; вдоль берега выстроился ряд низеньких домиков. Улицы в Крик-тауне прямые и широкия, что свидетельствует о значительном влиянии, которое уже оказывает присутствие европейцев на нравы туземных жителей. В центре города, в возвышенной его части, красуются здания причудливой архитектуры, воздвигнутые англичанами для калабарского короля и принцев. Деревня Ольд-таун (Старый город), остаток некогда цветущего города, находится на полпути, на боковом потоке, ведущем из Дюк-тауна в Крик-таун. Прежде это был торговый центр, но английские купцы, желая перевести торговлю в свои поселения Дюк-тауна,—называвшагося тогда Нью-тауном (Новый город),—пригласили главных жителей конкуррирующего города на палабру, устроенную на их понтонах: едва успели чернокожие гости причалить свои лодки к кораблям, как меткия пули, пущенные с борта, уложили их на месте[1]. Народец ква считается сюзереном Старого Калабара, и каждый год ему платят крупную сумму в виде дани.

Эта область поморья есть одна из тех, где власть Великобритании наименее оспаривается туземцами. Икорофионг, город, близ которого путешественник встречает первые скалы песчаника, принадлежит еще к территории Калабара. Затем, выше по реке Ойоно, следует город Умон, расположенный на острове, который нередко подвергается наводнениям; город этот управляется языческими жрецами, и старые кровавые обычаи сохранились там еще в полной силе. Поморы племени эфик поднимаются по этой реке только до Умона, отстоящего верст на сто от лимана: они встречают там лодочников племени акунакуна, которые живут близ большого изгиба реки, и главный город которых, называемый Окурике или Акурике, находится в цепи холмов, идущей вдоль левого берега; туземцы акунакуна умеют строить довольно большие лодки, поднимающие до 3 тонн груза. Английское влияние не распространяется за Окурике в бассейне Ойоно или Кросс-ривера, хотя эта река уже в 1842 году была исследована до самых порогов. Выше этих скал начинаются неведомые области, на которые Германия уже предъявляет притязания для своих будущих колоний[2].

Города бассейнов Бенуэ, Нигера и соседнего поморья, с приблизительной цифрой населения, указываемой путешественниками:

Бассейн р. Бенуэ. Гурин—12.000 жит.; Иола, по Барту, в 1851 г.—12.000 жит.; Баданиджо—3 000 жит.; Сарау—4.000 жит.: Рибаго—6.000 жит.; Якоба, по Флегелю—50.000 жит.; Раута, по Рольфсу, в 1866 г.—10.000 жит.; Гомбе, по Рольфсу, в 1866 г.—20.000 жит.; Бурри-Бурри, по Рольфсу, в 1866 г.—5.000 жит.; Дуку, по Рольфсу, в 1866 г.—15.000 жит.: Бирри (Верхний и Нижний), по Рольфсу, в 1866 г.—4.500 жит.; Вукари, по Флегелю, в

1 Clarkson, „History of the Abolition of the Slave-trade“;—Hutchinson, „Impressions of Western Africa“.

2 „Proceedings of the Geographical Scciety“, 1882;—Goldie, „Scottish Geograph. Magazine“, 1885.

1883 г.—6.000 жит.; Атжауа, по Рольфсу, в 1866 г.—5.000 жит.; Удени, по Рольфсу, в 1866 г. —5.000 жит.; Акум, по Рольфсу, в 1866 г.—10.000 жит.; Кеффи-Абд-эс-Сенга, в 1866 г.— 30.000 жит

Нижний Нигер: Локоджа—3.000 жит.; Идда, по Гловеру—10.000 жит.; Онича, по Гловеру—16.500 жит.; Эбо, по Гловеру—8.000 жит.

Лиманы побережья: Бонни (Околама)—5.000 жит.; Крик-таун (Старый Калабар)—6.000 жит.; Умон, по Бекрофту—5.000 жит.: Окурике, по Эджерли—3.500 жит.

Глава IX. Бассейн озера Чад

I. Общий обзор

На африканском континенте географический центр составляет не горный хребет, как в Азии и Европе, а напротив—глубокая впадина, занятая, в одной части её протяжения, болотистыми водами и связанная общим рельефом с странами по Нигеру и с западной Африкой. На востоке и юге бассейн этот окружен горами и плоскими возвышенностями; на севере и западе холмы и террасы тоже поднимаются в виде порогов, не образуя, однако, амфитеатра с непрерывными стенами; на юго-западе же открываются равнины в виде широкой бреши между бассейном великого озера и бассейном Бенуэ. Несколько рек, в том числе одна очень обильная, протекают по этой низменности, разветвляясь и переплетая свои истоки с истоками больших рек континентальной окраины. Со всех сторон, даже со стороны пустыни, через которую идет ряд оазисов, эта центральная область доступна; кроме того, она относительно очень густо населена, так как самые умеренные исчисления дают ей свыше 70.000.000 жителей для поверхности, несколько превышающей 700.000 квадр. километров. Благодаря плодородию почвы и богатству растительности, бассейн озера Чад (Цад или Цаде), долины и равнины, орошаемые рекой Шари, быть-может, сделаются современем самой цветущей частью Африканской Индии.

Центральная область бесформенного материкового организма, члены которого не функционируют еще в надлежащей гармонии, этот бассейн внутренней Африки не имеет прямых и правильных сношений с цивилизованным миром; проходят целые годы, прежде чем отголосок совершившихся там событий дойдет до Европы, и происходящие там, в глубине черного континента, великия движения народов, нашествия, массовые исходы, войны и завоевания остаются нам совершенно неизвестными. При том, главный путь, по которому бассейн озера Чад воспринимал доселе влияние извне, ставит его в сообщение только с восточной Африкой и с Аравией: это дорога через Дарфур и Уадай, по которой арабы принесли свою религию, чуждую культуру и знакомство с внешним миром. Для этнических движений и для истории нации дорога, соединяющая бассейн озера Чад с берегами Большого Сирта, имела гораздо меньшее значение, по этой дорогой следовали купцы средиземноморского побережья, и по ней шел в это последнее время главный поток торгового обмена; оттого она более известна. Однако, этот путь, кратчайший от Средиземного моря к центру Африки, теперь все менее и менее посещается, так как отныне торговле Европы открыта другая дорога, более удобная, хотя гораздо более длинная: в настоящее время торговый поток из Борну и сопредельных стран направляется на юго-запад по естественному пути, представляемому двумя могучими реками, Нигером и Бенуэ. Можно сказать, что в странах центральной Африки произошла перемена фронта: прежде они смотрели на север, к Средиземному морю; теперь повернулись лицом в противоположную сторону, к Бенинскому заливу. Постройка хорошей проезжей дороги или рельсового пути может снова изменить направление торгового потока.

Число европейских исследователей, посетивших бассейн озера Чад, еще не велико, и это опасное путешествие стоило жизни многим из тех, которые отважились предпринять его. В 1823 году первые европейцы, Денгам, Клаппертон, Аудни, Гильмэн, Туль проникли в Борну через Феццан и оазисы Кавара, но двум из английских путешественников не суждено было снова увидеть родину. После того прошло более четверти века, прежде чем была предпринята новая экспедиция в эту область центральной Африки. В 1851 году Ричардсон, Барт и Овервег вошли в Борну; но первый из них едва ступил на территорию племени канури, как пал жертвой схваченной там болезни; в следующем году умер и Овервег, на берегу озера Чад, по которому не плавал ни один европеец ни до, ни после него. Фогель, посланный на смену Овервега в деле географического исследования тех стран, погиб насильственной смертью в Уадае, а несколько лет спустя другой путешественник, Беурман, тоже был убит в Канеме. Нахтигаль, путешествовавший в 1871 и 1872 годах, был счастливее: посетив Борну, Канем, он обошел Боргу и Багирми, затем благополучно проследовал через Уадай и Дарфур. Часть этого путешествия была возобновлена в 1880 году итальянцами Маттеучи и Массари, но подробности их исследования известны лишь по беглым заметкам. Имя Кука, принадлежащее центральному рынку Борну, есть одно из тех, которые всего чаще повторяют, говоря об Африке, и на многих картах этот город отмечен уже как главный узловой пункт будущих трансконтинентальных железных дорог; но неизвестно даже, не перенесен ли он на другое место. Недавно в центре континента, на юг от линии водораздела, где берет начало река Шари, образовалось новое государство, Конго, с европейским правительством; однако, ни одному путешественнику не удалось еще перейти раздельный порог: до сих пор европейские исследователи только видели издали горную группу Мендиф, которая может быть рассматриваема как орографический центр африканского материка, господствующий в одно и то же время над четырьмя бассейнами: Нила, Нигера, Конго и озера Чад. Впрочем, этот переход с одной покатости на другую, попытки к осуществлению которого тем более желательны, что в тех возвышенных областях европейские иммигранты, вероятно, нашли бы благоприятные климатические условия, представляет задачу в высшей степени трудно исполнимую; нигде к иностранцу не относятся с такой ненавистью, как в верховьях реки Шари. Преследуемые негроторговцами, населения этой страны препятствуют всяким мирным сношениям: две покатости, о которых идет речь, разделены пограничной полосой, где царствует постоянная война.

На востоке от озера Чад естественную границу бассейна составляют горы Дарфура. Хребет Маррах образует раздельную возвышенность между Нильской покатостью и покатостью, наклоненной к Борну; но между этими высотами и болотистой впадиной, куда изливаются воды Шари, есть несколько второстепенных массивов, прерывающих однообразие равнин: такова, на северо-востоке Уадая, небольшая цепь Тирдзе, гребень которой тянется с севера на юг, параллельно другой, дарфурской цепи того же имени. Обе эти цепи имеют почти одинаковую абсолютную высоту, около 600 метров, и поднимаются всего лишь на 150 метров над окружающими плоскогорьями. На запад и на северо-запад от Тирдзе почва нечувствительно понижается к пустыне; несколько скалистых кряжей перерезывают её, а в промежуточных *серирах* рассеяны миллиардами те странные образования, которые так удивляли путешественников в пустынях Египта и Ливии,—песчаные трубки с тонкими стенками, полые шары, цилиндры, пирамиды, звезды, кресты и ожерелья. На юго-запад от цепи Тирдзе в равнине там и сям встречаются лишь уединенные скалы, затем горный массив Гере, обширная естественная крепость, населенная независимыми племенами, занимает своей круглой массой большую часть западного Уадая: самые высокие вершины его не достигают, вероятно, и тысячи метров, но склоны у него очень крутые и скалы разорванные; во многих местах подходы к этим горам, защищенным с внешней стороны болотами и густыми лесами, очень трудны, и проникнуть туда можно не иначе, как через узкия ущелья. Недалеко от озера Фитри высится другая естественная твердыня—джебель Медого.

Массив Гере со всех сторон,—кроме северной, где он продолжается скалистыми хребтами,—окружен низменными равнинами, орошаемыми притоками Шари; но к западу от этой

реки снова появляются группы высот, расположенные по направлению с севера на юг и образующие угольную межу возвышенности, отделяющей бассейн озера Чад от бассейна Бенуэ. Группы эти, известные под именем гор Уандала, имеют среднюю высоту около 800 метров; самая высокая вершина их, Магар, не достигает, как и вершина массива Гере, тысячи метров; тем не менее, горы, изрезанные глубокими ущельями, усаженные остроконечными пиками и гребнями, представляют грандиозный вид, еще более возвышаемый красотой лугов, которые полого поднимаются около их основания и по которым рассеяны купы больших деревьев: Рольфс с трудом взошел, через высокую траву и густой кустарник, на переднюю гору Сремарда, хотя она поднимается всего только на 170 метров над прилегающей равниной; во время этого восхождения он встречал целые шайки собакоголовых обезьян, павианов, которые с ворчанием убегали с его дороги и прятались за большими камнями. Горы Уандала, состоящие из различных пород, облегающих гранитное ядро[1], не продолжаются на запад правильной цепью; тем не менее, водораздел обозначен выпуклостью почвы или горбом, который, может-быть, возвышается на 200 или 250 метров над уровнем окружающих равнин, и абсолютная высота которого около 600 метров. В соседстве водораздела стоят два величественных массива, которые издали кажутся образующими цепь с другими горами, но вблизи оказываются совершенно уединенными. Один из них, Камалле, представляет правильный конус, оканчивающийся наверху столбчатой массой; другой, Мендиф, стоящий гораздо южнее, имеет двойную вершину, достигающую 1.500 или 1.600 метров. Издали эти горы кажутся белыми, тогда как, по рассказам туземцев, они состоят, напротив, из черноватых пород, вероятно, базальтовых, покрывающий же их белый налет есть не что иное, как слой гуано, отложенный мириадами птиц, которые тучами кружатся над растрескавшимися склонами. Кроме этих гор, лежащих вблизи раздельной линии, скат, обращенный к озеру Чад, представляет множество уединенных скал, гранитных зубцов, выступающих через растительный слой до различной высоты, так что одни едва выступают над кронами соседних деревьев, другие же достигают 100 и даже 150 метров. Большинство этих высот утилизированы туземцами как опорные точки для защиты своих деревень от набегов.

На запад от этой страны, территория Бабир тоже, говорят, не представляет правильного водораздельного хребта между замкнутым бассейном озера Цаде и речным бассейном Нигера, но по ней рассеяны маленькие массивы, пробитые эруптивными породами. В целом скат от равнины Борну к порогу, отделяющему ее от океанской покатости, весьма незначителен; с другой стороны, местность имеет более крутой скат. На юго-западе этого государства, у города Гуджба, Рольфс едва заметил выступ водораздела; только встречающиеся кое-где скалы известняка, красного песчаника, большие глыбы гранита обозначают раздельную линию. Абсолютная высота холмов не превосходит 600 метров; исключение составляет только уединенный массив Фика, видимый со всех сторон на расстоянии нескольких дней ходьбы; у основания этой высокой горы находится озеро, наполняющее водоем между скалами. На севере, в земле Керри-Керри, простирается область высоких террас, перерезанных глубокими ущельями, продуктом размывания; затем, в земле Манга местность снова принимает равнинный характер, и гидрографический бассейн страны Борну проникает далеко на запад в королевство Вурно; простые повышения почвы разделяют притоки реки Иеу. На севере, границы центрального африканского бассейна обозначены не столько рельефом поверхности, сколько климатом; тем но менее, гряды дюн, края гамады, отдельные скалы встречаются и в этом поясе степей, между лесной областью и пустынями Сахары.

Западным скатом гор Маррах страна Фор или Дарфур принадлежит к бассейну, центр которого занимает озеро Цаде; но хотя еще ни один путешественник не изучал гидрографию страны к югу от большой караванной дороги, можно, однако, с большой вероятностью предполагать, что воды, спускающиеся с этих гор, не достигают,—разве только в исключительных случаях,—реки Шари и её озерного расширения. Уади Азум и его притоки соединяются

1 Dengam, „Narrative of travels in Northern and Central Africa“;—Rohlfs, „Quer durch Africa“.

в постоянный поток только во время харифа, то-есть периода дождей, да и тогда малый уклон почвы, выступы рельефа, прерывающие её покатость, задерживают поток, заставляют его разливаться по сторонам, в виде более или менее обширных водных площадей, подвергающихся сильному испарению. Другие уади остаются совершенно изолированными и не связаны с гидрографической сетью страны; они оканчиваются в лощинах «рахадами» или «биркетами», т.е. небольшими лужами, сходными по способу образования с борнуанским внутренним морем. Из этих долин, запертых при входе каменистым порогом, самая значительная—долина Бата, по которой идет исторический путь Уадая: начинаясь в горах Тирдзе, она направляется на юго-запад, затем на запад и образует в своей оконечности цирк Фитри, заключающий внутри то простую лужу, то настоящее озеро, смотря по обилию изливающейся туда воды. Земля, лежащая по середине этого озера, бывает попеременно то островом, то полуостровом.

Гораздо более обширна, чем эти рахады Уадая, водная поверхность, расстилающаяся на необозримое пространство в самой низкой впадине равнин королевства Борну. В языке прибрежных жителей, владевших этой страной до кануриев, Цаде значит «Большое скопление воды»; имя Коло или Кулу, употребляемое обитателями островов, иединами, кажется, имеет то же значение. Старое название, распространенное арабскими купцами, одержало верх в географической номенклатуре, и когда вся карта северной Африки к югу от Триполи представляла еще сетку линий, проведенных почти наугад, озеро Чад, Цад или Цаде занимало уже в центре континента действительно принадлежащее ему место, хотя приписываемые ему размеры были сильно преувеличены. Бурхард первый указывает эту водную площадь с некоторой точностью. Все арабские купцы, допуская тождество рек Каира, Томбукту, Борну, воображали озеро Чад либо общим резервуаром всех африканских «Нилов», либо внутренним морем большого центрального нагорья, откуда воды изливаются во всех направлениях на окраины черного материка. Со времени Денгама, который первый из европейских путешественников-исследователей собственными глазами видел озеро Чад,—названное им Ватерлооским,—произведены были точные измерения, доказавшие ошибочность этих географических понятий[1]. Теперь известно, что это озеро занимает одну из самых низменных частей Африки, так как поверхность его вод, по Фогелю и Нахтигалю, только на 250-270 метров выше уровня моря: гидрографическая роль его ограничивается собиранием вод бассейна незначительного протяжения в сравнении с пространством всего континента. Впрочем, невозможно еще определить, даже приблизительно, размеры этого бассейна, так как неизвестны ни истоки, ни сеть притоков, питающих главный приток озера, реку Шари. Даже величина площади самого озера не определена в точности: Нахтигаль исчисляет ее приблизительно в 27.000 кв. километров; по Рольфсу, общая поверхность вод в сухое время года никак не больше 11.000 кв. километров; но в большие разливы она превышает 50.000 кв. километров. Смерть застигла Овервега прежде, чем он составил описание своего плавания вокруг Чада. Нахтигаль, объехавший почти все озеро, от восточного Канема до Борну и от Борну до уадайской дороги, дает наиболее подробные сведения об этом внутреннем море Судана.

Если по протяжению Чад можно сравнить с большими озерами Нильского бассейна, с Байкалом, с громадными резервуарами Северной Америки, если в ряду озерных бассейнов по величине площади он следует непосредственно за озером Эри, то его далеко нельзя поставить в параллель с этими огромными впадинами земной поверхности по глубине и массе вод. По рассказам прибрежных жителей, наибольшая толщина воды между побережьем в соседстве города Кука и устьем реки Шари не превышает «двойного человеческого роста», и на остров Сейорум, который, однако, удален от берега на двадцать слишком километров, можно добраться на лошади. Овервег, посетивший, впрочем, не все области озера, нашел только 6 метров в самой глубокой его части. Этот обширный резервуар есть не столько озеро,

1 Denham and Clapperton, цитиров. сочинение;—Jackson, „Account of the empire of Marocco“;—Karl Ritter, „Africa“ etc.

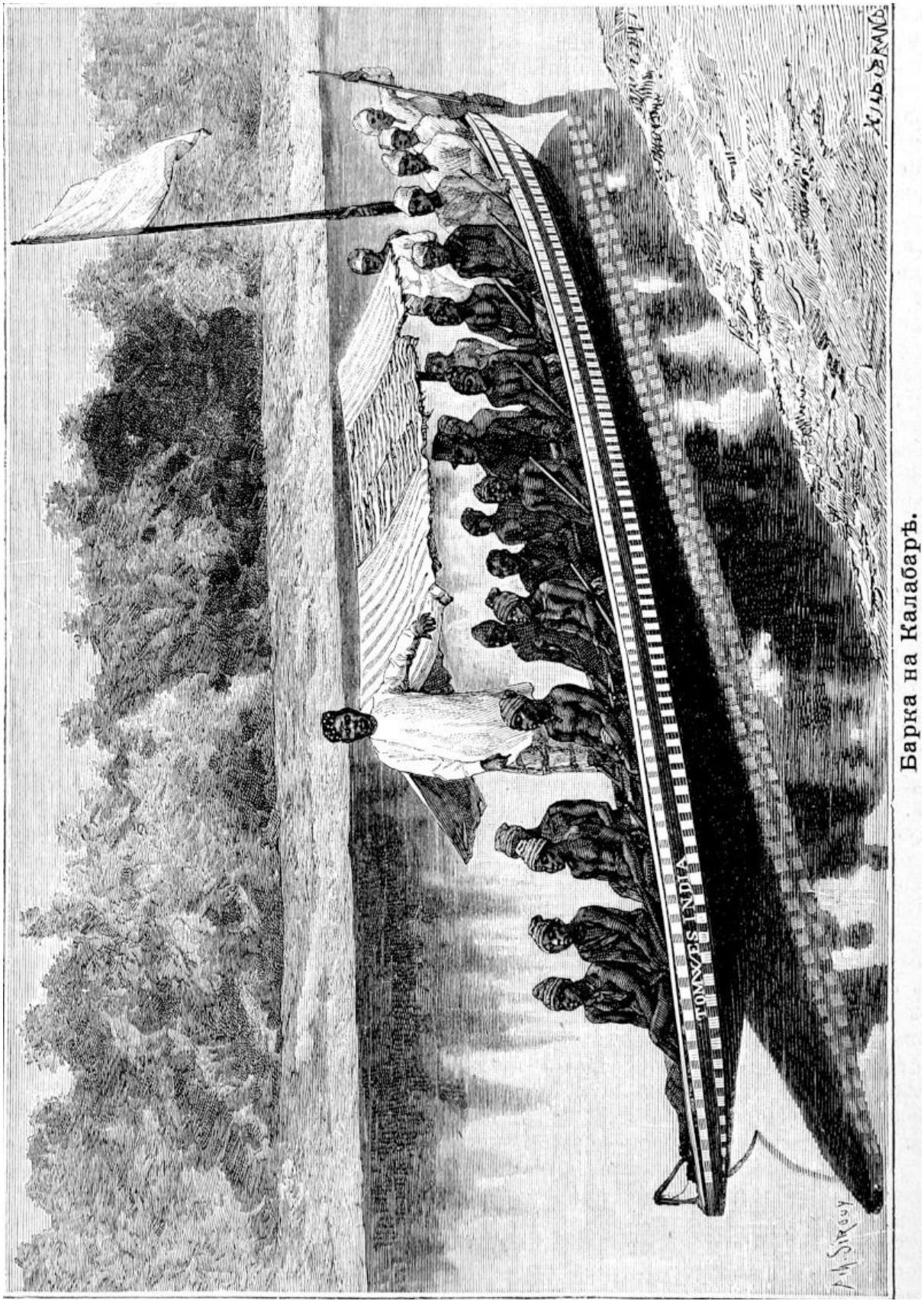
сколько постоянное наводнение: он в сущности ничем не отличается, кроме величины, от бесчисленных луж, рассеянных в Борну и образующихся вследствие того, что потоки, не находя для себя правильного русла, разливаются по сторонам в углублениях равнины. Между большими озерами Чад всего более напоминает Балкаш, который кажется внутренним морем по своим огромным размерам, в действительности же есть не что иное, как топкая водная площадь, разливаемая течением реки Или.

Чад имеет вполне определенные берега только около северной своей оконечности, в вершине большого неправильного треугольника вод. В этом месте песок, наносимый пассатными ветрами, образовал высокие бугры или дюны, основание которых, на подобие мыса, выдвинуто в озеро: с вершины этих подвижных горок видишь перед собой беспредельную *ник буль* или «белую воду», то-есть гладкую скатерть вод, расстилающуюся на необозримое пространство без промежуточных островов, без камышей или других водяных растений, как те поросли, которые наполняют *ник циллим*, или «черную воду» прибрежья. Почти на всей остальной окружности можно идти целые часы по направлению озера, не зная, где кончается земля, где начинается озерная площадь. Пройдя длинный ряд болотистых потоков, извилистых рукавов и лагун, больших и малых луж, путешественник ожидает увидеть наконец расстилающуюся беспредельную поверхность открытого моря, но взорам его представляются только поросли тростника, леса папируса, поля лотоса, полосы водяного салата (*pistia stratiotis*), «травы без родины», плавающие сплошными лугами, более зелеными, чем степи соседнего берега. К востоку от устьев Шари весь юго-восточный угол озера и далее на север вся соседняя с берегом Канема часть заняты островами и островками, которые, по словам Нахтигаля, в совокупности составляют по меньшей мере треть поверхности Чада. В этих областях нет озера в собственном смысле, а только лабиринт проливов между бесчисленными островами. Путешественники, отправляющиеся из Багирми в Канем, не подозревают даже, что переходили через озеро, и только жалуются на дурное состояние дорог, беспрестанно прерываемых топкими болотами, где рискуешь потерять лошадей и вьючных животных. Южный архипелаг, собрание пригорков, рассеянных в болоте, называется землей Каркa. Окончательно осушенная, эта область имела бы приблизительно такой же вид, как Канем, соседняя твердая земля, где зеленеющие холмы, цветущие лески чередуются с безлесными пространствами.

Эти стоячия воды, болота, острова, перешейки не позволяют определить истинную форму озера, которая, впрочем, сильно изменяется в разные времена года, вследствие колебаний уровня, производимых разливами и испарениями. Зная, как незначительна бывает глубина воды в периоде самого вязкого уровня, можно с большой вероятностью допустить, что жидкая масса этого резервуара изменяется на половину своего объема от одного сезона до другого. Из рассказов путешественников известно, что огромные пространства озерной окружности бывают попеременно то затоплены, то обнажены; во многих местах целые дни ходьбы отделяют зимний берег от летнего. Кроме дождей, начинающихся в конце июня, Чад получает излишек вод бассейна, приносимый ему реками. На северо-восточном берегу, обращенном к степям и пустыне, нет проточной воды, кроме временных ручьев; по западной покатости, обнимающей собственно Ворну, проходят две речки или *комодугу*, которые в сухое время года состоят лишь из ряда луж, но в период дождей, то-есть впродолжении по крайней мере четырех месяцев, представляют непрерывный поток, настолько быстрый и глубокий, что для переправы с одного берега на другой принуждены употреблять лодки или плоты, поддерживаемые кожаными мешками или выдолбленными внутри тыквами. Иеу (Иобе по Нахтигалю, Ваубе по Барту), носящая разные имена в орошаемых ею местностях,—весьма значительная река, по крайней мере по длине течения. Верхние её притоки берут свое начало далеко в Гауссе, в 800 километрах к западу от озера Чад; весь западный Борну принадлежит к её бассейну, и даже из земли Бабир, на границах провинции Адамауа, она получает приток, текущий частию в подземной галлерее[1]. Нужно удивляться, что русло истечения

1 Gerhard Rolhfs, „Quer durch Africa“.

столь обширного бассейна не бывает постоянно наполнено водой; вероятно, воды Иеу во время наводнений изливаются в Гамзайги и в другие озера северо-западного Борну, которые впервые были обследованы, слишком полвека тому назад, английскими путешественниками

Барка на Калабаръ.

Денгамом и Клаппертоном.

Наибольшую часть жидкой массы, изливающейся в озеро Чад, доставляют горы южного хребта, обильно орошаемые ливнями экваториальных штилей. Реки, берущие начало в тер-

ритории Мандара,—как, наприм., «комодугу» Мбулу,—широко разливаются в равнине, по недостатку ската, и образуют водяные площади, которые тянутся на необозримое пространство через леса и саванны, и, представляя из себя как бы движущиеся озера, медленно спускаются к внутреннему морю; в некоторых округах сообщения совершенно прекращаются на целые недели и месяцы; от Чада до Бенуэ, через озеро Тубури, эти водные площади следуют одна за другой без перерыва; замечательно, что вместо того, чтобы разливаться в виде болот, они обыкновенно наполняют каналы с высокими берегами, имеющие форму речных русл[1]. Факт этот как бы указывает на существование в прежнее время сети потоков еще более обширной, чем какою она является в наши дни. Река Шари, главный исток которой находится около середины южного берега Чада, в период разлива не представляет отдельных рукавов и устьев; тогда общее русло соединяет все её ветви в один огромный поток, шириной около 50 километров; в местных языках слово Шари имеет тот же смысл, что и Чад, означая «Скопление воды». Тогда как в первую половину дождливого сезона, в июле и в августе, уровень озера понижается, вследствие испарения, или слабо возрастает, несмотря на выпадающую атмосферную влагу, прибытие речного наводнения тотчас же изменяет режим озера. Когда Шари вносит свою могучую струю разлива, вода во внутреннем море Судана быстро поднимается, и к концу ноября достигает своего высшего уровня.

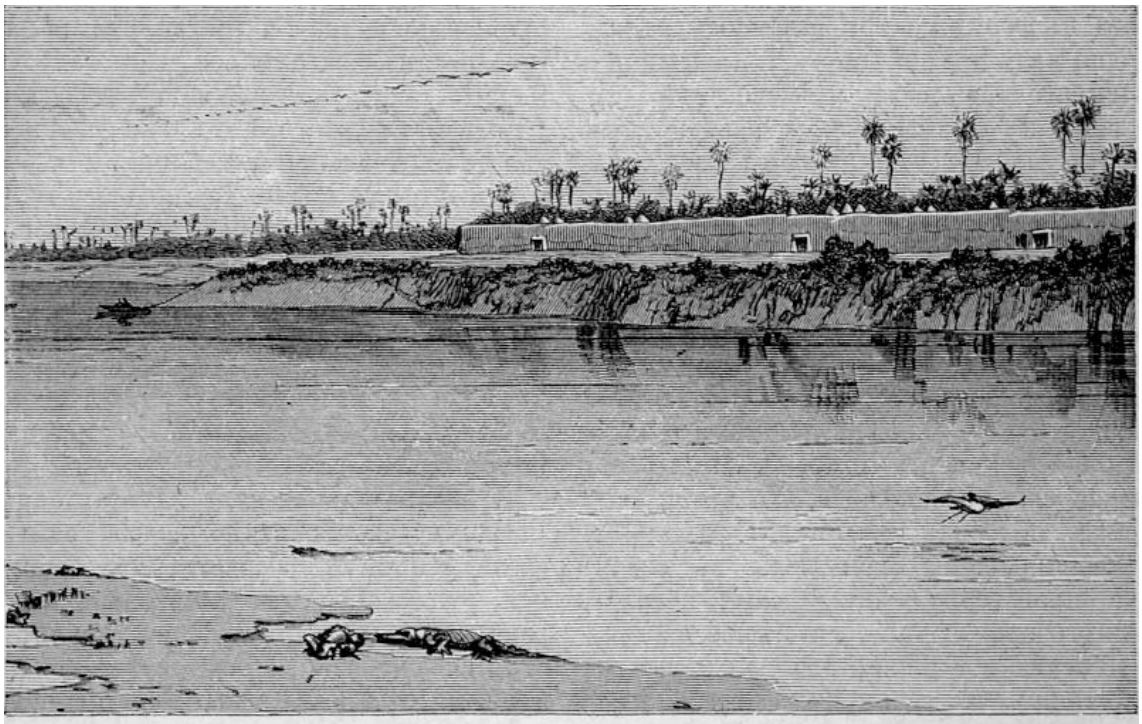
Шари, в отношении которой озеро Чад есть, так сказать, лишь конечное расширение её русла, принадлежит к числу больших рек Африки, благодаря дождям, правильно выпадающим летней порой во всех частях её бассейна. Вопрос об истоках этой реки еще не решен окончательно, и предположение, высказанное Швейнфуртом, что река Уэлле, протекающая по территории Монбутту и Ням-Ням, принадлежит к бассейну озера Чад через Шари, еще может быть поддерживаемо, так как нет прямого доказательства противного; однако, большинство географов склоняются теперь к тому мнению, что Уэлле следует считать притоком реки Конго; верхние притоки Шари, наидалее выдвинутые к востоку, вероятно, берут начало на расстоянии более 1,000 километров от истоков Уэлле в южных массивах Дарфура и Уадая. Но верховья этих рек еще не были обследованы ни одним европейским путешественником. Нахтигаль мог собрать кое-какие сведения только о нижнем течении Шари. По рассказам туземцев, разветвления дельты этой реки начинаются уже в 600 километрах выше впадения её в озеро Чад: там Шари или Бахар-Эль-Арде («Река Земли») делится будто бы на два *ба* или главных рукава, из которых левый называется ба-Бай или Логон, а правый—ба-Бассо или собственно Шари. Однако, большая разница в колебаниях количества приносимой воды между этими потоками заставила Нахтигаля усомниться в точности единогласного показания жителей страны относительно бифуркации Шари. Как бы то ни было, восточная река получает приток, именуемый Бахар-Эль-Абиадом, или «Белой рекой», и приходящий из территории Банда, затем выделяет из себя боковой рукав, ба-Бачикам («река Листьев»), с которым снова сливается, пройдя около 250 километров. Ниже главная река соединяется с рекой Логон, но уже перед тем выпускает из себя несколько боковых рукавов, которые разветвляются в аллювиальной равнине и наконец изливаются изменчивыми руслами в озеро Чад. Нигде воды Шари не соединены в один поток; даже, быть-может, часть воды бассейна теряется в других впадинах, кроме озера Чад, если правда, что рукав ба-Бачикам получает из Уадая половину Бахр-Эс-Саламата, и что другая половина этой реки в период половодья изливается в длинный болотистый ров, направляющийся на северо-восток к озеру Фитри.

Не претендуя не то что на точность, но даже на достаточно приблизительное значение своих цифр, Нахтигаль исчислял годовой дебет Шари в 60 миллиардов кубич. метров, что составит, в среднем, около 2.000 кубич. метров в секунду. Приносимое этой рекой количество жидкой массы по крайней мере в два раза превышает объем воды, вливаемый всеми другими притоками вместе, и дождевые воды, падающие непосредственно в бассейн. Когда подобная масса, удвоенная или утроенная разливом, расплывается по озерной площади, размеры Чада быстро возрастают на сотни и тысячи квадр. километров; к поверхности этого ре-

1 H. Barth, цитирован. сочинение.

зервуара сразу прибавляются пространства, в десять, в двадцать раз превосходящие Женевское озеро, и уровень поднимается по меньшей мере на 6 метров выше нуля, соответствующего низкому стоянию вод: по словам Рольфса, наблюдали даже разность около 10 метров между уровнями мелководья и половодья. Город Кука, затопляемый при исключительно больших размерах, лежит, говорят, слишком на 7 метров выше среднего зимнего уровня озера.

Вода в озере Чад, как и в реке Шари, пресная. Факт исключительный в истории Земли, что замкнутый бассейн, содержащий значительный объем жидкой массы, которая постоянно испаряется и постепенно концентрирует растворенные в ней соли, заключает в себе столь малую долю этих соляных частиц, что присутствие их даже неощутительно на вкус. Явление это кажется тем более удивительным. что в Канеме многие колодцы дают солоноватую воду, и что в восточном архипелаге многие острова изобилуют селитрой, которая составляет даже предмет весьма деятельной торговли во всей стране. Правда, Шари, воды которой почти исключительно питают этот бассейн, протекает по одной из самых бедных солью областей земного шара; но если бы Чад было озеро древнего образования, наполняющее свой тепереш-

Ба-Буссо, восточная вѣтвь р. Шари у Мискина, къ юго-востоку отъ Логона.

ний водоем впродолжении ряда геологических веков, то трудно было бы понять, каким образом соляные молекулы, как бы ни было ничтожно их содержание в пресной воде притоков, могли ускользать в приемном резервуаре от постоянного действия испарения и концентрации. Из этого заключают, что Чад в некоторых отношениях озеро недавнего происхождения. В самом деле, в бассейне его совершаются беспрестанные перемены. Прежде оно, кажется, было гораздо обширнее, судя по дюнам северо-западного побережья, которые, повидимому, образовались на счет бывшего дна озерного резервуара[1]. В наши дни это озеро, состоящее, так сказать, из одной только поверхности и почти не имеющее глубины, подвергается всем капризам Шари. Наносы этой реки, образовавшие дельту протяжением около сотни километров, выступающую полукругом в южные воды озера, постепенно съуживают размеры бассейна и заставляют его настолько же расширяться на противоположных берегах, особенно на западном. По единогласному свидетельству путешественников, дорога между Канемом и Борну год от году удлинняется, вследствие увеличения контура, вдоль которого она следует. Округу Кука постоянно угрожают наводнения; в 1873 г. город этого имени был

1 G. Rohlfs, цитированное сочинение.

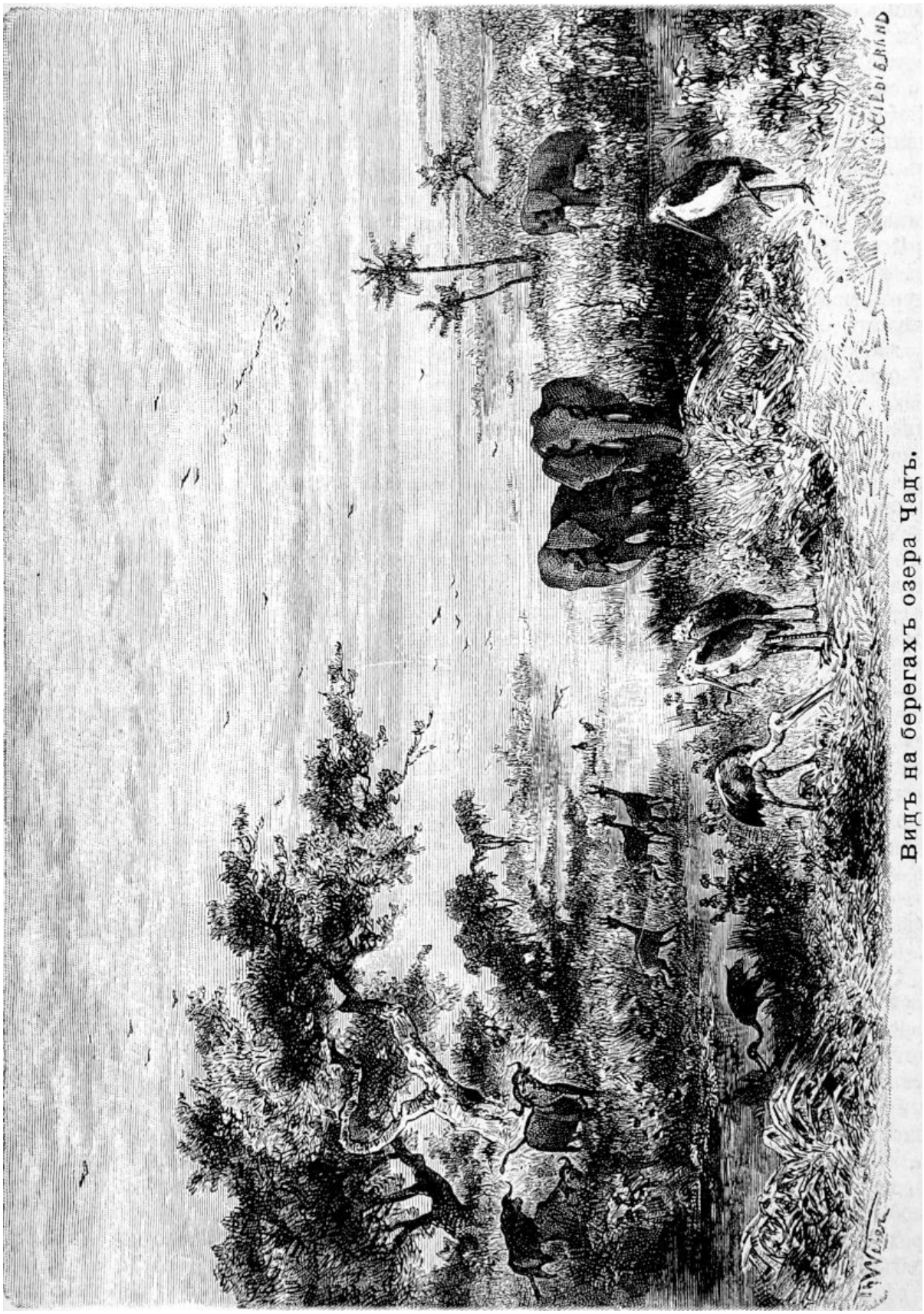
затоплен, и шейх проектировал постройку нового города гораздо западнее, чтобы обеспечить себя от вторжений озера. Многие другие города, между прочим, Нгигми, в северо-западном углу озера, принуждены были перестроиться по той же причине. При этом замечается любопытное явление: в то время, как воды озера устремлялись к западу и северо-западу, восточная оконечность бассейна обнажалась, и Бахр-Эль-Газаль, «Море или Река Газелей», находящийся, однако, на более низком уровне, чем водная площадь Чада, мало-по-малу высыхал. Факт этот объясняется расположением восточных островов в форме последовательных, лежащих одна над другой, запруд. Каждый из бесчисленного множества проливов, следующих один за другим между Белой водой Чада и его заливом Бахр-Эль-Газаль, имеет свой бар, который и замедляет истечение вод; эти последние даже в периоды наводнения изливаются медленно и, постоянно подвергаясь испарению, в конце концов иссякают, тогда как озерная поверхность продолжает повышаться в центре резервуара.

Когда европейские географы в первый раз услыхали о Бахр-Эль-Газале, как о потоке, сообщающемся с озером Чад, они вообразили себе, по аналогии, что этот бахр есть река, подобная другому Бахр-Эль-Газалю, соединяющему свои воды с водами Нила, и произвели ее в приток великого суданского озера. Однако, английские исследователи Денгам и Клаппертон узнали уже от жителей Борну, что озеро Чад прежде изливало свои воды в Бахр-Эль-Газаль: это истечение прекратилось, будто бы, только вследствие убийства одного святого человека. Путешественник Барт, слышавший от туземцев тот же рассказ, отказывался, тем не менее, признать это «невероятное» явление постепенного ската истечения между Чадом и впадинами Бахр-Эль-Газаля[1]. Но со времени путешествия Нахтигаля по тем краям пришлось покориться очевидности и допустить, что «Река Газелей» есть исток, а не приток огромного Суданского резервуара. В самом деле, случается, по крайней мере в годы исключительно больших наводнений, что воды Чада спускаются в Бахр-Эль-Газаль. Во время пребывания Нахтигаля в Борну это явление происходило на его глазах: поток, выливавшийся из внутреннего моря, проникал верст на 80 в низменную равнину Бахр-Эль-Газаля, и караваны, до того времени ходившие прямо из Канема в Багирми, через камыши и лужи, принуждены были сделать длинный обход к востоку, в направлении Уадая. Предание указывает на вторую половину прошлого столетия как на эпоху, когда Бахр-Эль-Газаль перестал быть каналом правильного истечения для озера Чад, после чего вода высохла в его ложе; но естественно задать себе вопрос, не продолжается ли медленное истечение в глубинах, так как среди пустыни, между безводными террасами, возвышающимися по обе стороны Бахра, достаточно разрыть землю на 1 или на 2 метра, чтобы найти воду. Замечательно, что большинство колодцев и фонтанов в этой местности содержат значительную пропорцию соляных веществ. Эта солоноватость дна Бахр-Эль-Газаля дает натуралистам драгоценное указание. Если воды Чада остались пресными, то не объясняется ли это тем, что эта озерная площадь была просто проходным бассейном, и что её жидкая масса еще недавно изливалась в низменность Бахр-Эль-Газаля? Там она испарялась, оставляя на почве соляные осадки. Подобное же явление можно наблюдать в Южной Америке, где большое озеро Титикаха, пресноводное, как и Чад, имеет свой соляной бассейн в маленьком второстепенном резервуаре Пампа-Аульягас, американском Бахр-Эль-Газале.

Предварительная карта, составленная Нахтигалем, на основании произведенных им исследований, показывает, что бывший речной рукав Газелей, соединяющийся с озером Чад на восточной его стороне, направляется сначала к востоку, затем, повернув на северо-восток, тянется по прямой линии на пространстве около 500 километров и оканчивается у основания горных хребтов страны Борку долиной Боделе; самое низкое место, найденное там Нахтигалем, лежит на 100 метров ниже уровня озера Чад; во всей центральной Африке нет более глубокой впадины земной поверхности. К западу от Боделе, другая широкая долина, Эгай, или Эгей, тоже лежащая, по барометрическим измерениям, ниже уровня Чада, образует как бы большую бухту, отделенную от Бахр-Эль-Газаля цепью песчаных бугров. Лощины

1 „Reisen und Entdeckungen in Nord und Central-Afrika“, 3-er Band, Anhaug.

частию покрыты дюнами, в 10-15 метров высоты, которые, под напором пассата, располагаются вообще в направлении от северо-востока к юго-западу и движутся по большей части с значительной скоростью: один туземец, из племени даза, часто посещавший с детства пастбища той местности, показывал Нахтигалю одну дюну, которая на его глазах образовалась в 16 километрах севернее. Там, где первоначальная почва озерного дна не покрыта песками, она усеяна несметным множеством рыбьих скелетов, так хорошо сохранившихся, что по ним

Видъ на берегахъ озера Чадъ.

натуралист удобно мог бы изучать ихтиологическую фауну Суданского внутреннего моря. Берега и контуры земель, бывших некогда островами и островками, окаймлены растительностью, среди песков рассеяны полосы зелени, обширные пространства покрыты травяным ковром. Этот край, богатый водой и растениями,—обетованная земля для верблюдоводов, и в степях его, без сомнения, бродили бы бесчисленные стада, если бы грабители аулад-слиманы не опустошали его своими частыми набегами. Кочевники дазы приписывают почве Эгая такую чудодейственную силу, что, приходя туда, первым делом сбрасывают с себя все одеяние, чтобы кататься в песке, убежденные, что это благотворное соприкосновение с тамошней землей предохранит их тело от голода и жажды. Теперь в долинах, образующих систему «реки Газелей», нет ни возделанных земель, ни постоянных деревень, но на одном бывшем острове Нахтигаль видел остатки города, и сенусианские миссионеры давно уже возвещали верующим различных рас о своем намерении поселиться на дороге из Боделе в Борку, в соседстве обильного источника Галакка, достаточного для орошения садов и пальмовых насаждений.

Климат в Борну много ровнее, чем в Сахаре; крайности тепла днем, холода ночью там гораздо меньше, и часто разность температур между различными часами дня не превышает одной пятой градуса; между самым жарким и самым холодным месяцам она не достигает 10 градусов по Цельсию. Оттого жители, привыкшие к постоянно одинаковой температуре, очень зябнут, когда теплота атмосферы опустится ниже 25 градусов.

Средняя температура года в Куке, по Денгаму—28°,7 Ц.; средняя температура самого теплого месяца (апреля)—33°,5 Ц.; средняя температура самого холодного месяца (декабря)—24°,4 Ц.; средняя температура самого холодного месяца, по Нахтигалю—23°5 Ц.

По наблюдениям Нахтигаля, барометрическое давление также представляет гораздо меньше колебаний в этой части Судана сравнительно с Сахарой. Ветры тоже отличаются замечательной правильностью в своем чередовании. Большую часть года господствует пассат, дующий то с северо-востока, то параллельно экватору; но когда солнце вступает в зенит, приводя за собой в северный тропический пояс всю сопровождающую его систему ветров, появляется легкий муссон, происходящий из Атлантического океана. Дуя с запада или с юго-запада, он приносит в изобилии водяные пары, и на горизонте образуются кучевые облака. Завязывается борьба между двумя нормальными ветрами, пассатом и муссоном, и когда первый снова одержит верх, он быстро нагоняет облака, и дожди льют, как из ведра, в сопровождении грома и молнии; особенно в начале сезона грозы разражаются с необычайной силой; тогда ни один дождь не проходит без того, чтобы небо не казалось объятым пламенем.

С севера на юг и с востока на запад страны весь климатический порядок быстро изменяется. Дожди тем обильнее, чем данная местность ближе к Бенинскоку заливу. В бассейне р. Шари дождливый сезон продолжительнее, и каждый из ливней сильнее, нежели в Канеме; точно также количество выпадающей атмосферной влаги постепенно возрастает от Уадая к западным равнинам Борну: в последних есть большие реки, тогда как Уадай беден даже источниками. В этом бассейне наибольшую долю дождей получает гористая территория Мандара, где сырой сезон продолжается целых семь месяцев, а иногда и дольше. В Борну, который представляет почти среднюю климатических условий бассейна, этот сезон, в который, по Барту, выпадает более метра дождевой воды, обнимает четыре месяца, с июня по сентябрь; вне этого периода атмосферная влага является только в форме росы или тумана. Зима—единственное время года в Борну, имеющее вполне определенный характер. Остальные восемь месяцев делятся на прохладный сезон, следующий за дождями, и жаркий сезон, предшествующий им. От жаров, палящих почву, к дождям, её оплодотворяющим, переход очень быстрый: вдруг видишь всходящие растения, распускающиеся цветки, везде появляется новая зелень; земледельцы спешат запашкой и посевом, и сырой сезон еще не прошел, как уже можно собирать плоды.

От безводной и бесплодной Сахары к обильно орошаемым и плодородным равнинам Су-

дана переход совершается постепенно. особенно в тех местностях, где почва совершенно ровная, или имеет нечувствительную покатость в том или другом направлении. Дюны следуют за дюнами, скалы за скалами, но в атмосфере и на земле замечаются маленькия перемены, одна за другой. Восточный ветер уже не дует с таким неуклонным постоянством; по временам чувствуется веяние южной бризы, приносящей более влажный воздух и нагоняющей полосы белых облачков, на подобие бахромы из пены, катящейся перед морской волной; роса становится обильней, перепадающие дожди смачивают почву в период муссона. Появляется какое-нибудь новое растение, затем другое, третье; кустарники имеют менее ползучий, приземистый вид; далее показываются деревья, сначала по одиночке; еще южнее они соединяются в группы, образуют рощицы, лески; наконец, степь покрывается там и сям настоящими лесами. Однако, преобладают еще древесные породы с редкой листвой, не нуждающейся в большой влажности воздуха, каковы акации, господствующий вид которых проходит через весь континент, от берегов Атлантики до берегов Красного моря. Земля еще не настолько плодородна, чтобы человек мог с успехом возделывать почву, но травяная растительность очень обильна. В этой промежуточной полосе между Сахарой и Суданом животная жизнь отличается изумительным богатством и разнообразием: антилопы, газели мириадами бегают по равнине; страусы, которых всегда встречают в тех же местах, где водится антилопа могор, так же многочисленны в этом природном парке, как были некогда в алжирских плоскогориях, по другую сторону пустыни; жирафы разгуливают стадами; слоны, в правильном боевом порядке, самцы и малыши в центре, ежедневно совершают походы с пастбища к водопою и обратно; в соседстве озера и проточных вод каждый лес камышей скрывает в своей чаще бегемотов. Когда туземные музыканты ударят в свои тамтамы, со всех сторон сбегаются толстокожия чудовища, привлеченные звуками оглушительной музыки[1]. Нет недостатка, в этой области, и в крупных хищниках, львах и гиенах. Каждое дерево, каждая горка, построенная термитами, имеет свою колонию пернатых; птицы-ткачи привешивают свои мешкообразные гнезда на гибких ветвях, а лужи усеяны цаплями, аистами, пеликанами, гусями и утками. При малейшем дождике почва кишит мельчайшими животными, словно выростающими из земли; змей здесь очень много; стоножки выползают из своих норок процессией, попадая под ноги верблюдов, которые немилосердно давят их; иногда, точно чудом, появляются миллиарды маленьких красных пауков: туземцы воображают, что европейский бархат фабрикуется из этих паучков, плотно прикладываемых друг к другу[2].

На юг от этого краевого пояса пустыни, где дикия животные находятся в таком большом числе, но где человек почти отсутствует, простирается область, усеянная человеческими жилищами, но где свободная фауна имеет сравнительно очень мало представителей: присутствие человека изменяет первоначальное равновесие природы, заменяя диких зверей домашними животными. Подобная же перемена происходит во флоре, но в меньшей степени, и в целом растительность увеличивается в мощи и разнообразии, по мере того, как подвигаемся в южном направлении к экваториальному поясу обильных дождей. В саваннах начинает показываться пальма дум, еще слабая и приземистая; во внутреннем Борну она является во всей своей силе, в перемежку с пальмой делеб; в Багирми и в территории Мандара она не переходит за пределы области равнин. Пояс пальмы дум совпадает с поясом тамаринда, огромного ветвистого дерева, под которым любят отдыхать караваны; затем, идя далее к югу, все чаще и чаще встречаешь около деревень громадные баобабы, с толстыми ветвями, нередко совершенно оголенными, так как листва их идет в пищу людям и животным. Однако, центральный Борну нигде не представляет девственного леса, образующего одну сплошную массу зелени, с непроницаемой сетью лиан.

Наконец, в южном Багирми высокая древесная растительность захватывает всю страну, даже вдали от проточных вод и прудов; акации, из которых, в соседстве Сахары, состоял весь лес, представлены здесь лишь редкими видами; луг утратил всякое сходство со степью,

1 G. Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

2 H. Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord und Central-Africa“.

трава большую часть года сохраняет зелень и свежесть. Отдельные деревья отличаются большими размерами и более величественным видом; появляются новые древесные породы, свойственные экваториальному поясу. К числу этих великолепных деревьев юга принадлежит, между прочим, бавольник, длинные, горизонтальные ветви которого расположены ярусами вокруг ствола и увешаны плодами, имеющими форму веретена; из стручка выделяется пух, не менее нежный, чем гагачий, и употребляемый для набивки подушек, матрацев, нагрудников; он имеет то достоинство, что никогда не сбивается в комки. Менее красиво, но еще более полезно в экономии этого края, как и в экономии области верхнего Нигера, масляное дерево (butyro spermum или bassia Parkii), столь драгоценное в стране, где домашния животные дают очень мало молока; некоторые европейские путешественники предпочитают масло, изготовляемое из плодов этого дерева, животному маслу, которое хозяйки в Борну имеют обыкновение обработывать с помощью коровьей мочи. Другое характеристическое дерево южного Багирми—паркия (parkia biglobosa), стручки которой, висящие на ветках гроздьями, содержат бобы, которые туземцы сушат и размалывают в муку; приготовляемая из этой муки кашица очень приятна на вкус, но слишком питательна; ее употребляют почти исключительно как лекарство при желудочно-кишечных болезнях. В прибрежных местностях на озере Чад, где летом, по обычаю арабских пастухов, выжигают траву, деревья, слишком богатые соком, слишком сырые, чтобы воспламениться, нисколько не страдают от пожара. Как степи северной Европы, эти равнины центральной Африки по временам бывают покрыты облаком едкого дыма, происходящего от сожигания низких растений на обширных пространствах[1].

Поясу северных степей, столь богатому дикими животными, соответствует другой подобный пояс на юге, где, благодаря редкости заселенных и возделанных земель, снова появляется первобытная фауна, собакоголовые обезьяны, львы и другие представители кошачьего рода, слоны, бегемоты и носороги. Встречающийся в южном Уадае абукорн или «отец рогов», в котором хотели было признать сказочного «единорога»[2], есть просто носорог о двух рогах, расположенных один за другим на морде животного[3]. В Багирми мир мелких животных представляет большое множество видов. Барт и Нахтигаль описывают это королевство, как страну насекомых по преимуществу: скорпионы, муравьи, термиты, черви кишат там обильнее, чем во всякой другой части Африки. Муха цеце или какой-то другой подобный ей вид является настоящим бичем в некоторых округах, и путешественники, проезжающие через эти местности, обыкновенно теряют всех своих лошадей. Там нередко можно встретить *нготкумы* (постройки термитов), пирамидальные массы которых, похожия на жилища носорогов, но более солидные, веками противостоят действию солнца и проливных дождей; Барт видел пирамиды, воздвигнутые этими насекомыми, до 12 метров (более 5 с половиной сажен) в вышину и до 60 метров (28 саж.) в окружности. Путники на привале ничем не могут защитить себя от нападений термитов, как только окружив все становище кольцом ядовитых растений, чрез которые не осмеливаются переползать грозные насекомые. В сезон дождей термиты, окрылившиеся, неуклюже летают вокруг родимых пирамид; тогда жители, особенно дети, убирают их миллиардами, для употребления в пищу; точно также во время голодовок туземцы разрывают их галлереи, чтобы пользоваться сложенными там запасами зерна[4]. Современем натуралисты, без сомнения, дадут нам точную классификацию многочисленных муравьиных пород, обитающих в Багирми: там можно встретить муравьев всевозможной величины, от мельчайших, почти неуловимых для простого глаза, до гигантов в два сантиметра длиной; есть муравьи черные, серые, зеленые, коричневые, красные, белые, и в этом мире насекомых, как в Европе, существуют все формы государственного устройства, военные аристократии и демократические республики, все равно трудолюбивые, так

1 Vogel, „Zeitschrift fur Erdkunde“, 1856.

2 Fulgence Fresnel. „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1849;—d'Escayrac de Lauture. „Memoire sur le Sudan“.

3 G. Nachtigal, „Petermann's Mittheilungen“, Heft VI, 1874.

4 H. Barth, цитиров. сочинение.

что туземцы называют их кида-кида, т.е. «труд-труд». Муравьееды (orycteropus aethiopicus) делают раскопки в муравьиных горках своей страшной мордой, пожирая с каждым глотком сотни их обитателей.

Фауна озера Чад, как кажется, очень богата: к сожалению, описания её, сделанные Овервегом, частью потерялись, частью не могли быть дешифрированы. Островное население озера живет главным образом рыбой и даже во внутреннем Борну, жители которого питаются преимущественно растительной пищей, рыба привозится в значительных количествах и получила название *буни*, т.е. «корм», как пища по преимуществу. Между рыбами, о которых упоминают путешественники исследователи, особенно замечательна одна, которую туземцы очень боятся по причине её страшной силы и плотоядных инстинктов. В водах озера и его притоков водится также электрическая рыба (malacopterurus), очень опасная, так как ей достаточно одного разряда, чтобы оглушить на несколько минут человека, нечаянно до неё дотронувшагося. Подобно морю, Чад и его приток Шари имеют китообразных млекопитающих, именно один вид ламантина или маната (травоядного кита), называемого *manatus Vogelii*, в память путешественника, который первый дал его описание. В соседстве берегов воды населены крокодилами: на южной стороне рек тень священных деревьев, говорят, защищает от этих животных женщин и детей, приходящих наполнять свои кувшины.

Роды земледельческой культуры у прибрежных жителей озера Чад и его притоков те же, что в долине Нила. Их главные хлебные растения—дохн и дурра, которые они сеют, первый—в песчаных землях севера, вторую—в более плотной почве юга. Посев производится не разбрасыванием зерна горстью, как в Европе, а таким образом, что мужчина, идя по борозде, делает в пашне сажальным колом на равных расстояниях ямки, на которые следующая позади женщина кладет семена. Кроме этих зерновых хлебов, служащих для приготовления повседневной похлебки, жители Борну и их соседи возделывают также маис (кукурузу), рис, кунжут, земляные фисташки; едва лужи сделаются доступными, как в грязи сеют уже особый сорт сорго. Поля, засеянные пшеницей и ячменем, можно встретить только в соседстве городов: эти хлеба введены здесь недавно, также как деревья фиговое, лимонное и гранатовое. Деревья эти достигают необычайных размеров, но плоды их не так хороши, как в странах по берегам Средиземного моря.

Что касается домашних животных, то в этом отношении замечается меньше разницы, чем можно бы было ожидать, между этими тропическими областями Судана и берегами Берберии. Лошади и коровы, ослы, овцы и козы находят для себя вполне благоприятные условия в прибрежных местностях озера Чад; не взирая на запрет ислама, жители Куки держат также стада свиней, которые, совместно с хищными птицами, очищают улицы от падали и всяких отбросов. Верблюдов в Борну мало, если исключить находящуюся в северной его части землю племени койамов, которым удалось акклиматизировать одну разновидность этих животных: в других местностях они быстро чахнут, и потому приходящие с севера купцы спешат отправить своих верблюдов обратно в Феццан. Когда Барт, первый из европейцев, проник в провинцию Адамауа, во всех деревнях, через которые он проходил, народ сбегался посмотреть, как на некое чудо, на белого человека и всего больше дивился диковинным зверям—верблюдам. Быки составляют несколько различных пород, из которых одна отличается огромными рогами в форме лиры, имеющими до 50 сантиметров в окружности основания; есть также порода с мясистым горбом на спине, как у зебу, и с короткими подвижными рогами, качающимися при каждом шаге животного[1]. Лошади, которые были приведены из северной Африки в первые времена мусульманской пропаганды, почти не переродились в Борну; однако, в среднем, они несколько мельче варварийской породы и не так стройны, хотя не уступают ей в выносливости, живости, быстроте; редкия из них знают другой аллюр, кроме длинного шага и галопа. Эти животные пользуются самым заботливым уходом со стороны своих хозяев: конюшни всегда содержатся очень опрятно и защищены от «дурного глаза» высокими стенами, украшенными разными амулетками.

1 G. Nachtigal, цитированное сочинение.

II. Уадай

В бассейне озера Чад политическое преобладание принадлежит ныне Уадаю или Боргу, хотя ни по численности населения, ни по богатству он далеко не может претендовать на первенство между тамошними государствами. Собственно Уадай—небольшая область, лежащая на запад от горной цепи Тирдзе, но площадь завоеванной территории по крайней мере вдесятеро обширнее, и земли, занимаемые вассальными племенами, не считая земель Канема и Багирми, продолжают на север и на юг владения тамошнего султана до неисследованных пространств. Уадай—одно из тех государств африканского континента, которые имеют наиболее точные границы. На востоке он оффициально соприкасается с Дарфуром, от которого не отделен никакой естественной границей, но лежащая между ними промежуточная полоса или марка занята кочевыми населениями. На севере и северо-западе переселения вассальных народцев с пастбища на пастбище дают Уадаю подвижную границу в направлении к пустыне; на западе войны и разбойничьи экспедиции часто изменяют пограничную черту; наконец, с южной стороны неизвестно, докуда простираются территории покоренных племен: там начинаются области еще неисследованные, составляющие пробел на картах Африки. Поэтому пространство Уадая можно пока определить только по сетке градусов. Совокупность подвластных ему земель по протяжению почти равна Франции, но плотность их населения, включая сюда и кочевников, в пятнадцать раз меньше, по исчислениям Нахтигаля. Этот путешественник приблизительно определяет пространство Уадая в 444.550 кв. километров, а народонаселение в 260.000 душ, так что, в среднем, приходится по 6 жителей на квадратный километр.

Почти все попытки путешественников-изследователей посетить Уадай имели печальный исход. Кюни, Беурман погибли, пытаясь проникнуть в эту страну, один с востока, другой с запада. В 1855 году Фогель, более счастливый, добрался до Уадая и прожил некоторое время в его столице; но выйти оттуда ему не было суждено: фанатики-мусульмане зарезали его, чтобы изгладить следы его шагов, осквернивших почву их родины, и вскоре после его смерти о нем стали распространять самые нелепые слухи: говорили, что этот христианин имел злое намерение навлечь беду на край своим колдовством. Когда Нахтигаль проник в Уадай, в 1873 году, он был упрежден крайне незавидной репутацией, которой пользуются в центральной Африке вообще все европейцы, благодаря россказням арабских купцов и негритянских пилигримов. Туземцы ожидали увидать в нем каннибала, обладающего искусством магии, при помощи которого белая раса достигла промышленного и политического могущества. Но этот путешественник, по счастию, был один из тех, которые смотрят серьезно на свою роль цивилизатора, и его скромное поведение, его гуманное обращение со всеми вскоре доставило ему многочисленных друзей среди местного населения. Те самые люди, которые в первые дни убегали от него с ужасом, произнося стихи фаты, как формулу заклинания, теперь охотно вступали с ним в сношения и радостно удивлялись, что не находят у этого чужестранца никаких недостатков, кроме одного—что он не повторяет вместе с ними: «Аллах есть Аллах, а Магомет его пророк!» «Да ты лучше нас, говорили они ему, ты добрый и сострадательный, никогда не лжешь, говоришь и читаешь по-арабски, не пьешь даже пива, как мы, и ходишь прямо в путях твоих». Благодаря, может-быть, этому счастливому влиянию, новые исследователи, Маттеучи и Массари, могли явиться в Уадай, в 1879 году, чтобы продолжать дело Нахтиталя; но они должны были быстро пройти страну, под надзором сопровождавших их соглядатаев, и изменить заранее начертанный маршрут, так как война в Судане прервала сообщения с побережьем Средиземного моря[1].

Пропорционально, арабы или по крайней мере «арабизованные» гораздо более многочисленны в Уадае, чем в других частях Судана, удаленных от Нильского бассейна; однако, не им принадлежит политическое господство: туземные расы сохранили за собой преобладающую роль, и одна нигрицийская группа племен, Маба, присвоивает себе титул благородных по преимуществу. Эти мабасы, составляющие, по Нахтигалю, около седьмой части населе-

1 Della Vedova, „Pellegrino Matteucci ed il suo diario inedito“;—„Bolletino della Societa Geografica Italiana“.

ния, обитают в собственном Уадае, к северу от реки Бетеха, до слияния её с другой рекой, называемой Бата; кроме того, более многочисленные народцы, родственные по расе, но не пользующиеся привилегией родовитости, живут южнее в долине Баты. Присвоиваемое мабасами родовое достоинство благородных людей приписывается давности их обращения в ислам: они приписывают себе заслугу распространения новой веры в стране. Впрочем, их расе действительно принадлежит первое место между населяющими Уадай племенами: особенно прославляются военные подвиги кодоев или «горцев», живущих в северо-восточной скалистой области, которых арабы обыкновенно называют «бусенун», т.е. «отцы зуба», за красноватый цвета их зубов, происходящий от особого свойства воды их гор. Диалект мабасов, *бора-мабанг*, общий всем племенам этой расы, очень распространен и у других народцев, как общеупотребительный язык торговли. Барт собрал полный словарь этого наречия.

Абу-шариб, или «отцы усов», также говорящие особым языком, живут, главной своей массой, к югу и к югу-востоку от мабасов, отделенные от своих единоплеменников, тамасов, которые обитают в горах Тама, на северо-восток от Уары, бывшей столицы королевства. Тамасы славятся храбростью, подобно своим соседям кодоям, и долгое время отстаивали свою независимость против мабасов. Массалиты, номады, кочующие в восточной пограничной территории между Уадаем и Дарфуром, тоже оставались свободными от всякого ига до недавней эпохи; их обвиняли в варварских обычаях, и некоторые из их племен, на границах Дарфура, слыли за людоедов[1]. Другую группу могущественных народцев образуют кукасы и булалы, населяющие нижнюю долину реки Бата и основавшие государство Фитри, пользующееся еще некоторой автономией и управляемое султаном, который хотя состоит в вассальной зависимости от уадайского султана, но тем не менее считается выше его по происхождению. Горцы массива Медого или Мидаго[2], близ озера Фитри, тоже почти независимы, благодаря кручам их естественной цитадели из скал и окружающим ее обширным лесам. Кукасы играли известную роль в общем движении, которое часто увлекало на запад восточных завоевателей, и воины их не раз опустошали сельские местности Багирми. На севере от собственного Уадая, зогавы, которые тоже некогда были завоевателями, представлены несколькими племенами, также как их соплеменники, дазы и теды.

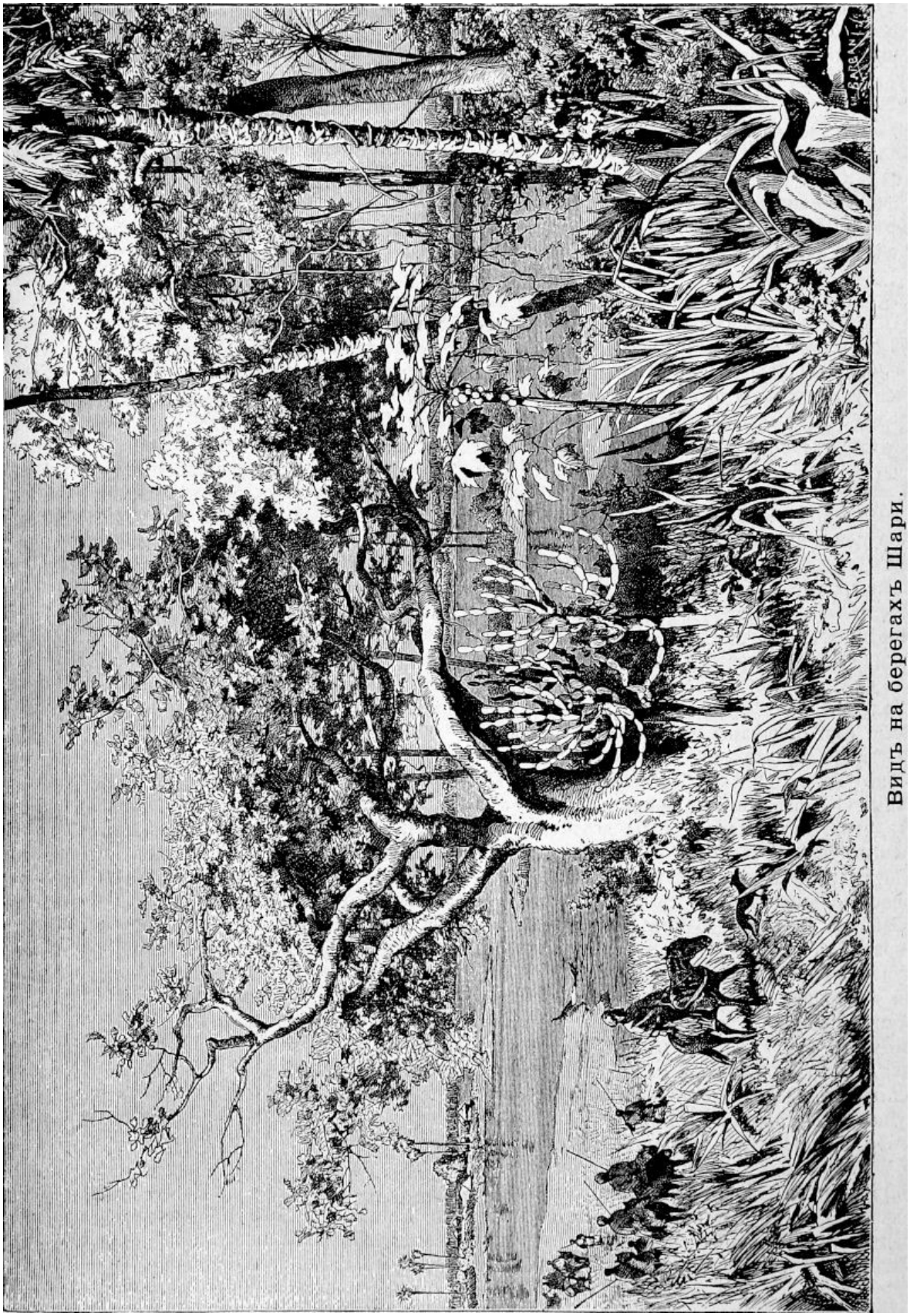
Почти все северные народцы, прямо или косвенно подвластные султану Уадая, составляют часть великой семьи ислама и отличаются большой ревностью к вере. Уадай является центром мусульманской пропаганды, так что мабасы почти все поголовно присоединились к секте сенусиев: султан их сделался союзником, чуть не слугой гросмейстера этого ордена, имеющего пребывание в оазисе Фаредга, между Египтом и Триполи. Иммигранты Уадая, фулы и другие, и все те, которых обозначают общим именем такрур или такарир, подобно жителям Метамеха, на границах Абиссинии, и тукулерам Сенегала, стараются вербовать прозелитов вокруг себя; однако, большинство покоренных или вассальных племен южного Уадая остались идолопоклонниками или по крайней мере сделались магометанами только по имени. Так, кути, принадлежащие к той же расе, как рунга мусульмане, их соседи на северо-востоке, сохранили обряды шаманства; они походят на язычников Багирми, своих западных соседей на пространстве двухсот или трехсот километров. Южнее, в области с неопределенными границами, известной под названием дар-Банда, обитают другие народцы *кафир* (неверные), различного происхождения и языка. Жители Банды, соседи ням-нямов, часто называемые тем же именем, такие же людоеды, как и эти последние; они поклоняются богине Уамба, которой приносят пиво и первую добычу звериного лова; перед её идолом они произносят клятвы и совершают обряд благословения своих детей и рабов; купцы, даже из мусульман, обязаны принести в дар богине бусы и соли, прежде чем начать торговлю[3]. По словам туземцев, этот край ограничен на юге большой рекой, бахр-Кута, «населенной крокодилами и бегемотами», которая будто-бы не уступит Шари по размерам и объему жидкой

1 Barth;—Nachtigal, цитированное сочинение.

2 Matteucci, „Bolletino de la Societa Geografica Italiana“, 1881.

3 G. Nachtigal, „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde in Berlin“, 1875.

массы, и течет в направлении с востока на запад, как Бахр-эль-Абиад, но не принадлежит к его бассейну. Редкие мусульманские путешественники, рассказывавшие Нахтигалю об этом потоке, говорили, что он спускается «к стране феллатов». Новейшие исследования дают

Видъ на берегахъ Шари.

большой вес гипотезе, принимающей эту реку за продолжение Уэлле или какого-нибудь другого из главных притоков Конго.

Арабы Уадая известны под именем «арамка», а не под именем «шоа», как арабы Борну и

Багирми. Самое многочисленное из их племен, поселившееся в стране слишком пятьсот лет тому назад,—махамиды, очень богатые верблюдами и другим скотом; становища их сосредоточены главным образом в северных долинах Уадая и в степях, простирающихся далеко по направлению к Борку и к Тибести. Другие арабы, более или менее смешанные с нубийцами, живут отдельными племенами во всех частях Уадая, и почти все они пастухи-кочевники. Их делят на две группы, по цвету кожи. Самые темные называются сурук, т.е. «черные»; самые светлые—гомр, т.е. «красные». Арабский элемент представлен также у джеллабов или айяль-эль-бахр, т.е. «детей реки»: это торговцы, возящие товары и продукты между Уадаем и «Рекой», т.е. Нилом. Организуемые ими караваны проникают на западе в Судан, на юге—в дар-Банда, на юго-востоке—в Речную область: они вывозят главным образом невольников, слоновую кость, страусовые перья, медь; ввозят—соль и разные товары европейского изделия Дорога из пустыни к Бенгази, которой стали довольно часто пользоваться с тех пор, как война заперла путь по долине Нила, дала им возможность ввозить оружие и боевые припасы, покупаемые в большом количестве туземцами со времени освобождения их из-под власти египетского правительства.

Абешр или Абеше, нынешняя столица Уадая, лежит в дар-Маба, или «земле племени маба», недалеко от караванной дороги, ведущей из Хартума в Куку через Кордофан и Дарфур. Это город новый, основанный в 1850 году тогдашним султаном, которому в прежней его резиденции постоянно угрожали набеги горцев. Хотя построенный в местности, очень бедной водой, Абешр приобрел некоторую важность, как военный центр страны и как очаг религиозной пропаганды. Уара, бывшая столица, развалины которой находятся километрах в сорока к северу от Абешра, была покинута жителями: от неё остались только кирпичная мечеть с многогранным минаретом, да на вершине скалы священная хижина, где султан, по обычаю, должен провести неделю при восшествии на престол; говорят, Фогель за то и был предан смерти, что осмелился проникнуть в этот священный домик[1]. От султанских дворцов сохранились лишь бесформенные развалины стен; только одна убогая деревушка, Гандигин, обитаемая несколькими семьями несчастных, ютится теперь в углу амфитеатра песчаных холмов, от которых город получил, в семнадцатом столетии, свое имя Уара, означающее «запертый город». На запад от Уары, город или, вернее, большое местечко Нимро есть центр колонии джеллабов, но не главный складочный пункт товаров этих караванщиков, обходящих страну по всем направлениям. В Уадае почти нет городов в собственном смысле, а только местечки в несколько сот домов; самое большое из них—Кодогус, лежащий в 200 километрах к югу от Абешра, в крае, населенном арабами и абу-шарибами. На северо-западе в горах, местечко Гамиен славится своими теплыми ключами. На берегах озера Фитри, город Яуа слывет одним из древнейших городов Судана: это столица племени булала[2]. Недостаток воды часто был причиной голодовок в стране; во время одного большого неурожая жители принуждены были питаться сердцевиной деревьев и вырубили все пальмы делеб в долине реки Бата.

Султан Уадая, происходящий из нубийского племени гемир, властвует непосредственно только над северной частью государства Эта часть делится, как Дарфур, на провинции, называемые по странам света и управляемые наместниками, или кемакель, которые имеют право жизни и смерти над своими подданными, под условием исправной уплаты султану обычной дани. Но арабские племена этих провинций имеют каждое особого старшину, на обязанность которого возлагается собирание налога, деньгами или натурой. Смотря по роду промыслов и прежде бывшим примерам, подати бывают разные: иные деревни должны доставлять невольников, другие посылают лошадей или рогатый скот, мед или хлеб. Тайный совет, или фашер, помогает султану в управлении страной, а улемы или факихи являются истолкователями закона, т.е. Корана и его комментариев, хотя местный обычай не всегда согласный с предписаниями этой священной книги, еще очень часто соблюдается. Армия, око-

1 H. Barth, цитированное сочинение.

2 D'Escayrac de Lauture, „Memoire sur le Soudan";—Matteucci, цитированное сочинение.

ло 7.000 человек, употребляется главным образом для экспедиций: отряды войска обходят вассальные земли, Багирми, Фитри, восточный Канем, дар-Рунга, чтобы собрать насильно налог, который не был бы прислан добровольно.

III. Канем

В обширном смысле, как область Судана, Канем есть страна в 75.000 или 80.000 квадр. километров, ограничиваемая: на юго-западе—неопределенным берегом озера Чад, на юго-востоке—долиной Бахр-эль-Газаля, на западе—большой караванной дорогой из Борну в Триполи, на севере—линией колодцев, следующих один за другим на рубеже между степью и пустыней. Но в более тесном значении собственно Канем есть треугольное пространство, основание которого составляет озерное побережье, а вершину пересечение двух линий, параллели и меридиана, проведенных из двух углов озера, на севере и юго-востоке. Пространство это обнимает область лесов и возделанных земель,—область, где поселились, в числе около сотни тысяч, все жители Канема. На север простираются, едва пересеченные, равнины Манга, которые уже представляют степь, но еще не пустыню.

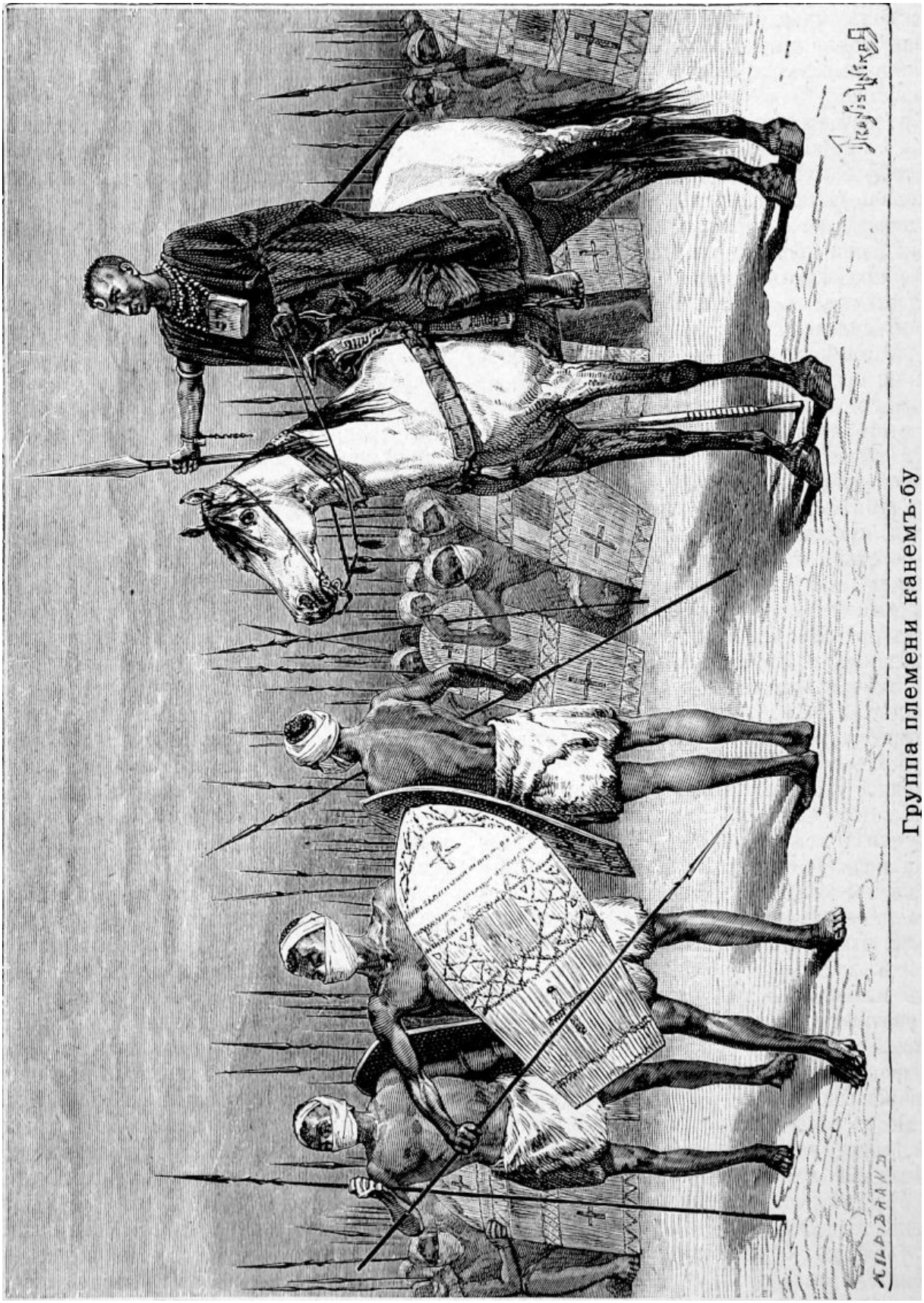
Очаг магометанской пропаганды с начала десятого века, королевство Канем впродолжении пятисот лет было могущественнейшим государством средней Африки; затем, около 1500 года, центр могущества передвинулся в Борну, под напором завоевателей, пришедших с востока, булалов, народа, родственного по расе кануриям. С той поры Канем не вернул себе независимости: он принадлежал последовательно булалам, кануриям Борну, дазам: в настоящее время он повинуется арабам. Эти арабы, из племени аулад-слиман, господствующие теперь в Канеме, и храбрость которых внушает страх всем соседним народцам, далеко за пределами этой страны, составляют, однако, весьма незначительную часть населения королевства. В 1871 году Нахтигаль исчислял их соединенные силы в тысячу человек, из них половина наездников. И тем не менее эта малочисленная группа воинственных кланов, подчас разделенных внутренними ссорами из-за дележа добычи, успела терроризировать все народы страны, заключающейся между Борну, Аиром и Уадаем: у дазов и других украинных народцев северного Судана они известны под именем миннеминне, т.е. «пожирателей». Это меткое прозвище дано им, говорят, за их обжорство, но его можно употреблять также и в переносном смысле: они действительно пожирали землю, на которой разбивали свои шатры: во многих местах проход их отмечен полным опустошением: не осталось ни жителей, ни стад, ни полей. Аулад-слиманы происходят из прибрежных степей Большого Сирта, где и теперь еще живут несколько арабских племен их крови; зимой и весной они кочевали со своими стадами вблизи Средиземного моря, но в начале лета поднимались вверх по долинам уади и проникали в оазисы Феццана, где владели несколькими пальмовыми рощами; затем, тотчас после сбора плодов, опять спускались к морскому берегу. Вследствие продолжительных и кровопролитных войн с турками Триполи, большинство аулад-слиманов принуждены были покинуть родные степи и искать убежища в окружающих странах; некоторые челобитчики пробрались даже ко двору Мегемета-Али. Главная масса прогнанных турками племен бросилась в южном направлении, через Феццан, не затем, однако, чтобы смиренно просить себе приюта у суданских населений, но, напротив, чтобы жить грабежем на счет туземцев, мирных земледельцев или пастухов. Сначала они поселились в Борку, крае, изобилующем пальмовыми рощами; но там им показалось слишком далеко от караванной дороги и от рынков Судана, и, продолжая свой исход из родной страны, они водворились, наконец, в Канеме, непосредственно к северу от озера Чад и в близком соседстве естественного пути, соединяющего рынки Судана с триполийскими портами. Оазисы Куар и солончаки Бильма, обязательные места привала для караванов и рынки всех сахарских племен, сделались главным театром их разбойничьих подвигов, и рассказывают, что впродолжении нескольких лет они захватили там более пятидесяти тысяч верблюдов. Но в своих военных экспедициях они не раз сталкивались с туарегами, и последние решились отомстить им: в 1850 году несколько

тысяч туарегов, почти исключительно из аирского племени кель-ови, на конях и верблюдах, пустившись в погоню за аулад-слиманами, настигли их в Канеме, в 800 километрах от гор Аира, и окружили в одной узкой долине. Едва десятка два арабов избегли смерти от руки туарегов, и можно было думать, вместе с Бартом, что роль аулад-слиманов навсегда покончена в центральной Африке; но менее, чем в двадцать лет могущество этих неукротимых грабителей восстановилось: к пережившим побоище присоединились новые выходцы из Триполи, орфеллы и другие; туземцы, пытавшиеся было свергнуть с себя иго, снова стали просить пощады, и грабежи возобновились по всей стране, простирающейся на север и на восток от озера Чад. Даже султаны Борну и Уадая добивались союза с этими грабителями, и жители многих оазисов в Борку не осмеливались прикасаться к созревшим плодам своих собственных финиковых пальм: они ждали, когда аулад-слиманы придут собирать финики; что оставлял господин, как негодное, тем и должны были довольствоваться трепещущие от страха собственники пальм. Тщетно сенусианские миссионеры грозили хищникам муками ада, если они не перестанут грабить и убивать единоверцев: они не соблюдали мир ислама, потому что не знают другого промысла, кроме войны; труд считается у них постыдным. «Правда,—говорили они Нахтигалю,—правда, что мы живем в беззаконии и грехе; но чтобы добывать иначе средства существования, нам нужно бы было трудиться. Наши отцы никогда не делали ничего своими руками, и было бы позором, изменой не подражать их примеру. При том, зачем проклятые язычники и существуют на земле, как не затем, чтобы работать вместо людей более благородной расы?» Эти «язычники», о которых они говорят, почти все магометане, по крайней мере по имени; они отличаются от аулад-слиманов только расой, а никак не религией, и даже в отношении этнического происхождения разница между ними мало-по-малу изглаживается, так как сыны арабских завоевателей берут себе в супруги женщин всякого рода и племени, из Канема и Борну, из Эннеди, Уадая и Багирми. Вероятно, что «Соломоново» племя (аулад-слиман), постепенно видоизменяясь под влиянием скрещиваний и климата, утратит мало-по-малу ту первоначальную энергию, которая позволила ему создать себе обширное царство в 1.600 километрах по прямой линии от родных долин. Последние рассказы, принесенные из тех стран купцами и сенусианскими миссионерами, заставляют предвидеть, что господство аулад-слиманов в Канеме в конце концов уступит место владычеству Уадая.

Мгарбы, выходцы из Феццана, бывшие прежде наследственными врагами аулад-слиманов, но потом примирившиеся с ними, чтобы «пожирать» коренных жителей Канема, кочуют обыкновенно на востоке, в соседстве степей Манга. Кроме того, в разных частях этой страны поселились другие арабы,—имя, под которым, впрочем, понимают берберские или берберизованные племена, которые теперь вторично видоизменяются от примеси негритянской крови. Самая значительная группа, превосходящая даже кланы аулад-слиманов по численности,—тунджу или тундзер (тунисцы), которые подвинулись до юго-восточных пределов края, между озером Чад и Бахр-эль-Газалем. Это тот же народ, который встречаем также в Уадае и особенно в Дарфуре. Прибыв в страну уже с давнего времени, они успели приспособиться к климату и нравам Канема лучше, чем другие арабы, и некоторые из их учреждений не отличаются от учреждений народа канем-бу. Одна из их деревень носит имя Туниса, в память города, из окрестностей которого пришли их предки.

Прежние владетели страны, канем-бу—т.е. «люди Канема»,—тоже пришли в неизвестную отдаленную эпоху с севера: на это указывает самое имя их, так как слово Канем значит «Южный край», и если жители так называли его, то это, очевидно, потому, что у них сохранилось воспоминание о более северной земле, бывшей ранее их родиной. Точно также у различных племен даза, населяющих север Канема, и среди которых рассеяны становища аулад-слиманов, существует единогласное предание, что предки их были выходцы из северных стран: родственные тедам или тиббусам, на которых они походят наружностью, не обладая, однако, той же красотой форм, стройностью и гибкостью тела, они обитали, вместе с ними, в оазисах, следующих один за другим на юг от Барки; тысячи дазов и теперь еще живут у подошвы гор Тибести, бок-о-бок с тиббусами, и языки этих двух народов принадлежат

к одной и той же семье. Общее движение населения Канема совершается, под давлением кочевников, в направлении с севера на юг. Теснимые аулад-слиманами и мгарбами, канем-бу должны были по большей части покинуть «Южный край»: большое число их направились в

Группа племени канемъ-бу

Борну, и их многочисленные колонии доходят до окрестностей города Кука; другие, чтобы вернее избегнуть нападений грабителей, поселились на болотистых полуостровах Чада или даже в архипелагах этого озера; но самое благородное племя, кубури, охраняемое, может-

быть, воспоминаниями о его былой славе, удержалось на твердой земле, недалеко от северной оконечности суданского внутреннего моря. Большинство дазов и канем-бу, населяющих еще Канем, были пощажены, как земледельцы и пастухи: номады аулад-слиман, неспособные ни к какому труду и живущие единственно войной, принуждены были щадить немного тех из своих соседей, которые занимаются хлебопашеством и пасут стада рогатого скота. Если бы все трудящиеся оседлые народцы покинули страну, кочевникам поневоле пришлось бы последовать за ними далее на юг. Впрочем, можно задать вопрос, не есть ли перемена климата главная, хотя и несознаваемая самими жителями, причина, которая побуждает их постепенно подвигаться к югу. Если правда, как допускают многие ученые, что дожди уменьшились в Северной Африке и почва стала иссыхать, то, очевидно, площадь земледелия должна была соразмерно тому съузиться, и хлебопашцы отступили к югу, вместе с пахатной землей.

В сравнении со своими единоплеменниками тиббусами, канем-бу имеют более темный цвет кожи, и во влажной атмосфере озерной области они сделались выше ростом и дороднее; но им недостает грации, тонкости, чистоты типа, благородства и приятности черт, гибкости походки, изящной тонкости движений. В отдаленных деревнях они не носят никакой одежды, кроме кожаного передника, с ожерельями и браслетами, и покрывают голову высокой фуражкой, привязываемой на нижней части лица белой лентой, в которой можно видеть остаток лицама туарегов и тиббусов. Оружие у них такое же, как у номадов пустыни, за исключением шангор-мангора, или метательного железка. По историческим преданиям, канем-бу—старшие братья кануриев Борну: последние в начале были лишь передовой колонией «людей Канема»; благодаря жительству в стране более торговой и более цивилизованной, они далеко опередили своих канемских соотечественников, но сами называют себя людьми менее благородной расы, и во всяком случае они стали менее чистокровными со времени своего смешения с суданцами всякого происхождения.

Между всеми народцами Канема, нгиджемы и даноа пользуются привилегией независимости: они никогда не покорялись аулад-слиманам. Однако, они принуждены были переместиться, чтобы продолжать с успехом борьбу, и в это последнее время признали себя вассалами Уадая. Даноасы, известные у их соседей дазов и арабов под именем «кузнецов», хотя ни предания этих туземцев, ни их искусство в обработке металлов не объясняют этого названия, живут, в числе около шести тысяч душ, в юго-восточной части Канема; главная их группа поселилась в местечке Нгури и в его окрестностях, среди лесов, находящихся километрах в сорока от берегов озера Чад. По наружности даноасы не отличаются от канем-бу и, также как эти последние, говорят языком канури; но их предание приписывает им другое происхождение, указывая на сродство их с мангами, значительным племенем, обитающим западнее, в Борну, на берегах реки Иеу: действительно, у этих двух народцев, хотя живущих далеко один от другого, замечается полное сходство в способе постройки селений, которые они окружают плетнем; оружие у них тоже одинаковое—лук и стрела. Когда появляется неприятель, даноасы убегают в прилегающий к селению лес и, укрываясь за деревьями, пускают в нападающих стрелы, отравленные ядовитым соком молочая или ластовня (calotropis procera). Из всех племен Канема одни только даноасы употребляют для своей обороны отравленное оружие.

Островитяне озера Чад, хотя принадлежащие по большей части к другим расам, чем жители твердой земли, связаны по крайней мере географически с населениями Канема. Изменчивый архипелаг островов, лежащий в соседстве восточного берега, довольно доступен, так что беглецы всегда могут найти себе убежище на каком-нибудь пустынном островке, а с другой стороны он довольно хорошо защищен водами и болотами от нападений неприятеля. Многочисленные семьи канем-бу, дазов и других беглых из Канема занимаются там скотоводством, либо временно, либо оседло; сотни арабов, известных под именем ассала, живут уже в течение ряда поколений в бухте между дельтой Шари и истоком Бахр-эль-Газаль; говорят, нередко бывали случаи, что низвергнутые султаны Уадая переходили пролив озера

Чад, чтобы спастись от своих врагов.

Кури, занимающие около пятнадцати островов на север от входа «реки Газелей», слывут за аборигенов: это первоначальные владетели края, и ни одно предание не указывает эпохи, когда они жили на твердой земле. Эти туземцы отличаются очень темным цветом кожи, высоким ростом, сильным телосложением: очень мало разнящиеся от племени макари, на южном берегу суданскаго моря, кури говорят особым наречием языка этого племени и ведут довольно деятельную торговлю с жителями материкового побережья. Вследствие смешения с другими островитянами, арабами и канем-бу, кури различно видоизменились в этнографическом отношении и в наиболее отдаленных от Бахр-эль-Газаля архипелагах образовали подрасу иедина или буддума. Около шестидесяти островов населены этими варварами, численность которых Нахтигаль определяет приблизительно в пятнадцать тысяч душ, что составит половину общей цифры островитян этого озера. Скотоводы, рыболовы, звероловы, лодочники и торговцы, иедины, сгруппированные в маленькия вольные общины, бывают также при случае пиратами, и хотя называют себя для формы вассалами султана Борну, дабы иметь доступ на рынок его столицы, не стесняются, однако, грабить некоторые деревни, обитаемые подданными их мнимого сюзерена; но есть селения, которых они никогда не трогают, в силу традиционной дружбы или специальных полюбовных соглашений[1]. После больших дождей, когда воды озера зальют поля и луга архипелага и проникнут далеко в русла притоков и болотистые впадины побережья, иедины принуждены посылать домашнюю птицу, лошадей и коров на твердую землю Канема; но это переселение не всегда обходится без убытков, и иедины иногда стараются возместить свои потери, делая нападения на прибрежные деревни: высокий уровень воды позволяет им пробраться ночью в самое селение, и, сильные числом, они убивают мужчин, а женщин и детей уводят в плен. Государи Борну не догадались еще построить хоть какой-нибудь флот для преследования грабителей в лабиринте островов, которые служат им убежищем. На водах озера Чад часто происходят настоящие морские баталии, но только между иединами и кури; иной раз в такой битве участвует до двухсот больших лодок. Эти беспрестанные войны уменьшают население, которое от естественного прироста возрастало бы чрезвычайно быстро, как у большинства населений, питающихся преимущественно рыбой: не редкость встретить семьи, имеющие до десятка детей. Кури, представляющие собою цивилизованный элемент архипелага, все магометане; иедины же магометане только по имени, и многие языческие обрядности им более любы, чем религиозные церемонии, введенные исламом: жрец, или «страж веры», заботливо хранит тыквенный сосуд, камень и священный меч, которые он употребляет для исцеления от болезней, бесплодия, дурного глаза, и которыми он орудует при своих воззваниях к Наджикенему или Великому Духу, производящему волны на озере и разбивающему лодки; они почитают также духа озера, которого они представляют себе в виде исполинского змея. Когда иедин умирает на твердой земле, его родные заботятся о том, чтобы тело его было привезено с материка и похоронено на родном островке; но чужак, скончавшийся в архипелаге, бросается в воду, из опасения, чтобы кости его не осквернили священной земли.

Долины Бахр-эль-Газаля менее населены, нежели архипелаги суданского внутреннего моря: общее число их обитателей едва-ли превышает десять-двенадцать тысяч. В этих узких, со всех сторон открытых набегам, ложбинах живут только бродячие арабы племени аулад-гамед, да пастухи языка даза, народцы сакерда и креда: это последнее имя сделалось синонимом «язычника» в устах аулад-слиманов, потому, что при таком значении слова всякое насилие над этими несчастными считается позволительным. Когда эпизоотии уничтожили почти весь рогатый скот, составлявший единственное богатство кредасов, большинство последних принуждены были приняться за обработку почвы; но из опасения быть ограбленными и даже обращенными в рабство аулад-слиманами, они покинули край, чтобы поселиться восточнее, под более действительное покровительство уадайского султана. Правда, что, по политической фикции, верховная ленная власть этого султана простирается далеко за реку

1 H. Barth, цитированное сочинение.

«Газелей», в пределах Канема, но аулад-слиманы признают это притязание только тогда, когда чувствуют себя слабее, и потому мирные племена, как племя креда, стараются выбирать себе место жительства подальше от этих опасных грабителей.

Мао, город Канема, где имеет пребывание более или менее действительный представитель уадайского султана, лежит в восточной части «королевства». В 1871 году это была группа около полутораста хижин, с соломенными крышами, построенных при входе в большую равнину; группа эта недавняго происхождения; за несколько лет перед тем, когда имя Уадая менее уважалось окрестными населениями, губернатор должен был устроить себе временную резиденцию в шести или семи километрах к северо-западу, в позиции, довольно хорошо защищенной от нападений. Мао находится почти в центре исторической области Канема; и вокруг этого местечка, в пятидесяти-верстном районе, расположены все значительнейшие городские поселения страны. Нджими, бывшая столица государства в эпоху его могущества, до нашествия булалов, находилась в одном две ходьбы на северо-восток от Мао; далее, в однодневном переходе к западу, стоит город Гала, который прежде был населен благородным кланом Кубури. В несколько меньшем расстоянии к югу находится красивая деревня Яггубери, лучше построенная, чем Мао, и обитаемая, как и эта столица, туземцами языка канури; окрестная местность слывет «житницей» Канема. Километрах в двадцати на юго-восток от Яггубери стоит арабский город Мондо, населенный тунджерами; это самое значительное городское поселение в Канеме: там насчитывается свыше тысячи жителей. На полпути между Мондо и берегами озера Чад следуют одна за другой две столицы, принадлежащие к общинам, сохранившим независимое существование: Нгури, город племени даноа, и Дибелончи, город племени нгиджем. Недалеко от местечка Мао погиб путешественник-исследователь Беурман, в 1863 году: считая его неуязвимым для железа и свинца, убийцы удавили его глухой петлей.

IV. Борну

По мнению туземцев, которые претендуют на знакомство с литературой, но для которых этимология есть не более, как игра ума, истинное имя этой страны—Бар Ноа, т.е. «Ноева земля»: такое название дано-де ей мусульманскими миссионерами за изумительное плодородие почвы. Затем легенда овладела этим словом, чтобы поведать, что тут находится место, где остановился Ноев ковчег после всемирного потопа. Но где же этот африканский Арарат в обширной равнине Борну? На южном берегу озера Чад стоит уединенный утес, Хаджар-Теус, иссеченный в виде колонн, обелисков причудливых форм: этот камень Судана и оспаривает у колосса Армении и у многих других гор честь принятия на свою вершину предков человеческого рода[1].

Пределы королевства точно обозначены только на востоке—озером Чад и течением реки Шари. На севере не может быть границы, так как переход между степной областью и пустыней постоянно меняется под влиянием ветров, дождей и других явлений климата, а также потому, что грабители, аулад-слиманы или туареги, часто вынуждают мирных земледельцев отступать к югу. Южные границы тоже очень неопределенны, по причине почти непрерывной войны между мусульманскими населениями и языческими народцами гористой области. На западе раздельная черта между двумя цивилизованными государствами, Борну и Гауссой, довольно ясно отмечена, но местные революции часто изменяли её. Поэтому невозможно указать действительные размеры пространства этого королевства: приблизительно Нахтигаль определяет это пространство в 110.000 квадр. километров. Что касается народонаселения, то Барт полагает, что оно превышает пять миллионов душ, и Нахтигаль, который имел возможность подробнее изучить страну, тоже принимает эту цифру, как наиболее вероятную. Следовательно, плотность населения в Борну почти вдвое меньше населенности

1 Denham and Clapperton, „Wanderings and Discovieries“.

Франции.

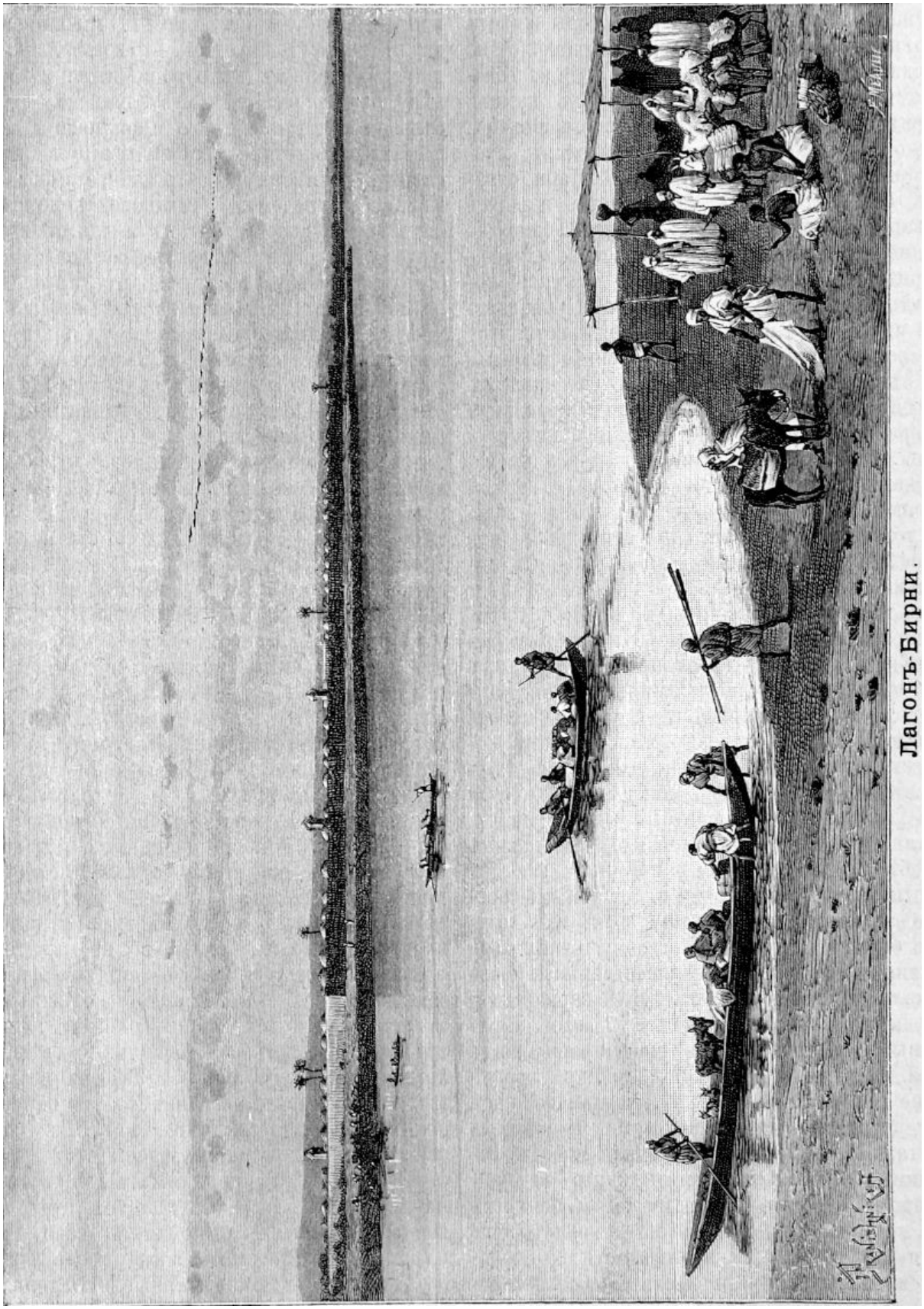
Жители Борну, берауны, очень смешанного происхождения, представляют удивительное разнообразие в отношении цвета кожи, роста и черт лица; в этой области, где в течение веков встречались люди различных рас для торговых сношений или сталкивались в битвах, где они медленно перемещались, вследствие набегов хищнических племен, не сохранилось никакого определенного типа; нужно идти к полу-независимым населениям, живущим в отдаленных, захолустных местностях, чтобы найти более или менее многочисленные группы, члены которых имеют сходство между собою по характеристическим чертам телосложения, черепа и лица. С точки зрения физической красоты, нельзя сказать, что это смешение до бесконечности различных этнических элементов выгодно отразилось на обитателях Борну. Отличаясь, в большинстве, средним ростом, они неуклюжи, лишены естественного равновесия в своих движениях, и их татуированные физиономии, черного цвета, впадающего в красный или серый, никогда не имеют той правильности черт, какая замечается у их соседей, туббусов и канем-бу. Обыкновенно женщины еще уродливее, чем мужчины, и чрезмерная полнота от излишка жира крайне безобразит их фигуру.

Имя «канури», которое носят уже несколько веков жители Борну, не есть название расы: оно означает просто цивилизованных резидентов, с которыми мало-по-малу сливаются разнородные этнические элементы, приведенные в страну торговлей, невольничеством, войной или мирной эмиграцией. Смысл этого слова неизвестен, хотя сами канури, при помощи одного из тех выгодных для себя толкований, которые всегда легко найти ради самовосхваления, производят это имя от арабского *нур*, «свет», и называют себя ка-нури, или «людьми света», именем, заслуженным, как они думают, их миссией просветителей в темном мире язычества. Правда, что фанатики фулы подыскали другую этимологию, производимую от *нар*, «огонь», и называют жителей Борну, вообще не очень горячих мусульман, именем канари или «людьми огня», т.е. «осужденными на огнь вечный ада». Быть-может, имя канури имеет связь с именем Канема, страны, откуда пришло большинство эмигрантов. Движение с востока на запад, обнаружившееся в Канеме, распространилось также в Борну. Гауссанцы, ныне вытесненные в бассейн Бенуэ, кажется, жили прежде на берегах озера Чад, судя по тому, что дазы и теперь называют обитателей этой страны коллективным именем аусса, которое оправдывается только преданием.

Повинуясь эмиграционному движению, продолжающемуся из века в век, различные племена канем-бу, дазов, тиббусов проникают в Борну, чтобы там мало-по-малу раствориться в канурийском населении. Таково племя магоми, живущее на юго-запад от столицы. Будучи благородной расы и называя себя происходящими от того же рода, как древняя фамилия, царствовавшая около тысячи лет над Канемом и Борну, магомы в силу своего происхождения обязаны были быть первыми в бою: они составляли авангард армий, но взамен того освобождались от всяких податей и налогов. Сюда же принадлежал племена сугусти и томагера, обитающие в прибрежных болотах озера Чад, и племя коям, западные соседи города Кука, которые одни между эмигрантами, пришедшими из степей северо-востока, сохранили верблюда, как домашнее животное. Что касается древних обитателей страны, племени со, то они тоже должны были раствориться в массе канурийского населения: очутившись между двух огней, между переселенцами из Канема и другими завоевателями, пришедшими с юга, племенем макари, они легко были побеждены и быстро исчезли, как особый элемент, отличающийся языком и нравами. Керибины,—маленький народец, обитающий на левом берегу нижней Шари,—считаются наименее смешанными потомками древней нации. Это звероловы, презираемые остальным населением, по причине их крайней бедности: хотя магометане, они без угрызения совести питаются мясом диких кабанов, сраженных их стрелами.

Юго-восточная часть страны, к западу от реки Шарии занята той нацией котоко или макари, которая помогла канурiям раздавить коренные населения. Еще более неуклюжие, чем канурии, чаще имеющие одутловатое лицо и цветом кожи чернее, макари, повидимому, и по умственным способностям стоят ниже других негров Борну, но они отличаются настойчиво-

стью в труде, как земледельцы, ремесленники и рыболовы, и произведения их промышленности представляют широкий стиль, по которому их работу легко узнать между тысячами подобных предметов на рынках Судана. Мирное племя камергу. живущее недалеко от юж-

Лагонъ-Бирни.

ной оконечности озера Чад, и племя мандара или уандала, обитающее южнее, на склонах гор, мало разнятся от макари по расе, нравам и языку: подобно макари, они приняли ислам и подчиняются господству султана Борну. Но в наименее доступной части гор живет незави-

симый царек Сегур, отправляющий, по рассказам купцов, и функции жреца: говорят, что он исповедует культ камней и приносит им в жертву петухов и овец. Точно также соплеменники мандарасов, мусго, прибрежные жители западной Шари, остались язычниками, хотя некоторые из их главарей из тщеславия называют себя мусульманами,—синоним «цивилизованных»,—и признают верховную власть главного начальника, имеющего пребывание в Куке; главный их *сафи* или фетиш,—копье, воткнутое в землю. Мусго, которые красивее и сильнее цивилизованных макари, не имеют другой одежды, кроме кожаного передника и веревки вокруг шеи; оружием им служит шангормангор или метательное железко, как у большинства воинов северной Африки; в битве они надевают латы из толстого соломенного плетения или из буйволовых шкур, шерстью внутрь. С. лошадьми они обращаются жестоко: так как у них нет ни седла, ни узды, то чтобы крепче держаться на коне, они делают порезы на спине животного, и кровь приклеивает их ноги к этим ранам. Пленных они убивают, отрубая им ногу и давая истечь кровью. У женщин мусго весь костюм состоит из простого запона, ожерелья, амулетов, но ни одна из них не обходится без украшения, состоящего из пластинок, костяных или металлических, продетых в обе губы. Когда они говорят, эти две пластинки ударяются одна о другую, что сообщает чрезвычайно странный звук их голосу, и без того уже очень богатому гортанными и шипящими звуками. Путешественники были не мало удивлены, увидев у этого варварского народа дома из глины, с куполами, украшенными шевронами в виде правильных линий. Могилы у этих туземцев гораздо лучше содержатся, чем у мусульман; все они украшены двумя полосами в форме креста: это, может-быть, и дало повод соседним населениям считать мунго за христиан; даже Денгам готов был поверить этой легенде. Жрецы в племенах мусго почти не имеют никакой власти, но пользуются некоторыми привилегиями, между прочим, привилегией играть на дудке, из которой они умеют извлекать довольно мелодические звуки.

На запад от народца мусго, в гористой области, разделяющей бассейны озера Чад и реки Бенуэ, государство Борну и провинцию Адамауа, живут другие языческие населения, называемые марги, которые скрываются в лесах, чтобы поклоняться своему божку, *гумби*, имеющему пребывание на самом красивом, развесистом дереве. Впрочем, эти идолопоклонники не питают никакой вражды к исламу, напротив—относятся с большим уважением к обращенным в новую веру, ибо в их уме мусульманская религия сливается с понятием о цивилизации: в их глазах магометане—все те, кто не ходит нагишом и умеет сказать наизусть фразу из Корана, впрочем, одинаково непонятную, как для слушающего, так и для произносящего её. Марги и их южные соседи, сани, составляют особую расу: по Барту, наречия их не походят на говоры сопредельных наций в Борну и представляют лишь некоторое отдаленное сходство с диалектами мусго и бабиров: по некоторым признакам они составляют переход между суданскими идиомами и языками племени банту в южной Африке. Физически марги тоже резко отличаются от соседних населений. После грубых, неуклюжих канури и макари, любо посмотреть на этих стройных, статных негров, с почти европейскими чертами, с едва губастым ртом, широким лбом, курчавыми, но не косматыми волосами, с бронзовым или красноватым цветом кожи; те из них, у которых кожа черная, повидимому,—смешанного происхождения. Многие из женщин этого племени (марги) могли бы поспорить с тибусскими красавицами в отношении правильности черт, грации и гибкости тела. Большинство не имеют другого одеяния, кроме передника, но они украшают себе лицо при помощи маленького металлического конуса, вводимого в кожу подбородка непосредственно под нижней губой; впрочем, этот блестящий брелок, носить который очень тягостно и даже больно, не кажется в глазах европейцев безобразящим физиономию, напротив—он составляет приятный контраст с матовой бронзой кожей. У марги нет деревень в собственном смысле: их хаты, обыкновенно построенные на возвышении, всегда стоят особняком и окружены полями, принадлежащими семье. В случае пожара редко случается, чтобы огонь распространялся с горящей хижины на соседнюю; но в стране, часто посещаемой охотниками на невольников, было бы полезно теснее группировать жилища и окружать селения оградой. Сколько раз мирные обитатели стоящей особняком хижины подвергались внезапному нападению и с

завязанными ртами уводились в неволю негропромышленниками, при чем соседи их ничего не знали о совершившемся злодеянии. Когда Барт пришел к марги, не затем чтобы сделать им зло, как все иноземцы, но чтобы протянуть им руку и поговорить с ними дружески, они вообразили, что к ним явился бог, чтобы заставить их забыть, хоть на один день, несчастия и ужасы жизни. Марги еще не приспособились к новому социальному состоянию, созданному частыми войнами: у них сохранились нравы, какие свойственны нации, доверяющей своим силам; в половине настоящего столетия они могли снарядить разом до 3.000 воинов. Эти чернокожие оплакивают смерть только молодых людей и, напротив, радуются, когда старик, тяготящийся жизнью, отходит к праотцам. В некоторых отношениях, хотя считаемые варварами, марги цивилизованнее своих соседей; так, например, они уже с давнего времени практикуют оспопрививание, почти неизвестное в остальном Борну.

На другом конце этого государства, северо-западная область занята мангами, народом совершенно отличным от канури и, быть-может, имеющим сродство с племенем со, подобно народцу карибина. Манги пребывают еще в полу-диком состоянии; одежда их ограничивается куском кожи, а оружием служит топор, лук и стрелы; женщины их покрывают себе лицо материей темного цвета. К западу манги смешиваются с гауссанцами, тогда как на юге они соприкасаются с варварскими населениями. Вдоль гористой границы, отделяющей Борну от Гауссы, следуют один за другим различные народцы: бедде, нгиззем, керри-керри, фика, бабир, не вполне подчиненные исламу. Нет сомнения, что мирные сношения с соседями мусульманами превратят их мало-по-малу в гауссан или в канури, подобно тому, как это случилось с прежними аборигенами низменных равнин. Между негритянскими нациями и инородцами есть и другие расы, представляемые эмигрантами. Так, фулы основали в разных местах несколько колоний, особенно на юго-востоке, в земле мандарасов, и почти незаметно от общины пробираются все далее и далее среди языческих населений юга; но поступательное движение этих пришельцев совершается далеко не так быстро, как во многих западных странах, и даже они отступили с начала нынешнего столетия, эпохи, в которую одно из их нашествий чуть было не кончилось низвержением царствующей династии. Туареги, в Борну называемые киддин, подвинулись маленькими группами внутрь территории мангов и в землю канури; даже один город, на юге от озера Чад, говорят, населен потомками туарегов, неизвестно как забравшихся в местность, столь отдаленную от пустыни.

Наконец, арабы тоже довольно многочисленны в этой части Судана. Те представители этой расы, которые известны под именем шоа или шуа, и общее число которых нужно считать по крайней мере в 100.000 душ, живут в Борну уже несколько поколений, и многие из них, более или менее смешанные с туземными населениями, уже не отличаются ни светлым цветом кожи, ни правильными чертами своих предков; но язык, поддерживаемый чтением Корана, сохранился в замечательной чистоте. Они не уберегли верблюда в своих странствованиях к югу, но разводят лошадей и рогатый скот или даже, покидая совершенно пастушеский образ жизни, селятся оседло и обработывают землю; самые храбрые между обитателями Борну, они всегда образуют авангард в военных экспедициях. Из всех арабских племен самое многочисленное, но и наименее чистое по расе—племя саламат, поселившееся на запад от Шари, в территории народа макари. Кажется, можно считать доказанным, что в целом арабское население Борну уменьшается под влиянием климата, слишком сырого для него. Конное войско, которое это население поставляло некогда султанам, уже не могло бы быть набрано в наши дни; также и ежегодная дань лошадьми и коровьим маслом в последнее время значительно сократилась. Впрочем, уменьшение числа арабов отчасти объясняется великим исходом, который совершился в пятидесятых годах этого столетия, под влиянием горячих проповедей одного феллатского миссионера: жители некоторых городов тысячами последовали за проповедником в Мекку; называют местечки, в которых не осталось ни одной живой души. Все эти арабы, более или менее чистокровные, пошли увеличить число тех такруров или такариров, которые так удивляют скептических обитателей Мекки пылкостью своей веры.

Племенной состав населения Борну, по Нахтигалю: канури—1.500.000; канем-букойям, теда, даза и проч.—750.000; макари и киребина—750.000; мандара, камергу, марги и проч.—250.000; манга—750.000; гауссауа, фула, туареги—650.000; арабы—100.000 душ.

Язык канури, являющийся самым могущественным элементом ассимиляции для всех этих разноплеменных населений, отличается между негритянскими идиомами такими чертами, которые свидетельствуют о близком сродстве его с говорами тиббусов и баэле и, следовательно, о его северном происхождении: однако, между этим языком и суданскими языками, как-то: гаусса, наречия племени со, багирми, замечается удивительное сходство в синтаксисе и словах, особенно, что касается наиболее употребительных имен существительных и глагольных форм. Арабский язык, несмотря на специальный авторитет, который дает ему обладание «священной книгой», не сделался в Судане преобладающим: в сравнении с канури, более гибким, более способным к обновлению, но не имеющим еще своей особой азбуки, арабский—язык мертвый, уважаемый, но вышедший из употребления. Также как народ, который им говорит, он утратил свое влияние в той части суданского мира, где озеро Чад занимает центральную впадину. При султанском дворе, в Куке, арабская речь перестала быть оффициальным языком, и даже те, кто знает ее, притворяются непонимающими по-арабски и прибегают к помощи толмача[1].

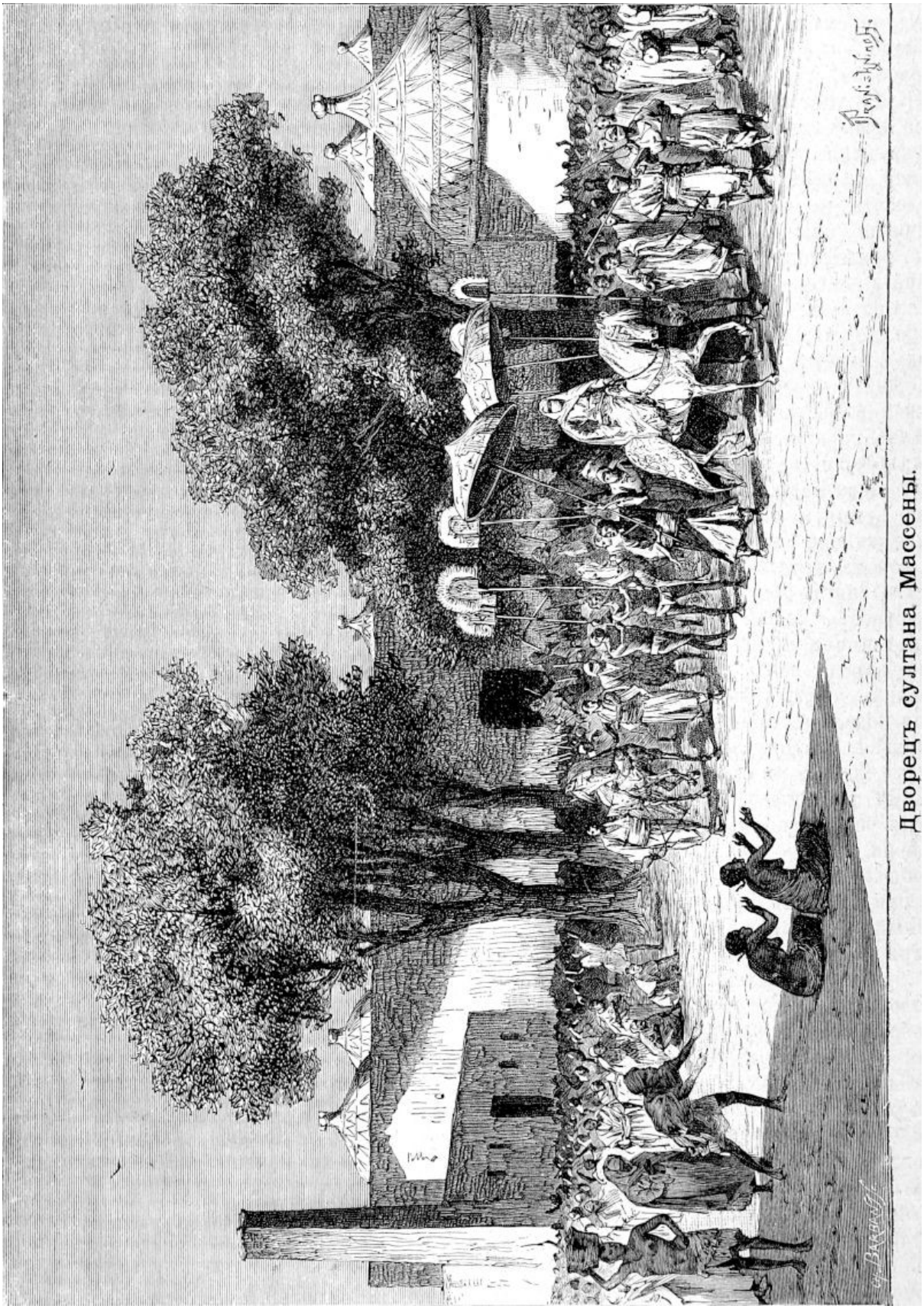
Народ канури отличается многими замечательными качествами. Берауны, или борнуане, очень трудолюбивы, и у них, за исключением, разве высших классов, не встретишься с таким явлением, чтобы мужья или отцы сваливали бремя труда на женщин или невольников. Почти все единобрачные, земледельцы в Борну работают в поле каждый со своей женой; точно также в ремесленном или кустарном промысле муж и жена вместе занимаются тканьем, крашеньем или гончарным производством. Женщины считаются равными мужчине, но они имеют право на всякую предупредительность с его стороны: им подобает первое приветствие. Трезвость—общая добродетель; в этом отношении обращенные в магометанство гораздо строже соблюдают предписания ислама, чем сами обратители. Дома свои канури держат в несравненно большей чистоте и опрятности, нежели арабы; пол в жилье всегда тщательно выметен, и подстилка у скота часто меняется.

Образование более распространено у канури, чем у их соседей, жителей Канема, Гауссы, Багирми; в городах открыты школы для мальчиков, а в столице, Куке, имеется даже библиотека (частная), самая обширная, какая существует в Судане, на восток от Томбукту. Вообще борнуане слывут самым цивилизованным народом средней Африки, и произведения их промышленности высоко ценятся на тамошних рынках. В металлургических производствах они очень искусны, умеют даже лить пушки; но до сих пор ими ничего не сделано для улучшения естественных путей сообщения; для переправы через реки у них имеются только лодки и плоты из связок тростника, поддерживаемых на воде выдолбленными внутри тыквами, как танкауа абиссинцев. Недостатком дорог и происходящей от того дороговизной товаров объясняется существование некоторых промыслов, которые, при более деятельной торговле, должны быстро исчезнуть; так, на берегах озера Чад жители многих деревень занимаются исключительно тем, что жгут корни известных растений, особенно сиуака (capparis sodata), для получения их золы, употребляемой вместо поваренной соли.

В низменных местностях Борну самая обыкновенная и самая опасная болезнь—отравление болотными испарениями. Лихорадки, вызываемые малярией, господствуют в сезон дождей; ни один иностранец не избегает этой болезни, которая уносит много жертв; сами туземцы страдают от ядовитых миазмов, хотя у них лихорадка представляет вообще менее серьезный характер; некоторые желудочно-кишечные болезни, которым никогда не подвергаются чужеземцы, но которые очень обыкновенны у канури, повидимому, порождаются малярией, так как учащение их совпадает с влажностью воздуха и почвы. Глазные болезни также сильно распространены среди населения Борну; подкожная глиста, так называемый струнец «мединский» или «гвинейский», появление которой наблюдается тоже в период до-

1 G. Rohlfs, цитированное сочинение.

ждей, очень опасна в низменных местностях: особенно следует опасаться, говорят, соседства луж, осененных нильской акацией. В целом, страна, в одно и то же время жаркая и сырая, которая простирается на юг от области степей, имеет нездоровый климат, и в движении её

Дворецъ султана Массены.

народонаселения значительная рождаемость едва уравновешивает смертность. Более половины детей умирают уже на первом году жизни. Животные тоже много страдают от малярии, и во время сильных дождей повальные болезни часто истребляли большую часть скота.

После эпизоотий целые населения принуждены были перейти от пастушеского состояния к земледельческому.

Столица этой области часто меняла место. Насколько необходимо, в силу местных условий, именно пересечения естественных путей, существование значительного городского поселения в этой обширной и плодоносной равнине, где совершается переход между двумя климатами, двумя природами, двумя расами, и где дорога с Нигера на Нил перерезывает дорогу от Средиземного моря к заливу Биафра, настолько же безразлично, в каком пункте равнины будет находиться этот город: почва везде плодородна, и проторенные дороги всегда легко доступны для движения караванов, разве только в период дождей, когда ручьи разливаются и почва покрыта лужами. Первая столица, Каср-Эггомо или Бирни, т.е. «Резиденция», была расположена в среднем бассейне реки Иеу и в соседстве озера, на границах территории племени манга: с вершины окрестных холмов она представляет странный вид: внутренность её овальной ограды поросла травой и кустарником, тогда как снаружи эту стену со всех сторон обступили высокие деревья густого леса, так что внутреннее безлесное пространство походит на громадный ипподром. Недалеко от суданского Парижа, который, по Денгаму и Клаппертону, вмещал в себе не менее 200.000 жителей, хотя ограда имеет всего только 10 километров в окружности, султаны имели пребывание в Гамберу, канурийском Версале, построенном на берегу реки Иеу, в очень плодородной местности, которую и теперь еще называют «садом Борну», и где сохранились остатки султанских прудов. В 1809 или 1810 году феллатские завоеватели стерли с лица земли оба эти города, и султан, бежавший к озеру Чад, должен был построить себе новую столицу, которая называлась Кафилой или Бирни-эль-Джебит, т.е. «Новая резиденция», но она просуществовала только несколько лет, и жители её переселились в соседний город Нгорну, город «Благословения», построенный у юго-западного угла озера Чад. Затем перемена династии повлекла за собой основание новой резиденции, названной Кукой, от баобаба, стоявшего на выбранном месте. Имя Кука, употребляемое в западном Судане. на языке канури значит «Два баобаба».

Кука, один из больших городов внутренней Африки, имеет, по Нахтигалю, от пятидесяти до шестидесяти тысяч жителей, не считая пилигримов, купцов, авантюристов, приходящих сюда из всех частей Судана и магометанского мира, от Марокко до Месопотамии; вместе с окрестностями, население его, вероятно, превышает сто тысяч. Город состоит из двух отдельных частей, двух правильных параллелограммов, окруженных стенами, в соседстве которых рассеяны группы хижин; с окружающей равнины, которая простирается к юго-западному берегу озера Чад, город едва приметен: его можно принять скорее за лес, так как каждое жилище обсажено деревьями. Западный город, представляющий правильный четыреугольник, пространством около 4 квадр. километров,—самая многолюдная половина Куки: главная его площадь или дендал всегда полна народа: тут толпятся покупатели и продавцы, снуют бедные студенты, выпрашивая подаяние, гарцуют гордые наездники в ярких мантиях, медленно прогуливаются молодые щеголи в вышитых разноцветными шелками рубашках, с шалью, обмотанной вокруг бедер, концы которой волочатся по земле на манер трэна. Восточный город, где обыкновенно живет султан и большинство придворных, сравнительно имеет пустынный вид, и редкие прохожие теряются в обширной аллее дендаля. В дождливый сезон бульвары и улицы изображают из себя болота, среди которых извиваются тропинки; образуются даже пруды, и во время пребывания там Нахтигаля в одной из луж поселился маленький крокодил, живший кухонными отбросами, которыми его любезно угощали обитатели соседних домов: страшное зловоние распространяется от этих клоак, которые служат главным источником болезней, опустошающих город. Дома вельмож представляют кубические массы из глины, очень низкие, без окон, без наружных украшений, которые приходится поправлять каждый год, при первых дождях, потому что крыша от жары трескается во всех направлениях; чтобы спасти материи и всякие дорогие предметы от дождя, их запаковывают в кожаные мешки, или, у богатых людей, в чемоданы, привозимые караванами из Триполи. Хижины женщин, имеющие форму колокола или головы сахара, строятся проще; остов из древесных ветвей, обшивка из соломы или тростника—и жилище готово; на вер-

хушке конуса торчит палочка, украшенная страусовыми яйцами,—обещание плодовитости для обитательниц дома. Эти женские хижины гораздо более непромокаемы и менее вредны для здоровья, нежели постройки из битой глины: их можно омеблировать полнее, и в каждой такой хате тыквенные сосуды, разные принадлежности хозяйства, кухонная утварь развешаны по стенам или расставлены на полу.

К двум городам-близнецам, образующим борнуанскую столицу, и к пригородным и деревням прибавляется, раз в неделю, другой город, устраиваемый из ветвей и парусины: это стан большого рынка, где собирается, средним числом, свыше десяти тысяч человек. Своим коммерческим процветанием Кука обязана безусловной свободе торговых сделок: иностранцы и туземцы привозят и вывозят всякие продукты и товары, не платя никаких пошлин или сборов; нигде свобода торговли не практикуется более искренни[1]. Ярмарочное поле находится за западным городом, в самой высокой части почвы, поднимающейся над уровнем исключительных наводнений. На этом поле сходятся люди всех африканских рас, и продаются произведения всех стран: рядом с дамасскими коврами и стамбульскими кафтанами разложены европейские товары, представляемые главным образом итальянской промышленностью. Иголки в огромном спросе; Барт, у которого был с собой большой запас этого товара, стяжал себе громкую славу во всем Борну под именем «Игольного принца». Путешественники удивляются, находя на рынке Куки драгоценные вещи по очень низкой цене, что объясняется тем фактом, что большинство этих товаров уже были в употреблении; суданская ярмарка есть нечто в роде «Тампля» для материй, купленных из вторых рук и привезенных из Египта и Малой Азии. Но из всех предметов торговли, обращающихся на рынке Куки, самая ходовая статья—это товар человеческий: невольники, евнухи, придворные карлики. В 1870 году Нахтигаль видел, как из этого города отправлялся караван, уводивший 1.400 невольников, из которых около трети предназначались для Египта; остальных предполагалось продать в Рате и в Триполи. Рольфс рассказывает о другом караване, который увел 4.000 пленников: уходя последовательными отрядами, он употребил две недели на выступление из Куки. Источниками для снабжения этого рынка невольниками служат, во-первых, экспедиции, снаряжаемые борнуанским правительством в окрестные непокоренные земли, далее дань, уплачиваемая вассалами султана в натуре, и, наконец, закупки живого товара, делаемые купцами в Гауссе, Адамауа и особенно в Багирми. Нет сомнения, что ослабление и, рано или поздно, совершенное прекращение негроторговли будет иметь следствием уменьшение важности и размеров торгового обмена на рынке Куки; точно также можно предвидеть, что слоновая кость, которую Триполи получает еще отсюда ежегодно в количестве от 20.000 до 25.000 килограммов[2], ценностью на полмиллиона франков, пойдет другим, более удобным путем—по течению Бенуэ и Нигера. Караваны, перевозящие слоновые бивни, употребляют до пяти месяцев на переход, при чем ежедневный труд навьючивания и развьючивания верблюдов составляет накладной расход, поглощающий почти треть цены товара. Однако, как ни значительны потери, которым подвергается торговля Куки, пока не будет устроено железнодорожное сообщение с побережьем Средиземного моря, но, тем не менее, географическое положение столицы Борну обеспечивает за нею одно из первых мест в движении торгового обмена средней Африки. Для купцов представляется еще та выгода, что в Куке они находят население всегда мирное и цивилизованное, не чуждающееся иностранцев; никогда здесь порядок на базарах не нарушается спорами и криками. Кроме того, в этом городе торговый люд давно уже пользуется одним важным удобством, которого недостает большинству других африканских рынков: это существование денежной единицы. В первой половине настоящего столетия был установлен султанским повелением, как представитель ценностей, серебряный талер или *гурс*, с изображением императрицы Марии Терезии, или с колонками, на подобие испанского дуро. Мелкой разменной монетой служит каури: во время путешествия Нахтигаля четыре тысячи этих раковин представляли ценность гурса.

1 G. Rohlfs, цитированное сочинение.

2 Westendorp, „Der Elfenbeinhandel in Afrika“, Ausland, 21 декабря 1885 г.

Второй, по числу жителей, город собственного Борну, называемый Нгорну, стоит верстах в тридцати к юго-востоку от Куки, на самом берегу озера, которое затопляет его в период дождей. Иногда две трети города бывают залиты, и вследствие размывания, совершающагося из года в год на западном берегу, хижины должны постепенно перемещаться: город мало-помалу отодвигается на запад, как и все прибрежные селения. Одна из пристаней столицы, Мадуари, куда велел себя перенести путешественник Овервег, чтобы умереть в виду озера, которое он объехал первый из европейцев, тоже отступает постепенно к западу, и во время пребывания Нахтигаля в Борну поговаривали о перенесении Куки на более возвышенное место, недосягаемое для вторжений озера. К опасности наводнения присоединяется еще, для жителей Нгорну, постоянная опасность разбойничьих набегов. Женщины, невольники, работающие в садах, должны каждую минуту бояться, что грабители иедины выскочат откуда-нибудь из засады, чтобы схватить их и скованных бросить на дно своих барок. Города Кауа и Баруа тоже, подобно Нгорну, подвергаются внезапным нападениям этих пиратов. Городам северного побережья постоянно грозит другая напасть—набеги туарегов или аулад-слиманов: приходится платить двойную или тройную дань, чтобы удовлетворить в одно и то же время сюзерена и его врагов. Нгигми, в северо-западном углу озера,—один из тех городов, которые существуют только благодаря терпимости: ему грозит опасность исчезнуть с лица земли, как исчез Лури, существовавший еще во время посещения края Денгамом, как исчез Види, некогда знаменитый город, местоположение которого указывает несколько уцелевших еще пальм; рвы и ямы, которые выкапывают канурии в местах перехода, чтобы преградить дорогу туарегам,—слишком наивные средства обороны. Нгигми считается пограничным городом Борну на дороге к Феццану и морю; однако, путешественники, проходящие с севера, не там останавливаются, чтобы возвестить о своем прибытии султану и испросить разрешение на дальнейшее следование: эта формальность исполняется в Иеу, у перехода через реку того же имени.

В западном Борну, орошаемом комодогу Иеу и его притоками, города многочисленны, и многие из них, по свидетельству Клаппертона, Барта, Рольфса, имеют свыше десяти тыс. жит. Недалеко от Старой Бирни или Каср-Эггомо находится деревня Нгурутуа, т.е. «Бегемотовая», где путешественник Ричардсон умер от утомления, в 1851 году; Барт посетил его могилу, к которой негры относятся с уважением. Далее, в западном направлении, следуют один за другим города Сурриколо, Борсари, Хадеджа, Бунди (т.е. город «Диких зверей»), Машена, доминируемый величественной скалой, Гуммель, Бирменауа; два последние города, лежащие на границе государства, населены афунусами, т.е. гауссанами, хотя принадлежащими Борну. Гуммель—очень деятельный торговый центр, и рынок его, содержащий до трехсот лавок, посещается купцами из Нупэ. Северо-западный угол султаната занимает вассальное государство Синдер или Зиндер, обогащаемое торговлей с туарегами, но часто также опустошаемое теми же туарегами; здесь существует маленькая колония принявших ислам евреев, выходцев с берегов Средиземного моря[3]. Столица этого государства, построенная у основания большой скалы, заслужила название «Ворот Судана», благодаря разносчикам туарегской соли, устроившим свои становища у городских ворот: дорога, ведущая в Синдер, чаще посещается, чем дорога в Феццан. Город состоит из землянок, хижин, покрытых рогожами, и палаток, разбросанных в беспорядке. В горах Мунио, врезывающихся клином в смежные с пустыней степные пространства, есть несколько значительных городских поселений, как-то: Гуре, Вушек, производящий в большом количестве зерновые хлеба, и южнее—Буне и Сулери; в соседстве последнего находится натроновое озеро, поверхность которого покрыта белоснежными кристаллами углекислого натра. Другое озеро, Магаджири, состоит из двух сообщающихся бассейнов, из которых один наполнен пресной, а другой сильно соленой водой[4]. Города горной цепи Мунио по характеру архитектуры напоминают города Мавритании.

3 Richardson, „Mission to Central Africa“.

4 H. Barth, цитированное сочинение.

К юго-западу от Куки, на дороге, ведущей к нижнему Бенуэ, один из главных этапов— Магоммери, резиденция одного из первых сановников государства; Рольфс видел там страусник, вероятно, единственный существующий в Судане; но не редкость встретить домашних страусов, следующих за караванами или расхаживающих на птичных дворах. Далее идут города Могодом, окруженный плантациями хлопчатника, и Гуджба, населенный частью язычниками; почти во всех городах, обнесенных стеной, живут исключительно цивилизованные, причисляющие себя к последователям ислама. Еще далее, в горах территории Бабир, по слухам, существует значительный город, называемый Биу и тоже начинающий подпадать магометанскому влиянию.

Южная оконечность озера Чад, которую огибает историческая дорога из Уадая в западный Борну, есть одна из наиболее богатых городами частей государства. Город Иеди, расположенный близ берега полукруглого залива, считается родиной островитян, принявших имя иедина, и эти грабители, движимые патриотическим чувством, воздерживаются от набегов на соседнее побережье. На юго-востоке, город Марте, окруженный, подобно Иеди, развалившейся стеной, лежит почти на этнографической границе между канурiями, макариями и арабами. Эти три расы представлены и в населении Марте, которое вызывает у других борнаунцев чувство отвращения одним из любимых его блюд. Обитатели этого местечка охотятся на полевых крыс и едят эту дичь, когда она приобретет душок. Далее, на дороге в Уадай, лежит город Миссене, уже утративший характерную физиономию городов канурийской территории: в нем не видно более соломенных хижин, и каждый дом имеет двери, внизу узкия, а кверху расширяющиеся. Нгала, следующий за Миссене город в восточном направлении, находится в месте, подверженном наводнению во время разливов озера Чад; но обитатели его, более предусмотрительные, чем прибрежные жители Луары и Роны, догадались построить свой город и крепость на искусственной террасе, недосягаемой для вод озера. Прежде Нгала, вероятно, была населена неграми племени со, бывшими владетелями края; в соседстве города показывают несколько могил, некрополь государей древней династии. Далее, в дельте реки Шари, островные города Афаде и Гуфей, окруженные стенами, стоят попеременно то над морем, без видимых пределов, то среди зеленеющих равнин. Другой город, Эльф (Альфу), как говорят, старейший между городами страны по времени основания, замечателен тем, что туземные путешественники всегда стараются обойти его стороной, пугаемые чародейской силой, которую молва приписывает его обитателям. Сосед его, Кала-Кафра, обнесен крепкой оградой. Главный город территории Логон, Логон-Карнак, стены и башни которого тянутся по краю высокого берега реки, где причаливают барки и сушатся рыболовные сети, есть важнейший пункт страны, как место переправы и торгового обмена, между Борну и Багирми; султан, магометанского вероисповедания, платит дань обоим сопредельным государствам.

В бассейне реки Мбулу, далеко от озера, вассальные или недавно покоренные государства тоже имеют значительные города. Дикой, укрепленный город, по преданию основанный туарегами, слывет во всей Центральной Африке местом, где говорят самым чистым языком канури; он часто был резиденцией борвуанских султанов, и дворец его обсажен тенистыми деревьями. Ткачи его очень искусны в выделке хлопчато-бумажных материй. Город Ала, лежащий недалеко от Дикоа, тоже был еще не так давно столицей. Около южных гор, но все еще в равнине, стоят, город Май-дуг-эри, населенный неграми племени гамергу, хижины которых тысячами рассеяны под ветвями деревьев. В территории Удже города Мабани и Кусукула замечательны как большие рынки, где сходятся, для обмена своих произведений, цивилизованные северяне и язычники южане. Далее, у подошвы гор показывается город Долоо, разделенный на две половины извилистой речкой и частию построенный амфитеатром по скатам холма; это большой город, столица государства Мандара, теперь состоящего в вассальной зависимости от Борну; он окружен укреплениями новой конструкции; путешественник Фогель пробыл там целый месяц в плену, и несколько раз жизнь его висела на волоске. К юго-западу от Долоо, на крутых склонах скалы, возвышающейся на 200 слишком метров, виднеются развалины прежней столицы, Мора, которая господствовала над выходом

ущелья, у северной оконечности котловины, бывшего озера, превратившагося в бассейн зелени; все горы этого обширного амфитеатра увенчаны деревнями.

Главные города государства Борну, приблизительное население которых указано путешественниками в разные эпохи:

Собственно Борну. Кука, с предместьями, по Рольфсу—120.000 жит., Кука, в 1873 г., по Нахтигалю—60.000 жит., Нгорну, в 1857 г., по Рольфсу—20.000 жит., Гуджба—20.000 жит. Нгала, по Нахтигалю—7.000 жит., Сулери, по Барту—5.000 жит., Кала-Кафра, по Нахтигалю—1.500 жит., Магоммери, по Рольфсу—4.000 жит., Марте, в 1873 г., по Нахтигалю—3.500 жит., Иеди, в 1873 г., по Нахтигалю—3.000 жит., Машена, в 1851 г., по Барту—12.000 жит., Хадеджа—12.000 жит., Гумель—12.000 жит., Синдер—10.000 жит., Кауа, в 1857 г., по Рольфсу—10.000 жит., Гуре, в 1851 г., по Барту—9.500 жит., Вушек—9.500 жит., Бунди—8.500 жит., Борсари, в 1851 г., по Барту—7.500 жит., Май-ду-гери, в 1851 г., по Барту—7.000 жит., Миссене—3.000 жит., Баруа, по Рольфсу—1.500 жит., Нгигми—1.500 жит.

Вассальные земли. Карнак-Логон, в 1821 г. (Денгам)—15.000 жит., Дикоа, по Рольфсу—15.000 жит., Долоо—30.000 жит., Ала—3.500 жит.

Май или султан страны Борну, обыкновенно именуемый шейхом,—название «палатного мэра», низвергнувшего предъидущую династию,—есть самодержавный государь, «Лев, Победитель, Мудрость!» Однако, он удостаивает выслушивать мнения совета, в состав которого входят не только члены его фамилии, но также кокенауа, то-есть начальники войска и официальные представители различных рас, населяющих государство: канурии, канем-бу, тиббусы, арабы имеют своих наследственных делегатов в совете государя, при чем у численно преобладающей нации, канурiев, всего меньше защитников перед троном; напротив, самая малочисленная нация, арабы, имеет больше кокенауа, чем другие жители: таким образом охраной и покровительством пользуются преимущественно интересы меньшинства населения. Высшие должности в государстве заняты по большей части невольниками, так как султан естественно склонен доверяться скорее людям, которые ему принадлежат, как собственность, нежели лицам, гордящимся своим происхождением; при прежней династии даже главнокомандующий войсками, который в правительственной иерархии занимал ранг выше наследника престола, всегда был из невольников. Постоянная армия довольно многочисленна, и в то время, как парадное войско остается в столице при особе султана, для возвышения его блеска и могущества в глазах толпы подданных, многочисленные отряды расставлены вдоль границы. У шейха имеется несколько пушек, и отборное войско вооружено ружьями. Некоторые роты даже одеты по-европейски, но без соблюдения однообразия: покрои и цвета мундиров представляют невообразимую пестроту. Конница носит еще латы, как в средние века: у одних—это кольчуга, у других—ватное одеяло, окутывающее кавалериста с головы до ног; лошади покрыты такой же броней. Под этой военной сбруей животные и люди едва могут двигаться: нужно выбирать самых сильных лошадей, которые могли бы выдержать грузных всадников, и эти последние всегда имеют при себе пешего оруженосца, который, в случае падения наездника, поспешно высвобождает его из покрывала или кольчуги и помогает защищаться или удирать. Во всей армии насчитывается около тысячи этих кавалеристов, более страшных с виду, нежели действительно опасных. Войска, состоящие под непосредственным командованием султана, заключают в своих рядах около 3.000 человек; кроме того, 4.000 солдат размещены небольшими отрядами под начальством кокенауа. Солдаты не получают никакого жалованья, но при отставке, то-есть когда они становятся негодны к службе, им дают клочек пахатной земли; высшие сановники, военные и гражданские, вознаграждаются за службу поместьями.

Административное деление королевства не отличается той правильностью, которую представляют в этом отношении дар-Фор и Уадай: непосредственно подвластные провинции, большие и малые, переплетаются с вассальными государствами, связанными на различных условиях с государством сюзеренным. В большинстве этих второстепенных королевств государи по-прежнему распоряжаются жизнью своих подданных и делают облавы за собствен-

ный счет у окрестных язычников. Знаки покорности, оказываемые мандарасскому султану, превосходят даже изъявления преданности и благоговения, должные маю. повелителю Борну: ни один сановник не смеет сесть перед ним лицом прямо к его лучезарному лику; из боязни быть ослепленными, все должны поворачиваться к нему спиной, наклоняясь к земле. Когда он путешествует, при аккомпанименте непрерывного концерта барабанов и труб, царедворцы бегут впереди, извещая своего владыку громкими криками о всех случайностях дороги. Нигде нет более строгого и более рабски исполняемого церемониала, чем этикет, соблюдаемый при дворе в Долоо.

V. Багирми

Под Багирми в собственном смысле понимают равнину, частию болотистую, которая заключается между нижним течением реки Шари, озером Чад, горами, населенными племенем сокоро, и скалами, ограничивающими на западе озеро Фитри. Это пространство занимает площадь в 50.000 квадр. километров, т.е. равную приблизительно десятой части Франции; но к нему, кроме того, причисляют, как политически зависимые от Багирми, окружающие области, обитаемые языческими населениями, которые платят дань, или у которых делаются облавы для пополнения запаса невольников: таким образом территория Багирми выходит на картах более, чем утроенной. По свидетельству арабских писателей, жители страны были названы багирми, бакирми, бакарми от двух слов баггар мия или «сто коров», потому что первые державцы наложили дань в сто голов рогатого скота на каждый из подвластных народцев. Сами себя туземцы называют бармаге.

Население Багирми, со включением данников, оценивалось Бартом, в половине настоящего столетия, приблизительно в полтора миллиона душ; по Нахтигалю, кровопролитные войны с Уадаем, голодовки, облавы, бывшие их следствием, сократили по крайней мере на треть число бармаге, так что теперь оно, вероятно, не превышает миллиона. Цивилизованные жители страны, в собственном Багирми, подобно канурiям в Борну,—люди смешанной расы, имеющие в числе своих предков макари, со и других аборигенов всех соседних племен, а также арабов и фулов: введение ислама и новой цивилизации создало мало-по-малу этнический контраст между жителями Багирми и окружающими населениями. По свидетельству летописей и преданий. арабы, основавшие это государство, пришли из Аравии, может-быть, из Медины в конце XV или в начале XVI столетия; во всяком случае, не подлежит сомнению, что они были уроженцы востока. В ту эпоху, как и в наши дни, эмиграционное и завоевательное движение совершалось по направлению от востока к западу.

Отличаясь очень смешанным происхождением, подобно своим соседям борнуанцам, жители Багирми много превосходят последних телесной красотой. Они вообще стройны, гибки и сильны; черты их не имеют того отталкивающего безобразия, которое так часто встречаешь у канурiев; особенно женщины Багирми отличаются приятным лицом, с широким лбом, с прямым носом, с чуть заметно выступающими губами; волосы у них гладкие, но по бокам они украшают их растительными волокнами, сплетенными в форме колосьев. Черный цвет кожи довольно редок: у большинства багирмийцев она имеет красноватый, почти металлический отлив. Эти негры вообще очень смышлены, очень искусны в разных ремеслах: особенно хвалят их талант к тканью и окраске материй, к седельному и позументному мастерству; в 1871 году, когда султан уадайский овладел столицей Багирми и возвращался оттуда победителем в свою страну, он забрал с собой в плен лучших мастеров, каменщиков, ткачей, портных, красильщиков, чтобы водворить их у себя колониями и употреблять в качестве руководителей работ: тридцать тысяч ремесленников из Багирми были таким образом насильно переселены в Уадай; в то же время багирмийцам было воспрещено носить ткани высшего сорта. Вследствие этого, местная промышленность значительно сократилась: теперь уже невозможно было бы построить такой дворец из кирпича, каким обладает султан в Массенье. Но несмотря на эту замечательную способность к мирным профессиям, багирмийцы до та-

кой степени привыкли, поколениями, к военному ремеслу, что солдатчина глубоко вкоренилась в их нравы: пренебрежение честным трудом составляет у них первое условие уважения, грубость, даже жестокость считаются похвальным качеством: последний государь тщеславился прозвищем Абу-Секкин, или «Отец Ножа», приобретенным им за поголовное избиение гостей, которым он клялся в верности и дружбе. Багирмийцы презирают канурiев Борну и мабасов Уадая, как низших в сравнении с ними по военной храбрости; однако они не создали, как те, могущественного государства, и в политическом отношении они всегда находились в положении вассальной зависимости, более или менее замаскированной; теперь они платят дань уадайскому султану, от которого их государь и получил инвеституру. Впрочем, Багирми не имеет тех выгод, какими пользуется Борну, как исторический путь для торговли Центральной Африки: в отношении своего торгового обмена он зависит от рынка Куки, этапного пункта между Средиземным морем и Атлантическим океаном.

Кроме багирмийцев, все окрестные расы представлены в цивилизованном населении городов: колонии канурiев рассеяны во всех частях территории: на западе макари, на севере кукинцы и булаласы живут в большом числе в округах, граничащих с их землями; арабы, принадлежащие к племенам ассела, саламат, хозам, дебаба, аулад-муса, шоа, обработывают почву, преимущественно в северной части Багирми; наконец, фулы, частию потомки тех феллатов, о которых летописи упоминают в прибрежных местностях по реке Шари с пятнадцатого столетия, встречаются в особенности в южных областях страны: они вообще живут в большой дружбе с арабами, по причине сходства нравов и несмотря на различие происхождения и языка. Те из них, с которыми встречался Нахтигаль, называли его «родственником», говоря, что их предки пришли, как и он, с берегов Средиземного моря. Владея стадами крупного рогатого скота, фулы ведут полу-кочевой образ жизни и отличаются от других мусульман Багирми, по большей части довольно равнодушных к вере, сильным религиозным рвением. В 1857 году один феллатский махди, «руководимый Аллахом», как позднейший лже-пророк, сокрушивший египетское господство в Кордофане и Хартуме, увлек часть населения Багирми в странствование к гробу Магомета, восторжествовав над султанским войском в правильной битве. После кровопролитных побоищ, государство с трудом было восстановлено в прежнем виде.

Полу-независимые или даже совершенно независимые народцы южных и восточных областей по большей части родственны багирмийцам по языку и походят на них физическими чертами: это соплеменники, которым, для полной ассимиляции с собственно жителями Багирми, недостает только двух условий: называться магометанами и говорить языком багрима. Народцы эти распадаются на бесчисленное множество племен и кланов, так как дикая жизнь естественно ведет к дроблению до бесконечности: каждый округ населен особым народцем, и каждая голодовка, каждое наводнение, каждая облава негро-торговцев разбивает его население на второстепенные группы и роды. Большинство этих чернокожих делают себе три пореза на висках, другие отличаются татуировками на лбу, на носу или на щеках; габери, живущие в багирмийском междуречьи, выдергивают себе два резца, один вверху, другой внизу; сарасы, еще более южное племя, подпиливают и заостряют зубы, подобно многим племенам Нильского бассейна. Куфусы, составляющие часть нации сара, протыкают себе губы и вдевают в отверстия палочки, образующие гарнитуру вокруг рта.

Культ деревьев еще сохранился у некоторых народцев. Сомраи, соседи габерисов. клянутся над корой акации, и эта клятва так же священна для них, как клятва над Кораном для араба. Все туземцы этих областей веруют в верховное существо, голос которого слышится в виде грома, и которое восседает на престоле из облаков: их бог—по преимуществу «громовержец». Этому богу они приносят кровавые жертвы—петухов и коз. В особой хижине, куда воспрещен вход женщинам и детям, помещается кол, вырезанный из священного дерева, который кропят кровью жертв: часть добычи звериного лова, кусок мяса изрубленного врага привязываются к этому символическому колу.

«Мудрые люди», то-есть чародеи, истолковывают народу веления божества: они объясня-

ют прорицания, читаемые ими в крови жертв, в их предсмертных судорогах, в положении трупов. Они оговаривают злых колдунов, своих соперников по тайному могуществу. Когда у сомраев умирает молодой человек, два «мудреца» берут его тело, которое, по их словам, влечет их силой к хижине убийцы: немедленно проливается кровь за кровь и главарь делит с потерпевшей семьей имущество предполагаемого виновника смерти. У сарасов пучек травы или зеленых листьев, положенный на голову «мудреца», приводит его в религиозный экстаз: он раскачивается из стороны в сторону, скачет взад и вперед, шатается, как пьяный, и, наконец, падает перед одним из присутствующих, что обрекает этого несчастного на смерть. Погребальные обряды указывают на существование у язычников Багирми смутной веры в загробную жизнь. Труп кладут на подстилку из рогож, и подле него помещают зарезанную козу, сосуды с медом и пивом; в рот покойнику вставляют маленькую полую тыкву, наполненную раковинками каури, чтобы ему было чем заплатить за путешествие на тот свет: это напоминает нам обол, который в Европе умерший давал лодочнику Харону за перевоз в царство теней. Говорят, что у ньеллемов, на правом берегу Шари, при погребении главарей зарывают в могилу живыми молодых непорочных девушек. Эпилептики умерщвляются, как одержимые бесом.

Многоженство составляет общераспространенный обычай у богатых людей в верхнем Багирми. Отец проданной женщины получает в обмен лошадь, рабов, откормленных собак, но, в случае бесплодия его дочери, он должен взять ее обратно, или уступить ее другому мужчине, который возмещает мужу уплаченный калым, или позволить разжаловать ее в невольницы. С другой стороны, когда жена сделалась в пятый раз матерью, она получает полную свободу и может вернуться, если пожелает, в родительский дом. Кое-какие остатки матриархального быта сохранились еще до сих пор в стране. Так, одно из маленьких государств в области верховьев Шари, лежащее ниже слияния ба-Буссо и Бахр-эль-Абиада, известно под именем Белед-эль-Мра или «Женское царство», потому что правление там всегда вверяется королеве.

Хотя магометане по имени, багирмийцы не делают ни малейшей попытки к распространению ислама между языческими населениями юга и даже очень косо смотрят на религиозную пропаганду фулов: это объясняется тем, что земные выгоды побуждают их всегда видеть ненавистных язычников в народах, которые служат им источником для набора и комплектования их стад рабов. Нужно ли уплатить дань Уадаю или Борну, построить султанскую резиденцию, наполнить государственную казну выгодной продажей,—тотчас же снаряжается экспедиция негропромышленников в южные земли. Соединившись, населения, угрожаемые работорговцами, конечно, легко отразили бы всякия нападения этих разбойников; но, разрозненные, несвязанные никакими общими интересами, они стараются отвратить грозящую опасность, направляя ее на другого: сами дикари служат ищейками общему врагу против других дикарей, а эти, в свою очередь, помогут впоследствии напасть на них врасплох и захватить их в плен. Запасы молодых парней и девушек для рынка собираются главным образом среди инородцев нации сара; обыкновенно всю эту расу называют презрительной кличкой «подлые невольники». Чтобы избегнуть визита багирмийцев, многие платят полюбовно дань, определенную в «сто голов» в год, и чтобы добыть эту сотню голов, они ведут войну за собственный счет. Когда нападающие снабжены ружьями против людей, вооруженных только стрелами, дротиками или топорами, то охота всегда удачна. Нахтигалю пришлось быть невольным зрителем осады, затем штурма двух эриодендронов, на которых укрылись несколько семей туземцев из племени габери. Сраженные пулями, защитники, занимавшие посты на вершине дерева, как на марсе корабля, свалились на землю сквозь ветви, после чего атакующим только оставалось влезть на деревья, чтобы забрать женщин, детей, домашних животных, группировавшихся на помосте, который поддерживался вторым ярусом ветвей. Впрочем, есть племена, хорошо защищенные своей позицией, которые до сих пор бравировали все усилия торговцев невольниками. Такова нация сокоро, многочисленные мелкие вольные общины которой приютились на крутых скалах, в естественных крепостях, на которые не осмеливаются нападать воины равнины.

Как почти все другие правительства Центральной Африки, правительство Багирми не имеет другого руководящего правила, кроме могущества соперников; но чтобы устранить опасных врагов в своей собственной фамилии, султан, вступая на престол, велит вырвать по глазу у каждого из своих братьев, так как обычай требует, чтобы глава государства не имел телесных недостатков. От государя неограниченная власть нисходит к его многочисленным евнухам и ко всем чиновникам, которые налагают подать и грабят деревни, когда и сколько хотят. Подданные держат себя очень униженно пред властителями. Вступая в дом султана, каждый должен обнажить свой бюст, спустить одежду ниже пояса, стать на колени, наклонить туловище вперед и соединить руки. Только музыканты, как люди королевской крови, да некоторые главари сокоронских племен, приобревшие военными подвигами право считаться стоящими выше общего закона, освобождены от этого придворного этикета. Один из придворных невольников постоянно махает перед королем экраном из красной шелковой материи, усаженным по краям страусовыми черными перьями: это *риш*, эмблема державства; что касается королевского копья, над которым прежде приносили присягу, как над божественной вещью, то оно было захвачено султаном Уадая, который хранит у себя этот символ королевской власти.

Столица Багирми, Массенья или Массениа, город «Тамаринда», основанный слишком триста лет тому назад, стоит в обширной равнине нижней Шари, в двадцати километрах к северу от Бачикама. Кроме города, стены ограды охватывают обширное пространство незастроенной земли, плантации, ярмарочные поля и даже временное озеро почти такого же вида, как озеро в Кано, и так же сильно заражающее воздух своим зловонием. Когда султан уадайский предпринял осаду Массеньи в 1870 и в 1871 годах, оп не мог обложить город со всех сторон и проник туда лишь посредством подкопа. Массенья не только столица и резиденция, но и самый многолюдный город в Багирми; до осады он имел не менее 20.000 жителей. Бугоман, на левом берегу Шари, по Нахтигалю, вчетверо менее населен, но этот город занимает один из тех пунктов речного течения, которые предпочтительно выбираются караванами для переправы; Бугоман и его сосед, город Кокороче, доставляют столице почти все количество зерновых хлебов, питающих её рынок.

К востоку от Багирми, город Канга, стоящий на одном из северных мысов гор Гере, населен независимыми сокоросами, но тем не менее бигирмийцы считают его в некотором роде метрополией, так как там, будто-бы, получила свое происхождение королевская династия. На юг простираются еще неисследованные страны, по которым протекают верхние притоки Шари, и которые поднимаются либо к истокам Уэлле, либо к водораздельной возвышенности между бассейном озера Чад и бассейном реки Конго. Там находится область Центральной Африки, где путешественников ожидают важнейшие открытия, какие еще остается сделать в географии черного континента

КОНЕЦ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Оглавление двенадцатого тома

Глава I Атлантические архипелаги, Сенегамбия и Западный Судан....4
I. Атлантида....4
II. Азорская Атлантика....6
III. Азорские острова....15
IV. Архипелаг Мадера....38
V. Канарский Архипелаг....49
VI. Архипелаг Зеленого Мыса....83
Глава II Сенегамбия....100
1. Общий вид страны....100
II. Бассейн Сенегала и Фута-Джаллон....108
III. Гамбия....167
IV. Казаманка....176
V. Гвинея: португальские владения в Сенегамбии....181
VI. Южные реки....192
Глава III. Сиерра-Леоне....201
Глава IV Либерия....213
Глава V. Берег Слоновой Кости, Большой Бассам, Ассини....228
Глава VI. Золотой берег и бассейн Вольты, Фанти и Ашанти....234
Глава VII Невольничий берег....257
Глава VIII. Бассейн Нигера....282
I. Общий обзор....282
II. Верхний Нигер....295
III. Средний Нигер: Томбукту, туареги и сонгаи....309
IV. Гаусса....317
V. Бенуэ, нижний Нигер, Бонни и старый Калабар....333
Глава IX. Бассейн озера Чад....353
I. Общий обзор....353
II. Уадай....367
III. Канем....371
IV. Борну....376
V. Багирми....388